АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том VII

АШХАБАД
1956

ЮТАКЭ
1947-
1953

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том VII

Издательство Академии наук Туркменской ССР
Ашхабад — 1956

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
академика Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. МАССОНА

ОТ РЕДАКЦИИ

В соответствии с положением об экспедиции в ходе своих работ ЮТАКЭ АН Туркменской ССР уделяет значительное внимание памятникам первобытно-общинного строя на территории Южной Туркмении. Изучение здесь памятников каменного и бронзового века представляет интерес, выходящий за пределы республики, поскольку эпоха первобытно-общинного строя на территории Средней Азии в целом изучена очень слабо. По существу известны лишь отдельные памятники и случайные находки, что затрудняет создание общей исторической картины. В последнее время в результате новых открытий (раскопки Чустской стоянки в Фергане, обнаружение андроновского могильника в низовьях Зерафшана, открытие тазабагъябско-андроновского могильника в Хорезме, левалуа-мустьерских изделий в Кайрак-кумах на севере Таджикистана и др.), изучение первобытно-общинного строя Средней Азии становится на все более конкретную почву. Этому в значительной степени будет способствовать развитие археологических исследований древнейших культур Южной Туркмении, в которые, кроме ЮТАКЭ, за последние годы включился сектор археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.

Для изучения памятников каменного века в составе ЮТАКЭ был образован специальный IX отряд под руководством проф. А. П. Окладникова, работавший в 1947, 1950, 1951, 1952 гг. (1) и широко исследовавший район Прикаспия. В результате этих исследований были получены ценные материалы, существенно расширившие имеющиеся сведения о каменном веке Средней Азии, и стало возможным представить в более или менее связном изложении события древнейшего прошлого Туркмении, историю этой страны в каменном веке. Здесь впервые для территории Туркменской ССР были обнаружены памятники среднего палеолита. Изучались верхнепалеолитические памятники, примыкающие к кругу капсийских культур Средиземноморья. Особенно ценные материалы были получены при изучении памятников мезолита и неолита. Так, в Куба-Тенгире была раскопана ранненеолитическая мастерская, где изготовлялись бусы из раковин. Систематические раскопки были проведены в пещерах Джебел и Дам-Дам-Чешме. У станции Кайлю в 1952 г. исследовался первый в Средней Азии неолитический могильник (2).

В настоящем томе публикуется развернутый отчет А. П. Окладникова о раскопках пещеры Джебел. Исследование многослойной толщи напластований пещеры Джебел позволяет впервые проследить историю культуры прикаспийских племен Туркмении на протяжении тысячелетий, в течение которых происходила смена ряда культурно-исторических этапов: позднего мезолита, раннего неолита и раннего этапа бронзового века. Вместе с тем, четкая стратиграфия джебелской пещеры дает опорную стратиграфическую шкалу, на основе которой могут быть точнее определены комплексы однослойных памятников и подъёмные сборы как соседних, так и более отдаленных районов.

Монографическая публикация результатов раскопок в Джебеле является таким образом существенным вкладом в первобытную археологию Средней Азии.

Сопоставляя находки в пещере Джебел с находками в других местах, А. П. Окладников приходит в результате к важным выводам о культурно-исторических связях и взаимодействии древнего населения прикаспийской части Туркмении с мезолитическим и неолитическим населением других областей и стран.

Не меньшее значение имеет исследование культур бронзового века Южной Туркмении, приобретших мировую известность после раскопок холмов Анау у Ашхабада. Уже в 1947 г. возглавлявшиеся М. Е. Массоном X и XI отряды ЮТАКЭ обследовали ряд памятников бронзового и раннежелезного века в подгорной полосе (Елькен-депе, Намазга-депе, Яссы-депе у Душака) и в Юго-Западной Туркмении (архаическое Мадау и ряд других) (3). В 1949 г. начальник ЮТАКЭ выбрал объектом для стационарных работ крупнейшее поселение эпохи бронзы—Намазга-депе у Каахка, исследовавшееся в 20 гг. Д. Д. Букиничем (4). Раскопки 1949—1950 гг. на Намазга-депе, проведенные XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством Б. А. Литвинского (5), вскрыли часть многокомнатного здания верхнего слоя и дали ценный материал для характеристики материальной культуры Южного Туркменистана этого периода. Начатое изучение стратиграфии культурных наслоений Намазга-депе позволило ЮТАКЭ поставить вопрос о наличии слоев, являющихся переходными от Анау II к Анау III и незамеченных американской экспедицией Пампелли при раскопках холмов Анау. Исследование памятников «анауских культур» получило широкий размах в 1952 г. при работах XIV отряда ЮТАКЭ, возглавленного проф. Б. А. Куфтиным. Покойный Б. А. Куфтин, исследователь неисчерпаемой энергии и широкого научного кругозора, своими работами открыл *новый этап в изучении «анауских культур». Безвременная смерть прервала работы* Б. А. Куфтина над этой проблемой. В настоящем томе публикуется подробный полевой отчет Б. А. Куфтина о работах возглавлявшегося им отряда ЮТАКЭ в 1952 г., сокращенный вариант которого был напечатан в № 1 «Известий АН Туркменской ССР» за 1954 г. Полученный в 1952 г. (6), в результате работ Б. А. Куфтина, большой и разнообразный материал позволяет с полным основанием заменить схему Пампелли, устаревший характер которой давно уже не вызывает сомнений. Новая стратиграфическая колонка предстает в следующем виде: неолитическое поселение у Джейтуна несомненно предшествует наиболее нижним слоям северного холма Анау (т. н. Анау Ia). Вместе с тем, расписная керамика Анау I-а по гамме и отдельным мотивам рисунка связывается с керамикой Джейтуна. Далее следует комплекс позднего Анау I или Анау I-б, соответствующий слою Намазга I. Отличающийся незначительной мощностью слой Намазга II с полихромной керамикой, совпадает с Анау II классификации Шмидта—Пампелли. Для Намазга III характерно появление керамики с изображением пятнистых животных. Этот слой не был обнаружен американской экспедицией на холмах Анау. Выделенный американцами слой Анау III в настоящее время можно разделить на три последовательные этапа: Намазга IV с монохромной росписью посуды, Намазга V, где роспись исчезает, и Намазга VI, где формы посуды предшествующего времени несколько огрубляются. Раскопки экспедиции Пампелли на южном холме Анау, кроме слоев Анау IV, в основном затронули именно слои типа Намазга VI. Установление новой классификационно-стратиграфической шкалы принадлежит к числу основных достижений работ Б. А. Куфтина в 1952 г.

Наряду с изучением стратиграфии проводилось и изучение поселений широкими раскопками. На холме Яссы-депе у Каахка, где незадолго перед тем осуществил археологическую разведку С. А. Ершов, Б. А. Куфтиным была раскопана часть большого многокомнатного дома времени Анау I — Намазга I. Открытая здесь настен-

ная роспись является древнейшим памятником такого рода в Средней Азии. На Намазга-депе были продолжены работы по вскрытию поселения на больших площадях, начатые ЮТАКЭ еще в 1949 г. В 1952 г. здесь был раскопан комплекс помещений, связанных с производством ремесленной гончарной продукции. В своем отчете Б. А. Куфтин в сжатой форме излагает главные выводы, к которым пришел отряд ЮТАКЭ на основании изученного материала. Выдвинутые им положения имеют большое значение для правильного понимания истории Туркмении в эпоху первобытно-общинного строя.

Издавая материал, полученный отрядом Б. А. Куфтина, редакция, сознавая известную неполноту настоящей публикации, исходила из желания как можно скорее ввести его в научный оборот, поскольку классификация южно-туркменского материала будет иметь большое значение для изучения памятников в других районах Средней Азии. Кроме того, обнародование этого материала, корректируя устаревшие публикации результатов экспедиции Пампелли, восполняет пробел в изучении древнейших культур Переднего и Среднего Востока.

В статье В. М. Массона «Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина» рассматривается наиболее массовый вид археологического источника—большая и разнообразная коллекция керамики, полученная в результате работ ЮТАКЭ. В статье дан сравнительный анализ стратиграфии Намазга-депе и холмов Анау, причем работы на первом памятнике позволяют правильнее понять материал обоих анауских холмов под Ашхабадом и детализировать слишком общую периодизацию Пампелли—Шмидта. Кроме того, в статье прослеживаются связи культур круга Анау—Намазга-депе с памятниками Северного Ирана, что позволяет наметить хронологические границы отдельных этапов. Однако вопросы абсолютной хронологии как памятников Юга Туркмении, так и Северо-Восточного Ирана разработаны слабо и не все существующие критерии можно считать вполне надежными и общепризнанными. Поэтому насущной задачей следует считать определение дат культур Туркменистана эпохи энеолита и бронзы, пользуясь точными методами физических наук (карбоновый анализ). Большая проблема места культур Анау—Намазга среди синхронных культур Ближнего Востока и Северо-Западной Индии, в данной статье рассматривается лишь попутно как тема, требующая большого самостоятельного исследования.

Изучению могильника бронзового века посвящена статья А. Ф. Ганялина «Могильник бронзового века у селения Янги-кала». По погребальному инвентарю он относится к этапу Намазга VI и является, не считая погребений, обнаруженных на поселениях, первым изолированным могильником бронзового века, систематически раскапывавшимся на территории Туркмении.

Наряду с работами в подгорной полосе ЮТАКЭ проводила исследования в Юго-Западной Туркмении и в дельте Мургаба, представлявших собой самостоятельные культурно-исторические области. В Прикаспийской Туркмении в период позднебронзового и раннежелезного века существовала своеобразная культура, с ярко выраженными архаическими традициями. Этой культуре посвящена статья начальника Х-го отряда ЮТАКЭ В. М. Массона «Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении». Отрядом был обследован целый ряд этих памятников на Мисрианской равнине, а на двух из них (Изат-кули и Мадау-депе) проведены раскопочные работы, давшие материал для изучения развития производительных сил Туркменистана. В пору архаического Дахистана происходит широкое освоение Мисрианской равнины оседлыми земледельцами, для орошения полей проводятся из Атрека крупные каналы, возникают большие поселения площадью в несколько десятков гектаров. Одновременно на другом конце страны происходит освоение дельты Мурга-

ба, где также создается развитая ирригационная сеть, складываются богатые земледельческие оазисы. Эти явления несомненно вызывали в общественном строе племен, населявших территорию Туркмении, коренные изменения, повлекшие за собой распадение общества на классы и возникновение первых примитивных государственных образований, приходящих на смену союзам общин.

На основании добытого ЮТАКЭ разнообразного материала с привлечением других имеющихся данных А. П. Окладниковым и В. М. Массоном были написаны разделы главы «Первобытно-общинный строй» для I тома «Истории Туркмении», подготавливаемого Академией наук Туркменской ССР. Раздел, написанный А. П. Окладниковым, печатается в I томе «Трудов Института истории, археологии и этнографии» АН Туркменской ССР. В настоящем томе Трудов ЮТАКЭ публикуется в полном объеме раздел, написанный В. М. Массоном, посвященный энеолиту, бронзовому и раннежелезному веку. Этот раздел следует рассматривать как первую попытку подобного рода и учитывать недостаточность для некоторых периодов конкретного материала.

Настоящий том Трудов ЮТАКЭ в советской литературе является первым специальным сборником, посвященным эпохе первобытно-общинного строя Средней Азии. Редакция учитывает, что в этой области археологических знаний сделано еще очень мало и что наряду с публикацией материалов следует усилить исследовательские работы, особенно по изучению развития производительных сил (металлургия, гончарное ремесло, обработка камня, искусственное орошение), культурно-исторических связей и этногенеза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КС ИИМК, XXVIII, М.—Л., 1949. Он же. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953 (1951), он же. Изучение памятников каменного века в Туркмении. «Известия Академии наук Туркм. ССР», 1953, № 2.

2. М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 202—203, 209—210, 235, 238—239.

3. М. Е. Массон. ЮТАКЭ 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953 (1951).

4. Д. Д. Букинич. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе. Туркменоведение, 1929, № 5. Немецкий перевод: Neues über Anau und Namasga-Tepe. ESA, V, 1930.

5. Б. А. Литвинский. Намазга-депе (по данным раскопок 1949—1950 гг.). СЭ, 1950, № 4.

6. Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау. «Известия Академии наук Туркменской ССР», 1954, № 1.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПЕЩЕРА ДЖЕБЕЛ — ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ПРИКАСПИЙСКИХ ПЛЕМЕН ТУРКМЕНИИ

ВВЕДЕНИЕ

I. РАСКОПКИ В ПЕЩЕРЕ ДЖЕБЕЛ

Одним из основных объектов исследований Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) в области изучения каменного века на юго-западе Туркмении, в районе Красноводского полуострова и Больших Балхан в 1949—1950 гг. явилась безымянная пещера, расположенная вблизи станции Джебел Ашхабадской ж. д. Пещеру эту мы в дальнейшем для краткости будем называть пещерой Джебел[1]).

Внимание, уделенное экспедицией этой пещере, не случайно. Уже при первом посещении ее нами, в 1947 г., было установлено, что в ней имеются относительно мощные отложения, в которых находятся следы деятельности людей, пользовавшихся каменными орудиями, причем эти культурные остатки располагаются в определенной стратиграфической последовательности. До сих пор же подобные предметы встречались в Юго-Западной Туркмении и на соседних с ней территориях Средней Азии за редкими исключениями, преимущественно прямо на поверхности почвы, что затрудняло их датировку или даже вообще не позволяло их датировать. Вместе с тем, в слоях пещеры оказались и такие остатки, как кости животных и другие предметы, которые вообще не сохраняются, оказавшись на поверхности почвы или в неблагоприятных почвенных условиях. Таковы, кроме костей животных, угли и другие растительные остатки и, отчасти, даже плохо обожженая неолитическая керамика, которая быстро разрушается в пустынных условиях.

Существенно и то обстоятельство, что при небольших, сравнительно, размерах пещеры, она могла быть исследована полностью в более или менее короткое время и при небольшой затрате сил. Это могло дать законченную и целостную картину данной пещеры, как определенного археологического памятника.

Все сказанное, вместе взятое, позволяло надеяться, что раскопки данной пещеры дадут новые и ценные материалы для понимания отдаленного прошлого Туркмении и соседних с ней областей. Ожидания эти в результате предпринятого детального исследования пещеры путем раскопок подтвердились, как будет показано ниже, полностью.

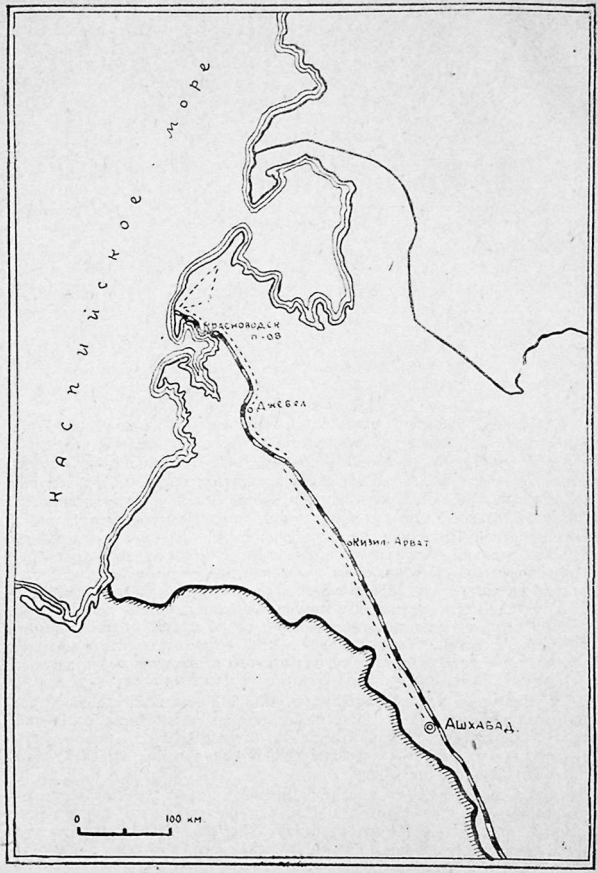


Рис. 1. Схематическая карта Юго-Западной части Туркмении.

Было установлено, что в пещере Джебел имеется ряд культурных напластований, охватывающих конечный этап мезолита, ранний неолит и позднеэнеолитическое время или начальный этап бронзового века на данной территории.

Материалы раскопок в пещере Джебел, таким образом, впервые позволили представить культуру населения прикаспийской части Туркменистана на этих этапах его древнейшей истории, а также проследить ход последовательных изменений в его жизни.

Переходим к изложению результатов этих раскопок.

Пещера находится в 4 км вдоль шоссейной дороги к востоку от станции Джебел и на расстоянии около 800 м к северу от шоссе в юго-западной окраинной части хребта Большие Балханы. Последний по характеристике Б. А. Федоровича представляет собой:

«Известняковый массив, лежащий на глинисто-сланцевом пьедестале и поднимающийся до 1880 м. По рельефу он очень схож с Крымской Яйлой, обладая крутыми склонами, переходящими местами в обрывы до 700 м высотой, и плоской вершиной, где, вследствие увеличения количества осадков, развит густой дерновый покров. Восточная половина прорезана системой трудно проходимых ущелий. Со всех сторон массив окаймлен мощным пролювиальным плащом (щебнистым вверху). Район является наиболее водообеспеченным во всей области, обладая многочисленными родниками и запасами подрусловых пролювиальных вод»[2].

Рис. 2. Окрестности пещеры Джебел. Вид на запад.

По данным Л. С. Берга, территория, занимаемая Большими Балханами, в длину равна 70 км, а площадь ее достигает 3 500 км². На севере и западе Большие Балханы ограничены крутыми скалистыми

обрывами, местами до 800 м высотой. На востоке Большие Балханы заканчиваются хребтом Секи-даг, на севере к горам примыкают пески Чиль-мамед-кум. С юга и отчасти с запада Б. Балханы ограничены руслом Узбоя[3]). Здесь же, на юго-западе, около железнодорожной станции Джебел, возвышается величественная скалистая громада мыса Шакул-бурун[4]), в отвесном обнажении которого помещается пещера.

Склоны мыса имеют со всех сторон вид почти отвесных уступов и образуют против Джебела каньонообразную впадину, у подножия которой видны массивные глыбы известняка, остатки обвалившихся навесов и гротов, образование которых зависит от характера и чередования слоистых толщ хребта (чередование рыхлых и плотных ярусов) (рис. 2—3).

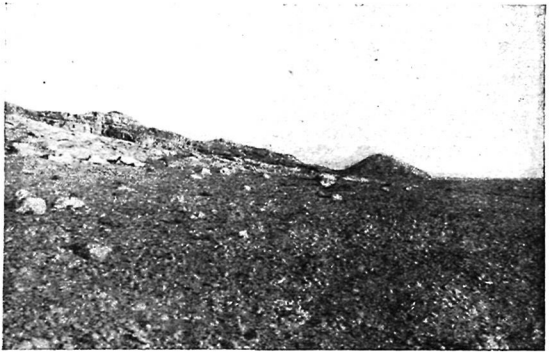


Рис. 3. Окрестности пещеры Джебел. Вид на восток.

Грот, о котором идет речь, уцелел лучше всех остальных. Он находится в основании вертикального обрыва, образованного косо падающим пластом известняка (рис. 4). Из грота открывается широкий вид на прикаспийскую низменность и сухое русло Узбоя-Актам, затерянное за древними барханами, частично поросшими саксаулом. Внизу виден такыр, к западу простирающийся до станции Джебел.

Высота грота над такыром достигает 40 м. Между такыром и подошвой скалистой возвышенности, где расположена пещера, простирается сильно размытая древняя терраса, шириной около 300 м, сложенная хорошо окатанным морским галечником. Это—та самая «каспийская терраса», сложенная из известняковых галек, остатки которой видел Н. Н. Андрусов. Последние, по его словам, прислонены к мысу Шахлу-бурун. Как указывает Л. С. Берг, терраса эта «лежит на высоте

64—85 м над Каспием, т. е. совершенно на той же, что и валы, которые тянутся от мыса Шахлу-бурун к мысу Лама-бурун»[5]).

Отложения этой террасы, таким образом, принадлежат к числу наиболее высоких следов Каспийского моря на Больших Балханах, располагающихся примерно на 74 м над современным уровнем Каспия и состоящих из валов окатанных галек или глинистых отложений с остатками Cardium trigonoides и Dreissena Polymorpha. По словам Л. С. Берга, в эпоху каспийской трансгрессии, оставившей эти морские отложения «водами Каспия, была покрыта область на восток примерно до линии Кизыл-Арват—Куртыш (на Узбое). Между Большими и Малыми Балханами был пролив, которым Каспий соединялся с ложбиной Узбоя[6]).

Рис. 4. Общий вид скалистой стены с пещерой Джебел.

Очертания грота в плане почти прямоугольные, потолок плоский, опускающийся вглубь грота последовательными уступами, как бы грандиозными плитами ступенчато выступающими одна над другой.

К ЮЗ грот открывается в виде широкой трапециевидной ниши с низким сводом. Наибольшая высота ниши снаружи в средней ее части 10 м. Далее вглубь грота потолок его, как сказано, снижается. У входа лежат большие глыбы камня, упавшие с разрушенного временем края навеса, прежде значительно дальше выступавшего наружу.

Наибольшая ширина ниши у входа 9 м; глубина (длина его) до разветвления равна 7,5 м, ширина в месте разветвления 4 м. Длина (глубина) одной ветви—4 м, второй—1,2 м.

Вглубь грот суживается и разделяется на две небольших боковых ветви. Ветви эти соответствуют трещинам, уходящим далеко вглубь известнякового массива, где они образуют особые небольшие помещения—камеры. На стенах этих расщелин видны отложения известковых натеков. Такая же сталагмитовая корочка имеется и в других, более мелких, расщелинах. Она свидетельствует о том, что тут раньше сочилась вода, хотя сейчас ни одной капли воды в гроте нет.

Общая площадь грота по линии края навеса равна, примерно, 90 м². Однако, как показали раскопки, «полезной» в археологическом отношении оказалась значительно меньшая ее часть, расположенная в глубине, а не на площадке, сплошь покрытой огромными глыбами скального завала.

Размер этой «полезной» площади равен был всего лишь 58 м². Тем не менее, даже и эта ограниченная площадь дала достаточно разнообразный и обильный вещественный материал: каменные изделия, керамику, кости животных, украшения, оставленные обитавшими на протяжении долгого времени в пещере людьми (рис. 5).

Рис. 5. Пещера Джебел во время раскопок. Вид снизу.

В момент первоначального исследования грота 25 октября 1947 г., пол последнего начинался от каменного завала у входа и полого поднимался вглубь грота, но подъем этот был очень незначительный. На поверхности грота имелись следы недавнего пребывания людей; в том числе осколки бутылочного стекла, свежие кости животных и фрагменты глиняных сосудов XIX—XX вв. Тут же, на поверхности грота, впрочем, видна была кое-где и более ранняя, грубая керамика. У западной же стены грота встречены черепки и еще более грубой глиняной посуды, архаического облика.

Три небольших и неглубоких шурфа (0,5×0,5 м) тогда же показали, что в глубине грота на его поверхности зольный слой очень плотен и как будто сцементирован известковым натеком. У входа такая корка исчезает целиком.

Вглубь, ниже корки, залегала рыхлая масса культурного слоя, совершенно сухого сверху. Она состояла преимущественно из золы и мельчайших угольков. В шурфе № 1 на глубине 30—40 см от поверхности была встречена одна хорошей формы ножевидная пластинка.

В шурфе № 2 на глубине 40 см был найден типичный скребок «высокой формы», отщепы и мелкие косточки.

В шурфе № 3 на глубине 25 см обнаружены были жженые кости от панцыря черепахи с глубокими, может быть, орнаментальными нарезками.

Учитывая эти находки, свидетельствующие о заселении грота в прошлом людьми, пользовавшимися каменными орудиями, мы прекратили углубление шурфов и вновь засыпали их землей.

Широкие раскопки в пещере начаты были в октябре 1949 г. При этом было установлено наличие ряда слоев, вскрытых на глубину 1,5 м в правой, т. е. восточной части пещеры. Раскоп 1949 г. был углублен до пятого слоя включительно (рис. 6).

В 1950 г. пещера оказалась в том же виде, в каком она была оставлена год тому назад: правая ее половина была нами извлечена на глубину 1,5 м, до слоя пятого включительно. Левая осталась нетронутой, так же как глубинная ее часть.

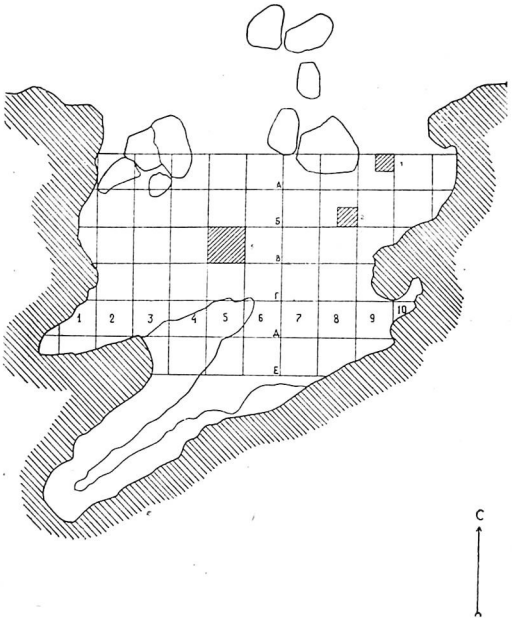
Стенки нашего раскопа оказались нетронутыми, в пещере никто, видимо, не был.

Это, несомненно, объясняется тем, что пещера удалена от Джебела (2,5 км по новой асфальтированной трассе) и мало заметна снаружи — она видна лишь как небольшая трапециевидная ниша, сливающаяся с отвесной плоскостью скалистого обрыва, в котором расположена.

Рис. 6. Пещера Джебел. Раскопки.

После предварительного совещания — копать ли: а) левую половину, б) копать вглубь, в) копать заднюю часть пещеры, решено было копать сначала всю левую половину, затем опустившись до уровня шестого слоя, вскрывать одним общим раскопом всю площадь левой и

правой ее половины с тем, чтобы разрез по задней стенке оставался ведущим, основным, профилем (Ю—С) до конца раскопок и контрольным после завершения работ 1950 г.



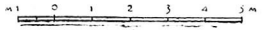


Рис. 7. План раскопа в пещере Джебел.

Раскопки велись в пещере как и прежде—по квадратам, но была принята во избежание путаницы слоев и квадратов нумерация их с указанием года (1950) (рис. 7).

Кроме того, в отличие от 1949 г., культурный слой грота, состоящий из сплошной, почти, особенно вверху, массы пепла, разбирали вне грота не руками, а с помощью грохота.

Метод этот вполне оправдал себя, так как не только ускорил во много раз работу, но и обеспечил более тщательную, по сути исчерпывающую отборку кремня, костей и прочих материалов, что при отсутствии сколько-нибудь квалифицированных рабочих оказалось очень важным.

Как и прежде, в дневнике мы не фиксировали того, что фиксируется описью находок по квадратам и слоям, отмечая а) лишь самое существенное, касающееся стратиграфии, б) расположения находок в плане, если это имеет существенное значение для понимания памятника и в) отдельные, наиболее важные, находки.

Таковы излагаемые ниже данные по раскопкам 1949 и 1950 гг.

Стратиграфия

Как показали раскопки рыхлых отложений, заполнявших грот, доведенные до самого его скалистого дна, максимальная мощность этих отложений достигала почти трех метров. (рис. 8).

Всего сверху вниз в пещере прослежено десять слоев: 1, 2, 3, 4, 5, 5 *а*, 5—6, 6, 7, 8 (рис. 9). Из них восемь слоев являются основными и два (5 *а* и 5—6) переходными, выделенными в порядке уточнения и детализации стратиграфии в ходе раскопок. Два первых сверху слоя очень близки друг другу по своему характеру. Они, фактически, представляют собой два горизонта рыхлого порошкообразного пепла. Зола была настолько рыхлая и сухая, что во время работы значительная часть ее, взятая на лопату и опущенная в ведро для переноски наружу для разборки, у входа в грот оказывалась не в ведре, а в воздухе. Работа непрерывно шла, таким образом, в густом мареве мельчайшей едкой пыли заволакивавшей все пространство грота. Пыль эта проникала в волосы, глаза, уши, нос и рот работающих. Избавиться от нее не было никакой возможности.

Оба слоя довольно отчетливо разделялись друг от друга своей расцветкой. В то время, как верхний слой имел более светлый, почти голубоватый, тон, нижний, т. е. второй слой был значительно темнее и плотнее по консистенции. Такое различие, возможно, зависило от воздействия на верхний слой атмосферных агентов, но может быть и от других причин, например, от характера топлива, употреблявшегося в то время.

Внутри каждого из двух верхних зольных слоев, кроме того, можно было наблюдать отдельные небольшие очажные линзы, состоявшие из древесных угольков, золы белого или красновато-бурого и темного, почти черного цвета. Оба слоя на всем протяжении пещеры залегали горизонтально, лишь с очень легким и плавным подъемом к северной и южным стенам грота.

По своему простиранию первый и второй слои несколько шире, чем нижележащие отложения, так как они распространялись сравнительно узкой полосой вдоль западной стенки пещеры.

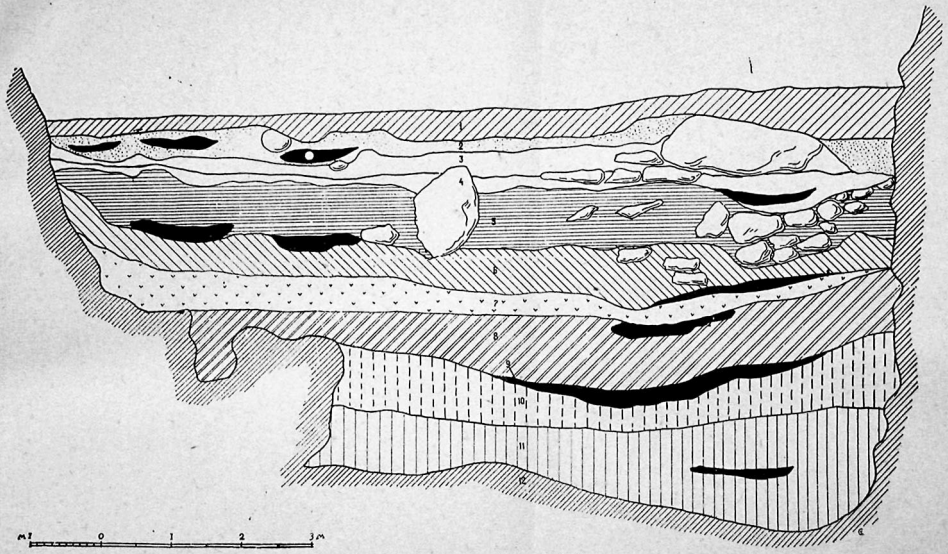


Рис. 9. Разрез наслоений пещеры Джебел.

Залегавший глубже следующий, третий, культурный слой резко отделялся по виду от вышележавших слоев. Если два верхних слоя относились к обычным в пещерах, служивших для загона скота поверхностным зольным отложениям, образовавшимся из сгоревшего овечьего помета, то третий слой по своему цвету был типичным для древних пещерных отложений.

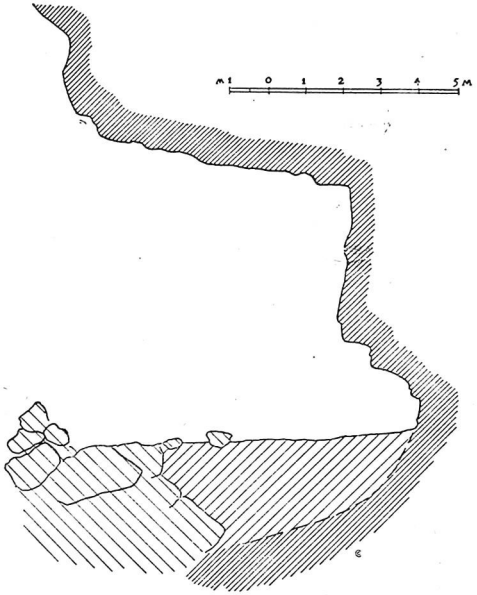


Рис. 8. Пещера Джебел. Разрез пещеры.

Он отличался относительным обилием мелкой щебенки, и своим буровато-желтым, а местами даже коричневатым цветом, резко контрастирующим с светлосерым и темносерым оттенками первых, вышележащих, слоев.

Тем не менее, даже этот слой, несмотря на различие в окраске, тоже был, по существу, сплошным зольным слоем. При его разборке, даже самой осторожной и терпеливой, поднималась такая же масса мельчайшей пыли; поднятая и опущенная в ведро лопата золы продол-

жала так же дымиться густым облаком и даже пузыриться от выходящего из нее воздуха.

Все эти три слоя, хорошо выраженные каждый в отдельности в средней части пещеры, перед завалом, сливались вместе и были здесь уже не различимы, а затем выклинивались по направлению к выходу из грота, т. е. с востока на запад. При этом слои 1—2 частично перекрывали собою древний мощный завал из глыб известняка и лежащих горизонтально плит, упавших в древности со свода. Плиты древнего завала сильно выветривались и ломались горизонтальными пластами, но только в южной части пещеры.

Здесь, очевидно, обрушивались уже выветрившиеся части свода пещеры.

В северной же половине грота глыбы камня были плотнее, они здесь почти не поддавались раскалыванию. Завал этот, как говорилось выше, образовал внутри пещеры почти вертикальную стену, хотя часть камней в верхней его половине и уходила дальше вглубь грота.

Вплотную к глыбам завала примыкали слои четвертый и пятый. Еще глубже уходил слой 5 *а*.

Все эти три слоя отличались своим светложелтым, палевым цветом от верхних слоев, в особенности, от первых двух.

Для них (4, 5, 5 *а* слоев) характерно также и обилие мелкой остроугольно-плитчатой щебенки.

В этих слоях, тем не менее, перед завалом, в средней части пещеры, обнаруживались довольно мощные чистые золистые слои, т. е. очажная масса светлосерого и темнокоричневого цвета. В золе этих скоплений встречались также довольно крупные куски древесного угля, часто спаянные гипсовыми кристаллами. Наибольшая мощность зольных слоев не превышает 20 см. В плане они имели вид овальных пятен золы с характерным чашевидным дном, в разрезе представляли односторонне выпуклые линзы, обращенные выпуклостью вниз.

Переходный пятый—шестой слой и шестой слой имели в основе такой же состав и характер, но отличались большей насыщенностью мелкой известняковой щебенкой. В основании шестого слоя был прослежен отчетливо выраженный очажный слой, отделявший его от седьмого слоя.

Наконец, седьмой и восьмой слои представляли собой почти сплошную массу мелкой щебенки, залегавшую на полого падавшем к югу, к выходу из грота, неровном скальном полу пещеры. Они были разделены друг от друга в процессе раскопок условно, по более светлому тону седьмого слоя и меньшей величине кусков слагавшей его толщу щебенки. Глубже была щебенка с остатками очажка, но без находок.

Таким образом, грот, представлявший в начале работы по поверхности ровную, слегка повышавшуюся к северу и к востоку, площадку, в действительности оказался как бы глубокой чашей, заполненной рыхлыми золистыми отложениями перемешанными с остатками культуры заселявших его людей и падавшими сверху, со свода, камнями. Естественными стенками этой чаши служили с трех сторон отвесные стены грота, а с юга глыбы скального завала, нагроможденные на

площадке в виде платформы, обрывающейся крутым уступом внутрь грота.

Раскопками пещеры Джебел не установлено каких-либо сложных сооружений и особых деталей, рисующих образ жизни и бытовой уклад ее обитателей. Об этом достаточно полно свидетельствует весь комплекс находок и общий их характер. Однако здесь все же могут представлять интерес некоторые детали бытового характера и отдельные наиболее любопытные находки, зарегистрированные в дневнике раскопок.

Так, на кв. 7-*г* во втором культурном слое обнаружено было скопление очажных камней, сильно обожженных и от этого изменивших свой цвет: из темносерого известняк очажных камней стал красным, рассыпающимся и хрупким. Камни очага лежали одним слоем, плашмя; они занимали пространство около одного квадратного метра. Какого-либо определенного порядка в их расположении заметно не было.

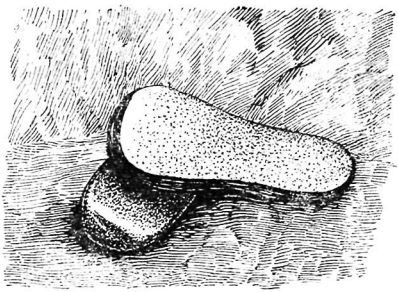


Рис. 10. Зернотерка и курант в культурном слое пещеры Джебел.

В основании второго слоя на кв. 5-*д* и 4-*д* обнаружена была зернотерка из песчаника. Она лежала горизонтально, вверх рабочей стороной. Непосредственно под зернотеркой лежал курант к ней (рис. 10). Поблизости, на том же уровне в слое встречено несколько овальных, хорошо сглаженных галек небольшого размера.

На кв. 5-*б* и 6-*б* на уровне третьего культурного слоя, непосредственно под плитами известняка. свалившимися сверху, обнаружены были самые крупные в этом слое и соседних с ним слоях кремневые изделия. Это были две крупные пластины, один отщеп и концевой скребок. Вещи эти были, очевидно, оставлены здесь вследствие неожиданного обвала части потолка грота или их намеренно спрятали под плитами, что, однако, менее вероятно по сравнению с первым предположением.

На кв. 7-*б в* 3-м слое оказался наконечник стрелы из кремня с вогнутым основанием, двусторонне-ретушированный.

На кв. 7-*в* найдена круглая бусина из раковины со сквозным просверленным отверстием.

На кв. 8-*г*, 8-*в* в слое 3-м почти вплотную к скале, которая в этом месте образует небольшую нишу, найдено скопление окатанных камней, преимущественно мелких. Камни эти связаны были с небольшим пятном сажи и золы интенсивно-черного цвета. Размеры пятна: 1,5 ×2 м, толщина зольного слоя очага 12 см.

В золе этого очага встречены обугленные головешки саксаула или, скорее, дерева, похожего на арчу.

Внизу, в основании черной зольной массы этого очага прослежен был плотно слежавшийся пласт золы белого цвета.

На кв. 6-*б* обнаружено было скопление обугленных стволов саксаула, располагавшихся на площади размером 50×40 см. В центре этого скопления обнаружены были фрагменты сосуда архаического типа, изготовленного из черной грубой глины. Обломки эти, представляли собою части венчика и боков одного и того же довольно крупного сосуда. Неполное сгорание стволов саксаула и особо хорошая сохранность очага объясняются, должно быть, тем, что он был засыпан в процессе горения или сразу же после того как потух по какой-то причине. Интересно, в связи с этим, то обстоятельство, что с одной стороны очаг был перекрыт глыбой известняка, свалившегося со свода. Возможно, что глыба упала как раз в то время, как костер еще горел в пещере.

В том же углу пещеры было довольно много мелко раздробленных костей животных. Там же нашлись фрагменты щитка черепахи, один из которых сохранил даже остатки одевавшего его рогового покрова. На других квадратах в слое встречались отдельные обломки роговых футляров рогов и копыт козла или джейрана. Это объясняется исключительной сухостью зольных отложений пещеры.

На кв. 6-*г* в слое 3-м обнаружен наконечник стрелы, двусторонне ретушированный, и такой же наконечник дротика. Оба с овальным насадом.

В основании третьего слоя прослежена была тонкая полоса жженой земли очажного типа, отличающаяся от светлой массы желтоватого цвета, образующей основную массу культурного слоя своим темным, коричневато-бурым цветом.

На кв. 6-*в* в 4-м слое встречен очаг обычного рода, в виде скопления камней, обожженных и рассыпающихся от обжига. Там же — скопление золы. В очаге найдены 2 зернотерки примитивного вида: плоские удлиненные плитки плотного, до звонкости, известняка, частично оббитые по краям. Одна сторона этих плит—зернотерок слегка стерта и сглажена до блеска. Там же лежали камни, заменявшие собою куранты к зернотеркам. Это были уплощенно-овальные гальки, подобранные на морском берегу у входа в пещеру. Одна сторона этих галек слегка пришлифована и блестит, кроме того на ней заметны очень хорошо поперечные штрихи, указывающие на способ употребления таких курантов. Их двигали в одном направлении—взад и вперед.

В углу квадрата 2-*д*, на глубине 80 см от поверхности пола пещеры, в четвертом слое оказался предмет из кремня, в виде наконечника с

боковой выемкой близкий по технике обработки и форме к кельтеминарским наконечникам со стоянки Джанбас-Кала № 4, но более крупный и сделанный значительно тщательнее последних.

На кв. 4-*д* в слое четвертом оказалась бусина из раковины и позвонок рыбы, второй рыбий позвонок обнаружен был на кв. 5-*ч*. На кв. 6-*д* оказались две особенно крупные кремневые пластины, лежавшие рядом друг с другом.

В основании 4 слоя на кв. 6-*а* найдены были в 1950 г. один крупный нуклеус и большой кремневый желвак и широкие пластины. Все эти находки, как и аналогичные им изделия, выделявшиеся крупными размерами, найденные в 1949 г. (см. выше) лежали между плитами завала, как бы спрятанные между ними или потерянные случайным образом.

На глубине 85 см от дневной поверхности в основании четвертого слоя, на границе его со слоем пятым, обнаружено было большое массивное изделие, изготовленное из плитчатого куска кремня.

Вполне возможно, впрочем, что это изделие и не было орудием в точном смысле этого слова, а может быть, полуфабрикатом, заранее подготовленной болванкой.

Вскрытие всей площади четвертого слоя показало также, что большие камни завала, свалившиеся со свода и заполнившие пространство на квадратах: 102-*г*, 103-*в*, 104-*б* и 105-*д* перекрывали собою пятый слой. Интенсивное разрушение потолка грота имело, таким образом, место после того, как образовался слой пятый и начинал откладываться слой четвертый.

В 5-м слое, около верхней его границы (т. е. на границе с слоем четвертым) встречены скопления костей животных, в том числе одно, где кости явно были уложены в намеренно выкопанную ямку. Здесь были обнаружены кости черепа, ребра, лопатка одного, повидимому, козлиного скелета. Судя по их положению в слое, они относятся не к пятому, а к четвертому слою пещеры.

Это, несомненно, ритуальное скопление костей, специально уложенных и собранных. Там же оказалось несколько отщепов из кремня.

На кв. 7-*г* в слое пятом на глубине 110 см от дневной поверхности почвы был прослежен очаг, в виде линзы золы интенсивно-черного цвета. Диаметр очага 1×1 м, толщина очажного слоя в средней его части была равна 25 см.

На кв. 6-*г* пятого слоя и в слое 4-ом (в нижней его части) на кв. 6-*г* встречены трапеции. Обе—миниатюрные, характерных очертаний и специфической техники.

На кв. 6-*в* в 5-ом слое обнаружено небольшое скребло очень характерной формы (трапециевидной) и ретуши. Ретушь на нем крутая, широкими фасетками, сильно напоминающая с первого взгляда даже мустьерскую ретушь (но не «ступенчатая»).

В том же слое и на том же квадрате оказались фрагменты грубого красноглиняного сосуда.

В 5-ом *а* слое на квадрате 4-*д* обнаружен оригинальный кремневый инструмент в виде длинной и довольно правильной по очертаниям пластины с выемкой на одной стороне и ложковидным рабочим краем. Изделие это имеет позднемезолитический облик и хорошо увязывается с трапециями (*табл. 80—9*).

На глубине 150 см от дневной поверхности на кв. 6-*д* снова оказались две типичных миниатюрных трапеции. Обе эти трапеции залегали в очажном слое, в культурном слое 5 *а*.

На кв. 2-*в* слой 5 обнаружена маленькая бусина из раковины, овальная, с отверстием на узком конце, аналогичная найденным в мастерской на мысу Куба-Сенгир. Там же, вместе с этой бусиной обнаружено типичное для мастерской у мыса Куба-Сенгир кремневое острие в виде ассиметричного треугольника микролитического типа.

В слое 5-м на глубине 100 см от дневной поверхности на кв. 7-*д* обнаружена одна оригинальная цилиндрическая бусина черного цвета, блестящая. По материалу она напоминает гешир.

Там же оказалась галька плоская, округлая, со сглаженными поверхностями, служившая, несомненно, курантом для примитивной зернотерки, типа описанных выше.

В шестом культурном слое прослежено два крупных очага, резко выделяющихся на светложелтом фоне общей массы культурного слоя своей темной расцветкой. Очаги залегали непосредственно один над другим—в 15 см друг от друга.

На кв. 7-*г* в слое 6-м оказался фрагмент дна сосуда, попавший сюда, очевидно, из верхнего, 5-го слоя (см. ниже).

Фрагмент этот замечателен своим острым нижним концом.

В слое седьмом на кв. 2-*в* обнаружен был совершенно неожиданно один фрагмент черной грубой керамики, «туземного» типа. Однако следует иметь в виду, что квадрат этот расположен у самой стены пещеры, т. е. у самой скалы. Вполне возможно, поэтому, что данный фрагмент, единичный и изолированный, проник сюда по трещине из вышележащего слоя. Он мог попасть сюда также и по норе какого-либо зверька, что облегчается рыхлостью зольных отложений грота. Примеры таких интрузий из вышележащих слоев в нижние в пещерах—обычны.

Перейдем теперь к систематическому описанию находок по слоям, начиная с верхнего, первого слоя.

II. ОПИСАНИЕ ИНВЕНТАРЯ ПЕЩЕРЫ ДЖЕБЕЛ

Слой первый

Изделия из камня. Материалом для изготовления каменных изделий в слое первом служил преимущественно кремень. Кремень этот относительно невысокого качества, разнообразный по характеру—по степени прозрачности, а также по цвету. Наиболее высокого качества кремень представлен отщепами и готовыми орудиями, изготовленными из полупрозрачного кремня дымчато-желтоватого цвета. Иногда такой кремень имеет сероватый оттенок, но сохраняет свой полупрозрачный (в тонких пластинах и отщепах) характер.

Из такого кремня выделывались тонкие пластинчатые острия с ретушью и ножевидные пластинки с ретушью, вкладные лезвия, где требовался материал наиболее высокого качества.

Кроме того, в ходу был непрозрачный кремень более темных оттенков: светлокоричневый, голубовато-серый, темносерый, красноватый.

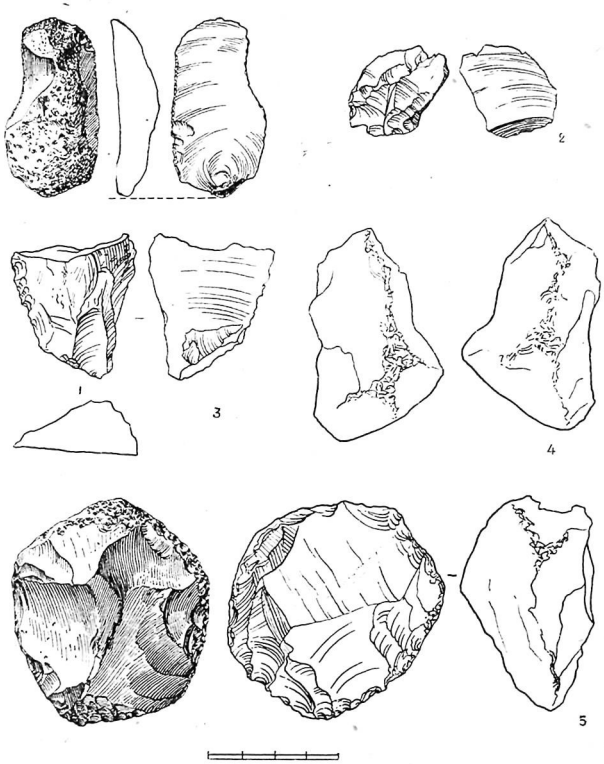


Рис. 11. Слой 1. 1—кремневый скребок. 2—3—кремневые отщепы со следами обработки о, 4 и 5—отбойники

Есть также образцы белого непрозрачного кремня. Из более грубого непрозрачного кремня изготовлялись крупные изделия, например, отжимники (№№ 49—103) (рис. 11, 5).

Наличие на некоторых изделиях желтоватой корки (№№ 50—62) (рис. 11, 1) *или гладкой галечной поверхности, показывает,* что кремень добывался из галечных отложений, обычных в районе Красноводского полуострова, где имеются образцы кремня всех перечисленных выше разновидностей и оттенков.

Кроме кремня в дело шли и другие породы камня. Такова, прежде всего, черная порода изверженного происхождения или метаморфизованная, которая обладает значительной твердостью и дает в отщепах прочные острые лезвия. Употреблялись, кроме того, кремнистый известняк, представленный гальками из местных морских отложений, а также кварц в виде небольших галек, хорошо окатанных и, несомненно, *происходящих из тех же морских отложений. Из этих* пород камня изготовлялись только грубые орудия: крупные скребла, отжимники и отбойники.

Орудия для обработки камня в первом слое представлены отжимниками, изготовленными из камня.

Отжимников *найдено два. Первый из них (№ 50—68) изготовлен* из небольшой округленно-угловатой и хорошо окатанной галечки белого кварца, слегка суженной на одном конце и расширенной на другом. Оба конца галечки имеют следы длительного употребления: они сплошь выщерблены путем выкрашивания отдельных кристалликов вследствие давления на какие-то острые и твердые предметы. Нет сомнения, что давление производилось на кремень или вообще камень при изготовлении из него каменных орудий. Это, следовательно, типичный каменный отжимник. О том, что это не отбойник, а отжимник, свидетельствует более деликатный характер выщерблин, чего не могло бы быть при резких и сильных ударах, наносимых каменными *отбойниками. Длина* изделия 4,4 см, ширина 3,5 см.

Второй отжимник представляет собою другой вариант изделий этого рода, изготовленных уже не из окатанных галек, а из желваков кремня, специально для этой цели оббитых. Подобно другим таким изделиям, он имеет вид массивного, довольно правильного по очертаниям диска, обитого широкими с обеих сторон, сходящимися в центре, сколами. Один край отжимника утолщен и сохранил желвачную корку, другой превращен сколами в массивное тупо-заостренное лезвие. Как на массивном крае, так и на лезвие изделия видна такая же характерная выщербленность от нажима на кремень, как и на описанном выше предмете (№ 50—68) из кварцевой гальки. Материалом для отжимника послужил небольшой желвак белого непрозрачного кремня. Диаметр его 6,5 см, толщина 4,5 см. Орудие хорошо помещается в руке и могло быть с удобством использовано для нанесения ретуши, причем его можно одинаково хорошо держать зажатым в ладони любым краем, но лучше всего—утолщенным, образующим как бы пятку (рис. 11—5).

Отщепов в первом слое найдено немного—всего 71 штука. Из них два более массивных отщепа [№№ 49—115 (рис. 11, 3) и 50—81] имеют характерную подтреугольную форму, на верхнем и более тонком конце

их есть следы ударного бугорка, а противоположный конец их утолщен. Оба отщепа, очевидно, сколоты с угла кремневых желваков-болванок. На одном (50—81) сохранились даже остатки желвачной корки с характерным для нее жирным блеском. У второго отщепа сбоку на углу есть следы ретуши, показывающей, что он предназначался для изготовления какого-то орудия, скорее всего, судя по очертаниям, отщепа—массивного скребка, но не был до конца оформлен.

Остальные отщепы мелкие, даже миниатюрные, неправильных очертаний, в том числе в виде узких неправильных пластин.

Часть кремневых отщепов побывала в огне и имеет соответственный светлосерый оттенок и потрескалась характерным образом: их поверхность покрыта чашевидными углублениями, оставшимися на месте отскочивших от жара чешуек кремня.

Нуклеусы представлены в слое только одним сколом (№ 50—80) (рис. 12, 3) с широкого и массивного нуклеуса-желвака, частично еще сохранившего следы галечной корки.

Боковые продольные сколы, снятые с ребра нуклеусов, еще не подвергавшихся отщеплению длинных призматических пластин, обнаружены в трех экземплярах [№ 50—49—81 (рис. 12, 1) и 23—47 (рис. 12, 2)]. Один скол изготовлен из темносерого непрозрачного, лишь слегка просвечивающего по краям кремня; другой из полупрозрачного желтовато-дымчатого кремня. Третий скол, широкий, пластинчатый, из светлосерого кремня, сохранил внутреннюю часть плотного белого слоя желвачной поверхности, что показывает, что с кремнем обращались бережно и корку удаляли только сверху, не на всю ее глубину.

Все они имеют на гранях следы подготовительных поперечных сколов на нуклеусе и характерное трехгранное сечение в поперечнике.

Ножевидных пластин без дополнительной обработки и фрагментов последних найдено 14. Пластин с ретушью имеется 7. Из них на одной пластинке (№ 50—45) (рис. 13, 11) ретушь крутая, тщательная, вдоль обеих лезвий со спинки; на двух пластинах ретушь вдоль обоих лезвий, но не со спинки, а с брюшка [№ 50—78 (рис. 13, 10) 85 (рис. 13,7)].

На одной пластине (50—73) (рис. 13, 12) крутой ретушью, нанесенной со спинки, образованы две боковые выемки; обе выемки не глубокие. Длина этой пластины 4 см, верхний конец ее обломан. Нижний превращен в скребловидное лезвие типа концевого скребка. Кроме того, скребков в первом слое обнаружено 8. Из них один, наиболее крупный по размеру (№ 50—69) (рис. 11,1), изготовлен из длинного отщепа, сколотого с кремневой гальки, сохранившей ноздреватую желвачную корку. На противоположном ударному бугорку конце отщепа довольно грубо оформлено выпуклое полукруглое лезвие. Длина изделия 5, 6 см.

Один скребок относится к числу концевых, т. е. изготовленных на конце сломанных узких пластин.

Пластина—четырехгранная, с тремя гранями на спинке — срединной—широкой и двумя боковыми, узкими (№ 50—49). Рабочий конец ее оформлен в виде выпуклого дугообразного лезвия.

Ретушь мелкая, тщательная, простиралась и вдоль боковых краев изделия ,нижняя часть которого обломана. О миниатюрных размерах этого изделия можно судить по ширине его лезвия, она равна 1,1 см.

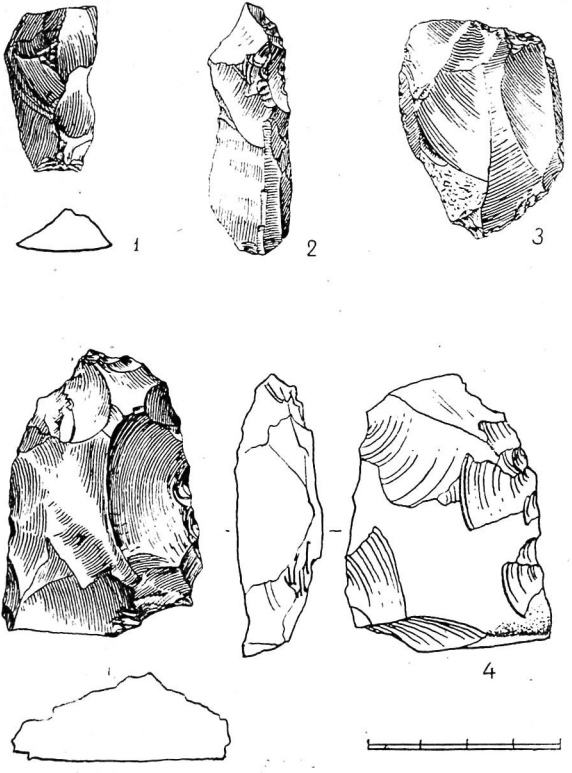


Рис. 12. Слой 1. 1 — 3 — боковые сколы с кремневых нуклеусов; 4—заготовка для орудия из камня.

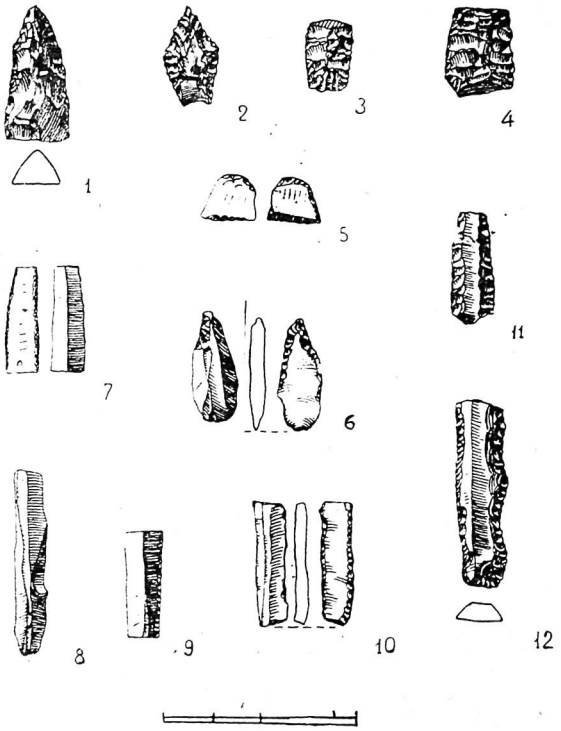


Рис. 13. Слой 1. 1—боковой скол с кремневого нуклеуса; 2—3—кремневые наконечники стрел; 4—кремневое орудие типа вкладыша; 5—кремневые миниатюрные изделия; 6—кремневая проколка; 7—12—кремневые пластины с ретушью.

Три скребка, случайной формы на отщепах. Из них два боковые, один—на узком конце отщепа. Особо выделяется скребок № 49—923 (рис. 14, 6), из массивного скола с кремневой гальки, трехгранного в

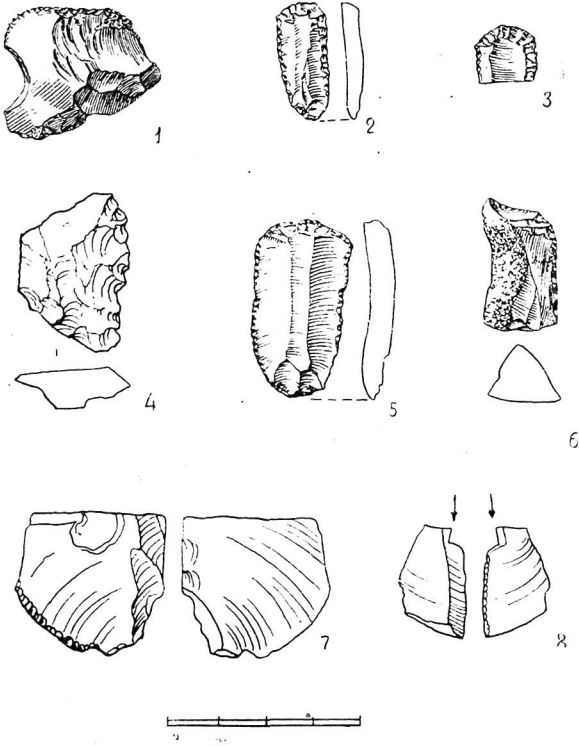


Рис. 14. Слой 1. 1—6 — кремневые скребки; 7—кремневый отщеп с ретушью; 8—кремневый резец.

сечении, у которого имеется высокий скошенный рабочий край, напоминающий лезвие современных ложкарных инструментов.

Один отщеп (№ 49—55) (рис. 14.4) имеет слегка вогнутое боковое лезвие, обработанное широкими фасетками ретуши в виде желобчато-вогнутого лезвия.

Проколка найдена одна (№ 50—56) (рис. 13, 6). Она изготовлена из массивной узкой пластины с тремя гранями на спинке. С брюшка она оформлена вдоль обеих краев крутой ретушью. Острие проколки массивное, затупленное.

Наконечников стрел — 2.

Один наконечник (№ 50—75) (рис. 13, 3) был отделан с обеих сторон мелкой и тщательной отжимной ретушью. Он имел листовидные очертания, с прямо срезанным суженным основанием. В поперечном сечении наконечник имеет вид линзы. От него уцелела только нижняя часть — насад.

Второй наконечник сохранился полностью (№ 50—73), (рис. 13, 2). Он по очертаниям приближается к ромбу, но в основании имеет небольшую выемку и отчетливо выделенное миниатюрное жальце, слегка отогнутое в сторону. Края наконечника острозубчатые (пильчатые). Ретушь на нем мелкая, тщательная, обработка ретушью на нем одинаково тщательная с обеих сторон. Длина наконечника 2,2 см.

Большой интерес представляет одно изделие, на первый взгляд напоминающее по отделке и форме кремневый наконечник стрелы, но на самом деле имевшее совершенно другое назначение. Это фрагмент двухсторонне-ретушированной пластины из темносерого полупрозрачного кремня, сломанный на обоих концах. Один край ее прямой, а другой относительно круто выпуклый. Такая асимметричность лезвий сама по себе необычна для наконечников стрел, длинные края которых естественным образом должны быть симметричными друг другу, иначе наконечник утратит геометрическую правильность своей формы, чего никогда не бывает (рис. 13, 4).

Как известно, кремневые наконечники стрел принадлежат к числу наиболее строго выдержанных и правильных по форме, стандартизированных изделий каменного века. Асимметричный характер лезвий описываемого предмета усиливается и необычным для наконечников стрел способом их оформления. Вдоль прямого лезвия ретушь мелкая, тщательная, в виде узких и коротких фасеток, а вместе с тем и более крутая. Вследствие этого само лезвие имеет утолщенный и мелкозубчатый характер. Зубцы на нем выражены настолько отчетливо, что придают лезвию как бы рваный, пилообразный контур.

Оформление выпуклого края совершенно иное. Фасетки на нем длинные и относительно широкие, они почти в два раза превосходят по длине и ширине фасетки противоположного края. Перечисленные своеобразные черты определяют место этого изделия среди вкладных двусторонних ретушированных лезвий для орудий составного типа, имеющих оправу в виде стержня или пластины из дерева или кости, а лезвия из соответственно оформленных каменных пластин, которые закрепляются в специальных пазах вдоль края оправы.

Изделия такого рода широко известны как в неолитических, так и в более древних, мезолитических, памятниках. Одними из наиболее ранних образцов таких изделий, сохранившихся целиком, с костяной

оправой и всаженными в нее каменными лезвиями, являются вещи из мезолитических, натуфийских памятников Палестины, которые не без основания считаются земледельческими орудиями, серпами. В последующее время серпы с вкладными каменными лезвиями широко распространяются по всему Переднему Востоку. Хорошо известны они и в древнейших земледельческих культурах Средней Азии, в том числе в культуре Анау на ранних ее этапах[7].

Описываемое изделие из первого слоя Джебелской пещеры, однако, резко отличается своей формой и техникой от обычных для Переднего Востока и Средней Азии вкладных лезвий для серпов. По всем своим признакам оно стоит несравненно ближе к вкладным лезвиям охотничьих наконечников копий, ножей и кинжалов, наиболее ранними образцами которых являются вещи из палеолита Сибири и мезолита Северной Европы, за которыми следуют более поздние изделия эпохи неолита и ранней бронзы. Последние отличаются от своих позднепалеолитических и мезолитических прототипов большей правильностью форм и двусторонней ретушью. К этой последней группе и относится описанное выше изделие.

Длина уцелевшей части равна 1,9 см, ширина (максимальная) 1,5 см.

Вкладыш этот был концевым, так как он суживается к одному концу и расширяется к другому (срединные двусторонне-ретушированные вкладыши имеют симметричные прямоугольные очертания, концевые же—асимметрично-треугольную форму).

Среди других кремневых изделий особое место занимает фрагмент миниатюрного изделия, изготовленного из сечения тонкой пластинки непрозрачного темносерого кремня. У изделия уцелел только один косо-ретушированный край, оформленный тончайшей крупной ретушью со стороны спинки (№ 50—112) (рис. 13, 5). Ширина уцелевшей части изделия 1,2 см, высота ее равна 1 см. Это могла быть сломанная трапеция миниатюрного размера, но еще вероятнее, что описываемое изделие является лишь частью острия со скошенным верхним концом, подобного тем, которые в достаточном числе имеются в нижележащих слоях пещеры.

Из крупных каменных изделий налицо одно овальное плоское скребло, сделанное из плитки грубого камня, темнокоричневого цвета, повидимому, известняка. Оба длинных края орудия грубо ретушированы. Одна сторона изделия плоская, слегка пришлифована. Длина изделия 9,2 см, ширина его 5 см, (рис. 15, 2).

Заготовки для орудий представлены одним экземпляром в виде подтреугольного массивного отщепа грубо отесанного с обеих сторон. Возможно, что это была заготовка для большого скребка (рис. 12, 4).

Кроме каменных изделий в слое оказались два округленных (окатанных морем) фрагмента морских раковин, имеющих овальные очертания (рис. 16, 1,3) и одна миниатюрная бусинка из куска морской раковины с просверленным в ней довольно широким сквозным отверстием. Сверлина в бусине односторонне-коническая (№ 49—93) (рис. 16, 2).

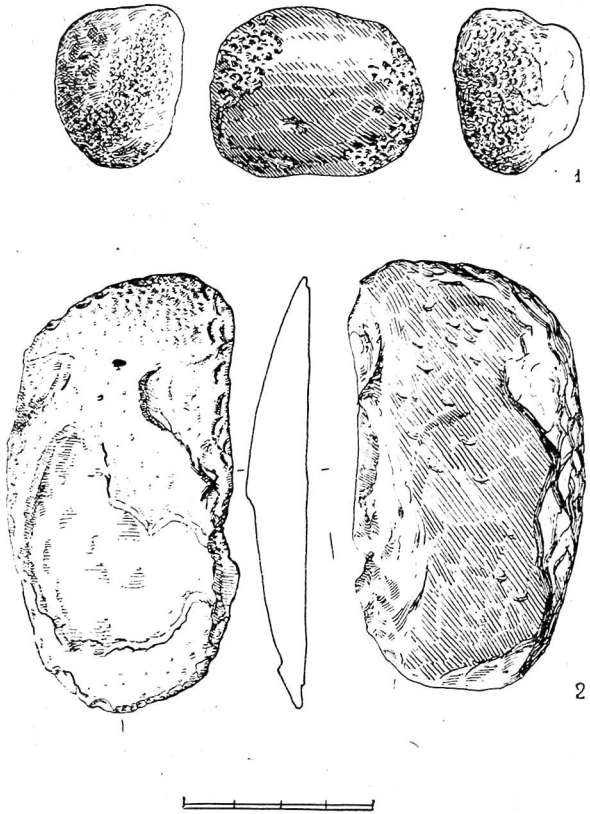


Рис. 15. Слой I. 1—кремневая галька со следами оббивания (отбойник), 2—каменное скребло.

Керамика в первом слое представлена фрагментами по крайней мере семи глиняных сосудов. Последние, несомненно относятся к различному времени. Фрагменты одного сосуда, рассеянные на поверхности первого слоя и частично в его верхнем уровне, были покрыты оранжево-красной глазурью и не могут быть старше конца XIX—XX вв. н. э.

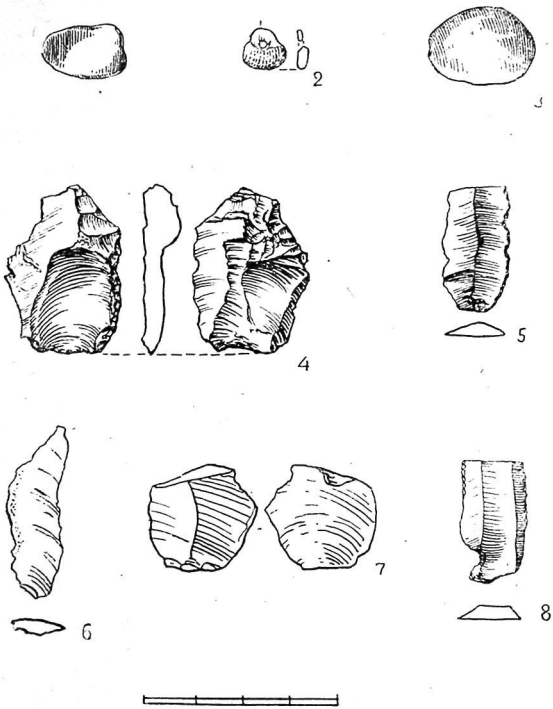


Рис. 16. Слой 1. 1 и 3—заготовки из раковин для бусин; 2—бусина с отверстием из раковины; 4—8—кремневые отщепы и пластины.

Сложнее обстоит дело с датировкой другого сосуда. Сосуд этот был изготовлен на гончарном круге, о чем свидетельствует наличие характерных параллельных желобков и валиков на его внутренней поверхности. Обжиг сосуда превосходный, черепки его отличаются исключительной прочностью и твердостью. Цвет буровато-красный. В глине видна незначительная примесь шамота.

Третьему сосуду принадлежат фрагменты светложелтого цвета, из превосходной, однородного состава, глины, плотные и твердые. На внутренней поверхности их заметны параллельные горизонтальные штрихи, указывающие, что сосуд, к которому эти фрагменты относятся, был также изготовлен на гончарном круге. Внешняя поверхность сосуда была гладкой.

По общему облику и составу глиняного теста к фрагментам третьего сосуда приближается венчик узкогорлого сосуда со слегка отогнутым наружу округленным бортиком и четко выраженными горизонтальными штрихами, следами изготовления его на гончарном круге (рис. 17, 1).

Фрагменты четвертого сосуда отличаются своим черным снаружи цветом и блестящей, лощеной местами, внешней поверхностью. Масса сосуда плотная, в изломе светлосерого цвета. Судя по горизонтальным параллельным штрихам на внутренней стороне фрагментов, сосуд этот был изготовлен также на гончарном круге. На одном из наиболее крупных его фрагментов, относящихся к верхней части сосуда, имеется ряд параллельных неглубоких желобков и валиков, довольно неправильных по форме—неодинаковой ширины и глубины на всем протяжении. Это был, очевидно, орнаментальный поясок, расположенный под венчиком сосуда. Дно сосуда было плоским, о чем свидетельствует один уцелевший фрагмент днища.

Пятый сосуд был значительно грубее всех описанных выше. Это был горшок грубой лепной работы со слегка отогнутым наружу и округленным сверху венчиком. Поверхность сосуда снаружи и изнутри была шероховатой. В массе его заметны небольшие пятна каких-то включений белого цвета (рис. 17,2).

К этому сосуду или к аналогичному ему другому относится, повидимому, и довольно большой фрагмент боковой части сосуда с бугристой и как бы грубо каннелированной наружной поверхностью, причем каннелюры идут в горизонтальном направлении (рис. 18, 1).

Шестой сосуд, наиболее архаического облика по внешнему виду и технике изготовления. Он имеет черный цвет и отличается от всех остальных уже тем, что изготовлен очень плохо и столь же плохо обожжен. Об этом говорит уже то обстоятельство, что черепки этого сосуда распадаются послойно на тонкие пластинки, обнаруживая внутри примесь какого-то белого вещества, располагающегося в его массе мелкими крупинками. Возможно, что это толченые раковины.

Как внутренняя, так и внешняя поверхность черепков данного сосуда слегка сглажены, а местами даже залощены. На уцелевшем фрагменте венчика такого сосуда ясно видно, что сосуд имел легкий перехват под венчиком—«шейку», а снаружи он был украшен скупым и грубым орнаментом в виде косых овальных ямочек, расположенных горизонтальными рядами из вдавленных линий.

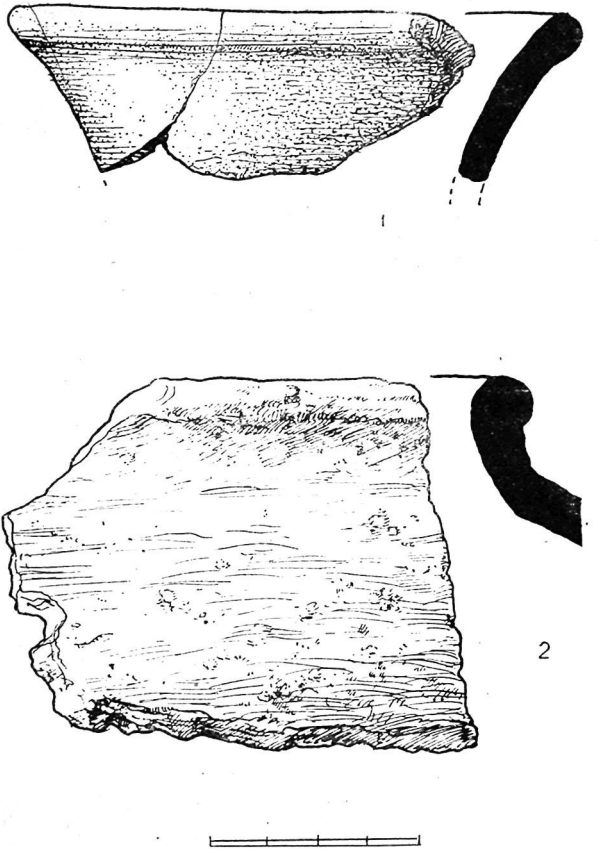


Рис. 17. Слой I. Фрагменты венчиков сосудов.

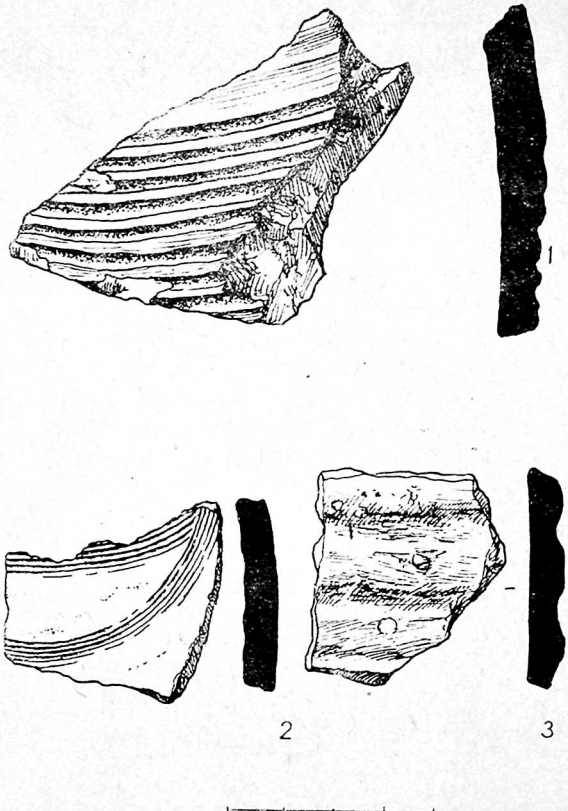


Рис. 18. Слой I. Фрагменты стенок сосудов.

От седьмого сосуда, близкого по характеру к пятому, уцелел только небольшой фрагмент венчика. Он тонкий с узким загнутым слегка внутрь и сглаженным верхним краем (бортиком). Цвет черепка черный, в массе его заметна примесь мелких кусочков дробленного кварца, поблескивающих характерным стеклянным блеском (№ 50—5). Последние четыре сосуда, повидимому, были круглодонными, так как обломков плоских днищ не найдено.

Слой второй

1. *Каменные изделия.* Материал для изготовления каменных изделий во втором слое, в основном, такой же, как в первом слое. Лучшим является полупрозрачный дымчато-желтоватый кремень, затем темносерый и голубовато-серый непрозрачный кремень. Есть белый непрозрачный кремень, такой же желтый и розовый кремень. Источником кремня служили галечные отложения, откуда извлекались округленные желваки, часть корки которых изредка сохраняется на массивных отщепах (№ 49—260). Имеются также изделия из характерного кремня желтоватого цвета с рассеянными в нем более светлыми пятнами. Кремень этот однородный, хорошего качества и довольно широко распространен в древних памятниках этого района Туркмении.

Кроме кремня употреблялась черная окременелая порода, аналогичная той, о которой говорилось при описании каменных изделий из слоя 1-го. В редких случаях применялась, повидимому, для изготовления грубых больших изделий известняковая окременелая галька белого цвета из морских отложений. Имеются, кроме того, плитки кальцита (?) и конкреция плотного железняка (магнетита?), оббитая поперечными ударами с двух концов.

Интересно также отметить, что среди кремневых изделий из второго слоя, характеризуемых обычной матовой или слегка поблескивающей поверхностью свежераскалотого кремня, имеются вещи резко отличающиеся своим жирным блеском и явной окатанностью. Особенно выразительна в этом смысле широкая пластина №49—142 (рис. 19, 8), ребра которой совершенно сглажены и закруглены, а обе широкие плоскости сплошь зашлифованы под действием, очевидно, золового песка, а может быть и воды. Нет никакого сомнения в том, что это изделие было поднято где-то на морском побережьи или на песках после того, как оно очень долго лежало там и затем было доставлено в пещеру, где, однако, осталось без дальнейшего использования.

В слое обнаружено три массивных обломка кремневых желваков или галек, грубо отесанных, сохраняющих в той или иной степени остатки желвачной корки. Один из них мог быть заготовкой для какого-то изделия (49—240), по всей вероятности — скребка. Нуклеусы представлены сколом с небольшого нуклеуса призматического типа (№ 49—933).

Отщепов найдено 42. Из них пять крупных и массивных, снятых с желваков кремня. Остальные более мелкие, относительно тонкие. Некоторые имеют по краю ретушь. Ножевидных пластин и их фрагментов обнаружено 19, причем необработанных из них оказалось восемь. Остальные имеют следы использования и обработки. У двух пластин имеются по бокам довольно глубокие выемки-перехваты [49—187 (рис. 19, 1), 237 (рис. 19, 2)].

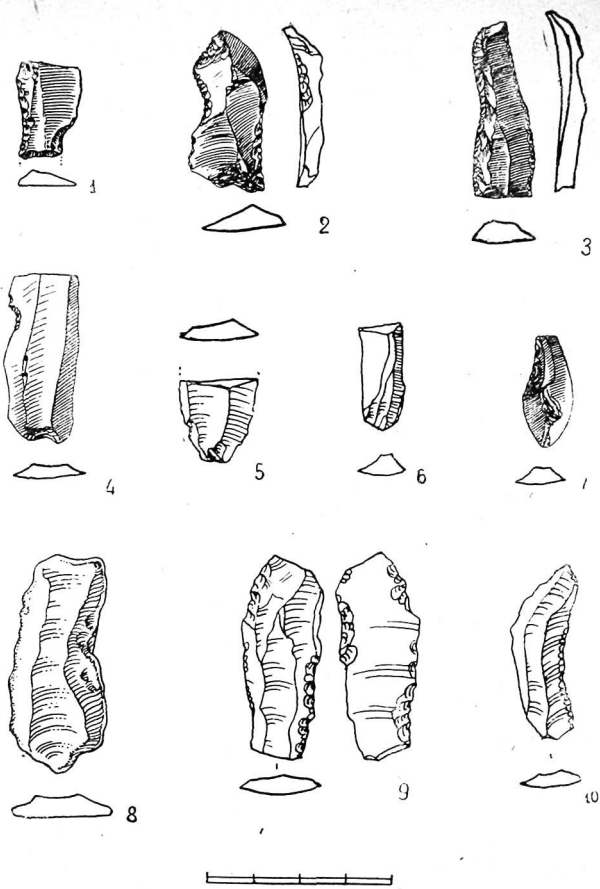


Рис. 19. Слой II. 1—2—кремневые пластины с выемками; 3—кремневая пластина с крутой ретушью; 4—10—кремневые пластины.

Четыре пластины отчасти ретушированы вдоль лезвий; две — вдоль обоих краев, две — с одного края. На пластине № 49—205 (рис. 19, 3) ретушь крутая, широкой полосой, как бы затупливающая ее край и образующая специфическую выемку вдоль лезвия пластины. Противоположный край пластины оформлен более мелкой и тонкой ретушью.

Скребков в слое найдено всего 7 экземпляров. Из них концевых скребков — 5. Один из них [№ 49—238 (рис. 20, 7)] из тонкой пластинки полупрозрачного дымчато-желтого кремня, просвечивающей насквозь. Нижний конец пластинки, с ударным бугорком, сломан и превращен тончайшей ретушью в прямое узкое лезвие. Длина пластины 2 см, ширина ее рабочего конца 0,7 см. Таким образом, по своим размерам это настоящее микролитическое изделие.

Второй концевой скребок [№ 49—199 (рис. 20, 6)] изготовлен из массивной и довольно широкой пластины с обычными тремя гранями на спинке. Лезвие у него слегка выпуклое, скошенное к одному краю, оформлено крутой тщательной ретушью. Длина скребка 2,7 см, ширина рабочего края скребка равна 1,4 см.

Третий скребок (49—222) (рис. 20, 2) изготовлен из толстой, прочной пластины, треугольной в сечении. Рабочий конец его сужен и заканчивается округлым, массивным лезвием. Ретушью оформлены так же и длинные края скребка.

Четвертый, самый лучший по правильности формы и тщательности отделки. Он изготовлен из массивной пластины с двумя гранями на спинке и четко выраженным ударным бугорком на брюшке. Рабочий край орудия выпуклый, полукруглый, оформленный крутой тщательной ретушью. Материал — темносерый непрозрачный кремень. Длина 3,8 см, ширина 2,1 см.

Пятый скребок на пластине большого размера, трехгранный, с прямым поперечным лезвием, оформленным мелкой тщательной ретушью (№ 49—932).

Два скребка сделаны из отщепов.

Один скребок — полудисковидной формы, на отщепе розоватого кремня, с крутым полукруглым рабочим краем. Ширина скребка 2,5 см (№ 49—156, рис. 20, 5).

Особенно выделяется одно изделие (№ 49—236) (рис. 20,8), сделанное из широкого плоского отщепа, неправильно, трапециевидное по очертаниям. Изделие со всех сторон на своей внешней поверхности (т. е. противоположной ударному бугорку) обработано весьма умелой и тщательной крупной ретушью. Ретушь на нем крутая, лезвие орудия острое и прочное. Ударный бугорок снят специальным ударом.

К числу наконечников стрел могут быть отнесены три предмета.

Один из них представляет собою основание типичного двустороннеобработанного тонкой ретушью кремневого наконечника неолитического типа. Наконечник этот был небольшого размера и, повидимому, по своей форме входил в число подтреугольных образцов таких изделий со слегка выпуклыми краями. Выемка в основании наконечника небольшая, полукруглая. Характерной особенностью последней является то, что из двух жальцев наконечника одно несколько короче, а другое соответственно длиннее второго. В поперечном сечении наконечник довольно массивный в виде линзы. Ширина наконечника в основании 1,2 см (№ 5 — 122), (рис. 20, 3).

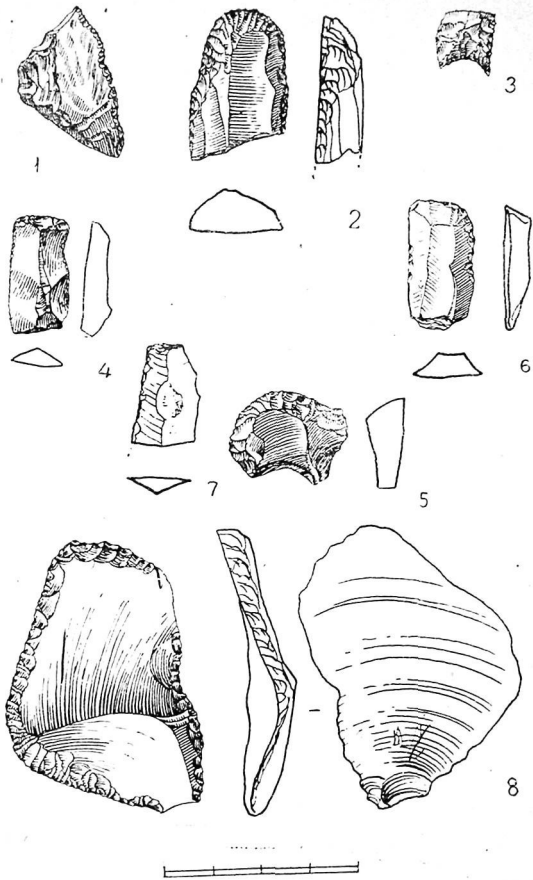


Рис. 10. Слой II, 1—кремневый отщеп с ретушью; 2, 4—8—кремневые скребки; 3—обломок кремневого наконечника стрелы.

Второе изделие представляет, возможно, незаконченный миниатюрный наконечник с боковой выемкой — «кельтеминарского типа». Материалом для изделия послужил боковой пластинчатый скол от нуклеуса, с характерным для последнего острым продольным ребром. Верхним концом, где должно было находиться острие наконечника, в данном случае должен был служить тот конец пластины, где помещался ее ударный бугорок. Один наконечник был, очевидно, обработан преимущественно со спинки; ретушью, нанесенной с брюшка, у него выделен узкий короткий черенок (№ 49—942).

Изделие № 49—269 является частью довольно крупного плоского острия из широкой пластины, оформленной вдоль края выемчатой ретушью и одним резцовым сколом.

Из более крупных изделий должно быть отмечено примитивное скребло из расколотой продолговатой гальки песчаника, у которой на одном конце небрежной ретушью оформлено полулунно выпуклое и скошенное к одной стороне лезвие (№ 49—154) (рис. 21, 6).

Отбойник найден один (№ 49—936), он изготовлен из удлиненно-овальной гальки белого крупнозернистого известняка с округлым поперечным сечением, сломанной посредине. Конец гальки выщерблен вследствие употребления. Длина ее 6,8 см, ширина 5,6 см. В слое оказались также небольшие гальки округлой формы, большей частью удлиненно-овальные, без каких-либо следов обработки, длиной около 3,5—4 см, служившие, очевидно, для кипячения воды или варки пищи (рис. 22, 1—3).

Кроме того, в слое оказались: фрагмент щитка черепахи со следами преднамеренных срезов и выскабливания внутренней поверхности щитка, обломок створки морской раковины, а также овальная пластинка из такой же створки, очевидно, окатанная морем (рис. 23, 1—4).

Фрагменты глиняных сосудов из второго слоя более многочисленны, чем из первого, они могут быть отнесены к следующим четырем группам.

В первую входят совершенно такие же, как в первом слое фрагменты превосходно сделанного относительно тонкостенного сосуда с черной матовой или, иногда, тщательно залощеной внешней поверхностью. Масса сосуда темносерого цвета, плотная и твердая, без каких-либо особых включений посторонних вещей. На внутренней поверхности черепков видны обычные штрихи, указывающие на изготовление его не ручным способом, а на гончарном круге. Один фрагмент (№ 49—147) (рис. 24, 2). снаружи покрыт довольно глубокими параллельными желобками-канелюрами.

Во вторую группу входят черепки грубой лепной керамики черного цвета. Часть из них имеет внутри, повидимому, включения мелко растолченных раковин. В других случаях заметна примесь мелко раздробленных кристалликов камня, по всей вероятности, полевого шпата. Значительная часть фрагментов распадается на отдельные слои и чешуйки, что свидетельствует о плохой выделке этих сосудов и о низком качестве глиняного сырья, употреблявшегося для их изготовления. Внешняя поверхность фрагментов обычно слегка шероховатая, с трещинами и отслаивающимися небольшими чешуйками, или гладкая, нелощеная. Внутренняя—такая же. Судя по наличию довольно крупных фрагментов днищ, последние были не плоскими, а округлыми, т. е. полусферической или полуяйцевидной формы (рис. 25).

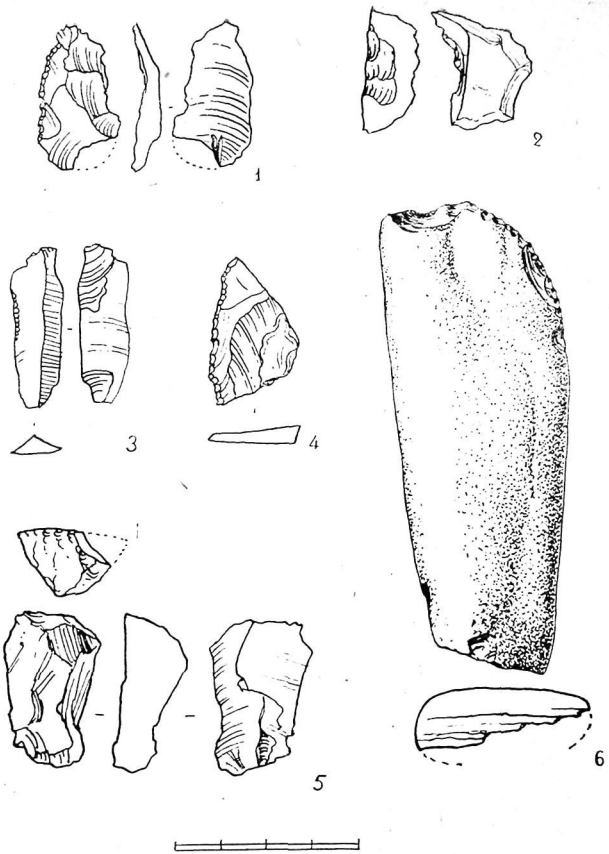


Рис. 21. Слой II. 1—5—кремневые отщепы с ретушью; 6—каменное скребло.

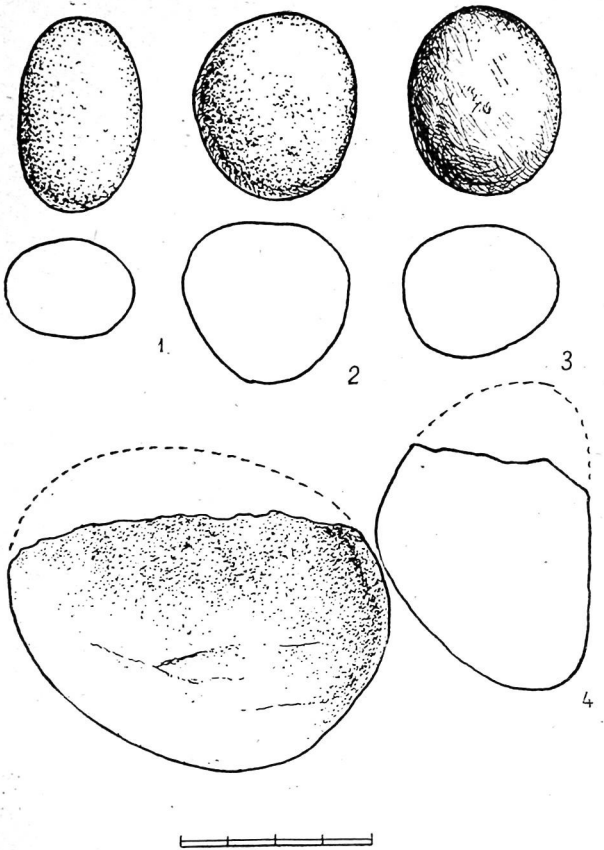


Рис. 22. Слой II. 1–3—небольшие гальки; 4— расколотая галька.

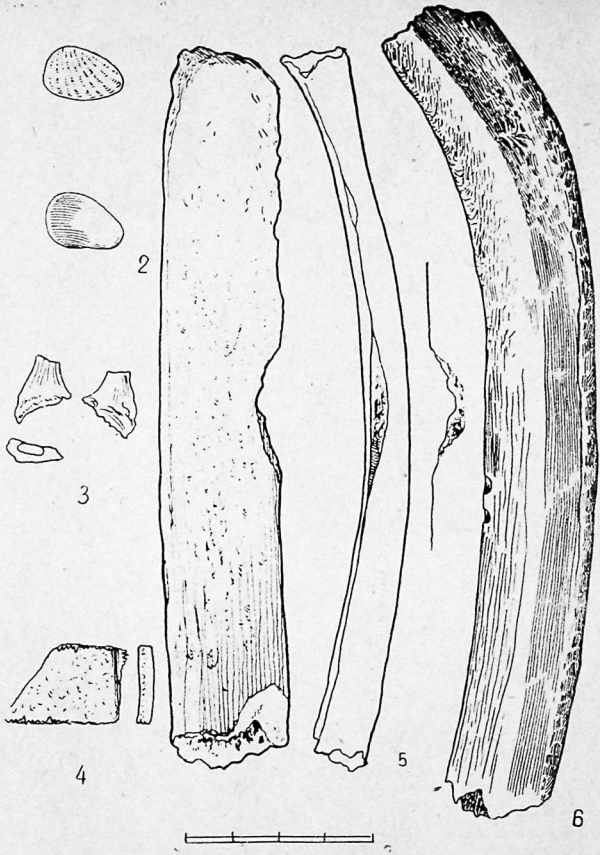


Рис. 23. Слой II. 1—2—фрагменты створок граковин; 3—зуб акулы; 4—5—костяные изделия.

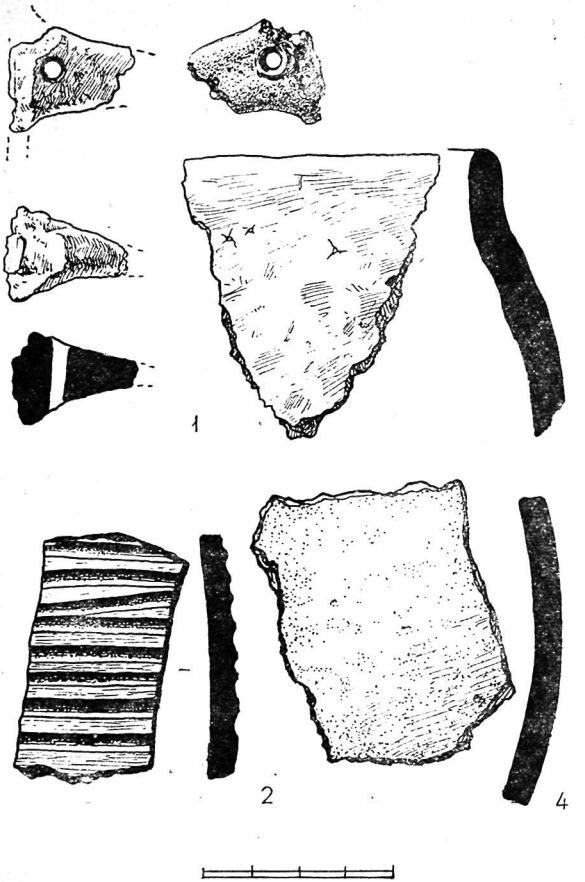


Рис. 24. Слой II. 1 – фрагмент ушка глиняного сосуда; 2—4—фрагменты стенок сосудов; 3—фрагмент венчика сосуда.

Рис. 25, Слой II. Фрагменты стенок сосудов.

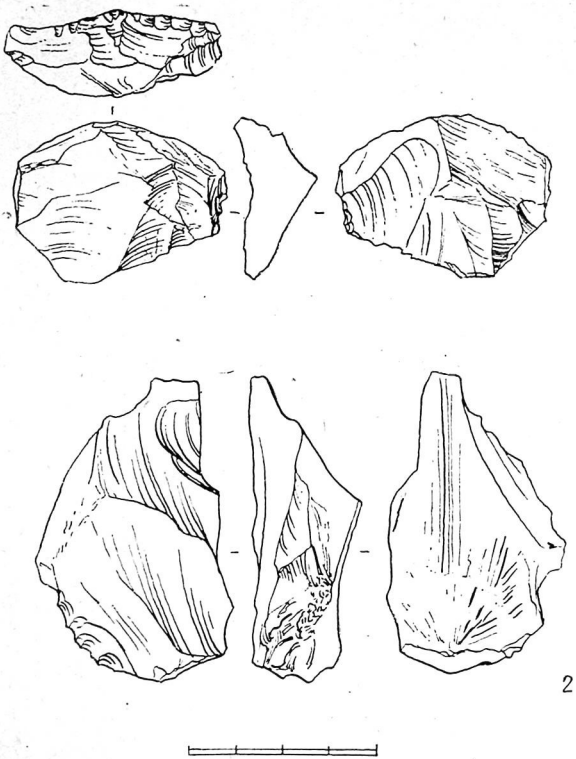


Рис. 26. Слой II. Кремневые массивные отщепы.

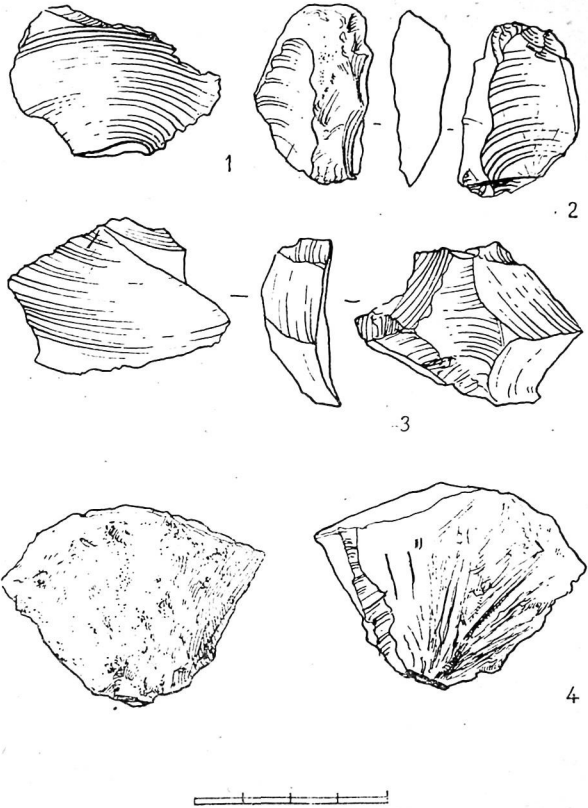


Рис. 27. Слой II. Кремневые отщепы.

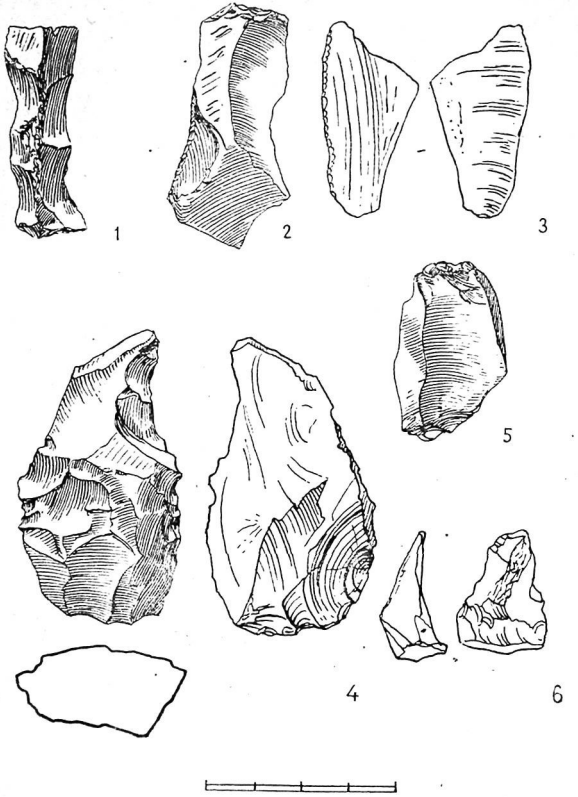


Рис. 28. Слой II. 1—боковой продольный скол с кремневого нуклеуса с ретушью; 4—6—кремневые отщепы.

Имеется также фрагмент, повидимому, суженной шейки одного сосуда и обломок венчика другого сосуда. В последнем случае венчик был гладкий, слегка отогнутый наружу с округленным верхним бортиком. Под венчиком заметно небольшое сужение шейки сосуда.

Особо должен быть отмечен фрагмент, представляющий собою, должно быть, грубо выполненную ручку или, скорее, ушко глиняного сосуда, снабженное сквозным поперечным отверстием для подвешивания (?) (рис. 24, 1).

Третья группа остатков керамики представлена немногочисленными плохо сохранившимися фрагментами большого, но относительно тонкостенного сосуда из красной, хорошо обожженой глины. Стенки сосуда гладкие, изготовлен был он на гончарном круге. Черепки распадаются послойно.

К четвертой группе относятся фрагменты того самого большого горшка, обломки которого описаны в числе находок из первого слоя (см. сосуд второй). Черепки его, несомненно, попали во второй слой из первого слоя, что вполне естественно при их близости и незначительной мощности.

Слой третий

Основная масса изделий (нуклеусы, пластины, концевые скребки, проколки) изготовлена из полупрозрачного дымчато-желтоватого кремня, а также из кремня красных и розовых тонов и оттенков. Наряду с желтоватым и розоватым кремнем употреблялся черный блестящий кремень, как полупрозрачный, так и непрозрачный; серый, в различных его оттенках, в том числе голубовато-серый; белый с розовым оттенком, полупрозрачный и непрозрачный белый кремень.

В слое найдены кроме того в небольшом количестве отщепы и обработанные куски желтоватого халцедона, бурого железняка, плотной изверженной породы черного цвета, белого кремнистого известняка, мелкозернистого песчаника.

Среди отщепов и пластин имеется четыре экземпляра сильно отшлифованных песком и окатанных. Особенно окатана одна широкая пластина из полупрозрачного черного кремня. У этой пластины лезвия были обработаны ретушью, но вследствие длительной обработки песком фасетки ретуши сгладились и заполировались, а все изделие покрылось равномерным жирным блеском.

Вторая пластина имеет на одном крае с брюшка ретушь, покрытую таким же как на всей ее поверхности жирным блеском, в то время, как противоположный край изделия ретуширован со спинки, причем ретушь сохраняет свежий вид и фасетки ее не имеют никакого блеска.

Орудия для обработки камня в материалах из третьего слоя представлены одним отжимником (50—318) (рис. 29, 3). Он представляет собой отесанный со всех сторон овальный желвак пятнистого, серого с белыми пятнами, кремня. Оба суженных конца отжимника покрыты характерными выщерблены — следами работы по твердому материалу. Они как бы смяты вследствие нажима на твердый неподатливый материал. Орудие хорошо помещается в руке и удобно для работы. Длина отжимника 7,2 см, ширина его и толщина 4,6 см.

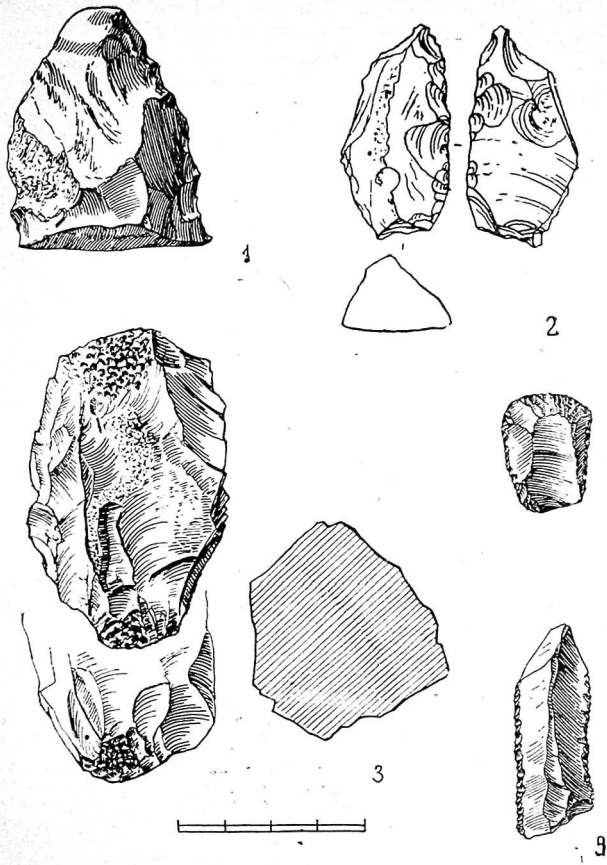


Рис. 29. Слой III. 1 – кремневая заготовка для орудия. 2—кремневый отщеп с ретушью. 3—кремневый отжимник. 4—отжимник. 5—пластина с ретушью.

Заготовка для изготовления орудий имеется одна. Очертания ее треугольные. Обе стороны обработаны широкими уплощающими сколами. На длинных боковых краях сохранились следы желвачной корки, и, что очень интересно, предшествующих крутых сколов, фасетки которых покрыты густым жирным блеском. Длина заготовки 5,2 см, ширина 4,5 см. Материал ее коричневато-черный, непрозрачный кремень (рис. 29, 1).

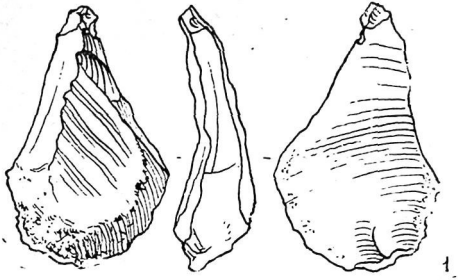
Массивных обломков и кусков раскалотых отесанных желваков кремня найдено 13. Часть таких обломков могла служить в качестве заготовок, предназначенных для изготовления небольших орудий, но не использованных по каким-то причинам. В том числе имеется один обломок из железняка, один из желтоватого полупрозрачного халцедона, остальные из кремня.

Отщепов в слое обнаружено 185. Большинство отщепов мелкие, пластинчатые, но есть и отдельные массивные, с остатками желвачной корки, снятые при первичной отеске таких желваков (рис. 30 и 31).

Нуклеусов в слое обнаружено восемь. Пять нуклеусов относятся к числу призматических, цилиндрического или, вернее, полуцилиндрического типа, так как желобками сколов у них покрыта только одна сторона. Один нуклеус конического типа, другой представляет собой фактически, половину расщепленного нуклеуса-болванки. Первый нуклеус, изготовленный из дымчато-желтого кремня, самый крупный по размеру, имеет в длину 4,3 см, при ширине 3,5 см (№ 50—289) (рис. 32, 2). Одна сторона его сплошь покрыта желобками продольных сколов. Ширина последних одинаковая — около одного сантиметра. Противоположная сторона нуклеуса сохраняет остатки желвачной корки и несет следы поперечных сколов. На одном поперечном конце нуклеуса имеется хорошо подтесанная рядом тщательных сколов площадка, образованная уже после снятия всех пластин, так как сколы, которыми она оформлена, секут желобки оставшиеся после снятия пластин. Очевидно, площадка нуклеуса была подвергнута специальной вторичной обработке, но после этого нуклеус был оставлен без использования. Еще интереснее, что следы сколов имеются и на противоположном конце нуклеуса. Сколы эти придали ему характерный вид, однако и здесь незаметно признаков снятия ножевидных пластин.

Кроме того, поверхность данной, второй, площадки матовая, тогда как вся поверхность нуклеуса и первой плоской его площадки покрыта жирным блеском. Учитывая эти обстоятельства, можно высказать предположение, что описываемый нуклеус мог быть поднят обитателями Джебелской пещеры в готовом виде на развеиваемом ветром древнем местонахождении, а затем снова пущен в дело. Однако попытка использовать нуклеус заново не достигла цели: скол оказался неудачным, да и сам по себе кремень, очевидно, не удовлетворил мастера, потому что кремень, лежавший долгое время на поверхности, значительно изменил свою структуру и стал хуже поддаваться обработке.

Несколько отличны от других четырех нуклеусов по характеру своей поверхности и еще два нуклеуса. Первый из них, как уже сказано выше, представляет собою скорее половинку желвачной болванки-нуклеуса расщепленной пополам сильным продольным ударом. Сбоку у него сохранились остатки неснятой целиком желвачной корки (№ 49—396) (рис. 32, 4).



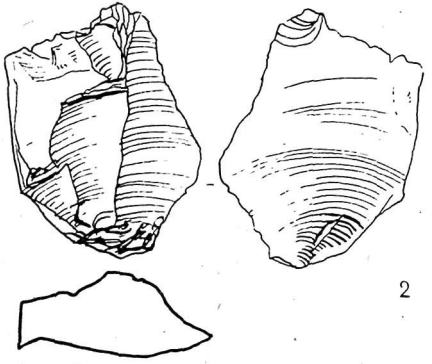


Рис. 30. Слой III. Кремневые отщепы.

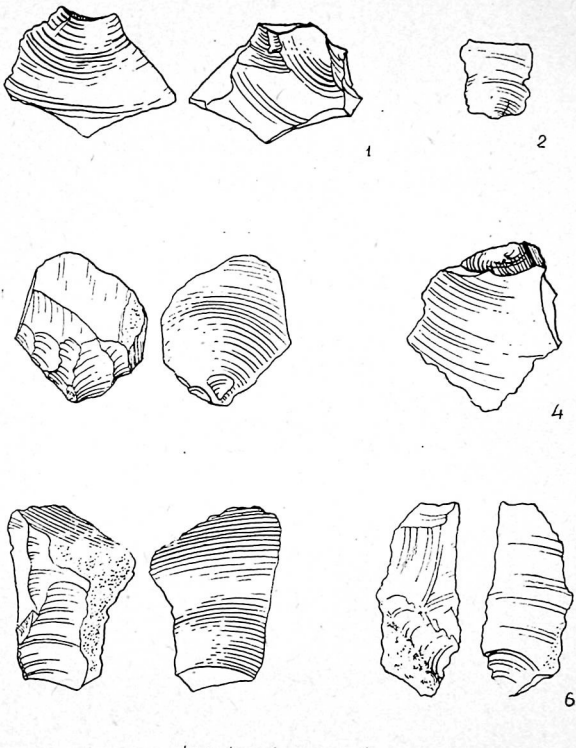


Рис. 13. Слой III. Кремневые отщепы.

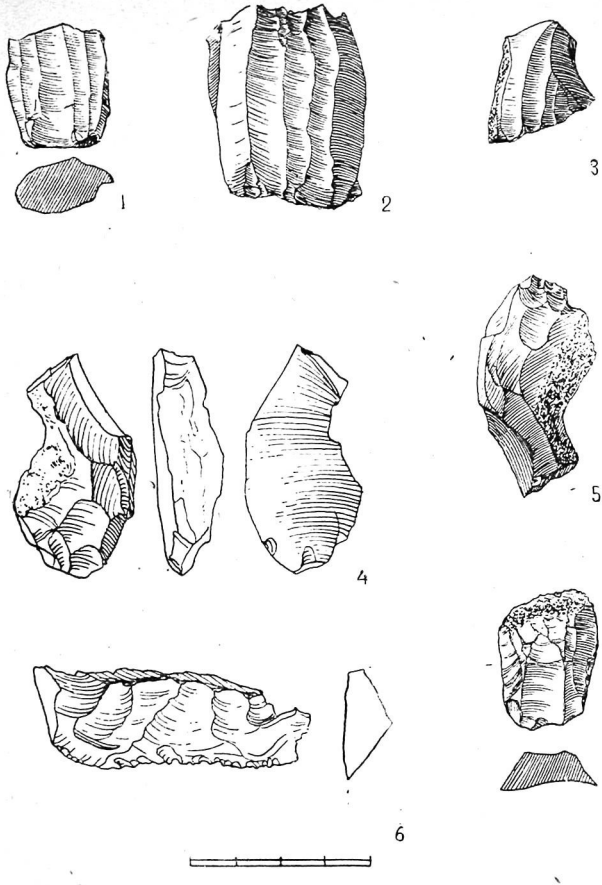


Рис. 32. Слой III. 1—5—кремневые нуклеусы 6 7 кремневые отщепы с ретушью.

Совершенно такие же по форме и характеру изделия были обнаружены на древних мастерских в районе 39 км вдоль линии железной дороги Красноводск—Ашхабад. Длина изделия 7,5 см, ширина 2,6 см.

Второй нуклеус (№ 49—311) (рис. 33, 2) изготовлен был из желвака кремня и еще сохранил на одной стороне остатки белой желвачной корки. Он имеет слегка уплощенную сбоку цилиндрическую форму. Площадка нуклеуса подправлена рядом мелких тщательных сколов. Противоположный конец нуклеуса также обработан ретушью. В отличие от ретуши, оформляющей площадку, эта ретушь выглядит свежо; ее фасетки матовые и не покрыты жирным блеском, как вся остальная поверхность нуклеуса. Отсюда следует, что этот нуклеус тоже был подобран где-то на песках, а затем снова пущен в дело, но и в данном случае все кончилось предварительной отеской конца нуклеуса, который должно быть хотели превратить во вторую площадку. Длина нуклеуса 4,3 см, ширина 2,5 см.

Следующие пять нуклеусов отличаются от описанных выше своим матовым оттенком и отсутствием густого жирного блеска. Они, следовательно, были изготовлены людьми оставившими третий культурный слой пещеры.

Первый из них (№ 49—454) (рис. 33, 3) длиной 3 см, шириной 2,7 см. Одна сторона его покрыта узкими строго параллельными желобками сколов. Аналогичные желобки покрывают, отчасти, и противоположную сторону нуклеуса. В поперечном сечении нуклеус имеет вид овала. Площадка его тщательно обработана поперечными плоскими сколами.

Второй нуклеус (№ 49—452) изготовлен из небольшого массивного желвака кремня. Поперечное сечение его неправильно округлое. Площадка образована одним поперечным сколом, расположенным наискось по отношению к длинной оси изделия. Дополнительной подправки на ней не имеется. Желобки сколов-узкие, симметричные. Характерно, что вдоль основания нуклеуса по самому его краю имеются многочисленные мелкие выщерблины. Последние, всего вероятнее, образовались в результате употребления изделия, т. е. в процессе работы. Оно служило, таким образом, не только полуфабрикатом для изготовления ножевидных пластин, но и было под конец использовано в качестве орудия.

Это облегчалось наличием скошенной площадки, образующей в сочетании с фасетированной поверхностью нуклеуса прочное и, вместе с тем, острое лезвие типа лезвия желобчатого тесла. Длина нуклеуса 3 см, ширина 2,7 см.

Третий нуклеус (49—453) (рис. 33, 4) представляет собою лишь часть довольно крупного и широкого нуклеуса, расколотого сильными ударами поперек. Нуклеус этот был сделан из массивного отщепа: на его противоположной фасетированной стороне гладкой поверхности имеются следы массивного ударного бугорка. Вдоль одного края имеются широкие фасетки поперечных сколов, обычных для нуклеусов. Сколы эти были нанесены с гладкой поверхности нуклеуса и тем самым показывают, что он был изготовлен именно из отщепа, с характерной для последнего широкой плоскостью скола. Площадка нуклеуса узкая, тщательно оформленная поперечными сколами. Длина изделия 4 см, ширина 3,5 см.

Четвертый нуклеус конического или, вернее, полуконического типа (№ 50—240) (рис. 32, 3).

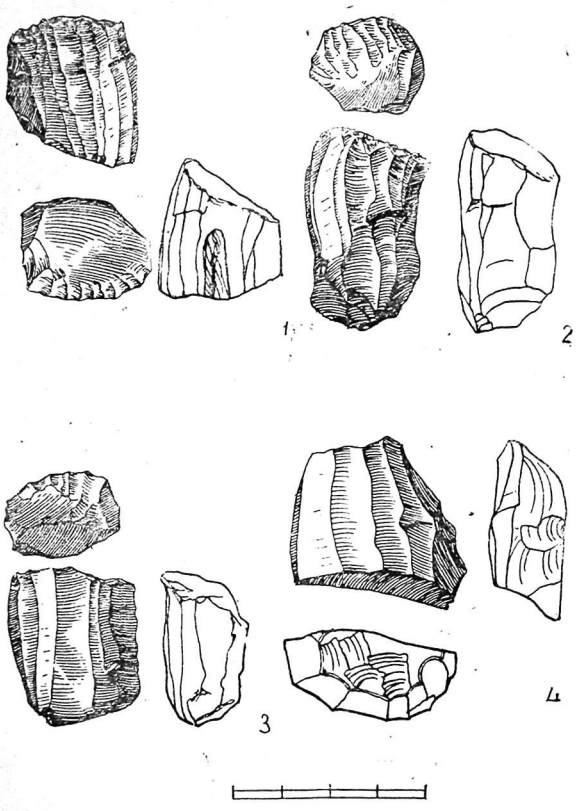


Рис. 33. Слой III. Кремневые нуклеусы.

Одна сторона его покрыта фасетками продольных сколов, другая сохраняет желвачную корку. Площадка подготовлена несколькими поперечными сколами. Вдоль основания нуклеуса, по самому его краю, имеются выщербины, такие же как на нуклеусе № 49—452.

Нуклеус № 50—358, из черного кремня, сохранивший на одной своей стороне желобки продольных сколов и часть площадки, был расколот пополам сильным продольным ударом. После этого поперек скола был нанесен еще ряд ударов. Длина нуклеуса 3—6 см, ширина 2 см.

Боковых продольных сколов с нуклеусов имеется пять экземпляров. Все они имеют характерное трехгранное сечение в поперечнике, острое извилистое ребро на спинке и оформлены поперечными сколами.

Ножевидных пластин в слое найдено 107, из них с ретушью 42 штуки.

Неретушированные пластины, как правило, представляют собой лишь фрагменты (рис. 34). У них обломан преимущественно верхний конец, т. е. конец противоположный ударному бугорку. Это были как правильные пластины с симметричными, параллельными друг другу, двумя гранями на спинке, так и менее правильные по форме пластины или пластины с одной срединной гранью, треугольные в поперечном сечении. Правильных пластин с двумя гранями на спинке среди неретушированных образцов, примерно, одна треть. Самая широкая пластина из неретушированных имеет в ширину 2,3 см; преобладают количественно пластины шириной около 1 см. Основная масса пластин изготовлена из кремня хорошего качества, светлых тонов — желтоватого, дымчатого и, реже, светлосерого цвета.

Пластины с ретушью представлены образцами как с одной, так и с двумя гранями на спинке. Наиболее длинные из них имеют в длину 7,9 и 7,8 см, самая узкая (при длине 4,3 см) равна по ширине 0,6 см. Самая широкая—2,2 см. Ретушь на пластинах двух родов. В одних случаях она крутая и оформляет массивное крутое лезвие, приближаясь по типу к ретуши, характерной для пластин с затупленной спинкой. Такой ретушью оформлены, обыкновенно, пластины с боковыми выемками (рис. 35 и 36).

Пластин с выемками насчитывается 6. Выемки у них неглубокие, но выраженные вполне отчетливо. Обыкновенно они располагаются с обеих сторон пластины, но не друг против друга, а как бы попеременно.

Ретушь второго типа изящная и легкая, лишь слегка захватывает самый край лезвия пластин. Лучший образец такой ретуши дает пластина № 49—482 (рис. 36, 2) тонкая и изящная по форме. У некоторых пластин ретушированы оба края, у других только один. Ретушью пластины обработаны во всех случаях только со спинки. С брюшка ретуши нет.

Особо выделяется массивная пластинка, трехгранная в сечении, у которой имеется тщательно ретушированное и подправленное вторичной ретушью лезвие (№ 50—163). Эта пластина служила, очевидно, ножом.

Скребки преобладают концевые, т. е. изготовленные из более или менее длинных и широких ножевидных пластин, конец которых противоположный ударному бугорку превращен ретушью в лезвие.

Первый такой скребок (№ 49—428) изготовлен из слегка искривленной в длину пластины желтовато-бурого кремня с двумя гранями на спинке. Рабочий конец орудия слегка выпуклый, узкий; оба длинных края его оформлены во всю длину легкой, слегка зазубривающей их, ретушью. Длина скребка 4,1 см, ширина 1,1 см.

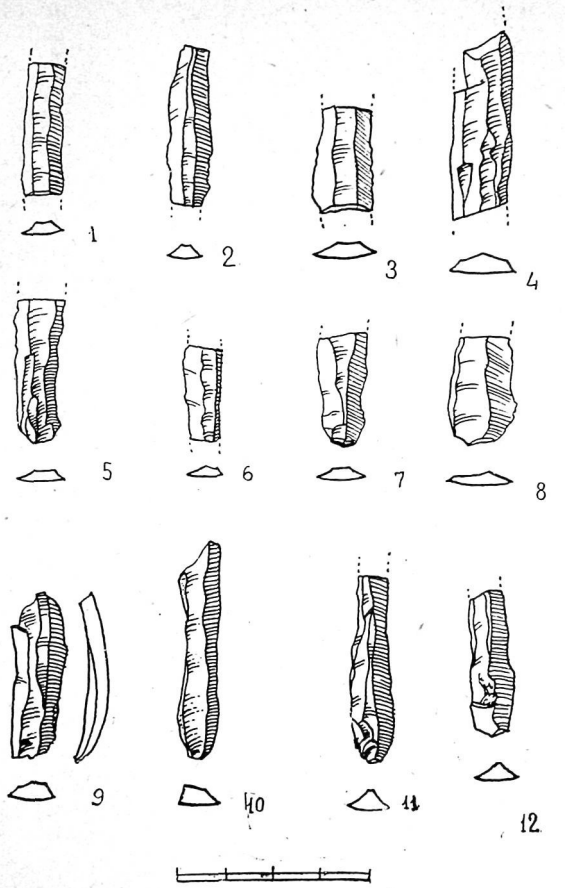


Рис. 34. Слой III. Неретушированные кремневые пластинки.

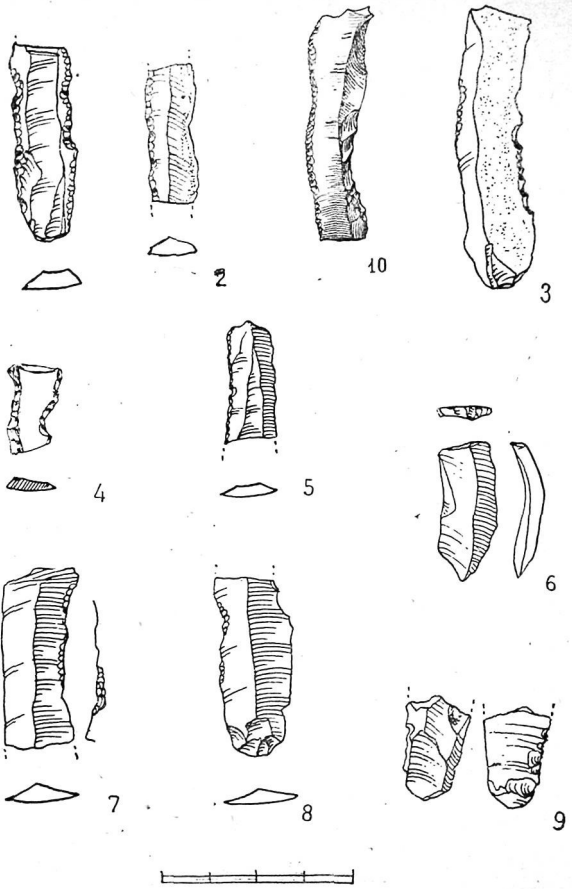


Рис. 35. Слой III. Кремневые пластинки с ретушью.

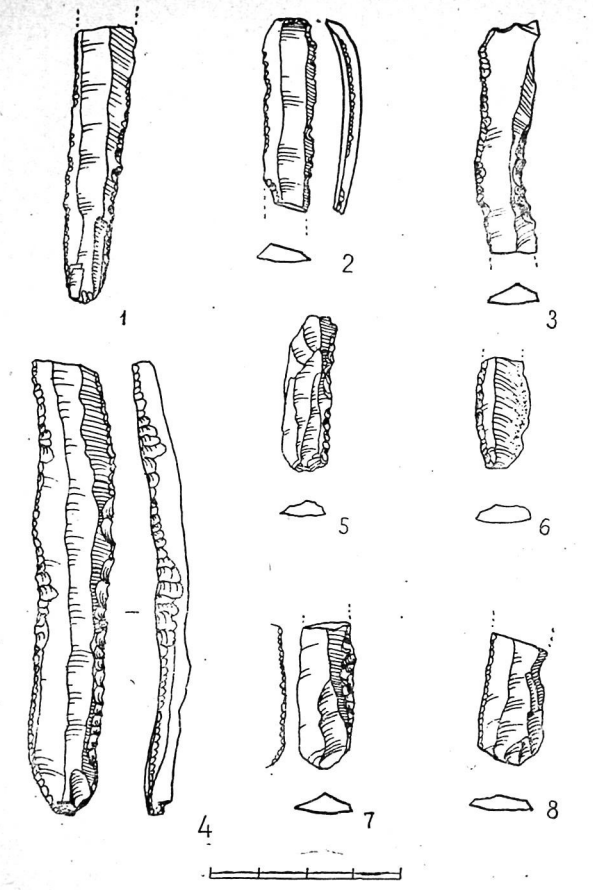


Рис. 36. Слой III. Кремневые пластинки с ретушью.

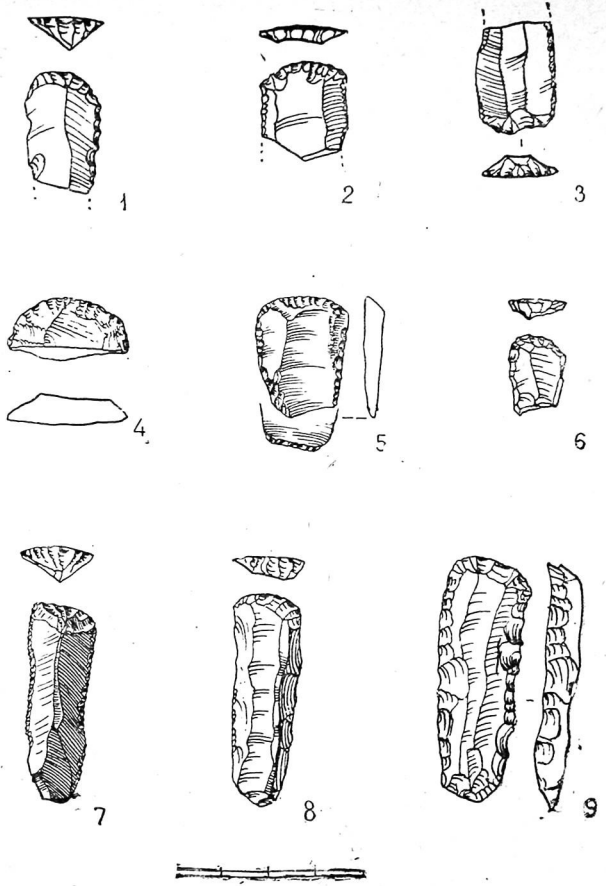


Рис. 37. Слой III. Кремневые скребки.

Второй скребок (№ 49—406) (рис. 37, 7). Изготовлен из пластины голубовато-серого кремня, трехгранной в поперечном сечении. Рабочий край изделия оформлен крутыми узкими фасетками ретуши. Оно прямое, слегка скошенное в одну сторону. Длинные края скребка, как и у описанного выше, слегка ретушированы во всю длину. Длина скребка 4,2 см, ширина его рабочего конца 1,4 см.

Третий скребок (№ 49—425) (рис. 37, 8) такого же типа как описанный выше, изготовлен из широкой и массивной пластины желтоватого кремня, с тремя гранями на спинке. Одна сторона пластины обработана широкими поперечными сколами со вторичной мелкой подправкой вдоль края. Длина скребка 4,3 см, ширина 1,5 см.

Четвертый скребок (№ 50—260) из трехгранной пластины непрозрачного краснобурого кремня, короткий (длина 2,2 см, ширина 1,2 см) (рис. 37, 1).

Пятый скребок (№ 50—152)—единственный в своем роде—представляет сочетание пластины с выемками и концевого скребка. Материалом для него послужила пластина светлосерого кремня с обычными двумя гранями на спинке. Рабочий конец его узкий и крутой, почти вертикальный, скошен в одну сторону. Оба длинных края скребка во всю длину обработаны крутой тщательной ретушью. На них имеются четко выраженные выемки, и, между ними, острые массивные зубцы пилообразного характера. Вдоль одного края скребка имеется три таких зубца, на другой — один зубец. Характерно, что в сочетании с ретушированным длинным краем скошенный рабочий конец изделия образует прочное клювовидное острие, пригодное для резания твердого материала, вероятно, дерева и кости.

Три концевых скребка изготовлены из широких пластин, нижние концы которых обломаны (рис. 37, 2—4).

Три скребка концевого типа выделяются в особую группу благодаря своим миниатюрным размерам. Это—настоящие микроскребки. Один из них сделан из усеченной узкой пластинки или пластинчатого отщепа голубовато-серого кремня с двумя гранями на спинке. Рабочий конец скребка прямой, слегка вогнутый, обработанный мелкой ретушью. Характерно, что несмотря на миниатюрные размеры изделия лезвие и один длинный край его оформлены тончайшей уплощающей ретушью. Длина изделия 1,5 см, ширина 1,1 см.

Второй скребок, из пластинчатого отщепа светлосерого кремня, имеет слегка выпуклое и скошенное лезвие, один продольный край его ретуширован. Длина скребка 1,7 см, ширина 1,2 см (рис. 37, 6).

Третий скребок—самый миниатюрный. Длина его 1,1 см, ширина 0,9 см. Рабочий конец оформлен тончайшей ретушью и образует с одного края клювовидный выступ.

Скребков на отщепах и отщепов с ретушью найдено 12. Из них один (№ 50—293) (рис. 37, 5) подтреугольный, с выпуклым рабочим краем, языковидный. Остальные—случайной формы или в обломках.

Настоящих резцов в слое нет. Имеются только четыре предмета со сколами резцового типа.

Первое из них—пластина из белого непрозрачного кремня, с ретушированными краями и широкой выемкой на одном из них (№ 49—475, 476). Ударный бугорок пластины отсечен, и вдоль одного края пластины, с угла, нанесен типично-резцовый по характеру короткий скол.

Второе — массивный отщеп из черного блестящего кремня вдоль одного края которого имеется продольный скол, под углом к которому, наискось, нанесено еще три скола резцового характера (№ 50—239).

Таким образом, изделие может быть отнесено к числу многофасеточных резцов срединного типа. Размер его небольшой: длина равна 3,2 см.

Третье изделие из этой группы — массивная и широкая, трехгранная в сечении, пластина из черного кремня (№ 49—498). Лезвия пластинки обработаны мелкой ретушью, на одном конце ее, с брюшка, нанесен скол резцового типа.

Четвертое изделие с резцовым сколом — фрагмент трехгранной в сечении пластины из беловато-серого кремня (№ 49—501).

Проколки. Проколок в третьем слое обнаружено две.

Первая проколка (№ 50—159) миниатюрного размера, длина ее 2,1 см, ширина 0,5 см. Изготовлена она из узкой пластины красновато-бурого кремня и на конце обработана с обеих сторон (со спинки) мелкой тщательной ретушью в виде узкого острия.

Вторая проколка (№ 49—456) (рис. 39, 3) необычайно длинная и узкая; длина ее 4,7 см, ширина в средней части 0,4 см. Основание проколки имеет вид лопаточки, острие равномерной ширины и толщины почти на всем его протяжении. Изготовлена она из ножевидной пластины, материалом для которой послужил хороший дымчато-желтоватый кремень. Ретушь на ней вдоль обоих краев крутая, притупливающая, с очень мелкими фасетками. Кончик проколки поврежден. Первоначально он был, очевидно, заострен.

Третье изделие (№ 49—497) (рис. 39, 2) представляет собою широкую ножевидную пластину из светлосерого кремня, один конец которой обломан, а противоположный оформлен ретушью с обеих сторон (с брюшка и спинки) в виде прочного длинного острия. Сплошь ретушированы также и длинные края изделия вдоль спинки.

Вполне возможно впрочем, что это не проколка, а нижняя часть пластинчатого наконечника стрелы листовидной фермы с черенком.

Такие наконечники, изготовленные из ножевидных пластин и обработанные ретушью лишь на черенке, вдоль краев и на самом кончике острия, хорошо известны в мезолитических поселениях различных областей и, как правило, предшествуют развитым по форме неолитическим наконечникам стрел или сосуществуют с ними в качестве архаического элемента каменного инвентаря.

Наконечников стрел и их фрагментов в третьем слое имеется семь.

Первый наконечник (50—149) (рис. 40, 2) из светлосерого сланца на отщепе. Очертания его миндалевидные. Ретушью обработаны только края наконечника, и острие, а также, отчасти, основание. Ретушь двусторонняя, мелкая и тщательная. Длина наконечника 2,2 см, ширина 1,1 см.

Второй наконечник (№ 50—150) (рис. 40, 1) тоже сохранился полностью. Очертания его усеченно-листовидные: длинные края выпуклые, основание усечено наискось. Ретушь очень мелкая, с обеих сторон. Длина наконечника 0,8 см, ширина 1 см.

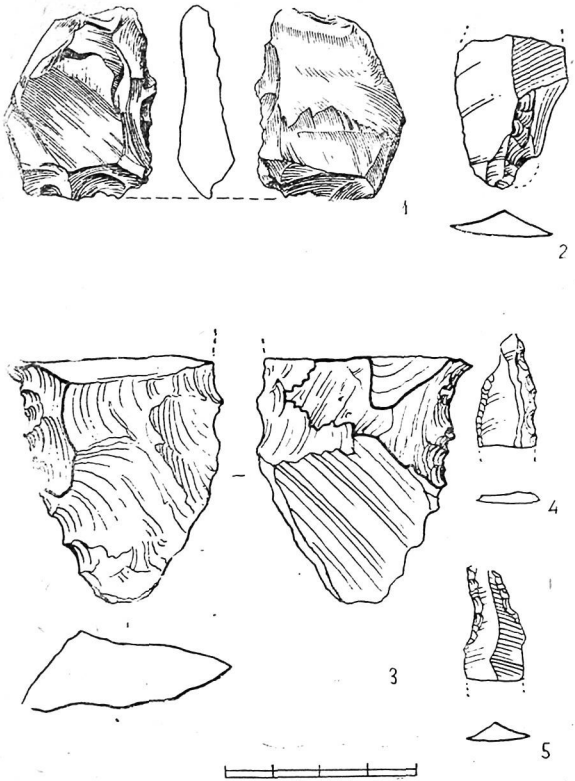


Рис. 38. Слой III. 1—3—кремневые отщепы со следами обработки. 4—5—обломки кремневых пластинок с ретушью.

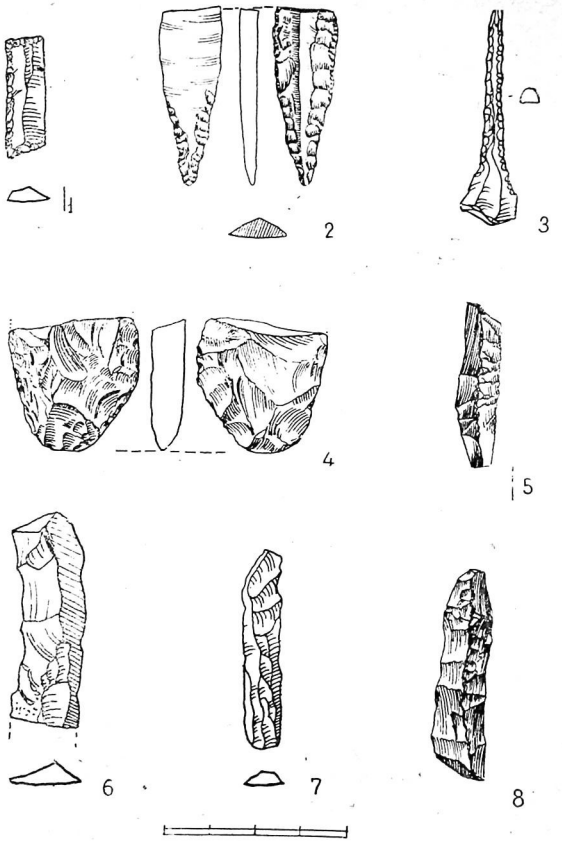


Рис. 39. Слой III. 1—кремневая пластинка с ретушью. 2—3—кремневые проколки. 4—обломок кремневого орудия. 5—8—боковые продольные сколы с кремневых нуклеусов.

От третьего наконечника (№50—291) (рис. 40, 3) сохранилась нижняя часть. Наконечник плоский и тонкий имел листовидную форму с расширенной верхней частью и суженной нижней. Основание наконечника вогнутое, со слегка выступающими в стороны жальцами. Обе стороны тщательно обработаны плоской отжимной ретушью. Лезвия наконечника мелкозубчатые. Материал: хороший полупрозрачный кремень дымчатого цвета.

От четвертого наконечника (№ 50—274) тоже уцелела только нижняя часть. Наконечник, повидимому, был листовидным, со суженным черенком. С одной стороны (со спинки) наконечник сплошь обработан ретушью, с другой сохранилась гладкая поверхность скола. Материал наконечника — непрозрачный светлосерый кремень.

Пятый наконечник (№ 50—238) пострадал от действия огня. Материал: серый непрозрачный кремень. Очертания—подтреугольные. Длина—1,6 см.

Шестой наконечник (№ 50—151) (рис. 40, 5) широкий и плоский, овально-листовидной формы, из непрозрачного темносерого кремня. Обработкой не закончен. Обе плоскости его оформлены плоскими широкими фасетками «стелющейся солютрейской» ретуши и кое-где частично подправлены вторичной ретушью. Длина наконечника 3,5 см, ширина 2,1 см.

Седьмой наконечник (№ 50—359) (рис. 40, 4) из желтоватого кремня, обработанный мелкой ретушью с обеих сторон, отличается своей асимметричной формой: основание его скошено в одну сторону, один продольный край прямой, противоположный, напротив, угловато-выпуклый. Выпуклый край мелкозубчатый. Длина наконечника равна 1,7 см, ширина 1,2 см. На фоне остальных кремневых изделий из слоя третьего особо выделяется обломок сравнительно узкой ножевидной пластины (№49—310) из дымчато-желтоватого кремня (длина 2,6 см, ширина 0,8 см). Один поперечный конец пластины затупливающей ретушью превращен в короткое прямое лезвие. Противоположный конец такой же ретушью оформлен как скошенное прямое лезвие и образует в сочетании с боковым краем пластины массивное треугольное острие. Указанный боковой край пластины тоже обработан затупливающей ретушью, такой же как на пластинах с затупленной спинкой.

Противоположный край пластинки оставлен без обработки. В целом, перед нами бесспорное изделие из категории геометризованных микролитических острий со скошенным краем.

Изделие № 50—266 (рис. 39, 4) представляет собою нижнюю часть (базу) двусторонне ретушированного крупного орудия из желтовато-дымчатого кремня.

Судя по очертаниям и отделке уцелевшего фрагмента это был двусторонне обработанный широкими плоскими сколами «солютрейского типа» массивный нож или удлиненное узкое, овальное скребло. В сечении он имел вид односторонне-выпуклой линзы, так как одна сторона ножа была выпуклой, а другая плоской. Один длинный край этого предмета был выпуклым, другой прямым. Выпуклый край оформлен пологой ретушью, прямой—крутыми сколами и имеет характер массивного круглого лезвия. Ретушь на нем крутая, мелкая и тщательная. Длина фрагмента 3,2 см, ширина 2,8 см.

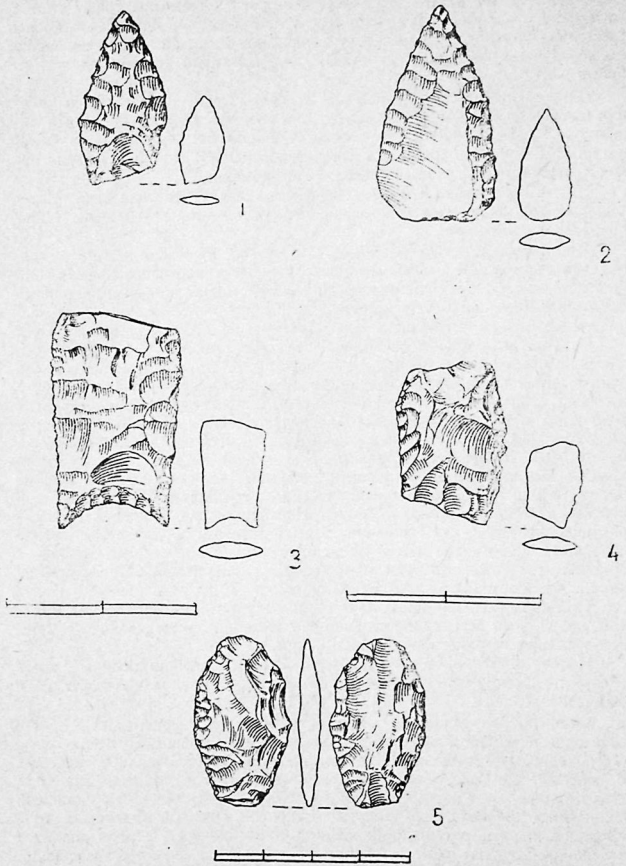


Рис. 40. С лой III. Кремневые наконечники стрел.

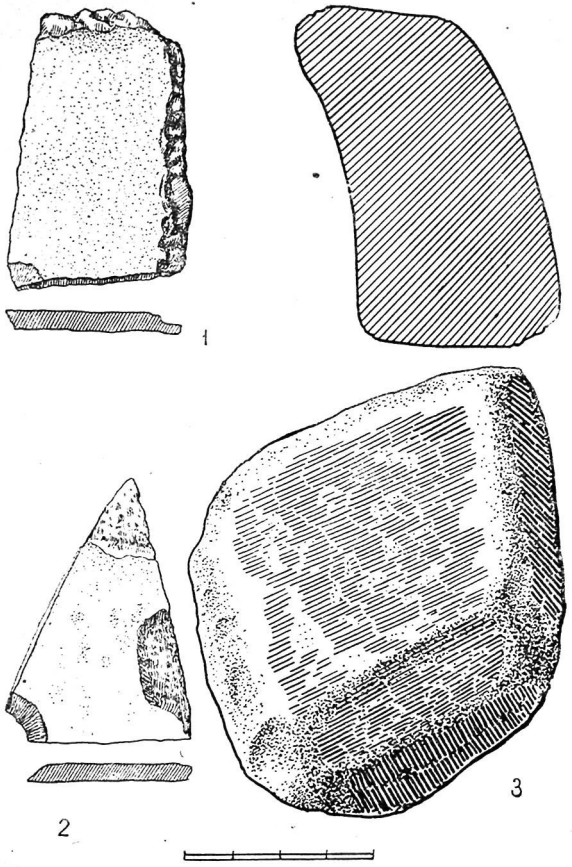


Рис. 41. Слой III. 1—2—обломки плиток песчаника. 3—галька.

В слое обнаружен так же обломок плитки из черного и плотного, с хорошо выраженной слоистостью, мелкозернистого песчаника или сланца (№ 50—268). Одна сторона плитки гладкая, на ней имеются ясные следы использования ее в качестве точила или, скорее, зернотерки. Штрихи от употребления располагаются на плитке продольно. Толщина плитки равна 1,3 см.

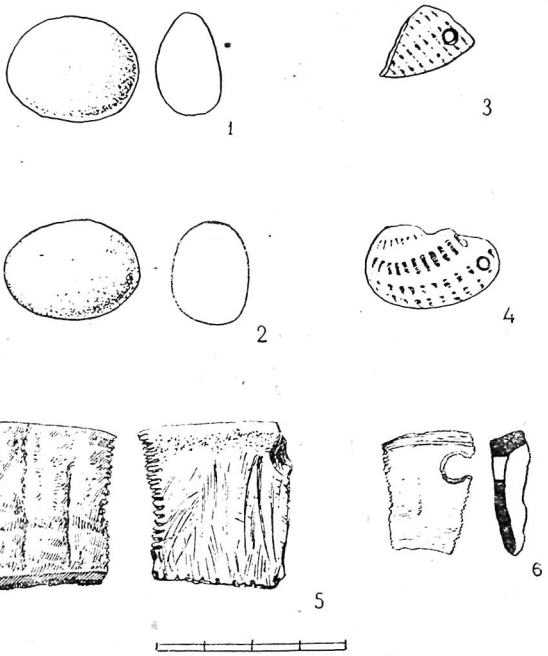


Рис. 42. Слой III. 1—2—небольшие гальки. 3—4—бусина из раковин. 5—6—обломки поделок из щитка черепахи.

Имеется и еще четыре обломка плитки из того же самого материала, но более тонкой (№ 50—316, 317, 403, 404). Следы на плитке такие же, как на описанной выше (рис. 41, 1—2).

В слое третьем имеются, кроме того, небольшие округлые галечки (рис. 42, 1—2) (см. выше, описание находок из слоя 2-го) и один хорошо окатанный и отполированный песком стерженек в виде цилиндрика, являющийся, очевидно, окаменелостью, стеблем морской лилии.

Украшения в третьем слое представлены бусами из окатанных створок морских раковин. Две из них являются простыми угловатыми обломками раковин, в которых сбоку, асимметрично, просверлены отверстия для подвешивания. Третья бусина имеет грубые грушевидно-овальные очертания, хорошо окатана и заполирована с обеих сторон. На суженном конце ее просверлено отверстие для подвешивания. Эта бусина самая крупная из четырех, длина ее 2,8 см, ширина 1,8 см. Четвертая бусина меньше всех остальных; длина ее 1,5 см, ширина 1,1 см; очертания бусины овальные, отверстие находится посредине (рис. 42, 3—4).

Все бусины сохраняют характерные полоски из поперечных рубчиков на внешней поверхности. Отверстия на них высверлены с вогнутой гладкой, т. е. внутренней в раковине, стороны.

Последняя, пятая, бусина миниатюрного размера, в виде массивного кружочка. Сделана из черного камня и хорошо заполирована по всей поверхности. Отверстие в ней цилиндрическое, относительно широкое, с одной стороны, однако, шире, чем с другой. Диаметр бусины равен 6 см.

Есть так же один небольшой обломок створки раковины, угловатый, со следами раскалывания (№ 49—376). Он является, должно быть, отбросом от производства раковинных украшений.

Между других находок в слое оказались два обломка ископаемых, повидимому, костей. Они черного цвета, плотные. На них имеются следы обработки, на одном обломке виден протертый желобок, на другом — сглаженная и прошлифованная поверхность. Были найдены также фрагменты щитка черепахи.

Отдельно следует описать пять предметов, обнаруженных в слое третьем между глыбами скального завала на кв. 6-*г*.

Первое из них необычайно крупный и длинный продольный скол с ребра большого нуклеуса. Нуклеус этот был изготовлен из превосходного темносерого кремня, слегка просвечивающего по краям. Вещество кремня однородное, без каких-либо особых включений. Скол слегка изогнут в длину. В сечении он, как обычно, трехгранный. Вдоль одной его стороны имеются широкие фасетки поперечных сколов и кроме того, очень тщательная, но легкая вторичная ретушь, подправляющая лезвие пластины. Острое ребро на спинке пластины, как всегда, извилистое. Длина скола 12,4 см, ширина (максимальная) 3,2 см (рис. 43).

Второе изделие — длинная и широкая ножевидная пластина правильной формы с двумя гранями на спинке. Оба края пластины со спинки сплошь и тщательно обработаны ретушью. С одного края ретушь эта крупная и лезвие пластины здесь поэтому массивное. С противоположного края ретушь более пологая, а лезвие соответственно тоньше. Конец пластины обломан. Вся ее поверхность покрыта легким жирным блеском. Длина пластины 9,6 см, ширина ее 1,7 см. Пластина таких размеров в слоях пещеры—единственная, как единственным по размерам является и большой продольный скол нуклеуса, описанный выше. Кремень из которого сделана пластина, такой же, как на описанном выше сколе.

Третий предмет — концевой скребок. Опять-таки, самый крупный по размерам в третьем слое. Длина его 5,2 см, ширина 1,7 см. Изготовлен он из пластины светлосерого, хорошего по качеству, кремня. Пластина массивная, правильной формы, с двумя продольными гранями на спинке. Края пластины сплошь ретушированы, рабочий край скребка высокий и крутой, слегка выпуклый.

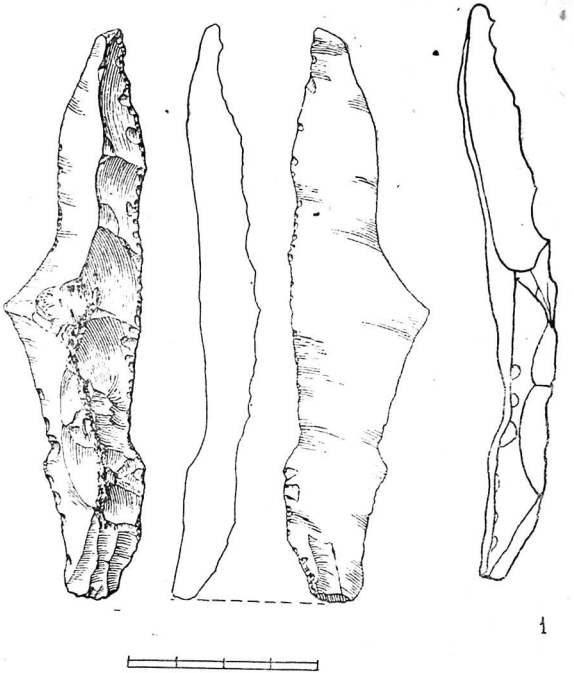


Рис. 43. Слой III. Продольный скол с ребра кремневого нуклеуса.

Четвертый предмет — широкий боковой скол с нуклеуса изготовленного из черного, слегка просвечивающего вдоль краев, хорошего кремня. По всей вероятности, этот скол снят с того же нуклеуса-заготовки, как и описанный выше продольный ребровый скол. Разница только в том, что

этот скол шире и тоньше и снят он был ударом, ориентированным в несколько ином направлении, не строго поперек обеих граней нуклеуса-заготовки, а почти параллельно одной из них, рассекая плоскость другой в поперечном направлении. Длина скола 6,2 см, ширина 2,3 см.

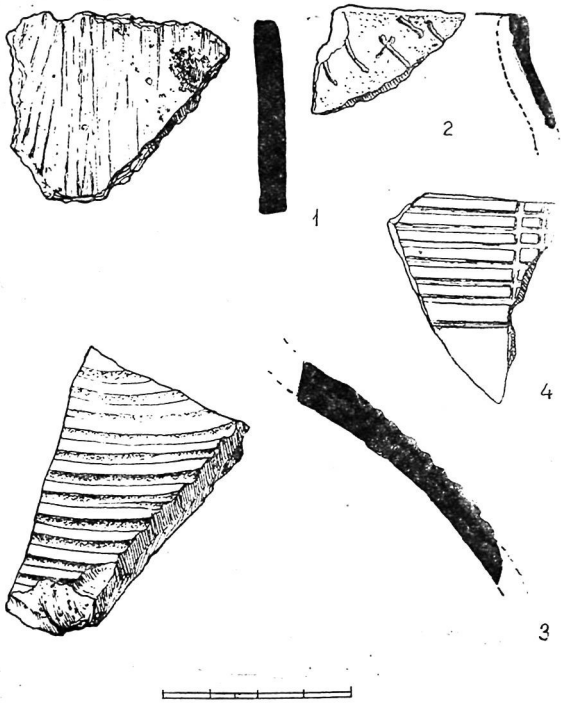


Рис. 44. Слой III. Фрагменты глиняных сосудов.

Пятый предмет — массивный отщеп подпрямоугольной формы, с сильно выпуклым и широким ударным бугорком на брюшке, без следов использования. Материал желтоватый, с включениями более грубой породы, кремень. Длина отщепа 5,2 см, ширина 3,8 см.

Керамика в третьем слое имеет по своему составу столь же сложный характер, как и керамика вышележащего второго слоя и во многом тесно связана с ней.

Как и во втором слое, здесь имеются фрагменты (7 штук) одного и того же, очевидно, чернолощеного сосуда с каннелюрами на внешней поверхности (рис. 44, 3—4) в том числе—плоского гладкого днища с характерными концентрически расположенными штрихами. Некоторые фрагменты отличаются, при этом, своей незначительной толщиной: 0,3—0,4 см.

Этим немногочисленным черепкам противостоят фрагменты других сосудов, изготовленных не на гончарном круге, а примитивной лепной техникой.

Один из самых крупных фрагментов такого рода принадлежал большому сосуду с выпуклым брюшком и слегка суженным горлом. Венчик сосуда отогнут наружу. Верхний плоский край его украшен косо расположенными поперечными оттисками, имитирующими круто свитый толстый шнур. В этих оттисках улавливаются следы поперечных бороздок, позволяющих предполагать, что они были выполнены, как это часто бывает, круто свернутой веревочкой. Остальная поверхность сосуда была гладкой, но сильно пострадала от времени. Цвет сосуда желтовато-бурый. Глиняная масса его грубая. Весь сосуд шелушится и расслаивается мелкими чешуйками; внутри его видны многочисленные и довольно крупные кусочки раздробленных раковин (№ 49—322) (рис. 45).

Второму сосуду принадлежит ряд фрагментов. Последние большей толщины, чем описанный выше (около 0,9 см). Венчик этого сосуда сверху округлен и сглажен. Он слегка выгнут наружу и отделен суженной шейкой от слегка выпуклого брюшка сосуда. Снаружи и изнутри поверхность сосуда тщательно сглажена. Цвет его красно-бурый, местами почти малинового оттенка. Глиняное тесто плотное, с примесью, повидимому, мелких кусочков шамота и дробленного белого кремня. Этому сосуду принадлежит фрагмент дна. Дно было округло-заостренным и, повидимому, не широким, а узким.

От третьего сосуда остались фрагменты венчика — грубого, толстого, черного цвета. Сосуд имел слегка выраженную шейку, несколько отогнутый наружу венчик с округленным и утонченным верхним краем. Изнутри и снаружи сосуд был вылощен, местами довольно тщательно. Масса сосуда плотная, в ней заметна примесь дробленых раковин. Некоторые фрагменты расчленяются продольно по трещинам. О резкой неравномерности обжига свидетельствует тот факт, что на ряде фрагментов видно два слоя, внешняя часть сосуда светложелтого цвета, внутренняя —интенсивно-черная. Сосуд был сломан, а затем скреплен, для чего в нем просверлили широкие сквозные отверстия, отверстия эти конические, высверленные с внешней стороны сосуда.

Обнаружен также ряд фрагментов принадлежащих, должно быть, сходным по типу, сосудам, в глиняном тесте которых имеется значительная примесь дробленого кварца и шамота а также толченых раковин. Все эти фрагменты плохой сохранности. Они расслаиваются и крошатся на части. Внешняя их поверхность шероховатая, внутренняя—сглаженная.

Кроме того, имеется ряд венчиков от разных сосудов. Первый венчик (№ 50—2356) происходит из промежуточного между вторым

и третьим слоями уровня. Он принадлежал грубому лепному сосуду не имевшему шейки. Стенки его в верхней части плавно загибались внутрь. Верхний край венчика округлен и сглажен. Снаружи сосуда имеется грубый фрагмент в виде косых насечек, образующих не что вроде, двойного зигзага или „елочки". Масса сосуда твердая и плотная, в ней заметна примесь мелко истолченных раковин.

От второго венчика (49—401) сохранилась только внешняя его часть, так как венчик расчленился пополам. Поверхность черепка гладкая. Снаружи на ней имеются следы резного орнамента из косых тонких линий, местами перекрещивающихся. Цвет черепка черный, в массе его заметна примесь толченых раковин.

Третий венчик (№50—284) дает представление о тонкостенном сосуде с хорошо выраженным перехватом шейки, слегка отогнутым наружу венчиком, округленным сверху и выпуклым брюшком. Масса сосуда —плотная и твердая, в ней хорошо заметна примесь мелко истолченных раковин, поблескивающих своими плоскостями на темном фоне черепка. Внутренняя поверхность черепка гладкая, снаружи заметны своеобразные тонкие косые штрихе, возможно, являющиеся следами обработки ее орудием с зубчиками типа гребенки. Сбоку на краю сосуда имеется три сквозных сверленых отверстия, предназначенных для связывания лопнувшего сосуда.

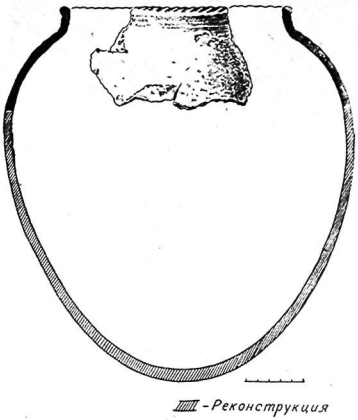


Рис. 45. Слой III. Сосуд (реконструкция)

Четвертый венчик (№ 49—358) принадлежал относительно тонкостенному сосуду, максимальная толщина стенок 0,4—0,5 см. Венчик был слабо отогнут наружу. Снаружи он тщательно залощен. Венчик (№ 49—298) прямой, с приостренно-сглаженным верхним краем. Ниже, повидимому, находилось слегка выпуклое брюшко. Венчик, следовательно, должен был иметь характер стоячего «воротничка».

В заключение описания керамики третьего слоя следует упомянуть два отдельных фрагмента сосудов такой же лепной примитивной техники, как описанные выше.

Фрагмент (№ 49—300) отличается от всех остальных тем, что вся внешняя поверхность его сплошь покрыта длинными штрихами, по всей вероятности, образованными чем-то вроде зубчатой лопаточки.

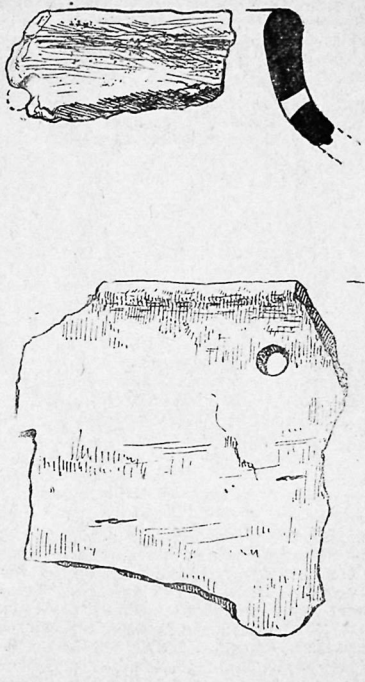


Рис. 46 Слой III. Фрагменты венчиков сосудов.

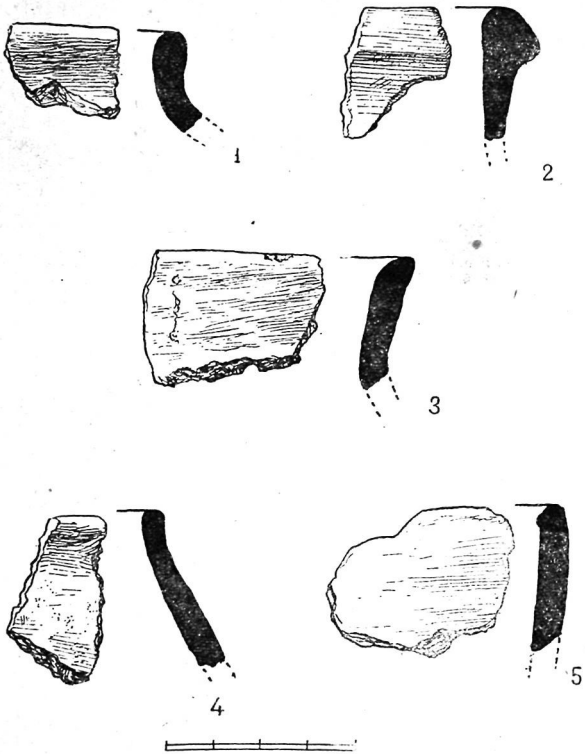


Рис. 47. Слой III. Фрагменты венчиков сосудов.

Фрагмент (№ 49—514) интересен тем, что один край его заглажен и выровнен, вследствие употребления несколько неожиданно, что совершенно такие же образцы встречены в неолитических поселениях Якутии[8]).

Слой четвертый

Материал для изготовления каменных орудий в четвертом слое в основе такой же, как в предшествующих трех слоях. Однако есть и некоторые частные отличия.

На первом месте по количеству образцов, как и выше, находится светложелтый кремень различных оттенков. Но наряду с ним относительно часто встречается и новый кремень: непрозрачный пепельно-серого цвета. Есть так же кремень мясокрасного цвета с белыми пятнами, также не встречавшийся ранее. Кремень черный, полупрозрачный, относительно редок, реже чем в верхних трех слоях.

Из других пород камня отмечается лишь спорадическое применение песчаника различных разновидностей для изготовления крупных изделий, а также окатанных галек белого известняка. Есть, как и прежде, примеры утилизации собранных где-то в других местах и зашлифованных сыпучим песком более древних изделий из кремня.

Наиболее характерна в этом отношении длинная пластина (№ 50—562) с двумя гранями на спинке, имевшая ретушь вдоль краев и, повидимому, рабочий конец в виде полукруглого выпуклого скребка. Сейчас все изделие сплошь покрыто густым жирным блеском, острые грани его сглажены, фасетки ретуши тоже зашлифованы, в особенности, сильно сглажен рабочий конец пластины.

Густым жирным блеском отличаются фрагменты двух широких пластин из полупрозрачного дымчатого кремня, а также некоторые пластины из голубовато-серого и светлосерого кремня, напоминающие находки на различных поселениях открытого типа в районе Красноводского полуострова, в том числе в районе мыса Куба-Сенгир, откуда они и могли быть доставлены обитателями Джебелской пещеры. Особенно интересна одна массивная пластина подтреугольных очертаний с сильно выпуклым ударным бугорком на брюшке (№ 50—804) (рис. 48, 4). Пластина эта сильно сглажена и покрыта густым жирным блеском. Не исключено, что она происходит из развеянного мустьерского местонахождения.

Оббитых желваков кремня и их обломков найдено всего семь, в том числе из желтоватого халцедона. Наиболее характерным из них является № 50—2377 из желтоватого просвечивающего по краям кремня. Желвак отесан со всех сторон широкими сколами; очертания его приближаются к овальным, одна сторона плоская, другая высокая, с выраженным срединным ребром. Возможно, что это—заготовка для какого-то массивного орудия. Длина 5,7 см, ширина 2,4 см.

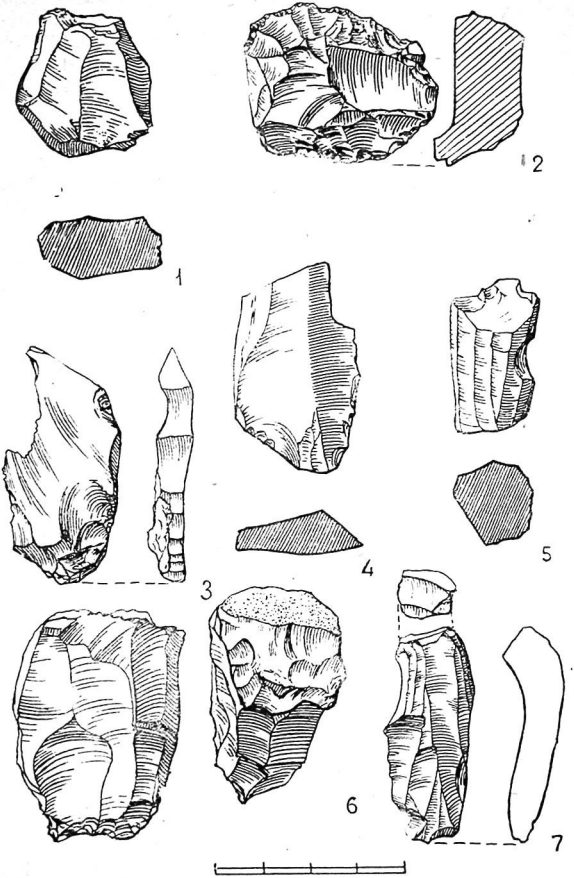


Рис. 48. Слой IV. 1—плоский кремневый нуклеус. 2—скребловидное кремневое орудие; 3—поперечный скол с площадки кремневого нуклеуса; 4—кремневая пластина; 5—7—кремневые нуклеусы.

В слое оказался также большой кусок превосходного желтовато-дымчатого кремня в виде массивной плитки подпрямоугольных очертаний, покрытой с обеих сторон толстой желвачной коркой буро-желтого цвета. Вдоль краев плитки эта корка была удалена вертикальными или почти вертикально-направленными сколами, оформившими как бы сплошное круглое лезвие — вдоль трех ее краев. Длина плитки равна 12 см; максимальная ширина—6,6 см. Плитка эта, несомненно, представляет собой заготовку для нуклеуса или вообще, болванку-полуфабрикат. Она наглядно показывает каким образом производилась предварительная подготовка кремневого сырья, в виде желваков, подвергавшегося специальной обивке до использования по прямому назначению (рис. 58, 1).

Отщепов в слое оказалось 273. В большинстве это мелкие отщепы и отщепы средней величины (около 2 см длины), но имеются и более крупные—до 6 см длиной. Отщепы с желвачной коркой редки. Это показывает, что первичная обработка кремневого сырья производилась не в пещере, а в другом месте, всего вероятнее, на местах добычи кремня. Отщепов с ретушью немного, всего 7 штук, ретушь на них случайного характера или от употребления.

Нуклеусы, их фрагменты и сколы с нуклеусов представлены следующими предметами:

1) Болванка-заготовка (№ 50—921) (рис. 48, 6) для обычного призматического нуклеуса из непрозрачного светлосерого кремня. Болванка сделана из небольшого желвака кремня и сохранила еще остатки желвачной корки. Площадка нуклеуса подготовлена рядом точных ударов. Она строго перпендикулярна длинной оси заготовки. По бокам заготовки имеются желобки продольных первичных сколов, производившихся, преимущественно, с этой, более широкой и удобной площадки. Но часть продольных сколов была сделана и с более узкой площадки на противоположном конце изделия. Эта вторая площадка была сформлена одним поперечным сколом, однако, неудачным, так как плоскость скола оказалась не ровной, а ребристой. Длина заготовки, 5,3 см, ширина ее 3,6 см, толщина 2,3 см. В поперечном сечении заготовка представляет собою прямоугольник с округлыми гранями.

2) Призматический нуклеус (№ 49—699) (рис. 48, 5) на небольшом желваке из мясокрасного с серыми пятнами кремня. На одной стороне его сохранилась желвачная корка, другая покрыта узкими и правильными желобками продольных сколок. Длина нуклеуса равна 3,2 см, ширина—1,5 см.

3) Призматический нуклеус из черного непрозрачного кремня, рассеченного сильным продольным ударом на две части (№ 50—887) (рис. 48, 7). Нуклеус имел, очевидно, правильную цилиндрическую форму и был покрыт широкими желобками продольных сколов. Длина нуклеуса 4,5 см.

4) Грубый, до конца сработанный нуклеус неправильно-призматической формы из желвака светлосерого кремня (№ 50—807). На одном конце сохранил следы желвачной корки. Длина 4,2 см.

5) Плоский нуклеус, сработанный до конца (№ 49—903), из дымчатого желтоватого кремня. Диаметр 3,2 см (рис. 48, 1).

6) Обломок нуклеуса призматического типа (№ 50—409). Нуклеус был изготовлен из желвака пепельносерого кремня невысокого качества. На одной стороне изделия сохранилась желвачная корка, сбоку имеются узкие желобки многочисленных продольных сколов.

7) Обломок нижней части нуклеуса призматического типа с хорошо подготовленной площадкой (№ 49—871). Материал—темносерый непрозрачный кремень.

8) Продольный скол с желвака беловатого кремня, использованного в качестве нуклеуса (№ 49—765).

9) Продольный скол с расколотого продольного призматического нуклеуса из темносерого кремня (№ 50—904).

10) Поперечный скол с площадки крупного нуклеуса призматической формы (№ 50—584). Материал — темносерый кремень с розовым оттенком (рис. 48, 3).

11). Отщеп сколотый с угла площадки призматического нуклеуса (49—789).

12) Небольшой обломок площадки призматического нуклеуса из мясокрасного кремня (№ 49—703).

13) Крупный фрагмент большого призматического нуклеуса с плоскими широкими желобками продольных сколов на одной стороне и отбивной поверхности—на другой (№ 49—763).

14) Массивный поперечный скол с площадки крупного нуклеуса призматического типа. Материал — темносерый кремень.

Кроме того, продольных сколов с угла заготовок для нуклеусов, или вообще массивных заготовок типа описанной выше (№ 50—841), в слое обнаружено 9. Все они имеют характерное трехгранное сечение в поперечнике. У шести из них один край оформлен поперечными сколами, другой—гладкий. Самая короткая из этих пластин имеет в длину 3 см, наиболее длинная—6,4 см.

Ножевидных пластин без ретуши в четвертом слое обнаружено 204. В большинстве пластины узкие, длиной до 4 см, шириной около 1 см. Есть и более широкие — около 1,5—2,5 см. Как правило, на спинке пластин имеется по два симметричных прямых ребра. Довольно часто встречаются и пластины с одним ребром на спинке, т. е. треугольные в поперечном сечении.

Пластин с ретушью в четвертом слое обнаружено 58, из них ретушированных вдоль обеих краев 22 (рис. 49 и 50). Ретушь в большинстве случаев легкая, лишь слегка оформляющая самый край пластины, иногда же крутая, затупливающая (4 экземпляра). В трех случаях ретушь имеет противолежащий характер, т. е. на одном крае с брюшка, на другом—со спинки пластины.

Пластин с выемками в четвертом слое и их фрагментов найдено 32 (рис. 51). У некоторых пластин имеется по две выемки, расположенных прямо друг против друга на противоположных краях пластины. У других выемки располагаются несимметрично. Глубина и длина выемок различная. Самые глубокие выемки имеются на пластинах № 49—686, 706, 790, 782; 50—716. В большинстве случаев ретушь на пластинах с выемками крутая, затупливающая, сами же пластины массивные. При этом все пластины ретушированы и выемки сделаны со спинки.

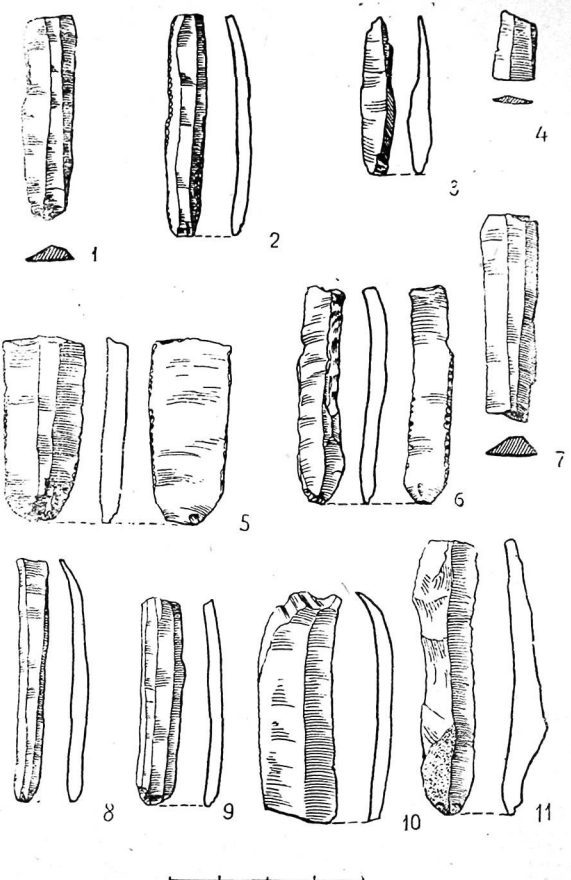


Рис. 49. Слой IV. Кремневые пластинки.

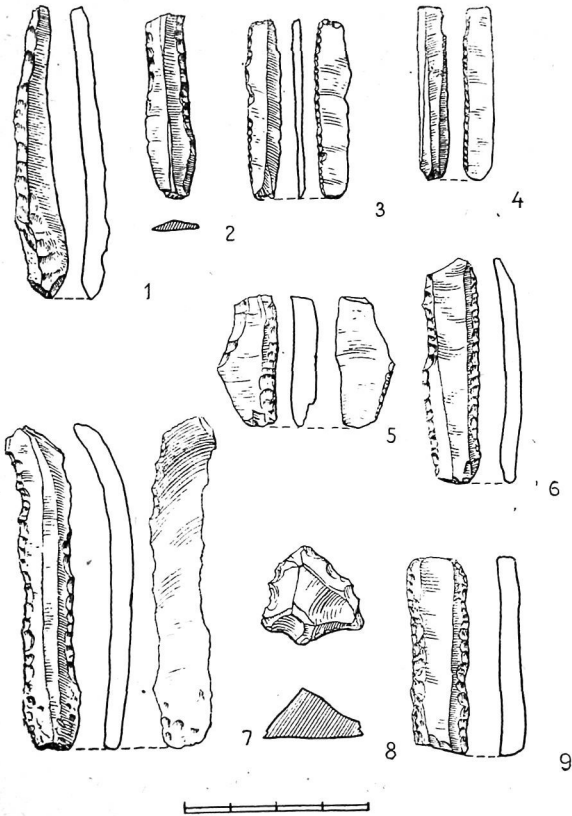


Рис. 50. Слой. IV 1–7, 9—кремневые пластинки с ретушью.
8—кремневый отщеп с ретушью.

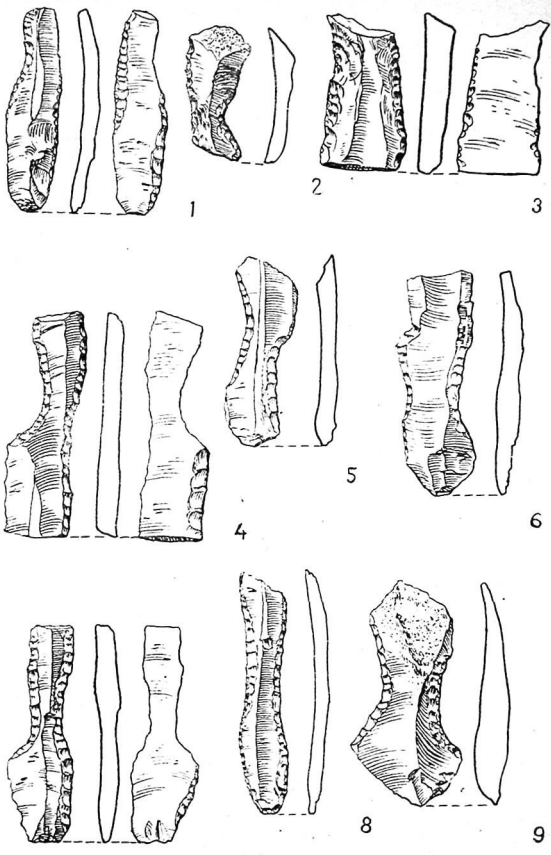


Рис. 51. Слой IV. Кремневые пластинки с выемками.

Однако, на пластинах №№ 49—868 и 863 ретушь дополнительно имеется и с брюшка. Она здесь, однако, резко отличается от ретуши покрывающей края вдоль спинки. Вместо затупливающей ретуши здесь имеется приостряющая ретушь, с очень пологими и правильными, хотя и короткими, симметрично расположенными фасетками. Наиболее длинные и широкие пластины с выемками достигают в длину 5—7 см, причем следует иметь в виду, что наиболее крупные пластины сохранились не целиком; они или сломаны пополам, или не имеют концов.

Скребки. Среди скребков количественно и по качеству отделки первое место занимают скребки концевого типа. Они делятся на две группы. К первой относятся скребки, изготовленные из более или менее длинных ножевидных пластин.

1) Самый крупный по размерам концевой скребок (№ 50—801) (рис. 52,3) изготовлен из массивной пластины желтовато-бурого кремня длиной 5,4 см при ширине 1,5 см. Рабочий конец у него выпуклый, оформленный мелкой тщательной ретушью. Вдоль одного края имеются мелкие частые выщерблины, являющиеся, очевидно, следами употребления, а не результатами намеренной отделки пластины ретушью. Пластина, из которой сделан скребок целая и сохранила ударный бугорок на брюшке.

2) Скребок (50—429) (рис. 52, 9) изготовлен из правильной по форме пластины с двумя прямыми строго параллельными ребрами на спинке. Нижний конец ее обломан, верхний превращен тонкой тщательной ретушью в выпуклое, слегка скошенное, лезвие. Длинные края пластины тоже обработаны ретушью, выполненной не менее тщательно. Материал пластины превосходный полупрозрачный кремень, светлосерого цвета. Длина скребка 2,9 см, ширина его 1,3 см.

3) Скребок № 49—901 (рис. 52, 7) изготовлен из широкой пластины дымчатого кремня с двумя ребрами на спинке. Рабочий конец пластины, оформленный узкими длинными фасетками, дугообразно-выпуклый и слегка скошен в одну сторону. Один длинный край скребка тоже ретуширован. Нижний конец пластины обломан. Длина орудия 2,8 см, ширина 1,7 см.

4) Скребок № 50—236 сделан из широкой и относительно тонкой пластины непрозрачного серого кремня. Лезвие скребка выпуклое, один край его ретуширован. Длина изделия 3 см, ширина 1,7 см.

5) Скребок № 50—569 изготовлен из плоской и тонкой ножевидной пластины желтовато-белого кремня. Лезвие скребка выпуклое и так же, как у описанных выше, слегка скошено к одной стороне. Оба края пластины ретушированы.

6) Скребок на плоской и широкой ножевидной пластине, пострадавшей от действия огня. Рабочий конец пластины прямой. Длина скребка 3,9 см, ширина его 1,9 см.

Концевые скребки второй группы изготовлены не из настоящих ножевидных пластин, а из относительно массивных пластинчатых сколов-отщепов с одним или двумя ребром на спинке, сохраняющих, как правило, на нижнем конце ударный бугорок. Таких скребков в четвертом слое 5.

1) Скребок № 49—788 (рис. 52,8). Сделан из трехгранного в сечении пластинчатого скола. Материал темносерый, с коричневым оттенком, непрозрачный кремень.

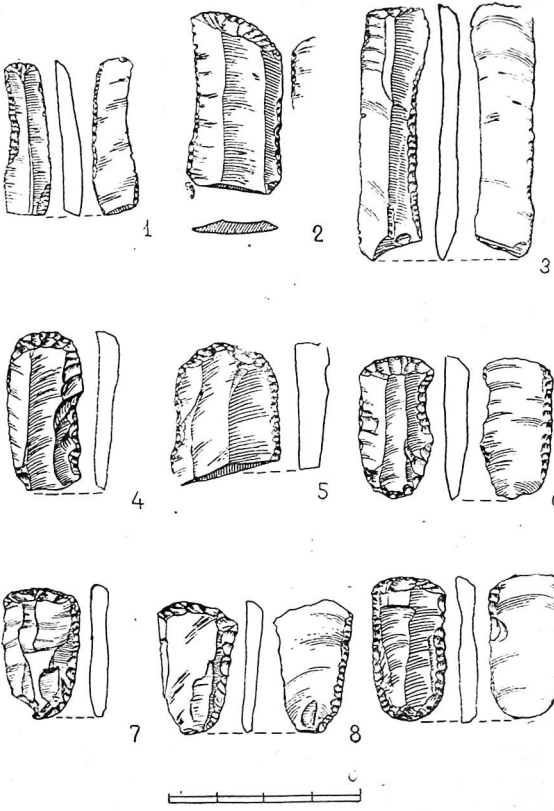


Рис. 52. Слой IV. Кремневые скребки.

Рабочий конец скребка симметрично выпуклый. Один край ретуширован. Длина скребка 2,8 см, ширина 1,3 см.

2) Скребок № 50—549. Изготовлен из аналогичного по форме скола. Материал светлосерый, слегка желтоватый, полупрозрачный кремень. Рабочий конец слегка выпуклый и скошенный в одну сторону, оба длинных края ретушированы. Длина 2,6 см, ширина лезвия 1 см.

3) Скребок № 49—50. Изготовлен из скола с двумя ребрами на спинке, рабочий конец симметрично выпуклый; оба продольных края тщательно ретушированы. Длина скребка 2,5 см, ширина 1,1 см.

4) Фрагмент скребка (49—563) (рис. 53, 2) аналогичного описанному выше. Нижняя часть изделия обломана. Длина его 2,5 см, ширина 1,1 см.

5) Фрагмент скребка (№ 50—550) из массивного пластинчатого скола непрозрачного кремня темносерого цвета. Рабочий край скребка выпуклый, один продольный край его тщательно ретуширован, другой слегка зазубрен. Ширина скола 1,5 см, длина 2,2 см. Нижний конец изделия обломан.

Три предмета, приближающиеся по форме и технике изготовления к концевым скребкам.

Первый из них (№ 50—560) (рис. 54, 9)—массивная, изогнутая в продольном направлении пластина из светлосерого непрозрачного кремня, сильно суживающаяся к верхнему концу. Этот конец ретушью превращен в узкое прямое лезвие. Длинные края пластины тоже обработаны ретушью. Длина изделия 4,8 см, ширина рабочего конца 0,4 см. Оно служило, повидимому, для каких-то специальных целей, где требовалось прочное, но очень узкое лезвие. Вместе с тем, относительно длинная и кривая рукоять показывает, что эта специфическая форма пластины была рассчитана на работу с значительным нажимом на обрабатываемый материал.

Второй предмет (№ 50—411) (рис. 54, 10) имеет вид длинной пластины из красновато-коричневого кремня. На спинке пластины имеется две обычных продольных грани. Пластина вдоль ее краев обработана противолежащей ретушью—один край ретуширован с брюшка пластины, другой—со спинки. На брюшке, вдоль края ретушированного со спинки, впрочем, тоже есть ретушь, но только в основании пластины, где нет ретуши на спинке. Ретушь, оформляющая лезвие пластины на спинке, продолжается и вплоть до ее верхнего конца, где она оформляет дугообразновыпуклое боковое лезвие, отдаленно напоминающее изгиб лезвия острий типа шательперрон.

Это, несомненно, был нож специального типа. Длина его 5,4 см, ширина 1,2 см.

Третий предмет (№ 50—561) (рис. 54, 11) изготовлен из слегка изогнутой в продольном направлении пластины с двумя гранями на спинке. Оба длинных края пластины обработаны неровной и крутой ретушью в виде зубчатых лезвий. Один поперечный конец уже другого и обработан такой же, как на длинных краях зубчатой ретушью в виде узкого прямого лезвия. Противоположный, широкий конец пластины оформлен в виде прямого, скошенного, лезвия, напоминающего соответственные концы

пластинок с затупленной спинкой, имеющихся в этом же культурном слое. Материал пластины — голубовато-серый непрозрачный кремень. Длина ее 4,8 см, наибольшая ширина 1,1 см.

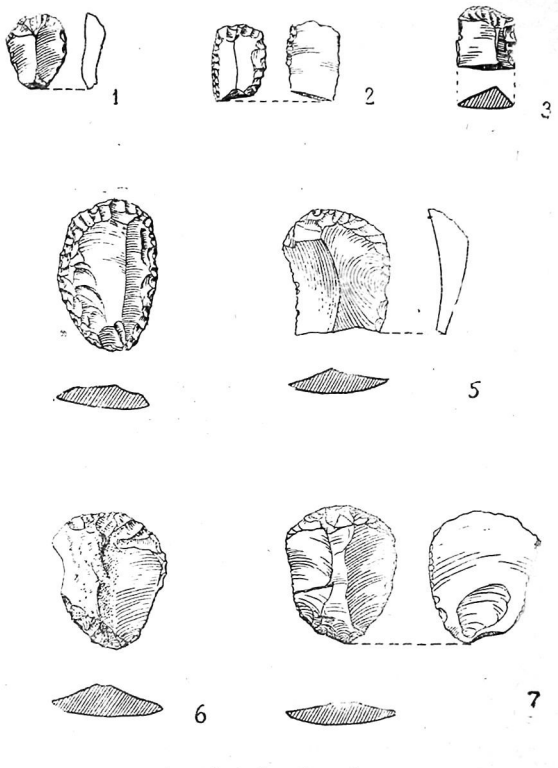


Рис. 53. Слой IV. Кремневые скребки.

Девять скребков относятся к числу изготовленных на небольших отщепах. Четыре из них имеют характерную «языковидную» форму, т. е. обладают широким дугообразно выпуклым верхним концом и суженным нижним.

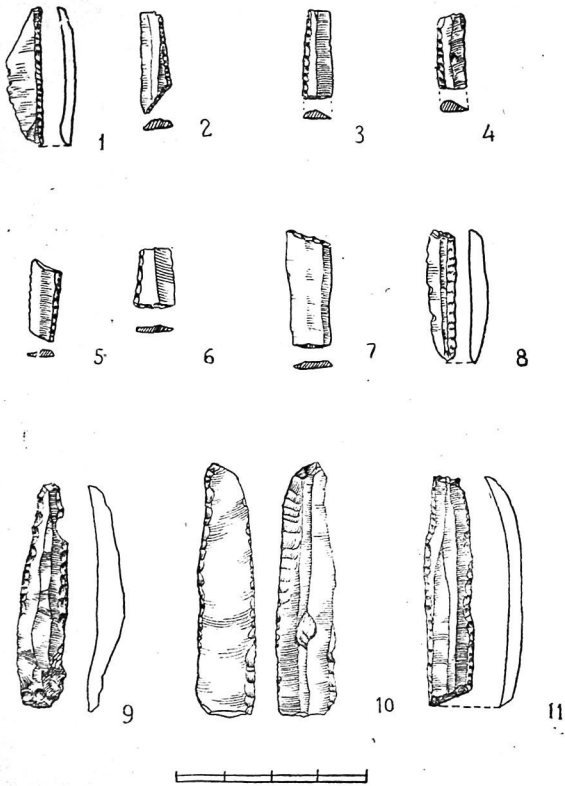


Рис. 54. Слой IV, 1—8—миниатюрные кремневые пластинки с ретушью. 9—11—кремневые изделия типа концевых скребков.

На спинке их имеется одно продольное ребро, делящее последнюю на две грани (плоскости). У одного скребка из этой группы (№ 49—562) (рис. 53, 4), изготовленного из отщепа превосходного по качеству дымчато-желтоватого полупрозрачного кремня, ретушь круговая, как на лезвии, так и вдоль обеих краев. Второй скребок выделяется из всех остальных своими миниатюрными размерами (№ 50—821) (рис. 53, 1). В то время как другие имеют в длину, в среднем, 2,5—3 см, длина этого скребка равна 1,5 см при ширине 1,2 см. Тем не менее, его выпуклый рабочий край имеет симметричный характер и тщательно оформлен ретушью. Материал, из которого изготовлен этот микроскребок, полупрозрачный желтоватый кремень высокого качества.

Два скребка принадлежат к числу скребков «высокого типа».

Первый из них (№ 49—564) сделан из массивного куска светло-серого с голубовато-черными пятнами, кремня. Орудие имеет овальные очертания и уплощено широкими пологими сколами к одному концу, где оно образует как бы клиновидное одностороннее лезвие. Оба боковые края его оформлены крутой, почти вертикальной, ретушью и превращены в массивные лезвия, высотою до 1,7 см каждое. Длина изделия 4,4 см, ширина его 3,3 см.

Второе орудие, сделанное из непрозрачного серого кремня (№ 49—718), имеет треугольные очертания. Один конец его уплощен в виде треугольного острия, другой образует высокий и массивный прямой рабочий край. Изделие оформлено крутыми широкими сколами с вторичной подправкой краев мелкой ретушью. Длина орудия 2,3 см, ширина его 2,1 см.

Следующая категория изделий из кремня—*проколки* и *проколовидные острия*. Проколок с уцелевшими остриями—5 экземпляров, с обломанными — 6 штук.

Проколка № 50—582 (рис. 55, 10) изготовлена из массивного бокового скола с обработанной вдоль края заготовки. Материал ее—серый, слегка просвечивающий вдоль краев, кремень. Кончик скола противоположный ударному бугорку со стороны спинки оформлен ретушью в виде прочного трехгранного острия. Он отделен легкими уступами от остальной части пластинчатого скола. Длина изделия 5,2 см, ширина его 1 см.

Проколка № 50—723 (рис. 55, 11) сделана из ножевидной пластины, суживающейся к верхнему, т. е. противоположному ударному бугорку, концу. Материал светложелтый полупрозрачный кремень. Кончик пластины оформлен ретушью в виде острия, трехгранного в сечении. Продольные края пластины тоже ретушированы. Длина изделия 3,5 см, ширина (наибольшая) 1,1 см.

Проколка № 50—843 (рис. 55, 13) изготовлена из бокового продольного скола с края призматического нуклеуса. Она изогнута. в продольном направлении. Кончик ее обработан тончайшей ретушью и превращен в тонкое, искривленное вбок, острие. Один продольный край пластины тоже ретуширован. Материал светложелтый полупрозрачный кремень. Длина пластины 5,5 см, ширина ее 0,9 см.

Проколка № 50—923 (рис. 55, 12) изготовлена была из узкой, изогнутой в продольном направлении, но правильной по форме пластины желтоватого кремня. Оба края ее ретушированы, причем в верхней части

особо выделено массивное длинное острие, конец которого сломан и утрачен.

Проколки № № 50—714, 720, 874 и 953 (рис. 55, 8, 6, 7, 9) тоже полностью не уцелели. У них имеются только нижние части, оформленные вдоль обеих краев крутой затупливающей ретушью. Материал этих проколок: темносерый, светложелтый, покрытый белой патиной и голубовато-серый кремень.

Проколка № 49—737 (рис. 55, 1) изготовлена из миниатюрной пластинки черного непрозрачного кремня, у которой тщательной ретушью с краев кончик выделен в качестве тонкого острия. Длина проколки 2,6 см.

Проколка № 50—460 (рис. 55, 3) из пластины светложелтого кремня, имеет своеобразную форму. Острие ее плоское, широкое, ромбической формы, оформленное крутой затупливающей ретушью вдоль краев. Острие переходит в слегка искривленный вбок узкий, стерженек, оформленный по краям такой же затупливающей крутой ретушью. Длина уцелевшей части проколки 2,3 см, ширина (максимальная) 1 см.

Проколка 50—456 (рис. 55, 2) сделана из узкой и тонкой микропластинки, ретушированной вдоль одного края. Длина ее 2,4 см, ширина 0,6 см.

От проколки № 50—862 (рис. 55, 4) уцелело только острие, точно также, как и на предшествующем изделии оформленное крутой ретушью с одного края.

Проколка № 50—434 (рис. 55, 5) является единственной в своем роде. Она сделана из узкой ножевидной пластинки с двумя ребрами на спинке. Мелкой и тщательной ретушью затупливающего характера у нее оформлен суженный насад. Более пологой, но столь же мелкой и тщательной ретушью обработан верхний конец пластины, образующий слегка искривленное в одну сторону острие. В целом форма проколки удлиненно-листовидная, изящно очерченная. Длина ее 3,2 см, ширина 0,8 см. Это одно из самых изящных по форме и технике мелких кремневых изделий, обнаруженных в пещере Джебел.

Следующая серия кремневых изделий—острия со скошенным или прямым ретушированным основанием, затупленной спинкой и острием на верхнем конце.

Таких острий имеется 7, из них со скошенным основанием три экземпляра, а с прямым четыре. Кроме того имеется два обломка таких же, повидимому, предметов. Острия у шести таких изделий обломаны, сохранились лишь основания.

Все они изготовлены из правильных ножевидных пластин небольшого размера. У всех за исключением одной пластинки, самой широкой, оформлен характерной затупливающей ретушью один длинный край, а другой оставлен без обработки, такой же характер имеет ретушь и на прямом или скошенном поперечном крае, представляющем основание пластин.

Наибольшая ширина пластинок 1 см, остальные не превосходят 0,9—0,7 см в самой широкой части.

Резцы предоставлены одним типичным экземпляром на углу сломанной пластины и тремя менее отчетливыми образцами.

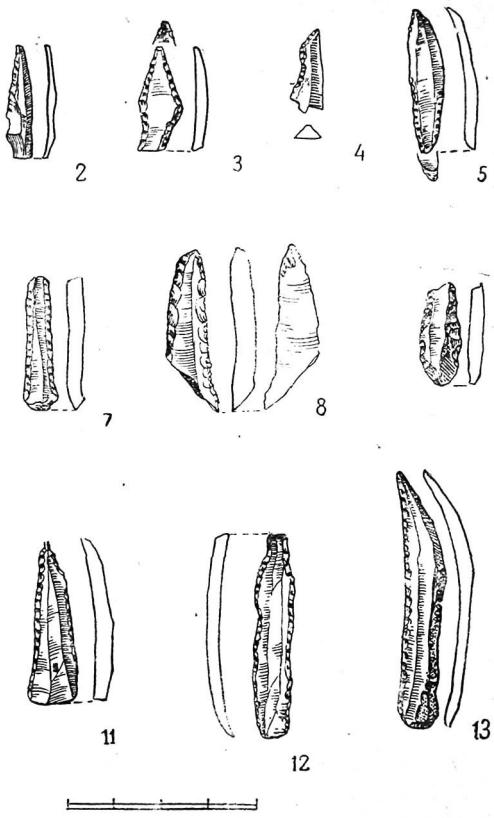


Рис 55. Слой IV. Кремневые проколки.

Первый из них (№ 49—565) (рис. 56, 8) представляет собою довольно крупную и правильную по форме пластину, сломанную поперек внизу и вверху. Материал пластины непрозрачный беловато-желтый кремень. Длинные края ее обработаны мелкой ретушью, образующей вдоль одного края неглубокие выемки. На расширенном конце пластины с угла имеется хорошо выраженный резцовый скол, нанесенный энергичным коротким и резким ударом. Длина изделия—4,6 см; максимальная ширина—1,5 см.

Второй образец (№ 49—880) представляет собой узкую тонкую и длинную пластину прямоугольной формы. Короткие поперечные края пластины оформлены мелкой затупливающей ретушью в виде прямых лезвий. Один продольный край ее точно также ретуширован аналогичным образом. Однако, с одного угла пластины был нанесен удар, оформивший скол резцового типа. Длина пластины 2,7 см. ширина 0,8 см.

Третий образец (№ 50—576) (рис. 56, 10) миниатюрное проколковидное острие из дымчатого с желтоватым оттенком кремня. Оба длинных края пластинки обработаны затупливающей ретушью. Ретушь эта имеет противолежащий характер. На самом кончике острия нанесен боковой резцовый скол миниатюрного размера. Длина острия 2,6 см.

Последний предмет из этой группы представляет характерный резцовый скол — отщеп, снятый при изготовлении более крупного, чем описанные выше, орудия типа резца. Длина скола — 3,2 см. Материал—серый непрозрачный кремень.

Наконечники стрел. Первый наконечник, самый своеобразный из всех, найденных в слое четвертом (№ 49—516) (рис. 56,3). Он сделан из линной и массивной пластины желтоватого кремня, треугольной в поперечном сечении. Один длинный край пластины оставлен без обработки, второй сплошь, во всю длину обработан ретушью, так же как и основание пластины. Основание это прямое, оформлено крутой затупливающей ретушью. Такой же ретушью обработан на две трети его длины и ретушированный край изделия, суженный ретушью и образующий массивный длинный черенок наконечника. Верхняя треть наконечника превращена в треугольное плоское острие отделенное уступом от черенка. Острие с обеих сторон обработано тонкой отжимной ретушью, резко отличной от затупливающей ретуши черенка. Длина наконечника 5,2 см, ширина 1,1 см. По общим своим очертаниям, технике оформления и пропорциям длинный наконечник должен быть отнесен к хорошо известной группе наконечников с боковой выемкой. Ближайшая аналогия ему на почве Средней Азии—наконечники с боковой выемкой из поселений кельтеминарской культуры в Хорезме. Однако, они меньше по размерам.

Возможно, что незаконченным наконечником стрелы является так же и другое изделие (№ 49—793) (рис. 56, 4). Это небольшая, но массивная пластина из белого непрозрачного кремня. Основание пластины обработано ретушью в виде короткого, обломанного внизу, черенка, вверху и тоже с обоих сторон ретушью намечено острие. Ретушь крутая и затупливающая всюду только с одной стороны—со спинки, на брюшке ее нет. Длина изделия—3,3 см. Два наконечника оббиты с обеих сторон. Первый из них представлен нижней частью (рис. 56, 5). Судя по ней это был типично неолитический по форме и технике изготовления, двусторонне оттретушированный наконечник стрелы.

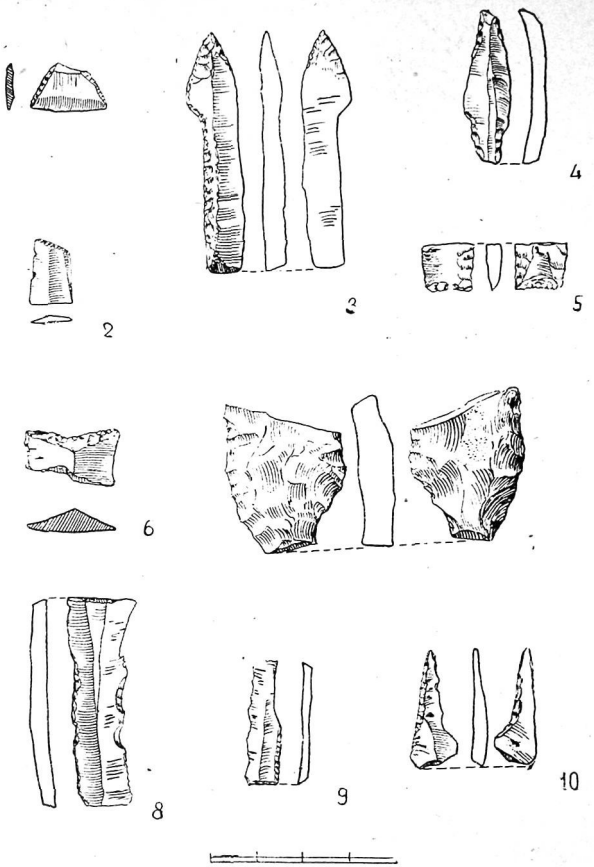


Рис. 56. Слой IV. 1—2, 6—кремневые изделия геометрической формы. 3—5, 7—кремневые наконечники и их обломки. 8—10—кремневые изделия с резцовыми сколами.

Наконечник этот был изготовлен из беловато-серого непрозрачного кремня и имел очертания сходные, повидимому, с очертаниями наконечников из вышележащих слоев. У него почти прямое, чуть вогнутое основание и расширяющиеся кверху боковые края. Ретушь на нем мелкая и тщательная.

Второй наконечник, от которого тоже уцелела только нижняя часть, судя по его крупным размерам, должен был быть наконечником копья, а не стрелы (рис. 56, 7). Форма наконечника была листовидной, со слегка выступающим внизу узким черенком. Обе стороны наконечника обработаны широкими плоскими сколами неолитического типа. В поперечном сечении наконечник имеет вид довольно массивной двусторонне выпуклой линзы. Судя по наличию остатков желвачной корки на черенке и на одной стороне наконечника, изделие не было закончено обработкой. Материал наконечника темносерый непрозрачный кремень. Длина уцелевшей его части равна 3,3 см, ширина 2,3 см.

В заключение опишем три единичных кремневых изделия.

Первое (№ 49—794) (рис. 56, 2) — фрагмент тонкой пластины со скошенным тончайшей ретушью верхним краем. Материал — желтоватый полупрозрачный кремень.

Второе (№ 49—760) (рис. 56, 6) — фрагмент изделия из широкой пластины трехгранной в сечении с ретушированным, слегка вогнутым поперечным краем; ретушь крутая затупливающая. Повидимому, это— часть орудия геометрической формы — крупной трапеции. Материал — светлорозовый непрозрачный кремень.

Третье — миниатюрный треугольник (№ 50—736) (рис. 56, 1), изготовленный из правильной тонкой пластины с двумя ребрами на спинке.

Возможно также, что это была трапеция, так как вершина ее обломана и неясно, сходились ли оба косых края изделия вместе, или нет. Ретушь на скошенных краях изделия крутая, мелкими фасетками. Длина изделия в основании 1,6 см, высота 1,1 см. Материал — красновато-бурый кремень хорошего качества.

Украшения. Предметы украшения представлены раковинными плоскими бусами, бусами из камня и одной поделкой в виде подвески с ушком. Бус из раковин три. Одна (№ 49—717) (рис. 57, 1) неправильно-овальной формы, длиною 2,5 см, шириной 1,3 см, вторая (№ 50—408) (рис. 57, 2) округлая, длиной 1,6 см, при ширине 1,4 см. Одна— бусина белого цвета, вторая желтоватого.

Третья бусина, неправильно овальной формы, длиной 2,7 см, шириной 1,9 см, отличается красивой блестящей эмалевой поверхностью и расцветкой на ее черном фоне контрастно выступают белые волнистые полосы и пятна. Повидимому, для изготовления этой бусины был использован окатанный морем обломок раковины, приобревший в полуфоссилизованном состоянии эту необычную расцветку (рис. 57, 3).

Отверстия на раковинных бусах конические, высверленные во всех трех случаях с гладкой внутренней стороны.

Кроме готовых бусин в слое оказались четыре заготовки для них, в том числе три овальных окатанных и одна треугольная, с обломанными краями.

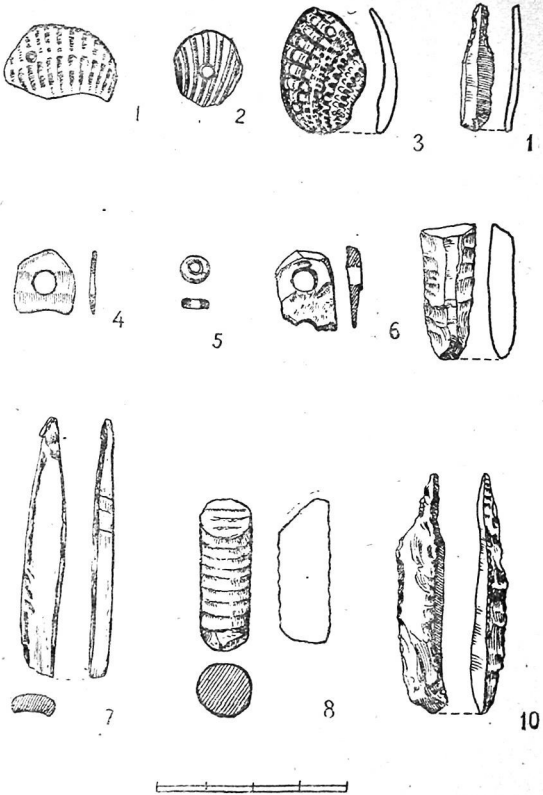


Рис. 57. Слой IV. 1—3—раковинные бусы, 4—6—каменные бусы, 7— костяной стерженек, 8—палеонтологический объект (? Ред.).

В качестве украшения была использована и небольшая белая створка двустворчатой раковины (№ 50—777), у которой для подвешивания было пробито в замочной части специальное сквозное отверстие. Вся поверхность раковины заполирована от длительного ношения и блестит жирным блеском. Цвет раковины светложелтый.

Каменных (?) бусинок — две. Одна миниатюрная, блестящая, черного цвета, в виде отрезка цилиндрика (№ 49—705). Диаметр ее 0,5 см, толщина стенок 0,1 см.

Вторая бусинка матовобелого цвета, плоская, в виде массивного кружка (№ 49—407) (рис. 57, 5). Бока ее округлены. Отверстия в обеих бусинах цилиндрические.

От каменной (из черного сланца) подвески сохранилась только верхняя часть с ушком (№ 49—545) (рис. 57, 6).

Крупные каменные изделия представлены в четвертом слое одним точилом, оббитыми плитками и курантом-терочником.

Точило (№ 50—358) из прямоугольного куска мелкозернистого песчаника светложелтого цвета. Поверхность точила гладкая от употребления. Одна широкая сторона его слегка вогнута, противоположная — выпуклая. Длина 8 см, ширина 7,5, толщина точила 5 см.

Курант — овальная галька (размеры 10×9), на одной стороне которой имеется гладкая пришлифованная поверхность, пересеченная с края поперечными штрихами (№ 50—970) (рис. 58, а).

Оббитых плиток — три.

Первая оббитая плитка (№ 50—545, 546) (рис. 60, 2) представлена двумя фрагментами. Материал ее мелкозернистый светлосерый песчаник. Край плитки двусторонней ретушью превращен в острое дугообразное выпуклое лезвие. С одной стороны поверхность плитки покрыта поперечными штрихами (естественными?) и слегка пришлифована.

Вторая оббитая плитка (№ 49—817) (рис. 59, 1) подтреугольной формы, со слегка выпуклыми длинными краями. Последние грубо оббиты и превращены в тупые лезвия. Материал мелкозернистый песчаник. Длина плитки 7,5 см, ширина 4,5 см.

Аналогичная плитка такой же формы, как описанная выше (№ 49—816) (рис. 59, 2). Края ее обработаны грубой оббивкой. Длина 7,6 см, ширина 4,3 см.

Фрагмент аналогичной плитки обработан также (№ 49—755).

В слое обнаружены так же, как и в предшествующих слоях, небольшие круглые галечки, не имеющие следов обработки. Среди них имеется одна плоская галечка из плотной кремневой породы светложелтого цвета, обращающая на себя внимание лощеной блестящей поверхностью. Повидимому, эти гальки долгое время находились в употреблении для какой-то технической надобности (рис. 60, 1, 3—5).

Обработанная кость имеется в двух образцах. Первый (№ 49—588) — ребро крупного животного с обломанными концами. Вогнутый тонкий край ребра тщательно зашлифован и приострен таким образом, что имеет вид острого дугообразно вогнутого лезвия. Это был, очевидно, серповидный по форме нож.

Второй (№ 50—587) (рис. 57, 7) — нижняя часть небольшого стерженька из расколотой продольной трубчатой кости животного.

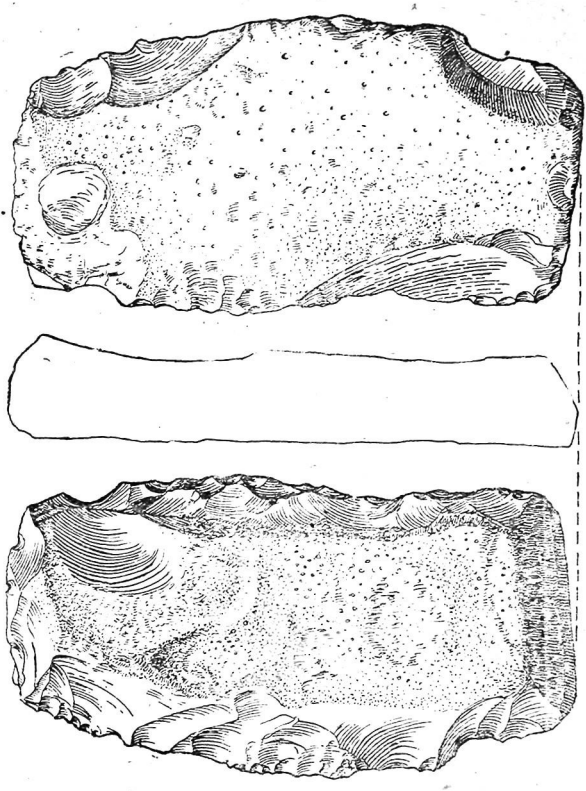


Рис. 58. Слой IV. 1—кремневая массивная плитка.

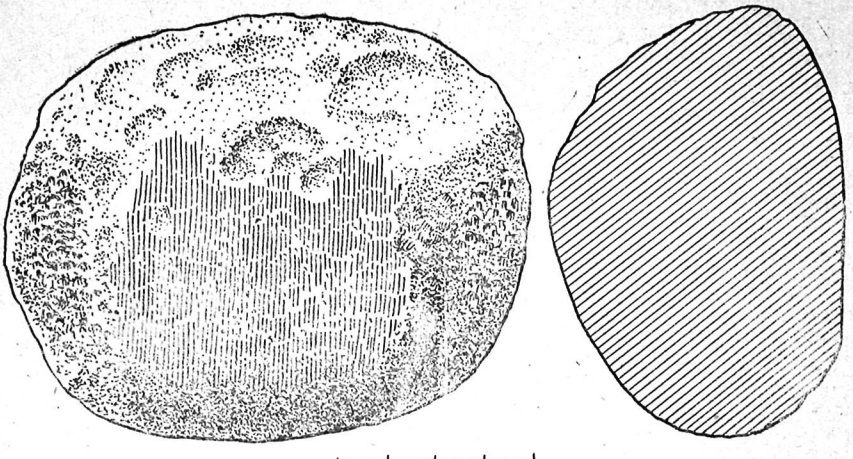
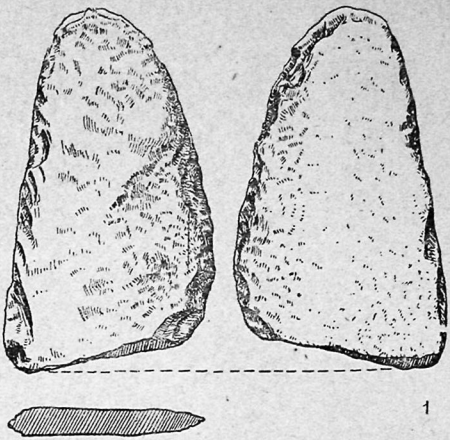


Рис. 58-а. Слой IV. 1—курант



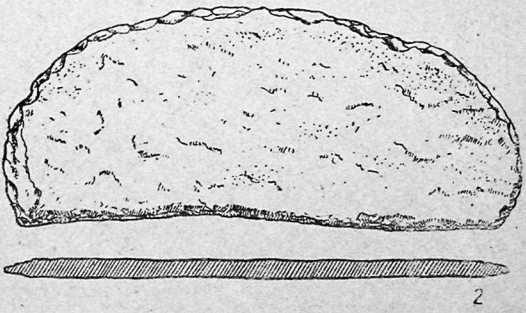


Рис. 59. Слой IV. Плитки из песчаника с оббитыми краями.

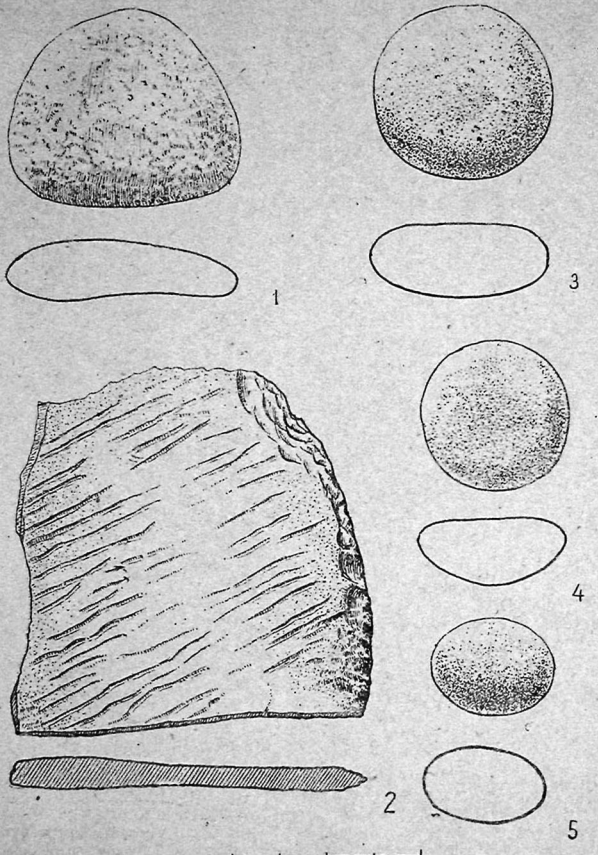


Рис. 60. Слой IV. 1,3—5—округлые гальки; 2—плитка из песчаника с оббитым краем.

Поверхность изделия тщательно зашлифована. Уцелевшее основание его имеет сбоку внизу отчетливо выраженный выступ-зарубку. Возможно, что это был крючок. Длина уцелевшей части изделия 5,6 см, ширина ее 0,4 см, толщина 0,3 см.

Керамика. Фрагменты глиняных сосудов в четвертом слое немногочисленные (рис. 61—63). При этом большая часть их относится к одному сосуду.

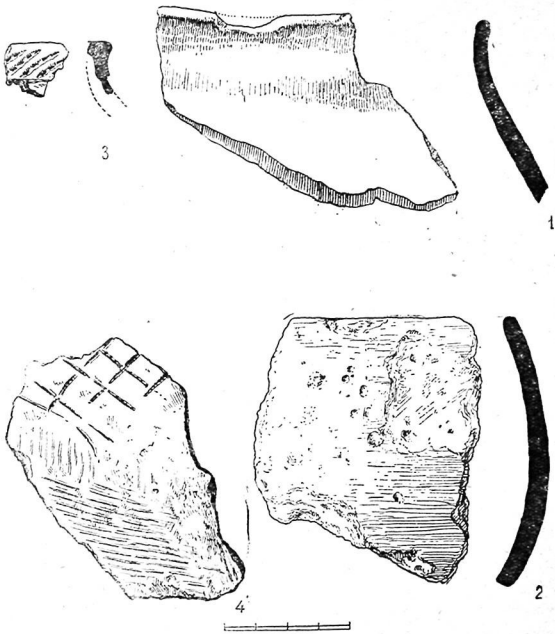


Рис. 61. Слой IV. Фрагменты венчиков сосудов.

Это был довольно большой сосуд буровато-красного цвета, изготовленный от руки, а не на гончарном круге. Сосуд имел слегка отогнутый наружу венчик, несколько суженную шейку и широкое выпуклое брюшко. Судя по фрагментам, являвшийся остатками днища сосуд имел округленно-заостренное дно. Край венчика сосуда утончен и закруглен.

Стенки сосуда гладкие, как изнутри, так и с наружной стороны, но не лощеные. Толщина стенок у венчика около 1 см, на днище такая же. В изломе масса сосуда твердая, плотная, краснобурая, в середине заметна местами тонкая углисто-черная прослойка, результат несовершенного обжига. В глиняном тесте заметны угловатые пластинчатые включения такого же цвета, как весь черепок и такой же твердости, очевидно,—шамот. Кое-где видны так же включения белого цвета, вероятно, измельченных раковин (рис. 62,5).

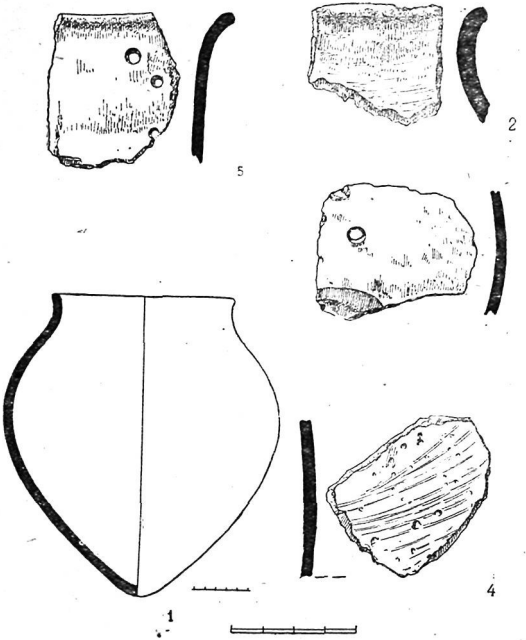


Рис. 62. Слой IV. 1—2—фрагменты венчиков сосудов, 3—4—фрагменты венчиков сосудов, 5—глиняный сосуд.

Размеры сосуда довольно крупные. Высота его равна 28,5 см, ширина венчика 18 см, шейка 17,5 см, ширина брюшка 29,5 см.

На внешней поверхности сосуда, особенно у венчика, имеется корочка нагара. На одном фрагменте имеется широкое сверленое отверстие для скрепления лопнувшего сосуда (рис. 62, 3).

От второго сосуда уцелел довольно значительный фрагмент стенки брюшка. Брюшко сосуда было выпуклым, шейка относительно узкой. Цвет черепка светлокрасный. Поверхность его шероховатая. В изломе черепок плотный и твердый, хорошего обжига, без посторонних примесей, кроме как будто, шамота. Снаружи на фрагменте виден простой узор в виде двух параллельных горизонтальных полосок, образованных оттисками палочки с двумя прямоугольными зубцами. Кроме того, на фрагменте имеется часть выпуклости в виде шишечки, тоже имевшей, должно быть орнаментальное значение. Кое-где заметны следы, преднамеренной, повидимому, окраски внешней поверхности сосуда охрой в красный цвет. Толщина стенок сосуда на шейке равна 0,5 см, ниже увеличивается до 0,9—1 см (рис. 62, 4).

Рис. 62-а. Глиняный сосуд (см. № 1 на рис. 62).

Ряд фрагментов представляют собою один или может быть несколько глиняных сосудов особого рода. Таковы, прежде всего, венчики, показывающие, что сосуды эти были относительно небольшими по размеру и тонкостенными (0,5—0,6 см толщиной). Стенки их плавно суживались как кверху, так и книзу, образуя посредине легкую выпуклость брюшка. В общем форма сосудов должна была приближаться к яйцевидной или точнее к форме вертикально поставленного яйца, у которого срезана одна треть. Край венчика этих сосудов утончен и округлен. Внешняя поверхность их совершенно гладкая, местами лощеная до блеска. Внутренняя поверхность не столь гладка, со следами сглаживания, производившегося, вероятно, травой, о чем свидетельствуют параллельные друг другу штрихи. Цвет наружной поверхности сосудов светлосерый; внутренняя поверхность их темнее, желтовато-коричневого оттенка. Замечательно, что один фрагмент венчика, самый крупный (№ 49—560) сохраняет снаружи, и особенно, на внутренней поверхности следы раскраски охрой в красный цвет. Глиняная масса сосудов плотная и твердая. В ней хорошо заметна примесь мелко истолченных морских раковин. На одном фрагменте имеется сверленое сквозное отверстие.

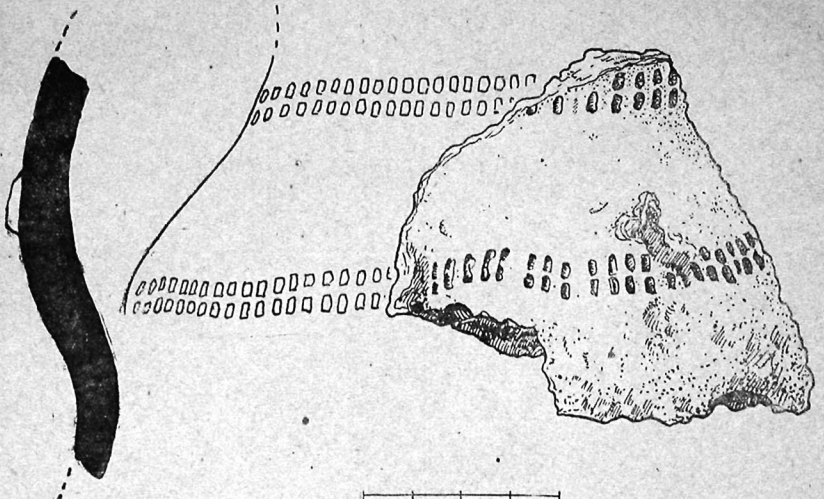


Рис. 63. Слой IV. Фрагмент стенки сосуда.

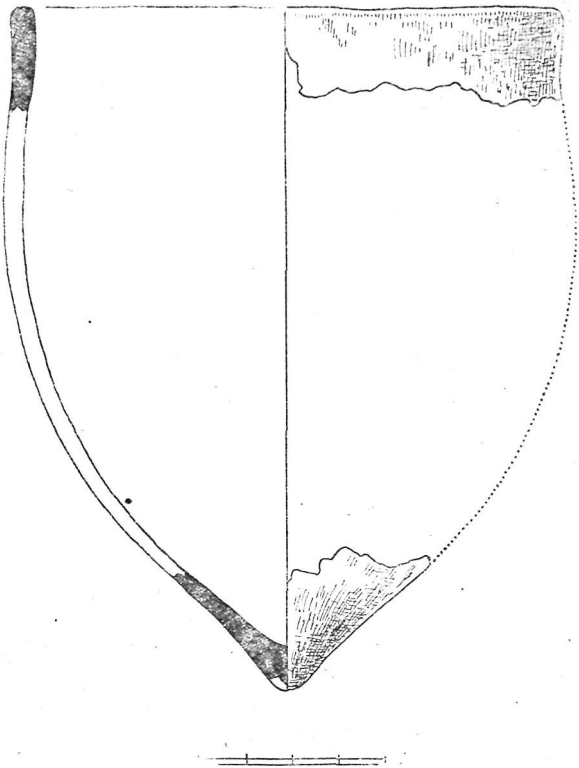


Рис. 64. Линейный сосуд (реконструкция).

Очень интересен один крупный фрагмент (№ 49—508) сосуда темно-коричневого цвета. Фрагмент этот— часть боковины сосуда, имевшего выпуклое брюшко.

В верхней части его заметен сильно стертый узор в виде ромбической сетки и перекрещивающихся прямых линий, образованных гребенчатыми оттисками. Ниже имеются параллельные четкие штрихи, нанесенные, должно быть, той же самой гребенкой, которую держали в наклонном положении и вели ее по сырой глине сосуда. Внутренняя поверхность сосуда сглажена, но на ней видны многочисленные включения дробленых раковин. Толщина фрагмента 0,5—0,6 см (рис. 61,4).

Возможно, что к этому же сосуду относится фрагмент венчика № 49—890. Венчик был слегка отогнут наружу, имел плоский сверху бортик. Изнутри и снаружи венчик окаймлен косыми оттисками широкой гребенки, довольно живо имитирующими, круто перевитый шнур (рис. 61,3). Следы гребенчатого орнамента в виде косых коротких полосок с четкими оттисками мелких зубчиков, расположенных вдоль венчика, с наружной его стороны имеются и на венчике № 49—966. Венчик этот принадлежал небольшому, повидимому, сосуду ручной работы, черного цвета. Бортик венчика плоский .

Один фрагмент венчика (№ 49—612) принадлежал грубому лепному сосуду, довольно большого размера, с хорошо выраженной шейкой, слегка отогнутым наружу и завернутым на самом верху карнизообразно зенчиком. Цвет черепка темнобурый, поверхность — шероховатая, в массе его заметна примесь шамота.

Кроме того, в слое обнаружено четыре фрагмента черного лощеного сосуда, сделанного на круге, принадлежащих, должно быть, тому же самому сосуду, черепки которого оказались в вышележащих слоях. Черепки эти, несомненно попали вглубь отложений пещеры в результате нарушения культурных слоев норой грызуна или ямкой. Такого же случайного происхождения должны быть фрагменты одного тонкостенного сосуда, имевшего лощеную, с полосками, оранжево-красную поверхность, изготовленного на гончарном круге (№ 49—548, 549, 550, 551, 552).

Во всяком случае эти фрагменты слишком резко и необычно выделяются на примитивном и архаическом фоне всей остальной массы керамических остатков четвертого слоя, чтобы их можно было сопоставить с последними.

Слой пятый

Материал для изготовления каменных орудий в слое пятом такой же, в основном, как и в слое четвертом. Больше всего кремня светлосерого и желтоватого разных оттенков цвета, хорошего качества, просвечивающего по краям, и, реже, полупрозрачного. Есть кремень мясокрасного цвета и розового оттенка, белый полупрозрачный, изредка встречается черный кремень, блестящий в изломе на гладких плоскостях. Для изготовления крупных вещей применялся кремневый известняк серого цвета, реже — белый известняк, серый сланец или мелкозернистый плотный песчаник.

Обломки желваков и желваки представлены двумя экземплярами, один из них превращен в скребло (см. ниже № 50—1226).

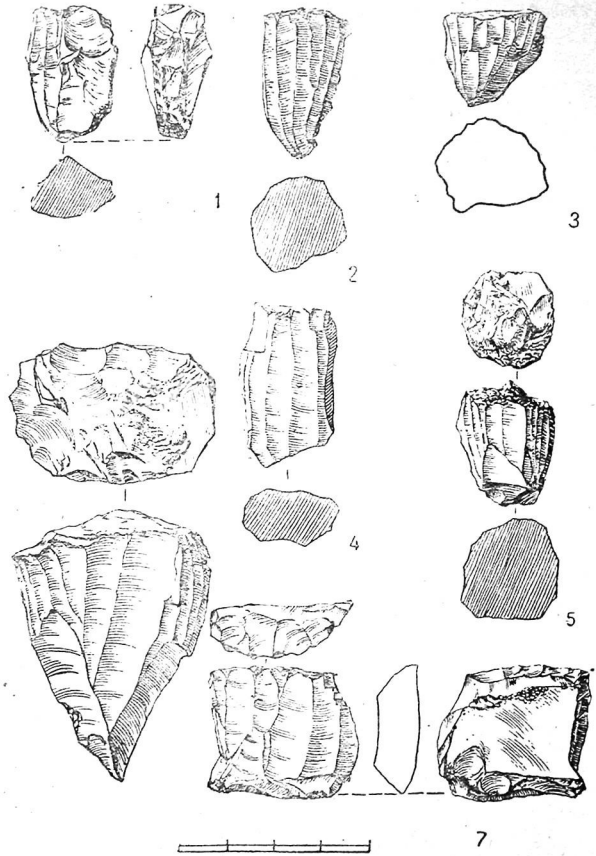


Рис. 65. Слой V. Кремневые нуклеусы.

Отщепов в слое пятом обнаружено 203. Из них крупных только четыре. Остальные мелкие, в большинстве своем пластинчатые, полученные при финальной тщательной обработке кремня отжимной техникой, в том числе мелкие чешуйки.

Самый крупный из них длиной 5,5 см, шириной 5,3 см. Два отщепа имеют следы легкой ретуши. Остальные нересушированы и даже не зазубрены от употребления.

Нуклеусов значительно больше, чем в вышележащих слоях. Всего нуклеусов найдено 9, а также два нуклевидных скребка и восемь обломков нуклеусов, из них четыре крупных.

Нуклеус № 50—1328 интересен тем, что является заготовкой-болванкой. Это — перпендикулярный по очертаниям кусок беловатого непрозрачного кремня, сохранившего на одной стороне остатки желвачной корки. Такая же корка уцелела на площадке нуклеуса, которую только начали подготовлять для обработки: с нее снят один единственный отщеп, да и тот оказался неудачным, раковина скола не плоская, а глубокая и короткая, с крутым изломом — уступом в конце. Остальная часть нуклеуса обработана широкими уплощающими сколами. Качество материала оказалось, однако, настолько ломким, что работу пришлось прекратить в самом начале. Длина заготовки 3,7 см, ширина 3,5 см.

Нуклеус № 50—1220 (рис. 66, 6) тоже оставлен вследствие неудовлетворительного качества материала, но он доведен до следующей, более совершенной, стадии оформления. Нуклеус имеет клиновидную форму, так как конец его, противоположный площадке, с двух сторон превращен пологой ретушью в массивное, почти прямое лишь слегка выпуклое лезвие. Площадка нуклеуса овальная, она образована одним сильным поперечным ударом и затем, отчасти подправлена дополнительными узкими сколами. В сечении нуклеус уплощенно-овальный. Вдоль одной его широкой стороны имеются две фасетки продольных сколов; одна широкая, другая узкая и длинная, очевидно, это был первый продольный скол, с которого должно было начаться последовательное снятие ножевидных пластин. Однако, далее этого дело не пошло и нуклеус был оставлен без дальнейшего употребления. Длина нуклеуса 4,4 см, ширина 3,9 см, толщина его 2,6 см. Материал — такой же белый, непрозрачный кремень, или вернее, кремнистая порода, из которой сделан и описанный выше нуклеус-болванка.

Нуклеус № 50—1128 (рис. 65, 6) является по сути лишь остатком большого нуклеуса, изготовленного из хорошего по качеству светлосерого с мелкими белыми пятнами, просвечивающего по краям, кремня. Нуклеус был правильной конической формы, имел овальное сечение в поперечнике. Со всех сторон его покрывали желобки продольных сколов. Площадка нуклеуса не плоская, а слегка выпуклая в средине, тщательно обработанная мелкими фасетками выравнивающей ретуши. Верхний конец нуклеуса оббит широкими косыми сколами с двух сторон таким образом, что образует острое и длинное лезвие типа рабо. Однако никаких следов использования этого лезвия не имеется. Длина уцелевшей части нуклеуса 5,7 см, ширина площадки 4,6 см по наибольшему диаметру и 2,8 см.

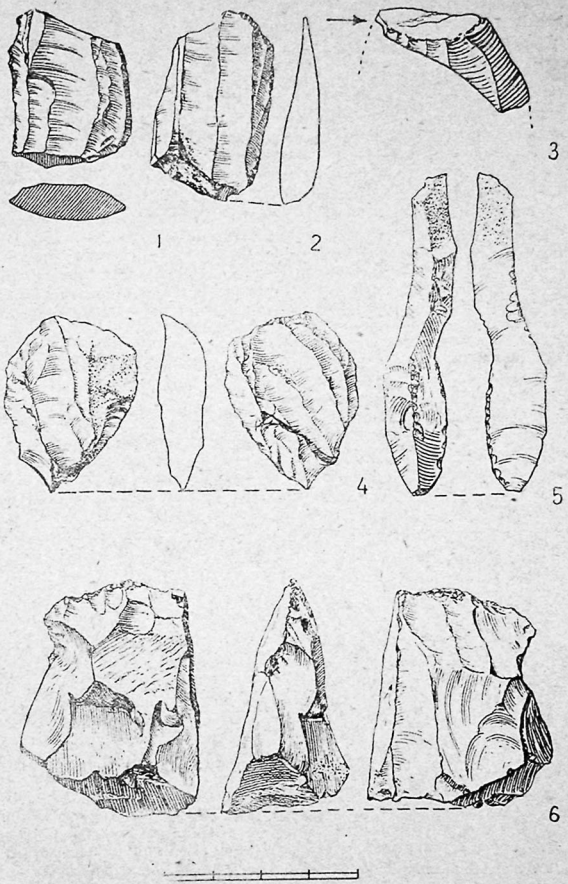


Рис. 66. Слой V. 1—5—обломки кремневых нуклеусов, 6—кремневый нуклеус

Нуклеус № 50—2851 (рис. 65, 4) изготовлен из желвака хорошего полупрозрачного дымчато-желтоватого кремня. Он сильно сработан и уплощен с боков. В поперечном сечении этот нуклеус имеет вид овала. С боков он покрыт длинными узкими фасетками продольных сколов, на одном боку его имеются остатки желвачной корки. Площадка нуклеуса слегка скошена, оформлена небрежно. Длина нуклеуса 3,5 см, ширина 2,1 см, толщина 1,1 см.

Нуклеус № 50—1380 (рис. 65, 2) из дымчато-желтоватого кремня, конической формы. Фасетки продольных сколов нуклеуса узкие, на одной стороне его сохранились остатки желвачной корки. Площадка нуклеуса правильной круглой формы, плоская, оформленная плоскими поперечными фасетками ретуши. Длина нуклеуса 3,3 см, ширина площадки 2 см.

Нуклеус № 50—1394 (рис. 65, 5) изготовлен из светлосерого полупрозрачного (по краям кремня). По форме он приближается к коническим нуклеусам, однако, кроме основной широкой площадки у него имеется на противоположном конце еще одна, вторая, площадка, образованная одним косым поперечным сколом с последующей подправкой более мелкими фасетками в том же направлении. Продольные фасетки на нуклеусе узкие и короткие. Нуклеус, несомненно, был оставлен из-за сработанности и, кроме того, из-за невысокого качества оставшейся части, кремень, которой, вероятно, пересох и стал поэтому ломаться неправильными чешуйками небольшого размера, что ясно видно на сколах с площадок и на боковых поперечных сколах с одной стороны нуклеуса. Длина его 2,2 см, ширина площадки 1,9 см.

Нуклеус № 50—2959 (рис. 65, 1) изготовлен из белого непрозрачного кремня, овальный в поперечнике, с одного бока покрыт желобками продольных сколов, с противоположного бока имеет как бы массивное лезвие, оформленное крутой ретушью. Площадка нуклеуса выравнена плоскими поперечными фасетками сколов. Длина изделия 2,9 см, ширина его 1,6 см.

Нуклеус № 50—983 (рис. 65, 7) из желтовато-бурого кремня, интересен по своему необычному оформлению. Нуклеус этот плоский. На одной стороне он покрыт обычными продольными сколами, которыми снимались ножевидные пластинки длиной до 2,5 см. Фасетки этих сколов прямые, плоские и строго параллельные друг другу. Противоположная сторона изделия имеет посредине широкий желобок очень раннего, скола, по сторонам которого крутой ретушью оформлены два параллельных, противоположных друг другу лезвия. Одно из них и служило площадкой, с которой и производилось отделение ножевидных пластинок на обратной стороне нуклеуса. Нечто подобное изредка наблюдается в нуклеусах Монголии, где вообще имеются исключительно богатые и разнообразные серии нуклеусов призматического типа. Длина (высота) нуклеуса — 3 см, ширина его 3,5 см.

Из обломков нуклеусов интересны два. Один, из красновато-бурого кремня (№ 50—1000) (рис. 65, 1), другой из темносерого кремня. Оба являются обломками продольно расколотых нуклеусов правильной призматической формы.

Поперечных сколов с площадок нуклеусов имеется один, продольных с ребра нуклеуса—6. Все продольные сколы имеют верхние грани (на спинке), покрыты фасетками поперечной ретуши, у остальных одна

грань на спинке — плоская, другая — гладкая. Одна такая пластина имеет в основании следы ретуши, оформляющей своего рода рукоять. Самая длинная из пластин (№ 50—1109) (рис. 66, 5) кривая, узкая, имеет в длину 6,7 см, при ширине 1,2 см. Самая широкая — 2 см.

Пластин неретушированных в слое имеется 212. Пластины, как правило, хорошо ограненные, с обычными двумя гранями на спинке. Длина их, в среднем, равная 5,4 см, ширина 1,1 см. Наиболее широкие пластины имеют в ширину 2—2,3 см, самая длинная пластина достигает 5,7 см. Целые пластины являются исключением. В большинстве это нижние части пластин, с ударным бугорком (рис. 67, 1—9, рис. 71, 1, 9).

Пластин с ретушью и их обломков имеется 22, из них семь с ретушью вдоль обоих краев. Четыре пластины ретушированы не со спинки, а с брюшка (рис. 69).

Пластин с крутой ретушью затупливающей их длинные края имеется три. Длина одной из них (№ 50—1265) (рис. 67, 5) 4,7 см, при ширине (в среднем) 0,6 см. Ретушь на этих трех пластинах во всех случаях нанесена со спинки.

Пластин с выемкой имеется 12. Самая широкая из них имеет две симметрично расположенные друг против друга глубокие дугообразные выемки (№ 50—982) (рис. 67, 1).

На четырех пластинах выемки несимметричные, помещающиеся одна несколько выше другой, что придает пластинам слегка изогнутые очертания. Ретушь, которой образованы выемки, нанесена только со спинки. На брюшке пластин ее не имеется.

Пластинок с «затупленной спинкой» с характерно обработанным крутой мелкой ретушью лезвием вдоль одного, как обычно, длинного края имеется 7. Все это фрагменты пластин. Целая сохранилась одна (№ 50—988) (рис. 68, 6). Она узкая, но массивная. Имеет на спинке два продольных ребра. Один длинный край ее обработан мелкой крутой ретушью; широкий поперечный конец ее такой же ретушью превращен в прямое скошенное лезвие, образующее в сочетании с ретушированным длинным лезвием треугольный клювовидный выступ на углу пластинки. Ретушь продолжается отчасти с угла пластинки и на ее второй длинный край. Длина изделия 3,7 см, ширина (максимальная) 0,7 см, толщина 0,3 см.

Пластинчатых кремневых острий типа проколок и их фрагментов обнаружено 7.

Первая проколка (№ 50—2963) (рис. 68,5) изготовлена из светло-серого кремня. Это узкая тонкая ножевидная пластина с двумя гранями на спинке, длинные края которой обрабатаны мелкой ретушью. Кончик острия обломан. Длина изделия 5,2 см, ширина 0,9 см.

Вторая проколка (№ 50—986) (рис. 68, 3) сделана из искривленной в одну сторону пластины полупрозрачного светложелтого кремня. Оба лезвия пластины сплошь ретушированы со спинки. Ретушь крутая, затупливающая. Основание изделия обломано. Длина уцелевшей части проколки 2,9 см, ширина 1 см.

Третья проколка (№ 50—1386) (рис. 68, 7) сделана из узкой тонкой пластинки светложелтого полупрозрачного кремня. Верхняя часть пластинки ретушью с обеих краев превращена в острие. Кончик острия обломан. Длина изделия 3,2 см, ширина 0,9 см.

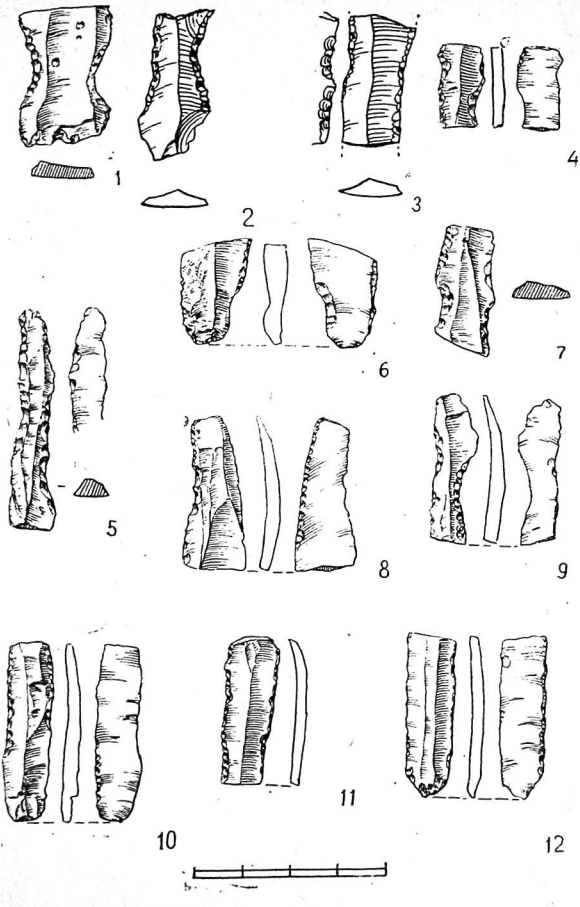


Рис. 67. Слой V. Кремневые пластинки с ретушью и выемками.

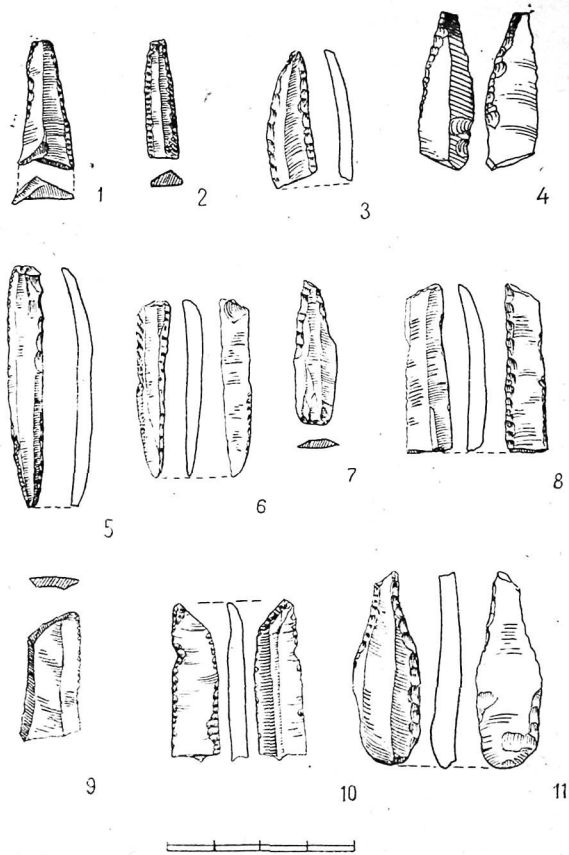


Рис. 68. Слой V 1—7, 11 - кремневые проколки, 8—10—кремневые острия со скошенным концом.

Четвертая проколка (№ 50—1174) (рис. 68, 11) сделана из широкой трехгранной в поперечном сечении пластины, материал ее — непрозрачный черный кремень. Острие массивное, оформлено крутой ретушью вдоль длинных сторон пластины. Ретушь частично оформляет края пластины и на ее теле. Кончик острия сломан. Длина изделия 4,1 см, ширина (в основании) 1,4 см.

Два фрагмента проколок представляют собой трехгранные в сечении пластинки с ретушированными лезвиями (№ 50—1147) и (№ 50—1269) (рис. 68, 1—2).

Одно изделие из этой группы выделяется из всех остальных (№ 50—1134) (рис. 69, 1) особенностями формы и обработки. Оно представляет собой массивный стерженек, сделанный из толстой ножевидной пластины, обработанной вдоль краев со спинки ретушью. Один край ее оформлен почти вертикальной затупливающей ретушью, другой — сделан несколько более пологой ретушью. Сходясь вместе, эти ретушированные края образуют прочное массивное острие. Характерной особенностью изделия является боковой выступ — шип у острия со стороны, оформленной затупливающей ретушью. Выступ этот поразительно напоминает боковые выступы острия наконечников с боковой выемкой. Характер острия этого изделия, однако, таков, что его нельзя считать острием наконечника стрелы, для этого оно слишком массивно, да и сам стержень, который завершается острием, слишком толст и более всего пригоден для изделий типа проколок, где требуется как раз такая значительная толщина и прочность.

Скребков концевого типа в слое имеется восемь. Два скребка, относительно коротких и широких, изготовлены из пластин, сохранивших нижнюю часть с ударным бугорком (№№ 50—1132, 1168) (рис. 70, 4—5). Материал их — белый непрозрачный кремень. У остальных шести пластин нижние части обломаны. Из них особо выделяется скребок (№ 50—1267) (рис. 70, 7) из темносерого с розоватым оттенком кремня. Он сделан из пластины, один край которой обработан сплошь крутой ретушью, образующей мелкие выемки и зубчики; второй, противоположный край пластины ретуширован только в нижней трети. Рабочий конец скребка выпуклый, слегка скошенный в одну сторону. Длина изделия 3,9 см, ширина 0,9 см.

Три пластинки (№ 50—1138, 2888, 2910) (рис. 68, 9, 10, 8) являются образцами острий со скошенным концом. Их верхний конец, противоположный концу с ударным бугорком, скошен мелкой тщательной ретушью со спинки. У пластины (№ 50—2910) (рис. 68, 8) сплошь ретуширован с брюшка и один длинный край. Частично ретушированы с брюшка края и второй пластины (№ 50—2888) (рис. 68, 10). Нижние концы всех трех пластин утрачены. Длина их 3; 3,5, 3,3 см. Материал: белый и темносерый непрозрачный кремень. Два изделия по форме и технике обработки выделяются особо. Первое из них (№ 50—1134) массивный плоский и широкий стержень тщательно ретушированный крутой, почти затупливающей, ретушью вдоль обеих краев. Частично ретушированы и обе широкие плоскости изделия, особенно в основании, ретушь на них плоская, типично неолитическая по облику. Ретушью этой снят полностью и ударный бугорок.

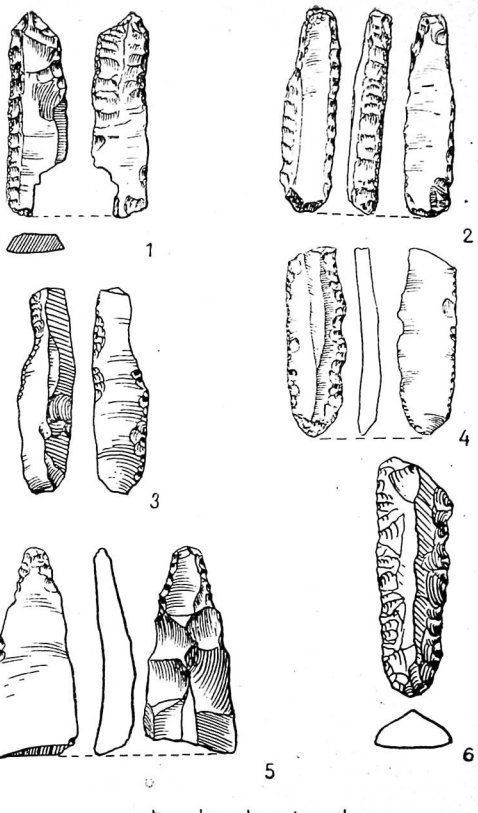


Рис. 69. Слой V. Кремневые ретушированные изделия.

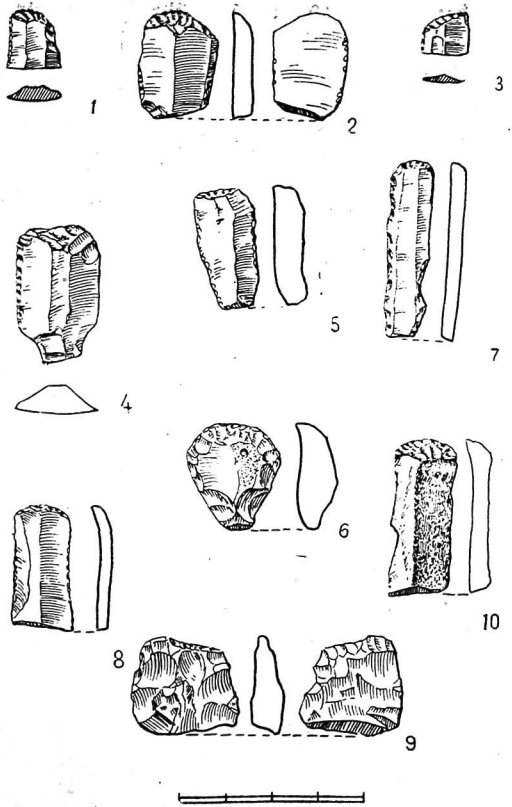


Рис. 70. Слой V. 1—8, 10—кремневые скребки.

Верхний конец изделия тоже был, повидимому, ретуширован в виде прямого поперечного лезвия. Затем сверху, с угла изделия, был нанесен вертикальный скол или несколько сколов резцового характера. В результате изделие, представляющее сначала, повидимому, скребок концевого типа, превратилось в орудие с резцовым сколом — типа углового резца. Длина изделия 4,3 см, ширина 1,3, толщина 0,4 см.

Второе изделие № 49—1131 (рис. 69, 2) аналогично в принципе описанному выше, отделано вдоль обоих длинных краев такой же вертикальной затупливающей ретушью, еще массивнее, толще и уже первого.

На верхнем конце его имеется отвесное прямое лезвие, а сбоку, с брюшка такой же скол резцового типа, только более короткий и широкий. Длина изделия 4,4 см, ширина 1,1 см, толщина 0,7 см. Материал—светлосерый полупрозрачный кремень.

Одна небольшая пластина из светлосерого кремня (№ 50—1032) (рис. 71, 8), сломанная поперек, имеет на углу типичный резцовый скол. Ее можно определить как микрорезец на углу сломанной пластины.

Скребки на отщепах известны из слоя пятого в количестве шести. Два из них [50—2882 (рис. 70, 6) и 2980 (рис. 72, 5)] изготовлены из массивных отщепов. Они имеют дугообразно-выпуклое лезвие и суженную (подтреугольную рукоять).

Наиболее тщательно оформлен скребок № 50—2882. Он сделан из белого непрозрачного кремня и тщательно оформлен вдоль краев ретушью. Лезвие скребка сглажено и заполировано в результате длительного употребления. Длина его 2,4 см, ширина 2,1 см. Длина второго скребка, сделанного из желтоватого кремня 4,3 см, ширина 3,4 см.

Третий скребок отличается очень высоким и крутым дугообразно выпуклым лезвием, скошенным в одну сторону (№ 50—1293) (рис. 72, 4).

Четвертый скребок (№ 50—1040) (рис. 72, 1) изготовлен на плоском отщепе, снятом с поверхности кремневого желвака. Края его ретушированы мелкой приостряющей ретушью и образуют широкое треугольное острие.

Два остальных скребка не имеют четкой формы.

Нуклевидный скребок в 5-ом слое один № 50—1369 (рис. 65, 3). Он тоже имеет с одной стороны вид низкого конического нуклеуса (высота его равна 2,2 см), покрытого узкими параллельными фасетками продольных сколов. Вдоль лезвия видна такая же вторичная подправка мелкой ретушью. Площадка изделия слегка вогнутая, подправлена уплощающими сколами. Материал — темный кремень, просвечивающий вдоль краев, розовато-коричневого цвета.

В связи со скребками должно быть отмечено изделие из плоского желвака серой кремнистой породы, покрытое снаружи густым слоем пустынного или «скального загара». Желвак имеет форму неправильного круга. Один из его концов оббит широкими плоскими сколами с обеих сторон и превращен дополнительной мелкой ретушью в прочное, выпуклое и слегка волнистое лезвие. Орудие это могло служить не только скребком обычного рода, но и грубым рубящим инструментом.

Имеются в пятом слое и совершенно такие же, как в четвертом, тонкие плитки песчаника, края которых обработаны мелкой двусторонней ретушью в виде лезвий.

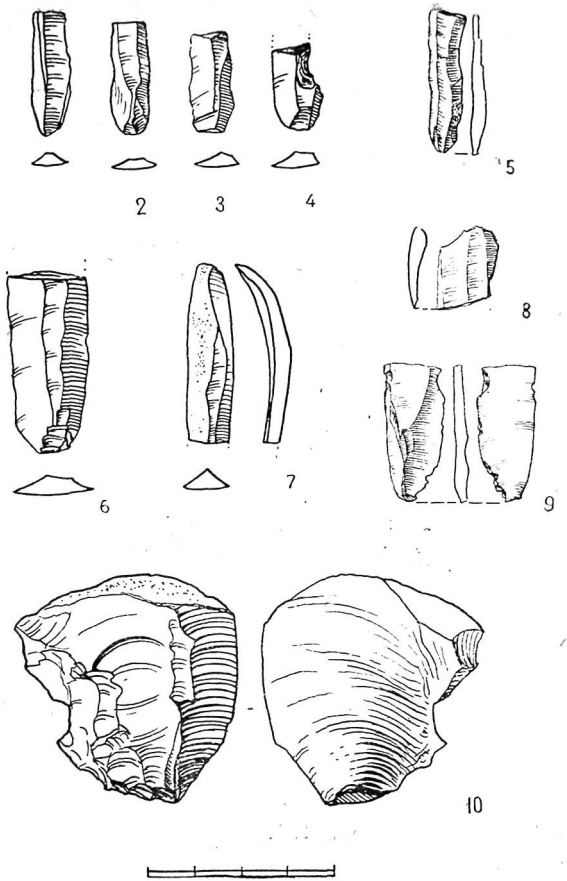


Рис. 71. Слой V. 1—9—кремневые неретушированные пластинки, 10—кремневый отщеп.

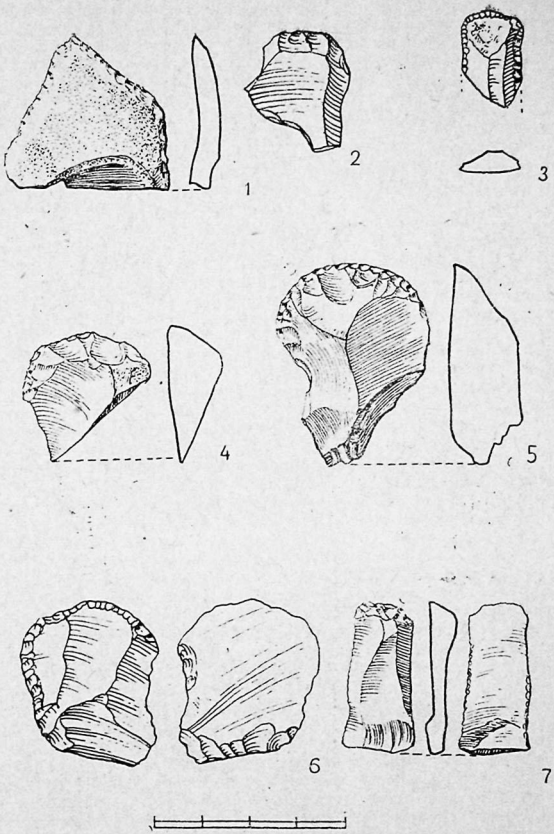


Рис. 72. Слой V. Кремневые скребки.

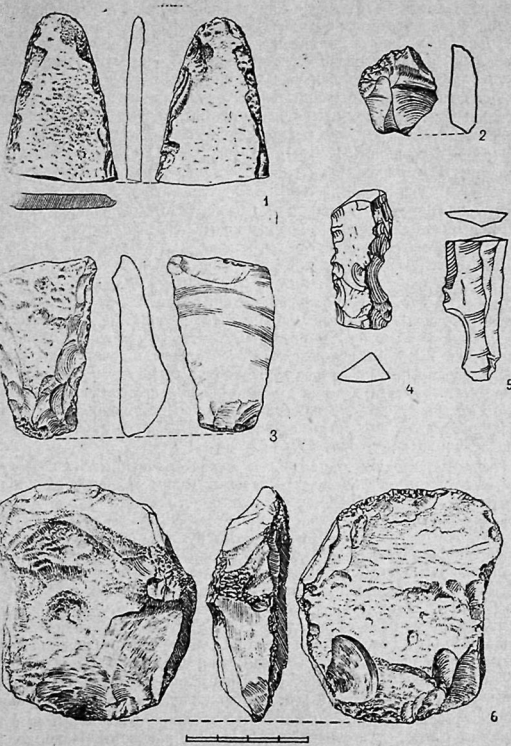


Рис. 73. Слой V. 1—обломок плитки известняка с оббитыми краями. 2—4—скребловидные кремневые изделия, 5—обломок кремневой пластины, 6—обломок кремневого желвака, превращенный в скребло.

Одна из них имеет вид треугольника с округленным острием (№ 50—1381) (рис. 73, 1). Изделие типа наконечника в пятом слое найдено одно, да и то представлено лишь основанием, поэтому трудно уверенно сказать—наконечник это или нож (№ 50—2929) (рис. 70, 9). Судя по уцелевшей нижней части это было, повидимому, листовидное острие, имевшее в поперечном сечении вид двояковыпуклой линзы. Обе стороны изделия были обработаны широкими сколами.

Трапеции в слое представлены тремя целыми экземплярами и двумя сломанными (если последние, конечно, не являются обломками тонких пластинчатых острий со скошенным поперечным краем).

Три целые трапеции миниатюрного размера изготовлены из тонких правильных по огранке ножевидных пластин с двумя ребрами на спинке. Материал во всех трех случаях одинаков—серый непрозрачный кремень.

Первая трапеция (№ 50—1379) (рис. 74, 1) имеет высоту 0,4 см, в основании 1 см, вверху 0,5 см. Оба скошенных края обработаны тончайшей тщательной ретушью.

Вторая трапеция (№ 50—1197) (рис. 74, 3) отличается от первой своими вытянутыми в высоту пропорциями, своей узостью. Высота ее 1,1 см, ширина в основании 0,9 см, вверху—0,4 см. Скошенные края трапеции обработаны такой же мелкой и тщательной ретушью.

Третья трапеция (№ 50—2897) (рис. 74, 2) отличается от первых двух своей значительной шириной при небольшой относительно высоте. Высота ее равна всего 0,9 см, длина 2 см, ретушь на скошенных краях трапеции аналогична ретуши описанных выше двух изделий, однако, один край ее не прямой, а выпуклый. Эта особенность, в сочетании с удлиненными в ширину пропорциями сближает ее с сегментами. В связи с этим должен быть отмечен один фрагмент широкой ножевидной пластины из темного кремня, рассеченной поперек и грубо ретушированной по краям таким образом, что получился сегмент (№ 50—1305) (рис. 74, 6). Ширина последнего в основании 2,2 см, высота 1,5 см.

Последнее изделие из камня, из числа найденных в пятом слое, резко выделяется на фоне всех остальных своим архаическим обликом. Это скребло, сделанное из массивного пластинчатого скола с желвака светлосерого кремня (№ 50—1130) (рис. 73, 3). Поверхность скола — ровная, лишь слегка волнистая, ударный бугорок был снят специальными уплощающими сколами. Противоположная, верхняя, сторона изделия сохранила валунную корку. Длинные края изделия обработаны крупной, почти отвесной ретушью и имеют вид прямых массивных лезвий, больше всего напоминающих лезвия мустьерских скребел. Ретушь по своему характеру также больше всего напоминает мустьерскую. По степени патинизации и блеску это изделие резко выделяется среди большинства других изделий из пещеры. Вполне возможно, следовательно, что оно было поднято обитателями последней из какого-то мустьерского местонахождения и доставлено в пещеру, где и сохранилось до нашего времени.

Украшения. Материалом для изготовления украшений, как в предшествующем слое, служили преимущественно раковины. Наиболее крупная бусина сделана из неправильного, подтреугольных очертаний, обломка створки раковины. В обломке было просверлено обычное круглое отверстие, чем и ограничилась отделка ее в качестве украшения.

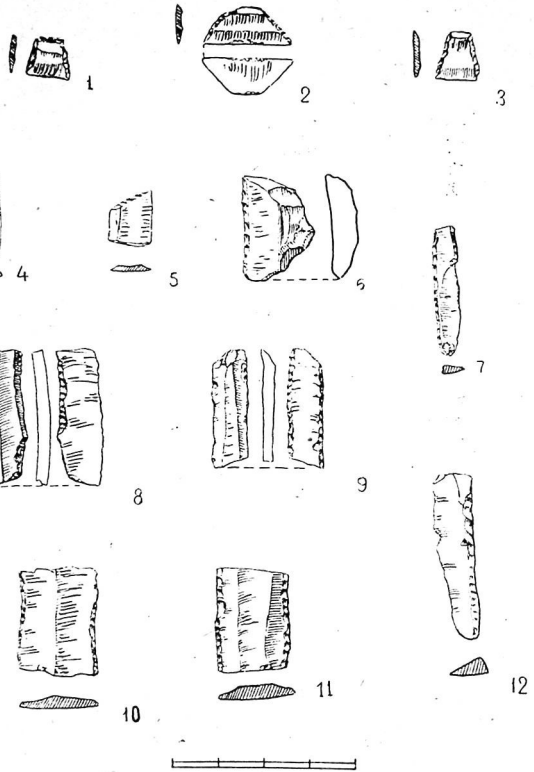


Рис. 74. Слой V. 1—3—кремневые трапеции; 6—кремневый сегмент, 4—5, 7—12—кремневые пластинки с ретушью.

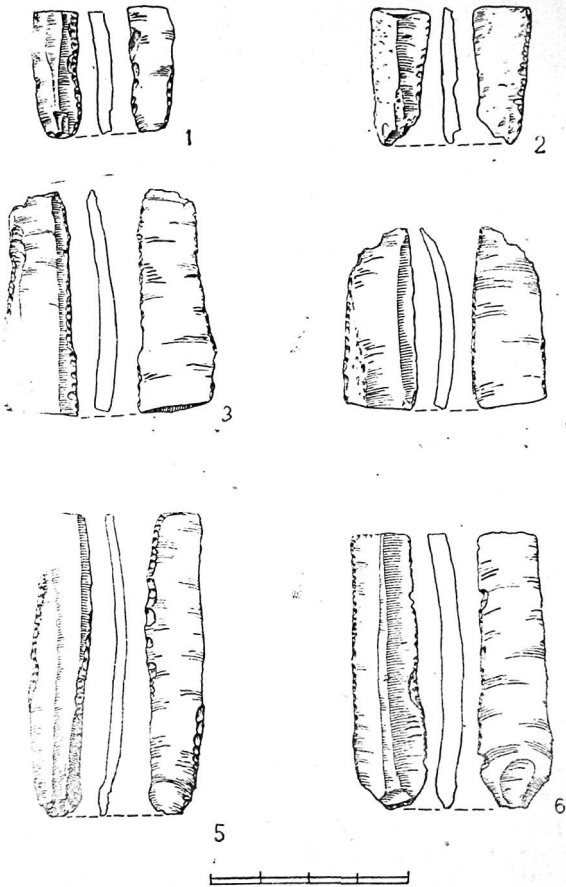


Рис. 75. Слой V. Кремневые пластинки с ретушью.

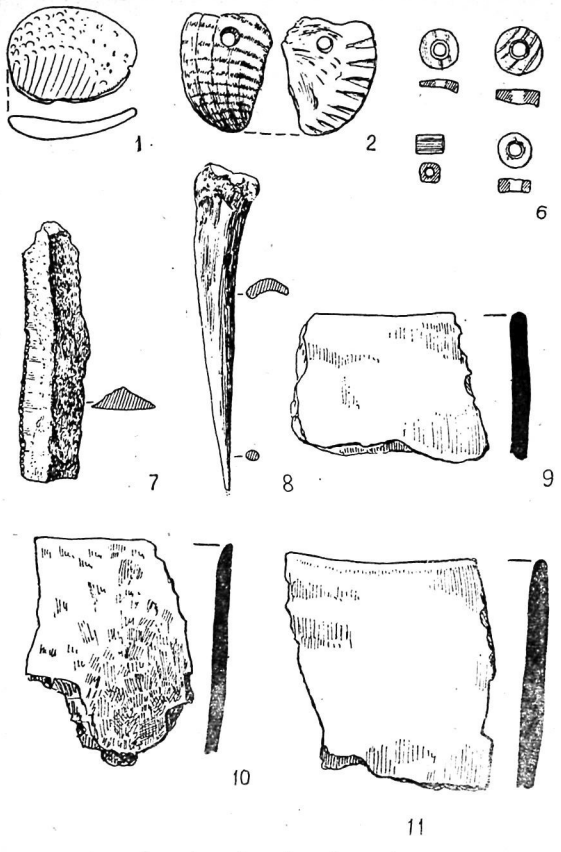


Рис. 76. Слой V. 1—6—раковинные бусы; 7—каменная пластинка с ретушью, 8—костяное шило, 9—11—фрагменты венчиков сосудов.

Края раковины сглажены и поверхность ее лоснится, должно быть, от длительного употребления. Имеется так же десять овальных кусков таких раковин, окатанных и округленных морем (рис. 76, 1—2).

Три небольшие бусины имеют форму более или менее массивных кружков с просверленным в центре сквозным коническим отверстием. Одна бусина (№ 50—1015) (рис. 76, 4) сохранила на одной стороне темную поверхность раковины. *Две других бусины с обеих сторон имеют* блестящую белую поверхность. Диаметр бусин: 1,1, 0,9, 0,8 см. Кроме того, имеется две еще более миниатюрных бусины. Одна — черная; вторая—желтоватого цвета, обе бусины одинакового размера, диаметр их 0,5 см.

Последняя бусина (№ 50—1252) (рис. 76, 5) черного цвета, длиной 0,6 см, диаметр ее 0,5 см. Форма бусины почти прямоугольная, со слегка округленными ребрами. Отверстие в ней сквозное, цилиндрическое.

В слое оказались также небольшие округлые гальки величиной с голубиное яйцо и несколько больше.

Керамика. В слое найдено всего лишь только 45 небольших черепков. Они относятся к двум или самое большее к трем сосудам, изготовленным не на гончарном круге, а от руки. Часть черепков [№№ 50—1114, (рис. 76, 11), 1117, 1113, и др.] совершенно аналогична обнаруженным в четвертом слое и принадлежавшим тонкостенным сосудам без шейки, полуяйцевидной формы, с венчиком слегка суженным внутрь и гладкой, местами залощеной поверхностью (ср. напр. фрагмент № 49—560 и др.). Возможно, что эти фрагменты попали в пятый слой, из вышележащего четвертого слоя, где встречена основная масса таких черепков. Сюда в пятом слое относятся как характерные по типу венчика с утонченным и сглаженным бортиком, так и фрагменты выпуклой боковины или днища сосудов данного рода. Здесь же найден венчик аналогичного по форме сосуда несколько иного рода: он еще более тонкий, с характерной бугристой поверхностью, объясняющейся значительной примесью мелкого раздробленного белого камня (№ 50—1119).

В слое пятом оказался также фрагмент днища одного оригинального сосуда, другие фрагменты которого проникли в нижележащий, шестой, слой. В шестом слое оказался, в частности, второй фрагмент этого днища, точно подошедший к первому. Всего фрагментов данного сосуда найдено было четыре. Помимо упомянутых фрагментов днища, подошедших друг к другу (№№ 2368 и 4556), — это были фрагмент брюшка (№ 50—778) и венчика (№ 2560). Первый из них оказался в слое четвертом, второй — *в 5 а слое (рис. 64).*

Судя по залеганию большинства остатков сосуда они должны быть отнесены по своему первоначальному положению к слою пятому или четвертому.

Сосуд этот с поверхностью буровато-желтого цвета, местами с серым оттенком. Масса его бурокрасного цвета, твердая и плотная, но грубая. В ней много дробленого камня, похожего по цвету на серый известняк и на белый полевой шпат. Зерна камня остроугольные и местами выделяются бугорками на поверхности черепков. Обе стороны последних сглажены, но не залощены. Толщина черепков в среднем 3,5 см. Сосуд, следовательно, был тонкостенным.

Самое замечательное в этом сосуде — его форма. Сосуд был небольшим. Он имел округлое, заостренное внизу в виде соска днище. Сосок этот массивный, резко утолщенный по сравнению со стенками сосуда. Венчик сосуда гладкий, относительно тонкий, с округленным сверху краем, он обнаруживает в профиле легкий выгиб в наружную сторону и легкую выпуклость брюшка. Сосуд имел, таким образом, слегка выпуклое брюшко, слегка намеченную шейку и округлое днище, заканчивавшееся сосковидным тупым выступом.

Слой пятый *а*

Кремень в слое пятом *а* такой же в основе, как и в слое пятом: преобладает кремень полупрозрачный желтоватого цвета, непрозрачный светлосерый и беловатый. Есть яшмовидный, темнокрасный, пятнистый и розоватый кремень. Изредка применялись более грубые: темносерый кремнистый сланец и темносерый кремнистый известняк. Однако орудий из последних не найдено, встречались только отдельные отщепы.

На общем фоне относительно свежего по фактуре кремня выделяются некоторые изделия, отличающиеся жирным густым блеском. Таков нуклеус № 50—2175 (рис. 77, 8), широкая тонкая пластина № 50—2182, изготовленные из характерного темнокрасного кремня, и два скребка из желтого полупрозрачного кремня (№ 50—1790, 2178). Перечисленные изделия были подняты в готовом виде и принесены в пещеру с открытых местонахождений в песках, что уже отмечалось выше для других, вышележащих слоев.

К числу предметов, употреблявшихся при обработке камня, относится плоская, даже слегка вогнутая с одной и несколько выпуклая с другой стороны круглая галька светлосерого известняка. На плоской стороне гальки имеются характерные углубления-выщерблины, резко выделяющиеся своим свежим видом на светложелтой поверхности известковой корочки, покрывающей гальку. На противоположной выпуклой стороне гальки заметна легкая сглаженность и отсутствует известковый налет. Все это свидетельствует, что галька употреблялась для изготовления каменных орудий. На ней, несомненно производилась обработка их оббивкой. Это была подставка или, своего рода, наковальня, на которой помещалось обрабатываемое изделие. Твердые острые концы кремня, упиравшиеся в гальку, должно быть, и оставили на ее плоской поверхности отмеченные выше углубления. Ширина гальки 9 см, толщина ее 5,7 см.

Заготовок и болванок, т. е. вчерне оббитых желваков кремня в 5 а слое не оказалось. Крупных осколков и отщепов тоже немного, всего около семи, в том числе два из темносерого сланца, а не из кремня. Имеется также один необбитый желвак кремня.

Отщепов, преимущественно мелких, пластинчатых, снятых не при грубой первичной обработке желваков, а в результате изготовления орудий, в слое собрано 550. Из них ретушированных, и то лишь отчасти, имеется не более пяти. Ретушь—случайная и незначительная.

По характеру ретуши интересен один отщеп (№ 50—5462), у которого легкой, типичной микролитической, ретушью оформлены две выемки, одна — глубокая, другая — небольшого размера.

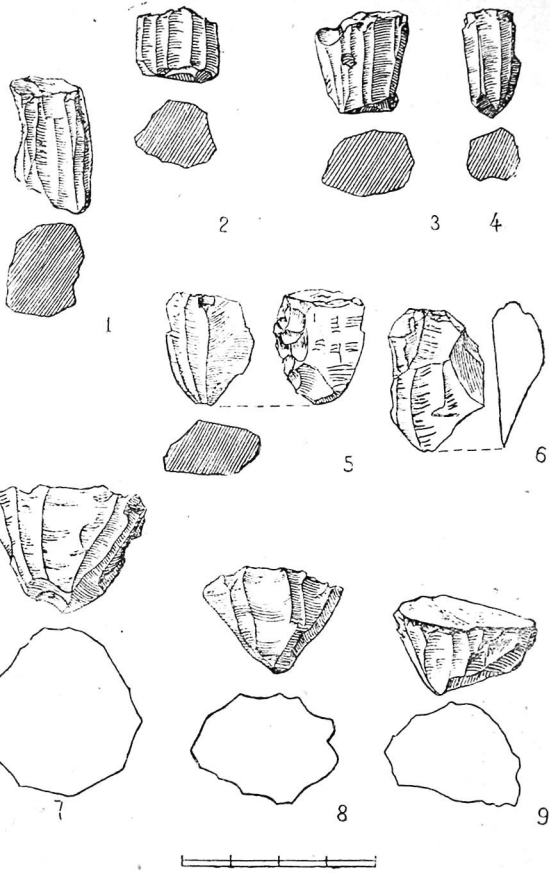


Рис. 77. Слой V *а*. Кремневые нуклеусы.

Совершенно аналогичная техника обработки характерна и для многих пластин с выемками.

Особое место занимает обломок № 50—2324. Это — массивный отщеп светлосерого кремня, обе стороны которого покрыты желобками продольных сколов. Сколы эти направлены, при этом, в противоположные стороны.

При отсутствии заготовок и болванок относительно многочисленны нуклеусы и сколы с нуклеусов. Два нуклеуса пирамидально-конической формы. Первый из них (№ 50—2175) (рис. 77, 8) уже отмечался выше, как доставленный в пещеру из другого, более древнего, поселения. Он невысокий, с острой вершиной, покрыт широкими желобками сколов, с резко выраженными углублениями соответствующими ударным бугоркам снятых пластин. Нижний край его поэтому волнисто-зубчатый. Площадка нуклеуса овальная, неровная, на ней имеются следы одного широкого и двух более узких выравнивающих поперечных сколов. Высота нуклеуса 2,3 см, ширина площадки 2 и 3,2 см.

Второй нуклеус (№ 50—2562) (рис. 77, 7) тоже низкий и широкий, покрытый со всех сторон короткими и широкими желобками сколов. Площадка нуклеуса округлая, отесанная короткими раковистыми сколами с боков. Вершина нуклеуса имеет вид слегка изогнутого лезвия, снятого вследствие давления о какой-то твердый неподатливый материал. Высота нуклеуса 3 см, ширина площадки 3,5 см. Материал, из которого он изготовлен, непрозрачный светлосерый кремень посредственного качества.

Три нуклеуса принадлежат к числу цилиндрических или усеченно-конических нуклеусов. Первый № 50—1395 (рис. 77, 1) из черного непрозрачного кремня. Он круглый, слегка уплощенный в поперечном сечении. Со всех сторон покрыт симметричными узкими желобками продольных сколов. Верхний конец нуклеуса отсечен сильным поперечным сколом. Площадка нуклеуса слегка выпуклая, круглая, оформлена выравнивающими сколами с большой тщательностью и уменьем. Высота его 3,2 см, ширина площадки 2 см.

Второй нуклеус (№ 50—2176) (рис. 77, 2) из светложелтого кремня, тоже рассечен пополам сильным поперечным ударом. Уцелела только нижняя часть изделия. Все стороны нуклеуса покрыты очень узкими фасетками продольных сколов. Площадка выровнена поперечными сколами. Ширина нуклеуса 1,1 см.

Третий нуклеус (№ 50—2088) (рис. 78, 3) из беловато-серого хрупкого кремня, побывавшего в огне. Высота его 2,3 см, ширина площадки 1,9 и 1,3 см (площадка овальная).

Два нуклеуса представляют собой особый тип изделий данного рода. У них одна сторона имеет обычные продольные фасетки желобчатых сколов в результате последовательного отделения ножевидных пластин. На другой стороне, вдоль выпуклого края, нанесена ретушь, оформляющая лезвие типа рабочего края скребка.

Первый из них № 50—1789 имеет на одной слегка выпуклой стороне обычные продольные желобки. Противоположная сторона изделия имеет несколько узких продольных и один широкий скол. Поперечный край, служивший площадкой нуклеуса, был оформлен ретушью, характерной для скребков.

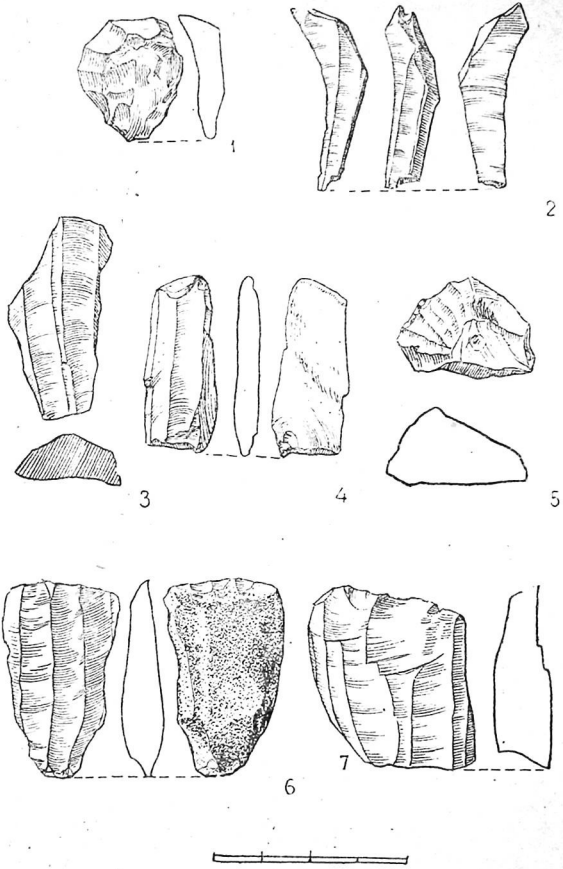


Рис. 78. Слой V *а*. Кремневые нуклеусы.

Таким образом, это изделие является сочетанием нуклеуса и скребка. Материал, из которого оно сделано — розовато-коричневый, слегка просвечивающий по краям, кремень. Длина 3 см, ширина 3,5 см, толщина 1,2 см.

Второй нуклеус (№ 50—2760) (рис. 77, 5) из светложелтого, хорошего качества, кремня. Форма нуклеуса близка к конической, с той разницей, что желобки продольных сколов покрывают его только с одного бока. Противоположный бок изделия оформлен ретушью в виде дугообразного выпуклого лезвия. Ретушь крутая, почти вертикальная. Вдоль края видны мелкие зазубрины, являющиеся, очевидно, результатом употребления. Длина изделия 2,2 см, ширина 1,8 см, толщина его равна 1,2 см.

Нуклеус № 50—2563 (рис. 77, 4) миниатюрный, правильной удлиненно-конической формы, круглый в поперечном сечении. Цвет кремня, из которого нуклеус сделан, светложелтый. Длина нуклеуса 2,2 см, ширина площадки 1,1 см.

Нуклеус № 50—2807 из светложелтого кремня представляет остаток нуклеуса предельно использованного. У него сохранилась тщательно выравненная площадка. Высота нуклеуса 1,8 см, ширина его 2,8 см.

Два нуклеуса одностороннего типа. Первый (№ 50—1911) (рис. 78, 7) из светлосерого кремня, плоский. Одна сторона его с продольными широкими желобками продольных сколов. Другая покрыта желвачной коркой. Края изделия с трех сторон оформлены грубыми сколами. Длина нуклеуса 3,5 см, ширина 3,45 см, толщина его 1,1 см.

Второй нуклеус еще более плоский и тонкий. Одна сторона его точно так же покрыта фасетками продольных сколов, вторая — желвачной коркой. Характерно при этом, что роль площадки нуклеуса принадлежит его широкому поперечному краю, обработанному мелкой и тщательной ретушью в виде слегка выпуклого тонкого лезвия. Материал нуклеуса — коричневато-желтый кремень. Длина его 4,2 см, наибольшая ширина 2,5 см.

Оба описанных выше нуклеуса дают пример максимально-экономного использования кремневого сырья и труда: вместо того, чтобы отесывать кремневый желвак со всех сторон, мастер предпочел сделать это только с одной стороны, оставив противоположную сторону нетронутой. Последовательно снимая с нуклеуса ножевидные пластинки, он подошел, наконец, к самой желвачной корке и только тут прекратил работу, выбросив остаток желвака, уже бесполезный. Так поступали, очевидно, в тех случаях, когда исходный желвак кремня был небольшим по размеру.

Аналогичным образом поступили с нуклеусом № 50—2759, имеющим форму близкую к цилиндрической, у которого, тем не менее, с одного бока во всю длину имеется желвачная корка. Материал этого нуклеуса светложелтый кремень, высота его 2,8 см, ширина 8 см.

Всего нуклеусов в слое 11. Кроме того имеется обломков нуклеусов, расщепленных продольно 10. Поперечных сколов с площадок нуклеусов 8, нуклевидных желваков 2. Краевых продольных сколов с нуклеусов или нуклевидных болванок имеется 12. Почти все они, за исключением трех, трехгранные в поперечном сечении, узкие и слегка искривленные в длину, с фасетками поперечных сколов вдоль одного края и с гранями продольных сколов на другом крае.

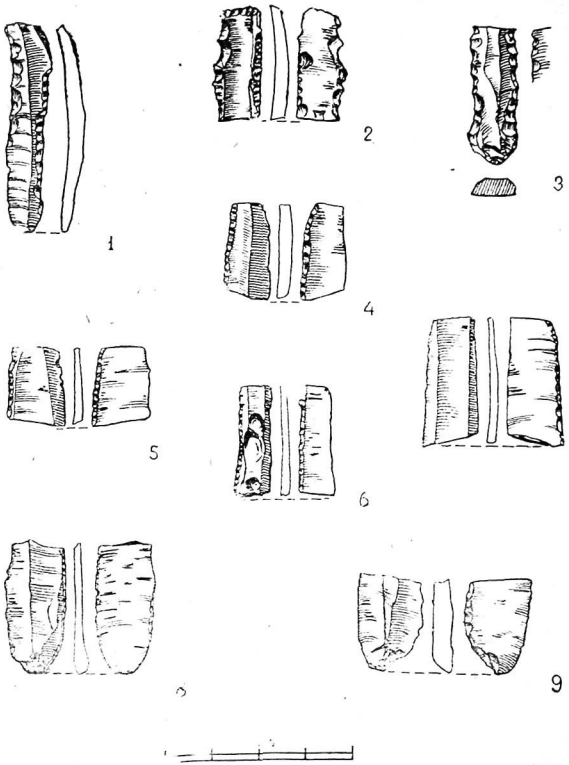


Рис. 79. Слой V *а* Кремневые пластинки *с* ретушью.

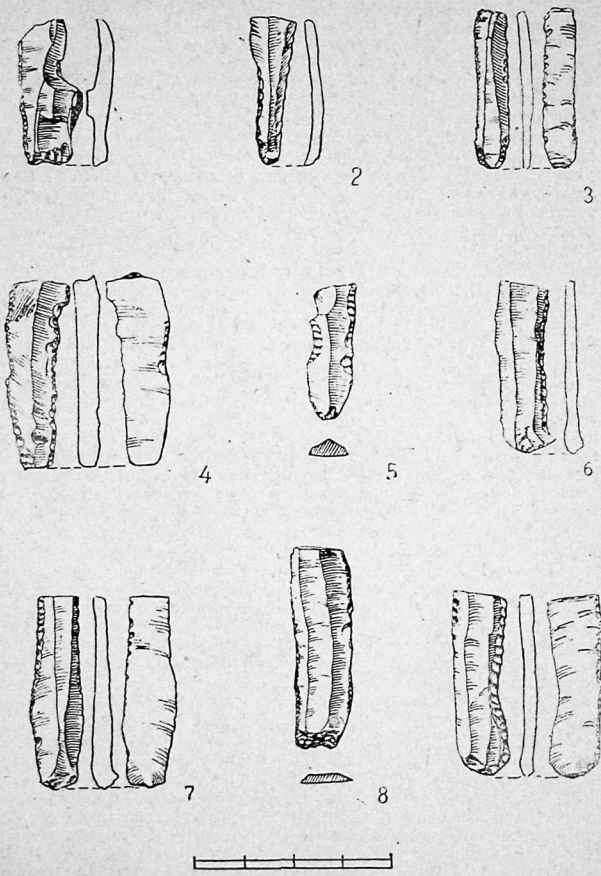


Рис. 80. Слой Va. Кремневые пластинки с ретушью.

Ножевидных пластин в слое имеется неретушированных 491. В массе это относительно более крупные пластины, чем в слое 5 и 4-м. Самая широкая из них шириной 2,6 см, самая длинная 6,8 см длиной. В среднем преобладают пластины шириной около 1—1,1 или 1,2 см. Из числа ретушированных пластин одна достигает 8,2 см длины (конец ее обломан). По материалу имеется почти одинаковое количество пластин из кремня темных и светлых тонов, светложелтого и беловатого с одной стороны, темносерого и красноватого — с другой.

Ретушированных пластин в слое—55. На большинстве пластин ретушь имеет характер легких зазубрин или выщербин и является результатом употребления. На 12 пластинах ретушь преднамеренная, вдоль одного лезвия, на пяти пластинах — вдоль обеих лезвий. Три пластины ретушированы с брюшка, вдоль обеих краев. Интересно, что на следующих 11 пластинах ретушь имеет противолежащий характер: на одной стороне— с брюшка, на другой — со спинки (рис. 79, 82).

Обращает внимание также и относительно большое количество пластин с выемками (26 экземпляров). Выемки на пластинах двух родов— более глубокие и крутые, но короткие и длинные, пологие. На одной из пластин (№ 50—1613) (рис. 83, 1) короткие выемки, расположенные вдоль обеих ее лезвий, придают последним мелкозубчатый пилообразный характер. На пластине 50—2687 (рис. 83, 2) и ряде других выемки глубокие, симметрично расположенные с обеих сторон пластины, образованы противолежащей ретушью. На других пластинах выемки размещаются попеременно. Наиболее интересны по оформлению и размерам две пластины: одна (№ 50—1614) (рис. 83, 3) длиной 5 см, из полупрозрачного светложелтого кремня, оформлена вдоль обеих краев противолежащей ретушью. Ретушь крутая, затупливающая. В основании пластины (обломанном) с одной стороны была небольшая глубокая выемка, с другой стороны лезвие имело широкую и длинную дугообразную выемку.

Вторая пластина (№ 50—1918) (рис. 83, 9) длиной 8,4 см, из такого же желтоватого, но более темного кремня, вдоль одного края имела пологую выемку в верхней части и такую же в основании вдоль другого края. Обе выемки оформлены ретушью нанесенной со спинки. На верхней части пластины против выемки с брюшка тоже имеется ретушь, но особого рода: вдоль тщательно ретушированного лезвия выступают симметрично расположенные острые зубчики, разделенные неглубокими выемками. Отделка этой пластины представляет собой образец высокого и совершенного мастерства обработки камня, а вместе с тем и своеобразного стиля ретуши, выросшего на почве традиций изощренной микролитической техники и южных стран Европы, Африки и Азии.

Пластина № 50—1604 (рис. 83, 10) из светложелтого, полупрозрачного кремня сохранилась полностью. Она имеет по краям две длинных пологих выемки, одну в основании, другую — вдоль противоположного края, оформленных «затупляющей» ретушью со спинки. В свою очередь, противоположная сторона пластины тоже ретуширована таким образом, что против каждой выемки имеется острое лезвие. Верхний кончик пластины с брюшка имеет вид поперечного, слегка вогнутого, желобчатого лезвия. Это конец противоположный ударному бугорку, тоже, очевидно, имел значение рабочего конца.

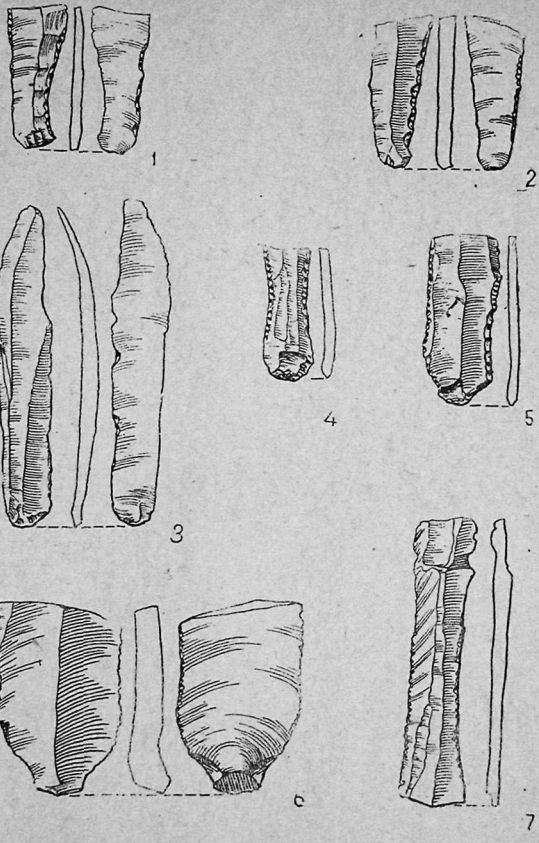


Рис. 81. Слой V *а*. Кремневые пластинки.

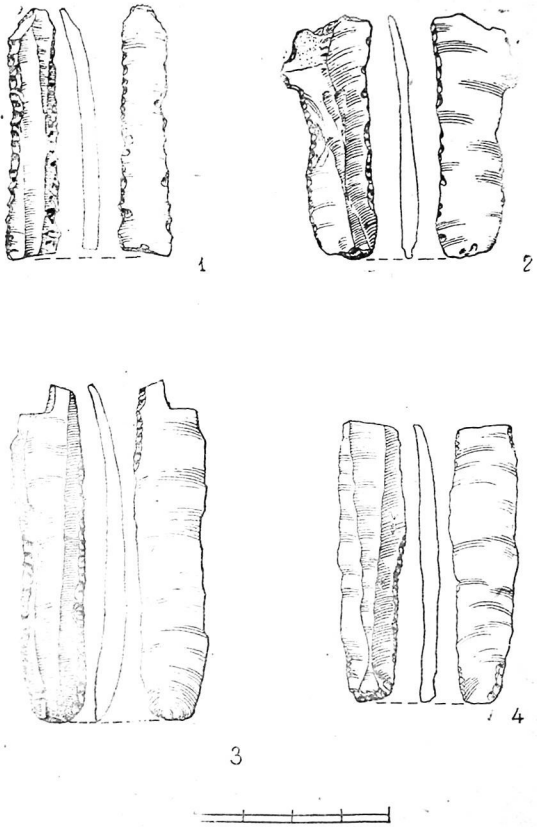


Рис. 82 Слой V *а*. Кремневые пластинки с ретушью.

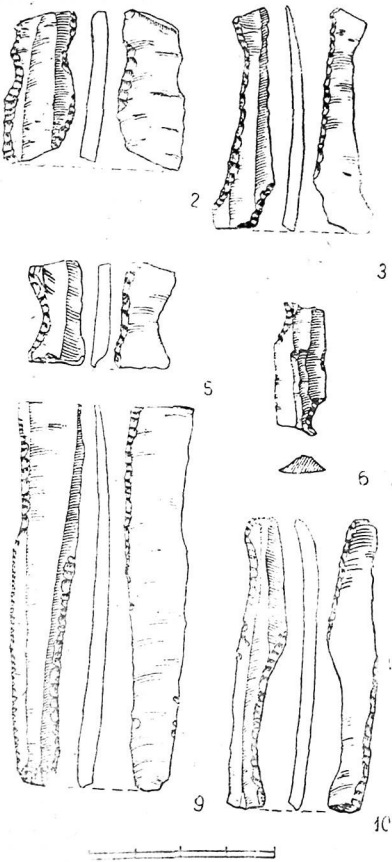


Рис. 83. Слой V *а*. Кремневые пластинки с ретушью и выемками.

В общем, описанная пластина представляет собой специализированное орудие, предназначенное для выполнения каких-то сложных, но мелких по масштабу, работ. Таковые же были, несомненно, все описанные выше пластины с выемками, сохранившиеся, как уже отмечалось выше, не целиком, а только во фрагментах.

Типичных пластин с затупленной спинкой, у которых обработанному крутой ретушью лезвию противостоит нересширующий край, в слое найдено 5. Пластин, у которых один край оформлен затупливающей ретушью, а другой обычной приостряющей ретушью, имеется четыре. Одна из них кривая, затупленный край у нее вогнут.

Интересна пластина с крутой ретушью (№ 50—2800) длиною 5,3 см (рис. 82, 1).

Пластина № 50—2790, сломанная в верхней части, подтесана с брюшка. По способу этой подтески она напоминает известные pieces ecailces верхнего палеолита Западной и Восточной Европы. Однако единичность этой находки заставляет отнестись к ней с осторожностью.

Проколок найдено всего восемь. Одна из них, самая крупная (№ 50—1955) (рис. 85, 5), длиной 4,6 см. Она изготовлена из довольно широкой ножевидной пластины (ширина ее 1,3 см). Материал — желтоватый, с розовым оттенком непрозрачный, кремень. Острие проколки, оформленное противолежащей ретушью, массивное и слегка искривлено в одну сторону.

Проколка № 50—1513 (рис. 85, 1) из тонкой пластинки полупрозрачного желтоватого кремня отличается своим миниатюрным острием, обработанным тончайшей микроретушью. Острие это отчетливо выделено на широкой пластине уступами по бокам последней. Длина проколки 2,4 см.

Проколка № 50—2467 (рис. 85, 3) изготовлена из тонкой узкой пластинки правильной симметричной огранки. Верхний конец ее обработан умелой тщательной ретушью и образует в средине короткое клиновидное острие, ограниченное по краям двумя небольшими выемками. Длина этой проколки 2,2 см. Ее с полным правом можно назвать микропроколкой.

В категорию микропроколок следует включить проколку № 50—2705. Последняя сделана из кремневой ножевидной микропластинки желтоватого цвета, обработанной вдоль краев затупливающей ретушью. Самый кончик пластинки, противоположный ударному бугорку, с двух сторон скошен ретушью и образует треугольное массивное острие. Длина пластинки 1,7 см, ширина ее 0,3 см.

Изделие № 50—1525 (рис. 85, 4) изготовлено из довольно массивной ножевидной пластинки, оба края которой тщательно ретушированы. Один из них дугообразно выпуклый, другой прямой. Длина изделия 2,6 см. Это своеобразный вариант боковой проколки.

Изделие № 50—2174 (рис. 85, 2) выделяется из всех остальных острий особой тонкостью и изяществом. Оно изготовлено из кончика тонкой ножевидной пластинки, имеющего форму удлиненного равностороннего треугольника. Оба длинных края треугольника обработаны мельчайшей, но очень тщательной ретушью. Длина пластинки 1,4 см, ширина ее 1 см.

Последнее в этой серии изделие (№ 50—1817) (рис. 85, 6) представлено нижней частью, так как верхняя часть острия обломана. Это стерженек из дымчатого полупрозрачного кремня, изготовленный из массивной ножевидной пластины с двумя ребрами на спинке. Оба длинных края пластины оформлены крутой затупливающей ретушью.

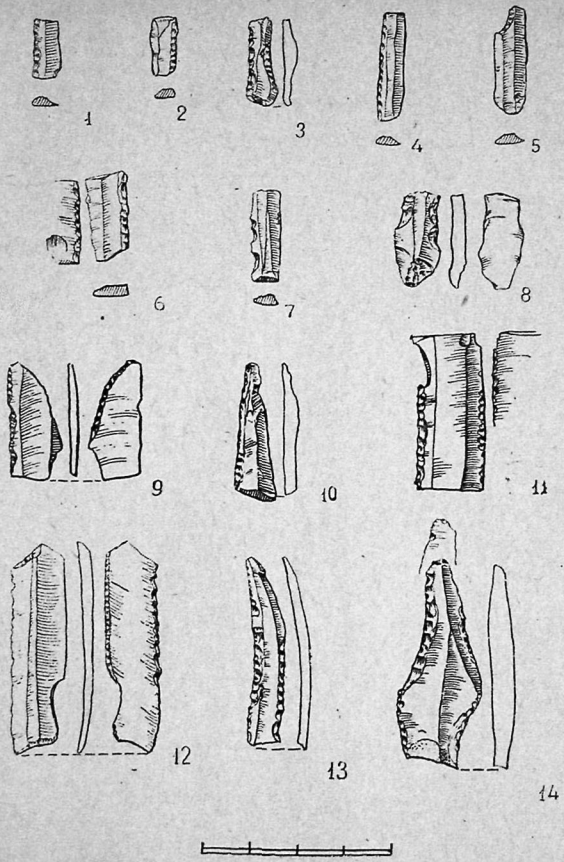


Рис. 84. Кремневые пластинки с ретушью, резец.

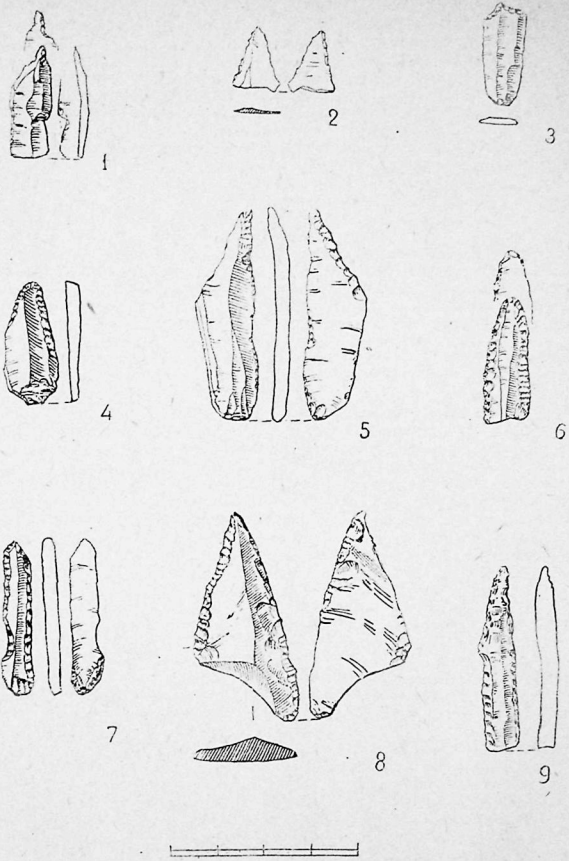


Рис. 85. Слой V *а*. 1—6—кремневые проколки и проколковидные острия. 7—9—кремневые острия.

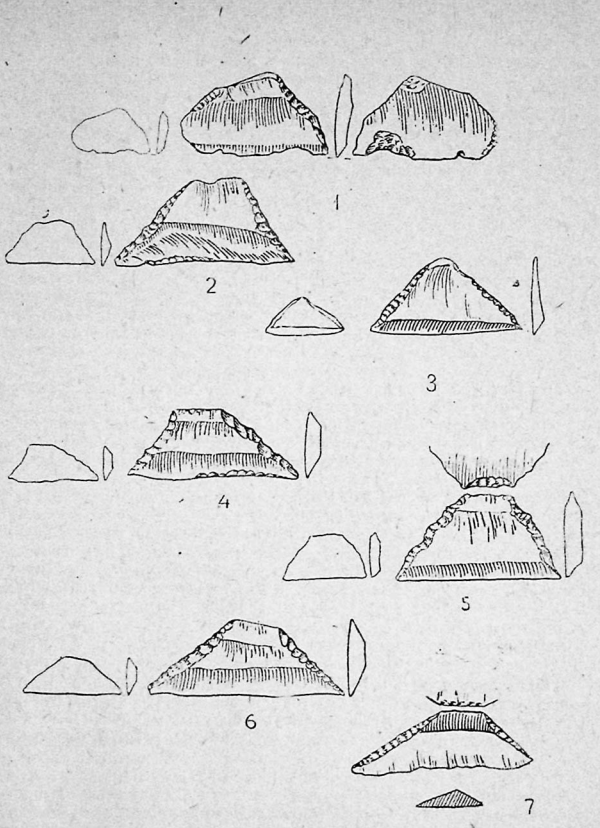


Рис. 86. Слой V *а*. Кремневые трапеции.

Аналогичные изделия обнаружены и в вышележащем пятом слое. Длина уцелевшей части изделия 2,6 см, ширина 0,9 см.

Пластин со сколами резцового типа имеется шесть. Все сколы нанесены с одного угла сломанной пластины. У четырех из них ретуширован один длинный край, другой оставлен без обработки. Самая характерная из них (№ 50—1916) (рис. 84, 11) из желтоватого кремня, широкая, с двумя параллельными ребрами на спинке сломана на обеих концах и обработана вдоль одного края ретушью. Частично ретуширована и противоположная сторона пластины, т. е. брюшко. На углу пластины вдоль ее ретушированного края нанесен был резцовый скол обычного типа.

Имела место попытка снять такой же скол и с противоположного угла пластины, но она не дала удовлетворительных результатов, так как кремень дал трещину, и, поэтому, следующий скол был нанесен с противоположного угла пластины. Таким образом, это типичный резец на углу сломанной пластины. Длина изделия 3,4 см, ширина его 1,5 см.

Второе изделие этой группы, заслуживающее особого упоминания,— тонкая пластина из желтоватого полупрозрачного кремня, у которой ретушированы оба продольных края. Один край полукругло-выпуклый, другой — прямой. Ретушь имеет противолежащий характер. С угла пластины, вдоль выпуклого края ее, был нанесен короткий, четко выраженный резцовый скол. Длина изделия 2,5 см, ширина—1,1 см.

Миниатюрных изделий геометрических очертаний целых найдено восемь.

Первое из них (№ 50—2237) (рис. 86, 2) типичная трапеция, изготовленная из ножевидной пластины с одним ребром на спинке. Косые края трапеции оформлены мелкой крутой ретушью. Длина трапеции 1,9 см, высота ее 0,9 см.

Вторая трапеция (№ 50—1983) (рис. 86, 6) с двумя ребрами на спинке, длиною 2 см, высотой 0,8 см.

Третья трапеция (№ 50—1840) (рис. 86, 5) с двумя ребрами на спинке, длиной 1,8 см, высотой 1 см. Она отличается от двух предшествующих тем, что ее верхний край с брюшка обработан ретушью, противолежащей по отношению к ретуши, оформляющей косые края изделия.

Четвертая трапеция (№ 50—1847) (рис. 86, 4) с двумя ребрами на спинке тоже отличается своей асимметричной формой. Один ее скошенный край короче и соответственно круче, другой длиннее и более пологий. Длина трапеции 1,9 см, высота ее 0,3 см.

Пятая трапеция (№ 50—2428) (рис. 86, 3) с двумя ребрами на спинке выделяется своими слегка вогнутыми скошенными краями. Это приближает описываемое изделие к трапециям особого рода, хорошо известным в литературе, с вытянутой и суженной в виде рукояти вершинкой. Длина трапеции 2,2 см, высота ее 1 см.

Шестая трапеция (№ 50—5428) (рис. 86, 7) из пластинки серого кремня, с одним ребром на спинке, обычного рода. Один скошенный край ее несколько короче другого. Поэтому описываемое изделие тоже может быть отнесено к числу асимметричных трапеций. Длина ее 2 см, высота—7 см.

Седьмое изделие является типичным микролитическим предметом треугольной формы (№ 50—2532). Основание его представляет острый край кремневой пластины, другие две стороны, сходящиеся в острие,

обработаны такой же как на трапециях ретушью. Высота треугольника 1,1 см, ширина его основания 1,6 см.

Пластинчатых острий со скошенным верхним концом имеется 18. Все они изготовлены из небольших ножевидных пластин более или менее правильной огранки. Как правило, у более крупных пластин со скошенным концом ретушь аналогична ретуши оформляющей скошенные края трапеции. На трех пластинах их длинные края оформлены мелкой ретушью, в одном случае ретушированы оба лезвия с брюшка, в другом одно лезвие—тоже с брюшка, в третьем ретушь имеет противолежащий характер, покрывая один край с брюшка, другой со спинки. Четыре острия из этой группы выделяются своими особенно миниатюрными размерами. Так, острие № 50—2044, сделанное из тонкой микропластинки светложелтого кремня, имеет в длину 1,6 см, при ширине 0,9 см.

Отдельно следует упомянуть также острие № 50—1858 (длина 4,1 см), у которого кончик слегка искривлен и выступает вбок в виде клюва боковой проколки, оформленного ретушью и вдоль длинного края пластины. Этот предмет представляет собой комбинацию острия со скошенным краем и проколки.

Скребки пятого *а* слоя могут быть разделены на следующие две основные группы: а) концевые на пожевидных пластинах; б) на отщепах. Концевых скребков 20. Восемь из них изготовлены из более или менее узких и тонких пластин правильной огранки, поперечный конец которых тонкой и мелкой, типично микролитической, ретушью превращен в слегка выпуклое, а в одном случае (№ 50—1939) вогнутое лезвие. У одного пластинчатого микроскребка лезвие несколько скошено. У одного скребка (50—1939) оба продольных края со спинки слегка ретушированы. У другого противолежащей ретушью оформлены длинные края со спинки и с брюшка (№ 50—1621) (рис. 88, 1), причем с одной стороны лезвие имеет вид пологой дугообразной выемки. У скребка № 50—2598 один край оформлен в виде грубого пилообразно-зубчатого лезвия. Два наиболее крупных концевых скребка сделаны из широких и относительно тонких ножевидных пластин.

Первый из них (*№ 50—2090*) (рис. 88, 2) сделан из пластины желтоватого кремня шириной 2,1 см, длиной 3,6 см (на нижнем конце обломана). На спинке пластины имеется две обычных параллельных грани. Рабочий край изделия дугообразно выпуклый, но не симметричный, а скошенный в одну сторону. Ретушь тщательная и пологая, приостряющая лезвие. Длинные края пластины у основания тоже обработаны ретушью, но уже мелкой, как бы случайной.

Второй скребок (№ 50—2432) (рис. 88, 3) сделан из длинной, трехгранной в сечении пластины, т. е. с одним срединным ребром на спинке. Рабочий край его имеет вид выпуклого лезвия. Один длинный край пластины оформлен мелкой ретушью и образует пологую длинную выемку. Нижняя часть пластинки с ударным бугорком отсечена поперечным ударом. Длина изделия 5,4 см, ширина его 1,4 см. Материал—светлосерый непрозрачный кремень.

Третий скребок (50—5431), узкий и длинный, имеет на широком конце ложковидное выпуклое лезвие, переходящее в обработанный ретушью боковой край.

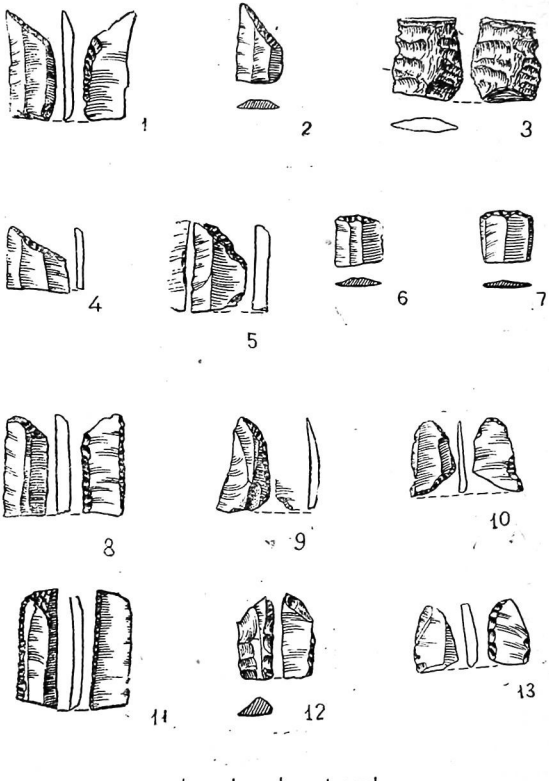


Рис. 87. Слой V *а*. 1—2, 4—13— миниатюрные кремневые орудия, 3— обломок кремневого наконечника стрелы.

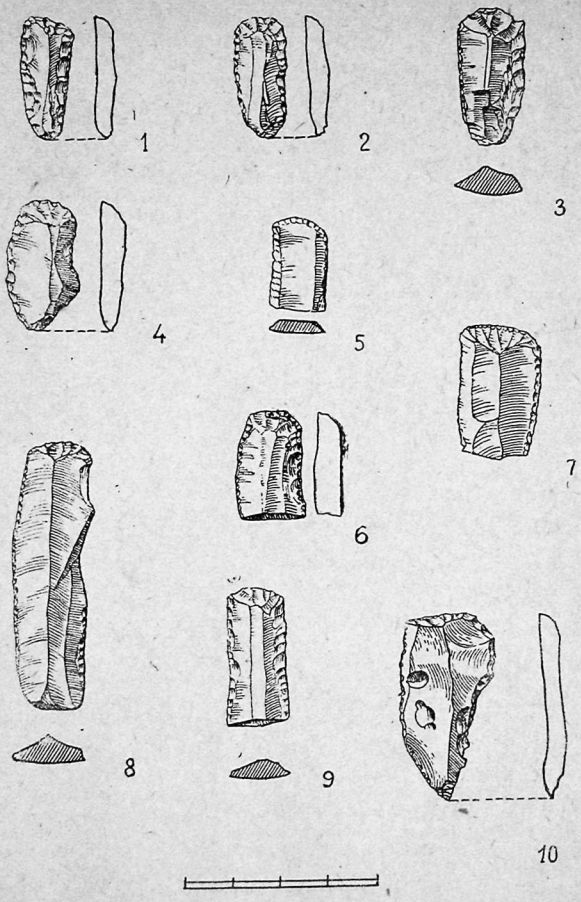


Рис. 88. Слой V *а*. Кремневые скребки.

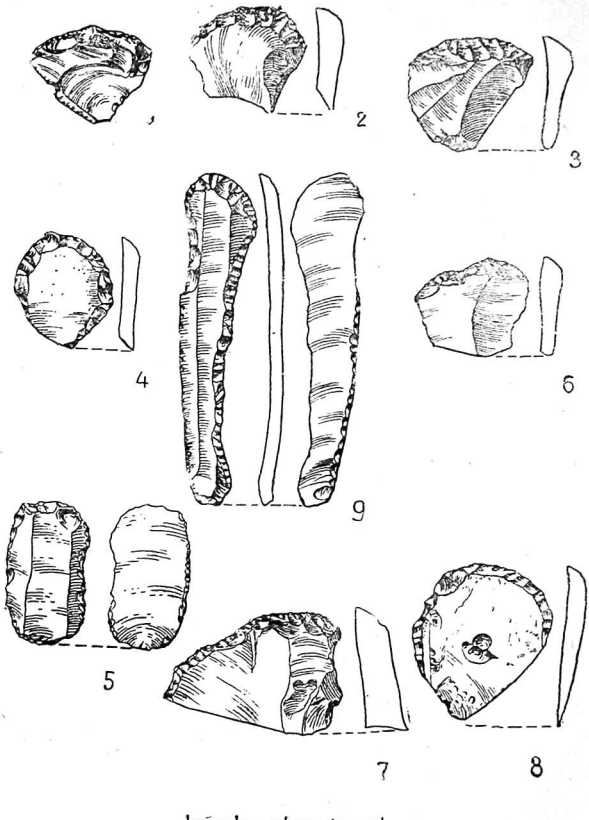


Рис. 89. Слой V *а*. Кремневые скребки.

Это — одно из наиболее оригинальных по форме изделий из культурных слоев Джебелского грота (рис. 89, 9).

Пять скребков сделаны из более широких и массивных пластин. У всех этих скребков дугообразно выпуклые симметричные лезвия, обработанные крутой ретушью и по два ребра на спинке. Один скребок из этой группы (№ 50—2089) (рис. 88, 5) имеет в ширину 2,2 см, оба длинных края его оформлены ретушью. Материал—темносерый кремень.

Второй (№ 50—1798) шириной 1,7 см, края его тоже ретушированы, Материал — полупрозрачный желтоватый кремень.

Третий скребок (№ 50—1396) (рис. 88,4) длиной 3,2 см, при ширине 1,6 см, изготовлен из светложелтого полупрозрачного кремня. Один край его у основания тщательной ретушью превращен в выемчато-зубчатое лезвие.

Четвертый скребок (№ 50—2425) (рис. 88, 6) из полупрозрачного темносерого кремня, длиной 3,1 см, шириной 1,1 см, с выемкой на одном боку. В сочетании с выемкой полукруглый рабочий край скребка образует клювовидное острие. Противоположный край оформлен противолежащей ретушью с брюшка.

Пятый скребок, из желтого непрозрачного кремня, сплошь обработан круговой ретушью таким образом, что получается два рабочих конца, противоположных друг другу—один широкий, слабо выпуклый, другой узкий, более выпуклый. Оба конца скребка на лезвиях имеют следы заполировки вследствие длительного употребления. Длина скребка 3 см, ширина 1,6 см.

Близки к описанным скребкам по форме и технике обработки два скребка и одна заготовка для скребка, изготовленные, однако, не из настоящих пластин, а из сравнительно узких и тонких пластинчатых отщепов. Скребки эти (№№ 50—2200, 2387) (рис. 88, 7—8) имеют удлиненно-подтреугольные очертания, слегка выпуклое поперечное лезвие и один продольный край ,оформленный мелкой тщательной ретушью. Интересно, что на одном из этих скребков (№ 50—2387) противолежащей ретушью с брюшка обработан и второй продольный край изделия. Размеры их: 2,8×1,6 см, 2,8×1,7 см; материал полупрозрачный желтый и белый непрозрачный кремень.

Заготовка для скребка № 50—2394 ретуширована вдоль поперечного края только с брюшка.

Четыре скребка, изготовленные из широких массивных отщепов, трехгранных в поперечном сечении, т. е. с одним продольным ребром на спинке, отличаются от всех других тем, что их лезвие находится сбоку и представляет собой широкую овальную дугу, оформленную пологой приостряющей ретушью.

Первый из них (№ 50—2178) (рис. 90, 1) изготовлен из полупрозрачного светложелтого кремня. Поверхность изделия покрыта сплошным жирным блеском. Выпуклый край орудия в сочетании с частично ретушированным противоположным краем образует клювовидное острие. Длина скребка 3,8 см, ширина 1,9 см.

Второй скребок (№ 50—2670) (рис. 90, 2) из беловато-серого непрозрачного кремня, длиной 3,2 см, шириной 2 см, отличается наличием ретуши на нижнем конце, оформляющей короткое косое лезвие.

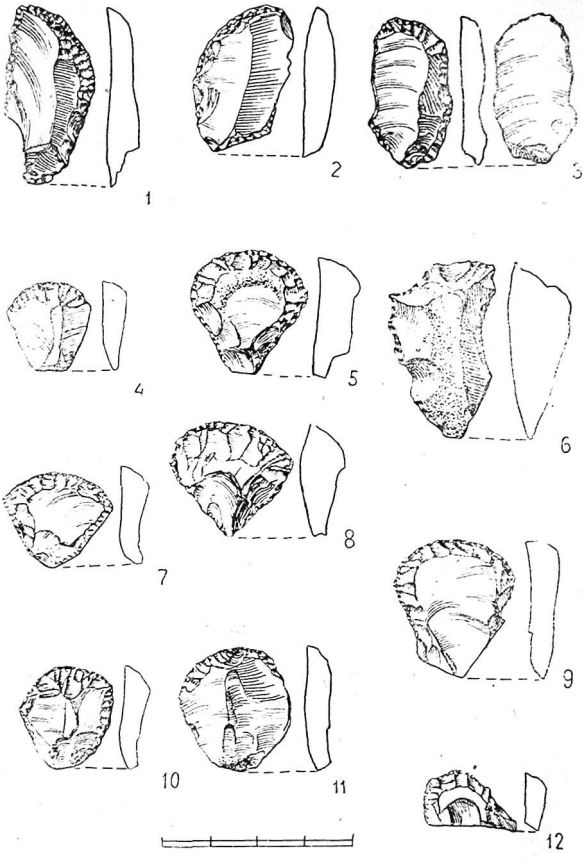


Рис. 90. Слой V *а*. Кремневые скребки.

Третий скребок (№ 50—1590) (рис. 90, 3) из черного блестящего кремня, просвечивающего по краям. Длина 3,2 см, ширина 1,7 см.

Четвертый скребок (№ 50—2611) (рис. 90, 6) из светлосерого кремня представляет собою заготовку скребка данного рода. На скребке уцелела часть валунной корки. Ретушь на нем широкими первичными сколами, без вторичной подправки лезвий мелкой ретушью. Рабочий край изделия крупнозубчатый «рваный». Длина 3,7 см, ширина 2,5 см.

Следующую третью группу скребков образуют скребки языковидные, т. е. подтреугольных очертаний, с отчетливо оформленной заостренной рукоятью. Таких скребков шесть. Они, в свою очередь, представляют два четко отделяющихся друг от друга типологических варианта. К первому варианту относятся три скребка, отличающиеся особой массивностью и толстым, крутым, почти вертикально оббитым, дугообразно-выпуклым рабочим краем. Первый из них (№ 50—1913) (рис. 90, 5) из темносерого, почти черного кремня хорошего качества, длиной 2,7 см, шириной 2,6 см. Второй скребок (№ 50—2180) (рис. 90, 9) из темносерого кремня отличается тем, что на обеих поверхностях изделия сохранилась беловатая густая патина, тогда как ретушированный край его патины не имеет. Очевидно, широкий пластинчатый отщеп, из которого сделан скребок, был поднят на каком-то другом более древнем местонахождении и затем использован заново. Длина скребка 2,8 см, ширина 2,5 см. Третий скребок (№ 50—2424) (рис. 90, 8) из светлосерого (густо патинированного) кремня, длиной 2,6 см, шириной 2,8 см.

Ко второму варианту относятся три скребка №№ 50—1790 (рис. 90, 7), 1791 (рис. 90, 10), 2179 (рис. 90, 4). Они отличаются тем, что изготовлены из более тонких и меньших по размеру отщепов и имеют пологo ретушированные рабочие края, насады их шире и очертания несколько более округлые. Размеры этих скребков: 2,2×2 см; 2,1×2,3 см; 1,9×1,8 см, материал: полупрозрачный, кремень густого желтого и светложелтого тона, светлосерый непрозрачный кремень.

К четвертой группе относятся три скребка округлых очертаний. Один из них (№ 50—1912) (рис. 90, 11) из дымчатого полупрозрачного кремня с выпуклым рабочим краем, второй (№ 50—2671) (рис. 89, 4) дисковидной формы с крутой круговой ретушью, из белого с розовым оттенком непрозрачного кремня, третий (№ 50—2426) (рис. 89, 7) из темносерого кремня, с обломанной рукоятью. Размеры этих скребков 2,6×2,1; 2,7×2,4; 3×3,1 см.

К пятой группе относятся скребки на отщепах с выпуклым рабочим краем, скошенным к одному краю. Характерной чертой таких скребков является неравномерная толщина обработанного ретушью рабочего края. С одного угла (во всех случаях левого, если скребок лежит спинкой вверх) лезвие скребков тонкое и затем постепенно утолщается к другому противоположному углу.

Размеры этих скребков: 2,4×2,1 см; 2×2,3; 2,6×2,4; 2,6×2,1 см. Материал: красноватый, светлосерый и беловатый кремень хорошего качества. Обломков скребков в слое найдено восемь.

Нуклевидный скребок в пятом *а* слое один (№ 50—2767). Он имеет с одной стороны вид низкого конического нуклеуса (высота его 2,1 см). Остальная часть его, оформленная сколами, является как бы рукоятью изделия.

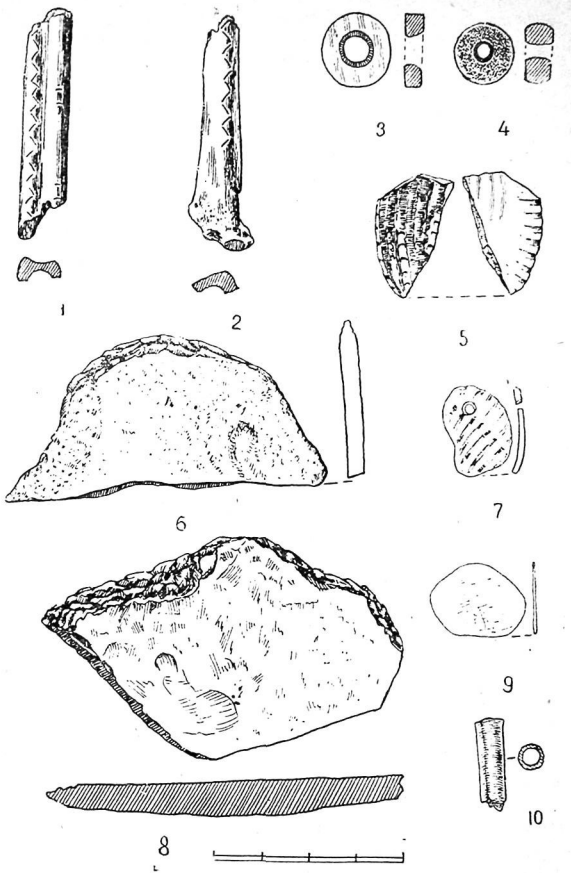


Рис. 91. Слой V *а*. 1—2—орнаментированные поделки из кости, 3—раковинная буса 4—каменная буса, 5—обломок створки раковины, 6—8—обломки плиток песчаника *с оббитыми краями*, 7—*раковинная буса*, 7—*обломок створки раковины*, 10—*цилиндрик*.

Кроме узких и плоских продольных желобков в передней части изделие оформлено вдоль выпуклого лезвия мелкой вторичной ретушью. Площадка ровная, образованная одним поперечным сколом, слегка вогнутая. Материал—беловато-серый, непрозрачный кремень.

Из всех находок в слое особо выделяется крупное изделие в виде пластинчатого острия треугольной формы (№ 50—1592) (рис. 85, 8). Оно изготовлено из крупного отщепа с одним продольным ребром на спинке. Оба длинных края изделия со спинки ретушированы: один более крутой ретушью и во всю длину, другой более мелкой ретушью и только у основания. С обратной стороны, т. е. с брюшка пластины, тоже имеется ретушь вдоль того края, где ретушь не достигает острия. Характерно, что ретушь имеет здесь противолежащий характер, как бы возмещая то, чего недостает на противоположной стороне. Основание изделия выломано. Длина его 4,6 см, ширина 2,3 см.

В слое найдены также обломки тонкой плитки песчаника. Один из них (№ 50—2769) имеет широкий дугообразный рабочий край, обработанный мелкой двусторонней ретушью (рис. 91, 6).

Украшения. В слое 5*а* найдена одна типичная овальная бусина из створки морской раковины с просверленным в ней с выпуклой стороны коническим отверстием. Материалом для бусины послужил, повидимому, окатанный, округленный морем, обломок створки раковины. Цвет ее светложелтый, поверхность покрыта характерным жирным блеском от длительного ношения.

Найдены также две бусинки в виде плоских кружков или отрезков цилиндриков.

Первая из них (№ 50 — 2039) (рис. 91, 3) беловато-желтого цвета, сохранила на одной своей стороне буровато-красные поперечные полоски, показывающие, что она сделана из морской раковины, а не из какого-либо другого материала. Форма бусинки правильная, круглая. Узкая боковая грань ее плоская. Отверстие сквозное, с одной стороны воронкообразное, расширенное. Диаметр бусины 0,8 см, толщина 0,2 см.

Вторая бусина (№ 50 — 1496) (рис. 91, 4) темнокоричневого цвета, изготовлена не из раковины, а из какого-то мелкозернистого камня, вероятно, из плотного сланца или песчаника. Форма ее такая же, как у описанной выше, но отверстие строго цилиндрическое, узкое. Диаметр бусины равен 0,6 см, толщина 0,3 см.

В слое обнаружен так же толстый обломок края створки морской раковины (№ 50—1493) (рис. 91, 5) и овальная пластинка из кости. Обе, вероятно, являются заготовками для бусин.

Керамика в 5*а* слое представлена шестью фрагментами.

Пять фрагментов относятся к грубой керамике ручной работы, такого же рода, какая обнаружена в пятом слое.

Шестой фрагмент принадлежит, несомненно, тому же сделанному на гончарном круге черному сосуду, черепки которого описаны для вышележащих слоев. На поверхности этого черепка имеется отчетливо видный узор в виде стилизованного изображения дерева («елочки») с прямым, плавно утолщающимся вниз стволом и косо отходящими от него вверх, симметрично расположенными ветвями. Нет сомнения, что эти немногочисленные фрагменты глиняных сосудов попали

в 5*а* слой из вышележащих наслоений пещеры, в результате деятельности роющих коры животных.

Слой 5—6

Материалом для изготовления орудий служил преимущественно желтоватый кремень различных оттенков, преимущественно полупрозрачный, относительно часто встречается серый красноватый кремень и дымчатый, изредка — черный.

Обломков оббитых желваков имеется 6.

Отщепов — 90.

Отщепы в большинстве мелкие, пластинчатые.

Нуклеусов и их обломков в слое найдено четыре, при чем один из нуклеусов является по существу нуклевидным орудием — скребком (см. ниже). Из остальных трех нуклеусов первый (№ 50—3247), изготовленный из плохого желтовато-серого непрозрачного кремня является, несмотря на его небольшие размеры (высота 3,1 см, ширина площадки 2,2 см), лишь грубо оформленной заготовкой для нуклеуса конического типа.

Интересно, в связи с этим отметить два обстоятельства. Во-первых, миниатюрные размеры заготовки. Это значит, что не всегда следует видеть в малых нуклеусах только результат длительного употребления исходной болванки кремня, уменьшенной вследствие последовательного снятия ножевидных пластин до минимальных размеров, когда дальнейшие операции такого рода становятся уже бесцельными, потому что получаемые пластины имеют слишком незначительный размер. Во-вторых, следует отметить, что в данном случае коническая форма нуклеуса является исходной, а не результатом использования нуклеуса.

Второй нуклеус еще миниатюрнее (№ 50—3143) (рис. 92, 1). Его высота 2,2 см, ширина площадки 1,2 см. Площадка нуклеуса тщательно обработана ретушью. Резко суживаясь кверху, нуклеус имеет на одном, утолщенном, крае узкие фасетки продольных сколов. Другой край острый, образованный широкими сколами с обеих сторон. В целом этот нуклеус отчасти напоминает нуклеусы-скребки с боковым продольным лезвием, хорошо известные в неолите Сибири и Центральной Азии. Материал его светлокоричневый кремень.

Предмет № 50—2992 (рис. 92, 3) является массивным поперечным сколом с площадки довольно крупного (диаметр 2,7 см) призматического нуклеуса. Материал — темножелтый кремень. Боковых продольных сколов с нуклеуса и оббитых желваков — 5. Три из них имеют следы употребления в виде зазубрин вдоль лезвия.

Ножевидных пластин без ретуши — 78. Среди них относительно большое место принадлежит фрагментам пластин средней величины и крупных: от 0,8—0,9 см и до 1,5—1,6 см шириной. Пластины, в большинстве правильные, хорошо ограненные.

Пластин с ретушью № 11. Из них с ретушью со спинки на обоих лезвиях—3, на одном—5. Пластин ретушированных с брюшка вдоль обоих лезвий—3.

Пластин с выемками — 10. Самая крупная из них: № 50—3153 (рис. 93, 9) с пологими длинными выемками вдоль обоих краев. Длина пластины 6,2 см, ширина 1,2 см.

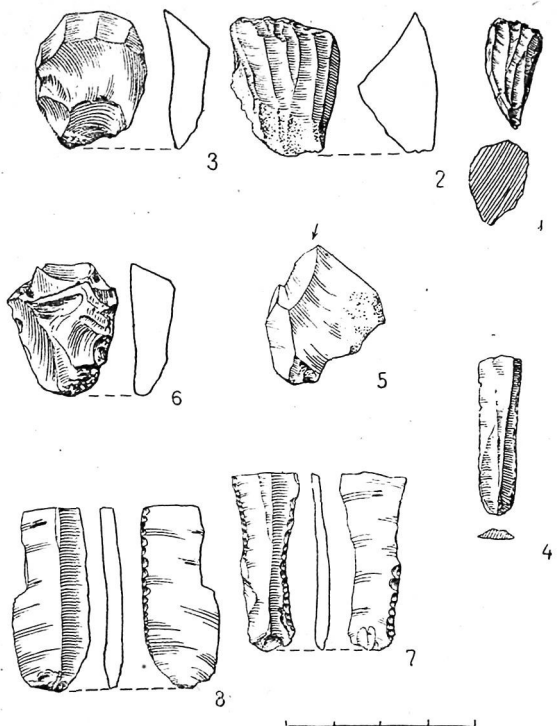


Рис. 92. Слой V—VI. 1—2—кремневые нуклеусы, 3—поперечный скол с площадки кремневого нуклеуса, 4, 7—8—кремневые пластинки с ретушью, 5—кремневый отщеп с резцовым сколом, 6—кремневый отщеп с ретушью, пластина с выемками.

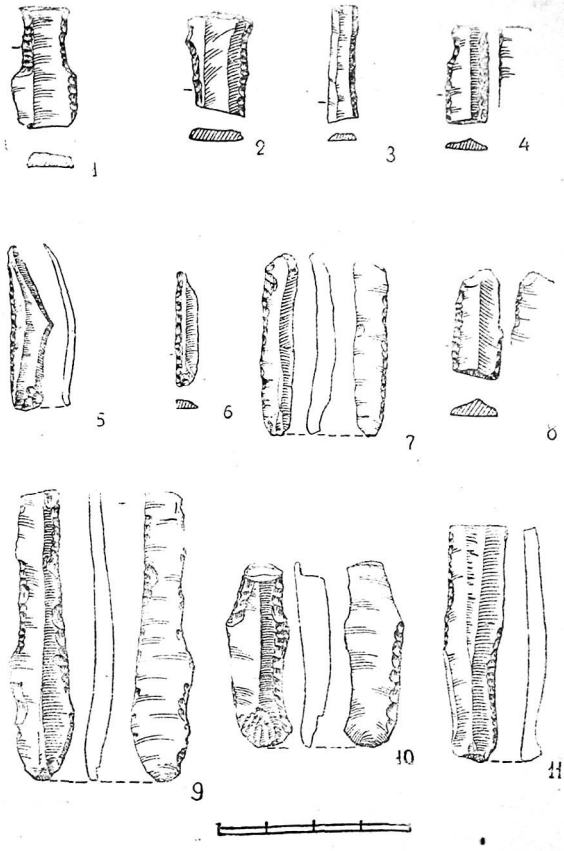


Рис. 93. Слой V—VI. Кремневые пластинки с ретушью и выемками.

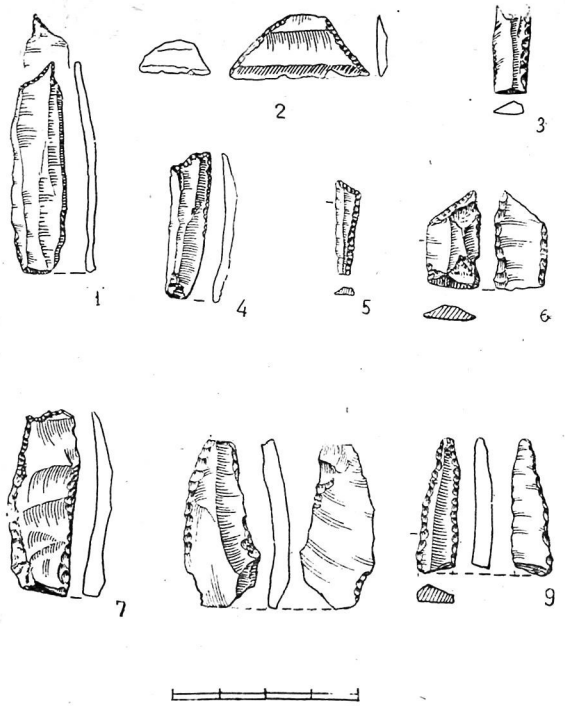


Рис. 94. Слой V—VI. 1,7 кремневые проколки, 2—кремневые трапеции, 3,5—кремневые пластинки с затупленной спинкой, 4—кремневое острие со скошенным краем, 6—8, 9—кремневые изделия.

Пластинок с затупленной спинкой и неретушированным противоположным краем — 4. Все они узкие и обломаны Одна пластинка (№ 50—2009) (рис. 94, 3) из светложелтого кремня сохранила обработанный мелкой тщательной ретушью поперечный край. Он прямой, слегка вогнутый, на месте ударного бугорка ширина пластинки 0,7 см.

Вторая пластинка (№ 50—3034) (рис. 94, 5) имела форму удлиненного неравностороннего треугольника. Ее острый длинный кончик обломан, противоположный скошен ретушью и образует вытянутое треугольное острие, обычное для изделий данного рода. Ширина пластины в этой части 0,5 см.

Проколок в слое найдено три. Первая (№ 50—3085) (рис. 94, 1) из тонкой пластины с двумя гранями на спинке, ширина 1,1 см, длина 4,6 см. Острый кончик ее находится сбоку и слегка скривлен наружу. Он оформлен мелкой тщательной ретушью, типичной микролитической.

Вторая проколка (50—3149) сделана из толстого и широкого продольного бокового скола с болванки для нуклеуса. Один длинный край ее обработан ретушью. Противоположный поперечный край пластинки превращен ретушью в слегка выпуклое лезвие и заканчивается сбоку коротким острием в виде шипа. Длина проколки — 3,9 см.

От третьей проколки уцелело только основание, оформленное затупливающей ретушью вдоль обоих краев. Материал проколки светложелтый, темножелтый, дымчатый и темнокоричневый кремень.

Острие, со скошенным ретушью верхним краем, в слое найдено одно (№ 50—3155) (рис. 94,4). Один продольный край его слегка ретуширован на верхнем конце. Длина острия 3,1 см.

Трапеция — одна миниатюрная (№ 50—3064) (рис. 94, 2). Она изготовлена из тонкой пластинки светложелтого полупрозрачного кремня. Очертания ее асимметричные: один скошенный край длиннее и слегка выпуклый, другой короче, прямой, даже слегка вогнутый.

Скребков и их фрагментов — 8. Из них три скребка на довольно массивных отщепах с выпуклым и относительно высоким рабочим краем [(№№ 50—2997), (рис. 95, 3, рис. 95, 7), 3050]. Материал их — желтовато-серый и розоватый кремень. Скребков концевого типа, на более или менее широких пластинах четыре. Один из них длиной 1,9 см (№ 50—3185) с миниатюрным выпуклым краем. Один скребок (№ 50—3000) (рис. 95,4) изготовлен из массивного пластинчатого отщепа темножелтого кремня с продольным ребром на спинке. Он имеет широкую рукоять и узкий верхний конец, отделенный перехватами от рукояти. Длина его 3,8 см, ширина 2,1 см.

Нуклевидный скребок — один. Он изготовлен из темножелтого, с коричневатым оттенком, кремня. С одной стороны его имеется желвачная корка, на другой видны узкие желобки продольных сколов. Эта сторона изделия представляет собою скошенную высокую рабочую часть — лезвие, подправленное вдоль самого края мелкой и тщательной вторичной ретушью. Площадка изделия ровная, без ретуши, это—плоскость очень старого скола. Высота изделия — 3,2 см, ширина площадки 2,2 см.

Изделие типа резца—одно (№ 50—3040), (рис. 92, 5). Это небольшой массивный отщеп из светлосерого кремня, подтреугольной формы, вдоль угла которого имеется широкий, но короткий скол резцового типа. Длина изделия 2,7 см, ширина—2,3 см.

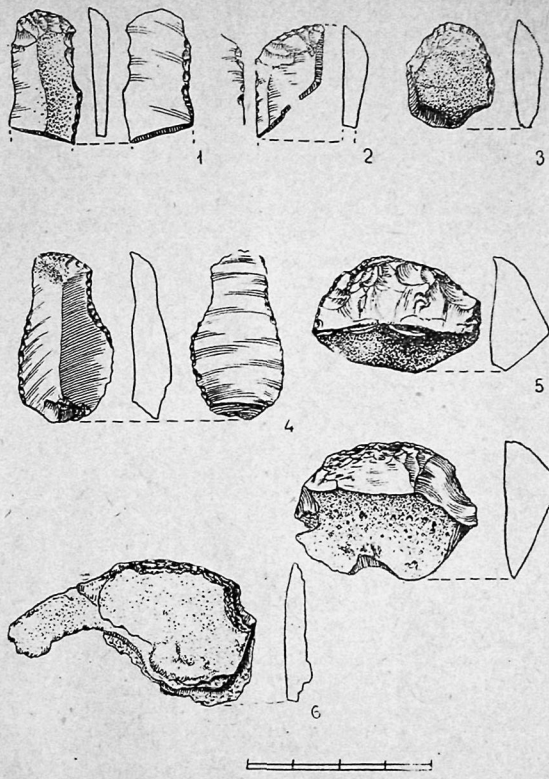


Рис. 95. Слой V–VI. Кремневые скребки.

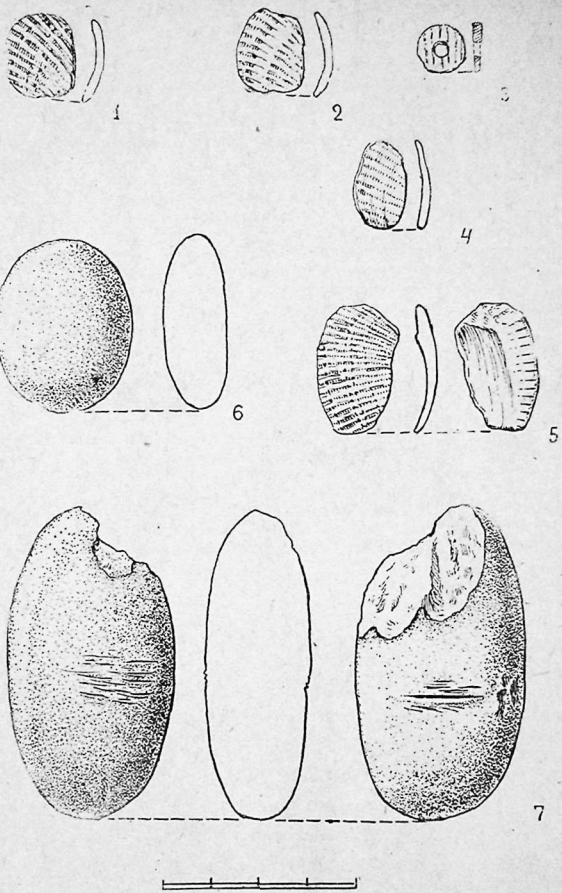


Рис. 96. Слой V—VI. 1—2, 4—5—заготовки для раковинных бус, 3—раковинная буса, 6—7 гальки.

Кроме описанных, в слое обнаружено еще два единичных изделия. Первое—пластина подтреугольной формы, из желтоватого кремня (№ 50—3156) (рис. 94,8). Один край ее оформлен со спинки ретушью в виде дугообразно-выпуклого лезвия. Противоположный край изделия тоже отчасти ретуширован с брюшка. Длина пластины 3,6 см, ширина— 1,6 см. Судя по цвету кремня, и покрывающему его жирному блеску, а также по общему облику изделия оно было доставлено сюда из более древнего местонахождения после того, как более или менее длительное время подвергалось обработке на открытом воздухе.

В слое найдены также фрагменты тонкой плитки из сланца или песчаника, край которой приостряющей ретушью превращен в выпуклое лезвие (№ 50—3182). В нем встречались и овальные или скруглые галечки из белого известняка (рис. 96, 6). На одной из подобных галечек (конец которой обломан) в средней части с обеих сторон нанесены поперечные нарезки (№ 50—3036) (рис. 96, 7). Длина гальки 6,8 см, ширина —3,4 см.

Украшения в слое представлены одной плоской бусиной в виде кружка (рис. 96, 3), белого цвета, сохранившей на одной стороне остатки внешней поверхности раковины, покрытой штрихами. Диаметр бусины 1 см, толщина ее 0,2 см. Есть также восемь овальных кусочков раковин, окатанных морем — заготовок (рис. 96, 2, 4—5).

Керамика представлена четырьмя фрагментами грубой лепной посуды с примесью дробленого серого камня (два черепка) и толченых раковин (2 черепка). Черепки расслаиваются, очень грубы. Один из черепков, обнаруживающих в глиняном тесте примесь толченых раковин, имеет на внешней стороне следы грубого орнамента в виде вдавленной зигзагообразной полосы.

Пятый черепок (№ 50—3066) совершенно иной. Он тонкий и принадлежит сосуду черного цвета с лощеной наружной поверхностью, сделанному на гончарном круге. Судя по миниатюрным размерам он проник сюда из вышележащей толщи культурных отложений. То же следует предполагать, впрочем, и относительно других, более грубых, черепков.

Слой шестой

Шестой слой — самый насыщенный обработанным кремнем. Кремень в нем, соответственно этому, очень разнообразный по качеству и расцветке. Перед нами проходит вся гамма переходов от белого кремня к светлосерому и черному; от светлосерого к темножелтому, почти оранжевому, темнокрасному и мясокрасному кремню. Преобладают, однако, как и раньше, кремни светложелтых и светлосерых тонов. Изредка встречается обработанный кремнистый известняк желтовато-серого цвета. Одно изделие сделано из мелкозернистого песчаника (№ 50—3618).

Кусков оббитых желваков и массивных сколов с них в слое найдено 48. Из них три являются фрагментами грубых нуклеусов или отесанных болванок. У одного из этих фрагментов (№ 50—4524) край имеет вид массивного и крутого, как бы нависающего лезвия, покрытого мельчайшими фасетками, образовавшимися в результате давления о какой-то твердый материал. Возможно, что этот предмет употреблялся в качестве отжимника.

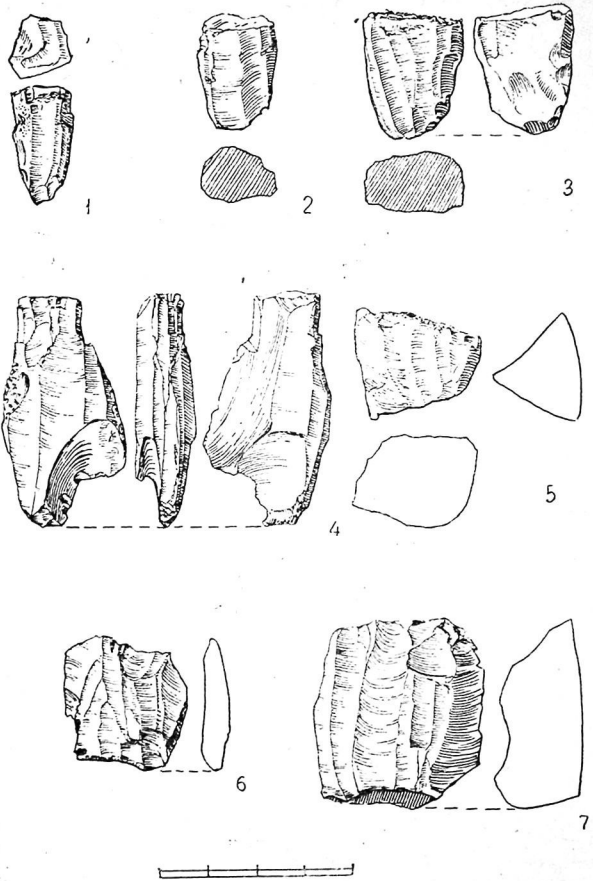


Рис. 97. Слой VI. Кремневые нуклеусы.

Отщепов в слое шестом обнаружено 709. В большинстве они мелкие, пластинчатые. Кроме того относительно много мелких раковистых чешуек кремня, отскочивших при детальной обработке поверхности изделий ретушью.

Нуклеусов и их обломков в слое обнаружено 35 (не считая нуклевидных скребков). Целых нуклеусов — всего 5. Первый из них (№ 50—3681) (рис. 97, 3) уплощенно-овальный в поперечном сечении, из темно-серого, почти черного кремня. Одна сторона его уплощена, другая выпуклая. Площадка образована одним поперечным сколом. Выпуклая сторона нуклеуса покрыта фасетками продольных сколов. Один край нуклеуса утолщен, противоположный отличается тем, что имеет боковые сколы, превращающие его в массивное грубое лезвие, аналогичное в принципе лезвиям центральноазиатских и сибирских нуклеусов-скребков с продольным лезвием на одном боку. Длина нуклеуса 2,7 см, ширина—2,1 см.

Второй нуклеус (№ 50—3579) из желтого дымчатого кремня, просвечивающего на тонких гранях, относится к числу односторонних нуклеусов. Одна сторона его сохраняет желвачную корку, лишь частично снятую ретушью, другая покрыта фасетками продольных сколов. Площадка нуклеуса узкая, скошенная под острым углом по отношению к желобкам продольных сколов, обработана мелкими фасетками. Длина нуклеуса 2,8 см, ширина—2,1 см.

Третий нуклеус (№ 50—3680) (рис. 97, 4) из розовато-коричневого кремня, сильно сработан, овальный в сечении. Длина его 5 см, ширина (максимальная) 2,7 см. Конец нуклеуса, противоположный площадке, был специально отретуширован в виде поперечного массивного лезвия.

Четвертый нуклеус (№ 50—3289) (рис. 97, 7) тоже односторонний, как и нуклеус № 50—3579. Он широкий, овально-уплощенный в поперечном сечении, имеет две площадки на противоположных концах. Одна площадка прямая, перпендикулярная длинной оси изделия, оформленная узкими сколами, другая — желобчато-скошенная под острым углом к длинной оси нуклеуса. Характерной особенностью нуклеуса является острое ребро, отделанное поперечной ретушью со стороны не имеющей фасеток продольных сколов. Материал нуклеуса желтовато-серый кремень, длина его 3,7 см, ширина—3,7 см.

Нуклеус № 3580 (рис. 97, 1) из светложелтого кремня, односторонне-конической формы, сработан до предела. Площадка круглая, тщательно ретушированная. Длина изделия 2,3 см, ширина его площадки 1,3 см.

Четыре нуклеуса [№№ 50—3338, 3664, (рис. 98, 7), 4363 (рис. 98,4), 4370 (рис. 98, 8)] из беловатого непрозрачного кремня имеют грубо коническую или пирамидальную форму. У всех них имеются ровные площадки неправильных очертаний — многоугольные с выступами. Это объясняется тем, что сколы, которыми оформлены нуклеусы, грубые, широкие, с глубокими раковистыми фасетками. Нуклеусы эти небольшие. Самый крупный из них имеет в высоту 2,7 см, ширина его площадки равна 3 см. Все это, повидимому, остатки сработанных нуклеусов из сравнительно грубого материала, использованных под конец уже для снятия не узких ножевидных пластин, пластинчатых небольших отщепов.

Четыре предмета (№ 50—3533, 3727, 4029, 4521) являются, по сути, такими же сработанными до предела нуклеусами, только еще более миниатюрными. Самый маленький из них высотой 2 см, ширина — 1,6 см.

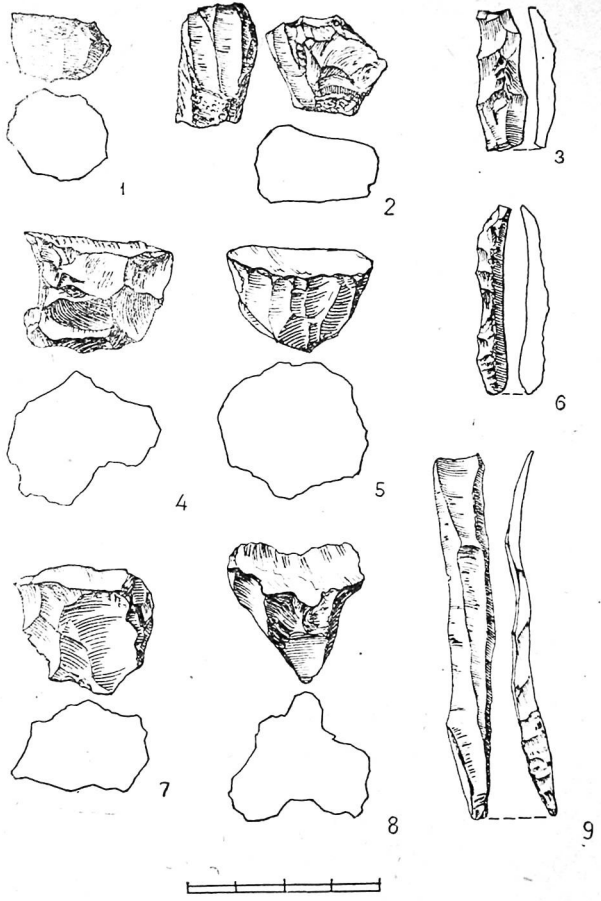


Рис. 98. Слой VI. 1—2, 4—5, 7—8—кремневые нуклеусы, 3, 6, 9—боковые продольные сколы с кремневых нуклеусов.

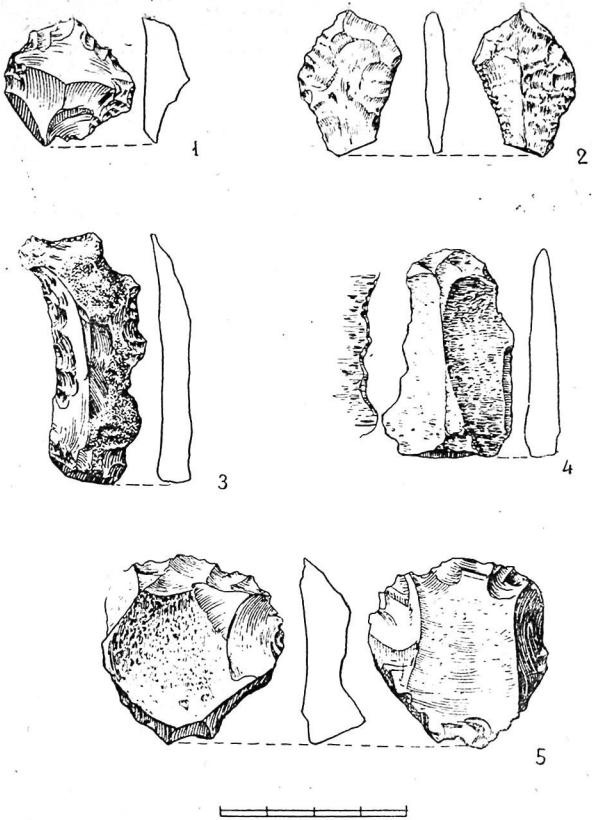


Рис. 99. Слой VI. Кремневые отщепы со следами обработки.

Массивных обломков нуклеуса имеется четыре. Поперечных или косых боковых сколов с площадью нуклеусов имеется тринадцать; продольных сколов с призматических нуклеусов — два, отколотая поперечным ударом верхушка конического нуклеуса—одна. Краевых сколов с болванок для нуклеусов обычного вида: горбатых, трехгранных в поперечном сечении, с фасетками поперечных сколов— чаще на одном крае, а иногда и на двух, имеется 12.

Ножевидных пластин без ретуши в слое обнаружено 337. Пластины и их фрагменты почти все правильной формы, тонкие, с двумя продольными ребрами на спинке. Самая длинная из них имеет в длину 7,6 см, ширина ее 1 см. Самая широкая пластина — 1,5 см (рис. 100, 7—12).

Пластин с ретушью имеется 50, из них ретушированных или имеющих следы употребления вдоль одного края на спинке 30; с ретушью на обоих краях вдоль спинки—8, ретушированных с брюшка—9, три пластинки имеют противоположную ретушь (рис. 100, 1—6; рис. 101, 102). Из пластин, имеющих ретушь вдоль обеих граней, одна, изготовленная из светложелтого полупрозрачного кремня, имеет в длину 9,2 см, при ширине 1,7 см (№ 50—358, 3582) (рис. 102, 4). Верхний конец пластины не уцелел. Она, очевидно, была еще больше и достигала, примерно, 15—18 см длины.

Пластин с выемкой и их фрагментов в слое 16. Пластины эти относительно тонкие. Наиболее крупная пластина, из светлосерого непрозрачного кремня, имеет две попеременно расположенные неглубокие выемки. Длина ее 7 см, ширина—1,6 см.

Скребков и их обломков в слое обнаружено 36; кроме того имеется 11 отщепов с выемками. Обращает на себя внимание, что среди скребков лишь один (№ 50—4250) (рис. 103, 1) из полупрозрачного желтовато-серого дымчатого кремня относится к числу настоящих концевых скребков. Он сделан из широкой плавильной пластины с двумя ребрами на спинке, лезвие его симметрично выпуклое имеет сбоку клювовидный выступ, продольный боковой край изделий оформлен такой же ретушью, как на лезвии. Ширина скребка 2 см, нижняя часть его обломана. Другой скребок из этой группы, сделан из трехгранной в сечении массивной пластины, отличается тем, что сплошь, кроме лезвия, покрыт жирным блеском. Несомненно, что для изготовления этого скребка была использована старая пластина, поднятая на песках, у которой обломили один конец и превратили его затем ретушью в рабочее лезвие (№ 50—4242) (рис. 103, 5).

Все остальные скребки изготовлены не из пластин, а из отщепов различного размера и разной толщины. Из них два представляют собой миниатюрные изделия дисковидной формы, плоские, с довольно тщательной круговой ретушью. Диаметр одного из этих скребков равен 22 см, другого—1,9 см [№№ 50—3683 (рис. 103, 3), 4241 (рис. 103, 2)].

Два скребка представляют следующий вариант — овальные с односторонне-выпуклым лезвием [№ 50—3334 (рис. 103, 4), 3684 (рис. 103, 1)].

Один скребок [№ 50—3333) (рис. 103, 10) овальной формы, с массивным и высоким рабочим краем. Длина скребка 3,2 см, ширина—2,8 см.

Три скребка имеют выпуклое лезвие и треугольный узкий насад, т. е. относятся к типу «языковидных», представленных в хороших экземплярах материалами 5*а* слоя.

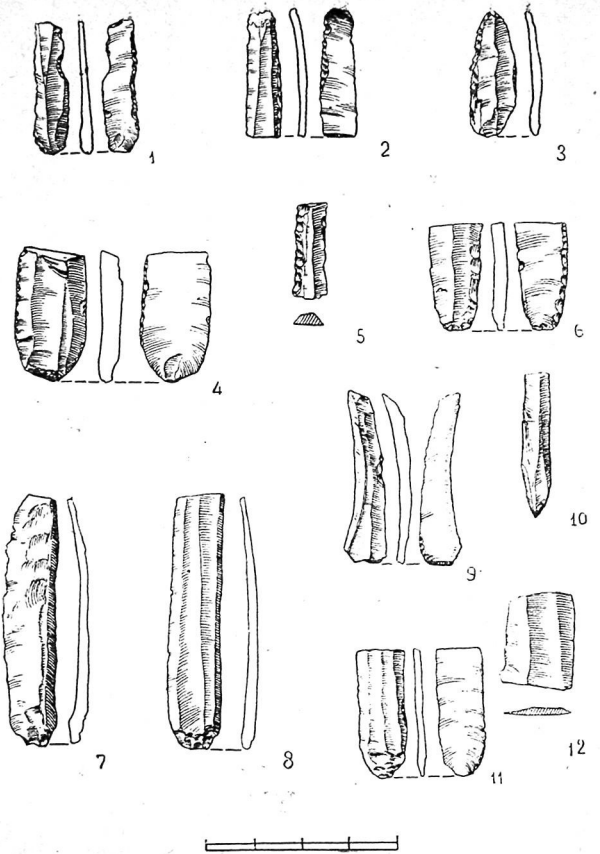


Рис. 100. Слой V I. 1—5—кремневые пластинки с ретушью, 7—12—нересушированные кремневые пластинки.

Скребки эти, однако, меньше по размерам, чем скребки из слоя 5*а*. Они [№ 50—3261 (рис. 103, 6), 4092 (рис. 103, 7), 4136 (рис. 103, 9)] имеют следующие размеры: 2,8×2,2 см; 2,4×2,1 см; 2,4×2,2 см.

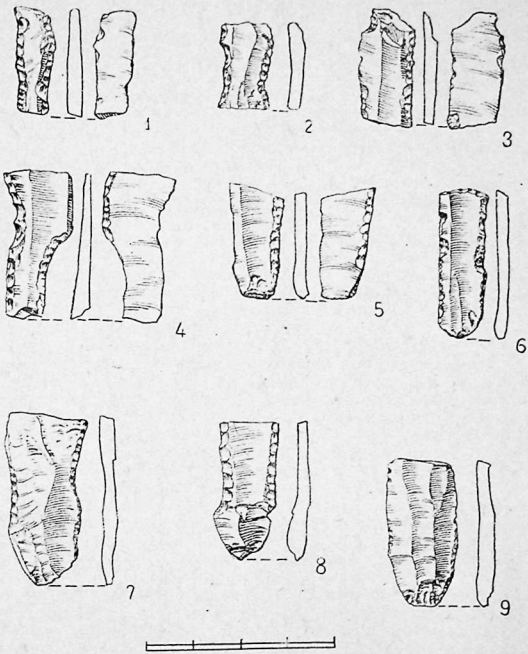


Рис. 101. Слой VI. Кремневые пластинки с ретушью и выемками.

Последний скребок (№ 4049) отличается тем, что изготовлен не из массивного, как первые два отщепа, а из тонкого пластинчатого отщепа и имеет изящные округленные очертания. Материал их—серый, светло-желтый и розоватый кремень.

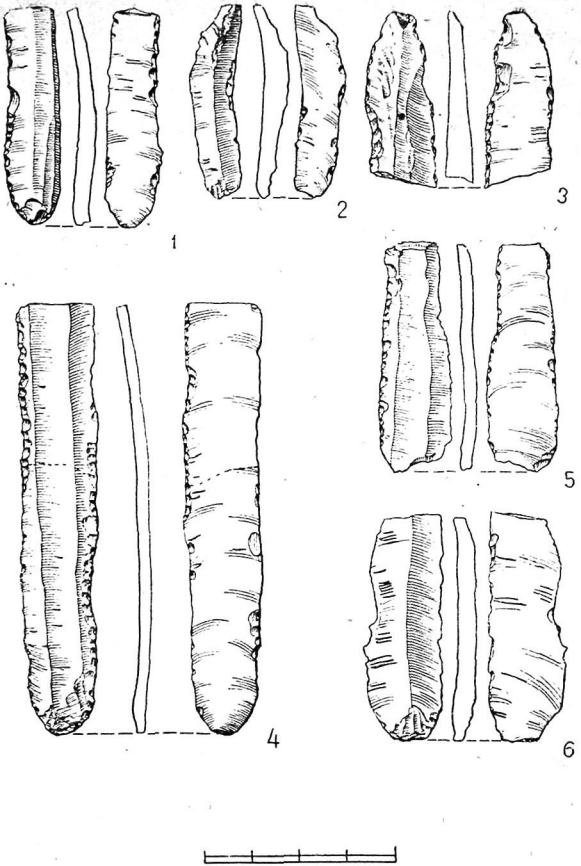


Рис. 102. Слой VI. Кремневые пластинки с ретушью.

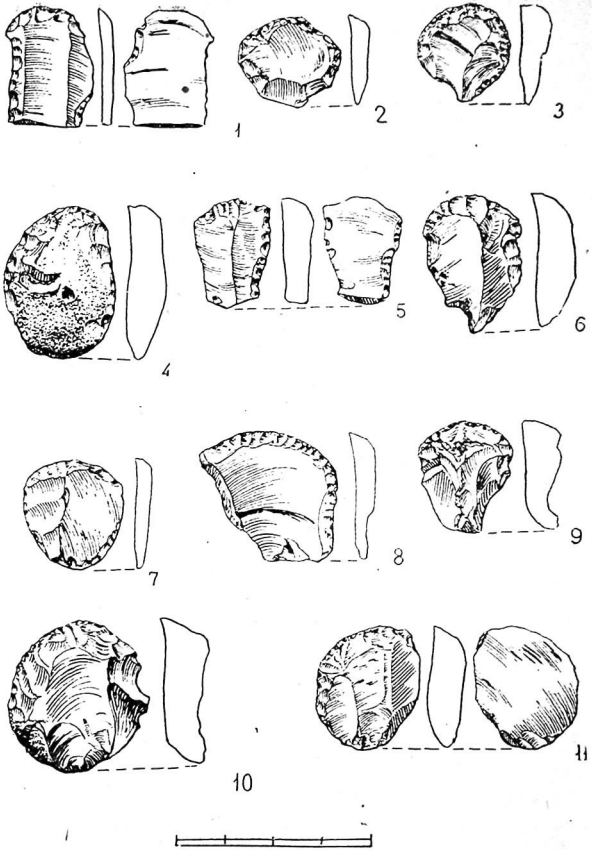


Рис. 103. Слой VI. Кремневые скребки.

Остальные образцы скребков случайных форм или обломки скребков. Особо следует отметить отщепы с более или менее крупными выемками, произведенными ретушью. Таких отщепов 12, причем пластинчатые из них приближаются к неправильным пластинам с выемками.

Нуклевидных скребков — три.

Один из них, более крупный — высотой 2 см, шириной 2,6 см (рис. 98, 1) из светлосерого кремня, имеет крутой и выпуклый рабочий край, подправленный мелкой ретушью снизу. Скребок этот был изготовлен из расщепленного и заново использованного призматического нуклеуса, причем фасетки новых и старых сколов ориентированы в противоположном направлении. Площадка скребка образована одним сколом и имеет характерный желобчато-вогнутый вид.

Второй скребок 50—4237 (рис. 98, 2) меньше размерами, уже (высота 2 см, ширина 1,4 см). По форме рабочего края напоминает килевидные скребки. Изготовлен не из нуклеуса, а из специально отесанного маленького желвака желтовато-серого кремня сохранившего часть желвачной корки. Площадка скребка такая же, как у описанного выше.

Третье изделие (№ 49—1017) (рис. 98, 5)—из белого непрозрачного кремня, правильной конической формы, низкий и широкий внизу. Высота его 1,9 см, ширина площадки 3,1 см. С одного бока изделия сохранилась желвачная корка. Вторичная подправка отсутствует, но судя по размерам и форме это была заготовка для нуклевидного скребка.

Проколок и проколковидных острий в слое найдено 7.

От двух из них [50—3657 (рис. 104, 1), 3697] сохранились только верхние части—острия. Одно из них (№ 3657) дает представление о широком и плоском орудии, изготовленном из пластины полупрозрачного светложелтого кремня, один край которой был обработан крутой затупливающей ретушью, а другой, более тонкий, край мелкой ретушью, образующей две неглубоких выемки. Ретушь, как всегда, со спинки.

От двух проколковидных острий уцелели основания.

Первая проколка (№ 50—4300) (рис. 104, 6) из массивной пластины дымчатого желтоватого кремня, одно лезвие которой во всю длину, а другое—частично, были оформлены пологой заостряющей ретушью. Длина этого изделия 1,1 см.

У второй проколки из черного кремня обломан только кончик острия. Она имеет расширенное плоское основание, острие ее сужено с боков крутой ретушью (№ 50—4251) (рис. 104, 2).

Проколка № 50—4245 (рис. 104, 3) из белого непрозрачного кремня, кривая, так как материалом для нее послужил боковой продольный скол с верхнего конца большого нуклеуса. Края проколки оформлены ретушью только на самом конце изделия. Длина его 5,5 см.

Проколка № 50—4098 (рис. 105, 2) из миниатюрного пластинчатого отщепа имеет один дугообразно выпуклый край тщательно отделанный тончайшей ретушью и второй вогнутый без ретуши. Длина ее 2,4 см.

Последняя проколка — из отщепа светложелтого кремня имеет вид многоугольника с пятью углами-выступами, три из которых могли служить рабочими концами (№ 50—4199). Размеры проколки 2,2, 1,8 см (рис. 104, 5).

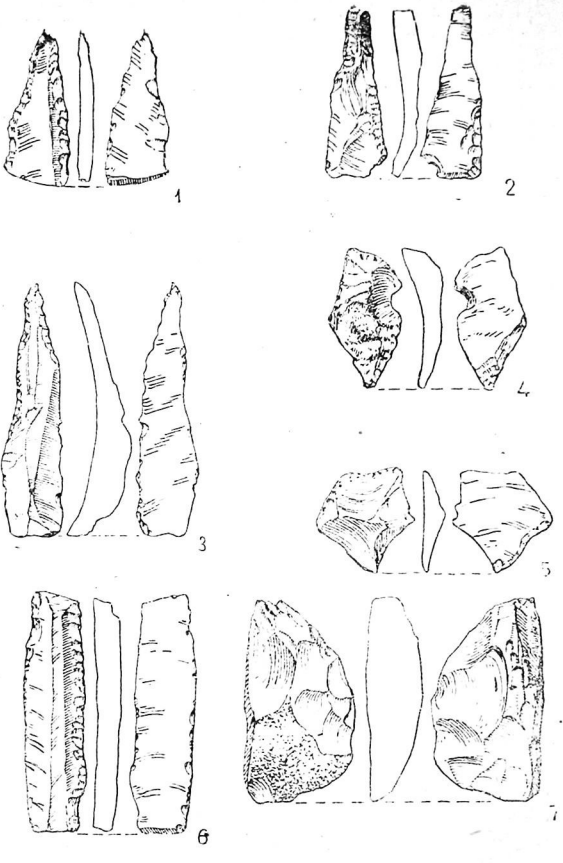


Рис 104 Слой VI. 1—3, 5—6—кремневые проколки и проколковидные орудия, 4—кремневое пластинчатое острие, 7—кремневое орудие типа резца.

К числу проколок может быть условно отнесена и пластинка с затупленной спинкой № 49—1024, верхний конец которой обломан. Она сделана из желтоватого кремня и отличается миниатюрными размерами: длина ее 1,3 см, ширина—0,4 см.

Острий со скошенным краем имеется два (№ 50—4154 и 3386) (рис. 105, 7).

Первое является обломком небольшого пластинчатого острия, оформленного характерной микролитической ретушью; второе, изготовленное из широкой грубой пластины красноватого кремня (длина 4,1 см, ширина 1,5 см) сохранилось полностью. Лезвие его слегка выпуклое. Один небольшой отщеп имеем на углу скол резцового характера (№ 50—3527).

Изделие № 50—4230 (рис. 104, 7) представляет собой, очевидно, незаконченное орудие, аналогичное найденному при закладке небольшого шурфа в местности Кизил-Лай. Изделие это имеет один дугообразно выпуклый и другой прямой край. Одна сторона его выпуклая и сохранила часть желвачной корки, другая плоская. Вдоль прямого края или ребра с угла его был нанесен скол резцового характера, такой же как на отмеченном выше изделии из Кизил-Лая, являющемся оригинальным вариантом боковых резцов.

Изделия геометрической формы в слое представлены тремя экземплярами трапеций. Первая, из пластинки светложелтого цвета, с двумя гранями на спинке, имеет асимметричные неравносторонне-скошенные края: один из них длиннее и соответственно более пологий, другой—более крутой и короткий (№ 50—4046) (рис. 105, 1). Длина 2,5 см, высота 1 см. Вторая, из пластинки черного непрозрачного кремня, еще более асимметрична (№ 50—4006). Длина 1,8 см, ширина 1 см (рис. 105, 3).

Третья трапеция, из пластинки светложелтого кремня, менее асимметрична, но тоже не может быть причислена к правильным симметричным изделиям этого рода. Ее скошенные края, вдобавок, слегка вогнуты. Длина ее 1,6 см, ширина 0,9 см. Изделие № 49—1022 является своеобразным вариантом миниатюрного орудия геометрических очертаний. Это — удлиненная трапеция, изготовленная из массивной, треугольной в сечении, пластины серого кремня, обладающая слегка скошенными боковыми сторонами. От других образцов изделий этого рода, найденных в пещере Джебел, описываемое отличается тем, что вершина его тоже ретуширована и имеет, поэтому, вид неглубокой выемки. Длина трапеции 1,5 см, ширина ее 0,7 см.

Изделие № 50—3950 является заготовкой для какого-то обработанного широкими плоскими фасетками с обеих сторон изделия ромбических очертаний. Возможно, что это должен был быть наконечник дротика или нож. В общем эта вещь напоминает типично неолитическое изделие из вышележащих слоев и не исключено, что она оттуда попала вглубь. Материал — черный кремнистый сланец. Длина 3,2 см, ширина 2,3 см.

Отдельно следует упомянуть одно изделие (№ 50—3407) из желтоватого кремня, резко выделяющееся сплошным жирным блеском на фоне остальных кремневых изделий из шестого слоя. Это—кривое пластинчатое острие подтреугольной формы, края которого оформлены противолежащей ретушью с брюшка и спинки.

Противоположный конец изделия обработан в виде скребка со слегка скошенным крутым лезвием. Длина изделия 3,1 см, ширина—1,6 см.

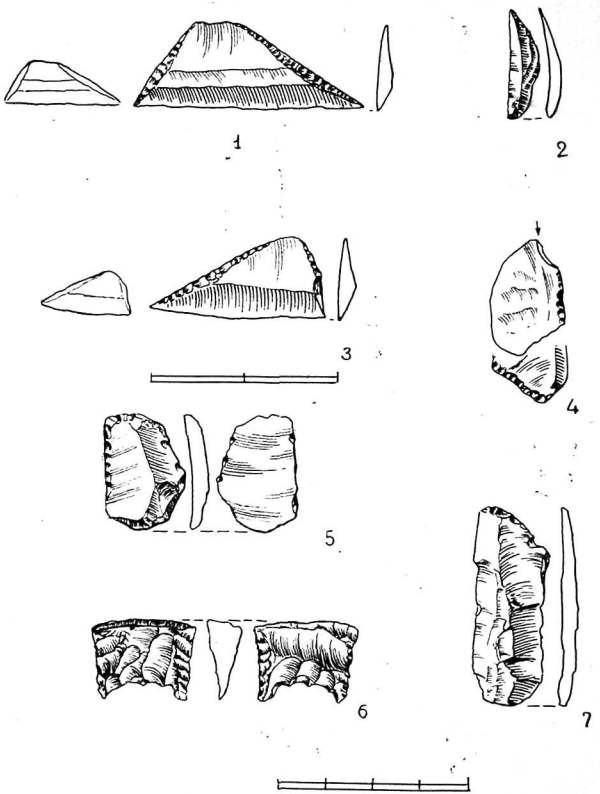


Рис. 105. Слой VI. 1, 3—кремневые трапеции, 2—миниатюрная кремневая проколка, 4—кремневый отщеп с резцовым сколом, 5—кремневый отщеп с ретушью, 6—обломок кремневого наконечника стрелы, 7—кремневое острие.

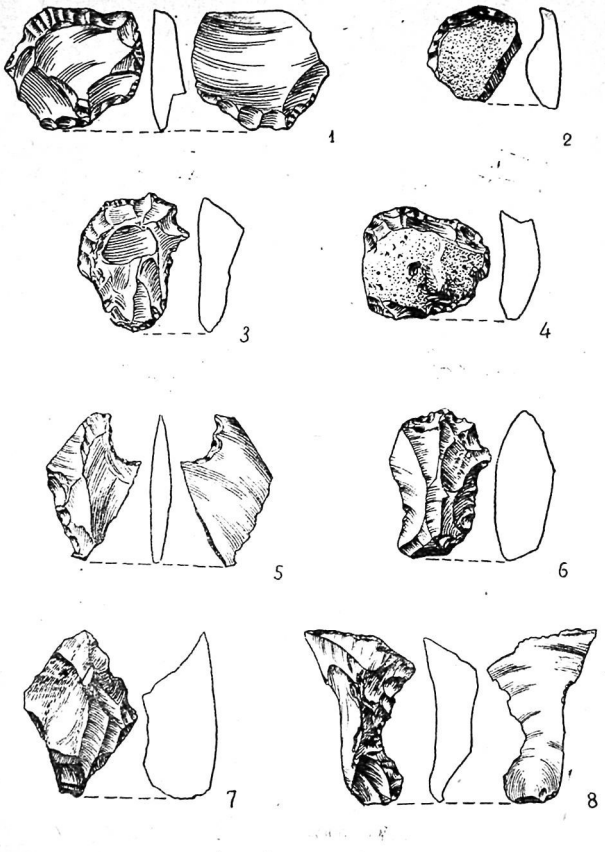


Рис. 106. Слой VI. 1—4—кремневые скребки, 5—8—кремневые отщепы с ретушью.

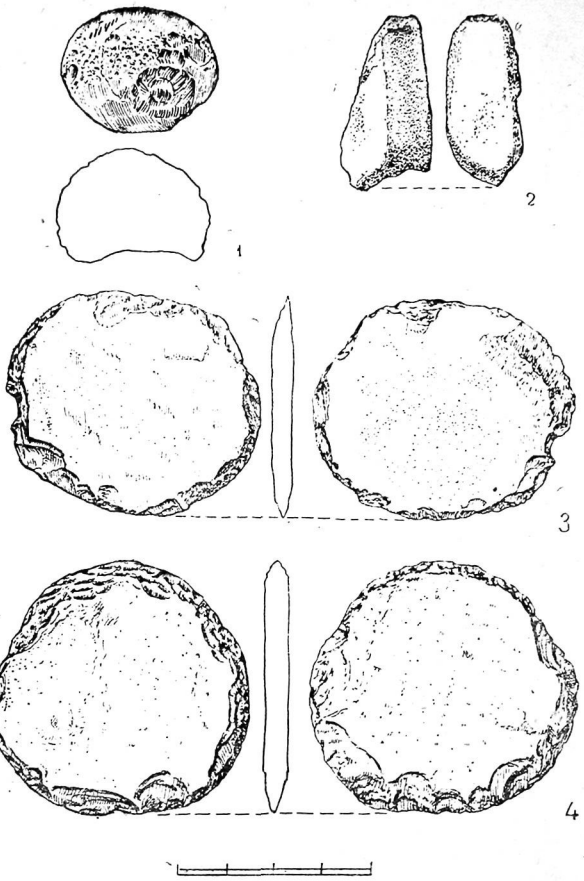


Рис. 107. Слой VI. 1—кремневый желвак. 2—точильце из песчаника, 3—4—плитки из песчаника с круговой ретушью.

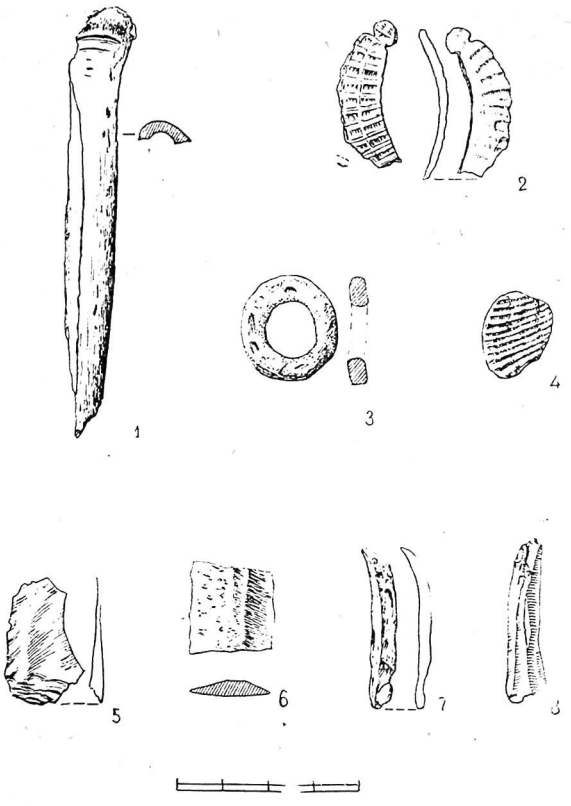


Рис. 108. Слой VI. 1—обломок трубчатой кости со следами обработки, 2, 4—обломки створок раковин, 3—плоское каменное колечко, 5—8—кремневые отщепы.

Орудие это, несомненно, доставлено было в пещеру из более древнего местонахождения, по характеру кремня и общему облику этот предмет очень близко напоминает вещи из мастерской на 49 (?) км вдоль линии железной дороги Красноводск—Ашхабад. В слое найдено одно миниатюрное точильце из белого мелкозернистого песчаника. Точильце имеет вид брусочка, прямоугольного в сечении, с округленными концами (№ 50—3697) (рис. 107, 2). Имеется также овальная тонкая плитка из *черного мелкозернистого песчаника, обработанная кругом мелкой двусторонней* ретушью, превращающей края плитки в сплошное тонкое лезвие. Диаметры плитки 5,4 см и 4,7 см (рис. 107, 4).

В слое шестом найдена также квадратная массивная плитка с частично оббитой вдоль краев нижней поверхностью и пришлифованной вследствие употребления верхней плоскостью. Материал плитки тяжелый железистый сланец темнокоричневого цвета. Размер ее 8,8×9,4 см.

В слое обнаружена круглая тонкая плитка из относительно плотного песчаника темносерого цвета, края которой тщательно обработаны ретушью с обеих сторон (№ 50—4521). Такие же дисковидные плоские скребки, сделанные из плиток песчаника, и их фрагменты встречались в вышележащих слоях пещеры. Диаметр скребка 5,5 см. Один край скребка сглажен и залощен вследствие употребления.

Украшения в слое представлены одним предметом. Это плоское *каменное колечко, являющееся*, повидимому, частью расколотой, полой внутри, трубчатой конкреции (рис. 108, 3). Диаметр колечка 2,2 см, ширина отверстия 1,2 см. В слое есть также овальные, окатанные морем обломки раковин (4 экземпляра) и один длинный осколок края створки морской раковины (рис. 108, 2, 4).

Керамика в слое представлена шестью небольшими черепками. Все это—обломки грубых лепных сосудов, черного и краснобурого цвета, с большой примесью округленных зерен дробленого камня серого цвета с округленными гранями. В одном из черепков просверлено сквозное сверленое отверстие (№ 50—3418).

Слой седьмой

В слое относительно много светложелтого, почти янтарного, полупрозрачного кремня, а также светлосерого и беловатого непрозрачного кремня.

Осколков и массивных отщепов с желваков кремня найдено только пять.

Всего отщепов имеется 299. В большинстве отщепы мелкие и тонкие. Два отщепа резко выделяются жирным блеском и округленностью своих граней.

Нуклеусов и их обломков в слое имеется 10. Пять нуклеусов представляют собою образцы грубые, неправильные по очертаниям. Они небольшие по размерам и должно быть являются «остаточными» нуклеусами, брошенными после предельного использования [№ 50—4620 (рис. 109, 3, 47, 18, 4871 (рис. 109, 1), 4888, 4950].

Один из них имеет неправильную коническую форму и грубо оббит со всех сторон, причем трудно судить где у него площадка и где боковые стороны (№ 4871) (рис. 109, 1).

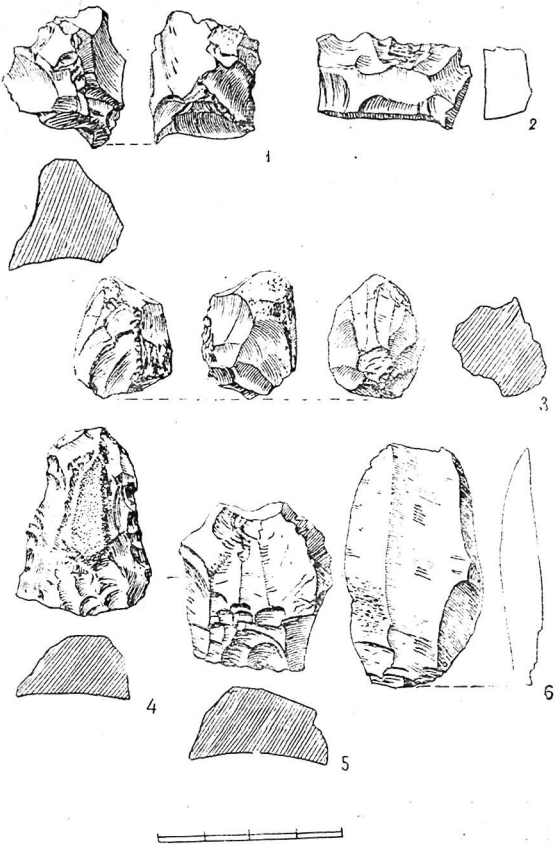


Рис. 109. Слой VII. 1, 3—5—кремневые нуклеусы, 2, 6—обломки кремневых нуклеусов.

Второй — в виде миниатюрного конуса, как бы вершинки конического нуклеуса (№ 4888), третий — почти дисковидный (№ 4620) (рис. 109, 3). Четвертый — односторонний, овального сечения, с хорошо отделанной ретушью площадкой (№ 4718). Два нуклеуса более крупные [№№ 50—4672 (рис. 109, 5) и 4839, (рис. 109, 4)].

Один из них (№ 4672) (рис. 109, 5) из желтовато-серого непрозрачного кремня, односторонний, имеет на одной стороне широкую раковисто-вогнутую фасетку скола, на другой короткие, «срывающиеся» фасетки продольных сколов. Нуклеус был, очевидно, забракован в самом начале, вследствие хрупкости материала, слишком ломкого для снятия ножевидных пластин требуемой длины. Длина нуклеуса 3,6 см, ширина его 3 см.

Второй нуклеус (№ 4839) (рис. 109, 4) тоже был только вчерне подготовлен для использования, но затем оставлен в таком грубом виде. Он имеет односторонне-коническую форму. На одной стороне его имеется фасетка одного первичного скола, которым нуклеус был отделен от первичного крупного желвака. На противоположной стороне изделия уцелел остаток желвачной корки. Края нуклеуса оформлены различно. Один край оформлен грубыми продольными сколами, второй край обработан поперечными крутыми сколами. Длина нуклеуса 3,7 см, ширина—2,8 см. Площадка нуклеуса узкая, ретушированная, овально-вогнутая. Материал нуклеуса темносерый кремень.

Обломков нуклеусов—3. Один из них сколот продольно с крупного нуклеуса (№ 50—4622) (рис. 109, 6).

Боковых сколов с нуклеусов—один (№ 50—4560).

Ножевидных пластин без ретуши в слое найдено 99 штук. Пластины в большинстве правильные, длинные и узкие, с симметричными ребрами на спинке. Крупных пластин нет. Пластин с ретушью на брюшке (с одной стороны) 5; с ретушью на спинке вдоль обеих краев 4, вдоль одного края 7 (рис. 110, 111).

Пластинок с выемками 10. У четырех пластинок выемки маленькие и крутые, у других выемки длинные и не глубокие. На двух образцах ретушь, которой оформлены выемки [№ 50—4725 (рис. 110, 6), 4773 (рис. 110, 7), округлая, затупливающая. Изделие № 50—4847 представляет собой фрагмент особенно массивной пластины из желтого полупрозрачного кремня, у которой с обеих сторон находились попеременно расположенные пологие выемки, оформленные крутой ретушью.

Изделий с резцовыми сколами найдено три. Первое из них—массивный нуклевидный обломок желтоватого дымчатого кремня, покрытый продольными сколами. С одного бока его имеется широкий скол резцового типа (№ 50—4719) (рис. 112, 1). Длина изделия 3,2 см. Второе изделие (№ 50—4804), (рис. 112, 3) тонкая ножевидная пластинка из желтого полупрозрачного кремня, сломанная на обоих концах. На углу пластины имеется скол резцового характера. Третье изделие (№ 50—4628) (рис. 112,2) представляет собой довольно массивный пластинчатый отщеп из желтоватого кремня. Верхний конец его оформлен ретушью в виде скошенного и чуть выпуклого поперечного лезвия, один край изделия тоже слегка ретуширован. Противоположный край оформлен продольным резцовым сколом во всю длину. Таким образом, перед нами типичный боковой резец. Длина изделия 2,6 см, ширина—1,2 см.

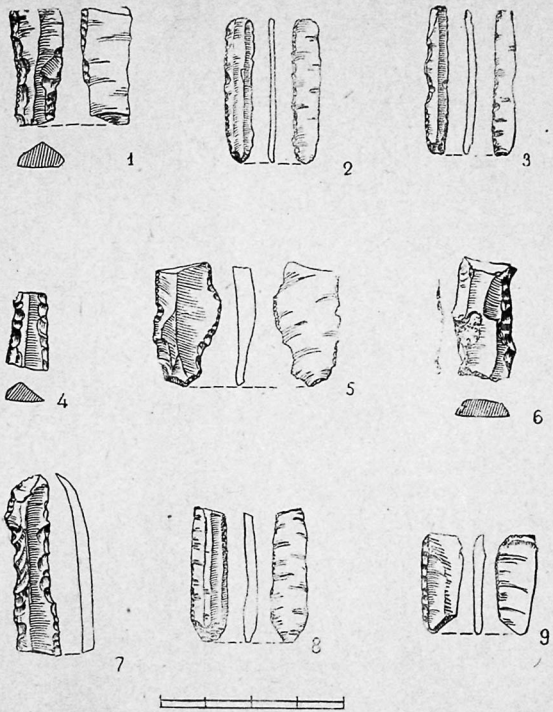


Рис. 110. Слой VII. Пластины с выемками.

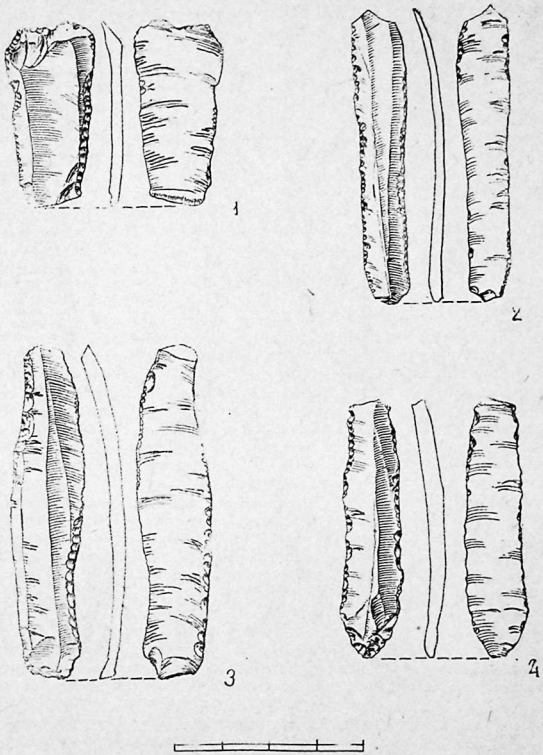


Рис. 111. Слой VII. Кремневые пластины.

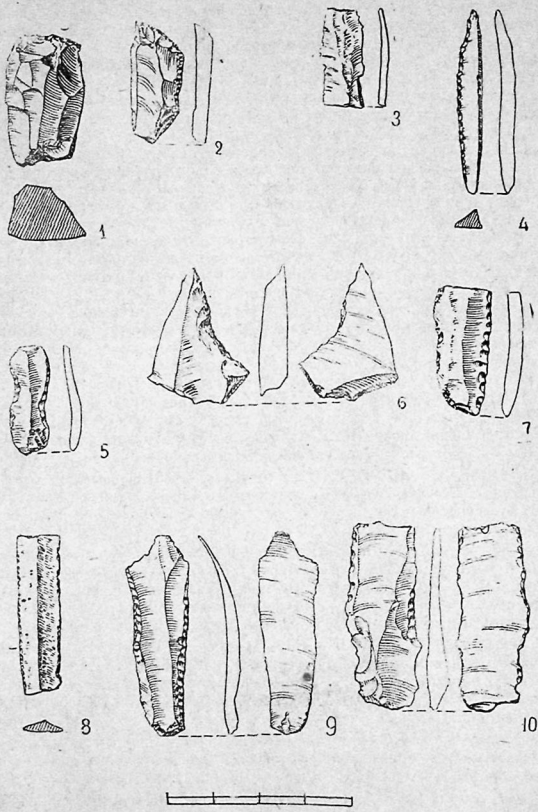


Рис. 112. Слой VII. Изделия с резцовыми сколами и пластины.

Наиболее многочисленная группа изделий в слое—скребки. Их найдено 24. Замечательно, при этом, то обстоятельство, что целиком отсутствуют скребки концевого типа—на концах более или менее широких ножевидных пластин. Все скребки вообще изготовлены не из пластин, а из отщепов. В числе этих скребков могут быть выделены образцы устойчивых и типологически определенных вариантов. В первую группу входят № 50—4720, 4722, 4842 (рис. 113, 1—3). Это скребки «языковидные» небольшого размера с выпуклым рабочим краем, более или менее крутым. Они обладают суженным и утонченным треугольным насадом. Размеры их таковы: 2,2×2 см; 2,6×1,8 см; 1,7×1,5 см.

Во вторую группу входят два скребка относительно крупного размера, слегка искривленные, так как вдоль одного их края имеются грубо оформленные ретушью боковые выемки (№ 50—4814, 4744) (рис. 113, 5). Рабочие края их имеют вид дугообразно выпуклых и скошенных к одному краю тщательно ретушированных лезвий.

Наиболее ярко выражен асимметрично-лопастной характер этого лезвия на изделии № 4744, изготовленном из пятнисто-белого с черным кремня. Выступающий край этого лезвия образует при этом сочетании с выемочным боковым краем, клювовидное острие.

Третья группа скребков представлена скребками с более или менее выпуклым рабочим краем, особенность которого заключается в его особой массивности и подчеркнутой крутизне; фасетки ретуши на нем почти вертикальные, со вторичной подправкой лезвия мелкой и тщательной ретушью. Таких скребков шесть [№ 50—4571, 4700 (рис. 113, 7), 4721 (рис. 113, 4), 4785, 4844 (рис. 113, 6), 5027] (рис. 113, 8). Размеры этих скребков: 2,4×2,3 см; 4×3 см; 3,5×2,7 см; 2×2 см, 2,3×1,9 см. По характеру оформления рабочего края к изделиям этой группы близко изделие № 50—4675, отличающееся, однако, прямым рабочим краем.

Два скребка (№№ 4670, 4798) (рис. 114, 6 и 8) представляют группу скребков с выпуклым рабочим краем вдоль одного длинного края изделия. Эти скребки можно назвать полулунными скребками на плоских отщепах. Размеры их 4,9×3,6, 4×3 см.

Сюда же следует отнести миниатюрный скребок № 50—4890 из темножелтого кремня. Размеры его 1,9×2 см. Один массивный длинный отщеп (№ 50—5036) является, несомненно, заготовкой для скребка; у него слегка тронуты ретушью верхний конец и длинные края. Материал заготовки беловато-серый непрозрачный кремень. Длина ее 55 см.

Изделие № 50—4776 (рис. 112, 6) является фрагментом довольно крупного острия или выемчатого скребка, массивный рабочий край которого был оформлен крутой и тщательной ретушью. Материал—полупрозрачный светлосерый кремень, покрыт легкой беловатой патиной. Длина фрагмента 2,1 см.

Острия—проколки представлены одним миниатюрным экземпляром, изготовленным из бокового скола резцового типа, один край и кончик которого обработаны тончайшей ретушью. Длина острия равна 2 см.

Имеется так же обломок довольно крупной, повидимому, плитки из зеленовато-серого мелкозернистого песчаника, на обеих сторонах которой имеются следы шлифовки (№ 50—5054) (рис. 114, 7).

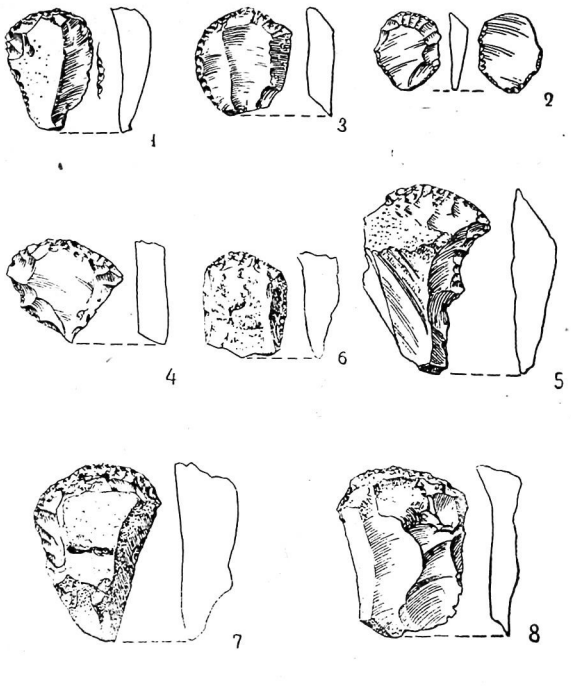


Рис. 113. Слой VII. Скребки.

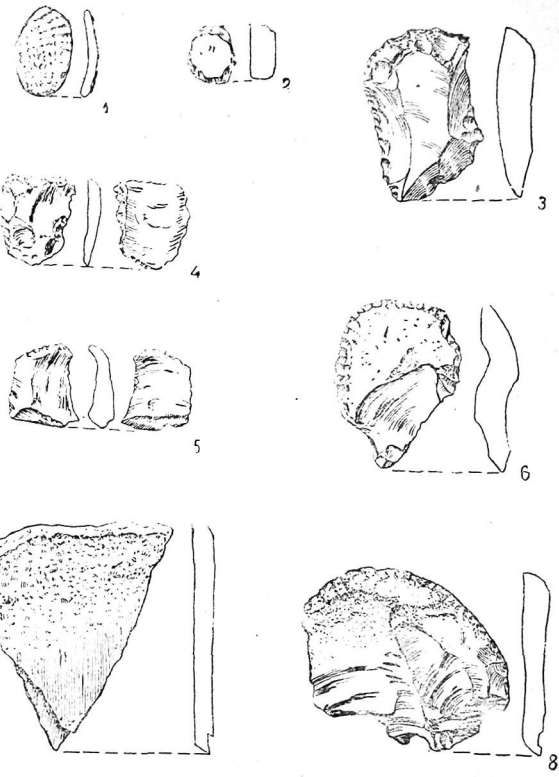


Рис. 114. Слой VII. Украшение и орудия.

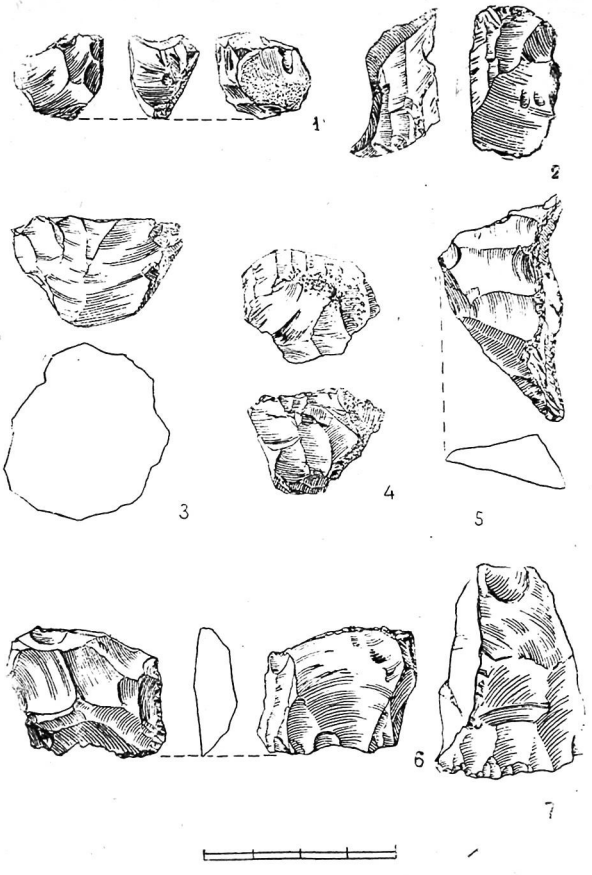


Рис. 115. Слой VIII. Нуклеусы и нуклевидные обломки.

Изделие 50—4800 (рис. 114, 2) является дисковидным, плоским с обеих сторон, куском желтовато-белого халцедона, края которого тщательно оббиты со всех сторон. Это могла быть грубая предварительная заготовка для изготовления бусины.

В слое найдены, кроме того, три обычных овальных обломка морских раковин, окатанные морем (№№ 4801, 4802, 4998) (рис. 114, 1). Все три обломка не имеют просверленных отверстий.

Керамика представлена единственным обломком, проникшим в слой, очевидно, случайно (№ 50—4619). Он принадлежал сосуду грубой ручной работы, черного цвета, с примесью округленных зерен мягкого белого дробленого камня или раковин.

В слое обнаружены обычные маленькие галечки белого известняка.

Слой восьмой

Кремень в восьмом слое такой же, как в предшествующем седьмом слое, но в нем несколько больше кремней светлосерых тонов, черного и красноватого кремня. Интересно, что в нем имеется черный кремень, определенно происходящий из района Белека. Оббитых желваков в слое не найдено, хотя на ряде отщепов уцелела желвачная корка.

Отщепов в слое найдено 193. Отщепы мелкие, пластинчатые.

Нуклеусов и нуклевидных обломков в слое обнаружено 10. Один из них относится к числу грубых конических нуклеусов (№ 50—5229) (рис. 115, 3). Он изготовлен из непрозрачного светлосерого кремня, имеет широкую ровную площадку, оформленную несколькими широкими сколами. Высота нуклеуса 2,2 см, ширина площадки 3,7 см.

Два нуклеуса являются «остаточными», неправильно призматическими нуклеусами [№ 50—5052 (табл. 115, 4), 5357 (рис. 115, 1)]. Нуклеус № 50—5058, изготовленный из черного кремня, был, повидимому, с самого начала предназначен в качестве нуклевидного орудия — «скребка высокой формы», так как на его вершине имеются остатки неснятой желвачной корки, что при незначительной высоте не позволяет предполагать возможность снятия с него сколько-нибудь длинных пластин. Об употреблении этого нуклеуса как скребка свидетельствуют выщерблины вдоль его края. Высота изделия 2 см, ширина его площадки 2 см и 3,3 см (форма ее овальная).

К числу нуклевидных скребков, скорее всего, следует отнести и изделие № 50—5069 (рис. 115, 2) из темнобурого непрозрачного кремня. По форме оно напоминает цилиндрический нуклеус с двумя круглыми скошенными площадками на противоположных концах.

Два изделия [№ № 50—5128 (рис. 115, 7), 5201] являются заготовками для уплощенных нуклеусов. У них имеются образованные одним поперечным сколом площадки, поверхности их отесаны грубыми первичными сколами. Длина первого нуклеуса 6 см, ширина—3 см; длина второго 4,4 см, ширина 2,9 см. Материал их—плохой по качеству серый непрозрачный кремень.

Нуклеус № 50—5258 (рис. 115, 6) из светложелтого кремня, плоский, сработанный до предела, покрыт с обеих сторон широкими фасетками сколов, свидетельствующими, что после предельного использования по прямому назначению, нуклеус был превращен в болванку, с которой сни-

мались уже не правильные ножевидные пластинки, а отщепы. Длина изделия 3,5 см, ширина его 2,5 см.

Поперечные сколы с площадок нуклеусов имеются в одном экземпляре. Широкие продольные сколы с нуклеусов представлены тремя экземплярами, узкие боковые сколы—двумя.

Ножевидных пластин без ретуши в слое обнаружено 85.

Кроме того имеется шесть ретушированных пластин, из них три с неглубокими боковыми выемками и одна с более глубокими, симметрично расположенными друг против друга.

Пластинки с затупленным краем представлены единственным экземпляром № 50—5057 из красноватого, непрозрачного кремня. Один длинный и острый край пластинки оставлен без обработки, противоположный оформлен поперечной затупливающей ретушью. Длина изделия 2,2 см, ширина его 0,9 см.

Сколы резцового типа имеются на трех изделиях из желтоватого кремня. Первое—небольшой отщеп с двумя боковыми сколами на углу (№ 50—5203) (рис. 116, 4), образующими массивное двугранное острие. Второе—пластина со сломанным концом, на углу которой имеется короткий типично резцовый скол (№ 50—5055) (рис. 116, 9). В основании изделия имеется выемка, подправленная с одной стороны мелкой ретушью. Длина изделия 3,9 см. Третье изделие (№ 50—5360) (рис. 116, 8) комбинированного типа. Это искривленная широкая пластина красного кремня. Один конец ее оформлен ретушью вдоль длинного края и поперечной ретушью в виде боковой проколки. На противоположном конце, с угла, нанесен скол резцового характера. Длина изделия 3,7 см, ширина—3,4 см.

Скребков в слое найдено целых 10, заготовок одна и один обломок скребка. В том числе имеется один скребок концевого типа, из довольно массивной пластины желтоватого непрозрачного кремня с двумя рабочими концами, оформленными одинаковой мелкой и крутой ретушью. Один рабочий конец скребка выпуклый, другой почти прямой. Длинные боковые края скребка тоже оформлены ретушью, причем один край слегка вогнутый (№ 50—5231) (рис. 117, 1). Длина скребка равна 1,9 см, ширина — 1,2 см.

Два скребка «языковидной» формы, т. е. с выпуклым рабочим краем и удлиненной, симметрично суживающейся к концу, рукоятью. Первый из них № 5071 (рис. 117, 3) относительно тонкий, из пластинчатого отщепа, светложелтого кремня, длиной 3 см, шириной 1,6 см. Лезвие скребка сильно округлено и затуплено. Второй скребок (№ 50—5172) (рис. 117, 4) длиной 3,2 см, шириной 1,8 см, из черного непрозрачного кремня. Материалом для него послужил массивный, трехгранный в поперечном сечении отщеп.

Два скребка могут быть отнесены к концевым скребкам на широких пластинах с двумя ребрами на спинке и с выпуклым рабочим краем. Первый (№ 50—5070) (рис. 117, 5) сделан из дымчатого полупрозрачного кремня, длина его 2,4 см, ширина—1,6 см. Второй (№ 50—5173) (рис. 117, 6) из белого непрозрачного кремня, длиной 2,7 см, шириной 2 см.

Два скребка [50—5126 (рис. 116, 6) и 5233 (рис. 118, 3)], изготовленные из широких массивных отщепов желтоватого кремня, имеют дугообразно-выпуклое асимметричное лезвие, скошенное в одну сторону. Размеры их 3,7×2,2 см и 2,8×2,4 см.

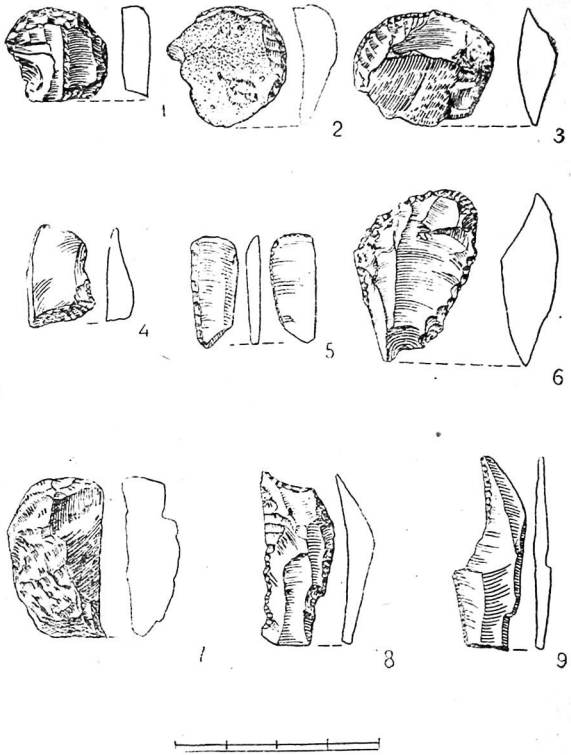


Рис. 116. Слой VIII. Кремневые изделия.

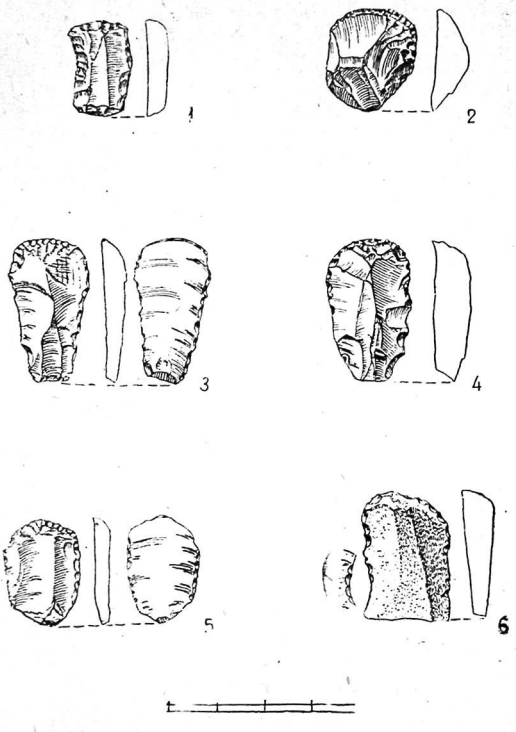


Рис. 117. Слой VIII. Скребки.

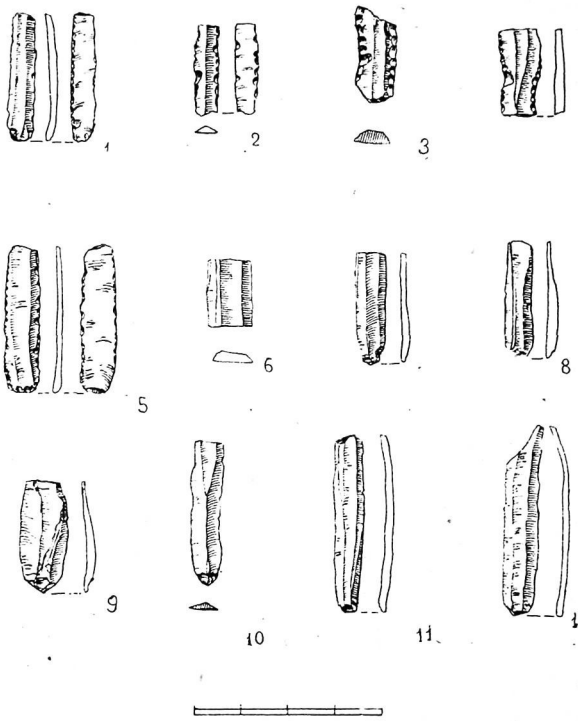


Рис. 118. Слой VIII. Пластины.

Три скребка дисковидной формы, на отщепах с выпуклым рабочим краем. Два [№№ 50—5175 (рис. 116, 1), 5325 (рис. 116, 2)] отличаются крутым, почти вертикальным ретушированным рабочим краем, третий обладает сравнительно пологим лезвием, оформленным мелкой зазубривающей ретушью. Диаметры скребков: 2,5; 2,3; 2,2 см.

Есть один отщеп с дугообразной выемкой, образованной крутой ретушью.

В заключение описания инвентаря восьмого слоя следует остановиться на двух изделиях. Одно из них—уже отмечавшийся выше скребок № 50—5126 (рис. 116, 6), второе — заготовка для скребка № 50—5257 (рис. 116, 7). Оба эти изделия, первое целиком, а второе частично, покрыты густым жирным блеском. Характер кремня, из которого они сделаны, совершенно такой же, как у кремня, употреблявшегося в древних мастерских и стоянках в районе между мысом Куба-Сенгир и ст. Кара-Тенгир (на 31-м км).

Особенно выразителен в этом смысле второй предмет (№ 5257). На сохранившей жирный блеск поверхности его отчетливо видны плоские узкие фасетки продольных сколов древнего нуклеуса или нуклевидного изделия, похожего на те нуклевидные вещи, которые столь характерны для указанных выше местонахождений. Оттуда, из этих значительно более древних местонахождений, и были, следовательно, принесены самыми ранними обитателями Джебелской пещеры отмеченные изделия, уже подвергавшиеся длительной обработке их поверхности ветром и солнечными лучами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А. Общая культурно-стратиграфическая характеристика наслоений пещеры Джебел и относительная хронология культурных комплексов

Как видно из описания стратиграфической последовательности отложений пещеры Джебел, последняя служила жилищем людям, пользовавшимся каменными орудиями труда, т. е. людям каменного века, на протяжении весьма длительного времени, в течение которого в ней отложилась толща рыхлых отложений, почти целиком или наполовину обязанных своим возникновением не природе, а деятельности человека, разводившего здесь свои костры.

За это время в пещере, несмотря на ее небольшие размеры, отложилось большое количество различных остатков деятельности человека, главным образом, изделий из камня и костей животных.

Если для большей наглядности представить в виде таблицы всю массу каменных изделий и украшений, обнаруженных в пещере Джебел, распределив ее по категориям вещей и по слоям, то общая картина будет иметь такой вид:

	Типы вещей	Слой										Всего
		1	2	3	4	5	5А	5—6	6	7	8	
1	а) Отбойники и отжимники	2	1	1	—	—	—	—	1	—	—	5
	б) Наковаленка	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
2	Заготовки и болванки (желваки оббитые)	1	3	14	8	2	—	6	48	5	2	89
3	Отщепы	71	42	185	273	203	550	90	709	299	193	2615
4	Нуклеусы целые и в обломках	1	1	8	8	9+8 обл.	11+12 обл.	4	35 (5+30) обл.	10	10	77+75 обл.
5	Продольные боковые сколы с нуклеусов и заготовок для них	3	—	5	2	6	12	—	12	1	—	41
6	Поперечные сколы с площадок нуклеусов	—	—	—	4	1	8	—	13	—	1	27
7	Ножевидные пластины без ретуши	14	8	65	204	212	491	78	337	99	85	1593
8	Ножевидные пластины с ретушью	7	11	42	58	22	55	11	50	16	2	274
9	Пластины с боковыми выемками	1	2	6	32	12	26	10	16	10	4	119
10	Пластины с затупленной спинкой	—	1(?)	—	1	7	5	4	—	—	1	19
11	Проколки	1	—	2	11	7	8	3	7	1	1	41
12	Проколки типа асимметрично-треугольных с острой затупленной спинкой	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	2
13	Изделия с резцовыми сколами	—	1	4	4	3	6	1	1	3	3	26
14	Пластинчатые острия со скошенным концом	1	—	1	9	3	18	1	2	—	—	35
15	Вкладные лезвия двусторонне ретушированные	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
16	Наконечники стрел двусторонней обработки:											
	а) листовидные	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	4
	б) с насадом	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2
	в) с выемчатым основанием	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2
	г) с прямым (скошенным) основанием	1	—	2	2	—	—	—	—	—	—	5
	д) усеченно-ромбические	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
17	Наконечники пластинчатые односторонней обработки с боковой выемкой		1	—	2	—	—	—	—	—	—	3
	Наконечники пластинчатые односторонней обработки, листовидные	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
18	Треугольники	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
19	Трапеции:											
	а) симметричные	—	—	—	1(?)	5	3	—	—	—	—	9
	б) асимметричные	—	—	—	—	—	3	1	3	—	—	7

	Типы вещей	Слой										Всего
		1	2	3	4	5	5А	5–6	6	7	8	
20	Скребки концевые:											
	а) на узких вожевидных пластинах	2	5	9	6	6	8	4	2	—	—	42
	б) на широких	—	—	3	8	2	14	—	—	—	1	28
21	Скребки на отщепах:											
	а) дисковидные	—	—	—	—	—	3	—	2	—	3	8
	б) языковидные	—	—	1	4	2	6	—	3	3	2	21
	в) выпуклые с крутым высоким краем	—	—	—	2	—	3	—	—	6	2	13
	г) округлые с боковым выпуклым лезвием	—	—	—	—	1	3	—	3	3	2	12
	д) двуконечные	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	2
	е) выпуклые	4	2	11	1	2	3	3	—	1	—	27
	ж) со скошенным краем	1	—	—	—	1	4	—	—	—	—	6
	з) с вогнутым краем	1	—	—	—	—	—	—	12	—	—	13
22	Пластинчатые дисковидные скребки	1	1	—	3	2	—	1	1	—	—	9
23	Бусы:											
	а) овальные бусы из раковин	—	—	1	3	—	1	—	—	—	—	5
	б) из обломков раковин	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	3
24	Заготовки для бус из раковин	2	1	4	4	10	8	4	3	3	—	39
25	Бусы в виде плоских кружков из раковин	1	—	1	—	6	1	1	—	—	—	10
26	Каменные бусы:											
	а) кружки	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	3
	б) цилиндры	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2
27	Подвеска каменная	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
28	Колечко каменное	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
29	Точило (зерновтерки?)	—	—	1	2 обл.	—	—	1	1	—	—	32 обл
30	Точильца	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
31	Точила- куранты	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
	Всего:	117	82	375	661	535	1267	224	1266	46	306	5293 (+52 обл.)

Уже из этой таблицы можно увидеть определенные закономерности в сочетании вещей тех или иных типов и форм, проследить определенные изменения, происходившие в каменном инвентаре обитателей пещеры на протяжении всего того времени, когда она служила убежищем человеку каменного века.

Рассматривая эти изменения на более широком фоне, можно будет далее представить и общие сдвиги в культуре древнейшего населения этих районов Туркмении за время, охваченное культурными наслоениями нашей пещеры.

Чтобы нагляднее и полнее представить себе этот ход событий, начнем с самых нижних слоев пещеры.

Первые обитатели грота пришли в него уже в то время, когда его покатый скалистый пол еще только начал выравниваться наслоениями

щебенки, медленно падавшей со свода и стен грота. Это были люди, оставившие культурные остатки восьмого и седьмого слоев грота.

К сожалению, седьмой и восьмой слои не богаты культурными остатками. Общий уровень техники первых обитателей грота, поскольку мы можем судить о ней по имеющимся в нашем распоряжении скудным материалам, определяется прежде всего способами обработки камня, и в первую очередь, характером нуклеусов. Среди каменных изделий в этих глубинных слоях грота нет хорошо выраженных нуклеусов призматического типа, так как эти нуклеусы подверглись вторичному использованию в качестве болванок, с которых снимали не узкие ножевидные пластинки, а отщепы.

Уцелевшие в седьмом и восьмом слоях грота нуклеусы имеют поэтому, в большинстве случаев, своеобразный грубо конический характер. Однако нуклеусы правильных призматических очертаний, все-таки, в это время существовали. Об этом свидетельствуют типичные ножевидные пластины правильной формы. В большинстве это, как уже отмечалось выше, были узкие, тонкие и длинные пластинки с двумя строго параллельными гранями на спинке, свидетельствующие о полном и даже предельном расцвете мастерства техники отделения ножевидных пластин с призматического нуклеуса.

Любопытно, при этом, что в слое седьмом пластины, в большинстве, крупнее, чем в восьмом слое. Они шире, массивнее и длиннее, что сближает их с вышележащими слоями больше, чем с восьмым слоем.

Обращает внимание также наличие в слое восьмом одной типичной пластинки с затупленным краем и четырех пластинок с боковыми выемками. В седьмом слое таких пластинок с выемками оказалось уже десять. Правильные ножевидные пластины, также как и пластины с затупленным краем и пластины с выемками, есть и в вышележащих слоях грота.

Общими для нижних и верхних слоев грота оказываются также плитчатые грубые скребки округлых очертаний из песчаника с двусторонней краевой ретушью. В шестом слое они представлены двумя экземплярами.

Такая преемственность в формах каменных изделий и технике их изготовления на всем протяжении времени, когда грот служил местопребыванием человека, может служить указанием на непрерывное существование в это время определенных культурных традиций у древнего населения прикаспийской части Туркмении, а следовательно и на его этническое единство.

Столь же интересны, вместе с тем, также и различия в характере каменных изделий из наслоений пещеры, свидетельствующие о последовательных переменах в материальной культуре и технике ее обитателей; о том, что она проходила в своем развитии ряд частных культурных этапов.

С этой точки зрения интересно, что в восьмом и седьмом слоях не оказалось, например, ни одного образца микролитических изделий, геометризированных форм типа трапеций или треугольников. Нет и скребков концевого типа на узких ножевидных пластинах. Имеются только два скребка на широких пластинах. Зато обнаружены относительно многочисленные скребки на отщепах, в том числе неизвестные в верхних трех

слоях грота дисковидные скребки и скребки с характерным крутым полукругло-выпуклым рабочим краем и треугольным узким основанием. Сюда же, в число архаических элементов, следует отнести скребки с округлым боковым лезвием, двуконечные и нуклевидные—высокой формы. Следует особо отметить, что скребки седьмого слоя выделяются по сравнению со скребками вышележащих слоев своими более крупными размерами и массивностью, хотя среди них имеются и мелкие скребочки (напр., скребок № 49—4722 из седьмого слоя, длиной 1,7 см, при ширине 1,4 см).

Существенно и то, что изделий с резцовыми сколами в нижних двух слоях, особенно в седьмом, относительно общей массы находок, больше чем в верхних слоях, да и форма их выражена более определенно.

Изготовление глиняной посуды на месте, видимо, отсутствовало. Единственный черепок, найденный в седьмом слое, несомненно, проник в него сверху, вследствие нарушения целостности слоя. Можно, следовательно, отнести находки из седьмого и восьмого слоев пещеры Джебел к докерамическому времени, т. е. к концу мезолита, с которым генетически связаны более поздние культурно-исторические этапы, представленные наслоениями пещеры.

Из них выделяются три следующие слоя: 5*а*, 5—6, 6. В слоях этих имеются такие же, как в седьмом и восьмом слоях, скребки: дисковидные, языковидные—с приостренным насадом, выпуклые с крутым и высоким рабочим краем, округлые с боковым выпуклым лезвием, двуконечные, с *вогнутым краем. Однако существенно новыми по сравнению с более* ранними изделиями являются впервые появляющиеся здесь трапеции. Трапеции эти, притом не те, что встречены выше, в более поздних культурных слоях грота. Они крупнее и, как уже отмечалось, отличаются кроме того, характерной асимметрией своих очертаний. Это—неравносторонние трапеции.

В пятом *а* слое встречено также и два других характерных образца микролитического инвентаря в виде треугольников. В других слоях грота их не обнаружено. К числу изделий микролитической группы следует отнести и найденные в 5 *а*, 5—6 и 6 слоях острия со скошенным верхним концом.

В целом же кремневый инвентарь 5 *а*, 5—6 и 6 слоев дает картину высокого совершенства обработки камня. Здесь налицо нуклеусы правильной огранки, а также самые крупные, длинные и широкие пластины. Такова, например, пластина № 50—3581, длиной 9,3 см; первоначально же эта пластина была еще больше, так как, примерно, треть ее утрачена.

Для инвентаря 5 *а*, 5—6 и 6-го слоев характерны крупные пластины с длинными и пологими боковыми выемками, относительно крупные концевые скребки на широких отщепах. В этом инвентаре имеются также хорошо выраженные массивные нуклевидные скребки, элемент, безусловно, — архаический.

Образцы керамики в 5 *а*, 5—6 и 6 слоях пещеры очень немногочисленны. В 6-м слое найдено всего шесть черепков, в 5—6 слое пять черепков, в 5 *а* слое шесть черепков. Все черепки небольшого размера. Из них два принадлежали сосудам из темносерой глины, сделанным на гончарном круге, остальные грубым лепным сосудам архаического типа.

Учитывая ближайшее сходство двух первых черепков с обломками, найденными в вышележащих слоях, следует уверенно полагать, что они проникли в нижние слои пещеры сверху. То же самое относится к фрагментам лепной керамики безусловно местного происхождения. Сверху, несомненно, проник в слой 6-ой и один фрагмент двусторонне-ретушированного кремневого наконечника стрелы из полупрозрачного дымчато-черного кремня. Наконечник этот (№ 50—3682) имел симметрично вогнутое основание с жальцами и выпуклые, круто суживающиеся к основанию длинные края.

В целом, техника обработки камня, существовавшая у обитателей грота Джебел, оставивших в нем 5 *а*, 5—6 и 6 слои, может быть определена как позднемезолитическая, тарденуазская, если исходить из европейских стандартов. В это время у них достигает наибольшего расцвета специфическая техника изготовления миниатюрных кремневых изделий геометрических очертаний, в виде неравносторонних асимметричных трапеций, острий со скошенным верхним краем и треугольников. Глиняная посуда, повидимому, еще не была известна совершенно.

Что касается образа жизни и хозяйства, то мы можем представить обитателей пещеры этого времени, вместе с их предшественниками, как охотников и собирателей, не имевших никаких домашних животных, кроме собаки. Костей собаки здесь, правда, не найдено, но судя по общему уровню культуры, обитатели пещеры в это время уже давно должны были иметь это животное, обычное у мезолитических охотников и занимавшее важное место в их хозяйственной жизни.

Они, надо полагать, имели лук и стрелы. При этом, стрелы их были оснащены наконечниками двух видов, одинаково характерными для мезолитической эпохи. Таковы, прежде всего, наконечники в виде более или менее широких ножевидных пластин со скошенным краем. Подобные наконечники оказались в груди дикого быка, смертельно раненого мезолитическими охотниками и загнанного ими в болото или озеро, на острове Зеландии, в Юдерупе, около Фиг[9]).

Таковы, далее, наконечники, поперечно-лезвийного типа, т. е. трапеции. *Известны случаи, когда их находили в Северной Европе вместе с* остатками древков и связующего материала в виде ниток, скрученных из сухожилий животных или растительных волокон. Такова, например, находка трапеции, закрепленной в древке из болота в Виссенберге (Одензе, Фронен), зарисованной Мадсеном и опубликованной еще Эвансом в 1897 г.

Такие же случаи отмечены в Ольденбурге (Petersfehner Moor) и в Северной Ютландии (Tvaermose, Eising Sogh, Ginding Herred). Трапециевидные кремневые наконечники употреблялись и в древнем Египте для охоты на птиц. Такие наконечники известны в Египте еще в эпоху среднего царства[10]).

В следующих слоях грота, четвертом и пятом, техника обработки кремня остается на прежнем высоком уровне. Нуклеусы из 4 и 5 слоев выделяются своей правильной призматической формой и относительно крупными размерами. Таковы, например, нуклеусы № № 50—921 и 1128.

Пластины попрежнему правильные, но количество крупных пластин заметно снижается.

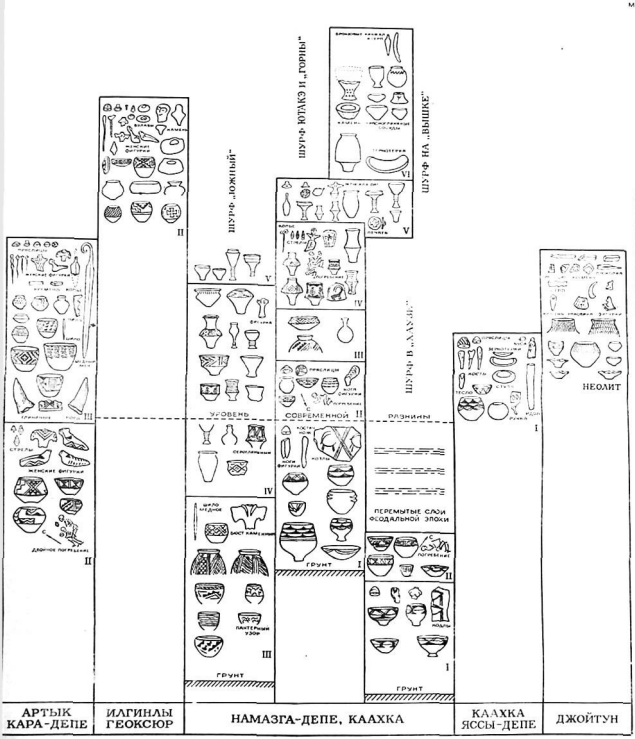


Рис. 42. Стратиграфическая схема памятников культуры Анау

Попрежнему значительно количество пластин с выемками, при этом в ряде случаев выемки бывают здесь выражены весьма резко и образуют, в тех случаях, когда они расположены по краям пластины симметрично, резкие перехваты.

В этих слоях имеются также пластины с затупленной спинкой, выраженные превосходным образом.

Обращают внимание хорошо представленные в 4 и 5 слоях изделия в виде пластин со скошенным в виде острия концом, элемент, типичный для микролитического инвентаря. Замечательно, что таких острий больше всего в трех соседних друг с другом слоях: в 5 *а* (18 №№), в 4 *а* (3 №№), в 4 слое (8 №№). В остальных слоях грота их найдено всего лишь только по одному экземпляру (слои 3, 5—6), причем в слое 1 острие это выражено не резко. Есть также два экземпляра таких острий в слое 6. Во втором, седьмом и восьмом слоях их нет совсем.

Особо должно быть отмечено острие из четвертого слоя в виде удлиненного асимметричного треугольника (№ 49—584), один длинный край и косой верхний конец которого оформлены крупной затупливающей ретушью. Второе такое же острие имеется из слоя пятого. Оно отличается от первого только лишь большей длиной и соответственно более узкими пропорциями (№ 50—988). Фрагменты таких же острий (средней их части) имеются в том же слое, а также и в других соседних с ним (5, 5 *а*, 4 слои).

Есть также хорошие образцы проколок на длинных правильных пластинах и, реже, на отщепах.

Имеются нуклевидные скребки небольшого размера, в том числе конические. Однако, здесь больше чем в предшествующих слоях, концевых скребков, изготовленных из более или менее узких ножевидных пластин.

Существенно, затем, в отличие от вышележащих слоев, присутствие трапеций, но, как уже отмечалось, трапеции эти меньше размером, чем в нижних слоях и симметричной формы, в том числе иных пропорций, более узкие и высокие.

Но самое существенное и специфическое явление в инвентаре 4-го слоя представляют наконечники, изготовленные из узких ножевидных пластин, обработанных ретушью не сплошь, как это бывает у наконечников поздненеолитического времени, а только отчасти, со спинки, вдоль краев и лишь изредка с брюшка, у основания или на верхнем конце. Самый характерный из них по типу, № 326, как уже отмечалось, по форме и технике изготовления поразительно близок к наконечникам кельтеминарского времени, со стоянки Джанбас-кала № 4. Он отличается от них, однако, своими относительно крупными размерами и тщательной обработкой. По форме и технике к нему близко изделие № 50—2165.

В числе пластинчатых наконечников с односторонней обработкой представлены еще и два других варианта. Первый — листовидный, в виде ивового листа, с симметрично суженным ретушью основанием и таким же острием. Второй—листовидный с отчетливо выделенным коротким черенком.

Оказались здесь и два фрагмента довольно крупных листовидных наконечников двусторонней обработки. У одного из них имеется короткий, слегка суженный черенок.

Для четвертого и пятого слоев вместе с такими наконечниками ха-

рактерно и наличие керамики, представленной фрагментами сосудов архаического облика. Изготовленные от руки, примитивной лепной техникой, отличающиеся примесью мелко растолченных раковин в одних случаях и дробленого камня—в других, сосуды эти обладают и резко выраженной архаической формой. Они были или круглодонными, или имели острое сосковидное днище, аналогичное днищам сосудов из ранненеолитических памятников южной и северной Европы[11]).

Не менее поразительно совпадение форм этих древнейших сосудов прикаспийской части Туркмении с формами сосудов додинастического Египта, начиная с керамики бадарийских поселений и других близких к ним по времени памятников[12]). Столь же прост и архаичен орнамент, имеющийся на некоторых фрагментах сосудов из 4 и 5 слоев.

Все это вместе взятое дает право сделать общий вывод, что слои четвертый и пятый оставлены людьми, в технике обработки камня, у которых еще существовали определенные мезолитические традиции. Ими широко употреблялись также различные изделия древних форм; трапеции, острия асимметрично-треугольного типа, нуклевидные скребки, пластинки с затупленным краем.

Однако, в то же самое время, эти люди умели выделывать грубую глиняную посуду и, кроме того, у них уже появились наконечники стрел нового типа, аналогичные мезолитическим наконечникам Европы, в виде острий из ножевидных пластин, оставленных почти в исходном виде, с обработкой лишь самыми скупыми средствами: только вдоль краев и, в лучшем случае, в основании или на остром конце. Появились и первые двусторонне обработанные отжимной ретушью листовидные по очертаниям наконечники, служившие, должно быть, наконечниками дротиков. *Не исключено, впрочем, что они могли употребляться и в качестве ножей.*

Это был, следовательно, настоящий ранний неолит, сохранявший еще глубокие мезолитические традиции.

Население прикаспийских районов Туркмении, повидимому, все еще вело в это время прежний охотничье-собирательский образ жизни. Не исключено, что оно занималось тогда в достаточно широких масштабах и рыбной ловлей, о чем свидетельствуют кости рыб—осетровых и сазана.

Самые верхние слои пещеры: первый, второй и третий, представляют собой новый и последний этап в истории культуры его древних обитателей, после которого они уже не жили в нем больше.

Слои эти резко отличаются от всех остальных уже по характеру составляющих их отложений. Как мы видели при описании стратиграфических условий пещеры, в ней сверху *лежит пласт рыхлой, почти чистой* золы серого цвета, тогда как глубже залегают зольные отложения, насыщенные мелкой щебенкой и имеющие светложелтый цвет. Что касается инвентаря этих трех слоев, то в самом верхнем из них, первом слое, обработанного кремня немного. Несколько больше его во втором слое. Самый насыщенный кремнем третий слой.

Орудия для обработки камня представлены в этих слоях характерными массивными отбойниками округлой формы, имеющими на рабочих своих концах, обычно на двух противоположных концах, следы употребления в виде многочисленных выбоин, сливающихся в одну широкую площадку. Такие изделия известны и из культурных слоев древнеземледельческих поселений классического Востока. Они найдены, например, в

поселении Шах-тепе около Астрабада[13]). Аналогичные кремневые шары отмечаются и в неолитических памятниках Европы, в том числе в раннетрипольских поселениях[14]).

Для третьего слоя характерны нуклеусы правильной призматической формы. В том числе имеется один нуклеус, возможно, использовавшийся и как нуклевидный скребок (№ 49—452).

Среди ножевидных пластин имеются пластины с выемками, но уже немногочисленные (всего 6 штук). Имеются также проколки, в том числе одна оригинальной формы, с узким и длинным стержнем и широкой рукоятью (№ 49—456). Скребки—на отщепах и концевых, достаточно правильной формы. Наиболее характерный элемент каменного инвентаря из этих слоев пещеры—наконечники стрел. Один из них—архаической формы, он изготовлен из широкой ножевидной пластины, односторонней обработки, листовидных очертаний с отчетливо оформленным черенком. Остальные наконечники уже типично неолитические, двусторонней обработки. Они имеются в следующих вариантах:

а) широкие и плоские, листовидной формы;

б) листовидные с выемчатым основанием с выпуклыми длинными сторонами, расширяющиеся кверху и суживающиеся к основанию;

в) листовидные, с прямым скошенным основанием;

В остальных двух слоях кремневые изделия имеют аналогичный характер.

Особо следует указать для первого слоя наконечники ромбической формы, с пильчатыми лезвиями и усеченным прямым основанием, а также типичное вкладышевое лезвие двусторонней обработки.

Во всех трех слоях обнаружены фрагменты грубых лепных сосудов архаического типа, такие же, как в четвертом и пятом слоях. Вместе с ними, однако, имеются довольно многочисленные фрагменты изготовленных на гончарном круге сосудов темносерого цвета с гладкой, или даже лощеной наружной поверхностью, орнаментированной неглубокими узкими желобками. В первом слое сюда примешиваются фрагменты большого сосуда краснобурого цвета с широким желобком на наружной поверхности.

Все три слоя представляют, следовательно, культуру, позднего неолита или точнее, особенно во втором и первом слоях—раннего бронзового века.

Еще важнее перемены в хозяйстве прикаспийских племен этого времени. Теперь впервые с полной определенностью в слоях пещеры обнаруживаются следы скотоводства в виде костей мелкого рогатого скота, овцы или козы.

Косвенным, но достаточно отчетливым свидетельством того, что жители пещеры во время образования трех верхних слоев ее заполнения разводили мелкий рогатый скот служит и сам по себе характер этого заполнения—рыхлая зола, образовавшаяся из сгоревшего овечьего или козьего помета.

Одновременно мы видим здесь и следы земледелия в виде ладьевидных зернотерок обычного типа. Зернотерки эти, очевидно, спрятаны были их хозяевами, рассчитывавшими вернуться за ними снова, но не сумевшими осуществить свое намерение.

Этот факт является как бы лучом света, освещающим общие условия жизни обитателей Джебелской пещеры. Они не жили, очевидно, постоянно в гроте, а лишь временами останавливались в нем, так как вели бродячий или полубродячий образ жизни. При таком образе жизни этих первых земледельцев Прикаспия, естественно, им не было смысла носить с собой громоздкие камни зернотерок. Было значительно удобнее прятать такие вещи на местах более или менее длительных остановок. Так поступали, кстати в XIX в. и австралийцы со своими грубыми зернотерками, которые представляют собою два совершенно плоских камня. У племени Вонконгуру нижние камни зернотерок называются пиддини. По словам Горна «большие пиддини туземцы с собой не перетаскивают, а оставляют их на стойбище, и, повидимому, у каждого человека имеется по нескольку пиддини и, приходя в какое-нибудь место на стоянку, он находит там свое пиддини, оставленное при прежнем посещении этого места»[15]).

Следует заметить далее, что в первом, втором и третьем слоях встречались куски кожуры граната и косточки абрикоса[16]).

Откуда и как появились здесь земледелие и скотоводство можно судить по наличию в тех же слоях фрагментов явно привозных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Эти сосуды аналогичны найденным при раскопках поселения Шах-тепе у Астрабада, а также в районе Кизыл-Арвата на близких по времени древнеземледельческих поселениях бронзового века. Появление керамики такого рода, вместе с тем, свидетельствует и о зарождении каких-то связей у прикаспийских племен с другими районами; о значительном расширении обмена.

* * *

Культурные слои пещеры Джебел являются, таким образом, как бы зеркалом, в котором отразились изменения в культуре древнейшего населения юго-западной части Туркмении на протяжении времени от конца мезолита и до позднего неолита или ранней бронзы включительно.

Раскопки Джебелской пещеры дают достаточно яркие материалы не только для характеристики образа жизни ее древних обитателей, но также отчасти и для реконструкции окружавших их природных условий.

Первое, на что здесь следует обратить внимание—вопрос о воде, которой должны были пользоваться жители грота. Проблема воды, как известно, на всем протяжении исторического времени была центральной в этой части Туркмении, как и вообще в Средней Азии, где вода, и, конечно, только пресная вода определяет возможность существования человека. Где вода в Средней Азии—там и жизнь.

В настоящее время, как мы уже знаем, ни в самой пещере ни в непосредственном соседстве с ней нет источников воды, которые можно было бы использовать без специальных обширных и трудоемких работ для этого. Ближайшие источники, обслуживающие ст. Джебел, находятся на значительном расстоянии от пещеры[18]).

Между тем, люди, оставившие свои культурные остатки в наслоениях пещеры, судя по количеству находок и бытовым деталям, зарегистрированным в ходе раскопок, жили в ней, если не постоянно, то во всяком случае длительное время и, при этом, не в течение одного какого-либо

короткого промежутка времени, а в процессе смены нескольких культурно-исторических этапов.

Изучение костных остатков, извлеченных из культурных слоев Джебелской пещеры, дало совершенно неожиданный ответ на этот вопрос. Как оказалось, жители пещеры существовали не только охотой на диких наземных животных, но и ловили рыбу.

Объектом рыболовного промысла являлись для них карповые рыбы (сазан) и осетровые. Это видно из следующего списка определенных зоологами костей рыб, обнаруженных в третьем, четвертом и пятом слоях грота:

1. III слой кв. 4-*б* — Cyprinus carpio (сазан) обломок зазубренного спинного луча от рыбы длиной около 45 см.
2. III слой, кв. 4-*е* — Cyprinus gen. sp. (карповая). Обломок жаберного луча (Radibranchiostegi).
3. III слой, кв. 4-*г* — Сург. gen. sp. (карповая), позвонок от мелкой рыбы возраста 5 лет.
4. IV слой, кв 3-*г* — Cyprinus carpio (сазан). Обломок зазубренного спинного луча от рыбы длиной 50 см.
5. IV слой, кв. 5-г—Cyprinus carpio (сазан). Позвонок от рыбы 10 лет.
6. IV слой, кв. 6-*д* — То же, от рыбы 12 лет[18]).
7. V слой, кв. 4-*в* — осетровая. Обломок спинной жучки.

Ценные данные для выяснения условий жизни обитателей Джебелской пещеры дали определения остатков рептилий. Здесь оказались кости:

1. Степной агамы (Agama sanguinolenta).
2. Ушастой круглоголовки (Phrynocephalus mystaceus).
3. Ящерка (Eremis sp.).
4. Ящерицы прыткой (Lacerta agilis).

«Особенно интересна», указывает изучавший остатки рептилий Л. Г. Динесман «находка Lacerta agilis. Этот вид в настоящее время не встречается южнее Аральска. Его находка свидетельствует, что в то время район был более влажным и богатым мезофильной и гигрофильной флорой. Остальные виды обитают в районе Узбоя и сейчас. Lacerta agilis определена по небольшому обломку, так что возможна и ошибка. Но если этот вид действительно обитал раньше в районе Узбоя, то находки его не могут быть единичными. Так заставляет думать характер его современного распространения»[19]).

Время заселения Джебелской пещеры человеком относится, следовательно, к периоду, когда в ближайшем соседстве с ней существовал водоем с пресной водой. Важно при этом, что данный водоем не был озером или группой пресных озер подобных тем, какие и сейчас существуют на Узбое, а являлся проточным, так как осетровые рыбы живут только в такой проточной воде. Это могло быть древнее живое русло Аму-Дарьи, древний Узбой.

Не исключено, впрочем, что вблизи пещеры находился залив Каспийского моря с опресненной вследствие близости устья Узбоя водой. Во всяком случае—вода была совсем близко, на тех местах, где сейчас про-

стираются только такыры да гряды барханных песков, застилающие небо и землю сплошной темной пеленой песчаной пыли во время сильных ветров.

Вода была здесь, несомненно, уже в то отдаленное время, когда в пещере появились первые ее обитатели, люди седьмого и восьмого слоев.

Замечательно также, что слой с каменными изделиями в Джебелской пещере не был покрыт более поздними культурными отложениями, что этот слой лежал прямо на поверхности, в обнаженном состоянии. Мы нашли на его поверхности только обломки современной стеклянной и глазурованной посуды XIX—XX вв.

Последние более или менее постоянные обитатели грота Джебел дожили в нем, следовательно, лишь до конца неолита и начала бронзового века, а затем более или менее постоянная жизнь людей в гроте прекратилась навсегда. Тот факт, что жизнь в пещере прекратилась сразу и неожиданно в то время, когда еще широко употреблялись каменные орудия, а техника обработки камня еще сохранилась на достаточно высоком уровне, следует вероятно, объяснить тем, что исчезло самое главное условие, обеспечивавшее человеку существование в этих пустынных и полупустынных местах, исчезла пресная вода.

Если это был Узбой, то нужно полагать, что именно теперь он прекратил свое существование как живая река и стал мертвым руслом.

Находки в Джебелской пещере снова подтверждают, таким образом, неоднократно высказанные С. П. Толстовым, на основе археологических данных, предположения о глубокой древности Узбоя, как живого русла древней Аму-Дарьи и о времени прекращения стока ее вод в Каспийское море.

Б. Абсолютная датировка культурных слоев пещеры Джебел и ее место среди других археологических памятников

Последнее, на чем следует здесь остановиться — это на вопросе о датировке культурных отложений пещеры Джебел в датах абсолютной хронологии и об отношении их к памятникам других, как соседних, так и более отдаленных областей.

Рассмотрение этого сложного вопроса удобнее будет начать с культурно-стратиграфических комплексов пещеры наиболее близких к нашему времени и, следовательно, находящихся в пределах времени, так или иначе, освещаемого светом письменных источников классического Востока. Таковы, прежде всего, три верхних слоя нашей пещеры. Эти слои грота Джебел хорошо датируются найденными в них фрагментами серых лощеных сосудов, изготовленных при помощи гончарного круга и орнаментированных канеллюрами.

Точно такие же серые и черные сосуды с лощеной поверхностью и канеллированным орнаментом известны из поселения Шах-тепе в Иране около Астрабада. Самые ранние образцы такой керамики имеются в основании культурной толщи холма, в слое третьем, который Т. Арне относит к концу четвертого тысячелетия до н. э. (около 3200 л. до н. э.). Наиболее близкие к черепкам из Джебела образцы серой лощеной керамики с канеллированным узором опубликованы Т. Арне на таблице XVI, № 328, 331а, 332. О них известно только, что большинство этих черепков не было

зашифровано и лишь два из них помечены как происходящие из второго слоя (А —II и С—II)[20]. Второй слой Шах-тепе Арне датирует, в целом, временем между 2800 и 1800 до н. э. В общем, допустимо принять датировку интересующих нас фрагментов керамики из Джебела по аналогии с керамикой из Шах-тепе третьим тысячелетием до н. э. Не противоречат такой датировке и кремневые изделия из этих трех слоев Джебелской пещеры, конкретно—двусторонне ретушированные наконечники стрел. Двусторонне ретушированные наконечники стрел известны из южного холма Анау[21], где различные виды их обнаружены в третьем слое, в Тепе-Гавра VIII[22]), в Телль-Халафе (слои VII—VIII)[23]) в том же Шахтепе[24]) и в других поселениях III—IV тыс. до н. э. При этом основная масса их падает уже на третье тысячелетие до н. э. и даже местами позже, вплоть до начала второго тысячелетия.

Все это —наконечники вполне сложившихся неолитических форм: по очертаниям овальные, треугольные, миндалевидные, а по форме насада— с дугообразно-вогнутым, овально-выпуклым и черешковым основанием.

В связи с этим следует подчеркнуть, что такие наконечники закономерно отсутствуют в более глубоких, нижних, слоях древнейших поселений Передней и Средней Азии. Так, например, специально останавливаясь на характеристике кремневого инвентаря из Тепе-Гисар, Эрих Шмидт с недоумением пишет об изобилии двусторонне ретушированных кремневых наконечников-стрел неолитического типа не в нижних, а именно в верхних горизонтах этого памятника, относящихся к третьему тысячелетию.

«Странно, говорит он, что люди Гисара III, которые развили столь высокую металлическую культуру, употребляли каменные наконечники для их стрел, хотя копья их имели наконечники из меди. Столь же поразительно, что нет каменных острий для стрел в Гисаре I—II, кроме одного в Гисаре 1 и второго в Гисаре 1 *А*». Зато сотни таких кремневых наконечников стрел найдены были по его словам в сожженом строении из слоя Гисара III, уничтоженном врагами. Все наконечники, как полагает Э. Шмидт, являются следами ожесточенной битвы и принадлежали, повидимому, осаждавшим это строение вражеским воинам. Наконечники эти в деталях своей формы имеют своеобразный характер, но в принципе близки к джебелским; среди них есть как листовидно-ромбические, так и миндалевидные, с овальным насадом (см. цит. соч., табл. XIII, №№ 1800 и1884)[25]).

Отсутствие таких наконечников-стрел в нижних слоях холмов Анау и появление их в большом количестве в среднем (III) слое южного холма Анау отмечено и Г. Шмидтом[26]).

Если, таким образом, верхние отложения Джебела и одновременные им памятники Средней Азии хорошо датируются аналогиями из других областей, то в свою очередь, первый—третий культурные слои Джебелской пещеры помогают точнее датировать те многочисленные поверхностные находки из соседних районов Красноводского полуострова и со стоянок открытого типа, известные вдоль русла Узбоя, где имеются каменные изделия, напоминающие вещи из этих слоев нашей пещеры. Таковы, повидимому, упоминаемые С. П. Толстовым стоянки к югу от Бала-Ишема и в урочище Чуйрак-баш, датируемые, по его словам «видимо рубежом третьего—второго тысячелетия до н. э.». Во всяком случае, фраг-

мент сосуда с гребенчато-пунктирным орнаментом из Чуйрик-баша напоминает фрагменты сосудов из верхнего слоя Джебела, а изображенные в статье С. П. Толстова о работах Хорезмской экспедиции в 1951 г. наконечники стрел из случайных находок с характерно суженным выемчатым основанием полностью соответствуют по своей форме наконечникам из I—III слоев Джебела[27]).

Исключительно интересны, в связи с этим, и неолитические находки, извлеченные в 1954 г. С. С. Черниковым из нижнего культурного слоя поселения Усть-Нарым в долине р. Иртыша. В этом слое, залегающем в безукоризненных стратиграфических условиях оказались, прежде всего, превосходные каменные лезвия-вкладыши, в виде двусторонне ретушированных массивных пластин удлиненно-треугольной формы. Пластины эти отличаются характерной асимметрией своих очертаний: одно лезвие их более выпуклое, другое почти прямое. Соответственно отличается и характер фасеток ретуши: вдоль выпуклого, т. е. внешнего края, ретушь мелкая; вдоль прямого края, помещавшегося в пазу оправы вкладыша она имеет вид более широких и длинных фасеток. И техника оформления поверхностей вкладышей и форма их поразительно сходны с тем, что отмечается для каменных изделий такого рода из неолитических поселений Прибайкалья, предшествующих глазковскому времени. При этом, ближе всего такие вкладыши из культурных слоев Усть-Нарымского поселения к вкладышам китойского и серовского времени[28]).

С серовскими и китойскими по времени каменными изделиями из Прибайкалья боль ше всего сближаются также и большие двусторонне-ретушированные наконечники из Усть-Нарымского поселения[29]). Такое сближение подтверждается и совершенно неожиданными для Казахстана находками таких вещей, которые не вызвали бы никакого удивления, если бы мы нашли их в инвентаре неолитических поселений на Лене или, в особенности, на Ангаре, но тем более удивительны так далеко на Западе от Байкала, в бассейне верхнего Иртыша. Первое такое изделие—превосходно отшлифованный костяной наконечник вкладышевого типа с глубоко прорезанными в его ребрах пазами для каменных ножевидных пластин, служивших его режущим лезвиями. Именно такие вкладышевые наконечники с плоскими широкими сторонами впервые появляются, широко распространяются в серовское время на территории Прибайкалья и продолжают употребляться в последующее китойское время. Клинок этот обнаружен был при разрушенном погребении[30]).

Еще характернее второй предмет—небольшой шлифованный стерженек из темнокоричневого шифера. У этого стерженька, круглого в поперечном сечении, имеется отчетливо выделенная головка для привязывания лески, а внизу сбоку имеется характерно лопастеобразное расширение и выемка для прикрепления в поперечно-косом положении короткого острия, костяного или каменного. Крючки такого рода были обнаружены в значительном числе. Б. Э. Петри при раскопках слоев позднесеровского времени на стоянке Улан-Хада. Совершенно такие же стерженьки, явно предшествующие в типологическом отношении типичным китойским крючкам, оказались и при наших раскопках 1951—1952 гг. в однослойной культурной толще поселения Рогатка, расположенного на правом берегу Ангары, в том самом месте, где эта река вытекает из оз. Байкала[31]). Тем

интереснее, что вместе с этими предметами свидетельствующими о связях между позднесеровским Прибайкальем, с одной стороны, и долиной Иртыша во время существования Усть-Нарымского неолитического поселения, оказались и совершенно другие по своему общему характеру изделия, явные отголоски традиций иного культурного мира. Таковы, прежде всего, наконечники стрел. Общая форма их и пропорции с удивительной точностью повторяют специфическую форму наконечников из верхнего (первого) слоя пещеры Джебел. У них такое же выемчатое узкое основание и также круто расширяются края к почти ромбической вершине. Наконечники такого рода не характерны для неолита лесной полосы Сибири. Нечто похожее на них встречается лишь в памятниках глазковского времени, где они, однако, представлены изделиями иных пропорций иными в деталях и являются большой редкостью[32]).

Второй южный элемент инвентаря нижнего слоя стоянки Усть-Нарым представлен превосходно выраженными пластинами с боковой выемкой, образованной крутой затупливающей ретушью. С Джебелом сближают в какой-то мере этот памятник также и скребки: концевые на относительно широких пластинчатых отщепах, широкие с выпуклым лезвием и, наконец, миниатюрные дисковидные скребочки.

В Усть-Нарыме, кроме того, найдены тонкие дисковидные и полулунные по очертаниям пластины слюдистого сланца, слегка оббитые вдоль края. Они аналогичны, в принципе, дисковидным и полулунным скребловидным инструментам из Джебела[33]).

Судя по всему сказанному, можно отнести поселение Усть-Нарым к концу третьего тысячелетия до н. э. и рассматривать его как связующее, переходное, звено между неолитом Сибири и неолитом Прикаспия.

Датировка нижележащего культурного слоя Джебелской пещеры, четвертого сверху, определяется его переходным характером. Это, как мы видели, ранний неолит в собственном смысле данного слова. Если первые три слоя относятся к третьему тысячелетию, то четвертый слой с его характерным и ярким инвентарем ранненеолитического облика следует отнести к предшествующему четвертому тысячелетию до н. э.

За такую датировку говорят и некоторые параллели из более далеких областей Переднего Востока, где имеются памятники этого времени, поддающиеся датировке в рамках абсолютной хронологии.

Таковы, например, близкие к нашим кремневые наконечники стрел из древнеземледельческих поселений с расписной керамикой, в первую очередь из того же Тепе-Гисар I. Как видно из опубликованных Э. Шмидтом двух, к сожалению, очень схематических рисунков, эти наконечники, удлиненно-миндалевидные по очертаниям, имеют характерное трапециевидное треугольное сечение в поперечнике, показывающее, что они сделаны были из ножевидных пластин, с одной стороны плоских, а с другой имевших две грани (см. цит. соч., табл. XVII, №№ 4823, 4824). Слой Гисар I датируется названным исследователем временем до 3500 г. до н. э., т. е. не позже половины четвертого тысячелетия до н. э.

Таков же опубликованный А. Лангсдорфом и Д. Мак-Кауном кремневый наконечник с черешком из Персеполя (табл. 85, рис. 13), поразительно близкий по форме и технике к одному наконечнику из четвертого слоя Джебела. Оба эти наконечника сделаны из довольно широких ноже-

видных пластин. У обоих наконечников противолежащий короткий черешок оформлен мезолитической ретушью, образующей боковые выемки. У обоих лишь слегка ретуширован по краю кончик острия, причем и здесь ретушь снова имеет противолежащий характер[34]).

Аналогичный, в общем, характер имеют кремневые наконечники стрел из Телль-Хассуна (слой 1), одного из древнейших поселений с расписной керамикой в Ираке[35]), из нижних слоев Иерихона (Иерихон XVII—IX), Мерсины и Амуга (слои А—В)[36]).

То же самое следует сказать об оригинальных пластинчатых наконечниках стрел из позднего мезолита Палестины, т. е. из поздненатуфийских памятников этой страны. Натуфийские наконечники имеют вид почти совершенно нетронутых ретушью кремневых пластин, на которых у основания по сторонам имеются только лишь симметрично расположенные друг против друга округлые и глубокие выемки и черешок. Таковы, например, описанные Д. Гаррод наконечники из слоя А пещеры Мугарет-Эль-Вад на горе Кармел[37]).

Во всех приведенных выше примерах пластинчатые наконечники не моложе 4 тыс. до н. э., а в ряде случаев и старше. Наконечники этого рода из четвертого слоя Джебела подкрепляют, таким образом, вывод о возможности отнесения этого слоя к четвертому тысячелетию до н. э.

Из наиболее близких памятников соседних областей можно отметить некоторые стоянки, оставленные охотничье-рыболовческими племенами Красноводского полуострова и долины Узбоя. Хотя все находки на Красноводском полуострове и по Узбою имеют поверхностный и подъемный характер и потому не могут быть уверенно датированы и расчленены на определенные комплексы на основе стратиграфических данных, среди них все же могут быть выделены отдельные вещи, близкие к найденным в ранненеолитических отложениях Джебела. Здесь, как среди предметов характерных для т. н. «верхнеузбойской», так и «нижнеузбойской» культуры, одинаково встречаются изделия, свидетельствующие о наличии устойчивых мезолитических традиций обработки камня. Таковы прежде всего пластинки с боковыми выемками. Есть сходные с джебелскими кремневые скребки небольшого размера, преимущественно, концевого типа, т. е. на концах сравнительно длинных и широких ножевидных пластин правильных призматических очертаний[38]). Имеются также и еще более характерные вещи, объединяющие эти находки с джебелскими—пластинчатые наконечники с боковой выемкой, оформленной крутой, типично мезолитической («затупливающей»), ретушью[39]).

Несколько более поздний, повидимому, облик имеют описанные А. А. Формозовым, но тоже весьма архаические по облику находки из Западного Казахстана, со стоянок Кара-ой и Иргиз, а также из приаральских Кара-Кумов. В подъемном материале с этих поселений выделяются пластинки с характерными боковыми выемками, концевые скребки, а также листовидные наконечники с частичной подправкой вдоль края и с обработанным отжимной ретушью, с брюшка, кончиком[40]).

Следует, при этом, особо отметить, что довольно близко к этим находкам по возрасту следует поместить широко известное в археологической литературе по работам С. П. Толстова классическое поселение кельтеминарской культуры Хорезма, стоянку Джанбас-кала № 4. В инвентаре этого поселения есть, как известно, определенные архаические элементы

в виде небольших кремневых наконечников стрел с боковой выемкой, образованной ретушью. Мезолитический облик сохраняют отчасти также и ножевидные пластинки со стоянки Джанбас-кала № 4. У некоторых из них имеются даже боковые выемки.

Но все это не более, чем пережиточные черты. Решающее значение для датировки общего комплекса находок со стоянки Джанбас-кала 4 имеют типично неолитические наконечники, аналогичные по общему уровню развития техники обработки кремня и типу наконечникам верхних трех слоев Джебела. Об этих кремневых наконечниках стрел со стоянки Джанбас-кала № 4 С. П. Толстов справедливо писал в своей обобщающей капитальной работе, что это наконечники «с двусторонней плоской ретушью, типа, характерного для сибирского и уральского неолита»[41]). Судя по рисункам, опубликованным позже в работе С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации», двусторонне обработанные неолитические наконечники со стоянки Джанбас-кала № 4 представлены двумя видами: а) ромбическими широких пропорций и б) треугольным с выпуклыми длинными краями и в) с полулунно-выемчатым основанием[42]).

Именно эти типично-неолитические наконечники, а не отдельные пережиточные элементы более древней микролитической техники, в виде наконечников с боковой выемкой или узких ножевидных пластин с боковыми выемками и определяют абсолютную дату всего комплекса стоянки Джанбас-кала 4. Время этой стоянки, таким образом, не старше начала третьего тысячелетия до н. э. и, самое большее, последней четверти или рубежа четвертого тысячелетия.

В стратиграфической шкале Джебела находки со стоянки Джанбас-кала № 4 таким образом, всего вероятнее, можно поместить на уровне не четвертого, а более позднего, третьего сверху слоя, или самое большее, на грани третьего и четвертого слоев Джебелской пещеры.

В свите слоев Джебелской пещеры особое место занимает слой пятый, с которым связано первое появление глиняной посуды, начало гончарного производства в Прикаспии. Архаическая остродонная керамика, найденная из пятого слоя, сама по себе прямым указанием на дату этих слоев служить не может. Такая керамика могла появляться независимо, в результате конвергентного развития, в различных областях в разное время. Но в целом, облик инвентаря пятого и ниже лежащих трех слоев настолько выразителен и настолько выдержан, что сам по себе наглядно свидетельствует о весьма раннем времени этого комплекса.

Инвентарь этот имеет, как мы видели, четко выраженный позднемезолитический облик. Его типологическая характеристика определяется наличием геометрических микролитов в виде трапеций. Соответственно этому следует искать аналогии находкам из пятого слоя Джебела среди достаточно ранних памятников каменного века соседних областей, для которых характерно наличие геометрических изделий из кремня, а вместе с ними и древнейшей керамики.

Первый такой памятник, к сожалению, по настоящему еще не исследованный, это—стоянка на бугре Чакмакдаш-бейик у Джейтунского кака в 40 км от Ашхабада, где найдены наиболее ранние в Туркмении образцы крашеной керамики вместе с изделиями микролитических форм. Среди последних имеются характерные проколки из пластин, трапеции, микроскребки, крупные пластины с боковыми выемками и бусы овальной формы, сделанные из каспийских раковин (дидакна).

Б. А. Куфтин склонен был с достаточными основаниями относить находки на бугре Чакмакдаш-бейик к 5 тыс. до н. э.[43]). Если микролитические изделия и керамика, найденные на этом бугре, действительно, относятся к одному и тому же культурно-историческому этапу, то перед нами —древнейшее известное сейчас земледельческое поселение Средней Азии, свидетельствующее о возникновении земледелия в Туркмении еще в переходное время от мезолита к неолиту. Люди же, оставившие пятый культурный слой в Джебеле, по общему уровню развития своей культуры должны были быть современниками этих первых земледельцев Средней Азии.

Не меньший интерес представляют находки в пещере Гар-и-Камарбанд (Belt-Cave) у Бехшахра, в 4 милях от берега Каспийского моря. Эта пещера—ближайший к Джебелу пещерный памятник, где представлена во многом близкая культура неолита и мезолита, принадлежавшая тем же прикаспийским племенам. Следует особо отметить и тот факт, что имели место попытки датировать культурные слои Гар-и-Камарбанда радиокарбоновым анализом[44]).

Верхняя толща культурных отложений этой пещеры, состоящая из семи слоев, целиком принадлежит неолитическому времени. В первом слое встречены черепки черно-расписной керамики типа Гиссар I. В третьем найдены изящные красные черепки, в связи с которыми можно вспомнить загадочные тонкие черепки с красной лощеной поверхностью из четвертого слоя в Джебеле. В том же третьем слое пещеры Гар-и-Камарбанд найдены черепки серые и красные, орнаментированные красными же линиями и сеткой из лощеных линий. Последние соответствуют керамике Гиссар II. Таким образом, третий слой может быть датирован третьим тысячелетием до н. э.

Судя по весьма суммарному описанию, каменный инвентарь этих слоев пещеры Гар-и-Камарбанд относится к времени зрелого неолита и к бронзовому веку, так же как инвентарь верхних трех слоев Джебелской пещеры. Здесь, начиная с 4 слоя, есть каменные шлифованные топоры, кремневые лезвия для серпов. Не упомянуты, однако, наконечники стрел.

Глубже, начиная с 4 и кончая 10 слоем, залегает свита более ранних неолитических слоев. Начиная с восьмого слоя появляются вкладыши для серпов. С седьмого слоя появляется «мягкая», т. е. рыхлая плохо обожженая керамика без росписи (шесть фрагментов в седьмом слое и один, очевидно, случайного происхождения в 10 слое). Керамика эта затем встречается и выше, вплоть до самого верхнего слоя. В слое третьем встречены черепки с примесью толченых раковин в их глиняном тесте.

В 10 слое встречен единственный микролит геометрической формы. Эта толща датирована радиокарбоновым анализом временем около 6 тыс. лет, т. е. четвертым тысячелетием. Залегающая глубже десятого слоя в Гар-и-Камарбанде толща культурных слоев характеризуется кремневыми изделиями геометрического облика. Выше десятого слоя не встречаются микротрапеции, концевые скребки, выемчатые скребки, «пилы», т. е. пластины с выемками, проколки мезолитических форм.

Радиокарбоновым анализом самый верхний мезолитический слой 11 датируется временем около 8 тыс. лет т. н. Этот «верхний мезолит» Гар-и-Камарбанда может быть сопоставлен с ранненеолитическим, т. е. пятым слоем пещеры Джебел.

Более далекие и не столь родственные, но по существу не случайные аналогии ранненеолитическому комплексу культурных слоев Джебела и Джейтуна могут быть отмечены в таких обнаруженных за последние годы памятниках Передней Азии, как поселения Қарим-Шахир и Қалат-Ярмо в Юго-Западном Курдистане[45]), в свою очередь сближающихся с натуфийскими памятниками Палестины[46]).

Исследования этих памятников показывают, что в Палестине и Месопотамии, как и в отмеченных двух ранненеолитических поселениях Туркмении, Джебеле и Джейтуне, отмечается постепенный переход от позднемезолитической культуры к настоящему развитому неолиту со шлифованными орудиями, двусторонне ретушированными кремневыми наконечниками стрел и древнейшей керамикой.

Переход этот, если полагаться на данные, полученные в результате радиокарбонового анализа, падает, примерно, на одно и то же время. В Иране это, по материалам из Гар-и-Қамарбанда, седьмое—восьмое тыс. тому назад; в Ираке Қарим-Шахир датируется шестым тысячелетием, а следующее за ним по времени поселение Қалат-Джармо—пятым тысячелетием тому назад (анализ раковин 4758±320; угля 4743±36)[47]).

Следует отметить также, что сходство в данном случае не ограничивается только появлением одних и тех же новых элементов инвентаря, но идет значительно дальше и глубже.

Во всех отмеченных случаях эти прогрессивные изменения в материальной культуре и технике сопровождаются еще более глубокими переменами в хозяйстве и образе жизни—переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Одновременно беспокойная жизнь бродячих охотников и собирателей сменяется оседлым укладом первых земледельцев. Вместо временных лагерей и сезонных стоянок появляются постоянные поселки, состоящие из долговременных, хорошо устроенных жилищ. По этому пути и шли, как мы видели, обитатели Джебелской пещеры, хотя при общем таком сходстве путь их, в частности, был своеобразным по характеру и темпам.

Главное отличие заключается, как мы видели, в том, что переход к разведению домашнего скота и культивированию растений произошел здесь с большим опозданием, не в четвертом—пятом, а в третьем тысячелетии до н. э.

Обитатели Джебелской пещеры никогда не производили также расписной глиняной посуды. Их горшки имели не плоское, а острое или округлое днище. Они не лепили из глины фигурок женщин и домашних животных. Они не строили домов из глины и кирпича-сырца, а попрежнему обходились своими жалкими шалашами и готовыми скалистыми сводами пещер.

Но, при всем том, развитие их культуры шло во многом одинаковыми путями и опиралось на один и тот же, в общем, исходный пласт культуры обитателей каспийской зоны, создателей своеобразного микролитического инвентаря, охватившего в своем распространении огромные пространства Европы, Азии, Африки и даже далекой Австралии.

Именно этот исходный пласт, в данном случае, позднемезолитический, и представлен нижней свитой культурных слоев Джебела, где уже нет керамики, а в каменном инвентаре с полной определенностью выражены миниатюрные изделия геометрических форм.

Абсолютный возраст этих слоев может быть с значительной вероятностью определен по аналогии, хотя бы, с находками в той же иранской пещере Гар-и-Камарбанд, которые по времени уходят глубже восьми тысяч лет тому назад.

На ближайших к Джебелу с севера территориях с этими слоями Джебелской пещеры, позднепалеолитического, тарденаузского, по западной терминологии, времени могут быть сближены очень интересные находки на поселении Агиспе, в Западном Казахстане на юго-западе Малых Барсуков. Б. А. Федорович собрал там в 1947г. довольно большую коллекцию изделий из кремня и кварцита. В этой коллекции, суммарно описанной А. А. Формозовым, есть превосходные нуклеусы призматического и конического типа, а также имеется много хорошо изготовленных ножевидных пластин, в том числе ретушированных, служивших вкладными лезвиями для ножей и иных изделий. Там же встречены весьма типичные трапеции высокой формы и острия со скошенным краем, т. е. вещи хорошо знакомые нам по находкам из слоев Джебела, начиная (сверху вниз) с четвертого и до 5—6 слоев включительно. В слое шестом, при этом, трапеции уже иные по форме и пропорциям. Они асимметричные, с одним *пологим и другим более крутым краем, а также более крупные по размерам*[48]).

Особо следует отметить одно изделие из Агиспе, которое А. А. Формозов ошибочно описал как сегмент. На самом деле это, конечно, вовсе не сегмент, а вариант высокой трапеции, или точнее, треугольника, образец дегенерирующих микролитов, и тем самым показатель относительно позднего возраста всего этого комплекса микролитических изделий. Совершенно такое же, кстати, орудие было обнаружено мною в 1947 г. вместе с другими вещами ранненеолитических типов на поселении Кизыл-Лай к северу от Красноводска[49]).

* * *

Таким образом, подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать общий вывод, что находки в пещере Джебел не представляют собой изолированное и единичное явление. Напротив, они встречают различные параллели и аналогии, как в соседних так и более отдаленных, областях.

Это, с одной стороны, помогает увереннее датировать джебелские находки в рамках абсолютной хронологии. С другой же стороны, сами джебелские находки, расположенные в отложениях этого грота в определенной стратиграфической последовательности, помогают определить возраст других памятников, культур соседних областей, время которых до сих пор не поддавалось более точному определению в датах относительной и, тем более, абсолютной хронологии.

Находки в слоях пещеры Джебел имеют, в связи с этим, и более широкое культурно-историческое значение.

В сочетании с другими памятниками соседних областей Средней Азии они позволяют шире поставить столь важный исторический вопрос, как вопрос о путях заселения Средней Азии человеком в мезолите и неолите. Заселение это началось, как стало известно теперь, задолго до палеолита и мезолита, *еще в нижнем и среднем палеолите. Оно продолжалось*, несомненно, и много позже, в конце каменного века. Не менее важен и вопрос о культурных связях между древними племенами, оказавших, нередко, даже и в эти отдаленные времена значительное влияние на общий

характер культуры и на культурный прогресс. Такие связи во многих случаях облегчались общностью происхождения древних племен и исходным единством их культуры.

Рассматривая с этой точки зрения культуру древних обитателей Джебелской пещеры, мы можем уже теперь сделать, хотя бы и в предварительном порядке, некоторые исторические выводы и по данному вопросу.

Теперь можно считать установленным, что в позднем мезолите и раннем неолите племена Прикаспия входили в большую культурную зону тех племен, культура которых характеризовалась, в первую очередь, своеобразными приемами микролитической техники изготовления каменных орудий. Выше уже отмечалось, что в последующее время племена Прикаспия, при всем бесспорном своеобразии их культуры и образа жизни, имели много общего в культуре именно с земледельческими племенами классического Востока и соседних земледельческих центров Ирана и Средней Азии. Такая общность зависела, надо полагать, как от единства исходной для тех и для других позднепалеолитической капсийской культуры, так возможно, и от проникновения на север племен, этнически родственных населению тех или иных южных районов.

В то же самое время встает и другой вопрос — о характере отношений этих прикаспийских племен, носителей традиций микролитической культуры древних капсийцев, с племенами обитавшими еще далее на Север.

Отношения эти должны были, несомненно, складываться по-разному. В одних случаях и здесь может наблюдаться прямое распространение племен с микролитической культурой с юга на север. Именно так, на мой взгляд, следует рассматривать поздние мезолитические находки в Западном Казахстане, в Агиспе.

Очень вероятно, далее, что поселение Джанбас-Кала № 4 и родственные ему по культуре стоянки Приаралья, свидетельствуют о существовании здесь древнего населения, чьи предки когда-то оторвались от всей остальной массы южных племен, к которым принадлежали обитатели пещеры *Джебел и продолжали жить жизнью охотников и рыболовов*, сохраняя некоторые традиции исходной микролитической культуры.

Но к тому времени, когда существовало поселение Джанбас-Кала № 4, они находились уже в связи и с населением других соседних областей, причем эти связи наложили свой отпечаток на культуру обеих сторон.

Так, например, С. П. Толстов еще в 1941 г. справедливо отмечал сходство керамики поселения Джанбас-Кала № 4 с керамикой лесных районов Приобья[50]). Его наблюдения были подтверждены и дополнены В. Н. Чернецовым, который на большом новом материале детально показал общие черты кельтеминарской и неолитической нижнеобской керамики. Эти общие черты имеются как в способе нанесения и в элементах узора, так и в орнаментальной композиции. В. Н. Чернецов отметил, на пример, в качестве общих черт в керамике кельтеминарской культуры и неолита Оби «гребенчатый, елочный и волнистый узоры». Он указал, в частности, и на одну специфическую деталь в композиции общую для кельтеминарских и обских неолитических сосудов. По его словам: «по

краю сосудов, происходящих как с Джанбас-Кала № 4, так и с Андреевского озера, чаще всего за полоской, выполненной гребенкой или палочкой, следуют своеобразные «лесенки», спускающиеся вертикально и выполненные тем же инструментом, что и основной орнамент, т. е. гребенкой или палочкой. По обе стороны «лесенок» идет косая штриховка или заштрихованные треугольники, сделанные прямыми или волнистыми линиями[51]).

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что указанные В. Н. Чернецовым сходные черты нижнеобской неолитической и кельтеминарской керамики территориально вовсе не ограничены этими двумя районами. Они в той же мере характерны для уральской керамики в шигирское время. Значительное сходство имеется также между кельтеминарской и нижнеобской неолитической керамикой с одной стороны и афанасьевской — с другой. Их сближает как техника нанесения орнамента, так и своеобразное композиционное построение, не только горизонтальными зонами, но и совершенно иначе: элементы узора располагаются по диагонали или, вообще, с полной свободой по всему орнаментальному полю сосуда.

Столь же характерно для этой манеры орнаментации: сочетание вертикальных и горизонтальных комплексов орнаментальных элементов, примером чего является отмеченное В. Н. Чернецовым сочетание горизонтальных «полосок» и «лесенок».

Следует, при этом, подчеркнуть, что все эти признаки свойственны именно культурам лесной полосы Западной Сибири и Приуралья, но не степным и, конечно, не древнеземледельческим культурам Средней Азии. Отсюда ясно, что наличие их в Приаралье свидетельствует о влиянии лесных уральских и западно-сибирских племен на обитателей Приаралья, но ни в коем случае не может служить примером обратного влияния—с юга на север.

Совершенно иначе следует рассматривать другой характерный элемент материальной культуры древнейшего населения Западной Сибири, выявленный В. Н. Чернецовым, — пластинчатые наконечники стрел с боковой выемкой, найденные И. Я. Словцовым на Первой Андреевской стоянке[52]).

В. Н. Чернецов, несомненно, прав, когда пишет, что эти наконечники имеют по своим типологическим признакам очень древний облик. Возможно, что он прав, и в том случае, когда говорит о более древнем возрасте наконечников первой Андреевской стоянки по сравнению с такими же наконечниками, найденными на стоянке Джанбас-Кала № 4.

Но для нас, в данном контексте, важен даже не вопрос об абсолютном возрасте этих наконечников, а тот факт, что в любом случае этими характерными наконечниками представлены совершенно определенные традиции мезолитической культуры юга.

Наиболее древние образцы таких наконечников с соседних территорий, как мы видели, известны из ранненеолитического по возрасту, четвертого, слоя пещеры Джебел. В связи с пластинчатыми наконечниками с Первой Андреевской стоянки заслуживают внимания также найденные на той же стоянке два фрагмента крупных листовидных наконечников с краевой ретушью[53]). Они тоже могут быть сопоставлены с наконечниками из ранненеолитического четвертого и вышележащего третьего слоя

Джебела. Последнее, что здесь следует отметить—пластина с отчетливо выявленными боковыми выемками, найденная на Первом Андреевском озере вместе с этими наконечниками[54]). Для техники оформления этих выемок характерна как крупная или «затупливающая» края пластины ретушь, так и вид выемок, чем эти пластины очень близко напоминают пластины с выемками из верхних слоев Джебела. А именно эти пластины, как мы знаем, представляют собою один из наиболее характерных «капсийских» элементов культуры обитателей Джебелской пещеры, устойчиво, державшийся в их быту на протяжении тысячелетий.

Все эти черты в инвентаре Первой Андреевской стоянки допустимо, следовательно, рассматривать в качестве культурных элементов, полученных ее обитателями от южных племен, имевших культуру с капсийскими традициями. К числу таких племен, как показано выше, и принадлежали обитатели Джебелской пещеры, наиболее близкие соседи тех приаральских племен, с которыми издавна, должно быть, находились в связи жители Приуралья и нижней части долины р. Оби.

Проблемы связей между мезолитическими и неолитическими племенами Прикаспия и племенами других областей не исчерпывается, конечно, и тем, о чем говорилось выше. Прикаспийские племена этого времени, несомненно, находились в связи и с населением Поволжья. Во всяком случае, микролитические находки на развеянных дюнных стоянках Поволжья имеют много общего с находками в Туркмении, достаточно близкой к Поволжью, чтобы различные группы древнего населения этих территорий могли вступать даже и в прямой контакт друг с другом[55]).

Не менее интересно и то обстоятельство, что поздняя мезолитическая остродонная керамика Джебела имеет много общего с древнейшей керамикой неолита Крыма и Украины[56]). Не исключено далее, что наследием именно этой керамики, а не керамики лесного неолита могут оказаться, в конечном счете, такие же круглодонные и остродонные сосуды, с одной стороны ямной культуры Причерноморья, а с другой — афанасьевской культуры Минусинского края и Алтая.

Все это, впрочем, проблемы для будущего. Сейчас же для нас достаточно и того, что материалы раскопок в Джебеле позволяют отчасти выяснить то важное место, которое принадлежало в мезолитическое и неолитическое время древним племенам Прикаспия как носителям оригинальной и древней по ее истокам южной культуры, оказывавшей сильное влияние на культуру других племен.

Значение находок в Джебелской пещере для археологии Средней Азии *заключается, таким образом, во-первых в том,* что они дают надежную хронологическую канву для классификации позднемезолитических, ранненеолитических, неолитических памятников прикаспийской части Туркмении и соседних с ней территорий. Не менее важно и то, что на этой хронологической канве поступают определенные контуры крупных для того времени исторических событий. Мы можем видеть здесь как последовательно развивается, медленно эволюционизирует в определенном направлении, выросшая на основе палеолита капсийского типа древняя микролитическая культура охотников и собирателей; как затем развиваются связи этих племен с более передовыми районами с земледельческими племенами, изменяется техника обработки камня, формы сосудов и т. д. Намечаются также и новые черты хозяйства и быта.

В III тыс. до н. э. происходит переход к земледелию и скотоводству. Можно предполагать далее, что от этих прикаспийских племен новые черты техники и культуры распространяются, как мы видели, и еще дальше, к соседним с ними племенам, жившим вверх по Узбою, в низовьях Аму-Дарьи и, в какой-то мере, еще далее на север и на восток, по направлению к Уралу и Алтаю через степи Казахстана и Западной Сибири, за которыми лежал третий культурный мир неолита и бронзы Северной Азии, мир лесных охотников и рыболовов, с культурой генетически восходящей к совершенно иной местной палеолитической основе, к верхнему палеолиту Сибири и Монголии.

Только здесь, на грани за которой лежат культуры далекого Севера и Востока Азии, окончательно затухают последние отзвуки капсийского мезолита, столь отчетливо выраженные в культуре обитателей Джебелской пещеры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) См. А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.). Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, том II, Ашхабад, 1951, стр. 73—104.

В первоначальном обследовании пещеры летом 1947 г. принимали участие: автор настоящей работы, В. Д. Запорожская и А. Д. Столяр. В раскопках пещеры летом 1949 г. участвовали: автор, В. Д. Запорожская, Х. А. Алпысбаев и Н. Н. Диков; в раскопках 1950 г. — автор, В. Д. Запорожская и Н. Н. Диков. В подготовке рукописи к печати принимала участие З. А. Абрамова. Большая часть рисунков каменных изделий выполнена И. М. Павлюченко. Полевые чертежи и зарисовки выполнены были на месте В. Д. Запорожской. Кости рыб из культурных слоев пещеры определил В. Д. Лебедев, кости рептилий — П. С. Динесман; раковины — П. В. Федоров, остатки млекопитающих описал В. И. Цалкин. Техническое изучение керамики из Джебела произвели А. И. Августиник и В. И. Баранова. Всем им автор выражает свою благодарность.

Пользуюсь случаем снова выразить мою особую признательность и благодарность начальнику ЮТАКЭ проф. М. Е. Массону за помощь и постоянное содействие в деле изучения каменного века Средней Азии.

[2]) Б. А. Федоров. Равнины и плоскогорья Турана. Геоморфологическое районирование СССР. Труды по естественно-историч. районированию СССР, изд. АН СССР, том II, в. 1, М.—Л., 1947.

[3]) Л. С. Берг. Рельеф Туркмении. См. Сборник: Туркмения, том II, изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 37—39.

[4]) По данным Н. Н. Андрусова и другим, мыс называется Шахлу-Бурун (см. Л. С. Берг, цит. соч., рис. 1; Н. Н. Андрусов. Материалы для геологии Закаспийской области. Часть 1. Красноводский полуостров. Большой и Малый Балхан. Джанак. Устьюрт. Труды Арало-Каспийской экспедиции, вып. VII, Юрьев, 1905).

[5]) Л. С. Берг, цит. соч., стр. 12.

[6]) Там же, Ср. Н. Н. Андрусов. О древних береговых линиях Каспийского моря. Ежегодник по геол. и минерал. России, том IV, № 1—2, 1900.

А. С. Кесь. Русло Узбоя и его генезис. Труды института географии АН СССР, вып. XXX, 1939.

В. В. Федоров. Каспийские террасы Южно-Мангышлакского побережья. Доклады Академии Наук СССР, том XII, № 9, 1943. Его же: К стратиграфии каспийских отложений прибалханского района. Советская геология, № 11, 1946. Его же: Морские террасы восточного побережья Каспия. Доклады Академии наук СССР том IX, № 9, 1948. Его же: Древнекаспийские береговые линии восточной части Северного Прикаспия. Доклады Академии наук СССР, том XXIV, № 2, 1950.

[7]) D. Garrod. The Stone Age of Mount Carmel. I. Oxford. 1937. Linda S. Braidwood, Preliminary notes on the Jarmo flint and obsidian industry. Sumer, vol. VII, № 2, 1951. С. А. Семенов. Древнейшие каменные серпы. Советская археология, XXI, 1954, стр. 355—367.

[8]) А. П. Окладников. Ленские древности. Вып. 3. М.—Л., 1950, табл. XX, рис. 5, 6, 7.

[9]) N. Hartz, H. Winge. Om Uroxen tra Vig. Aarbger, 1906, стр. 225. J. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe. A. Study of the food-gateridg peoples of Northern Europe during the early postglacial period. Cambridge, 1936, стр. 89, рис. 29.

[10]) J. G. D. Clark, цит. соч., стр. 142—143, рис. 51.

[11]) Ср. керамику из раковинных куч культуры Эртебёлле литоринового времени в Дании: J. G. D. Clark, цит. соч., стр. 152—153, рис. 5, 3—1, табл. VII.

[12]) Ср. напр. G. Brunton and G. Caton-Thompson. The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari. London, 1928, pl XIII—74 f, 77 e; XIV—34 m, 34 p; XVI—6; XVII—44 m; XVII—27 p; XIX—37 H; 33 M: 33 K. Ср. там же рисунки остродонных сосудов преднастического Египта: табл. XXXVI; XLI—50 n; XLII, XLIII, XLIV—44 b и др.

[13]) T. J. Arne, цит. соч., табл. LXXII, фиг. 569-a, б.

[14]) С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. МИА СССР, № 38, М.—Л., 1953, стр. 82. R. Lais. Vorgeschichtliche Klopfsteine aus dem Breisgau. Germania, 4, Berlin, 1935, стр. 286—290.

[15]) А. Н. Максимов. Накануне земледелия. Ученые записки Института истории РАНИОН, М., 1929, стр. 29—30; G. Aiston. Savage Life in Central Australia, стр. 54—55.

[16]) Можно попутно заметить, что при раскопках явно земледельческого поселения Шах-тепе у Астрабада были встречены остатки айвы (Cadonia vulgaris oblonga), произрастающей в Закавказье, Персии, Туркестане и Юго-Восточной Аравии. См. T. J. Arne. Excavations at Shah Tepe, Iran. Report from the Scientific Expeditlon to the North Western Provinces of China. Publication 27, VII, Archaeology, 5. Stockholm, 1945, стр. 325.

[17]) П. М. Василевский. К вопросу об использовании вод больших Балхан. Предварительный отчет о гидрогеологическом исследовании в 1924 г. Вестник ирригации, 1924, № 12. И. И. Никшич и В. Н. Огнев. Джебелские источники. Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 78, 1928. Изд. Геол. Комитета.

[18]) Определение рыбьих костей выполнено В. Д. Лебедевым (Институт зоологии МГУ).

[19]) Из письма П. С. Динесмана. [У Джебела водится другой вид Lacerta. M. Массон].

[20]) T. J. Arne, цит. соч. стр. 180.

[21]) R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, Expedition of 1904, vol. 2. стр. 164.

[22]) E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra. vol. I, 1935. V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes, I, 1940, табл. 144.

[23]) E. Oppenheim. Tell-Halaf. I. H. Schmidt. Die prehistorische Funde. Berlin. 1943.

[24]) T. J. Arne, цит. соч., стр. 270. рис. 466.

[25]) E. F. Schmidt Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Publications of the Iranian Section of the University Museum. Philadelphia, 1937.

[26]) H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv, стр. 164, 167.

[27]) С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. Советская археология, XIX, 1954, стр. 247, рис. 4. С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. Вестник Древней Истории, 2, 1953, стр. 155—156 С. П. Толстов. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала (разведки Хорезмской экспедиции АН СССР в 1950—1951 гг.). Вестник Академии наук СССР, № 4, 1952.

[28]) А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. МИА СССР, № 18, 1950, стр. 215, рис. 62.

[29]) Там же, стр. 216, рис. 65.

[30]) Там же, стр. 216.

[31]) А. П. Окладников. Цит. раб., стр. 261, 368, рис. 7 (второй ряд сверху. рис. 2, 3).

[32] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Глазковское время МИА СССР, № 43, М.—Л., 1955, стр. 62, рис. 18, № 10.

[33] Любопытно, что в глазковское время, вместе с наконечниками, близкими по форме к наконечникам из Джебела, такие дисковидные скребла из сланца появляются и в Прибайкалье. См. А. П. Окладников. цит. раб. рис. 33.

[34] A. Langsdorf and D. E. Mc Cown. Tall-i-Bakun. A Season of 1932. The University of Chicago, Oriental Institute Publications, vol. LIX, 1942, табл. 85, рис. 13 Близки к этим пластинчатым наконечникам также наконечники, найденные в толще наслоений холма Шамирамальти около Вана. Наконечники эти залегали вместе с пластинами, имеющими боковые выемки, и проколкой из широкой ножевидной пластины. Возраст их II—III тыс. до н. э. В данном случае архаические по типу находки являются, видимо, пережиточными (см. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья. Изд. ЛГУ, 1940., стр. 30—31, W. A. Jenny. Schamiramalti, Praeh, Zeitschrift, XIX, Heft 3/4, 1928, стр. 280, рис. 5, №№ 6, 8, 9, 14).

[35] Seton-Lloid and Fuad Safar. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government, Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944. Journal of Near Eastern Studies, vol. IV, 1945; фиг. 22—9, 10.

[36] R. I. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilisation. Oregon, 1952, fig. 8, 9.

[37] D. Garrod. The Stone Age of Mount Carmel, I. Oxford, 1937.

[38] С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. рис. 1а, вверху, слева; рис. 2, третий ряд сверху.

[39] Там же, рис. 2, верхний ряд, слева.

[40] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 52, рис. 16. А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 141—147.

[41] С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 63.

[42] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, рис. 18а.

[43] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». «Известия Академии наук Туркменской ССР», № 1, 1954, стр. 22—28.

[44] Carleton S. Coon. Cave explorations in Iran, 1949. The University of Pennsilvania Museum Monographs. Philadelphia, 1952.—E. K. Ralph. University of Pennsilvania Radiocardon Dates. University Museum and Departament of Physics, Philadelphia, Pennsilvania, 1954. (напечатано на машинке).

[45] Ann Perkins. Archaeological News. The Near East. American Jounal of Archaeology, vol. LIII, № 1, 1949. University Miseum Bxcayations in Iran. Archaeology, vol. 4, № 2614, июнь, 1951. стр. 116—118. R. Braidwood. From cave to village in Prehistoric Iraq. Bulletin of American School of Oriental Researches, № 124, Bagdad. 1951. R. Braidwood. Early Food Producers. Excavations In Iraqi Kurdistan. Archaeology, vol. 5, № 3, 1952. R. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilisations. Oregon, 1952. R. Braidwood and L. Braidwood. Jarmo. A village of Early Farmers in Iraq. Antiquity, vol. 24, № 96, 1950. L. S. Braidwood. Preliminary Notes on the Jarmo Flint and Obsidan Industry. Sumer, vol. VII, № 2. 1951, A. L. Perkins. The Comparative Archaeology, of Early Mesopotamian. Studies in Ancient Orientale Civilisations, № 25, Chicago, 1949. H. Frankfort. The Birth of Civilisation in the Near East. London, 1951.

[46] F. Turwill-Petrie. Excavations in the Mugharet-el-Kebarah. Journal Royal Anthrop. Inst. G. B. Ir., vol. LXII, 1932, D. Garrod, A New Mesolithic Industry: the Natufian of Palestine. D. Garrod. The Stone Age of Mount Carmel, I. Oxford, 1937.

[47] R. J. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilisation. Oregon, 1952. E. K. Ralph. University of Pennsilvania Dates. Philadelphia, 1954.

[48] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. Краткие сообщения ИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—51

[49] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова, стр. 79, рис. 3—5.

[50]) С. П. Толстов. Древности верхнего Хорезма. Вестник Древней Истории, 1941, № 1, стр. 158.

[51]) В. Н. Чернецов. Древняя история нижнего Приобья МИА СССР, № 35, М., 1953, стр. 30—31.

[52]) В. Н. Чернецов, цит. работа, стр. 27, табл. VIII, рис. 3,5.

[53]) В. Н. Чернецов, цит. работа, табл. VIII, рис. 1, 2.

[54]) Там же, рис. 20.

[55]) Т. В. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Известия Нижне-Волжского научного общества краеведения, вып. 36, Саратов, 1929; И. В. Синицын. *Кремневые орудия Калмобласти. Там же, том IV, Саратов, 1931;* его же: Памятники Приморского района Калмобласти, там же, том VI, 1933; его же: Археологические памятники р. Малый Узень, Краткие сообщения ИИМК, вып. XXII, 1950; его же: Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, Краткие сообщения ИИМК, вып. XXXVII, 1951; А. А. Формозов, Из истории передвижения групп первобытного человека в эпоху мезолита. Советская этнография, № 1, 1953, стр. 168—172.

[56]) В. Н. Даниленко. К вопросу о раннем неолите южного Поднепровья. Археология, III, Киев, 1950, табл. V, рис. 10.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАУНИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ РАСКОПОК ДЖЕБЕЛА, ПРОИЗВЕДЕННЫХ А. П. ОКЛАДНИКОВЫМ

Представленный для исследования материал, собиравшийся на месте раскопок с большой тщательностью, находится в крайне плохой сохранности. Основная масса его—это мелкие и мельчайшие осколки диафизов трубчатых костей, абсолютно не поддающиеся видовому определению. Даже такие, обычно хорошо сохраняющиеся элементы скелетов, как фаланги пальцев копытных животных, и те в преобладающем большинстве случаев искусственно разрушены (вероятно, в связи с употреблением в пищу). В материале многочисленны кости мелких грызунов и рептилий, остающиеся пока не определенными. Характерно, что кости этих мелких животных, весьма хрупкие, оказываются в гораздо лучшей сохранности, чем более прочные кости млекопитающих, обнаруженные в материале из раскопок Джебела. Это может служить, вероятно, косвенным указанием на чрезвычайно интенсивное использование в пищу мяса млекопитающих.

Из 11 000 экземпляров, имеющихся в материале из Джебела, удалось определить лишь 750 штук (в число их не входят еще не определенные кости грызунов и рептилий).

Слой I

Джейран	—	3 кости

Слой I—II

Жвачное полорогое средних размеров	—	4 кости
Овца-коза	—	4 „
Джейран	—	4 „

Слой II

Овца-коза	—	3 кости

Слой III

Жвачное полорогое средних размеров	—	37 костей
Джейран	—	19 „
Овца-коза	—	9 „
Бык	—	2 „
Кулан	—	2 „

Слой IV

Жвачное полорогое средних размеров	— 98	костей
Овца-коза	— 20	„
Джейран	— 19	„
Лисица	— 3	„
Птица	— 1	„

Слой Va

Жвачное полорогое средних размеров	— 62	костей
Овца-коза	— 36	„
Джейран	— 20	„
Лисица	— 6	„

Слой V—VI

Жвачное полорогое средних размеров	— 25	костей
Овца-коза	— 4	„
Джейран	— 6	„

Слой VI

Жвачное полорогое средних размеров	—112	костей
Овца-коза	— 34	„
Джейран	— 51	„
Лисица	— 3	„
Дикая кошка	— 3	„

Слой VII

Жвачное полорогое средних размеров	— 18	костей
Овца-коза	— 20	„
Джейран	— 22	„

Слой VIII

Жвачное полорогое средних размеров	— 50	костей
Овца-коза	— 19	„
Джейран	— 25	„
Дикая кошка	— 2	„
Кулан	— 1	„

Как видно из приведенных выше данных, большая часть определенных костей относится к джейранам, овцам и козам. В условиях исключительно плохой сохранности материала часто совершенно невозможно дифференцировать остатки этих видов и они объединены под рубрикой «жвачное полорогое средних размеров».

По той же причине крайне трудно судить о том, диким или домашним формам принадлежат кости овец и коз. И до сих пор в районе Джебела еще водятся дикие бараны и безоаровые козлы. Судя лишь по мелким размерам некоторых экземпляров, попадающихся в слое 3 и 4, я могу высказать предположение, что они принадлежат домашней козе.

Остатки быков характеризуются крупными размерами и, видимо, принадлежат дикой форме.

У меня нет возможности точно определить вид дикой кошки. Остатки могут принадлежать манулу, камышевому коту, каракалу, степному или же барханному коту — видам и ныне встречающимся в Туркмении.

А. Н. АВГУСТИНИК, В. И. БАРАНОВА

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРЕПКОВ ДЖЕБЕЛА

Нам была предоставлена возможность, благодаря любезному содействию А. П. Окладникова, ознакомиться с керамическими материалами из пещеры Джебел.

От образцов, принадлежащих шести культурным слоям Джебел, были отобраны в ИИМК, путем осмотра, характерные представители каждого слоя и подвергнуты технологическому исследованию[1]).

В результате исследования мы пришли к выводу, что типичными черепками местного происхождения должны быть рассматриваемы скорее всего те, которые отощены карбонатом кальция (либо в виде известняка, либо — органического происхождения).

По слоям все изученные черепки распределяются следующим образом.

VI слой представлен двумя типами черепков.

Тип А. Черепок изготовлен из пластичной глины, содержащей отощитель — известняк в виде округлых и угловатых зерен в поперечнике от 3 мм до долей мм. Количество отощителя на глаз около 30—25% по объему. Поверхность черепка мелко бугристая, негладкая вследствие наличия указанных крупных зерен отощителя. Масса хорошо перемешана и перебита, без заметных воздушных включений и скважин. Черепок относительно тонок (4 мм). Обжиг выполнен, повидимому, на невысокую температуру и в короткий срок, так как зерна известняка не подвергались диссоциации, но вместе с тем обжиг вызвал розоватое окрашивание внутренней и наружной поверхности, которая закопчена при эксплоатации. Срединная зона черепка недоожжена, имеет вид темносерой прослойки, перемежающейся по толщине. Вероятно, обжиг был произведен на кострище. Предполагается, что связующая способность глины была усилена введением какой-то добавки, обеспечившей довольно значительную механическую прочность черепку (не ломается при значительном усилии пальцев). Возможно, такой добавкой явился белок-козеин из молока, полимеризующийся при обработке некоторыми веществами, например— мочевиной, в прочное, неразмокающее в воде тело. Полимеризации белка способствует также низкотемпературный обжиг. Указанное предположение нуждается в экспериментальной проверке.

Черепок — гладкий, без орнамента и раскраски.

Водопоглощение черепков этой группы, определенное по методу кипячения, составляет 7,80—10,25%, то есть черепок достаточно плотен и влагонепроницаем.

Тип Б. Черепок, толщиной около 4 мм, изготовлен из пластичной

глины с добавкой около 25% по объему отощителя известняка мелкошестоватого строения, вероятно органогенного происхождения[4]), в виде зерен от 3—2 мм в поперечнике и меньше. Остальные признаки те же, что и для черепка типа А. Орнамента и окраски нет. Водопоглощение 9—8,5%.

Просмотренные черепки позволяют сделать такие выводы — благодаря значительному количеству отощителя 25—30% по объему, взятого в виде мелкодробленного и мелкомолотого (окатанного), возможно на зернотерке, мягкого известняка неорганического и органогенного происхождения, усадка массы как в сушке, так и в обжиге была сильно уменьшена, обеспечив получение изделий без трещин.

Подготовка массы в обоих типах черепка произведена тщательно. Формование выполнено налепом, о чем говорят редкие линии течения массы при уминании. Расслаивание лент или скалок не наблюдено благодаря тщательности работы формования. Прочность черепка довольно значительная, пористость по водопоглощению 7,8—10,25%, сравнительно небольшая. Низкотемпературный обжиг (вероятно на кострище), не вызвавший диссоциации карбоната кальция, позволяет высказать предположение о вводе в состав массы связующего вещества, *возможно органического* белкового происхождения.

Слой V

Тип А. В этом слое находится преимущественно черепок типа А, представленный в нашем исследовании фрагментом конического дна сосуда (2368 и 4556) и рядом других подобных фрагментов. Водопоглощение от 7,45 до 10,72%.

Тип Б. Отсутствует.

Тип В. Черепки этого типа характеризуются значительным отощением глины известняком; по данным химического анализа содержание известняка около 27—28%. Черепок этот был изготовлен путем весьма тонкого измельчения (размеры частиц 0,1—0,3 мм) отощителя—известняка.

Водопоглощение 9,47—9,98%, то есть черепок не очень пористый. Проминка массы хорошая. Прочность черепка довольно значительная. Края изделия прямые, без отгибов.

Технология приготовления массы черепка типа В несколько усложнена сравнительно с технологией черепков VI слоя, а именно — весьма тонким измельчением известняка и лощением. Такое измельчение позволило получить изделие с вполне гладкой поверхностью, лишенной той бугристости, которая присуща черепку типа А. Пластичные свойства глины потребовали довольно значительного количества молотого известняка (27—28%). Кроме того, для уплотнения черепка произведено тщательное лощение. Обжиг сохранен низкотемпературный, диссоциации известняка не заметно. Никаких орнаментаций на обоих типах черепков не обнаружено.

Слой IV

Этот слой характеризуется разнообразными черепками, среди которых преобладает тип А, Б и появляются новые типы.

Тип А. Черепок без ангоба и с ангобом изнутри сосуда (732), со слегка отогнутым венчиком, 5171, 682 — фрагмент плоского дна. Отощение черепков — мягким известняком до 30—35% в виде угловатых и окатанных зерен. Водопоглощение достигает 10—11%. Для уплотнения тела черепка снаружи было применено лощение, наблюдаемое, однако, не во всех черепках этого типа.. Кроме того, иногда встречается покрытие ангобом изнутри сосуда. Последнее свидетельствует о значительном прогрессе в производстве. Равно в этом отношении показательно утонше-ние черепка, достигшее 3,5 мм и наличие плоского дна.

Обжиг обычно ровный, но низкотемпературный, вероятно, ниже 600°, так как диссоциация $CaCo_3$ не наступила.

Можно допустить сохранение прежнего приема ввода в массу органической составляющей, которая при невысоких температурах обжига полимеризовалась и способствовала значительному упрочнению черепка. Обработка массы — хорошая, поры в некоторых образцах мелкие, плоско-вытянутые. Характер этих пор позволяет предположить о формовании сосудов на поворотном круге.

Тип Б. Аналогичен таковому в предыдущем слое. На одном из черепков этого типа (603) имеется орнамент из перекрещенных и параллельных резных линий. Водопоглощение черепка 9,71%. После кипячения (2 часа) наблюдена окраска воды в плотный темнобурый цвет, повидимому, углистыми остатками пищи, что позволяет предполагать использование сосуда для приготовления пищи. Водопоглощение черепка 9,71%.

Один из черепков (680) отощен ракушками в очень тонком (менее 0,5 мм) и равномерном помоле; предположено, что древним гончаром были применены сита для отсева более крупных частиц. Черепки типа Б и типа А — прочны, диссоциации карбоната кальция не заметно, предположение о вводе органического связующего (давний прием, ведущий от слоя VI), полимеризующегося при невысоких температурах обжига, сохраняется.

Тип В отсутствует.

Тип Г появился. Этот тип представлен иногда толстым массивным (толщина—до 10 мм), иногда более тонким (3—4 мм) черепком с сильным недожегом. Недожег в виде срединной по толщине черепка полосы достигает $^1/_3$ этой толщины. Масса черепка характеризуется либо смешанным отощителем (мелкомолотый известняк, гипс, песок — 653, 529 и др.), либо ординарным отощителем, песок—655, 652 и др.). Все эти черепки изготовлены, повидимому, на одной и той же глине, темнокрасно-кирпичного цвета после обжига.

Для ослабления повышенной пористости (12—13%) применено в некоторых случаях лощение поверхности, в иных случаях ангоб изнутри.

Типологически эти черепки можно было бы разбить на 2 подгруппы по характеру примененного отощителя и по способу обработки поверхности. Объединяет эти черепки характер глины-связки.

В стороне от местного производства стоит черепок 664 венчика сосуда из красножгущейся глины, изготовленной на гончарном круге.

Рассмотрение черепков IV слоя приводит к мысли, что основными местными типами являются А, Б, Г; на них наблюдается прогресс про-.

изводства в виде ангоба изнутри черепка, просеивания отощителя, формования, возможно, на поворачивающейся подставке (судя по характеру пор), обжиг, видимо, — еще на кострищах.

Слой III

Тип А хорошо представлен.

Тип Б отсутствует.

Тип В представлен немногочисленными черепками.

Тип Г. Заметно некоторое улучшение сравнительно с черепками этого типа в IV слое. Толщина стала меньше (5—6 мм). Сохранение смешанного отощителя — известняка и песка в сумме около 30% по объему не ухудшило качество. Обжиг стал ровнее, недожега очень мало. Температура обжига поднялась, вероятно, до 950—980°. Водопоглощение 7—8%.

Тип Е. Черепок нового типа, изготовлен из хорошо переработанной, тонкой гончарной глины (вероятно, без отощителя). Возможно, некоторые из черепков (532 и 319) изготовлены на гончарном круге. Водопоглощение в некоторых черепках значительное (17,6%). Обжиг проводился управляемый—восстановительная среда заметна по темносерой окраске всего черепка. Прочность черепка — высокая. Происхождение, надо думать, не местное.

Слой II

Тип А представлен частью конического дна (376) и др. Этот тип черепка слабо развит в слое.

Тип Б также встречается в слое, иногда в виде расслоенных черепков (512).

Тип В представлен рядом черепков, среди них имеются недожженные и удовлетворительно обожженные черепки. Водопоглощение 8—9%. *На одном из черепков намечен елочный орнамент в крупных насечках.*

Тип Г отсутствует.

Тип Д. Отощение черепка песком 20—25%. Сформован, вероятно, на поворотном круге, довольно тонок 3—3,5 мм, обожжен ровно, хорошо, водопоглощение 7—8%, происхождение не местное.

Тип Е. Плотный черепок (965) черного цвета с поверхности, бурый — в изломе, отощение не заметно. На поверхности каннелюры — параллельные и пересекающиеся.

Водопоглощение 6,77%. Происхождение не местное.

Тип Ж. Толстый (8—9 мм) черепок (149). Сильно отощен песком и мелким гравием, масса хорошо перебита, сформован, вероятно, на круге, обожжен до красного цвета, но иногда неровно, в середине слоя — полоска недожега. Водопоглощение очень малое, около 4%.

По общему впечатлению основные черепки слоя II (типы, принадлежащие также предыдущим слоям) по технике изготовления несколько улучшились — произошло утонение зерна отощителя путем использования, вероятно, сит, обжиг стал ровнее, применялся восстановительный огонь, так как обжиг имел управление.

Слой I

Тип А представлен в слое незначительно, водопоглощение порядка 6—7%.

Один из черепков (928) имеет орнамент в виде небольших овальных ямок.

Тип Б отсутствует.

Тип В довольно толст (6—7 мм) и прочен, водопоглощение 12,6—13%.

Один из черепков (94) после кипячения сильно окрасил воду в темнобурый цвет от углистых органических остатков пищи. Обжиг—ровный.

Тип Г отсутствует.

Тип Е изготовлен из массы отощенной очень тонким железистым песком. Смешивание не очень равномерное, перебивка массы не очень ровная. Поверхности одного из черепков (105) углисто-черного цвета, излом черепка серый—результаты обжига в восстановительной среде. Обжиг, судя по прочности черепка, порядка 950°. Водопоглощение этого черепка 11,35%. Изготовление—не местное, что подтверждается химическим анализом. Содержание окиси железа—необычно высокое 18,5%. На поверхности — каннелюры в виде ряда не особенно параллельных и не особенно ровных желобков.

Тип Ж подобен таковому в слое II. Черепок (969, 8, 27, 21 и др.) толст (9—10 мм), прочен и плотен, имеет малое водопоглощение 6—7,3%.

Обжиг не всегда ровный по толщине. Сосуд был не местного изготовления, что подтверждается довольно определенным содержанием окиси железа 8,24—8,74% в составе черепка, не соответствующим таковому в типах А, Б, В, Г.

Тип З. Черепки сосудов, изготовленных на быстро вращающемся гончарном круге (991, 67 и др.).

Масса отощена мелким песком. Перебивка хорошая, черепок обожжен ровно на 950—980°, плотен, водопоглощение 7—8%. Происхождение — не местное.

Тип И. Черепок (5390 и др.) терракотового вида, светлый, пористый (водопоглощение 15,32%), обжиг ровный, вероятно, изготовлен из мергелистой глины, так как отощитель не обнаруживается, но содержание CaO достигает 16%. Сосуд был привозной.

Исследование сопровождалось химическими анализами черепков. Данные анализов приведены в табл. I. Щелочи не определялись, поэтому разница с величиной, приведенной в девятой графе, характеризует (приближенно) содержание щелочей. Почти все черепки солоноваты, так как содержат растворенные соли из почвы.

Довольно неплохой признак—содержание окиси железа (разумеется, с учетом влияния количества и природы отощителя и технологических показателей обработки массы), хотя он и не является весьма устойчивым, все же позволяет группировать черепки по этой глине-связке, которая была применена для их изготовления.

Так, идя от VI слоя, наблюдаем использование двух (возможно трех) видов глины в качество связи для черепка этого типа во всех слоях. Для лучшего сопоставления данных анализов полезно выравни-

вать (подсчетом) содержание отощителя, считая по CaO и приняв количество такового минимальным среди имеющихся величин для этого типа А.

Таблица 1

№	Слой, номер черепка и тип	O_2	$A_2O_3+\Gamma O_2$	F_2O_3	CaO	M O	Потеря при прокал.	Сумма	Гигроскопичн.
1	I слой 8 Ж	58,63	18,27	8,74	1,46	1,53	4,98	93,61	1,90
2	„ 27 Ж	57,79	18,18	8,28	1,64	1,58	6,10	93,57	2,00
3	„ 94 В	34,26	9,97	4,50	20,94	1,58	22,0	93,25	1,64
4	„ 105 Е	46,92	9,25	18,50	6,80	4,05	4,85	90,40	1,20
5	„ 928 А	34,41	13,03	4,81	18,30	1,63	20,03	92,91	1,80
6	„ 5390 И	48,74	14,44	5,93	15,91	3,01	5,48	93,51	0,46
7	II слой 149 Д	56,58	16,90	8,57	2,65	1,49	7,58	93,77	1,88
8	„ 189 Ж	58,27	18,79	7,85	1,26	1,33	7,53	95,03	2,28
9	„ 507 Б	38,77	12,84	4,94	15,45	2,23	17,53	91,71	1,48
10	„ 529 В	35,72	12,35	3,44	19,97	1,81	20,62	93,91	1,48
11	„ 2356 В	35,51	12,10	3,89	19,30	2,13	21,04	93,97	1,46
12	III слой 323 Г	50,86	18,24	4,17	12,27	2,29	9,44	97,27	0,84
13	„ 369 А	45,47	17,96	6,63	11,09	2,89	13,21	97,25	2,10
14	„ 400 А	51,12	13,89	7,51	6,11	2,86	8,63	90,12	1,80
15	„ 532 Е	61,07	16,47	6,08	5,08	2,85	1,00	93,55	0,12
16	IV слой 519 Г	50,46	14,70	6,17	5,46	2,05	11,69	90,53	1,80
17	„ 603 Б	25,13	9,06	4,90	28,20	1,40	24,03	92,72	1,16
18	„ 653 Г	50,20	17,09	6,17	3,22	2,75	10,84	90,27	1,92
19	„ 732 А	44,32	18,14	4,58	10,11	2,89	13,78	93,82	1,96
20	V слой 1113 В	35,06	12,40	6,07	17,57	2,07	18,52	91,29	1,68
21	„ 1115 В	35,18	13,26	5,69	17,12	2,11	17,41	91,37	1,44
22	„ 2852 А	52,19	15,26	6,05	5,28	3,03	11,90	93,71	2,20
23	VI слой 1580 А	44,58	15,49	6,78	11,10	2,83	14,33	95,11	2,04

Черепок типа В характеризуется, повидимому, двумя видами глины-связки и эти два вида глины соответствуют тем, которые были применены для черепка типа А и Б.

Также черепок типа Г характеризуется по химическому составу (учитывая в нем смешанный состав отощителя) той же глиной. Поэтому можно допустить, что черепки типов А, Б, В, Г как по химическому составу глины-связки, так и по технологии изготовления и по отощителю являются местными.

Черепки других типов Е, Д, Ж и другие имеют иной состав глины-связки, технология их изготовления отличается от местной, они—не местного происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Исследование производилось в лаборатории кафедры керамики Ленинградского Технологического института имени Ленсовета.

[2]) По мнению минерологов, с которыми мы консультировались, карбонаты кальция неорганического происхождения подобной структурой не обладают.

В. Г. ИВАНОВА, А. З. ГРИГОРЬЕВА

ОПИСАНИЕ СЛЕДОВ СРАБОТАННОСТИ, ОБНАРУЖЕННЫХ ПОД МИКРОСКОПОМ НА КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЯХ ИЗ ПЕЩЕРЫ ДЖЕБЕЛ

Разработанная советскими исследователями (главным образом С. А. Семеновым) методика изучения функций каменных орудий по следам, оставшимся на них в результате их употребления, до сих пор не применялась для исследования материалов, характеризующих процессы производства у населения, обитавшего в древности на территории Средней Азии. Первым опытом такого анализа является настоящая работа, посвященная изучению каменных орудий одного из интереснейших памятников каменного века Средней Азии, пещеры Джебел, исследованной А. П. Окладниковым.

С помощью бинокулярного микроскопа нами были исследованы как следы употребления, сохранившиеся на поверхности орудий так и негативные следы обработки на поверхности предметов, подвергавшихся действию этих орудий. Следы использования обнаружены на кремневых пластинах, скребках, остриях, а также на одном изделии геометрической формы в виде трапеции.

Следует заметить, что следы употребления на таких микролитических предметах, назначение которых до сих пор остается загадочным, отмечаются впервые; раньше такого рода наблюдения не производились. Этот факт дает новые указания на назначение миниатюрных орудий геометрических очертаний.

Следы употребления на кремневых изделиях из пещеры Джебел различны. На рабочей части орудия от употребления образовывались царапины, выщербины, трещины, а также стертость и заглаженность. Следы в виде заполировки, образовавшиеся в результате длительного употребления, орудия видны даже простым глазом. На многих орудиях при очень сильном увеличении удается различить серию штрихов. Направление их относительно рабочего края орудия позволяет выяснить характер работы, производимой орудием.

Начнем с ножевидных пластин.

Среди большого количества ножевидных пластин выделяется группа орудий, использовавшихся, вероятно, в качестве строгального ножа, причем часть из них использовалась для работы в направлении «на себя», а часть — в противоположном направлении.

Пластина № 5488 — трехгранная, на спинке и на брюшке ее сохранились остатки валунной корки желтоватого цвета. Цвет кремня — серовато-коричневый. Левый край пластины покрыт мелкой ретушью, не меняющей, однако, форму лезвия. Следы употребления видны в правой части брюшка пластины и представляют собой ряды отдельных бороздок

или царапин, расположенных под углом к лезвию пластины. Если учесть очевидную праворукость работавшего, то можно предположить, что этим орудием пользовались как строгальным ножом в направлении «от себя».

Ту же картину мы видим и на орудии № 2432. Это пластина желтовато-серого цвета, обломанная с одного конца. Другой конец пластины обработан ретушью, оформляющей прямое лезвие. Правый край ее обработан со стороны спинки мелкой притупливающей ретушью. На рабочей части орудия хорошо видны следы использования в виде бороздок, почти перпендикулярных краям пластины. Отдельные бороздки подходят почти к середине плоскости брюшка пластины. Работали ею, вероятно, также в направлении «от себя».

Пластина № 2363 коричневого цвета. Верхний правый ее край, т. е. рабочая часть, отретуширован. Следы изношенности также и в этом случае представляют собой ряды параллельных друг другу полос, расположенных почти перпендикулярно краю пластины. Отдельные бороздки очень длинны. Ею также работали в направлении «от себя».

№ 2900 — обломанная с одного конца пластина светлокоричневого цвета. Рабочая часть обработана с брюшка мелкой ретушью. Следы употребления занимают значительную площадь поверхности пластины с брюшка и ею работали в направлении «от себя».

Пластина № 1946 — слегка изогнутая, серовато-коричневого цвета. Рабочая часть покрыта мелкой ретушью. Следы изнашивания здесь представлены рядом коротких ровных бороздок или царапин, расположенных почти перпендикулярно лезвию пластины. Работали ею также как строгальным ножом, но только в направлении «на себя».

№ 5471 — пластина светлосерого цвета, рабочий край которой покрыт крутой притупливающей ретушью. Такой же ретушью покрыта и нижняя часть пластины, противоположная рабочему краю. Орудие это также использовалось, повидимому, в качестве строгального ножа, о чем свидетельствуют бороздки, расположенные под углом к рабочему краю пластины. Работали им, так же как и предыдущим, в направлении «на себя».

Итак, мы видим, что строгальные ножи обычно использовались для работы в двух направлениях. Работали ими по твердому материалу, о чем говорят сильно выраженные следы линейной изнашиваемости. Возможно, таким ножом была обработана поверхность костяного острия, найденного в той же пещере, на поверхности которого хорошо видны продольные борозды. Орудие держали наклонно по отношению к обрабатываемой поверхности и прямо в руке, т. к. форма орудия вполне удобна для этого, и самая поверхность орудий слегка заполирована от держания в руке. Большая глубина борозд и царапина, полученная при употреблении орудий, свидетельствуют о длительности их применения. Рабочий край, возможно, неоднократно подправлялся ретушью.

У другой группы пластин отчетливо видны линейные следы употребления параллельные граням пластины. В этом случае пластина использовалась в качестве пилки.

№ 1918 — пластина коричневого цвета. Оба края ее обработаны мелкой ретушью. В нижней части пластины имеется выемка удлиненной формы, обработанная крутой притупливающей ретушью, очевидно, для удобства держания ее в руке. Рабочий край пластины также обработан

ретушью и имеет несколько вогнутую форму. Следы употребления видны в левой части орудия как со стороны спинки, так на брюшке и представляют собой ряды бороздок, параллельных краю пластины.

№ 1933—пластина коричневого цвета, обработанная по краям высокой ровной ретушью, ниже рабочего края пластина отретуширована и со стороны брюшка, также, очевидно, для удобства держания ее в руке. Следы изнашиваемости заходят далеко на обе поверхности пластины и аналогичны следам, обнаруженным на предыдущей пластине. Орудие служило пилкой.

№ 1382 — обломанная на конце пластина серовато-коричневатого цвета. Оба края ее покрыты мелкой нерегулярной ретушью. Линейные следы употребления точно такие же, как и на вышеописанных пилках.

Таких пилок на поселении имеется еще несколько. Все они использовались для распиливания какого-то твердого материала. Следы пиления обнаружены на раковинах, на костяном орудии и на гальке.

Пластина № 1916, обломанная с обоих концов. Оба края ее покрыты ретушью со стороны спинки. На одном из ее концов имеется резцовый скол. Угол, образованный обломанным концом пластины и резцовым сколом, напоминает острие. На нем обнаружена миниатюрная плоскость, имеющая следы употребления в виде близко поставленных друг к другу полосок, параллельных оси пластины. Этим острием, возможно, прочерчивались линии на какой-то твердой поверхности. Противоположным краем пластины пользовались как жиклой, о чем свидетельствуют характерные следы употребления.

№ 5487—также двойное орудие. Один конец его представляет собой скребок, а на втором конце имеется резцовый скол. И в этом случае острие, образованное обломанным концом пластины и резцовым сколом, использовалось для нанесения линейных штрихов на твердой поверхности. Но в отличие от предыдущего острия следы изношенности в виде ряда штрихов здесь перпендикулярны длинной оси орудия.

Оба описанных острия в процессе работы располагались так, что ось их находилась под углом к обрабатываемой поверхности.

№ 4245 — острие, сделанное из пластины. Верхняя часть пластины превращена высокой ретушью в острие типа проколки. Однако следов использования этого орудия в качестве проколки нет. Рабочая часть находится на самом конце острия со стороны брюшка. Это небольшая поверхность, покрытая рядами бороздок, параллельных оси орудия. Следовательно, орудие использовалось так же, как и два предыдущих, но во время работы ось орудия была расположена под углом к обрабатываемой поверхности.

№ 2963—острие на конце слегка изогнутой пластинки. Острие сформовано с помощью высокой ретуши. Самый кончик орудия обломан. И это орудие могло быть отнесено к проколкам, но и в этом случае следы употребления имеются лишь на самом конце орудия со стороны брюшка, занимая часть поверхности излома. Во время работы длинная ось орудия располагалась под углом к обрабатываемой поверхности.

№ 1134—орудие изготовлено из пластины темнокоричневого цвета. Один край ее обработан крутой притупливающей ретушью. Верхний конец орудия заострен и обработан длинной отжимной ретушью с обеих сторон. Рабочая поверхность находится не на острие, но на некотором

расстоянии от конца его. Она очень велика, короткие штрихи расположены почти под прямым углом по отношению к продольной оси орудия. Вероятно, и это орудие использовалось подобно описанным выше.

Аналогичные следы сработанности мы видим на бесформенном кусочке кремня. Вся поверхность его заполирована, вероятно, от длительного употребления без рукоятки. Следы работы выражены очень ярко.

Вся эта группа орудий служила одной цели. Ими работали в одном направлении, по твердой поверхности. Вглубь обрабатываемого предмета эти орудия не проникали, они лишь скользили поверху.

К числу острий может быть отнесено и орудие № 1955. Оно изготовлено на конце пластины и в разрезе имеет почти округлую форму. Рабочий конец его несколько изогнут. Поверхность изнашиваемости матовая, без блеска. Линейные следы перпендикулярны продольной оси орудия и расположены на участках максимального сопротивления, т. е. на ребрах острия. Линии с нескольких сторон охватывают рабочую часть орудия, показывая круговращательный характер движения. Орудие, вероятно, выполняло функцию развертки, т. к. следы сработанности на самом конце острия отсутствуют.

На поселении найдены орудия геометрических форм—микролиты. Однако бинокулярный микроскоп позволил увидеть следы употребления лишь на одном из них. Это, возможно, объясняется кратковременностью использования остальных микролитов или применением их для обработки мягких материалов, не оставляющих на кремне линейных следов.

Описываемое орудие имеет форму неравнобедренной трапеции. Стороны трапеции обработаны притупливающей ретушью. Следы использования особенно отчетливо выражены на брюшке пластины, но видны и на спинке. Они представляют собой пучок царапин, расположенный на самом остром углу трапеции. Царапины идут по направлению к центру плоскости орудия. Использовалось оно, вероятно, в рукоятке. Орудие могло служить проколкой для получения отверстий, на каких-либо твердых предметах.

На поселении найдено также много пластин, края которых заполировались от длительного употребления. В тех случаях, когда ими пользовались в течение очень длительного отрезка времени, на рабочей части появлялись ряды коротких штрихов, близко поставленных друг к другу. Одно из таких орудий—№ 5471. Это—пластина, обработанная со всех сторон ретушью. Рабочая часть пластины несколько вогнута и покрыта крутой ретушью. Расположена рабочая часть на самом краю. Она имеет серию мелких царапин, параллельных концу пластины и перпендикулярных ее оси. Использовалось это орудие для заглаживания какой-то выпуклой поверхности. Во время работы длинная ось орудия была параллельна поверхности обрабатываемого предмета. Точно также употреблялось и орудие № 4725, вероятно, обломанное. В отличие от предыдущего, рабочая часть этого орудия не обработана ретушью.

Орудие № 1047 по форме представляет собой скребок на конце удлиненной пластины. Но следы изнашиваемости видны не на лезвии скребка, а на верхней части левого края пластины. Этим орудием пользовались также для заглаживания какой-то, слегка выпуклой поверхности.

Наиболее многочисленную группу орудий составляют скребки. Сработанность на концевых скребках с полукруглым лезвием имеет одно-

родный устойчивый характер. Изучение лезвия такого скребка при большом увеличении обнаруживает его затупленность и заполировку. При этом заполировка, образовавшаяся от длительной работы скребком, сосредоточивается лишь по самому лезвию скребка, никогда не заходя на брюшко, и лишь у скребков высокой формы иногда прослеживается далеко на спинке.

Под микроскопом отчетливо видны параллельные царапины, направленные перпендикулярно лезвию скребка. Характерная затупленность и заполировка лезвия скребка свидетельствуют о том, что орудие не проникало глубоко в обрабатываемый материал, а скользило по его поверхности. Давно установлено, что скребки использовались для обработки шкур животных, а поперечные параллельные царапины, образовались, вероятно, от песчинок, которые могли оказаться на обрабатываемых шкурах. Направление этих царапин указывает на то, что скребок имел в работе фронтальное положение, т. е. устанавливался на обрабатываемую плоскость вертикально, а движение производилось «на себя».

№ 2564 — рубящее орудие. Одна сторона его покрыта валунной коркой. Линейные следы изнашиваемости расположены по обе стороны от лезвия и под углом к нему.

№ 4046—ретушер из толстой ножевидной пластины, имеющей в разрезе подпрямоугольную форму. Рабочий конец орудия сильно заполирован, что хорошо видно простым глазом и имеет в разрезе форму, близкую к округлой. Обе стороны орудия покрыты крутой ретушью. Следы работы прекрасно выражены. Они располагались ступенчатыми рядами по всей округлости конца орудия и опускаются на боковые участки и плоскости орудия, где образуют прерывистые, но расположенные параллельно друг другу ряды. На плоскостях орудия заметны длинные царапины, идущие параллельно оси орудия, и являющиеся результатом срывов пластины во время ретуширования.

На поселении найдены, затем, плитки-зернотерки и куранты. Под микроскопом отчетливо видны удлиненные борозды, покрывающие всю рабочую поверхность куранта. Они идут в одном направлении, отражая направление движения куранта во время работы по прямой линии— взад и вперед.

Таким образом, мы видим, что изучение следов изнашиваемости, сохранившихся на поверхности орудий, позволяет полнее представить себе картину технических операций, которые имели место у обитателей пещеры Джебел.

Возможно, что некоторые из описанных орудий могли применяться для выделывания украшений, так в пещере найдены створки раковин со следами заполировки по краю и с отверстиями. Что касается последних, то на поверхности раковины сначала острием намечалась точка, которая затем, с помощью лучкового сверла, превращалась в отверстие. Отверстие расширялось разверткой. Затем края раковины обтачивались, и из раковины получалась бусина. Делая надпилы на обломках раковин, обитатели стоянки превращали их в подвески. Обитатели стоянки делали бусы не только из раковин, но и из кусков различных пород, например, найдены куски сланца со следами просверливания, распила и обтачивания.

В. М. МАССОН

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИИ

(Энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа)

§ 1. Ранние земледельческо-скотоводческие племена

Племена, населявшие Туркменистан в эпоху каменного века, в настоящее время известны по памятникам Хорезма и Прикаспия. Это были охотники и собиратели с присваивающим, а не с производящим хозяйством. Однако уже в эту пору намечаются новые черты в хозяйстве: начинается приручение животных, а систематическое использование дикорастущих злаков подготавливает переход к их искусственному возделыванию.

Новая большая эпоха в истории Туркмении начинается с коренных изменений в хозяйственной жизни древних ее обитателей: прежние охоту и собирательство сменяют земледелие и скотоводство. Эта смена в свою очередь привела к значительным переменам в общественном строе племен, населявших территорию Туркмении. Новые производительные силы повлекли за собой новые производственные отношения. Однако все эти перемены произошли не одновременно на всей территории страны. На много раньше, чем в других местах переход к земледелию произошел на юге Туркмении в пределах сравнительно узкой полосы вдоль северных отрогов Копет-Дага.

Важными памятниками для изучения возникновения земледелия на юге Туркмении являются стоянка Джейтун севернее Безмеина и холм Чопан-депе к западу от селения Изгант. Джейтунская стоянка расположена на вершине песчаного бугра на окраине древней дельты ручья Кара-су. При раскопках обнаружены уплотненные глиняные слои, возможно, остатки полов. Прочных постоянных жилищ в это время еще не строили. Найдены кремневые пластины, имеющие архаический облик. Эта стоянка целиком принадлежит к эпохе неолита. Важным моментом является появление расписной керамики лепленой от руки. В глину, из которой изготовлялись сосуды, подмешивались мелко нарубленные стебли растений. Рисунок имеет вид вертикальных волнистых линий, нанесенных красновато-коричневой краской на кремовый фон. Найдены подвески из каспийских раковин. Можно считать, что жители Джейтунской стоянки уже были земледельцами. Некоторые из кремневых пластинок являются вкладышами для составного серпа[1]). Найдены отпечатки зерен ячменя и, видимо, пшеницы.

Значительной величины достигают культурные слои на Чопан-депе, очень близком по характеру керамики к Джейтунской стоянке, хотя от-

носящемся к несколько более позднему времени[2]). Культурные слои холма Чопан-депе достигают толщины в 6 м, что указывает на длительность жизни этого поселения. Это было связано с более прочной оседлостью. Посуда на Джейтунской стоянке изготовлялась с растительной примесью к глине и имела краснокоричневую роспись на красном и кремовом фоне. По формам это—цилиндрические сосуды с прямыми или чуть расширяющимися стенками и широкие открытые чаши. Сосуды расписаны извилистыми вертикальными линиями, иногда точечным орнаментом. Встречаются в росписи также расположенные друг над другом дуги и в одном случае нарисован контурный треугольник. На Чопан-депе также найдены кремневые ножевидные пластины, костяное шило, каменные зернотерка и ступка. Неолитические охотники и собиратели стали заниматься земледелием.

Земледелие развилось непосредственно из собирательства и началось с ухода за естественно произрастающими съедобными растениями. Поскольку собирательство было в первую очередь делом женщины, то и раннее земледелие стало отраслью женского труда. На женщине лежал основной труд по обработке поля примитивными мотыгами, по взращиванию и сбору растений. Общество жило в условиях материнского рода.

Раниему переходу местных племен к земледелию от охоты и собирательства способствовали в первую очередь благоприятные природные условия подгорной полосы Копет-Дага. С гор стекали небольшие реки и ручьи, теряющиеся в своих заболоченных дельтах, располагавшихся на краю современных песков. В весенние паводки вода затопляла значительные пространства, которые, медленно высыхая, представляли наиболее благоприятные условия для выращивания посевов. В Юго-Западной Туркмении до настоящего времени существует земледелие, основанное на таком способе орошения, называемом лиманным орошением. Поля разбиваются на участки, огороженные валиками. В эти участки направляются паводковые воды и полностью их затопляют. По еще непросохшей глине разбрасываются семена. Несомненно, что этот очень простой, хотя и малопродуктивный, способ применялся древними земледельцами Южной Туркмении[3]). Первоначально полями служили просто естественно затопленные участки в дельтах подгорных ручьев. На это указывает расположение наиболее ранних памятников в низовьях таких ручьев. Позднее за счет развития земледелия по среднему течению эти поселения забрасываются.

На территории Южной Туркмении расположены многочисленные памятники, изучение которых раскрывает долгий ход упорной борьбы с природой человека, совершенствующего свои орудия и знания и осваивающего под посевы все новые пространства. Памятники эти сохранились в виде земляных холмов различной величины, называемых по туркменски «депе». Образовались эти холмы из остатков разрушенных построек из сырцового кирпича. На развалинах пришедших в ветхость домов строились новые дома и таким образом холмы достигали значительной высоты. Основное значение для периодизации истории земледельческих племен Южной Туркмении имеют раскопки таких многослойных памятников как два холма у селения Анау (северный и южный) и Намазга-депе

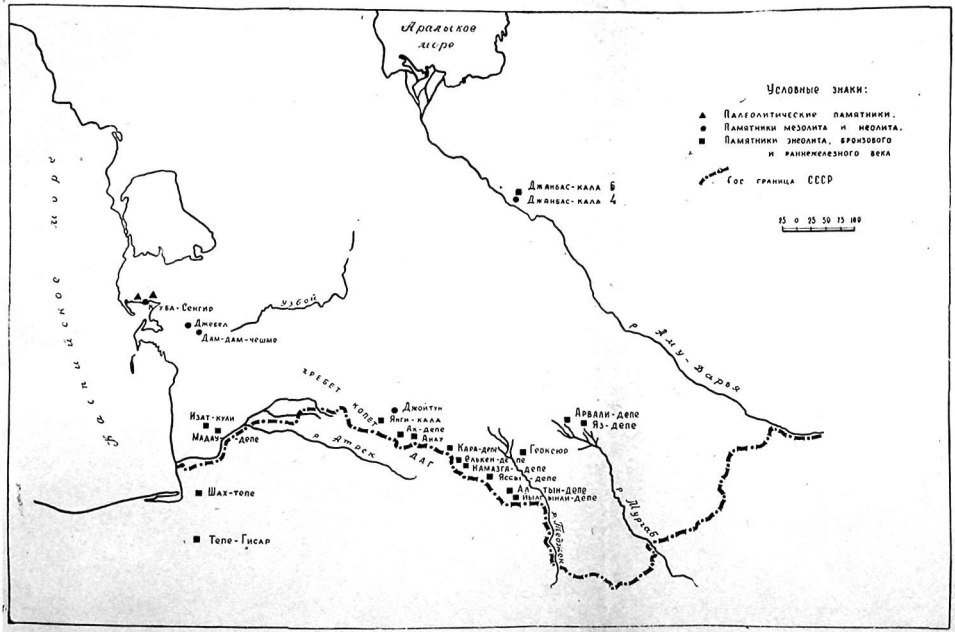


Рис. 1. Схема расположения обследованных ЮТАКЭ памятников первобытно-общинного строя на территории Южного Туркменистана.

к западу от Каахка. При раскопках холмов Анау было выделено четыре периода, названных соответственно Анау I, Анау II, Анау III и Анау IV[4]). Однако раскопки Анау, проведенные американской экспедицией, получили неверное историческое истолкование, слоям были даны фантастические даты. Успешные работы советских археологов, открывших в Южной Туркмении десятки новых памятников эпохи энеолита и бронзового века, позволили внести в старую периодизацию существенные изменения[5]). Раскопки на Намазга-депе дают основу для более подробной периодизации «анауских» культур[6]). Соответствующие комплексы получили названия Намазга I, II, III, IV, V и VI. Отдельные периоды выделяются по археологическим комплексам, включающим характерные предметы материальной культуры (орудия, оружие, посуда), отличающиеся от таких предметов других комплексов. Анау и Намазга-депе являются характерными памятниками Южной Туркмении эпохи энеолита и бронзы. Намечённая здесь смена археологических комплексов с различными местными вариантами повторяется на других исследованных поселениях. Поэтому периодизацию, полученную при изучении Анау и Намазга-депе, можно распространять на всю территорию Южной Туркмении.

Одним из ярких признаков для выделения комплексов является расписная керамика. Сделанная из глины посуда раскрашивалась различными цветными узорами. Этот признак характерен для целого ряда ранне-земледельческих культур Ближнего Востока, Восточной Европы, Китая и Индии, называемых поэтому культурами расписной керамики, в число которых входят и памятники Южной Туркмении. Расписная керамика Южной Туркмении имеет много общих черт с керамикой соседних стран, особенно Ирана и Ближнего Востока. Иногда совпадение целого ряда элементов росписи настолько велико, что можно предполагать, помимо культурных связей, приход новых племен (например для времени Намазга III). Однако эти очень сложные вопросы еще слабо разработаны в науке.

Кроме холмов Анау и Намазга-депе, дополнительный материал для характеристики отдельных периодов дают раскопки Яссы-депе у Каахка, Ак-депе под Ашхабадом, Кара-депе у Артыка, Теккем-депе к западу от Каахка, Мадау-депе к северу от Кизыл-Атрека и Яз-депе к северу от Байрам-Али. Археологические материалы дают представление об уровне развития производительных сил и характере культуры, позволяют подходить к изучению общественного строя древнего населения Туркмении.

Культура, представленная нижними слоями северного холма Анау, называется Анау I. Материал из этих слоев можно разделить на две группы: более раннюю, т. н. Анау I А и более позднюю, т. н. Анау I Б. Материал поздней группы найден и в нижних слоях Намазга-депе, получивших название Намазга I. Работы советских археологов позволяют значительно уточнить существующие взгляды о характере культуры Анау I — Намазга I. В настоящее время установлено, что эта культура, во всяком случае на поздних своих этапах, связана с появлением металлических орудий. Применение металлических орудий положило начало новой эпохе в истории первобытно-общинного строя. Первые металлические изделия были повсюду медными и камень продолжал еще занимать ведущую роль в технике.

Этот период называется энеолитическим, или «меднокаменным». Время более широкого распространения металлических изделий, обычно связанное с изобретением бронзы, т. е. сплава меди и олова, называется бронзовым веком.

Нижние слои Анау I характеризуются грубой керамикой с росписью темнокоричневой краской на красновато-коричневом фоне. Наличие вертикальных зигзагообразных линий намечает связь с керамикой Джейтунской стоянки и Чопан-депе. Новым элементом являются треугольники и полосы, заполненные сетчатым рисунком. В этих слоях найдены остатки домов, построенных из продолговатого сырцового кирпича.

Значительно лучше изучены слои Анау I Б, иначе называемые Намазга I. Роспись в это время производится темнокоричневой краской по светлому и красному фону различных оттенков. Распространены контурные треугольники, пересекающиеся ленты, кружки, соединенные линией. На Намазга-депе найдены фрагменты сосудов со схематическим изображением козлов с большими рогами. В слоях Анау I — Намазга I встречаются также кремневые орудия, каменные зернотерки, бусы из бирюзы и других камней, обломки медных изделий, украшения из свинца. На распространение ткачества указывают находки глиняных пряслиц. Найдены зерна пшеницы и ячменя, кости ряда домашних животных (коровы, козы, свиньи)[7].

Ко времени Анау I — Намазга I относится многокомнатное здание из сырцового кирпича, раскопанное на Яссы-депе в 9,5 км к северу от Каахка[8]. Всего здесь вскрыто 18 комнат, хотя здание раскопано еще не полностью. Комнаты четырехугольные, часто неправильной формы. В некоторых из них находятся очаги. В одном из помещений вдоль стен шли деревянные столбы, а сами стены были покрыты многокрасочной росписью в несколько слоев. В росписи верхнего слоя изображены ряды косых треугольников. Наряду с росписью стена была инкрустирована белым гипсом. Можно предполагать, что это помещение имело какое-то особое, возможно, культовое назначение. Разведочные раскопки установили, что помещения со стенной росписью имеются и на других памятниках этого времени (Серманча-депе, северный бугор Анау). Раскопанные на Яссы-депе комнаты являются частью большого многосемейного дома.

Существенное значение имеет обнаружение в слоях Анау I — Намазга I детских погребений под полом зданий. Скелеты находились в скорченном положении, около них лежали бусы и другие украшения. Погребение детей под полом, вероятно, имело культовый характер[9]. В антропологическом отношении погребенные принадлежат к длинноголовому (долихоцефальному) европеоидному типу. Этот антропологический тип является наиболее распространенным в Туркмении и по настоящее время.

Ко времени Анау I—Намазга I относятся Серманча-депе у Арман-Сагата, Овадан-депе севернее Ашхабада, Тоголок-депе в низовьях ручья Алты-яб. Керамика этого времени найдена в нижнем слое холма Илгынли у Меана и депе в селении Беурма.

Дальнейшее развитие земледелия и металлургии происходило в пору Намазга II (Анау II). Слои этого времени сравнительно невелики (5 м в северном холме Анау и до 3 м на Намазга-депе). Возможно, что удастся выделить переходный этап от Намазга I к Намазга II, характеризуемый распространением серой и лощеной красной керамики, но этот

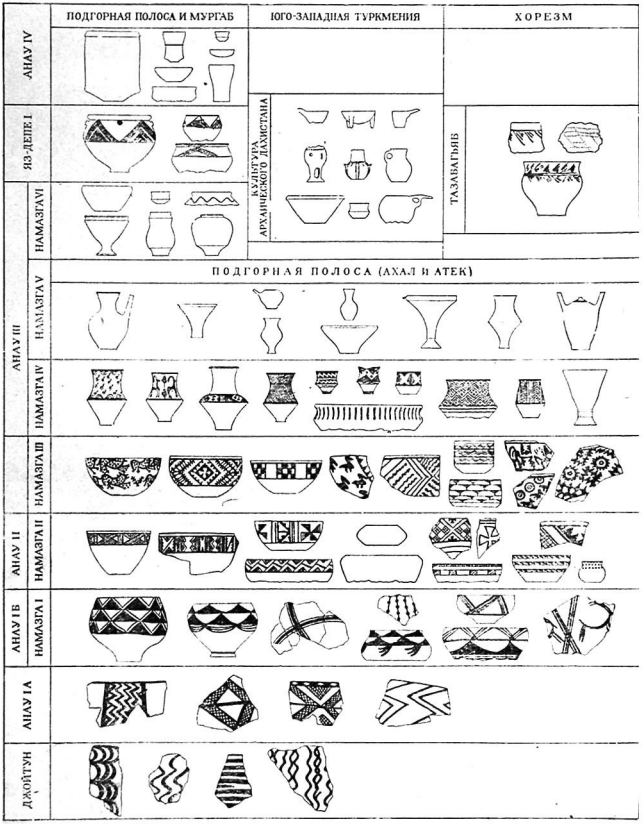


Рис. 2. Керамика Туркмении энеолита, бронзы и раннего железа.

вопрос еще не совсем ясен. Характерной особенностью керамики Намазга II является полихромная (многокрасочная) роспись посуды: красной и темнобурой краской на светлой и розовой лощеной поверхности. Орнамент носит геометрический характер (треугольники, заполненные сеткой или косой штриховкой, ромбы, уступчатые линии, крестовидные фигуры, пиловидные линии и др.). Обычно расписана верхняя часть чаш, где различные сочетания отмеченных элементов образуют целые фризы. Наряду с полихромной посудой распространена и нерасписная керамика красного и серого цвета. Вся посуда Намазга II леплена от руки, но отдельные сосуды имеют очень тонкие стенки и отличаются высоким качеством изготовления. Медных изделий известно несколько больше, чем для предшествующего времени. Это листовидный наконечник дротика или ножа, булавка с бипирамидальной головкой, пробойники, часть шейного ожерелья. К числу каменных изделий относятся кремневые пластины, ядра для пращи, каменные навершия булав, бусы из сердолика и ляпис-лазури. Довольно много женских статуэток из глины и камня. В основном они изображают сидящую обнаженную женщину с вытянутыми вперед ногами, узкой талией и полной грудью. Особенно интересны глиняные статуэтки с узором на бедрах, нанесенным темнокоричневой краской, что возможно передает реально существовавшую в то время татуировку. Женские статуэтки Намазга II отличаются известным реализмом и художественностью изображения. Их распространение вероятно связано с культом плодородия, символом которого было женское божество.

Рис. 3. Женские статуэтки НМЗ II с развалин поселения у Геоксюра.

При раскопках слоев времени Намазга II, вскрытых пока на незначительных площадях, было установлено, что попрежнему население жило в домах из сырцового кирпича. Как и раньше под полами встречаются захоронения детей. В домах были печи полушаровидной формы вроде современных туркменских тандыров. Найдены также многочисленные кости домашних животных.

Памятники Намазга II широко распространяются по территории Южной Туркмении. Таковы холмы Геоксюр около одноименной железнодорожной станции к востоку от Теджена, Илгынли-депе у Чаача, холм

севернее Серахса, холм в Кизыл-Арвате. Ко времени Намазга II относятся нижние слои таких крупных поселений как Яссы-депе у Душака и Алтын-депе у Меана. Если сюда добавить южный холм Анау, само Намазга-депе и некоторые другие, менее изученные памятники, то вырисовывается достаточно яркая картина. Для земледелия осваивается большинство речек и ручьев. Возможно такое освоение имело место в значительной мере еще в предыдущий период, но судить об этом пока трудно. Земледелие по среднему течению ручьев уже требовало создания подпорных плотин. Однако не следует представлять Южную Туркмению этого времени в виде сплошной возделанной полосы. Земледельческая культура сосредоточивалась в удаленных друг от друга разобщенных оазисах. Комплексы Анау I — Намазга I и Намазга II — Анау II можно в основном датировать IV тысячелетием до н. э. Таким образом на территории Южной Туркмении в IV тысячелетии до н. э. произошли решающие перемены в хозяйстве. Земледелие, скотоводство, все более развивающиеся металлургия и гончарное производство сменили здесь прежние охоту и собирательство, еще существующие на западе и на севере страны. Оседлые оазисы прикопетдагской полосы опережают в своем развитии другие районы Средней Азии. В значительной мере этому способствовали природные условия, благоприятные для возникновения орошаемого земледелия. Наряду с этим на протяжении энеолита и бронзового века Южная Туркмения по сравнению с другими среднеазиатскими областями имела более тесные связи с древнейшими цивилизациями Востока. По существу культуры Анау — Намазга входят в число высокоразвитых культур Ближнего и Среднего Востока IV—III тыс. до н. э., образуя северную границу древневосточной земледельческой ойкумены.

До перехода к земледелию бродячие племена охотников и собирателей жили в условиях материнского рода. Матриархальные отношения продолжали господствовать и с возникновением земледелия. Однако дальнейшее развитие производительных сил вело к коренным переменам в общественном строе. На основе этого развития начали складываться новые отношения, стал намечаться переход от матриархата к патриархату.

§ 2. Первое общественное разделение труда и образование патриархальной общины

К третьему тысячелетию до н. э. относится широкое распространение изделий из металла среди оседлых племен Южной Туркмении. В это время еще более резкими становятся различия в развитии отдельных районов. На севере, в Хорезме, продолжает существовать неолитическая культура кельтеминарских племен, заселяющих долину Узбоя. Неолитические охотники-рыболовы жили еще и в Прикаспии, как показывает материал из верхних (III—II) слоев пещеры Джебел. Только на юге страны на сравнительно ограниченном участке вдоль северных отрогов Копет-Дага существует земледельческая культура, достигшая для своего времени значительного развития.

Как показали раскопки на Намазга-депе над слоями с полихромной керамикой лежат слои, где опять преобладает однотонная (монохромная) роспись посуды. Эти слои не были выделены на материале Анау и

составляют особый комплекс, названный Намазга III[10]). Материал Намазга III найден также на ряде других памятников, из которых следует отметить Кара-депе у Артыка. Посуда раскрашивается темнокоричневой краской по светлому или, реже, красному фону.

Мотивы геометрического орнамента напоминают роспись полихромной керамики, указывая на тесные связи с предшествующим периодом. Вместе с тем в росписи сосудов появляются новые элементы: уступчатая пирамида, круг (иногда с расходящимися лучами), вероятно, связанный с культом солнца, и изображения животных. Среди последних можно отметить условные изображения идущих птиц, козлов с большими загнутыми рогами, чаще всего нарисованных очень схематично и пятнистых животных с хвостом и четырьмя ногами. Последние обычно нарисованы настолько условно, что невозможно определить породу животного. Однако, рассматривая отдельные, более тщательно сделанные рисунки и одновременный материал иранских памятников, можно говорить, что первоначально изображалось животное кошачьей породы, вероятно, барс. Затем это изображение сильно схематизировалось и стало мало узнаваемым. Расписная керамика Намазга III находит себе близкие параллели в материалах из Белуджистана, северного (Гисар I С, Гисар II А) и западного (Сиалк III, Гиян V) Ирана[11]), что указывает на широкие культурные связи населения Южной Туркмении этого времени.

Наряду с расписной посудой в слоях Намазга III много и нерасписной. Так, например, встречаются сосуды серого цвета с залощеной поверхностью и иногда с нацарапанным орнаментом. Как и в предыдущих слоях встречаются сидящие женские статуэтки. Ко времени Намазга III относятся многочисленные находки различных медных изделий на Кара-депе, в том числе небольшой меч, ромбовидный в сечении, с загнутым стержнем на конце для прикрепления рукоятки. Наличие именно медных предметов характерно для древних культур Южной Туркмении и Северного Ирана. Здесь редко встречаются изделия, сделанные собственно из бронзы, то есть из сплава меди и олова. Эти районы были удалены от месторождений олова и для приплавки к меди служили мышьяк или сурьма[12]). Небольшой процент олова, встречающийся в некоторых изделиях, может быть отнесен за счет естественных примесей к руде. Поэтому термин «бронзовый век» применяется к истории Туркмении, как условное обозначение того периода истории первобытно-общинного строя, когда широко распространяется применение металлических орудий и оружия.

В Южной Туркмении пока не раскопаны жилые дома, относящиеся к слоям Намазга III. На самом Намазга-депе эти слои в разных местах поселения достигают толщины от 2,5 до 8 м. В этот период происходит сложение Намазга-депе как крупного поселения, занимающего площадь в несколько десятков гектар.

Во время Намазга I и II поселение на Намазга-депе занимало еще сравнительно небольшую площадь, хотя и оставило культурные слои мощностью в 8 м. Этот восьмиметровый холм древнего поселения был перекрыт поселением Намазга III, занявшим также и необжитую ранее территорию в несколько раз больше этого холма[13]). Возможно дальнейший рост поселения происходит во время Намазга IV и Намазга V.

Эти два комплекса являются более дробным подразделением слоев южного холма Анау, выделенных первоначально как Анау III. Намазга IV соответствует нижним слоям Анау III, иногда называемым Анау III А[14]). Керамика в этих слоях попрежнему раскрашивается темнокоричневой краской, но меняется характер росписи, сходит на нет краснофонная керамика. Сосуды покрываются сплошным рисунком измельченного геометрического орнамента. Характерной особенностью росписи посуды является схематическое изображение дерева. Как и в Намазга III имеются изображения козлов и идущих птиц (дроф или уток), получившие иной характер по сравнению с более ранними рисунками.

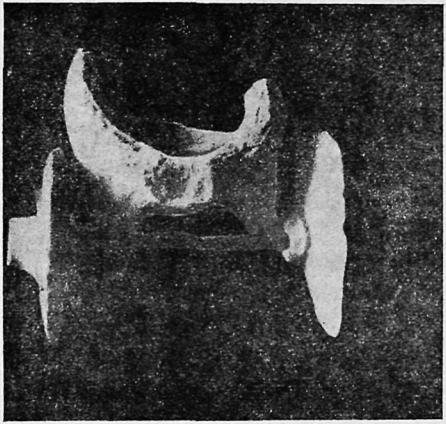


Рис. 4. Модель повозки с Намазга-депе.

Козел с большими рогами обычно нарисован стоящим между деревьями. Изображений пятнистых животных не встречается. Широко распространены зубчатые линии и различные фигуры с зубчатыми гранями (треугольники, ромбы). Наряду с расписной керамикой имеется значительное количество сосудов серого цвета с лощеной поверхностью. Возможно керамика серого цвета подражает по формам металлическим сосудам (высокие ножки, украшенные валиками и др.)[15]).

В конце периода Намазга IV появляется керамика, изготовленная на гончарном кругу[16]). Это усовершенствование было подготовлено развитием керамического производства в областях Южной Туркмении в предшествующее время. Как техническое изобретение гончарный круг, вероятно, был принесен из центрального Ирана, где он известен с более

раннего времени чем в Туркмении. С введением гончарного круга создались технические предпосылки для значительного обособления керамического ремесла. На территории Южной Туркмении гончарный круг появляется раньше, чем где-либо на территории СССР.

В слоях Намазга IV также найдены мелкие медные изделия (шилья, булавки), алебастровые сосуды, каменные ступки с пестами, зернотерки и грубые каменные молотки. Большой интерес представляют глиняные статуэтки сидящих нагих женщин с тяжелыми косами, падающими на грудь.

На Намазга-депе в центральной части поселения раскопана часть многокомнатного дома, относящегося к этому времени. Под полами помещений обнаружено семь погребений взрослых людей, положенных в скорченной позе с подтянутыми к подбородку коленями. Около погребенных стояли сосуды. Такое сочетание жилища и кладбища характерно и для памятников Ирана энеолита и бронзового века.

Здание, относящееся к этому времени, было раскопано на Ак-депе под Ашхабадом. Оно располагалось на высоком холме, образованном остатками построек более раннего времени. Всего здесь вскрыто 12 комнат, имевших, как показывают сделанные в них находки, различное назначение. Можно определить жилые комнаты, кухню, помещения для хранения припасов. При раскопках, кроме керамики и различных металлических и каменных изделий, найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, а также диких животных (кулана, джейрана, зайца, лисицы). *Часть здания, находившаяся на краю бугра, вероятно, была смыта*, когда опустевшие помещения стали заплывать и превратились в холм.

Рассмотренные выше культуры Намазга III и Намазга IV датируются третьим тысячелетием до н. э. Ко второй половине третьего тысячелетия относится, как устанавливает С. П. Толстов, возникновение скотоводства в Хорезме, падающее на поздний этап существования кельтеминарской культуры[17]). На поздних кельтеминарских стоянках встречаются многочисленные кости домашнего скота. Возникновение скотоводства на севере Туркмении сыграло не менее важную роль, чем на юге страны. Оседлые общины прикопетдагской полосы, приручив диких животных, повидимому, еще в V тысячелетии до н. э. занимались, однако, прежде всего земледелием, развитию которого благоприятствовали природные условия.

На севере Туркмении кельтеминарские охотники-рыболовы переходят к более выгодному, по сравнению с их прежним хозяйством, скотоводству. Возникшее одновременно со скотоводством мотыжное земледелие в силу природных условий первоначально не имело в Хорезме такого большого значения, как на юге страны. Происходит образование племен со специализированным скотоводческим хозяйством, образование, создавшее первое крупное общественное разделение труда. Как писал Ф. Энгельс, пастушеские племена имели сравнительно с другими племенами «не только молоко, молочные продукты и мясо, в гораздо больших количествах, но также шкуры, козий пух, шерсть и все возраставшее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен»[18]). Установление обмена между различными племенами создало возможность накопления продуктов в руках

отдельных семей, что явилось одной из важных предпосылок разложения первобытно-общинного строя. Вместе с тем выделение скотоводства, как ведущей отрасли хозяйства, привело к значительным переменам внутри рода. Охрана и уход за стадами было делом мужчины, который оттесняет женщину на второй план и занимает в роде первое место. Материнское право было заменено отцовским, матриархальный род превратился в патриархальный.

Основное развитие скотоводческо-земледельческих племен севера Туркмении приходится уже на II тысячелетие до н. э., когда в Хорезме складывается новая культура, получившая название тазабагъябской. В Южной Туркмении, на основе общего развития производительных сил, матриархат также сменяется патриархатом, хотя время этой смены еще окончательно не установлено. Уже в слоях Намазга II встречаются глиняные колесики от моделей повозок, что указывает на применение в быту тягловой силы животных. Позднее эти находки становятся более обильными. Встречаются почти целые модели повозок, бывших, судя по этим находкам, двух типов — двухколесные, вроде колесницы, и четырехколесные, тяжелые, вроде телеги. При раскопках Алтын-депе у Меана найдена модель повозки с изображением в передней части головы верблюда. Надо полагать, что в повозки запрягался также крупный рогатый скот. Широкое распространение таких повозок позволяет считать, что тягловая сила животных использовалась на полях и что плуг сменяет примитивное мотыжное земледелие[19]). Значительно усложняется и ремесленная деятельность: производятся многочисленные металлические предметы, совершенствуется техника гончарного дела и появляется, как мы видели, гончарный круг. Это дальнейшее развитие производительных сил, усложнение производственной деятельности явилось предпосылкой для для смены матриархального рода патриархальным. Процесс становления патриархального рода, возможно, начался еще в пору Намазга II[20]) и завершился во время Намазга III и IV. Исследователи полагают, что женские статуэтки, находимые в слоях Намазга IV отражают лишь пережитки матриархата в религии и культе[21]).

Основной экономической единицей общества в эпоху патриархата была большая патриархальная семья, объединявшая несколько поколений ближайших родственников. Есть основания считать, что многокомнатный дом, раскопанный на Ак-депе под Ашхабадом, был жилищем такой патриархальной семьи[22]).

В пору Намазга V (Анау III Б) культура оседлых земледельцев прикопетдагских общин эпохи бронзы достигла своего наибольшего развития. Период этот был сравнительно недолговременным: на самом Намазга-депе соответствующие слои имеют толщину в 2 м. Керамика этих слоев отличается высоким техническим совершенством и законченными выработанными формами, повторяющимися при раскопках в различных частях поселения[23]). Многие формы сосудов повторяют формы керамики, распространенной в комплексе Намазга IV, указывая на тесную связь с предшествующим периодом. Вся керамика Намазга V — нерасписная. Типичная для Намазга IV серая посуда отсутствует.

Характерны кубки, чаши с отогнутым краем, вазы на высоких ножках, украшенных валиками, биконические остроребериые сосуды и т. п. чайники—небольшие кувшинчики с носиком но без ручек. Ин-

тересны глиняные ложки-черпаки с длинными ручками. Почти вся посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, глина хорошо отмучена, до обжига сосуды подправлялись ножом. Орнаментация для посуды этого времени не характерна. Лишь изредка встречается врезанный орнамент[24]) (елочка, в одном случае—изображение птицы[25]).

Разнообразны металлические изделия, найденные в слоях Намазга V. Таковы кинжалы двух типов (широкие, уплощенные в сечении и узкие с утолщением в средней части клинка), ножи с отогнутой ручкой, иглы, пробойники. В южном кургане Анау найдены также наконечники копий, булавки с полусферической головкой, с головкой в виде двойной спирали, кольца из гнутой проволоки[26]). Важное значение имеют находки металлических печатей, дающих оттиск овальной или крестообразной формы. В качестве приплава к меди служил свинец, а приплав олова встречается крайне редко. В одном случае установлено применение латуни, т. е. сплава меди и цинка[27]). Однако металлические орудия не смогли вытеснить полностью каменные изделия. Из кремня и обсидиана изготовлялись наконечники стрел. Кремневые пластинки играли роль скребел, использовались как вкладыши сложного, составного серпа, имевшего деревянную или костяную основу. Последнее особенно показательно, так как применялись уже и металлические серпы. Однако металл был дорог и редок; возможно также, что металлический и кремневый серпы имели разное назначение[28]). Каменными были также навершия для булав и метательные ядра для ручного метания и для пращи. К числу украшений принадлежат бусы белые алебастровые и из других пород камня, обычно хорошо отполированные. Кроме металлических печатей, существовали также каменные и глиняные. Каменные и глиняные печати давали квадратный или овальный оттиск с геометрическим или символическим узором. О высокой технике обработки камня можно судить по находкам сосудов, выточенных из камня и затем тщательно отшлифованных. Для изготовления их использовался белый камень с темными извилистыми прожилками, что придавало сосудам нарядный вид.

Наконец, следует отметить глиняные статуэтки животных и людей. И те и другие очень условны, особенно человеческие изображения. Среди животных определяется изображение быка. В виде головы козла был оформлен носик одного из сосудов. Женские статуэтки были двух типов—сидящие с вытянутыми вперед ногами и стоящие с руками, расставленными в стороны. Поза первых продолжает традиции сидящих женских статуэток, найденных еще в слоях с полихромной керамикой. Возможно, что существовали также мужские статуэтки.

Комплекс Намазга V существовал сравнительно недолго. Отдельные параллели он находит в культурах Северо-Восточного Ирана (Шахтепе II в долине Гюргена; Тюренг-тепе там же; уже упоминавшееся Тепе-Гисар у Дамгана, слои третьей культуры)[29]). Можно полагать, что период Намазга V приходится уже на первую половину II тысячелетия до н. э.

Слои рассматриваемого времени являются верхними слоями большей части поселения Намазга-депе и принадлежат к числу наиболее изученных по сравнению с другими памятниками энеолита и бронзового века Туркмении. Микрорельеф холмов Намазга-депе отражает топографию поселения в основном периода Намазга V. Намазга-депе, впервые открытое русскими исследователями и систематически изучаемое советскими археологами, принадлежит к числу важнейших памятников Средней Азии[30]). Поселение расположено в 7 км к западу от Каахка и имеет протяженность с севера на юг в один километр, достигая площади около 50 га.

Рис. 5. Женская статуэтка Намазга IV (вид спереди).

Поверхность его в настоящее время представляет ряд крупных всхолмлений и понижается с севера на юг, что объясняется наличием в северной части как более древних слоев, так и более поздних, отсутствующих на остальном поселении. Число таких больших холмов, являющихся остатками оплывших жилых строений, достигает полутора десят-

ков. В северной части находится более высокий холм, образованый, как выяснили раскопки, более поздними слоями, которых нет на остальной части поселения. Раскопки ряда крупных холмов открыли остатки домов, относящихся к периоду Намазга V.

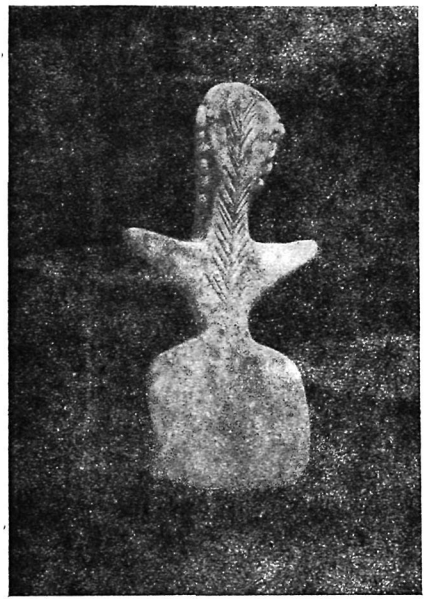


Рис. 6. Та же статуэтка V (вид сзади).

В южной части поселения раскопано 27 комнат, составлявших часть крупного дома. Большинство комнат имело плоские перекрытия, но можно допускать, что некоторые помещения имели своды из сырцового кирпича, из которого были сложены и стены. Кое-где в комнатах к стенам были пристроены суфы, в самих стенах устроены ниши, куда ставилась посуда. Очаги были двух типов в виде углубления в стенах и, как в Намазга II, полусферической формы, напоминающие современные туркменские тандыры. В некоторых проходах были устроены

высокие пороги. Проходы завешивались цыновками или закрывались дверьми (в ряде случаев в проходах найдены каменные подпятники)[31].

В центральной части Намазга-депе раскопаны три овальных гончарных горна двухъярусной конструкции с опорными столбами в центре камеры. Рядом найдены керамические шлаки и бракованная посуда, формы которой позволяют относить вскрытые остатки керамического производства ко времени Намазга V[32].

Гончарные горны такого же устройства были найдены и при раскопках А. Ф. Ганялина в северной части поселения, где раскрыты остатки двух многокомнатных домов и идущей между ними узкой улицы. Раскопанная часть домов состоит из 9—12 комнат каждая. Рядом с комнатами находились гончарные горны. Есть основание полагать, что в одном из домов производилась также плавка руды, где найдены небольшие печи особого устройства.

Результаты раскопок, проведенных на Намазга-депе, позволяют утверждать, что основным занятием населения в рассматриваемое время было земледелие. Об этом можно судить по находкам ступок, зернотерок, серпов, крупных сосудов для хранения припасов. Найдено также много зерен возделываемых растений. Это в основном ячмень и пшеница, но есть и зерна ржи. Возделывался нут (растение из семейства бобовых) и виноград мелких сортов[33]. Велико и число костей домашних животных—овцы, козы, коровы, верблюда. Наряду с сельским хозяйством, важную роль в занятиях жителей Намазга-депе играли различные ремесла. Таким было в первую очередь гончарное ремесло, использующее гончарный круг и специальные обжигательные печи. На поселении же происходило изготовление металлических орудий и различных изделий из камня. На последнее указывают находки заготовок кремня и кремневых отщепов.

Поселение Намазга-депе не является единственным в Туркмении. Крупными поселениями эпохи бронзы были также Яссы-депе (или Улуг-депе) у Душака[34] и Алтын-депе у Меана. Оба этих памятника изучены меньше Намазга-депе. Верхние слои Алтын-депе близки по времени верхним слоям Намазга-депе, а на Яссы-депе, судя по подъемному материалу, жизнь продолжалась и позднее. Однако сам факт наличия в это время в Южной Туркмении трех крупных поселений сомнений не вызывает.

Каков же был общественный строй населения Южной Туркмении в рассматриваемый период? Производительные силы, как мы видели выше, достигают во время Намазга V значительного развития. Пашенное земледелие, надо полагать, уже использующее небольшие каналы, и отделяющееся от него ремесло составляли основу экономического строя. Именно развитие производительных сил обусловило возможность образования крупных поселений вроде Намазга-депе. Это образование, как отмечалось выше, приходится еще на время Намазга III. Поселения же предшествующего времени были невелики по размерам. Ф. Энгельс указывал, что с введением пашенного земледелия «пошло и быстрое размножение населения, поселявшегося густыми массами на небольших пространствах»[35]. В крупных поселениях подобных Намазга-депе, несомненно, сосредотачивалось значительное количество населения и,

вероятно, в это время полностью использовались все возможности орошения, которые представляло освоение мелких речек и ручьев. Этот высокий уровень развития производительных сил в известной мере не соответствует рамкам первобытно-общинного строя. Однако, с другой стороны, в имеющемся материале не улавливается сколько-нибудь значительной имущественной или социальной дифференциации[36]). На поселениях отсутствуют цитадели, являющиеся в археологических памятниках одним из верных признаков наличия классового общества. Намазга-депе не имело даже специальных наружных оборонительных укреплений. В лучшем случае внешний край поселения составляли сомкнутые стены домов. Поэтому пока нет оснований называть эти поселения городами. Раскопки зданий верхнего слоя в трех различных местах Намазга-депе (в том числе и в более высокой северной части поселения) дали однородный хозяйственно-бытовой инвентарь. Все это не позволяет говорить о существовании на территории Южного Туркменистана в это время классового общества. Несмотря на высокий уровень производительных сил, общество еще оставалось первобытно-общинным, хотя и переживало в значительной мере процесс разложения.

Развитие орудий, рост производительности труда, специализация отдельных сфер производства увеличили хозяйственную роль больших патриархальных семей. Надо полагать, что остатками жилищ таких семейно-хозяйственных коллективов являются многокомнатные дома, раскапываемые на Намазга-депе[37]). Вместе с развитием обмена и повышением производительности труда начинает исчезать прежнее имущественное равенство и выделяются более богатые семьи. О развитии собственности отдельных семей, а возможно и частной собственности, свидетельствует распространение печатей. Эти же явления прослеживаются на материале памятников Северо-Восточного Ирана, развитие которого протекало в сходных условиях, что отразилось, в частности, в общности ряда явлений материальной культуры. В слоях Гисар III имеется ряд погребений с богатым инвентарем, выделяющихся из числа прочих погребений[38]). О происходящем накоплении сокровищ говорит находка на Тюренг-тепе т. н. «астрабадского клада», состоящего из золотых и бронзовых предметов и относящегося к тому же времени, что и Гисар III[39]).

Увеличение производства во всех отраслях хозяйства повлекло за собой еще одно важное изменение. Человек получил возможность производить большее количество продуктов, чем было необходимо для поддержания своей жизни. «Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их: военнопленных стали превращать в рабов»[40]). Возникает новая форма собственности: право собственности распространяется на человека. Первоначально применение труда рабов не играло большой роли в хозяйстве. Рабы часто включались в состав патриархальной семьи. Такое неразвитое рабство называется патриархальным. Можно допускать зарождение патриархального рабства в Южной Туркмении рассматриваемого времени.

При изучении общественного строя Южной Туркмении в эпоху бронзового века следует иметь в виду конкретные природные условия. Эти природные условия не играли определяющей роли в развитии об-

щества, но их роль, особенно при низком уровне развития производительных сил, была очень велика. Они способствовали более замедленному или более ускоренному развитию общества. В прикопетдагских оазисах земледелие было связано с использованием для орошения небольших речек и ручьев. Здесь можно было ограничиться запрудами и проведением небольших каналов. Не было необходимости ни в создании крупных ирригационных сооружений, ни в сложной системе управления ирригационным хозяйством. Организация орошения, основывающегося на ручье или небольшой речке, была вполне по силам отдельным первобытным общинам. Именно это обстоятельство обеспечило возникновение и развитие здесь земледельческих оазисов еще в пору энеолита. Вместе с тем эти же природные условия в дальнейшем стали играть задерживающую роль по отношению к развитию производительных сил.

Возделывание полей давало здесь меньше прибавочного продукта, чем в долинах Нила и Евфрата, где плодородный ил, оседавший на поля при ежегодных разливах рек на огромной территории, позволял собирать богатые урожаи. Кроме того, разобщенное ирригационное хозяйство прикопетдагских общин не создавало предпосылок к хозяйственному объединению страны. Такое объединение также играло важную роль при образовании древних государств Египта и Месопотамии. В конкретных исторических и природных условиях подгорной полосы Южной Туркмении древнее общество, несмотря на значительное развитие производительных сил, оставалось в условиях первобытно-общинного строя.

Южная Туркмения времени Намазга IV и Намазга V среди одновременных культур соседних стран выступает как центр яркой и своеобразной культуры. Особенно четко это можно проследить на таком массовом материале как керамика. В основном керамика Южной Туркмении отлична по формам и по фактуре от керамики Северо-Восточного Ирана (Тепе-Гисар и Шах-тепе). Оригинальные черты местного искусства видны в орнаменте расписной посуды Намазга IV. Для всех земледельческих оазисов, расположившихся вдоль северных отрогов Копет-Дага, характерна значительная культурная общность. В горных районах Юго-Западной Туркмении была распространена культура, близкая культуре Шах-тепе в долине Гюргена[41]).

С соседними племенами население прикопетдагских оазисов поддерживало постоянные культурные связи, обусловившие типологическую близость многих предметов. Крайне близки находкам на Тепе-Гисар бронзовые печати, найденные на южном холме Анау и на Намазга-депе. Культурные связи уходили и дальше на юг в область высокой цивилизации древнего Двуречья. На одном золотом кубке из упоминавшегося астрабадского клада изображены горбоносые люди в длинных одеждах, близко напоминающие шумерские древности. Пока трудно судить является ли этот кубок местным произведением или привезен с далекого юга[42]). Во всяком случае эта находка говорит о далеких культурных связях древних обитателей Прикаспия.

В первой половине II тысячелетия до н. э. в жизни земледельческих общин юга Туркмении имели место какие-то важные события. Происхо-

дит упадок поселений Намазга-депе и Алтын-депе. На Намазга-депе площадь обжитой части резко сокращается, жизнь продолжается лишь на ограниченном участке в северной части поселения. Заброшенная территория частично используется под кладбище. В Северо-Восточном Иране приблизительно в это время прекращается жизнь на Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе-Гисар. На наиболее полно исследованном Тепе-Гисаре установливается, что последний период существования поселения был связан с какой-то катастрофой, возможно, с вооруженным вторжением. Здание слоя Гисар III носит следы большого пожара, найдены скелеты людей, раздавленных рухнувшей крышей[43]).

Вопрос о причинах этого упадка еще недостаточно исследован. Высказывалось едва ли состоятельное мнение, что с наступлением более засушливого климата усиливается борьба между общинами за пастбища и водные источники[44]). Мог иметь место также переход части оседлого населения к скотоводству, представлявшему в то время большие возможности в получении прибавочного продукта по сравнению с земледелием. Возможно также, что общины подгорной полосы, достигнув максимальных возможностей в развитии земледелия, лимитированного количеством воды, переживают глубокий экономический кризис. Во всяком случае древние земледельческие общины переживают определенный упадок. Однако культурные традиции не прерываются. Они находят свое продолжение и дальнейшее развитие в памятниках последующего периода.

В кратком изложении рассмотренные явления и процессы можно свести к следующему. Продолжается дальнейшее развитие хозяйства страны. В оседлых оазисах юга распространяется пашенное земледелие с применением тягловой силы животных, усложняется ремесло, особенно гончарное и металлургическое. С развитием производства возникают крупные поселения. На севере Туркмении хозяйство кельтеминарских племен развивается в сторону скотоводства, образуются скотоводческие племена. На основе этих хозяйственных изменений происходит смена материнского рода отцовским. Основной хозяйственной единицей становится большая патриархальная семья, начинается процесс имущественной дифференциации. Все эти процессы протекают еще в рамках первобытно-общинного строя. Разложение этого строя и становление классовых отношений происходит в последующую эпоху с дальнейшим развитием производительных сил в сложной конкретно-исторической обстановке.

§ 3. Разложение первобытно-общинного строя

Рост производительных сил, развитие разделения труда и обмена и усиливающаяся в связи с этим имущественная дифференциация все более и более подрывали устои первобытно-общинного строя. В конкретно-исторических условиях эти процессы по-разному протекали в различных районах Туркмении.

В предгорной полосе к середине и второй половине II тысячелетия относится комплекс Намазга VI[45]). Слои этого времени образуют северный бугор на поселении Намазга-депе[46]). Аналогичный материал дает Теккем-депе (к юго-востоку от Намазга-депе)[47]), Елькен-депе у Кау-

шута, Яссы-депе у Душака и ряд других памятников. Слои этого времени можно выделить в материале южного кургана Анау[48]). Сюда же относится и Янгикалинский могильник (к югу от Геок-депе Ашхабадской области)[49]).

На Намазга-депе раскопаны относящиеся к этому времени две крупные комнаты с прилегающим двором. Какая-либо защитная стена отсутствует. К краю холма подходят лишь тонкие стены жилых строений. Во дворе находился прямоугольный двухъярусный гончарный горн. В комнатах найдены вкопанные в пол хумы, каменные ступки, зернотерки и, в числе прочих предметов, бронзовый серп и кинжал.

Недалеко от Намазга-депе находится Теккем-депе площадью около 2 га, слои которого полностью принадлежат к культуре Намазга VI. Есть основания считать, что это было, как и Намазга-депе, поселение, не имевшее специальных укреплений. Здесь раскопана, видимо, часть двух домов, состоявших из небольших комнат. В комнатах найдено каменное шаровидное навершие булавы, кости животных, разнообразная керамика. Характерными для керамики Намазга VI являются вазы на высоких полых ножках, глубокие чаши с вогнутым венчиком, шаровидные сосуды со скошенным донцем и прочерченным орнаментом на плечиках. Снова появляется керамика серого цвета. Большая часть керамики покрыта красным ангобом. Раскопанный на Теккем-депе дом погиб в результате пожара.

Представление о погребальном обряде этого времени дает Янгикалинский могильник, где раскопано 7 погребений. Могильник располагается, видимо, на значительном расстоянии от поселения. Погребенные положены на левом боку в сильно скорченном положении. Ориентировка костяков различная. В головах или ногах располагались сосуды. В одной могиле на лбу погребенного лежала бронзовая пластинка-ободок, на правой руке надето бронзовое проволочное кольцо. Кроме того, найдены бронзовые подвески, бусины и шпилька. Интересно нахождение в могилах женских глиняных статуэток.

Таким образом видно, что поселения времени Намазга VI распространены почти на всей территории предгорной полосы, занимая те же оазисы, что и предшествующие поселения. Некоторые старые традиции сохраняет керамическое производство, хотя формы сосудов производят впечатление более огрубевших по сравнению с керамикой Намазга V. Сохраняется и старый формат прямоугольного сырцового кирпича. Вероятно, как и прежде, основным занятием жителей поселений было земледелие и скотоводство. О развитии охоты свидетельствуют кости диких животных, найденные на Теккем-депе. Там же были найдены глиняные колеса от моделей повозок.

Культура, во многом близкая Намазга VI и относящаяся к тому же времени, обнаружена в дельте Мургаба. Здесь, к северу от колодцев Кишман, расположены поселения Тахирбай 3, Тахирбай 4, Якипер-депе, Аучин-депе и другие. О развитии земледелия свидетельствуют многочисленные находки зернотерок. Найдены также зерна пшеницы. Вероятно, в это время началось широкое освоение земледельцами этой реки.

В то время, как на юге Туркмении продолжала развиваться после некоторого упадка древняя земледельческая культура, остальную часть

страны занимают скотоводческие племена[50]). К середине II тысячелетия в Хорезме относится тазабагъябская культура, для которой характерна посуда, лепленая от руки, очень похожая на посуду андроновской культуры Сибири и Казахстана. На тазабагъябских стоянках в Хорезме, наряду с микролитическими кремневыми орудиями, встречаются обломки меди. К тазабагъябской культуре относится могильник Кокча 3, расположенный в правобережном Хорезме в дельте Акча-Дарьи. При погребенных находились орнаментированные сосуды, бронзовые браслеты, застежки, шилья[51]). Вероятно, так же как и их северные соседи—андроновцы, тазабагъябцы были пастушеско-земледельческими племенами. Имеющийся материал свидетельствует о значительном распространении в Туркмении андроновско-тазабагъябских племен. Во II тысячелетии до н. э. эти племена занимают долину Узбоя[52]). Характерная андроновско-тазабагъябская керамика встречается в песках к северу от Ашхабада. Фрагменты близкой керамики найдены при раскопках Анау[53]), Намазга-депе[54]), Теккем-депе[55]) и поселения Тахирбай 3[56]).

Как и в более позднее время, скотоводческие племена располагались по границам земледельческих оазисов, вступая с их населением в тесные экономические и культурные связи. В это время закладываются те основы взаимосвязи оседлого и кочевого населения, которые характеризуют историю древней и средневековой Туркмении. Без учета этой взаимосвязи невозможно правильное понимание истории Туркмении, так же как и всей Средней Азии.

С появлением носителей тазабагъябско-андроновской культуры значительно усиливается связь племен севера и юга Туркмении. Наличие племен с различным направлением хозяйства способствовало росту межплеменного обмена. Распространение тазабагъябско-андроновских племен могло вызвать значительные этнические перемещения. Однако имеющийся по этому вопросу материал еще крайне недостаточен для того, чтобы сделать на его основании окончательные выводы. Полагают, что появление в Южной Туркмении керамики, приписываемой скотоводческим племенам объясняется именно продвижением сюда новых племен с севера страны. Существует точка зрения, что андроновская культура, а следовательно, и крайне близкая к ней тазабагъябская оставлены ираноязычными племенами. Если это так, то появление на юге Туркмении тазабагъябско-андроновских племен имело бы важное значение для изучения этногенеза страны.

В конце II—начале I тысячелетия до н. э. в Южной Туркмении складывается новая культура. В подгорной полосе она представлена в южном холме Анау слоем, непосредственно предшествующим культуре Анау IV[57]) и в дельте Мургаба нижними слоями поселения Яз-депе (Яз I)[58]). В это время преобладает керамика, сделанная от руки. Показательно появление расписной посуды, представленной небольшими кубками, котлообразными сосудами и толстостенными сосудами для хранения. Роспись по светложелтому фону в основном красной и коричневой краской различных оттенков. Наиболее распространен мотив треугольника, заполненного сеткой или косой штриховкой, что напоминает орнаментацию керамики скотоводческих племен, выполненную, правда, в другой технике. Вместе с тем существует также керамика, сделанная на гончарном круге. Поселения этой культуры в подгорной

полосе частью расположены на месте предшествующих поселений (Анау, Елькен-депе, Яссы-депе у Душака)[59] частью, видимо, возникают на новых местах. В подгорной полосе одним из наиболее крупных поселений является Елькен-депе у Каушута. Поселение занимало площадь около 12 га. В центре находился более высокий холм, образованный слоями времени Намазга VI. Центральный холм окружало кольцо поселения. В слоях этой культуры в Анау впервые встречены фрагменты железа[60]. На Елькен-депе открыты следы меднолитейного производства. Судя по топографии поселений, в подгорной полосе, одним из важных занятий населения попрежнему было земледелие.

В низовьях Мургаба поселения этого времени, перекрытые теперь более поздними слоями, образуют оазисы, расположенные в зоне затухающих протоков реки. Крупным поселением было Яз-депе в 30 км к С-З от Байрам-Али. Для искусственного орошения проведены каналы, местами достигающие довольно значительной длины. Остатки этих каналов местами сохранились вплоть до настоящего времени. Для материальной культуры весьма характерна исключительная близость расписной керамики к керамике предгорной полосы. Оригинальную особенность составляет здесь наличие лепленой от руки сероглиняной керамики.

В Хорезме со стоянками тазабагъябской культуры сосуществуют поселения суярганской культуры. К этой культуре относится стоянка Джанбас-кала 6, где раскопано овальное жилище со столбовой конструкцией. Есть медь, и уже почти нет кремневых орудий. Основную массу керамики составляет неорнаментированная серая и красная посуда. Выделяется лощеная керамика, покрытая красным ангобом. Встречается резной геометрический орнамент по лощеной поверхности. Население стоянки занималось земледелием, скотоводством и ловлей рыбы. Первоначально С. П. Толстов считал, что распространение суярганской культуры в Хорезме во многом связано с южными влияниями, может быть даже с появлением в Хорезме нового этнического элемента, ассимилировавшего местные племена[61]. В настоящее время, когда в результате раскопок намечаются археологические комплексы Южной Туркмении, есть основание также ставить вопрос о местном, хорезмийском генезисе суярганской культуры, как тесно связанной с культурой тазабагъябской.

К концу II—началу I тысячелетия до н. э. относится в Хорезме начало сложения примитивных форм поливного земледелия, предшествующих созданию развитой системы каналов[62].

Особая группа племен жила в Юго-Западной Туркмении, где распространяется культура архаического Дахистана[63]. Часть многокомнатного дома этого времени, построенного из сырцового кирпича, раскопана на поселении Мадау-депе. Характерна высококачественная керамика, изготовленная на гончарном круге. Большое число сосудов имело серый и черный цвет, что объясняется особыми условиями обжига. Ведущими формами являются чаши на трех ножках, кувшины с высоким горлом и одной ручкой и сосуды с длинными желобчатыми сливами. Найдено много каменных зернотерок и кремневых вкладышей для серпов. Хотя бронза уже давно применялась для изготовления

различных орудий, металл этот был сравнительно дорог и в быту его иногда заменяли кремневыми орудиями. Только железо окончательно вытеснило каменные орудия. Известны разнообразные изделия из бронзы: булавки, бусы-пронизки, наконечники стрел, найден также небольшой бронзовый меч. Вместе с тем на поселениях встречаются бесформенные куски орудневшего железа—новый металл начинал уже распространяться в быту, знаменуя начало новой эпохи, т. н. железного века. Культура архаического Дахистана относится уже к концу бронзового и началу железного века и, видимо, одновременна в подгорной полосе с поздними этапами Намазга VI и последующей культурой, возродившей традиции расписной керамики (типа Яз—1). Однако, находя ряд аналогий в материале подгорных поселений, эта культура в основном отлична от них по своему облику и связана традициями с культурой астрабадского бронзового века (Шах-тепе и Тюренг-тепе).

Памятники культуры архаического Дахистана сосредоточены на территории Мисрианской равнины (к северу от реки Атрек) и на западе подгорной полосы Копет-Дага. Характерным памятником является поселение Изат-кули на Мисрианской равнине, площадью около 50 га. Около пятиугольного в плане центрального укрепления расположены невысокие бугры, являющиеся остатками многокомнатных домов-массивов. Основным занятием населения было земледелие, основанное на развитой системе каналов, выведенных из Атрека на расстоянии не менее 50—60 км. За время существования культуры архаического Дахистана на Мисрианской равнине имела место частичная перепланировка ирригационной сети. Исследованная здесь система каналов является одной из древнейших в Средней Азии. В раскопках найдены многочисленные кости свиньи, верблюда, крупного и мелкого рогатого скота. Высокий уровень развития ремесла хорошо прослеживается по керамическому производству.

Рассмотренный период имел важное значение для истории Туркмении. В это время происходит значительное развитие производительных сил и подъем экономики, вызывающие изменения в общественном строе. Видимо с начала 1 тысячелетия до н. э. распространяется железо, вытесняющее бронзовое производство. Применение железа сыграло важнейшую роль в истории общества. «Железо,—писал Ф. Энгельс,—сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашни широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[64]). В Туркмении повсеместно наблюдается резкое увеличение районов, освоенных земледельческой культурой. Новые крупные земледельческие оазисы возникают на Мисрианской равнине, в дельте Мургаба, начинает складываться земледельческий оазис в низовьях Аму-Дарьи. Освоение большинства из этих новых оазисов было связано со строительством значительных каналов. Ограниченные возможности для развития земледелия в прикопетдагской полосе исчерпали себя. Накопившие многовековой опыт использования для орошения небольших речек и ручьев древние общины приступили к созданию крупных ирригационных систем. В дельте Мургаба первоначальные посевы, видимо, располагались в зоне рукавов реки, теряющихся в заболоченных местностях. Затем были проведены каналы, орошавшие районы, расположенные на границе аллювиальной дельты и закрепленных песков. Сейчас эти

районы находятся на севере древних земель орошения Мургаба, за пределами земледельческого оазиса III в. до н. э., определяемых остатками стены, возведенной Антиохом I. Ранние каналы отличаются значительной длиной, вероятно, связанной с забором воды из реки без создания подпорных сооружений. На десятки километров тянутся здесь сейчас заплывшие русла древних каналов. Более сложная картина, надо полагать, имела место на Мисрианской равнине в Юго-Западной Туркмении. Выведение каналов из Атрека требовало постройки плотин и запруд. Без искусственного орошения здесь невозможно создание сколько-нибудь значительной земледельческой культуры. Поэтому не случайным является тот факт, что только в пору культуры архаического Дахистана здесь возникают крупные поселения земледельцев. Накопление производственного опыта и усложнение общественной организации позволили осуществить такие значительные мероприятия. Эти факты позволяют предполагать интенсивное разложение первобытно-общинного строя. Новые производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Рост производительности труда и развитие орудий повышают хозяйственную роль семьи. Но группа родственных семей все же образует в ряде отношений единый хозяйственный и общественный коллектив. Дальнейшее развитие ремесла, все более отделяющегося от земледелия, создавало основу для регулярного обмена и развития имущественной дифференциации. Появляется возможность накопления богатств в руках одних патриархальных семей, выделяющихся из общей массы общинников. Возникает богатая и влиятельная племенная аристократия. Старое равенство членов родовых коллективов сменяется разделением на бедных и богатых. О таком развитии имущественной и социальной дифференциации свидетельствует появление центральных укреплений на поселениях культуры архаического Дахистана. Возможно близкую картину в подгорной полосе мы имеем на поселении Елькен-депе.

Создание и поддержание крупных ирригационных систем требовало объединения под одной властью значительных территорий, вызывало к жизни функцию организации общественных работ, и вместе с тем, оно открывало широкие возможности для применения труда рабов, хотя первые каналы видимо еще создавались самими общинниками. Таким образом, в конце II—начале I тысячелетия до н. э. области Южного Туркменистана находились в условиях последней стадии первобытно-общинного строя, перераставшего в классовое общество. Однако немногочисленность и отрывочность имеющихся данных не позволяет пока конкретизировать общественный строй племен, населявших Туркмению.

Время сложения новых земледельческих оазисов и предполагаемого проникновения на юг андроновско-тазабагъябских племен должно было иметь большое значение для этнической картины страны. Однако эта сложная и ответственная проблема еще почти не исследована. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. По памятникам материальной культуры можно выделить на территории Туркмении четыре племенных группы: в Хорезме, Маргиане (дельта Мургаба), в подгорной полосе и отличная от них группа племен, жившая в Юго-Западной Туркмении (культура архаического Дахистана). Материальная культура этих племенных групп, что прослеживается сейчас, во всяком случае

для Маргианы и подгорной полосы, непосредственно связана с культурой середины первого тысячелетия до н. э., когда здесь, как свидетельствуют письменные источники, жили парфяне, маргианцы, хорезмийцы, гирканцы, говорившие на языках иранской группы индоевропейских языков. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в Туркмении в конце II—начале I тысячелетия до н. э. мы находим прямых предков этих племен и что в это время в связи с сложением земледельческих оазисов устанавливаются, как этнические общности, парфянские, маргианские и хорезмийские племена. Сложная история их этногенеза уходит вглубь тысячелетий. В степных и полупустынных районах складываются кочевые племена, часть которых была позднее известна под именем массагетов.

§ 4. Развитие древней государственности

Для второй четверти I тысячелетия до н. э. характерен комплекс, представленный верхними слоями южного кургана Анау (Анау IV). Довольно широко распространяются железные изделия. В Анау найдены относящиеся к этому времени фрагменты серпов и *кинжала*[65]. Следы железоделательного производства установлены на Елькен-депе, где, в частности, обнаружены многочисленные железные крицы[66]. На поселении Яз-депе в дельте Мургаба найден относящийся к культуре Анау IV комплекс железных изделий (боевые топоры, тесла и др.)[67].

Посуда в основном изготовляется на гончарном круге. Роспись на ней постепенно исчезает. Встречаются бронзовые втульчатые наконечники стрел. Основной период существования этого комплекса приходится на VI—IV вв. до н. э., время вхождения территории Туркменистана в состав державы Ахеменидов.

Слои Анау IV встречены на многих памятниках подгорной полосы и по среднему течению Теджена. В дельте Мургаба продолжалось развитие земледельческого оазиса. В нижних слоях городища Гяур-кала около Байрам-Али найдена характерная керамика Анау IV[68]. В северной части оазиса на берегах каналов располагаются многочисленные поселения. Здесь изучалось поселение Яз-депе, где в IX—VIII в. до н. э. возникает многометровая платформа, сложенная из продолговатого сырцового кирпича. На ней раскопана часть монументального здания также построенного из продолговатого сырцового кирпича. В раскопанных комнатах найдены, кроме керамики, различные изделия из бронзы: наконечники стрел, иголки, пробойники, небольшой нож.

Наряду с крупными поселениями (северное Уч-депе, Аравали-депе, Тахирбай-депе) в дельте Мургаба в это время существовали небольшие поселения.

Новая культура тесно связана с более древней культурой, характеризовавшейся распространением расписной керамики. На Яз-депе устанавливается постепенный переход от керамики нижнего слоя к слоям Анау IV. Вероятно такая же картина имела место и в подгорной полосе. Во всяком случае показательно, что многие обследованные здесь памятники Анау IV, судя по подъемному материалу, возникают на месте более древних поселений.

Культура Анау IV подводит нас к периоду, когда история Туркмении, как и всей Средней Азии, начинает освещаться данными письмен-

ных источников. О подчинении Ассирии отдельных среднеазиатских областей сообщают некоторые древнегреческие писатели. Так, Ктесий рассказывает о войне ассирийского царя Нина и его жены Семирамиды против Бактрии и подчинении последней[69]). Однако все эти сведения носят полулегендарный характер и едва ли имеют под собой реальную основу.

К VII в. до н. э. относится образование Мидии, прошедшей путь развития от союза племен к примитивному государству типа восточной деспотии[70]). В конце VII в. до н. э. под ударами мидийских войск пало ассирийское государство. Видимо Мидии следует приписать уничтожение другого крупного древневосточного государства—Урарту[71]). Мидийская держава во многих отношениях была предшественником сменившего ее государства Ахеменидов. Возможно, что уже мидийские правители разделили свою страну на сатрапии, начали строительство дорожной сети. Можно предполагать, что на востоке в состав Мидии вошли Гиркания и Парфия.

В самом начале своего возникновения Мидии пришлось выдержать тяжелую борьбу с кочевыми скифскими племенами, вторгшимися через Кавказ на Ближний Восток и сыгравших большую роль в падении ассирийского и урартского государства[72]). Родственные скифам кочевые племена, называвшиеся в древнеперсидских источниках саками, жили в это время и на территории Средней Азии. Сохранилось упоминание, что в результате отпадения Парфии от Мидии произошла сако-мидийская война, кончившаяся, видимо, поражением саков. Захваченные в этой войне мидийские пленные были поселены саками за р. Танаидом (в данном случае, возможно, за Аму-Дарьей). Судя по отдельным подробностям, этот рассказ может быть заимствован сохранившим его Ктесием из сакского героического эпоса[73]).

В VIII—VI вв. до н. э. классовые отношения получили дальнейшее развитие. Этому способствовали подъем ремесленных производств, расширение ирригационных систем, достигающих значительной величины. К этому периоду относится, по мнению С. П. Толстова, строительство крупных каналов древнего Хорезма[74]).

О социальной дифференциации свидетельствует на древнемаргианском поселении Яз-депе, возможно для цитадели, мощная платформа из сырцового кирпича. Для характеристики назначения подобных цитаделей можно привести слова Геродота о постройке акрополя (цитадели) мидийским правителем Дейоком: «такой акрополь воздвиг Дейока для себя и такими стенами окружил дворец; остальному народу он велел селиться за пределами акрополя»[75]).

Первобытно-общинный строй пришел к концу; его сменяет общество, раскалотое на противоположные классы. В Средней Азии—в Бактрии, Маргиане, Хорезме—складываются первые еще примитивные государственные образования.

К территории Туркмении можно полностью приложить характеристику, которую М. М. Дьяконов дает этому периоду: «Крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель»[76]).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау, ИАН Туркм. ССР, 1954, № 1.

2) С. А. Ершов. Предварительный отчет по стратиграфическому изучению холма Чопан-депе. В архиве Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР.

3) Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4.

4) R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I—II. Washington, 1908.

5) А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. Архитектурные памятники Туркмении. М.—Ашхабад, 1939.

6) Б. А. Куфтин. Цит. соч.

7) Б. А. Куфтин. Цит. соч., стр. 28, полагает, что была одомашнена уже и лошадь.

8) С. А. Ершов. Холм Яссы-депе 2. ИАН Туркм. ССР, 1952, № 6. Б. А. Куфтин. Цит. соч., стр. 26.

9) См. статью С. Н. Бибикова. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье. КСИИМК, XLVIII, М.—Л., 1952.

10) Б. А. Куфтин. Цит. соч., стр. 26.

11) S. Piggot. Prehistoric India to 1000 b. c. 1952, p. 74, fig. 3. E. F. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar, Damgan, Philadelphia, 1937, pl. VII, VIII, XXI. G. Conteneau, R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Giyan. Paris, 1935, pl. 57 et sqq—R. Ghirshman. Foulles de Syalk, v. I. Paris, 1938. pl: LXVI, LXVII, LXXIX, Mc Cown. The Comparative Stratigraphy of the Early Iran. Oriental Istitute of University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisation, № 23. Chicago, 1942, где многие типы орнаментации керамики Намазга III, при учете особенностей местного своеобразия, находят себе ближайшие аналогии.

12) R. Pumpelly, op. cit., p. 152.

13) Б. А. Куфтин. Цит. соч., стр. 25.

14) Впервые комплекс Намазга IV (Анау III А) был выделен при раскопках А. А. Марущенко на Ак-депе под Ашхабадом. См. С. А. Ершов. Итоги трех лет. «Туркменоведение». 1931, № 7—9. стр. 56. А. А. Марущенко. Анау, цит. соч., стр. 101. М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. История СССР. Макет. I—II, М.—Л., 1939, стр. 155—156.

15) М. П. Грязнов и Б. Б. Пиотровский. Цит. соч., стр. 156.

16) А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-депе. Рукопись в архиве Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР.

17) С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 77.

18) Ф. Энгельс. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, Огиз, 1952, стр. 165.

19) По мнению Б. А. Куфтина племена Южной Туркмении уже в период Анау I—Намазга I применяли тягловую силу животных. Б. А. Куфтин, цит. соч., стр. 28.

20) Б. А. Куфтин. Цит. соч., стр. 28.

21) М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, цит. соч., стр. 156

22) М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, цит. соч., стр. 156. М. И. Итина. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореферат диссертации. М., 1951, стр. 5.

23) М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951—1953, стр. 17—18; Б. А. Литвинский, Намазга-депе. Советская этнография, 1952, № 4, стр. 41.

24) Б. А. Литвинский. Цит. соч., стр. 40.

25) Найдено при раскопках на Намазга-депе Института истории и археологии и этнографии АН Туркм. ССР в 1953 г. Хранится в Историческом музее АН Туркм. ССР.

26) Pumpelly. Цит. соч.

27) Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954, стр. 26.

28) Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 71.

29) E. F. Schmidt, op. cit., pp. 177 cqq.; T. J. Arne. Excavations at Shah Tepé. The Sino-Swedish Expedition. VII. Archaeology, 5. Stockholm, 1945; E. R. Wulsin.

Excavations at Turang-Tepe near Asterabad. Supplement of the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, 2, N I, New-York, 1932; E. R. Wulsin. The Early Cultures of Asterabad. Survey of Persian Art, v. I. London—New-York, 1938.

30) Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, он же. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе. Туркменоведение, 1929. № 5, он же, Neues über Anau und Namasga-Tepe. Eurasla Septentrionaljs Antiqua, V. 1930; А. А. Семенов. Древности Абивердского района. Труды Среднеазиатского государственного университета. Серия II, Orientalia, вып. 3. Ташкент, 1931; М. Е. Массон. ЮТАКЭ, 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II; Б. А. Литвинский. Намазга-депе... цит. соч., Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ... цит. соч.

31) Б. А. Литвинский, цит. соч., стр. 32 и сл.

32) Б. А. Куфтин, цит. соч., стр. 25—26.

33) Б. А. Литвинский, цит. соч., стр. 27.

34) М. Е. Массон, ЮТАКЭ, 1947, стр. 13—16.

35) Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 25.

36) К этому выводу пришел на основании широкого изучения Намазга-депе, Б. А. Куфтин. См. ИАН ТССР, 1952, № 1, стр. 28. См. также М. Е. Массон, цит. соч.

37) Б. А. Литвинский, цит. соч., стр. 36—37.

38) E. F. Schmidt, op. cit., pp. 242 sqq.

39) M. Rostovtzeff. Sumerian Treasure of Asterabad. Journal of Egiptian Archaeology, v. VI, 1919; T. Burton-Brown. Studies in Third Millenium History. L., 1946, p. 98 sqq.

40) Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 166.

41) А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-дага. ИАН Туркм. ССР, 1953, № 5.

42) E. F. Schmidt, op. cit., p. 306—307.

43) Кроме статьи Ростовцева см. категорическое мнение Херцфельда о местном характере всего клада: E. Herzfeld, Iran in the Ancient East. London — New-York, 1941, p. 108.

44) Б. А. Куфтин, цит. соч., стр. 29.

45) Б. А. Куфтин относил находки из верхних слоев Намазга VI к середине II тысячелетия до н. э. («Изв. АН ТССР», 1954, № 1, стр. 25); Находки в Теккем-депе и на поселении Тахирбай 3 керамики, могущей быть сопоставленной с керамикой позднеандроновской культуры, а в Теккем-депе также каменного навершия булавы, имеющего сравнительно поздние аналогии, позволяют считать, что в верхних слоях культура Намазга VI восходит ко второй половине II тыс. до н. э.

46) Б. А. Куфтин, цит. соч., стр. 25.

47) А. Ф. Ганялин. Теккем-депе. Рукопись в архиве Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР.

48) R. Pumpelly, op. cit., pl. 14.

49) А. Ф. Ганялин. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала. Публ. в настоящем томе.

50) С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 71.

51) С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. Вопросы истории, 1955, № 3.

52) С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. ВДИ, 1953, № 2, стр. 156; Он же. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г., Советская Археология, XIX, 1954, стр. 246—247.

53) R. Pumpelly, op. cit., pl. 15.

54) Б. А. Куфтин, цит. соч., стр. 25.

55) А. Ф. Ганялин. Теккем-депе.

56) В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Уз-депе. ИАН Туркм. ССР, 1955, № 3.

57) R. Pumpelly, цит. соч., стр. 149.

58) В. М. Массон. Древнемаргианское поселение... цит. соч.

59) Сборы ЮТАКЭ 1947 г. в Музее истории АН ТССР.

60) R. Pumpelly, цит. соч., стр. 156—157.

61) С. П. Толстов. По следам... стр. 77.

62) С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг... стр. 175.

63) В. М. Массон. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН Туркм. ССР, 1954, № 2.

64) Ф. Энгельс. Происхождение семьи... цит. соч., стр. 168.
65) R. Pumpelly, op. cit., p. 156—157.
66) А. А. Марущенко. Отчет о раскопках городища Елькен-депе в 1953 г. В архиве Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР.
67) В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-депе...
68) Б. Б. Пиотровский. Разведочные раскопки на Гяур-кале в старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, в. 1, Ашхабад, 1949.
69) Ктесий в изложении Диодора II, 5, 6. Возможно, что легенда о завоевании Бактрии возникла в связи с походами ассирийцев в конце IX в. до н. э. (время регентства Саммурамат—Семирамиды рассказа Ктесия) в Иран, когда их войска доходили до Каспийского моря. См. И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 84.
70) М. М. Дьяконов. История древнего Ирана. Вопросы истории, 1946, № 1, стр. 132.
71) И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ, 1951, № 2.
72) Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 295 и сл.
73) В. В. Григорьев. О скифском народе саках, СПб., 1871. Дата, как впрочем и достоверность этого рассказа, еще не вполне ясна. Ктесий сообщает, что эта война происходила при мидийском царе Артине, который, по мнению ряда исследователей, соответствует Киаксару Геродота, свергнувшему господство скифов над Азией, длившееся 28 лет (653—625 гг. до н. э.). G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 218.
74) С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 101.
75) Геродот, 1,99.
76) М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, М., 1954, стр. 138.

Б. А. КУФТИН

ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ

О РАБОТЕ XIV ОТРЯДА ЮТАКЭ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫХ ОСЕДЛОЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ МЕДИ И БРОНЗЫ В 1952 г.

I. Отряд работал в течение двух месяцев с 9 октября по 10 декабря, в составе начальника отряда профессора Б. А. Куфтина (Тбилиси), археолога А. Ф. Ганялина (Ашхабад), инженера А. А. Куфтина (Сочи), завхоза Н. Жимерикина и шоферов Овеза Бердыева и Аскерова. Работа отряда велась в трех направлениях: а) маршрутных разведок, б) стратиграфических шурфовочных исследований и в) стационарных раскопок крупных строительных площадей. Стратиграфические и стационарные работы были окончены 30 ноября. Не удалось довести до конца (вероятно не более чем еще на 1 м) шурф на Намазга-депе в «хаузе», углубленный уже на 12 м ниже современного уровня равнины, и остались не раскрытыми, после снятия погребений под полом третьего яруса, строения 4-го яруса на площади с гончарными горнами, а также пол (16 м²) на 10 ярусе в шурфе на холме Кара-депе у станции Артык, где 6 декабря силами научных сотрудников удалось раскрыть два взрослых погребения.

II. В маршрутных поездках от Ашхабада на север, по дороге к серным заводам, до Джейтуна и в предгорной полосе, от Ашхабада на восток до восточных протоков Теджена, было обследовано до 20 архаических поселений холмов и собран подъемный материал, характеризующий тип и возраст их культурных наслоений. В основу проведенных маршрутов и выборки для осмотра объектов нами было положено изучение керамического подъемного материала с различных холмов, собранного под руководством доцента А. А. Рослякова в археологическом кабинете Ашхабадского университета и во Дворце пионеров, а также коллекций Музеев краеведения и Туркменской Академии наук, кроме того, некоторых личных сборов А. А. Марущенко (по маршруту на север от Ашхабада). Четыре из указанного числа холмов—Ак-депе к югу от Теджена и три в районе Чаача (Сарых, Коша и Ташкар Депелер) оказались по возрасту не заходящими глубже Анау IV; холм Елькен-депе, близ станции Коушут, дал в центральной своей части керамику, начиная от периода, так называемой «варварской оккупации» (правильнее—возрожденных оседло-земледельческих традиций), самого конца бронзовой эпохи, и до середины I тысячелетия до н. э.; остальные пятнадцать холмов содержали в основе керамику эпохи энеолита (меди) и древней бронзы.

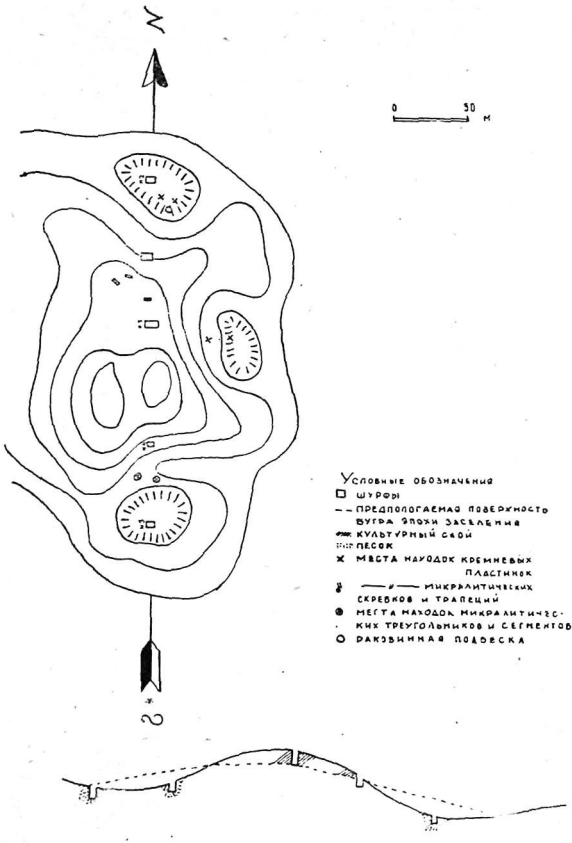


Рис. 1. План холма Чакмадаш-Бийик в урочище Джейтун.

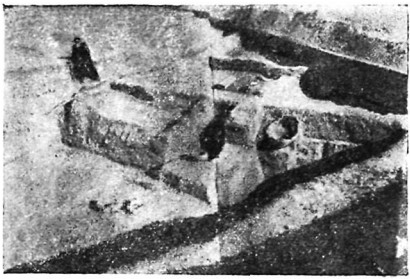


Рис. 2. Намазга-депе. Раскоп на „вышке" (НМЗ VI).

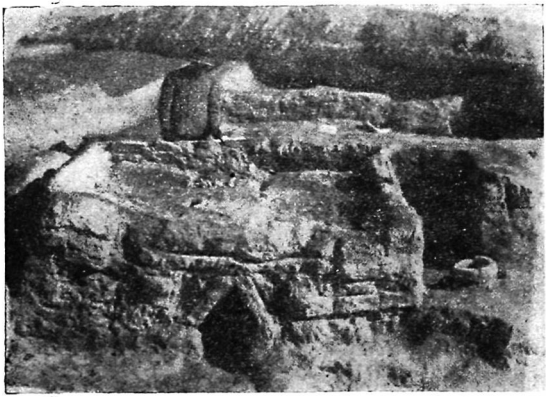


Рис. 3. Намазга-депе. Керамическая печь на „вышке" (НМЗ VI).

По возрасту верхних культурных пластов эти холмы распределяются следующим образом: к эпохе Анау I относятся холмы Яссы-депе у Каахка, Керменчи-депе у Арман-Сагата и Овадан-депе, покрытый лишь поверх слоя Анау I поздними отложениями эпохи возрожденных оседло-земледельческих традиций конца бронзы; к эпохе Анау II относятся три холма Геокюр I, II и III, холм Илгинлы у Чаача, Кара-депе у Артыка, два Кара-депе у Коушута и песчаный бугор Донгуз-гум у Каахка; к Анау III—Ак-депе у Ашхабада, Яссы-депе у Душака, Намазга-депе у Каахка, Алтын-депе у Меана.

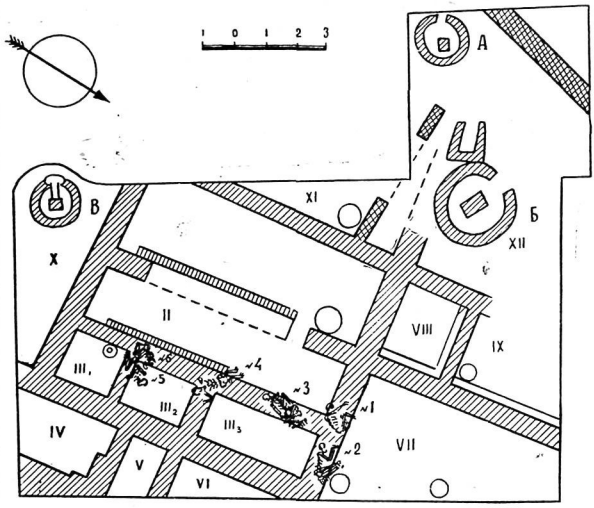


Рис. 4. Намазга-депе. План раскопа на площадке с горнами (НМЗ IV и V).

Три последние обнаруживают в подъемном материале существование культурных слоев, относящихся к эпохе Анау II, а Намазга-депе, по данным шурфовки, оказывается начавшим свое существование в эпоху Анау I.

Особняком стоит пока песчаный бугор Джейтунского кака, давший в подъемном материале, с одной стороны, керамику Анау III, с другой, мезолитического облика кремневый инвентарь и, наконец, расписную керамику особого типа (с вертикальными прямыми или волнистыми полосами по краснолощеной поверхности богатого растительной примесью черепка), не зарегистрированную нами более ни в одном из

стратиграфических разрезов изученных поселений, включая и северный холм Анау и относимую А. А. Марущенко к доземледельческому типу керамики охотничье-собирательных племен.

Рис. 5. „Площадка с горнами". Хумы НМЗ V.

С последним, конечно, никак нельзя согласиться, поскольку керамика, при всем ее своеобразном архаизме, отличается хорошим, недоступным для костра, обжигом, разнообразием размеров и форм и вообще чертами прогрессивной оседло-земледельческой керамики, заставляющей нас видеть в ней вполне вероятного свидетеля более древних этапов развития местного оседло-земледельческого хозяйства, в условиях господствовавшего тогда более влажного «атлантического» климата (Блитта-Сернандера) чем Анау I с его далеко продвинувшимися культурными формами. Что касается мезолитических традиций в кремневом инвентаре, то, если действительно удалось бы доказать непосредственное отношение последнего к культурному слою с керамикой, пришлось бы в лучшем случае вспоминать сегментовидные микролиты Майкопского кургана и подобные факты относительно трапеций.

Одной из основных задач осмотра жилых холмов являлось выяснение их топографии в отношении водных источников, старых речных протоков и водосборных «каков», от которых могло зависеть полевое хозяйство их обитателей. В ряде случаев проводилась глазомерная

съемка наиболее примечательных холмов (Кара-депе у Артыка и у Коушута, Яссы-депе у Каахка, Керменчи-депе, Алтын-депе, Илгинлы, Геоксюр I и II). Более подробная съемка в целях уточнения и исправления старого плана, приложенного к Трудам Хаверанской экспедиции А. А. Семенова, была проведена на Намазга-депе.

Рис. 6. Намазга-депе. Керамическая печь А.

Особое внимание при маршрутных разведках было обращено на возможность обнаружить в достаточном количестве кремневый инвентарь и каменные орудия, а также собрать на больших обнаженных поверхностях культурных отложений частицы металла и металлические окислы для химических анализов, особенно, с однокультурных холмов. В отношении керамики ставились некоторые специальные задачи, например, для слоев Анау III, обнаружить носики чайников, ножки вазообразных бокалов, фрагменты сероглиняных кубков с острорезной орнаментацией и т. п. Это позволяло с значительной вероятностью снимать существующие ошибочные представления, например, о наличии в Алтын-депе под верхним «алтыновским» слоем еще типичного «намазгинского» или напротив о существовавшем в «актепинское» время разрыва в культуре Ахала и Этека, из которых последнему будто бы была чужда резная сероглиняная керамика Ахала.

Подробному изучению на месте мы полагали необходимым подвергнуть полихромную керамику, которую американские исследователи

принимали за «импорт из удаленных культурных центров». Удалось с несомненностью установить местный характер богато представленной на ряде холмов полихромной керамики и зарегистрировать не менее трех самостоятельных ее стилей: а) полихромии с двуцветными (кремовыми и красноватыми) фоновыми просветами, часто в форме мальтийского креста, полученного внутри черных ступенчато зубчатых диагоналей; б) полихромии с двуцветно линейными контурами и в) полихромии метопных фризов с двуцветными прямоугольными и треугольными панелями по светлому лощеному ангобу.

В виду особого значения, какое полихромная орнаментация керамики имеет в древнейшей культурной стратиграфии Передней и Южной Азии, начиная с телхалафского энеолита, нами внесены в план 1953 г., на основании разведки этого года, раскопки на холмах Геоксюр I и Илгинлы, а также продолжение начатых в этом году работ на Кара-депе у Артыка.

3. Стратиграфическим исследованиям подверглись в этом году следующие памятники: Керменчи-депе, Намазга-депе, Кара-депе у Артыка и Джейтун. Главной задачей этих исследований было установить с первого же года наших работ, в дополнение и взамен старой анаусской новую стратиграфическую колонку для всего подлежащего изучению периода жизни оседло-земледельческого населения предгорной зоны Копет-Дага в эпоху энеолита и бронзы вплоть до становления классового общества. С этой целью мы, прежде всего, довели до глубины 17,5 м шурф, заложенный в 1950 г. отрядом XIV ЮТАКЭ на Намазга-депе до глубины 6,5 м и продолженный до 10 м в этом году Институтом истории, археологии и этнографии. Этот шурф прорезал на площади в 8 м² пять культурных слоев, опустившись на 6,5 м ниже современного уровня равнины. Самый нижний культурный слой НМЗ I 7 м мощностью оказался синхроничным Анау Iб. НМЗ II, представленный слоем с полихромной керамикой, имел всего 2 м толщины. Третий культурный слой так же, как и второй, относящийся к Анау II, достигал 2,5 м. Четвертый слой НМЗ IV имел до 4 м толщины, в то время как самый верхний с неорнаментованной, но высокого качества, керамикой занимал всего 2 верхних метра холма. В слое НМЗ II отпрепарировано три взрослых погребения.

Затем мы опустили до грунта на глубину 18 м шурф, доведенный Институтом до 6,5 м на юго-западном краю холма, возвышающегося на 5,9 м над равниной. Этот шурф прорезал три культурных слоя: НМЗ V, IV и III, из которых 3 м четвертого слоя и 8,5 м третьего слоя оказались уже погруженными под современный уровень равнины. Слои НМЗ I и II в этом месте холма оказались совсем не представленными.

Местом третьего шурфа мы избрали верхнюю площадку на самом большом возвышении и опустили шурф до глубины 10 м, так что он на два м прошел ниже подошвы возвышения, на уровне которой был нами заложен четвертый шурф, углубленный всего на 5,5 м.

Этими двумя шурфами мы прорезали полностью два культурных слоя и вошли в третий. Самым верхним слоем оказался НМЗ VI, лежащий на НМЗ V. Этот слой, характеризующийся медно-бронзовым инвентарем (серп, клинок кинжала) середины II тысячелетия до н. э., совпадал, по типу керамики, с поселением на соседнем холме Теккем-депе.

Рис 7. Намазга-депе. Керамическая печь Б. Топка и часть пода обжигательной камеры.

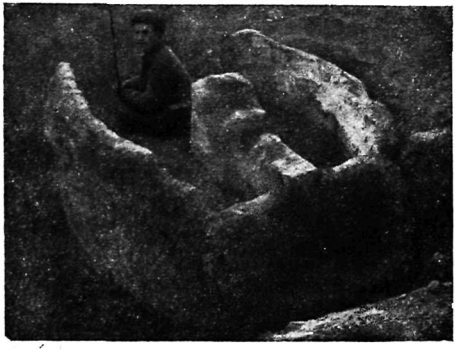


Рис. 8. Намазга-депе. Керамическая печь В.

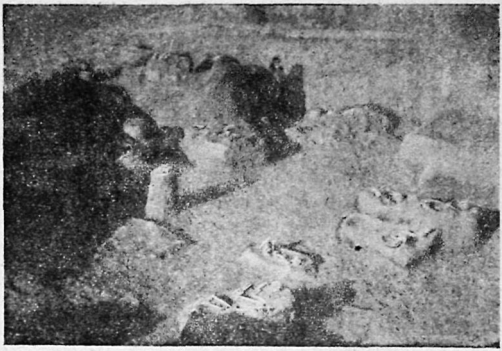


Рис. 9. Погребения на "площадке с горнами" на Намазга-депе.

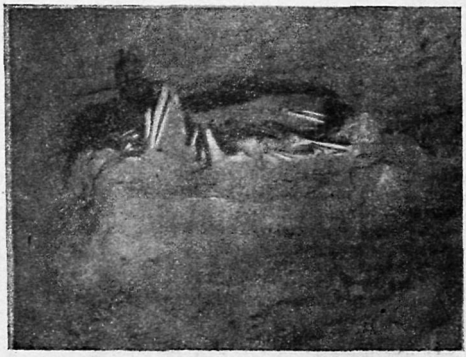


Рис. 10. „Площадка с горнами". Погребение № 4.

Пятый шурф площадью в 16 м² был заложен на дне круглого цирка, представлявшего собою древний водоем—«хауз». До глубины 5 м, шедших ниже уровня современной равнины (с которым совпало дно цирка), шурф пересекал перемытые водой и слоисто отложенные продукты разрушения культурных слоев, причем наряду с керамикой НМЗ V и НМЗ IV оказывались глазурованные черепки X—XI вв., что указывало на существование хауза именно в это последнее время. С шестого метра начался непотревоженный слой с полихромной керамикой, к которой вскоре уже с восьмого метра стали примешиваться черепки первой культуры, уходящей вниз за глубину 12 м. На десятом метре в этом шурфе находилось погребение взрослого человека.

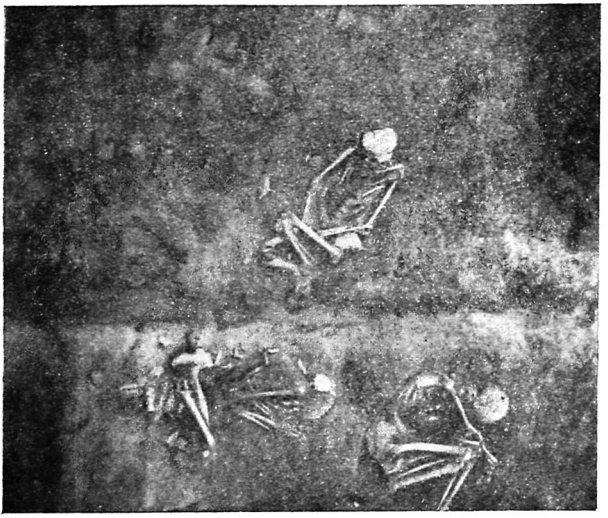


Рис. 11. „Площадка с горнами". Погребения № 1, 2, 3.

Пятью этими шурфами, давшими весьма содержательную стратиграфическую колонку в 34 м мощностью, удалось вместе с тем прояснить в значительной степени и хронологическую топографию холма Намазга-депе. Восьмиметровой высоты холм, выросший из культурных отложений НМЗ I и II, был перекрыт поселением НМЗ III, занявшим в несколько раз большее пространство вокруг этого холма. Возможно, что поселения в следующие две культурные эпохи НМЗ IV и V еще более

территориально расширились, но зато к концу бронзовой эпохи наступает полное запустение холма, кроме одной небольшой его части долго продолжающей застраиваться и накапливать семиметровое возвышение, одновременно с другим такого же размера поселением Теккем-депе в километре от Намазга. Исчезновение и этих последних совпадает с появлением в самых поверхностных слоях холмов примитивной, грубой ручной лепки «кочевнической» керамики из сильно дресвяной глины с простым рубчатым орнаментом по венчику.

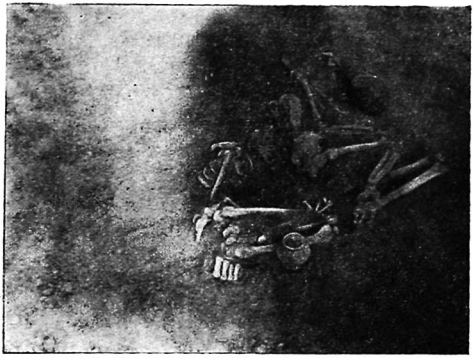


Рис. 12. „Площадка с горнами". Погребения № 5 и 6.

На Керменчи-депе шурфы на небольшую глубину были заложены с особой целью установить место прохождения водных протоков и выяснить прослойность культурных и аллювиальных отложений у подошвы холма и на шлейфе, где с самого верха оказался слой НМЗ I со стенами из сырцового кирпича 42×21×10 см и полукруглыми закутками для очагов. У подошвы холма установлено наличие крупно-галечникового слоя с керамикой феодальной эпохи, указывающего на существование в то время здесь довольно мощного протока, разобранного в дальнейшем каналами на орошение.

На Кара-депе у Артыка было заложено два шурфа: один на дне долинки, разделяющей холм на две неравные части, и другой на верхней площади главного холма.

Первый шурф проведен только через слой продуктов разрушения для выяснения его мощности и установления наличия под ним культурного слоя, оказавшегося НМЗ II. Слой этот уходит целиком под уровень современной равнины.

Второй шурф, послойно снятый на 10 ярусов, т. е. до глубины 5 м, прорезает полностью толщу слоя НМЗ III и входит в слой НМЗ II с полихромной керамикой. В этом шурфе в слое НМЗ III и НМЗ II отпрепарировано три взрослых погребения.

Рис. 13. Погребение в шурфе № 1 (XXI ярус). Намазга-депе.

На песчаном бугре Чакмадаш-Бийик у Джейтунского «кака» мы решили провести небольшую шурфовку для выяснения мощности культурного слоя, который удалось обнаружить при первом моем посещении, совместно с А. А. Марущенко, этого объекта. Ряд небольших шурфов по выдувам с большими поверхностными скоплениями культурных остатков установил полное уничтожение ветром всего рыхлого субстрата от культурного слоя и конденсацию на поверхности лишь более крупного содержимого с различных его уровней (костей, керамики, кремня). Только шурф на вершине бугра установил наличие там неперевеянного культурного слоя в полтора метра мощностью.

Этот культурный слой, содержащий в себе образцы керамики с красным ангобом, состоящий из очажных отложений с пятью последовательными уплотненными слоями типа полов, кости животных и кремневые пластинки с обработкой, указывал на существование здесь, хотя и недолговечного, но оседлого поселения.

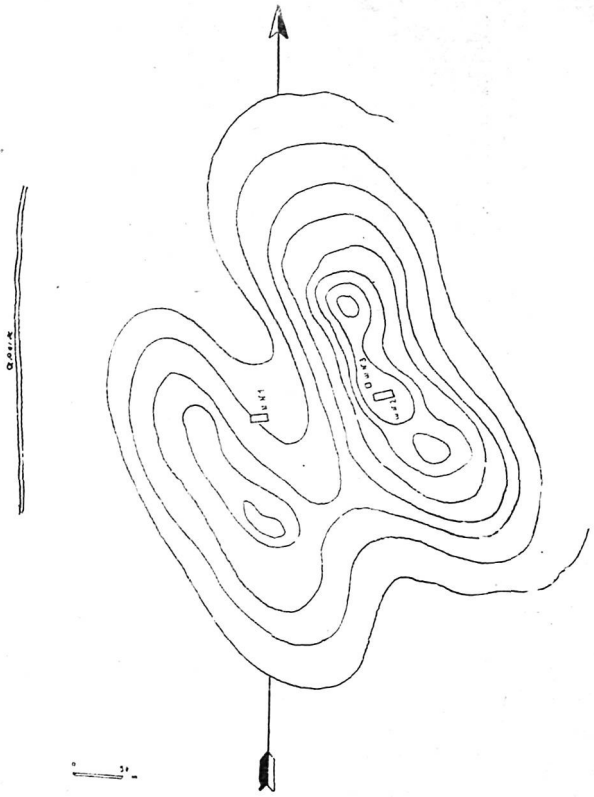


Рис. 14. План холма Кара-депе у Артыка.

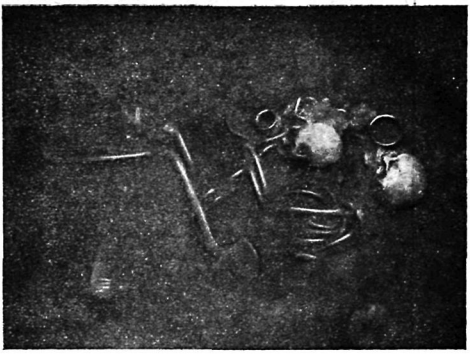


Рис. 15. Кара-депе. Двойное погребение в X ярусе шурфа.

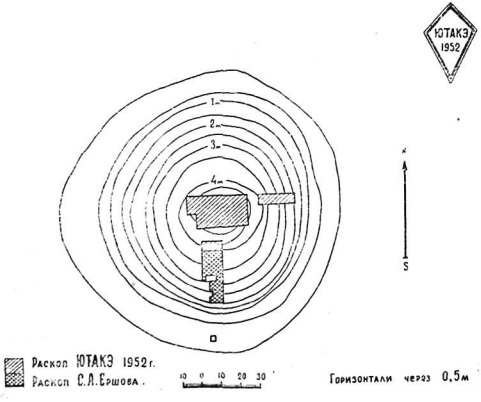


Рис. 16. План холма Яссы-депе у Каахка.

Найденную здесь нами раньше керамику НМЗ IV актепинского возраста не удалось пока связать с культурным слоем, так же как и «пятна» кремневых отщепов с мезолитическими формами по выдувам. Относительно первых скорее всего их можно будет отнести к спорадическим посещениям этого места скотоводами эпохи бронзы. Что же касается вторых, то этот вопрос значительно сложнее и потребует еще тщательных исследований, чтобы доказать действительную принадлежность этой специфической кремневой индустрии, к которой принадлежит и вкладыш серпа с типичной полировкой о солому, как в поздневатуфийском мезолите восточного Средиземноморья, к одному слою со столь прогрессивной оседло-земледельческой керамикой. Скорее можно будет ожидать, что микролиты на поверхности культурного слоя окажутся выбросами из нор грызунов.

4. Раскопки жилых комплексов нами проведены на Яссы-депе (у Каахка), где вскрыта площадь до 600 м², и на Намазга-депе, где раскапывались две площади в 250 и 100 м на месте «гончарного квартала» в слое НМЗ V и IV и на высшей точке холма, в слое НМЗ VI. Кроме того, по краю этой верхней площади была проведена поперечная траншея, выяснившая отсутствие какой бы то ни было защитной стены вокруг высшей точки холма. К краю холма подходили лишь тонкие стены жилых строений.

На Яссы-депе раскоп доведен на площади 500 м² до нижних полов второго (считая сверху) жилого комплекса, на глубине 130—140 см. Отпрепарирована на этом уровне вся система стен, связанных, повидимому, в одно строение, часть которого в составе 18 комнат нами вскрыта на указанной площади. Дальше на юг комплекс стен продолжается и перерезывается раскопом А. А. Ершова, на север и запад уходит под нераскопанные части холма, а на востоке, повидимому, замыкается капитальной стеной всего здания. В таком случае, если действительно дальнейшими раскопками удастся это подтвердить, мы будем иметь для эпохи Анау I замечательный пример огромного многосемейного дома, представляющего собой целое селение отдельного родового коллектива. Комнаты четырехугольные, часто неправильной формы и разной величины, некоторые лишены дверных проемов (вход с плоской крыши?). В более крупных комнатах, иногда двойных (с широким проходом между ними), имеются очаги и поставлены хумы. Одно из таких помещений в центральной точке холма, с деревянными столбами, сохранило на стенах четыре последовательных слоя красочных росписей. Древнейшая из них полихромная орнаментальная панель напоминает недавно раскопанную такую же панель с рядами ромбов в обеидском культурном слое холма в Ираке. Удалось вырезать стену с наилучше сохранившимся участком росписи, снять штукатурку и, законсервировав двусторонне расписанный ее кадр в 75×60 см, доставить его и сдать в Ашхабаде в Музей с раскрытой пока лишь одной наружной стороной.

Узор из вертикальных рядов горизонтально вытянутых треугольников близок одному войлочному узору туркмен, который они называют «кызлар» («девица»).

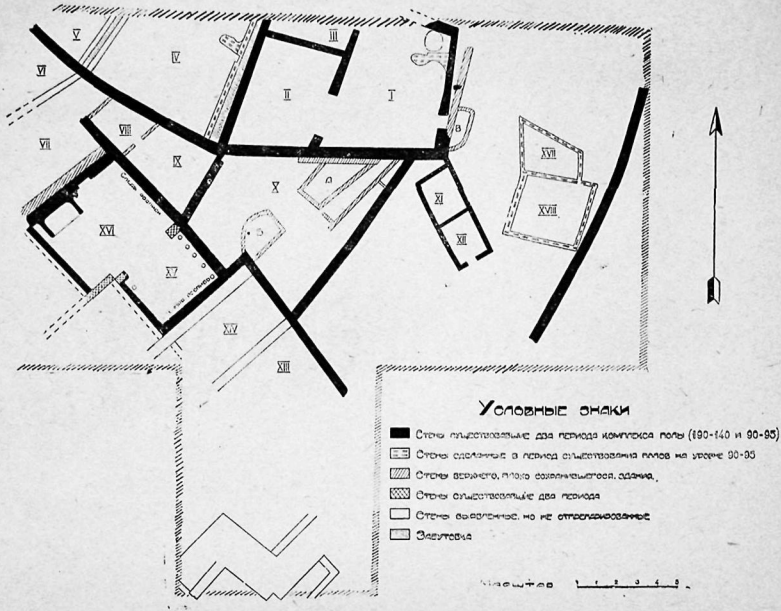


Рис. 17. План жилого дома на Ясеы-депе у Каахка

Рис. 18. Раскопки на Яссы-депе у Каахка.

Рис. 19. Яссы-депе. Комнаты № 15—16.

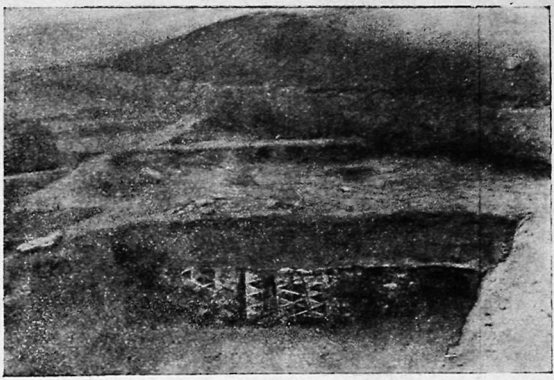


Рис. 20. Яссы-депе. Комната со стенной росписью.

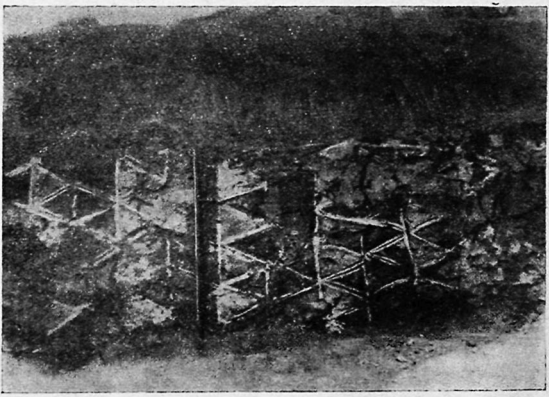


Рис. 21. Яссы-депе. Фрагмент стенной росписи.

На Намазга-депе площадь на вершине холма (культура НМЗ VI) раскрыта на уровне пола второго жилого комплекса в составе двух больших параллельно вытянутых комнат и двора с прямоугольным двухъярусным гончарным горном в 5 м² площадью. Топочное помещение горна имеет ложно сводчатое разгрузочное построение, типа раскопанной немцами в 1935 г. гончарной печи в Уруке, на тысячу лет более древней, чем наша, относящаяся к середине II тысячелетия до н. э. Отличаясь расположением топочного отверстия от гончарного горна в Мунчак-тепе, эта намазгинская печь является точным древнейшим прототипом закавказских гончарных горнов позднеэллинистической эпохи в Мингечауре.

Рис. 22. Яссы-депе. Фрагмент стенной росписи.

В комнатах сохранились вкопанные в пол хумы, каменные ступки, зернотерки и лежавший на полах инвентарь, среди которого находились бронзовые серп и клинок кинжала.

Другая большая площадь на Намазга-депе в центральной части холма вскрыла прежде всего комплекс с тремя круглой формы гончарными горнами также двухъярусной конструкции но с опорными столбами в центре топочной камеры. Судя по стратиграфическому положению на границе четвертого и пятого намазгинских культурных слоев и по содержащимся в печном мусоре, вместе со шлаками, кускам гончарного брака, эти печи относятся к культурному слою НМЗ V. Глубже этих горнов, вокруг них и рядом с ними площадь была углублена и отпрепарированы две системы стен второго и третьего ярусов на уровне пола третьего комплекса строений, давших систему квадратного в плане здания с пристроенными к нему снаружи камерами и разделенного внутри на три части. Внутри почти всех этих помещений находились врытые в пол хумы.

По поднятому на третьем полу керамическому материалу вскрытый *строительный комплекс уже относился к культурному слою НМЗ IV.*

По удалении стен и полов этого комплекса, с тем, чтобы подойти к четвертому, было открыто на всей этой площади семь взрослых скорченных погребений, положенных в различной ориентации, преимущественно, под углами стен. Три из этих погребений были снабжены расписными сосудами по одному на каждого. У одного из них, кроме этого, была найдена у колен кремневая стрелка.

Несмотря на плохую сохранность костного вещества, черепной и некоторой другой костный материал был собран и закреплен пропитыванием 10% раствора БФ-2.

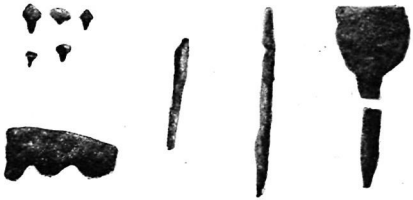


Рис. 23. Медные изделия НМЗ III с Кара-депе.

Рис. 24. Медная печатка и наконечник копья НМЗ V и булавки НМЗ IV.

Кроме взрослых погребений, было вскрыто на различных уровнях этой площади несколько младенческих погребений, три из которых были снабжены особыми детскими сосудиками с соскообразными носиками.

5. В процессе всех изложенных работ был собран большой вещевой материал:

а) целые сосуды и керамические фрагменты, характеризующие хозяйственную и парадную утварь, технику гончарства, стилистические приемы формовки и орнаментации посуды на протяжении двух поименованных выше культурных периодов;

б) коллекция фрагментированных женских статуэток с характерными для периодов НМЗ II, III, IV, V особенностями их художественного оформления;

в) глиняные модели колес и фрагменты глиняных моделей повозок и платформочек;

г) коллекция глиняных пряслиц всех шести изученных периодов;

д) образцы бус, начиная от НМЗ I, из сердолика, хрусталя, бирюзы, лящис лазури, ленточного агата, алебастра, раковин и пасты;

е) кремневые вкладыши серпов, наконечники стрел, проколки, а также кремневый комплекс из Джейтуна;

ж) единичные экземпляры бронзового оружия (меч, серп, клинок кинжала, копья и пр.) и булавок;

з) фрагменты сосудов из алебастрового камня;

и) бронзовая круглая печать эпохи НМЗ V;

к) каменная утварь.

Кроме того, собраны для определения и анализов: образцы очажных и строительных углей из всех культурных слоев; кости животных; окислы меди и пр.

Рис. 25. Медные изделия. Меч—НМЗ III. Серп и нож—НМЗ VI.

6. В результате проведенных в поле исследований удалось, в предварительном порядке, до лабораторных анализов и камеральной обработки материалов, установить следующие разного характера факты, имеющие значение для направления дальнейших исследований по теме нашего отряда:

А. Погружение культурных слоев НМЗ I, II, и III под современный уровень равнины в средней предгорной зоне до 12 м. Это наблюдение имеет с одной стороны значение для возможности установить в дальнейшем физико-географический критерий для определения абсолютного возраста изученных культурных остатков и вместе с тем дает указание на значительно отличный от современного водный режим подгорной зоны (базис эрозии на 12 м ниже современного) в изучаемые эпохи.

Б. Использование в больших количествах древесного топлива во всех слоях, начиная от НМЗ I и до НМЗ VI, различных холмов (Керменчи-депе, Яссы-депе у Каахка, Кара-депе у Артыка, Намазга-депе), что указывает на значительное развитие лесной растительности.

В. Почти полное отсутствие в древнейших культурных слоях НМЗ I и II следов сколько-нибудь значительной обработки кремня, а также каких-либо фрагментов каменных топоров и других орудий (кроме пряслиц для веретена, зернотерок и кремневых вкладышей в серпы, отсутствующих в египетском энеолите, но характерных для династического пе-

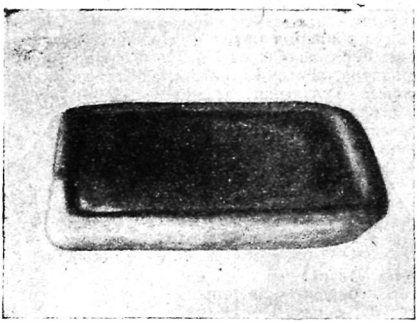


Рис 26. Ванночка из зеленого камня для растирания красок с Намазга-депе.

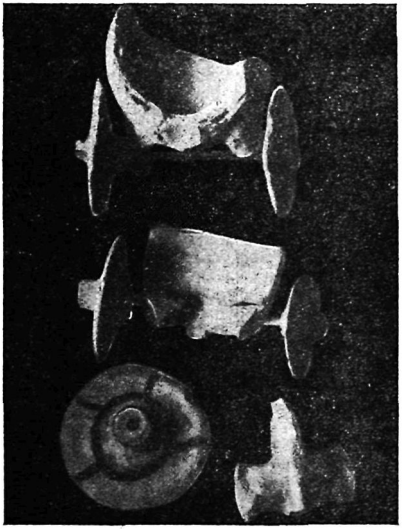


Рис. 27. Глиняные модели повозок и их части с Намазга-депе.

Рис. 28. Терракотовые статуэтки. С концами кос (?) с Алтын-депе; другая из шурфа № 5 с Намазга-депе (НМЗ I).

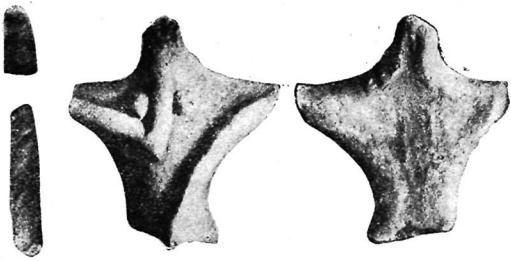


Рис. 29. Идольчик НМЗ I и терракотовая статуэтка НМЗ III.

Рис. 30. Терракотовая статуэтка с Геоксюра.

Рис. 31. Фрагменты терракотовых статуэток НМЗ II с Геоксюра.

Рис. 32. Фрагменты терракотовых статуэток с Геоксюра.

риода, до XII династии включительно) с несомненностью указывает на развитое, в это время, пользование металлом. Сравнительно малое количество металлических находок объясняется ценимостью металла и переливкой испорченных орудий в новые. Однако, сделанные нами, несмотря на это, находки медных орудий в культурных слоях НМЗ II и особенно НМЗ III, и в числе их такие предметы, как уникальный по размеру медный меч (сумеро-кипрского типа) полуторакилограммового веса и 65 см длины (с рукояточным стержнем), а также фрагменты пилы, листовидных клинков, копий и ножей, действительно, указывают на значительно развитый уровень металлического производства на стадиях синхроничных Анау II.

Г. Наличие значительного процента костей тонконогой породы лошади, наряду с костями коровы, козы (в противоречие с данными американской экспедиции), овцы и свиньи в культурных слоях Анау I, в Яссы-депе у Каахха, в Керменчи-депе, а также нижнем уровне Намазга-депе. Этот факт исключает возможность видеть в остатках лошади из отбросов оседло-земледельческого поселения продукт охоты на дикое животное, хотя по костям дикая лошадь может быть, по свидетельству самого Дюрста, и не всегда различима от домашней, живущей в табунных условиях.

Рис. 33. Терракотовые статуэтки с Кара-депе.

Д. Существование, в противовес утверждениям Пампелли, женских скульптурных изображений из терракоты и камня уже в слоях НМЗ II, т. е. на ранних этапах Анау II, и их непрерывная трансформация от реалистических скульптурно прочувствованных форм к стилизованным и не детализованным в НМЗ V.

Связанные с культом плодородия эти скульптуры лишь пережиточно отражают матриархат и не могут являться показателями отсутствия складывающихся уже тогда патриархальных отношений.

Рис. 34. Терракотовые статуэтки с Кара-депе.

Е. Наличие полихромной стенной живописи, украшающей центральное помещение в многокамерном доме эпохи Анау I на холме Яссы-депе у Каахка, не позволяет связывать южно-туркменистанскую полихромию НМЗ II с Джемдетнасрской, а возвращает ее к более древним керамическим традициям халафско-обеидского типа.

Ж. Отсутствие на огромном по площади и топографически расчлененном холме Намазга-депе какой-либо явно выраженной социальной или даже значительной имущественной дифференциации, отраженной в этой топографии, которая оказывается всецело обязанной различному заселению холма в разные эпохи его существования. Показательным является и отсутствие оборонительных стен вокруг наиболее возвышенной и самой молодой части холма, которую соблазнительно было считать чуть ли ни зикуррэтом или же цитаделью вождя, в то время как там оказался гончарный горн.

З. Отсутствие сколько-нибудь резких различий в культурных проявлениях у древних оседло-земледельческих родовых обществ Ахала и Этека и, напротив, наличие поразительных совпадений в деталях орнаментации, форм и техники керамики; например, северный Анау I и Яссы-депе у Каахка, Ак-депе у Ашхабада и Намазга, полихромия северного кургана Анау, Намазга и Геоксюр 2. Все это говорит о культурно-племенном единстве всей предгорной зоны центрального и восточного Копет-Дага, в отличие, скажем, от бассейна Мургаба, с одной стороны и Дахистана, с другой.

7. Нельзя недооценивать, опираясь на устаревшие и недостаточные данные американских раскопок в Анау, культурного уровня оседло-земледельческих племен Южного Туркменистана в эпоху первобытно-общинного строя. Уже в эпоху Анау I мы имеем, в действительности, дело с племенами, обладавшими орудиями из металла, знавшими всех главнейших домашних животных (овцу, козу, свинью, корову, лошадь), и умевших, несомненно, пользоваться животной тягловой силой, строивших обширные многокамерные родоплеменные дома-массивы из сырцового кирпича и овладевших техникой красочной росписи стен.

8. В связи с этим в предшествующей ступени, если она действительно иллюстрируется поселениями на границе песков типа Джейтуна, следует видеть не охотничьи коллективы с собирательным хозяйством, а оседлых мотыжных земледельцев, обладавших домашней собакой и, по-

Рис. 35. Терракотовая статуэтка. Намазга-депе. „Площадка с горнами".

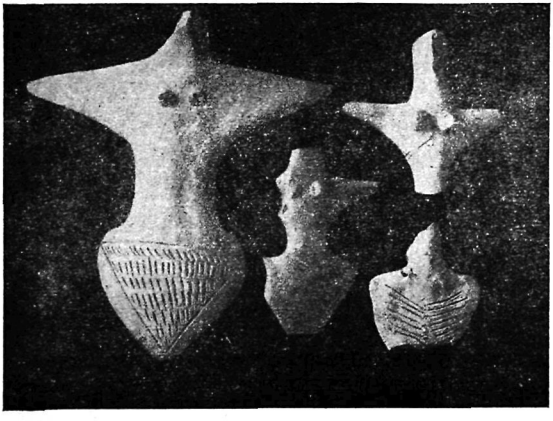


Рис. 36. Терракотовые статуэтки с Намазга-депе.

видимому, овцой, снимавших сложными кремневыми серпами жатву со своих богарных посевов на «каирных» землях в условиях господствовавшего тогда в Евразии (в пятом и четвертом тысячелетиях) более влажного «атлантического» климата (Блитта-Сернандера), моловших зерно с помощью имевшихся у них каменных зернотерок и изготовлявших хорошо обожженную в примитивных еще горнах (но не кострах) керамику с красочной уже росписью.

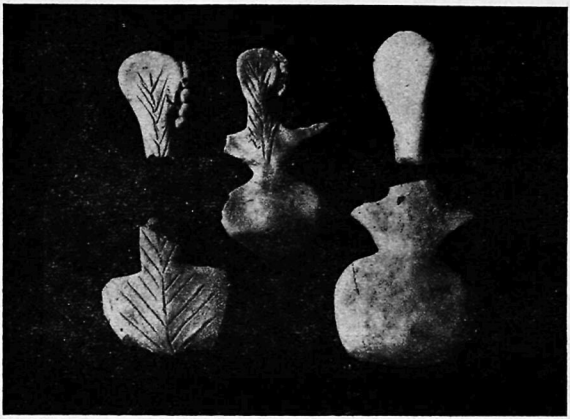


Рис. 37. Терракотовые статуэтки НМЗ IV и V с Намазга-депе и Алтын-депе.

9. Вместе с тем необходимо остерегаться искажений конкретного течения исторического процесса и, не имея объективных данных, относить становление античного рабовладельческого общества в Туркмении-стане ко времени, предшествующему концу бронзовой эпохи. Памятником, действительно, способным осветить этот процесс, судя по внешней структуре холма и подъемному материалу, скорее всего окажется Елькен-депе у Қоушута.

10. Учитывая уже полученные работами ЮТАКЭ конкретные данные хозяйственного развития охотничьих, оседло-земледельческих и кочевых обществ на территории Южного Туркменистана, в условиях происходивших за последние 5—6 тысячелетий до н. э. физико-географических перемен, мы не можем игнорировать также факта, совпадающего с наступлением (в конце II тысячелетия до н. э.), «ксеротермического» максимума, усиления борьбы за водные источники, как между отдельны-

ми родоплеменными хозяйствами, так и с надвигающимися кочевыми племенами в оседло-земледельческую предгорную зону Копет-Дага.

В результате последнего наблюдается временное замирание жизни на целом ряде крупнейших поселений (Намазга, Алтын, Душакский Яссы-депе) в эту эпоху. В то же время общее увеличение количества пленных рабов, при дальнейшем расширении поля производственной деятельности в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влечет за собою рабство.

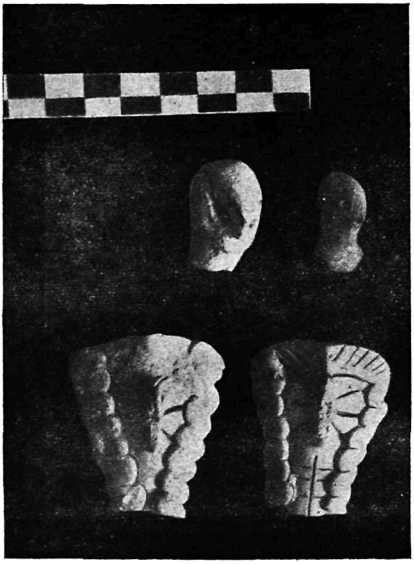


Рис. 38. Головки терракотовых статуэток с Намазга-депе.

11. Что касается основных этапов в развитии оседло-земледельческих обществ в Южном Туркменистане в эпоху первобытно-общинного строя, то процесс протекает, как это можно легко заметить, в сторону усиления и дальнейшего развития, за счет исчезающих в зоне песков (в нижних дельтах ручьев) поселений, тех родовых объединений, которые с самого начала обосновались несколько ближе к горам. Так, в Ахале с кон-

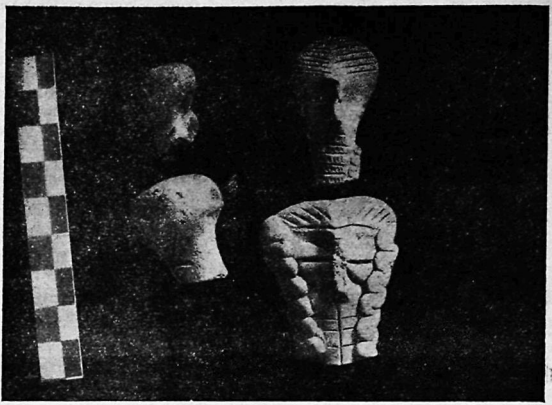


Рис. 39 Головки терракотовых статуэток с Намазга-депе.

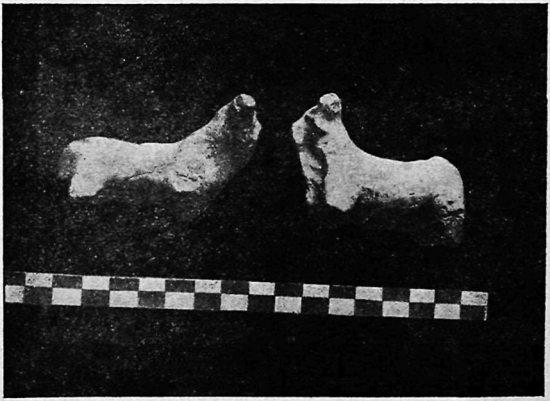
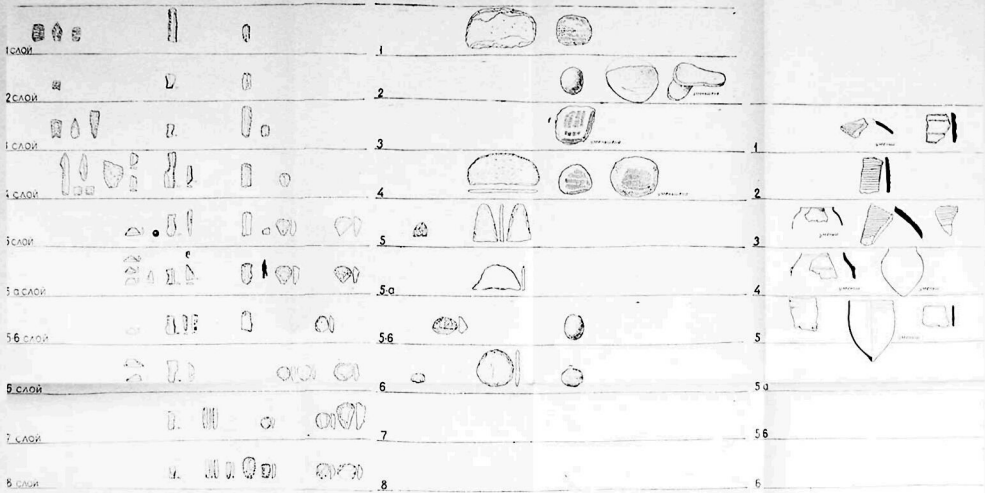
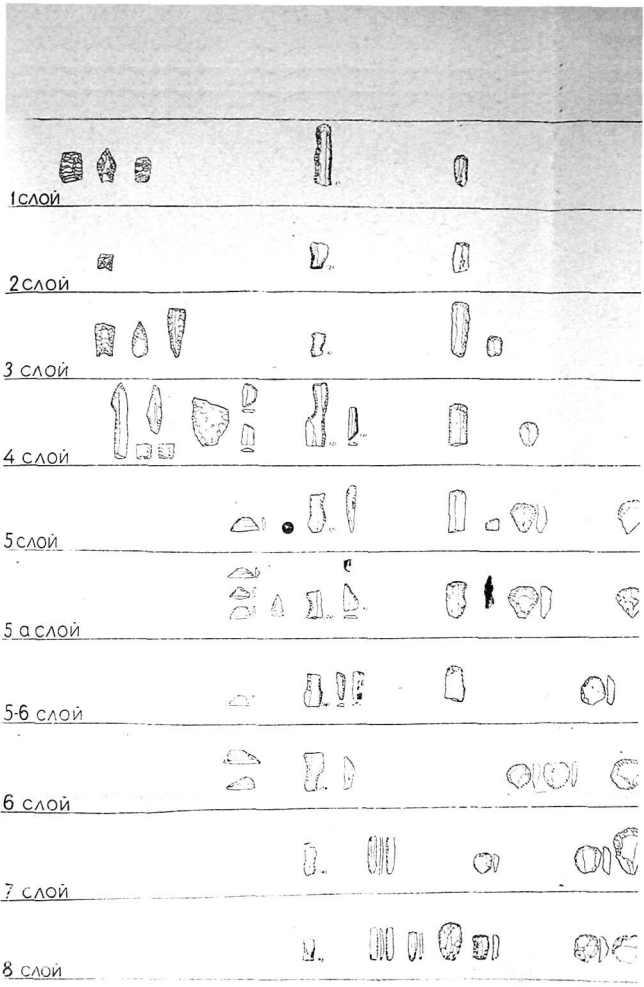


Рис. 40. Терракотовые статуэтки животных с Намазга-депе.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ ПО СЛОЯМ




1слой
2слой
3 слой
4 слой
5слой
5 а слой
5-6 слой
6 слой
7 слой
8 слой

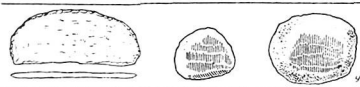
СПРЕДЕЛЕНИЕ КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ ПО СЛОЯМ

1

2

3

4



5

5-а

5-б

6

7

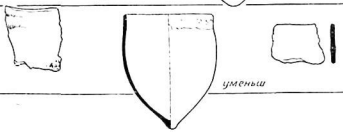
1

2

3

4

5



5-а

5-б

6

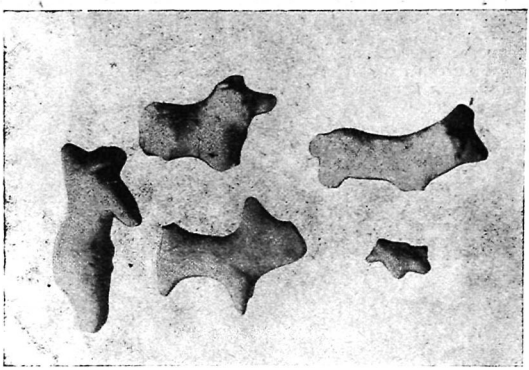


Рис. 41. Терракотовые статуэтки животных с „площадки с горнами".

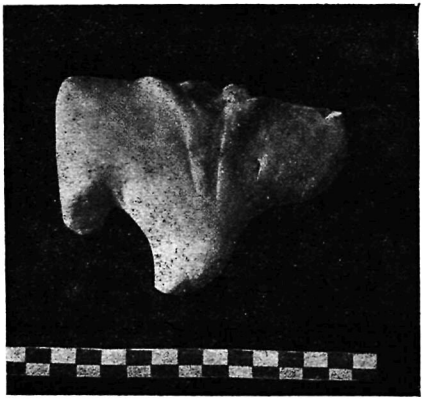


Рис. 43. Мраморная статуэтка с Намазга-депе.

цом периода Анау I замирает Овадан-депе к северу от Ашхабада, в то время как северный холм Анау продолжает развиваться; в Этеке исчезает жизнь на Яссы-депе, к северу от Каахка, едва влачит существование Керменчи-депе у Арман Сагата, а одновременно с ними начавший свое существование холм Намазга-депе значительно вырастает в размерах, так же как Кара-депе у Артыка и два подобных холма у Коушута.

В дальнейшем процесс родо-племенной консолидации приводит в эпоху средней бронзы, на стадии складывающихся военных демократий, к образованию небольшого числа огромного размера поселений типа Намазга-депе у Каахка, Яссы-депе у Душака и Алтын-депе у Меана.

От редакции: Сводная таблица стратиграфических колонок публикуется в полном соответствии с предварительным эскизом, составленным еще Б. А. Куфтиным. Следует учитывать, что некоторые рисунки носят несколько схематизированный характер (например, для Джейтуна) и что, помимо находок из раскопок, в таблицу Б. А. Куфтиным включен также подъемный материал.

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ ПО РАСКОПКАМ Б. А. КУФТИНА

I. КУЛЬТУРЫ АНАУ И РАБОТЫ Б. А. КУФТИНА

Южная Туркмения входит в сферу распространения культур позднего неолита, энеолита и бронзового века, характеризуемых наличием расписной керамики. Со времени издания материалов раскопок Пампелли за этими культурами Южного Туркменистана утвердилось название «культур Анау». Положение «культур Анау» в общей системе древних земледельческих культур очень существенно. С одной стороны они тесно связаны с культурами энеолита и бронзового века соседнего Ирана, а через них, уже опосредствованно, с одним из центров древневосточной цивилизации — Двуречьем. С другой стороны совершенно определенные, хотя и плохо изученные связи намечаются с ранними культурами бассейна Инда. Эти связи, устанавливаемые по археологическому материалу, показывают, что Южная Туркмения входила в круг высокоразвитых культур IV—III тысячелетий до н. э., являясь его северной границей. В этот период истории древнего Востока происходит переход к скотоводству и земледелию, достигают значительной специализации ремесла и в передовых странах того времени возникают раннеклассовые рабовладельческие общества. Изучение «культур Анау» позволяет подойти к конкретному изучению общественного строя Южной Туркмении этого периода. К северу от «культур Анау» находилась территория, занятая неолитическими племенами охотников и рыболовов, перешедших к мотыжному земледелию и скотоводству значительно позже своих южных соседей. Здесь также наблюдаются взаимные связи, причем наибольший интерес в этом отношении представляют культуры поздней бронзы в Хорезме и Фергане, характеризуемые распространением расписной керамики[1]). Поэтому совершенно несомненно большое значение исследования «культур Анау» советскими археологами.

Еще в конце прошлого века А. В. Комаров прорезал большой траншеей северный холм у селения Анау[2]). Но добытый здесь материал остался не опубликованным. В 1903 г. холмы у Анау были обследованы американской экспедицией[3]), произведшей затем раскопки на северном и южном холмах. В результате раскопок было установлено деление всего материала на четыре последовательно сменявшие друг друга культуры, названные соответственно Анау I, II, III и IV. Издание полученного материала прочно ввело в научный обиход замечательные памятники Турк-

мении[4]). Однако раскопки американской экспедиции были проведены на недостаточном методическом уровне и уже были подвергнуты критике в советской литературе[5]). Полученный материал получил также искаженное историческое толкование, слоям были даны фантастические датировки. В настоящее время эти даты коренным образом пересмотрены, однако основным фактическим источником знаний о «культурах Анау» долго продолжали оставаться труды американской экспедиции, полная устарелость которых не требует доказательств.

В советский период на территории Южной Туркмении выявлено большое количество новых памятников энеолита и бронзы. Сейчас ясно, что холмы Анау это остатки сравнительно бедного и небольшого поселения, одновременно с которым существовали десятки других. Одним из крупных центров Южной Туркмении было Намазга-депе, введенное в научный обиход Д. Д. Букиничем[6]). Новый интересный материал дали раскопки А. А. Марущенко на Ак-депе под Ашхабадом, оставшийся однако не опубликованным[7]). Также неопубликованными остались сборы подъемного материала с целого ряда других памятников, сосредоточившиеся в довоенные годы в Музее краеведения в Ашхабаде. В довоенные же годы были выдвинуты дополнения к схеме «анауских культур» по Пампелли[8]). Однако не подкрепленные публикацией фактического материала эти дополнения повисли в воздухе и в науке продолжала использоваться схема, предложенная американской экспедицией[9]).

Большое внимание «анауским культурам» уделила образованная в 1946 г. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. В 1947 г. отрядом профессора М. Е. Массона был обследован ряд памятников подгорной полосы и с наиболее крупных из них (Елькендепе у Каушута, Намазга-депе у Каахка, Яссы-депе у Душака) опубликован собранный материал[10]). Значительно расширило представление об истории Туркмении в бронзовом веке исследование [проф. М. Е. Массоном, А. А. Росляковым, В. М. Массоном, отчасти Б. А. Литвинским] юго-запада страны (средневековый Дахистан), где четко выделилась локальная культура, отличная от «анауских культур»[11]).

Широкие разведки, проведенные ЮТАКЭ, показали, что одним из наиболее перспективных памятников является грандиозное поселение Намазга-депе.

В 1949—1950 гг. были начаты раскопки Намазга-депе с целью получения конкретных археологических комплексов для изучения древнейшей истории Туркмении (начальник отряда ЮТАКЭ Б. А. Литвинский). Уже первые два сезона работ дали новый материал в этом отношении[12]). Была вскрыта в одном месте часть большого жилого комплекса верхнего слоя, начато стратиграфическое изучение памятника, причем наметился переходный слой от Анау II к Анау III, не замеченный американской экспедицией[13]). В 1951 г. ЮТАКЭ осуществлена разведочная раскопка Янгикалинского могильника [А. Ф. Ганялин].

В 1952 г. работы отряда ЮТАКЭ по изучению «анауских культур» были продолжены под руководством профессора Б. А. Куфтина с участием А. Ф. Ганялина. С присущей ему энергией и большим размахом Б. А. Куфтин сразу приступил к разрешению узловых вопросов проблемы «анауских культур».

Рис. 1. Б. А. Куфтин на раскопках Яссы-депе.

Обширные сборы подъемного материала, широкие разведочные работы дали в первый год деятельности Б. А. Куфтина большой новый материал, позволяющий полностью пересмотреть и заменить устаревшие работы Р. Пампелли. К сожалению, Б. А. Куфтин успел только начать обработку добытого материала и подготовку его к печати. Оформленными остались только развернутый полевой отчет, публикуемый в настоящем томе, и написанная на его основе небольшая статья, изданная в «Известиях АН Туркм. ССР»[14]).

Учитывая всю важность скорейшего издания материалов, добытых отрядом ЮТАКЭ, руководимым Б. А. Куфтиным, в настоящем томе публикуется составленный им иллюстративный и графический материал с краткими комментариями. Конечно, лишь сам производитель работ мог бы с достаточной полнотой дать описание произведенных им раскопок. В данной статье издается расписная керамика, найденная при раскопках Б. А. Куфтина, часть иллюстраций которой была выполнена еще под его руководством. Значительная часть материала, оставшегося не обработанным, была обработана автором, составившим сводные таблицы. В связи с необходимостью скорейшего издания материалов было решено воздержаться от его развернутого исследования, ограничившись общим сравнением с памятниками соседнего Ирана. Вводимый в научный обиход новый материал позволит провести уже более широкие и обобщающие исследования.

Прежде чем перейти к характеристике самого материала следует остановиться на стратиграфии слоев, установленной Б. А. Куфтиным, и ее соотношении с употребляющимся в литературе делением «анауских культур». Основой для новой стратиграфии являются раскопки на Намазга-депе, давшие четкую последовательность различных слоев. Выделенные археологические комплексы были названы Б. А. Куфтиным соответственно снизу вверх Намазга I, II, III, IV, V и VI.

В шурфе № 1, начатом еще в 1950 г. и условно названном «шурфом ЮТАКЭ», Б. А. Куфтиным была установлена последовательность культур Намазга V, Намазга IV, Намазга III, Намазга II и Намазга I. В южном шурфе (№ 2) подтвердилась последовательность трех верхних культур (Намазга V, Намазга IV, Намазга III). Материал Намазга III лежал здесь на материке, а Намазга I и Намазга II отсутствовали. Последовательность этих нижних слоев была установлена в шурфе № 5 (в «хаузе»), где, однако, более верхние слои были перемешаны. Наконец, раскоп на «вышке» (наиболее высокий бугор Намазга-депе, расположенный на севере поселения) дал комплекс Намазга VI, ниже которого в этом раскопе были прослежены соответственно Намазга V и IV. Последовательность этих двух последних показал шурф № 4, заложенный у подножья «вышки». Материал, полученный при стратиграфическом изучении Намазга-депе, находит ближайшие аналогии в раскопках Анау и других памятников, что свидетельствует об историко-культурной общности подгорной полосы и об общем значении намазгинской стратиграфии.

Новое в намазгинской стратиграфии, по сравнению со старым делением Анау на четыре культуры, состоит в установлении комплекса, оставшегося незамеченным при раскопках Анау (Намазга III) и более

дробного членения толщи культурных слоев, объединенных американской экспедицией под наименованием Анау III: Взаимоотношение слоев Анау и Намазга-депе видно из прилагаемой таблички. Намазга I это Анау I Б. Материала Анау I А на Намазга-депе пока не обнаружено, Анау II и Намазга II идентичны по материалу.

Аннау I А	—	нет
Аннау I Б	—	Намазга I
Аннау II	—	Намазга II
нет	—	Намазга III
	—	Намазга IV
Аннау III	—	Намазга V
	—	Намазга VI

Материал Намазга III в издании Р. Пампелли нет. Анау III сейчас можно разделить на три более дробные комплекса. Материал Намазга IV дали раскопки упоминавшегося выше Ак-депе под Ашхабадом. Намазга V — это верхний слой большей части самого Намазга-депе. К Намазга VI можно отнести раскапывавшийся в 1951 г. отрядом ЮТАКЭ (начальник отряда А. Ф. Ганялин), Янгикалинский могильник, которому в настоящем томе посвящена специальная статья. Стратиграфия, установленная раскопками Б. А. Куфтина на Намазга-депе, в большей степени соответствует имеющемуся материалу, чем прежнее деление Анау на четыре культуры, хотя, вероятно, и эта новая стратиграфия подвергнется уточнениям и изменениям по мере новых археологических работ и прежде всего раскопок новых памятников.

II. ОПИСАНИЕ КЕРАМИКИ

Керамика культуры Намазга I

Керамика культуры Намазга I происходит из XXIII—XXXVIII ярусов шурфа № 1 и XX—XXV ярусов шурфа № 5 на самом поселении Намазга-депе. Значительный керамический комплекс НМЗ 1 дали раскопки на Яссы-депе к северу от Каахха. Вся посуда НМЗ 1 леплена от руки, в глину подмешан мелкорубленый саман. Формы керамики отличаются сравнительно небольшим разнообразием. Наиболее распространена форма чаш с плоским или чуть вогнутым дном (табл. VIII, 2, 3, 7; VI, 1, 2). Встречаются также низкие открытые тарелки (VIII, 4), иногда имеющие большой диаметр и по сути дела являющиеся уже блюдами (IX, 6). Встречаются также горшкообразные сосуды на дисковидном поддоне (VI, 10, 13, 15). Сосуды для хранения имеют цилиндрическую форму и ручки-налепы в виде полуовальных скоб (IX, 5). Отметим что уже в НМЗ 1 зарождаются формы сосудов с изломанными под углом стенками у венчика (IX, 1) или по середине тулова (IX,4), широко распространившиеся в последующее время. Роспись сосудов производится в основном темно-коричневой краской различных оттенков по красному или желтоватому фону. Мотивы росписи керамики культуры НМЗ 1 довольно ограничены. Керамика Яссы-депе, например, имеет два основных мотива: изображение рядов контурных треугольников (VIII, 8) и орнамент из широких лент, окаймленных с одной стороны узкими линиями (VIII, 2, 3,). Характерной деталью является добавление к нижнему ряду треугольников уголков с точками на концах (VIII, 7) или трезубого отростка (VIII, 5).

Более разнообразна орнаментация керамики из нижних слоев шурфа № 5 на Намазга-депе. Наряду с мотивом контурного треугольника, имеющего обычно вогнутые края, здесь часто встречается рисунок, образованный тремя параллельными линиями. Так, иногда в орнаментальной полосе нижний ряд образован контурными треугольниками, а верхний ряд — треугольниками, выписанными такими строенными (VI, 2) или сдвоенными (VI, 17) линиями. Иногда рисунок образован просто пересекающимися строенными линиями (VI, 6, 16), в другом случае параллельные линии прочерчены вдоль края венчика (VII, 10, 14; VI, 1). Известна также полоса, заполненная косой сеткой (VII, 9). В одном случае вдоль линии даны контуры полуовалов, образуя как бы пиловидное очертание (VII, 8).

Значительный интерес представляют найденные на Намазга-депе в слое НМЗ 1 изображения козлов, являющиеся наиболее ранним изображением животных на расписной керамике Южной Туркмении, известной в настоящее время. Такие изображения найдены как в шурфе № 1 (V, 4), так и в шурфе № 5 (III, 1, 3). Рисунок животного линейно-схематичный. Туловище изображено полуовальной линией. Вертикальными линиями изображены передние и задние ноги. Рога иногда изображаются двумя полуовальными линиями, иногда линиями более прямыми. Морда животного специально не вырисовывалась, но ее как бы образуют приостренные концы линий, изображающих рога животного. По своей схематичности изображения козлов напоминают наскальные рисунки.

Надо полагать, что дальнейшее изучение материала позволит дать более дробное деление керамики культуры НМЗ 1. Уже сейчас можно, например, разделять яссы-депинский комплекс с менее разнообразной росписью, соответствующий нижним горизонтам шурфа № 1 на Намазга-депе, и керамику верхних горизонтов НМЗ 1 в том же шурфе вместе с керамикой из шурфа 5. Здесь орнаментация становится более дробной и встречаются изображения козлов. Правда, следует учитывать и то обстоятельство, что Яссы-депе было сравнительно небольшим и своего рода окраинным поселением по сравнению с Намазга-депе. Это обстоятельство могло отразиться и на известной бедности расписной керамики Яссы-депе.

Керамика культуры Намазга II

Материал культуры НМЗ II происходит из различных пунктов раскопок и сборов подъемного материала. На Намазга-депе этот материал встречен в XVIII—XXII ярусах шурфа № 1 и в XV—XIX ярусах шурфа № 5. В последнем шурфе наряду с керамикой НМЗ II уже с XVI яруса встречается характерная керамика НМЗ I. Также отдельные фрагменты керамики НМЗ II встречались и в XII—XIV ярусах этого шурфа. На Карадепе в шурфе не доведенном до материка в VIII—X ярусах начался слой, в котором довольно часто встречается полихромная керамика, относящаяся, видимо, к поздним этапам НМЗ II. Значительный интерес представляют также коллекции подъемного материала с Илгинлы-депе у Чаача и холмов Геоксюр у одноименной станции в 20 км к западу от г. Теджен.

В силу того, что слои НМЗ II не раскапывались на больших площадях, количество форм посуды, известных сейчас для этого времени, довольно ограничено и существенных отличий от керамики НМЗ I про-

следить не удается. В расписной керамике продолжают бытовать формы глубоких чаш (XVII, 10), венчик которых иногда слегка загнуть внутрь сосуда. На Кара-депе был найден небольшой кувшинчик (XIX, 18). Появляется керамика серой и красной глины, хорошего лощения, частично связанная с новыми формами.

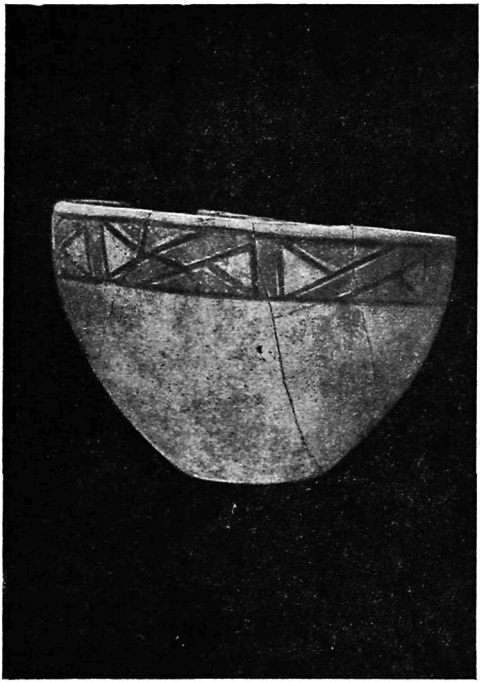


Рис. 2. Сосуд культуры НМЗ II с Намазга-депе.

Так следует отметить горло кувшина из шурфа на Кара-депе (XX, 2) и высокую чашу с ребристым перегибом стенок у венчика оттуда же (XIX, 1). Керамика попрежнему изготовляется от руки с при-

месью в черепке самана. Следует особенно подчеркнуть высокое качество изготовления тонкостенных сосудов.

Характерным признаком для выделения керамики культуры Намазга II является распространение двухцветной или полихромной росписи черным и темнобордовым (с различными вариационными оттенками) на розовато-желтом или кремовом фоне. Встречаются черепки и с интенсивным красным фоном, что характерно для Илгинлы-депе. Для расписной керамики НМЗ II характерно фризовое расположение орнамента в верхней части чаш с наружной стороны. Часто эти фризы образованы различным сочетанием треугольников и косых и вертикальных полос (контурных и заполненных сеткой (XVII, 8—II; XVIII, 2; X, 4). Встречаются также в фризах вертикальные полосы с волнообразно оформленным краем (XVIII, 9; XVII, I; X, 6). Имеется также рисунок зигзагообразными полосами, заполненными клетками (XI, 5). Иногда такие полосы образуют геометрические фигуры (XVIII, 20). Из более редких вариантов отметим вписанные в ромбы восьмилучевые фигуры (XVII, 6) и пересекающиеся арочки, выполненные черной краской на светлом фоне (XVII, 4).

Характерной чертой керамики с Илгинлы-депе является применение мотива креста и крестообразных фигур, образованных как сплошной окраской (XV, 5), так и фоновыми просветами во фризах (XVI, 2, 4, 6). Этот элемент характеризует известное отличие Илгинлы-депе от собственно намазгинского материала, связанное, надо полагать, с локальными особенностями. Правда следует отметить, что мотив крестообразной фигуры известен по керамике северного холма Анау времени Анау II, т. е. синхронной НМЗ II, а также в полихромной керамике Кара-депе (XV, I).

Как известно Г. Шмидт отмечал, что в Анау над слоями Анау I идут слои с керамикой красной и серой глины, образующие как бы переход к Анау II. На материале стратиграфических работ 1952 г. на Намазга-депе выделить этот переход четко не удается. Слои НМЗ II — Анау II имеют в местах раскопок сравнительно небольшую мощность (2 м), но насколько нам известно, А. Ф. Ганялин выделял такой переходный слой при разведочной шурфовке в 1953 г. на Илгинлы-депе. Зато довольно четко выявляются поздние этапы керамики НМЗ II, где орнаментация изменяет свой характер, образуя постепенный переход к орнаментике НМЗ III. Это можно проследить по керамике VIII—X ярусов шурфа на Кара-депе. Наряду с полихромной росписью (темнокоричневым до черного и темнобордовым на розовато-желтом фоне) здесь широко распространена и монохромная роспись (темнокоричневым — черным по красному или зеленовато-белому фону). Характерные для НМЗ II фризы, насыщенные орнаментацией уже не встречаются. Орнамент, располагающийся по наружной стороне сосуда, образован простыми геометрическими элементами (волнистые и прямые линии, зигзаги, заштрихованные треугольники). Характерным элементом является полоса, разделенная на клетки (XX, 3, 5, 10; XIX, 3, 14). Некоторая упрощенность орнаментации указывает на переходный характер керамики из нижних слоев шурфа на Кара-депе. Новыми элементами, ведущими уже в орнаментацию керамики НМЗ III, являются мотив вписанных одна в другую окружностей (XX, 7) и рисунка зигзагообразной линией, пересеченной прямыми черточками (XX, 13).

Керамика культуры Намазга III

Керамика культуры Намазга III наиболее ярко представлена комплексом из I—VII ярусов шурфа на Кара-депе. На самом Намазга-депе слой НМЗ III установлен в шурфе № 1 (XIII—XVII ярусы) и в шурфе № 2 (XIX—XXXVI ярусы). Отдельные фрагменты керамики НМЗ III встречались и в более верхних слоях этих шурфов. Посуда попрежнему изготовляется от руки, в глину добавлена мелкорубленная растительная примесь. Для форм расписной посуды культуры НМЗ III характерно распространение приема излома стенок, придающего сосудам ребристую форму. Таковы глубокие чаши с ребристым изломом стенок, загнутых у венчика (XXIV, I; XXVI, I; XXV, I), высокие цилиндрические сосуды со скошенной придонной частью (XXIV, 7) и некоторые другие варианты этих форм. Продолжает старые традиции форма полусферической чаши с плоским дном (XXV, 2). Судя по имеющимся фрагментам, существовали также плоские тарелки значительного диаметра с росписью на внутренней стороне, игравшие, вероятно роль, парадных блюд (XXVI, 7). Употреблялись также низкие небольшие блюдечки (XXIV, 8). Распространяется форма горшков с невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком (XXIV, 12; XXVI, 14; XXV, 4; XXVIII, I).

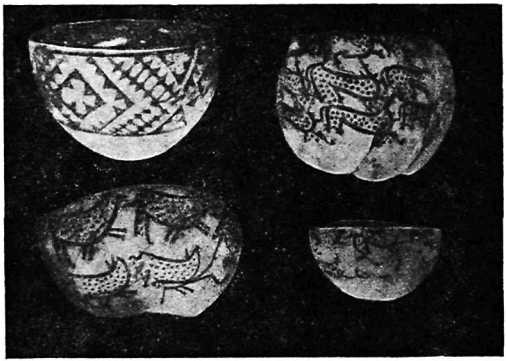


Рис. 3. Сосуды культуры НМЗ III с Кара-депе.

Для керамики культуры НМЗ III характерна роспись темнокоричневой краской по зеленовато-кремовому. Краска положена густо, рельеф рисунка заметен на ощупь. Вместе с тем соединяется с черепком она сравнительно плохо и довольно часто отслаивается. Значительно реже распространена роспись темнокоричневой краской по красному фону. Как последние остатки полихромии НМЗ II очень редко встречается роспись по светложелтому фону черным и бурым (XXV, 12).

В росписи частично сохраняются геометрические мотивы, но они становятся более мелкими по масштабам, роспись в целом приобретает «пестрый» характер, подготавливая появление насыщенного коврового орнамента НМЗ IV. Характерным моментом является, например, нанесение на прямые линии, образующие геометрические фигуры рисунка, поперечных черточек (XXVII, 5; XXVIII, 8, 10), иногда выполненных в виде полуовалов (XXVIII, 12) или удлиненных ромбов (XXV, 19), что значительно дробит рисунок и придает ему более орнаментализированный характер. Часто применяются шахматно зачерненные клетки (XXVI, 5; XXV, 2), иногда образующие крестообразные фигуры (XXVII, 9). Распространяются ступенчатые фигуры в виде пирамид, образуя или самостоятельный рисунок (XXIV, 7) или входя составным элементом в более сложную композицию (XXV, 17, 21). В тех случаях, когда пирамида выполнена контурной линией или соединением треугольников (XXVII, 8; XXVI, 12 и др.), легко можно заметить, что этот мотив восходит к употреблению крестообразных фигур в росписи на керамике НМЗ II.

Рис. 4. Изображения „барсов" на керамике НМЗ III.

Крестовидные фигуры, данные контуром (XXV, 13) или фоновым просветом (XXVII, 6, 10; XXIV, 10; XXV, 19) встречаются и в росписи НМЗ III. Но здесь они использованы как элементы орнаментального повторения, в то время как в росписи на керамике НМЗ II крестообразные фигуры даны крупным рисунком и подчеркиваются как самостоятельный мотив. Связанными с традициями предшествующего периода, особенно с керамикой VIII—X ярусов шурфа на Кара-депе, являются такие орнаменты как полоса, заполненная косыми клетками (XVII,1) заштрихованные полосы (XXVII, 12; XIV, 6), прямоугольники (XXVII, 12) и треугольники (XXVII, 3, 17). Иногда геометрические фигуры заполнены рядами волнистых линий (XXVI, 3; XXV, 10). Часто встречается в росписи НМЗ III мотив вписанных одна в другую окружностей (XXII, 1, 2, 5, 6; XXIV, 9; XXVIII, 9), вероятно, семантически связанный с изображением солнца. На это указывает в частности то обстоятельство, что иногда эти круги изображены с радиально расходящимися лучами (XXV, 24). Горшки с невысокой шейкой (а также и некоторые другие формы) имеют на плечиках орнамент, образованный соединением прямых и косых линий (иногда «елочкой» XXV, 4), причем некоторые линии снабжены полу-

овальными выступами, придающими им зубчатый характер (XXIV, 3, 12, 14; XXVI, 13, 14; XXVIII, 1, 3).

Одной из наиболее ярких отличительных черт расписной керамики НМЗ III является частое изображение животных. Это птицы, козлы и схематические пятнистые животные с хвостом и четырьмя ногами. Появление этих элементов представляет значительный интерес в двух отношениях. Во-первых, эти изображения почти никак не связаны с предшествующей расписной керамикой Южной Туркмении. Действительно, если в керамике НМЗ I имеются схематические изображения козлов, то для НМЗ II они пока не установлены (едва ли к НМЗ II следует относить схематическое изображение козла из VI яруса шурфа, на Кара-депе V, I; скорее это НМЗ III). Во-вторых, условный характер ряда изображений заставляет предполагать наличие более реалистических прототипов. В отличие от геометрического схематизма изображений козлов на керамике НМЗ I, *козлы на посуде НМЗ III изображаются в более экспрессивной манере*, за которой угадывается довольно реалистический прообраз (например, XXVIII, 2). На сосудах козлы следуют один за другим (XXVIII, 4; XXI, 3). Их разделяет орнамент, являющийся вариантом уступчатой пирамиды. Иногда контурная линия пирамиды и линии, изображающие козлов, образуют сложное и на первый взгляд неразличимое сочетание.

Птицы изображены в условной манере, так что породу определить невозможно (табл. XXII; XXV, 9; XXVI, 7). Но вместе с тем изображение иногда бывает достаточно выразительно. Изображены птицы вероятно идущими, поскольку подчеркивается наличие двух ног. Изображения птиц встречаются в сочетании с пиловидными линиями или, более часто, с концентрическими кругами. Последнее сочетание, вероятно, имеет какое-то смысловое значение, но судить об этом пока трудно.

Едва ли не наибольший интерес представляет изображение в керамике НМЗ III пятнистых животных. Прослеживая аналогии в материале иранских памятников бронзового века, можно установить, что авторы рисунков на керамике НМЗ III имели в виду животных кошачьей породы, скорее всего барсов или, по мнению проф. М. Е. Массона, иногда гепардов. Даже на южно-туркменском материале устанавливаются различные степени условности в изображении «барсов». Имеются изображения, на которых поза с выгнутой спиной, изгиб хвоста, в какой-то мере напоминают изображения «барсов» Гисара или Сиалка. Но и здесь имеется значительный элемент схематизма. Например, на конце ног изображены растопыренные пальцы — по четыре или по три на ноге. Более распространены в НМЗ III уже совершенно искаженные изображения, которые являются просто схемой животного с хвостом, ногами и пятнистой окраской, причем, исходя из самого изображения, определить породу животного просто невозможно (XXV, 1; XXIV, 2, 13). Интересно, что в одном случае ноги изображены тремя парами черточек, что можно понимать за изображение как шести ног, так и трех. Во всяком случае, налицо предельная условность рисунка. Рассматривая изображения пятнистых животных на керамике культуры НМЗ III, можно вполне определенно придти к выводу, что авторы росписи, восприняв конкретный сюжет, условно разрабатывали его, превратив в схему, имеющую в основном лишь орнаментальное значение. Этот факт

тем более заслуживает внимания, что в поздней Туркмении, надо полагать, так же как и в древней водились барсы и гепарды, которые могли быть оригиналом реалистического изображения. К рассмотрению этого вопроса придется вернуться еще ниже.

Рис. 5. Изображения „барсов" на керамике культуры НМЗ III.

Наряду с расписной керамикой в слоях НМЗ III имеется керамика серой и (реже) красной глины с лощеной поверхностью. Эта керамика часто орнаментирована налепными валиками (XXVI, 10) или прорезным геометрическим орнаментом (XXVII, 4, 13; XXIV, 4). Наиболее часто встречаются кубки со скошенной придонной частью (XXIV, 4). Известен также горшок с невысокой шейкой (XXV, 7), корчага с отогнутым наружу валиком венчика (XXIV, II) и высокая полая ножка (XXV, 6), видимо, принадлежащая высокой вазе, форме широко распространившейся в последующий период.

Керамика культуры Намазга IV

Керамика культуры Намазга IV выделена на основании стратиграфических наблюдений в шурфе № 1 (V—XII ярусы; раскопки 1950 г.), шурфе № 2 (VI—XVIII ярусы) и шурфе № 4 (V—VI ярусы) на Намазга-депе. Большой и разнообразный керамический комплекс НМЗ IV был получен при раскопках т. н. площадки с горнами.

Керамика НМЗ IV отличается высоким качеством изготовления, разнообразием и некоторой вычурностью форм. Тесто тонкостенных сосудов хорошей отмучки без растительных примесей. В верхних ярусах слоев НМЗ IV появляется посуда, изготовленная на гончарном кругу быстрого вращения. Характерной особенностью является широкое распространение остроребериых сосудов, форма которых в ряде случаев продолжает традиции керамики НМЗ III.

Таковы крупные сосуды с изломом в верхней части тулова стенок сужающихся к горлу сосуда (XXXVI, 8; XXXIII, 5; маленький сосудик

этого типа XXXII, II). Восходят к керамике НМЗ III и низкие небольшие кубки с подкошенной придонной частью и чуть вогнутыми стенками (XXXIV, 3; XXXVI, 7). Развивают эту форму и более крупные сосуды (XXXI, I; XXXIV, 7). Более сильную вогнутость стенок имеют высокие кубки, где подкошенная придонная часть получает форму выкружки (XXXI, 14). По существу развитием этой формы являются остроребер-ные сосуды на высокой ножке (XXXII, 26, 1). Новой формой являются крупные кувшины с прямым высоким горлом и без ручек (XXXIV, 4). Существуют также небольшие чаши (XXXI, 5) и, видимо, кубки на высоких ножках (XXXII, 5, 9), хотя последняя форма более характерна для керамики серой глины. Имели перегиб стенок также толстостенные сосуды с отогнутым наружу венчиком, видимо, предназначавшиеся для хранения (XXXIV, 10; XXXIII, 7, 8).

Керамика НМЗ IV раскрашивается темнокоричневой краской различных оттенков по зеленовато-белому фону. Орнаментируется обычно верхняя часть сосуда—выше перегиба стенок. У сосудов на высокой ножке орнаментальная полоса опускается до горизонта дна (XXXII, 1, 8, 26).

Для росписи керамики НМЗ IV характерна большая пестрота и насыщенность, орнамент приобретает как бы ковровый характер. Наиболее распространенным приемом является сочетание прямых и ломаных линий с помещением в фоновые просветы квадратов с волнистыми гранями (XXXII, 13, 14, 17, 29; XXXI, 4).

Иногда высокие кубки покрыты сплошным орнаментом из ломаных линий (XXXII, 2; XXXIII, 2; XXXI, 14). Часто вместо прямых линий употребляются волнистые. Применяется сплошная заливка контура зубчатого очертания с помещением в центр незакрашенного пространства квадратов с волнистыми гранями (XXXII, 14; XXXVI, 2). Таким же приемом изображается волнистая линия, образованная незакрашен-

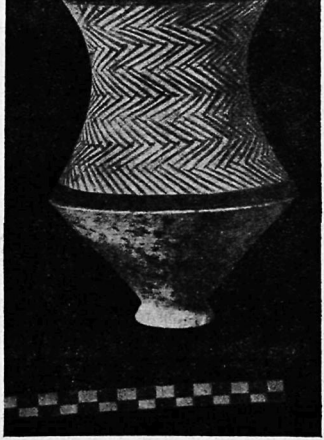


Рис. 6. Сосуд НМЗ VI с Намазга-депе.

ным фоном внутри залитой краской полосы, что особенно характерно для нижней части сосудов на высокой ножке (XXXII, 26, 8, 12, 18). Восходит к орнаментации керамики НМЗ III употребление фигур в виде зубчатых пирамид (XXXII, 16, 28; XXXIV, 2, 4; XXXI, 6), причем в одном случае эта орнаментация имеет почти прямую аналогию в материале Кара-депе (XXXVI, 3; XXXII, 25 ср. XXV, 21). Пестрому характеру расписной керамики НМЗ IV способствует употребление орнамента из сплошных рядов точек (XXXII, 7, 18). Новым элементом, характеризующим расписную керамику НМЗ IV, является изображение „деревца" с растущими в стороны, вверх от центрального прямого ствола ветвями. В ряде случаев снизу как будто изображаются корни. Изображение „дерева" употребляется в различной связи и последовательности. Иногда оно изображено в овальной рамке сплошь залитого контура (XXXVI, 7). В другом случае изображение „деревьев" рядом с уступчатой пирамидой можно понять как сочетание леса и гор (XXXII, 21). Часто „деревья" вписаны в ромбы, образованные волнистыми линиями (XXXVI, 4,6). (Быть может вернее считать, что во всяком случае в ряде случаев изображено не дерево, а колос злака, появление которого в орнаментации поры развитого земледелия периода родового общества вполне оправдано. Ред.).

Рис. 7. Сосуд НМЗ VI с Намазга-депе.

Интересно изображение „деревьев" рядом с животными. Касаясь последних следует отметить, что они в расписной керамике НМЗ IV сравнительно редки. В частности широко распространенные в керамике НМЗ III изображения пятнистых животных совершенно не встречаются. Сохраняются изображения птиц, но они приобретают более условный характер (XXXII, 23). В одном случае птица, видимо, идущая среди „деревьев", изображена довольно выразительно, но, к сожалению рисунок сохранился неполностью (XXXVI, 1). Встречающиеся же изображения козлов имеют более реалистический характер, чем рисунки на керамике НМЗ III (V, 7). Часто козлы изображены стоящими между „деревьями", как например,

Рис. 8. Керамика НМЗ IV с Намазга-депе.

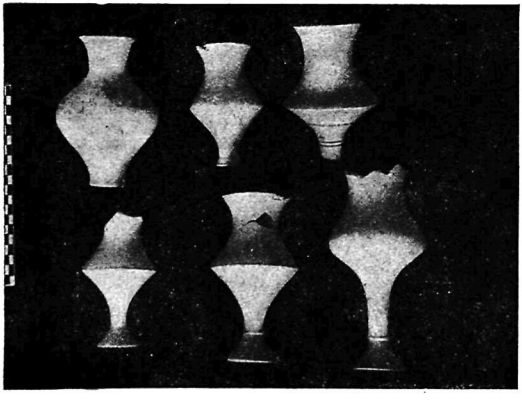


Рис. 9. Керамика НМЗ IV—V с Намазга-депе.

на фрагменте, найденном при раскопках на Намазга-депе в 1949 — 1950 гг., или на неопубликованном сосуде из раскопок на холме Ак-депе под Ашхабадом.

Следует отметить, что наряду с расписной керамикой с зеленовато-белым фоном в слоях НМЗ IV распространена и нерасписная керамика того же цвета, повторяющая формы ряда расписных сосудов. Постепенно роспись исчезает с сосудов и, собственно, это ее исчезновение отличает керамику НМЗ V от керамики НМЗ IV.

В слоях НМЗ IV довольно широко распространена керамика серого цвета с наружным лощением. Ведущей формой является бокал на высокой полой ножке, обычно орнаментированной гофрировкой (XXX, II и др.). Видимо гофрировались и стенки бокала у венчика (XXX, 6). Эта форма является характерной именно для керамики серого цвета. Так же как и в расписной керамике распространены остроребериые сосуды серого цвета черепка (XXX, 3, 4, 14). Вероятно, некоторые остроребериые сосуды имели высокую ножку (XXX, 20). Серая керамика орнаментирована нацарапанным орнаментом (XXX, 3) или упоминавшейся гофрировкой.

Керамика культуры Намазга V

Слой Намазга V является превалирующим верхним культурным слоем Намазга-депе и именно керамика этого слоя (а также частично НМЗ IV) преобладает в подъемном материале. Значительный сбор её в

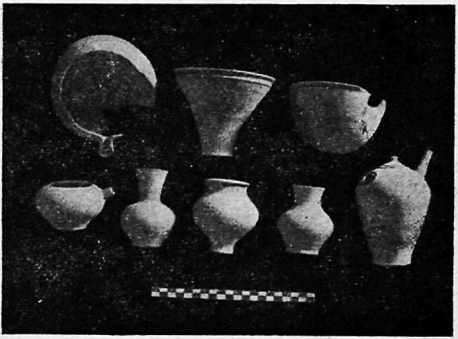


Рис. 10. Керамика НМЗ V с Намазга-депе.

1947 г. отрядом проф М. Е. Массона дал возможность составить несколько сводных таблиц, изданных во II-ом томе «Трудов ЮТАКЭ». Опубликованные Б. А. Литвинским результаты работ ЮТАКЭ на Намазга-депе

1949—1950 гг. внесли известную путаницу в характеристику керамики раскопанного верхнего слоя, поскольку из-за нечеткого стратиграфического наблюдения к последней отнесены были расписные объекты нижележащих культурных ярусов (НМЗ IV), а также без оговорки включен подъемный стратиграфически недокументированный материал, собранный с поверхности. Последующие работы ЮТАКЭ выправили это положение [15].

Значительный комплекс керамики был получен в 1952 г. при раскопках на площадке с горнами. В настоящее время эти материалы значительно увеличились в результате раскопок на Намазга-депе двух зданий верхнего слоя, проведенных в 1953 г. А. Ф. Ганялиным по линии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Имеющаяся богатая и разнообразная коллекция керамики НМЗ V создает все условия для специального монографического исследования. Здесь мы коснемся ее лишь в самых общих чертах.

Посуда изготовляется из глины хорошей отмучки, имеет ровный обжиг и обычно зеленовато-белый цвет черепка в изломе и на поверхности. Основная масса керамики изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, однако определить более уточненно характер этого круга пока не представляется возможным. Роспись сосудов исчезает, каковое обстоятельство является одним из важных признаков отличия керамики НМЗ V от керамики НМЗ IV, поскольку формы сосудов часто идентичны.

Таковы остроребериые сосуды на высокой ножке, иногда небольшие, иногда более широкие (XXXVII, 3, 5, 14). Низкие и высокие чаши имеют слегка надломленный венчик (XXXVII, 2). Несомненно, это обстоятельство связано с новыми техническими возможностями, представляемыми употреблением гончарного круга: в пору преобладания ручной лепки широко распространенные полусферические чаши имели прямой венчик. Близки остроребериым сосудам на высокой ножке и кувшинчики с шаровидным туловом (XXXVII, 11, 16). Небольшие кувшинчики с шаровидным туловом имели высокое прямое горло (XXXVII, 1). Маленькие сосуды вроде чайников имеют небольшой носик, но, однако, ручка у них отсутствует (XXXVII, 7, 9). Распространены также вазы на высоких ножках, имевшие иногда в верхней части лопаточкообразный слив. Как правило, керамика НМЗ V не орнаментирована. Гофрировались ножки ваз и иногда остроребериых сосудов.

Керамика культуры Намазга VI

Керамика культуры Намазга VI выделена на основании раскопок на «вышке» — наиболее высоком бугре Намазга-депе, расположенном в северной части поселения. Слои НМЗ VI перекрывают здесь слои с керамикой НМЗ V. На остальной части поселения слои НМЗ VI отсутствуют.

Керамика НМЗ VI в какой-то мере продолжает традиции посуды НМЗ V, хотя и дает некоторое огрубление форм. Большинство керамики изготовлено на гончарном круге. Цвет глины красный или кремовый, широко применяется красный ангоб различных оттенков.

Иногда сосуды снаружи залощены. Из форм характерными являются чаши со слегка загнутым внутрь венчиком (XXXVIII, 2, 4, 7) и глубокие вазы на полых ножках, представленные в материале Намазга-

депе только фрагментами (XXXVIII, 10, 11, 13, 14), но известные в целом виде по Янгикалинскому могильнику. Небольшие горшкообразные сосуды с плоским дном имели слегка отогнутый наружу венчик (XXXVIII, 1, 3). Крупные сосуды этого типа имеют на плечиках нацарапанный волнистый орнамент (XXXVIII, 5,6; XXXIX, 12). Часто встречаются керамические диски-подставки под сосуды (XXXIX, 6, 9). Кухонные котлы с примесью в тесте гравия имели невысокую шейку и представлены по крайней мере двумя вариантами — с шаровидным туловом (XXXIX, 4; XL, 1) и почти цилиндрической формы (XL, 6). Иногда венчик кухонных котлов имеет косые насечки (XXXIX, 14).

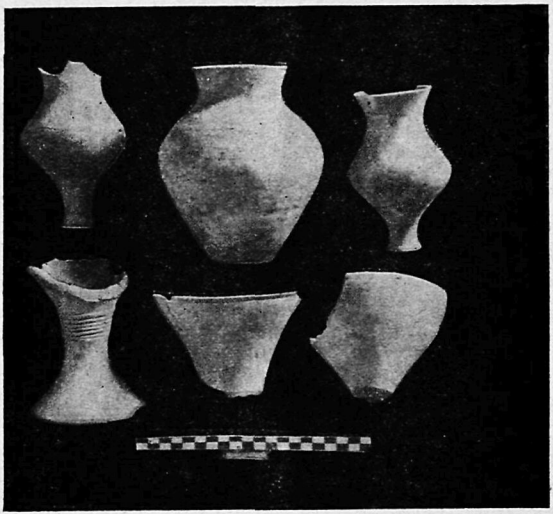


Рис. 11. Керамика НМЗ V с Намазга-депе.

Интересно, что после перерыва, имевшего место в комплексах НМЗ V, вновь появляется серая керамика, часто с лощеной поверхностью. Таковы ножка вазообразного сосуда (XXXVIII, 12), глубокие чаши с уступом у венчика (XXXVIII, *2*, 9) и чаша со слегка загнутым венчиком (XXXVIII. 8), напоминающие материал культуры архаического Дахистана.

III. НАМАЗГА-ДЕПЕ И ХОЛМЫ АНАУ

Выше была описана в общих чертах схема эволюции расписной керамики Южной Туркмении как она представляется в настоящее время на основании материалов, добытых отрядом ЮТАКЭ под руководством Б. А. Куфтина. В каком же соотношении находятся выделяемые на Намазга-депе этапы со старой классификацией Анау Пампелли—Шмидта?

Наиболее древними в Анау являются слои Анау I А, находящиеся в основании северного холма Анау (шурф западной галлереи — уровень — 14 и 24 фута; северные раскопы — 12 и — 19 футов и, в перемещенном состоянии, на террасе III на уровне +17 и +16 футов от поверхности окружающей равнины). Здесь найдена посуда грубой ручной лепки, но хорошего обжига. Установлена только одна форма — глубокая чаша с чуть вогнутым дном. Посуда имеет светлокоричневый или красноко-ричневый ангоб, на который нанесена роспись матовочерным и матовокоричневым. Характерна роспись рядами зигзагообразных линий, спускающихся от венчика сосуда вниз.

Рис. 12. Керамика НМЗ V с Намазга-депе.

Вместе с тем встречаются также решетчатые полосы и треугольники, что связывает этот комплекс с керамикой более верхних слоев [16]. В стратиграфической колонке, полученной на Намазга-депе, этот комплекс не представлен. Однако в связи с его рассмотрением значительный интерес представляет Джейтунская стоянка с архаическим кремневым инвентарем. Керамика Джейтуна леплена от руки и расписана коричневым или красновато-коричневым по кремовому фону различных оттенков. Наряду с росписью параллельными полосами (табл. 1, 6, 7, 8, 10) наиболее характерным мотивом является орнамент из рядов волнистых линий, спускающихся от венчика на стенки сосуда (табл. I. 1, 2, 3, 4, 5, 9). Нам кажется, что в результате развития этого

типа орнамента получился рисунок зигзагообразными линиями на керамике Анау I А. Конечно, у нас еще отсутствуют промежуточные звенья этой ранней фазы развития расписной керамики, но уже на имеющемся материале можно ставить вопрос о связи Джейтуна и Анау I А как по гамме, так и по характеру росписи.

Основную толщу культурных слоев северного холма Анау составляют слои собственно Анау I или Анау I Б, где в росписи широко распространен мотив контурного треугольника и роспись черным различных оттенков на зеленовато-белом или красном фоне [17]). Эти слои совершенно ясно соответствуют Намазга I или синхронному комплексу с Яссы-депе у Каахка. Здесь совпадают формы сосудов, гамма и характер росписи. Наиболее распространена в Анау и на Намазга глубокая чаша с плоским или чуть вогнутым дном. Хумы котлообразной формы в Анау так же как на Яссы-депе у Каахка имеют ручки в виде полуовальных скоб [18]). И там и здесь отмечен дисковидный поддон. Выше уже отмечалось, что для комплекса Намазга I ведущим мотивом является именно контурный треугольник. Известен для Намазга I и мотив пересекающихся лент, характерный для Анау IБ [19]). Новым моментом в расписной керамике Намазга I по сравнению с Анау является изображение козлов. Однако, трудно судить—связано ли это с какими-то локальными особенностями или со сравнительно небольшим объемом работ, проведенных на северном холме Анау. Пока есть больше оснований склоняться к первому предположению.

Следующим на северном холме Анау является комплекс Анау II, выделяемый Г. Шмидтом в верхних слоях террас I, II, IV, V от поверхности холма до уровня +25 футов [20]). Процентное соотношение расписной и нерасписной керамики здесь резко падает в пользу последней. Преобладает монохромная красная и серая посуда.

Расписная керамика Анау II, найденная в сравнительно небольшом количестве, в основном происходит с террасы V из слоя между+36+37 футов, т. е. найдена в самых верхних слоях северного холма Анау. Наряду с продолжением традиций монохромной расписной керамики Анау I А здесь появляется полихромная роспись, черным и темнокрасным по желтоватому фону. Слой Анау II следует признать полностью корреспондирующим слою Намазга II. В обоих случаях мощность культурных слоев сравнительно невелика. По цветовой гамме и по рисунку роспись Анау II дает полные аналогии как керамике Намазга II из шурфов на самом Намазга-депе, так и керамике VIII—X ярусов из шурфа на Карадепе, выделенной как поздние этапы НМЗ II [21]). Это позволяет предполагать, что на южном холме Анау можно проследить полный цикл этапа НМЗ II.

Г. Шмидтом было высказано предположение, что полихромная керамика полностью лежит вне линии развития керамики Анау I и II и является импортом из более отдаленных центров. Исследование намазгинского материала не позволяет с этим согласиться. Основные формы керамики НМЗ II — Анау II, в частности глубокие чаши, обычно несущие полихромные фризы, те же, что и в Намазга I — Анау IБ. Такие элементы фризов как треугольники, заполненные сеткой, известны и в росписи НМЗ I. Постепенное усложнение орнамента, отмечаемое для керамики верхних слоев НМЗ I, является естественным переходом к росписи кера-

мики НМЗ II. Кроме того, имеющийся материал из Северного Ирана исключает возможность какого-либо значительного влияния на возникновение полихромии Южной Туркмении. Важным аргументом в пользу местного происхождения полихромной керамики НМЗ II — Анау II является также наличие полихромной стенной росписи на Яссы-депе у Каахка со сходными орнаментальными мотивами.

Керамика, могущая быть несомненно отнесенной к Намазга III, в издании Р. Пампелли отсутствует, что однако еще не говорит о том, что соответствующие слои отсутствуют в свите слоев анауских холмов. Судя по сравнительно высокому нахождению керамики Анау II — Намазга II на северном холме Анау, можно допустить, что слои НМЗ III следует ожидать в основании южного холма. Нижние слои южного холма Анау изучались американской экспедицией только в маленьких колодцеобразных шурфах и вполне естественно не могли быть стратиграфически четко разделены. Следует отметить, что в связи с отсутствием соответствующих переходных слоев в схеме Р. Пампелли, материал, объединенный под рубрикой Анау III, резко отличается от материала Анау II, что способствовало созданию различных надуманных теорий о цикличности, смене культур и т. п.

Сравнительное рассмотрение материала, изданного в книге Р. Пампелли, и новой намазгинской стратиграфии показывает, что этапам Намазга IV, Намазга V и Намазга VI соответствует в целом т. н. культура Анау III. Более того, новый материал позволяет правильнее разобраться в результатах раскопок южного холма Анау, где в действительности существует тот же ряд последовательных этапов, не замеченных американской экспедицией в силу несовершенства методики и незначительного объема работ. Необходимость расчленения слоев, отнесенных Р. Пампелли, Г. Шмидтом к Анау III и имеющих мощность в 18 м, отмечалась и ранее. Проведенные в начале 30-х годов под руководством А. А. Марущенко раскопки на Ак-депе под Ашхабадом дали совершенно четкий и определенный комплекс, получивший в литературе наименование Анау IIIA в отличие от собственно Анау III [2]). Материал с Ак-депе под Ашхабадом по намазгинской стратиграфии соответствует Намазга IV.

На южном кургане Анау раскопки производились на двух раскопках (верхний и внешний) и трех террасах, соответственно названных A, B, C. Наибольшее значение для изучения стратиграфии имеют верхний раскоп и терраса B. В верхнем раскопе, заложенном на вершине холма (+52 фута), до уровня+47 футов шли слои Анау IV, давшие характерный комплекс, правильность выделения которого подтверждена последующими раскопками на территории Средней Азии (Афрасиаб, Кобадиан, Мервская Гяур-кала). Ниже до уровня+43 фута, а в отдельных случаях до+37 футов 7 дюймов шли слои с керамикой ручной лепки, покрытой росписью геометрического характера. К этому комплексу мы вернемся еще ниже. Оба этих комплекса не представлены в намазгинской стратиграфии. Слои Анау IV были обнаружены и на террасе B, заложенной на склоне холма, где они шли до уровня+28¼ фута.

Рассмотрение материалов, опубликованных в книге Р. Пампелли, позволяет утверждать, что на южном холме Анау имеются слои, соответствующие Намазга VI, материал которых включен издателями в культу-

ру Анау III. К находкам Намазга VI следует относить следующие предметы:

Терраса А + 22 ф — керамика с орнаментом насечками Pl. 12.3
Терраса В + 23 ф 5 д — сосуд со сливом Pl. 12.1
Терраса В + 31 ф + 23 ф — подставка для сосудов
Терраса В + 23 ф + 7 д + 21 ф 5 д — волнистый орнамент керамики Pl. 12.1.
Терраса С + 26 ф + 23 ф + 19 ф 5 д — керамика красного цвета теста + 18 ф 5 д
Терраса С + 19 ф + 21 ф — черепки тазабагъябско-андроновского типа. Pl. 16.7—9
Верхний раскоп + 29 ф — волнистый орнамент керамики. Pl. 12.2.
„ + 25 ф + 33 ф — подставки для сосудов
„ + 25 ф 5 д — керамика с орнаментом насечками. Pl. 12. 4
„ + 29 ф — хум. Pl. 19.1

Кроме того, к НМЗ VI можно отнести сосуд Pl. X. I, найденный около террасы В на глубине +32 ф +31 ф.

Приведенный список требует некоторых пояснений. Керамика красного цвета черепка отсутствует в слоях НМЗ IV и НМЗ V. Поэтому большинство находок такой керамики в слоях Анау III южного холма следует относить именно к НМЗ VI, где такая керамика обычна. То же следует сказать про нацарапанный волнистый орнамент. Весьма характерна форма хумов, придонная часть которой скошена и имеет в разрезе профиль выкружки. К хумам НМЗ VI следует отнести, кроме упомянутого выше, также хумы Pl. 12, 2, 4, 7—все происходящие с верхнего раскопа. Находки черепков тазабагъябско-андроновского типа в слоях НМЗ VI отмечены дважды — Теккем-депе (раскопки А. Ф. Ганялина) и Тахирбай 3 к северу от Байрам-Али (раскопки XIV отряда ЮТАКЭ). Таким образом можно считать, что на южном холме Анау слои НМЗ VI идут в верхнем раскопе от уровня +37 ф до уровня +25 ф и на террасе В от уровня + 28 ф до уровня + 21 ф, т. е. имеют мощность до 4 м. К НМЗ VI следует относить остатки здания и целый ряд погребений на террасе В. *Последнее особенно важно, т. к. это первый случай обнаружения погребений НМЗ VI непосредственно на поселении* (янгикалинский могильник расположен в стороне от поселения). Раскопки XIV отряда ЮТАКЭ в 1954 г. на Яз-депе к северу от Байрам-Али, где было обнаружено погребение под полом в слоях Анау IV, показывают, что эта древняя традиция доживает до поры раннего железа. Добавим, что скорее всего к НМЗ VI относятся находки бронзового серпа (верхний раскоп между +29 ф и +25 ф 5 д Pl. 39, 3) и узкого черешкового кинжала (там же +40 ф, Pl. 38, 4).

Ниже слоев НМЗ VI на Намазга-депе шел двухметровый слой НМЗ V. Выделить этот слой на материале южного холма Анау трудно, поскольку материал в издании подается обобщенно, а формы керамики НМЗ IV и НМЗ V, как отмечалось, весьма близки. Однако находки таких характерных предметов, как бронзовая крестовидная печать (терраса В + 21 ф 55 д + 23 ф 7 д) терракотовые статуэтки (Pl. 46; терраса В + 20 ф + 23 ф) позволяют считать, что и на Анау ниже слоя НМЗ VI идут слои НМЗ V. На это указывает и незначительность находок расписной керамики. Верхний раскоп на южном холме Анау был

остановлен на уровне + 21 ф 2 д, после чего здесь продолжался лишь узкий шурф. Раскопки на террасе В были прекращены на уровне около + 19 ф. Сопоставление этих цифр с глубинами находок предметов НМЗ VI показывает, что на южном холме были затронуты широкими раскопками лишь верхние слои НМЗ V.

Существование на южном холме Анау слоев НМЗ IV не вызывает сомнений. К этим слоям относится найденная здесь расписная керамика с темнокоричневой росписью по зеленовато-белому фону. Весьма показательно наличие фрагментов со схематическим изображением «дерева» (Pl. 34, 1, 2). Немногочисленность фрагментов расписной керамики с южного холма следует объяснить тем обстоятельством, что слои собственно Намазга IV, где эта расписная керамика широко распространена, были пройдены лишь шурфами и многие из образцов происходят из верхних слоев, где они находились уже во вторичном залегании.

Объединение различных комплексов под одной рубрикой Анау III следует признать одним из наиболее существенных недостатков старой классификации, тесно связанных с несовершенной методикой раскопок.

Свита культурных слоев южного холма Анау дает вместе с тем важное дополнение к стратиграфии Намазга-депе. В Анау над слоями НМЗ IV шел слой с грубой керамикой, сделанной от руки.

Удалось выделить только две формы — крупного сосуда с чуть отогнутым венчиком и небольшого кубка. Сосуды расписаны красной и бурой краской по грязножелтому фону. Орнамент имеет несложный геометрический характер (Pl. 35, 8 и 9). Выше этих слоев уже шли слои собственно Анау IV. Правильность такой последовательности сейчас подтверждена раскопками в дельте Мургаба (Яз-Депе) [23]) и в подгорной полосе Копет-Дага (Елькен-депе). Этот комплекс, названный нами на мургабском материале Яз I [24]) заставляет учитывать всю сложность развития расписной керамики Южной Туркмении. После долгого времени, когда роспись на сосудах полностью исчезает (НМЗ V и VI), керамисты вновь возвращаются к старому способу орнаментации. Основным мотивом керамики Яз I является заштрихованный треугольник. Затем этот комплекс снова сменяется полностью нерасписной посудой Анау IV. Вопрос о причинах возобновления росписи требует специального исследования. Как нам кажется в этом известную роль сыграло влияние посуды тазабагъябско-андроновского типа, где мотив заштрихованного треугольника широко распространен.

Как же следует оценивать работы американской экспедции на Анау? В этом отношении в советской литературе установилась совершенно определенная точка зрения о порочности методики самих раскопок и надуманности некоторых выводов, сделанных после раскопок. В этом отношении следует особенно выделить работы самого начальника экспедиции Р. Пампелли, давшего чрезмерно заглубленные датировки.

Более положительно следует оценить раздел, написанный в трудах экспедиции Г. Шмидтом. Именно, благодаря приведенному здесь отчету о раскопках в настоящее время удается правильно использовать материал южного холма Анау. Описание находок сделано весьма обстоятельно и выдвинутые Г. Шмидтом датировки более приемлемы. Вместе с тем на примере отчета Г. Шмидта ярко выступают и коренные недостатки

работ на холмах Анау. Вместо осуществления большого раскопа и нескольких стратиграфических шурфов (точнее всего стратиграфического раскопа) на холмах Анау было заложено множество раскопов и террас, каждый по существу весьма ограниченный по площади [25]). В результате при сравнительно небольшом объеме работ силы экспедиции оказались разбросанными. На северном бугре Анау, по существу, дело ограничилось зачисткой в обрезах раскопа А. В. Комарова и небольшими раскопками верхних слоев. Также лишь верхние слои изучались на южном холме Анау и основная толща холма была пройдена узкими шурфами [26]), в связи с чем, по нашему мнению, в напластованиях этого холма разобраться не удалось. В отношении стратиграфии американская экспедиция делала упор на соотношении абсолютных глубин отдельных находок, не разобравшись в собственной стратиграфии отдельных культурных слоев, «не прочтя землю». Опубликованные в трудах экспедиции разрезы крайне примитивны. Наконец, следует указать еще на одно обстоятельство. Очень часто стратиграфическое положение отдельных находок дано в отчетах с весьма широкими пределами. Когда для небольшого бронзового предмета дается глубина находки с колебанием («от—до») в 2—3 м, это обстоятельство вызывает сильные подозрения в точности фиксации материала. Надо полагать, что такая фиксация производилась post factum и, следовательно, далеко не всегда ей можно абсолютно доверять.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что публикация результатов экспедиции Р. Пампелли сыграла свою положительную роль. До последнего времени это издание является одной из настольных книг археолога и историка Средней Азии, да и исследователя древнего Востока. Правда при этом приходится делать оговорки, что издание не вполне доброкачественно, но ценность его несомненна. Работы американской экспедиции ввели в научный оборот замечательные «культуры Анау». Прямой долг советских ученых, развернув широкие исследования памятников этих культур, на основе современной научной методики глубоко и всесторонне изучить их с позиций исторического материализма и показать во всем объеме их подлинное место в истории народов Средней Азии и всего древнего Востока.

V. НАМАЗГА-ДЕПЕ И ПАМЯТНИКИ ИРАНА

Как уже отмечалось выше, культуры расписной керамики Южной Туркмении не являются замкнутым и обособленным явлением. Они находятся в тесной связи с памятниками соседних стран. Не касаясь более отдаленных параллелей и аналогий, которые должны служить темой специального исследования, мы в данном разделе остановимся на сопоставлении расписной керамики Южного Туркменистана и керамики памятников энеолита и бронзового века, расположенных на территории Ирана. Намечаемые здесь сходства и соответствия имеют под собой реальное основание географической близости и древних культурно-исторических связей. Сравнительному анализу интересующих нас памятников Ирана посвящена работа Мак Кауна «Относительная стратиграфия раннего Ирана» [27]). В этой работе собран и систематизирован большой фактический материал, устанавливается относительная стратиграфия

иранских памятников и ее соответствие стратиграфии ранней Месопотамии. Работа Мак Каупа несомненно является ценной и полезной сводкой, что отмечено и в рецензии Г. Чайлда на эту книгу [28]). Однако, как заметил уже Г. Чайлд, многие аналогии, приводимые Мак Кауном, особенно для орнамента расписной керамики, носят формальный характер и могут быть распространены и на керамику государства майя или зулусскую посуду, несомненно не имеющие ничего общего с памятниками Ближнего Востока. Мак Каун, колеблясь между миграционизмом и признанием культурных влияний, не разграничивая четко этих понятий, не всегда отдает себе отчет в том, чем следует объяснить прослеживаемое им то или иное соответствие в культуре. Разбор материала Анау, приведенный в книге Мак Каупа, частично можно объяснить зависимостью от труда Р. Пампелли. Базируясь на формальных аналогиях и случайных совпадениях, Мак Каун замолаживает культуры Анау и приходит к выводу об их чисто периферийном характере, что является совершенно неверным. Выявление благодаря работам ЮТАКЭ культуры Намазга III позволяет отныне более правильно определять соотношения иранских памятников и памятников Южной Туркмении.

К. Шефер [29]) также в своей большой и ценной сводке касается вопросов стратиграфии памятников Ирана эпохи бронзы и раннего железа. Однако он часто дает лишь односторонний анализ материала и в отношении иранских памятников его книга особого значения не имеет.

Уже Мак Каун намечает в Иране в эпоху энеолита и бронзы две больших области — область, как он говорит, Северо-Восточного Ирана (Сиалк, Гисар, Шах-тепе, Тюренг-тепе, Чешме-Али) и район юго-запада (Buff-ware culture; Гиян, Сузы, Тали-Бакун и ряд более мелких памятников в Фарсе и Хузистане). Наиболее близкие связи намазгинский материал дает с памятниками первого района.

Намазга и Гисар

Тепе-Гисар расположено к югу от Эльбруса, у селения Дамган и раскапывалось американской экспедицией в 1931—1932 гг. После предварительного сообщения [30]) издан большой отчет [31]), где однако приведен материал в основном найденный в могилах. Обращение главного внимания лишь на целые сосуды и пренебрежение фрагментами надо полагать значительно обеднило понимание керамических комплексов Тепе-Гисар, что необходимо учитывать при использовании изданного Е. Шмидтом материала.

При сравнении материала Гисара и Намазга-депе наиболее заметно выступают аналогии расписной керамики НМЗ III. Пятнистые животные кошачьего облика, барсы или гепарды появляются в росписи Гисара IC и широко распространяются в период Гисара IIA, где однако эти изображения постепенно геометризируются и становятся, по выражению Е. Шмидта, безголовой и бесхвостой схемой[32]). Распространены в Гисаре IC изображения птиц и козлов, впервые появившиеся еще в росписи керамики Гисара IB. Роспись наносится темносерым цветом на светлый серокоричневый или серовато-белый фон. Наряду с расписной керамикой в Гисаре IIA появляется и серая посуда. Появление в Гисаре и на Намазга трех таких характерных элементов росписи, как козлы, птицы и пятни-

стые гепарды (возможно барсы) позволяет синхронизировать Намазга III и Гисар IC—IIA. Совпадает и одна форма серой керамики. Мы имеем в виду вазу на высокой полой ножке, фрагмент которой был найден на Кара-депе.

Отметим вместе с тем, что геометрический орнамент керамики Тепе-Гисара этого времени, явно указывающий на западные связи, по сравнению с Намазга-депе беден и примитивен. Единственно, что совпадает, это роспись шахматной сеткой в НМЗ III и Гисаре IC, что однако, в силу примитивности орнамента, едва ли может быть показательным. Вероятно изображение круга с точкой в центре на керамике НМЗ III следует связывать с изображением таких кругов над спиной козлов посуды Гисара IC. Однако в южнотуркменистанском материале такое сочетание пока не встречено. Как отмечалось выше, круги там обычно изображаются рядом с птицами.

Установление стратиграфических соответствий Намазга III и Гисара IC—IIA позволяет устранить недоумение Мак Каун, по схеме которого Анау IB (т. е. НМЗ I) должно было соответствовать Гисару IB—C и Сиалку III. Не находя здесь никаких аналогий в керамике, Мак Каун был вынужден считать Анау IB уникальным явлением [33]). В действительности материал Анау IB—Намазга I не находит аналогий в Тепе-Гисаре, потому что там отсутствуют слои соответствующей древности. Можно было бы ожидать каких-либо аналогий в керамике НМЗ II—Анау II и Гисара IA. Но и здесь схематические рисунки Гисара не имеют ничего общего со сложным и развитым геометрическим орнаментом Намазга II. Отличны также и основные формы керамики. Распространенные в Гисаре I полусферические чаши выше намазгинских и по форме приближаются к бокалам. Характерные для Гисара высокие кольцевые поддоны в Южной Туркмении встречаются очень редко. Известное сходство можно наблюдать лишь в общем развитии росписи на посуде: в обоих случаях после геометрического орнамента широко распространяются зооморфные мотивы.

В Гисаре IIA, кроме схематизированных изображений барсов, мы наблюдаем примитивный орнамент, сходящей на нет расписной посуды (зигзагообразный орнамент, волнистые линии, изредка сетки). С Гисара IIB наступает почти полное господство серой керамики, частично заимствующей формы расписной посуды. Как отмечалось выше, в Южном Туркменистане в период НМЗ IV, последовавший за НМЗ III, также широко распространяется серая лощеная керамика, хотя расписная посуда преобладает. В Гисаре IIB для серой посуды можно отметить формы глубоких бокалов и кубков на полых ножках [34]). Эти кубки могут быть сопоставлены с серыми кубками НМЗ IV, хотя последние имеют более высокую ножку обычно орнаментированную валиками. Орнаментация высоких полых ножек серых сосудов валиками, имеющая, правда, несколько отличный от НМЗ IV характер, известна и для Гисара IIB. Форма небольшого сосудика с трубчатым носиком [35]) по существу уводит нас в НМЗ V [36]). Отметим наиболее характерное различие в формах серой керамики: на Тепе-Гисаре нет сосудов с резкоизломанными под углом стенками, так характерных для керамики НМЗ IV как серой, так и расписной.

Гисар IIIA имеет переходный характер. Еще существуют сосуды на высоком поддоне, но уже появляется новая характерная форма серой керамики — бутылеобразные сосуды. Она широко распространяется в Гисаре IIIB, где появляются также сосуды со сливами. Эти же формы встречаем и в Гисаре IIIC, где новой формой является фляга с двумя петлеобразными ручками. Часто попадаются сосуды, выточенные из алебастра. Отметим, что форма небольшого кувшинчика с высоким горлом и трубчатым носиком [37]) идентична сосудам НМЗ V. Поскольку такая форма довольно поздняя, этот факт весьма показателен. Имеется в Гисаре IIIC и остроребериый сосуд [38]), не имеющий однако такой вычурности, как сосуды НМЗ IV и НМЗ V. Близкие аналогии дают анауско-намазгинские и гисаровские металлические печати, булавки с двойной спиральной головкой, лавролистные кремневые наконечники стрел и ряд других элементов, на что уже справедливо обратил внимание Мак Каун[39]). Можно только согласиться с его выводом о синхронизации Анау III (уточняем—в основном Намазга V) с Гисаром IIIB и C.

Подведем итог. Сравнение расписной керамики Намазга и Гисара показывает, что они несомненно относятся к различным культурно-историческим областям, в которых развитие культуры протекало различными путями. Гисар IA и Намазга II ярко свидетельствуют об этом. Однако, затем наступает период усиления культурных связей, с запада как бы движется волна сильного культурного влияния, к чему мы вернемся ниже. В Гисаре IB—C появляются изображения козлов, птиц и барсов. То же явление отмечаем и в Намазга III. В Гисаре и в Намазга изображение барсов вскоре сильно схематизируется, причем в Намазга в значительно большей степени. Затем развитие керамики вновь идет различными путями. В Гисаре расписная керамика постепенно исчезает и сменяется лощеной серой керамикой. Возможно правы исследователи, указывающие на влияние в данном случае культуры Шах-тепе — Тюренг-тепе. В Южном Туркменистане расцвет расписной керамики в НМЗ IV сосуществует с серой посудой. Отмечаемые соответствия для Гисара III B—C и НМЗ V свидетельствуют об общности исторического развития, культурных и обменных связях и хронологической близости, но керамические комплексы резко различны. Интересно, что гончарный круг появляется в тепе-Гисаре много раньше, чем в Южном Туркменистане. Уже посуда Гисара IB изготовляется на круге, в то время как к северу от Копет-Дага гончарный круг появляется лишь в конце Намазга IV, соответствующего, по нашему мнению, Гисару IIB и IIIA. Однако в Гисаре III процент посуды, изготовленной на круге, резко падает и по существу преобладает керамика ручной лепки.

Намазга и Шах-тепе

В 1932—1933 гг. шведская археологическая экспедиция производила раскопки Шах-тепе в долине Гюргена. Изданный обстоятельный отчет позволяет детально ознакомиться с добытым материалом [40]). Близкий материал дали раскопки Тюренг-тепе, расположенного в том же районе. Можно объединять культуру этих двух памятников как культуру астрабадского бронзового века.

Наиболее ранним на Шах-тепе является III слой, находки из которого однако наименее многочисленны. Здесь распространена серая лощеная керамика и посуда с темнокоричневой росписью на красном фоне. Количество последней весьма невелико, но указывает на определенные связи с Гисаром [41]). Никаких аналогий с южнотуркменистанским материалом в этой керамике не отмечается. Вопрос о положении Шах-тепе III в общей стратиграфии Северного Ирана не вполне ясен. Мак Каун [42]), а вслед за ним и Шефер[43]), исходя из наличия в Шах-тепе III серой керамики, сопоставляют этот слой с Гисаром IIB. Т. Арне сближал Шах-тепе III с Гисаром IC [44]). Следует отметить, что аргументация, основанная на наличии в Шах-тепе III серой керамики, несостоятельна, поскольку и сам Мак Каун принимает точку зрения о возможности занесения этой керамики в Гисар из долины Гюргена, где она в таком случае должна быть более древней. По гамме расписная керамика Шах-тепе III перекликается еще с Гисаром IA и поэтому возможно более правильной явится синхронизация, предложенная Т. Арне.

Слой Шах-тепе II, разделяемый Т. Арне на IIa и IIб, характеризуется высококачественной серой керамикой с лощеным орнаментом, хорошо синхронизирующейся с Гисаром III. Ряд форм керамики Шах-тепе II может быть сопоставлен с керамикой Намазга IV и V. Как и в Гисаре III это кувшинчики с трубчатым носиком [45]), кубки на конической ножке [46]), различные варианты остроребериых сосудов [47]). Особенно показательно более широкое, чем в Гисаре, распространение в Шах-тепе II остроребериых сосудов. Отсутствует в Гисаре, но имеется в Намазга IV, форма сосудика с шаровидным туловом на высокой полой ножке, найденного в слое Шах-тепе IIa[48]). Таким образом, в керамике астрабадского бронзового века намазгинский материал находит больше параллелей, чем в материалах Гисара. Культура, близкая Шах-тепе II, была распространена и в Юго-Западном Туркменистане (находки в сел. Дейна так что эти параллели несомненно имеют под собою реальную почву былого культурного контакта. В целом однако Шах-тепе II представляет опять-таки культурно-исторический район, отличный от Намазга IV и V и справедливо объединяемый в единое целое с Гисаром III. Интересно, что в Шах-тепе II вся посуда ручной лепки. Гончарный круг еще не получил сколько-нибудь широкого распространения. В Шах-тепе, так же как и в Гисаре, расписная керамика сходит на нет раньше, чем на территории Южного Туркменистана.

Приведенные выводы сохраняют свое значение и для материала Тюренг-тепе [45]), которое несомненно было более значительным центром, чем рядовое поселение Шах-тепе.

Намазга и Сиалк

Расположенное около Кашана Тепе-Сиалк дает одну из наиболее полных стратиграфических колонок древних памятников Ирана. Раскопки производились в 1935—1937 гг. и полный отчет о них издан в двух томах [50]). В Сиалке раскапывались два холма (северный и южный) и два некрополя, давшие богатый материал эпохи поздней бронзы и раннего железа. Более древние слои были открыты в северном холме (Сиалк I и II) и южном (Сиалк III и IV). Каждый слой делится исследователем на

более мелкие этапы, в большинстве случаев, связанные с остатками строительных комплексов.

Нижние слои Сиалка I, в которых не встречено остатков металлических изделий, относятся, надо полагать, еще к позднему неолиту. В более верхних слоях Сиалка I такие изделия уже существовали. На основании таких общих сопоставлений, а также сравнивая расписную керамику Р. Гиршман полагал, что следует синхронизировать Сиалк I и северный холм Анау (целиком Анау I и Анау II, которое Гиршман предлагает называть лишь поздней фазой Анау I) [51]. Однако Мак Каун непомерно растягивает и замолаживает Анау I, считая возможным даже Анау IA, синхронизировать лишь с Сиалком II [52]. Формальные аналогии Мак Кауна, где в примерах из материала Анау объединена керамика Анау IA и Анау IБ, нам представляются совершенно неубедительными, тем более, что приведенные им орнаменты керамики Сиалка II могут быть отмечены и в керамике Сиалка I.

Орнамент керамики Сиалка I — простой геометрический рисунок. Широко распространены треугольники, ромбы и полосы, заполненные сеткой. Аналогии с Анау IA находит керамика Сиалка I, 1—3. Таковы зигзагообразные полосы, спускающиеся на плечики сосуда от венчика [53]. заполненные сеткой крупные треугольники и над ними бордюр из мелких контурных треугольников [54]) и полосы сетчатых треугольников, обращенных друг к другу вершиной таким образом, что остающийся между ними просвет фона образует зигзаг [55]). Позднее появляется и широко распространяется в Сиалке I мотив рядов контурных треугольников, могущий быть сопоставленным с орнаментацией Анау IБ—НМЗ I. Однако в отличие от южнотуркменистанского материала сетчатый рисунок в Сиалке I продолжает сохранять большое значение. То же в известной мере характерно и для керамики Сиалка II. Отметим, что на керамике Сиалка II появляются изображения животных (козлов и значительно меньше птиц), довольно быстро геометризирующиеся. Это можно сопоставлять с появлением в верхних слоях Анау IБ—Намазга I рисунков козлов. В целом мы полагаем, что Анау IA и Анау IБ—НМЗ I соответствуют Сиалку I и II.

Своеобразная расписная керамика Анау II—Намазга II в общем не находит себе аналогий в Сиалке. Тем более ярко выступают близкие элементы в расписной посуде Сиалка III и Намазга III. Сиалк III, 1—3 дает сравнительно мало аналогий керамике Намазга, не считая такого простого элемента как шахматно расположенные квадраты, заполненные сеткой [56]), или волнистые линии в прямоугольных рамках [57]). Однако, в Сиалке III, 4—7 появляются и получают широкое распространение изображения пятнистых барсов, козлов и птиц. Изображения барсов при известной доле схематизма вместе с тем более совершенны чем в Гисаре. В частности иногда голова животного проработана довольно хорошо [58]). В равной степени более разнообразны и экспрессивнее изображения козлов в различных позах и положениях [59]). Более условны рисунки птиц, причем отдельные их изображения с туловищем треугольной формы могут быть сопоставлены с птицами на керамике уже Намазга IV [60]). Начиная с Сиалка III, 4 появляется рисунок концентрического круга с точкой посредине, распространенный в росписи керами-

ки Намазга III. Солярный характер этого мотива подчеркивается наличием в ряде случаев расходящихся лучей [61]).

Интересно, что в верхних слоях Сиалка III распространяется керамика, близкая по цветовой гамме посуде Намазга III и IV (темнокоричневая роспись на зеленовато-кремовом фоне). В этом отношении весьма показателен сосуд на цветной вклейке в 1 т. издания Р. Гиршмана (№ 4). По гамме (упомянутой выше), форме (т. е. цилиндроконической форме) и рисунку (горизонтальный пояс с идущими крупными козлами) он в известной степени напоминает керамику Намазга IV, в частности сосуд, найденный на Ак-депе под Ашхабадом. Только в Намазга IV изображения козлов отделены друг от друга «деревьями», а в Сиалке геометрическим орнаментом. Как и в синхронных слоях Гисара керамика Сиалка, начиная с III, 4, изготовляется на круге.

Керамика Сиалка IV, справедливо сопоставляющаяся исследователями с керамикой Джемдет-Насра, не находит параллелей в южно-туркменистанском материале. Сравнение нашего материала с керамикой сиалковских слоев показывает таким образом следующее. На ранних этапах в период позднего неолита и перехода к энеолиту схематический геометрический орнамент имеет ряд общих черт в Анау I и Сиалк I. Однако древнейший этап расписной керамики, засвидетельствованный в Туркмении (Джейтун), не представлен в Сиалке. Несомненно Джейтунское селение древнее самых нижних слоев Сиалка, и как культурно-хозяйственный этап может быть сопоставлена с верхними слоями раскопанного Брэдвудом поселения Джармо, датирующимися карбоновым анализом первой половиной и серединой V тысячелетия до н. э. [62]). Далее развитие расписной керамики идет различными путями. Однако на этапах Сиалк III, 4—7 и Намазга III мы вдруг встречаемся с общностью целого ряда весьма характерных элементов росписи (барсы, козлы, птицы, изображения солнца) при том, что формы сосудов и геометрические мотивы орнаментации попрежнему в основном различны. После этого времени несомненного контакта вновь наблюдается расхождение. В керамике Сиалка все сильнее сказываются месопотамо-эламские влияния. Богатый ковровый орнамент посуды Намазга IV не находит себе в Сиалке материала для сопоставлений.

Намазга и Гиян

Тепе Гиян расположено в 70 км к югу от Хамадана и раскапывалось в 1931—1932 г. Ж. Контено и Р. Гиршманом [63]). Однако стратиграфия этого памятника весьма неопределенна. Стратиграфия верхних слоев (Гиян I—IV) дана по могилам, а нижние слои (Гиян V), где было вскрыто лишь три детских погребения, названы исследователями «слоем черепков». Мак-Каун намечает внутри слоя Гиян V более дробные деления, названные им соответственно Гиян V A, B, C, и Д [64]), но это деление носит условный характер. В Гияне VC, синхронизируемом Мак Кауном с Сиалком III, появляются изображения птиц, козлов и пятнистых животных. Отметим рисунок козла у схематически изображенного дерева, крайне близкий мотивам Намазга IV [65]). Поскольку предшествующие слои Гияна V имели большие связи с Юго-Западным Ираном, Мак Каун допускает влияние или переселение из области Сиалка-Гисара, что объясняет отмеченные аналогии.

Дальнейшая стратиграфия Гияна весьма неясна. Ж. Контено относил слой IV (слой кувшинов «птицы с гребешком») ко времени 3000—2500 гг. до н. э. [66]), с чем по существу согласился Мак Каун, считая однако, что между Гияном V и Гияном IV был перерыв [67]). Интересна роспись сосудов вертикальными ломаными линиями, которая весьма близка орнаментации керамики Намазга IV [68]). Однако в керамике Гияна IV мы опять встречаем изображения птиц, козлов и пятнистых животных. Примитивная геометрическая роспись Гияна III («слой триподов»), состоящая из весьма простых составных элементов (треугольник, волнистая линия, параллельные линии, полукруги), не находит аналогий в расписной керамике Южного Туркменистана. Весьма интересен для нас слой Гиян II. Здесь мы находим кубки с подкошенной придонной частью, несущие изображения птиц. Один сосуд, опубликованный Э. Херцфельдом без указания слоя, но судя по стилю относящийся именно к Гияну II, имеет изображения горизонтальных рядов птиц [69]), и близко напоминает как по форме, так и по орнаменту сосуд Намазга IV, изданный Б. А. Куфтиным [70]). Весьма близко напоминают орнаментальные фризы керамики Намазга IV и роспись котлообразных сосудов с петлевидными ручками из слоя Гиян II [71]). Здесь в просветах, оформленных зубчатыми уступами, помещаются две шестиконечные звезды. Просветы разделены между собой вертикальными линиями (ср. наши табл. XXXIV, 4 и ряд других).

Ж. Контено относил Гиян II к 1800—1400 гг. до н. э. [72]). Шефер предложил объединить Гиян II и Гиян I и датировать их временем около 1550–1200 [73]), что несомненно замоложено в угоду общей концепции Шефера, когда ему было необходимо создать разрыв между Гияном III и II. Во всяком случае такой факт сравнительно поздних аналогов Намазга IV на наш взгляд заслуживает внимания.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше мы пытались наметить соотношение памятников Северного Ирана и Южной Туркмении. Фигурирующее в специальной литературе Чешме-Али у Рея не могло быть привлечено, поскольку имеются только отрывочные публикации и стратиграфия памятника не вполне ясна [74]). Памятники Юго-Западного Ирана (Buff-ware Culture, по Мак Кауну), протянувшиеся вдоль Персидского залива вплоть до Белуджистана, дают меньше параллелей нашей керамике, что объясняется их большей отдаленностью и опосредствованным характером связей. Среди памятников Синда и Белуджистана обращают на себя аналогии материалу Намазга III и IV в расписной керамике Кветты (северный Белуджистан), но опубликованный материал слишком фрагментарен для более обоснованных заключений [75]). Сравнительный анализ расписной керамики с одной стороны намечает место южно-туркменистанских памятников на широком историко-географическом фоне, и, с другой стороны, дает данные для предварительного определения хронологии. Обратимся прежде всего к первому вопросу.

Развитие расписной керамики Южной Туркмении в настоящее время можно наметить следующим образом. Уже керамика Джейтунского поселения имеет примитивную роспись волнистыми или прямыми линиями

красновато-коричневой краской на кремовом или розовато-желтом фоне. В слоях Анау IA эта роспись геометризируется, усложняется, появляются сетчатые полосы и треугольники. Темнокоричневый контурный треугольник на красном или зеленовато-кремовом фоне — основной мотив керамики Анау IБ — Намазга I.

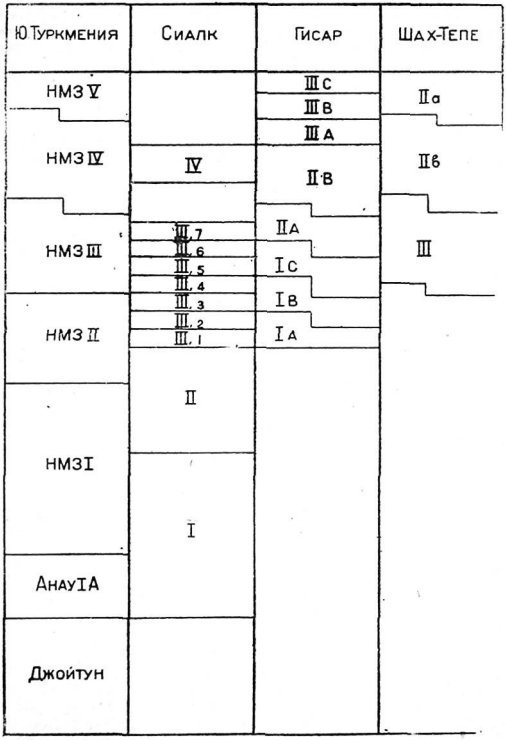
Но здесь также распространяются скрещивающиеся полосы, зубчатые линии, линии с точками и другие мотивы, дробящие рисунок. К концу НМЗ I появляются изображения козлов и монохромная серая посуда.

В период Анау II—Намазга II, занимавший небольшой отрезок времени, распространяется полихромная роспись, из простых геометрических элементов; в верхней части сосуда образуются сложные фризы. Роспись темнобордовая и черная на розовато-темном фоне. Значительной дробности достигает геометрический рисунок в Намазга III, где роспись производится темнокоричневой краской на зеленовато-кремовом и (много реже) красном фоне. Однако фризы раннего типа исчезают. Появляются изображения козлов, птиц, пятнистых животных, солярных кругов. Наивысшего развития геометрический орнамент достигает на керамике Намазга IV, сохраняющей цветовую гамму Намазга III. Сплошной ковровый орнамент, покрывая стенки сосуда, характерен значительной дробностью рисунка. Сохраняются изображения козлов и птиц, но исчезают пятнистые животные. Бытовавшая и ранее монохромная серая посуда получает широкое распространение. Однако наряду с расписной посудой много керамики с гладкой зеленовато-кремовой поверхностью. Господство этой керамики и полное исчезновение расписной и серой посуды характерно для Намазга V, где сами формы сосудов достигают наивысшего совершенства, чему способствует употребление гончарного круга, начавшееся еще в Намазга IV. Огрубление этих форм, появление красноангобированной и серой посуды показательно для верхних слоев Намазга-депе (культура Намазга VI).

Хотя в настоящее время для создания полной картины эволюции расписной керамики Южного Туркменистана недостает еще отдельных звеньев, уже на имеющемся материале можно ставить вопрос о непрерывной и единой линии развития от Джейтуна до Намазга VI.

Сравнение с памятниками соседних территорий позволяет говорить об оригинальности и большом своеобразии этой линии развития. Рассуждения Мак Кауна о периферийности Анау имеют значение лишь при даваемой им неверной синхронизации южно-туркменистанского материала. Намазга периферийна лишь в тех элементах росписи, которые, как можно полагать, принесены с запада, но в основе своей намазгинская расписная керамика глубоко своеобразна. Памятники энеолита и бронзы подгорной полосы Копет-Дага образуют совершенно самостоятельную культурно-историческую область, отличную от Гисара-Сиалка. Интересным, как бы промежуточным районом является Астрабад, где Шах-тепе дает более близкие аналогии Намазга, чем Гисар. Характер распространения поселений ранних земледельцев заставляет предполагать, что к югу от наших памятников, на территории иранского Хорасана следует также ожидать открытия «культуры расписной керамики», материалы которой помогут связать памятники Белуджистана — Сеистана с Гисаром — Намазгой и подведут реальную основу для отмечаемых исследователями «северо-иранских» аналогий индийских памятников.

Намазга и памятники Ирана



Обращаясь к вопросам датировки следует сказать, что проблема абсолютной хронологии памятников Ирана эпохи энеолита и бронзы, особенно в северной части страны, остается во многом весьма и весьма неясной. Например, в Гисаре и Шах-тепе отсутствуют предметы месопотамского происхождения с бесспорной датировкой. Методы физического определения возраста древностей (карбоновый анализ) к этим памятникам не применялись. Поэтому основным методом датировки этих памятников остается сравнительный анализ комплексов различных изделий и в первую очередь керамики, как наиболее массового археологического материала. Работа Мак Кауна по Ирану является хорошей иллюстрацией достоинств, но вместе с тем и ограниченных возможностей этого метода. Однако, пока в южно-туркменистанских памятниках не обнаружено точно датированных месопотамских изделий и пока не применен карбоновый анализ, этот метод при датировке слоев является основным. Результаты сравнительного анализа нашего материала и иранских памятников видны из прилагаемой таблички. Наиболее показательными являются четкие связи керамики Намазга III с Гисаром IC и IIA и Сиалком III. Казалось бы, что, следуя устанавливаемому соотношению, надо было соответственно определить и даты рассматриваемых комплексов. Напомним, что синхронизация Сиалка IV и Джемдет Насра (по новой классификации — протописьменного периода) вполне определена. Кроме того, в Сиалке IV найдены протоэламитские письмена. В таком случае, следовало бы Намазга III полностью отнести к IV тыс. до н. э. и соответственно располагать более поздние комплексы. Однако это сразу же встречает самые существенные возражения. Дело в том, что, в отличие от иранских памятников, южно-туркменистанский материал дает полную стратиграфическую колонку, доходящую в верхних слоях (Анау IV) до середины I тысячелетия до н. э. Принимая столь раннюю датировку Намазга III, мы бы столкнулись с необходимостью растягивать материал более поздних комплексов на два тысячелетия. Образовать же в стратиграфии тысячелетнюю лакуну, как это было сделано для Северо-Восточного Ирана, не представляется возможным поскольку, повторяем, удается даже на имеющемся материале проследить «сквозную» линию преемственности [76]. Кроме того, как уже отмечалось выше, на ряде памятников в слоях Намазга VI найдена характерная тазабагъябско-андроновская керамика. Это не позволяет относить Намазга VI к более раннему времени, чем середина II тысячелетия до н. э. и соответственно «подтягивает» дату предшествующих слоев. Добавим, что, насколько можно доверять отчету Г. Шмидта, на южном холме Анау эта керамика была найдена в нижних слоях НМЗ VI.

Как же в таком случае было с аналогиями расписной керамики Намазга III? Вернемся к этим аналогиям. Они достаточно характерны, но вместе с тем и ограничены. Это — изображения птиц, козлов, солярных кругов и пятнистых животных «барсов». Геометрический орнамент керамики НМЗ III, так же как и ее формы, почти не имеют ничего общего с Гисаром I C, II A и Сиалком III. Например, «барсы» в Сиалке и Гисаре обычно изображаются на вазах на высоких ножках. В Намазга III таких ваз нет и пятнистые животные нарисованы на полусферической чаше с плоским дном, традиционной формой посуды еще НМЗ I и НМЗ II.

Как уже отмечалось выше, весьма показательны и сами изображения пятнистых животных. Они потеряли признаки принадлежности к кошачьей породе. Авторы рисунков повторяли изображение животного, потерявшее для них конкретный смысл, причем подобные животные водились неподалеку в горах Копет-Дага. Все это позволяет считать, что в данном случае мы имеем дело с влиянием, идущим с запада. Мак Каун устанавливает, что в Сиалке изображения барсов появились раньше чем в Гисаре [77]). Он подчеркивает периферийный характер Гисара, говоря, что почти все элементы росписи Гисара IB находят себе параллели в Сиалке, но не наоборот [78]). Обнаружение рисунков пятнистых животных на Кара-депе и Намазга-депе позволяет, как кажется, продолжить эту линию. К северу от Копет-Дага находилась область иных, культурных традиций, чем Центральный Иран. И здесь принесенные с запада изображения получили новые изменения. Трудно сказать, чем следует объяснить это своеобразное «движение барсов»—культурным влиянием или расселением племенных групп. Материала для решения этого вопроса еще недостаточно. Могут быть одинаково вероятными обе точки зрения, хотя беспричинное усиление культурного влияния именно в этот период трудно объяснить. Во всяком случае, если имела место инфильтрация групп населения в подгорную полосу, то эти группы были быстро ассимилированы местными племенами, сохранив в культуре лишь отдельные элементы, принесенные с запада, ибо в целом керамика НМЗ III — дальнейшее развитие посуды НМЗ II. Отметим, что изучение этого времени особенно интересно и потому, что именно в Сиалке III и в Намазга III широко распространяются металлические изделия и эти слои можно относить к раннему бронзовому веку.

Следует считать, что на такое распространение элементов культуры, будь то просто культурное влияние или, тем более, переселение племенных групп, требуется значительное время и проводимое сопоставление материалов различных памятников говорит об их относительной близости, а не о полной синхронизации. Мы считаем, что, опираясь при датировке НМЗ III на элементы, имеющиеся в западных памятниках, следует учитывать возможный путь попадания этих элементов и не датировать формально Намазга III тем же временем, что и Сиалк III. Убедительное разрешение этот вопрос получит лишь после применения к памятникам точных методов определения возраста. Но учитывать этот момент следует и тогда может быть не будет необходимости в сверхранней датировке появления гончарного круга в Гисаре — раньше чем где-либо в Иране и Месопотамии, как это получается по Мак Кауну [79]).

Другой важной проблемой является вопрос о дате Гисара III. Первоначально его относили ко II тысячелетию до н. э. (2000—1500 сам Е. Шмидт [80]); 1750—1250 Контено; 1500—1200 Уоррен [81]). Против этого решительно выступил Мак Каун, синхронизируя Гисар III с Джемдет-Насром и раннединастическим периодом и помещая его таким образом целиком в III тысячелетии до н. э. [82]). Столь же ранней даты для Гисара III придерживается в своей монографии и Шефер [83]). Однако эта широко распространенная в специальной литературе точка зрения не может считаться общепризнанной. Уже Г. Чайльд в рецензии на работу Мак Кауна отмечал, что в Гисаре III нет привозных вещей, а отдельные формы изделий, сходные с месопотамскими еще ничего не означают. Не-

которые элементы Гисара III, как указывает Г. Чайльд, имеют более поздние аналогии, чем III тысячелетие до н. э. [84]). Выразил сомнение в столь ранней датировке Гисара III и Пиготт [85]). По его мнению, трудно помещать начало Гисара III много раньше 2000 г. до н. э. [86]). Не входя в данном случае в детали вопроса, нам кажется, что нет оснований видеть во II тысячелетии до н. э. в археологии Северо-Восточного Ирана зияющую пустоту и что помещение в начале этого тысячелетия во всяком случае поздних слоев Гисара III весьма вероятно.

На основании анализа имеющегося материала нам представляется возможным предложить следующие ориентировочные датировки. Джейтун и, видимо, Анау IA—V тысячелетие до н. э.; Анау IБ—Намазга I и Анау II — Намазга II — IV тысячелетие до н. э. Намазга III и IV в основном относятся к III тысячелетию до н. э. Возможно Намазга III заходит в конец IV, а Намазга IV в начало II тысячелетия до н. э. Намазга V очень непродолжительно, где-то в пределах первой половины II тысячелетия до н. э. и соответственно Намазга VI — вторая половина этого тысячелетия. Еще раз отметим, что эти датировки имеют лишь самый ориентировочный характер и что насущной задачей изучения «анауских культур» является применение карбонового анализа, что несомненно будет способствовать разрешению не только практических вопросов, но и общетеоретических проблем археологии Средней Азии и Ближнего Востока.

Следует остановиться еще на одном вопросе. Настоящая статья специально посвящена публикации расписной керамики, являющейся в числе прочих видов находок весьма многочисленной. Именно на расписной керамике ярко прослеживается хронологическое изменение, культурные связи и влияния. Однако, не следует упускать из вида, что полную картину древнего керамического производства можно получить лишь на основе изучения всех видов керамики, в том числе и не расписной. Это должно послужить темой дальнейших исследований. Классификация, предложенная Б. А. Куфтиным, основана на комплексном изучении материала в тесной связи со стратиграфией строительных остатков. Дальнейшие работы несомненно приведут к еще большей дробности и детализации. Однако следует различать археологическую классификацию материалов (т. е. выделение комплексов НМЗ I, II, III и т. д.) и периодизацию истории общества. Археологическая классификация, будучи источниковедческой обработкой материала, является предварительным условием исторической периодизации, но не обязательно с ней совпадает.

Отождествление классификационной схемы и периодизации истории первобытно-общинного строя привело бы к искажению реальной исторической перспективы и к неверному представлению о калейдоскопической смене культур и периодов на заре истории человечества. Например, детализированная стратиграфия памятников Центрального и Северо-Восточного Ирана не означает наличия там десятка различных культур. Признавая сложность существующей терминологии Мак Каун предложил называть памятники типа Сиалк I «сиалковской культурой»; Чешме-Али, Сиалк II, Анау IA «культурой Чешме-Али» и, наконец, Сиалк III и Гисар I «культурой Гисара». Терминология эта не привилась, но для центрального Ирана, как кажется, может быть принята, исключив, конечно,

отсюда Анау I. По мере развития археологических работ такую терминологию можно будет выработать и для Туркмении. Например Анау IA и Джейтун можно объединить в один «джейтунский» период земледельцев позднего неолита. Намазга I и Намазга II, насколько известен соответствующий материал, также следует относить к общему периоду—энеолитическому, который по праву может быть назван «анауским». В известной мере можно объединять Намазга III и IV, но этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Заканчивая комментарии к расписной керамике из раскопок Б. А. Куфтина надо опять подчеркнуть, что новый этап в изучении «анауских культур» только начинается. Совершенно несомненно, что новые исследования в этой области позволят ярко и отчетливо охарактеризовать облик этих древнейших высокоразвитых культур юга нашей страны и их место в истории стран древнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л. 1948. В. П. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3. В статье В. И. Спришевского не дается дата Чуста. Приведенные в тексте аналогии с Анау II несостоятельны. Чустская стоянка скорее всего относится ко II половине II тысячелетия до н. э.

2) Закаспийская область в археологическом отношении. Туркестанские ведомости 1888, № 24.

3) R. Pumpelly. Explorations in Turkestan with an Account of the Basin of Eastern Persia and Seistan. Washington. 1905.

4) R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau. vv. I—II. Washington, 1908.

5) М. А. Итина. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореферат. М. 1951. Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4.

6) Д. Д. Букинич. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе. «Туркменоведение». 1929. № 5. Он же Neues über Anau Namasga-Tepe. Eurasia septentuonalis antiqua. V. 1930.

7) С. А. Ершов. Итоги трех лет. «Туркменоведение». 1931. № 7—9, стр. 56. Наиболее полное описание см. М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. История СССР. Макет. Ч. I—II. М.—Л. 1939, стр. 155—156.

8) А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. Архитектурные памятники Туркмении. I. М.—Ашхабад, 1939.

9) См. например вышецитированный автореферат М. А. Итиной.

10) М. Е. Массон. ЮТАКЭ. 1947. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад. 1951 (1953), стр. 13—27.

11) М. Е. Массон. Цит. соч. стр. 21—22. В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951. «Изв. АН ТССР», 1953, № 1.

12) Предварительное сообщение о работах 1949—1950 г. См. цит. статью Б. А. Литвинского в Советской Этнографии.

13) Б. А. Литвинский, цит. соч., стр. 51.

14) Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур «Анау» «Изв. АН ТССР», 1954, № 1.

15) Б. А. Литвинский. Намазга-депе по данным раскопок 1949—1950 гг. «СЭ». 1952. № 4, стр. 40 и сл.

16) Pumpelly. p. 131. Pl. XXII.

17) Pumpelly, p. 125

18) Pumpelly, p. 126

19) Pumpelly, fig. 98 на стр. 131 и наша табл. V, 4

20) Pumpelly, p. 133

21) Приведем полные аналогии росписи:

Пампелли (Анау II)	Наш материал (Намазга II)
Pl. 32,4	табл. XVIII, 2, 9
Pl. 33,4	табл. XIX, 4
Fig. 132	табл. XII, 1
Fig. 138	табл. XX, 10
Fig. 139	табл. XIX, 3

22) М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. История СССР. Макет. М.—Л. 1939, т. I, стр. 156.

23) В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, в. 64. М. 1956.

24) В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-депе. «Изв. АН Туркм. ССР», 1955, № 3.

25) Б. А. Литвинский. Намазга-депе. «СЭ». 1952, № 4.

26) Например шурф в верхнем раскопе имеет диаметр в 60 см. (Pumpelly. p. 106, fig. 36) и круглый план.

27) D. E. Mc Cown. Comparative stratigraphy of Early Iran. Oriental Institute of University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization. No 23. Chicago. 1942.

28) V. G. Childe. Ceramic Art in Early Iran. Antiquity dec. 1942.

29) C. A. F. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948.

30) E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations 1931. Museum Journal v. XXIII, n. 4. Philadelphia, 1933.

31) E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar . Philadelphia. 1937.

32) Schmidt. Цит. соч. стр. 303.

33) Mc Cown. Цит. соч. стр. 12.

34) Schmidt. Pl. XXVI, 3903

35) Цит. соч. Pl XXVI, H 5209.

36) Ср. у. Б. А. Литвинского, цит. соч., стр. 41; 16, 17.

37) Цит. соч. табл. XLI H 4296. Гисар ШС.

38) Цит соч. табл. XLII H 3584. Гисар ШС.

39) Mc Cown. Цит. ссч. стр. 59.

40) T. J. Arne. Excavations at Shah Tepe. Sino-Swedish Expedition. VII, 5 Stockholm. 1945.

41) Например характерные волютообразные завитки, восходящие к Сиалку-Гияну (Pl XC, fig. 277).

42) Mc Cown. Цит. соч. стр. 54.

43) C. Schaeffer. Цит. соч. стр. 529.

44) Arne. Цит. соч. стр. 307.

45) Цит. соч. Pl. XXIII. fig. 177, 178, 179, 180.

46) Цит. соч. Pl. XXXIV, fig. 236.

47) Цит. соч. Pl. XXIII, fig. 176; Pl. XXV, fig. 188, 189; Pl. XXVIII, fig. 206 и целый ряд других

48) Цит. соч. Pl. XXXVIII, fig. 264.

49) F. R. Wulsin. Excavation at Turang Tepe. Suplt. to Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology. V. 2. March. 1932.

50) R. Ghirshman. Fouilles de Sialk.. Musée du Louvre. Série archeologique. IV—V. Paris. 1938—1939.

51) Ghirshman. Цит. соч. стр. 102—105.

52) Mc. Cown. Цит. соч. стр. 4, рис. 1.

53) Ghirshman. Цит. соч. табл. XL, A, 10.

54) Цит. соч. Табл. XL, A, I.

55) Цит. соч. Табл. XLI, A, II.

56) Цит. соч. Табл. LXII, 415 и табл. LXIII, 1819.

57) Цит. соч. табл. LXIII, 1817.

58) Например табл. LXVI, 1813.

59) Например козлы табл. LXX, s 97; табл. LXXI, s 1800 и табл. LXXII, s 1765.

60) Например табл LXXIX, B, 12; B. 9.

61) Табл. LXXVIII, C, 15; табл. LXXIX, C. 8.

62) B. J. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilization. 1952, б. и. стр. 29—31.

63) C. Contenau et R. Ghirshman. Fouilles du Tépé Giyan. Musée du Louvre. Série archeologique. t III. Paris, 1935.

64) Mc Cown. Цит. соч. стр. 13.

65) Contenau Цит. соч. табл. 51.

66) Contenau. Цит. соч. стр. 79.

67) Mc Cown. Цит. соч. стр. 47—48.

68) Contenau. Цит. соч. табл. 56.

69) E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New-York. 1941. Pl. XX

70) Б. А. Куфтин. Цит. соч. рис. 1, 3.

71) Contenau. Табл. 21, могила 65 и ряд других.

72) Цит. соч. стр. 80.

73) Schaeffer. Stratigraphie Comparée 455—460.

74) E. F. Schmidt. The Persian Expedition University Museum Bulletin. V. 5. March. 1935. Philadelphia. 46, 47.

75) S. Piggott. The Chronology of Prehistoric Norsh-West India. Ancient India. №1, 1946, рис. 2 на стр. 12. Эти же рисунки повторены в книге Пиготта: Prehistoric India to 1000 в. е. 1952, p. 74, fig. 3.

76) Исключая в известной мере комплекс Яз-депе I, гребующий специального исследования.

77) Mc Cown. Цит. соч. стр. 7, прим. 14.

78) Цит. соч. стр. 7.

79) Чайльд в осторожной форме пишет, что если принять устанавливаемые соответствия как хронологию, то Иран получает приоритет перед Шумером в области металлургии и применения гончарного круга. V. G. Childe. New Light on the host Ancient East. London, 1952, p. 196.

80) E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations. 1931. Museum Journal. XXIII. 1933. О начале II тыс. до н. э. говорит Шмидт и в издании 1937 г. стр. 321.

81) Contenau, рец. на статью Шмидта о работах 1931 г. Syria. XV, 1934. p. 86

82) W. R. Warren. The Early Cultures of Damghau Tepe Hissar. SPA. v. I.

83) Schaeffer. Stratigraphie comparée. p. 451.

84) G. Childe. Ceramic Art... p. 357—358.

85) S. Piggott. Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence. Antiquity, 1943.

86) S. Piggott. The Chronology of Prehistoric North-West India... p. 20.

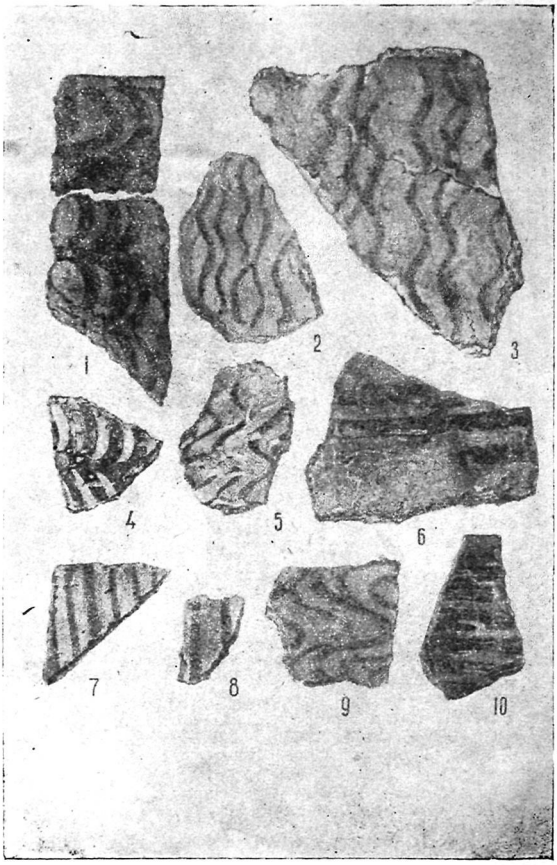


Таблица I. Керамика с поселения Джейтун.

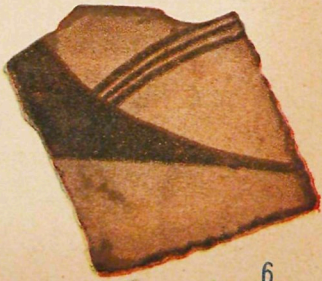
1

2

3

4

5



6

Таблица III Керамика НМЗ I с Намазга-депе.

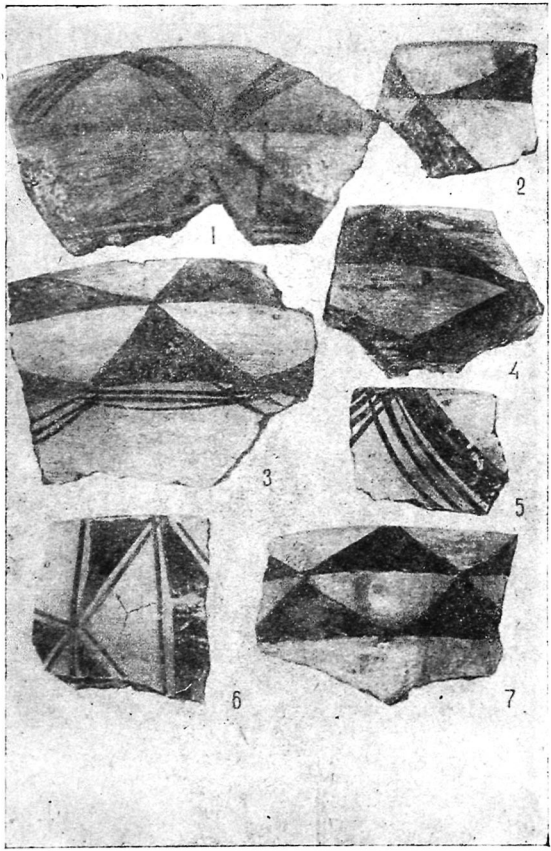


Таблица II. Керамика культуры НМЗ I с Яссы-дене.

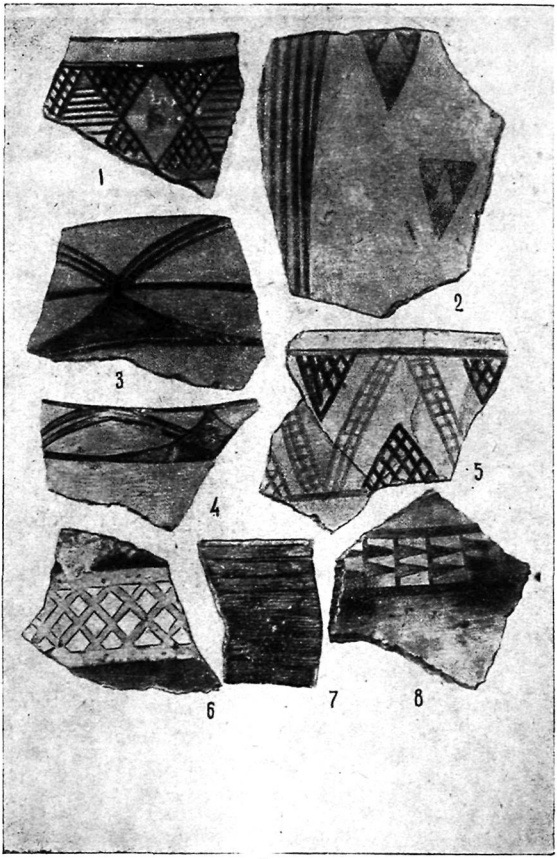


Таблица IV. Керамика культуры НМЗ I с Намазга-депе.

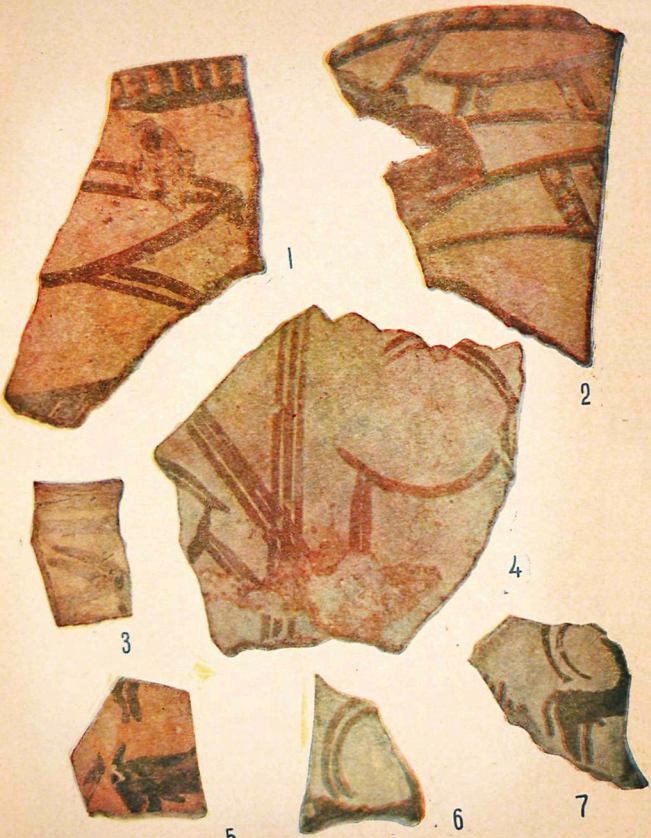


Таблица V. Керамика с изображениями козлов.

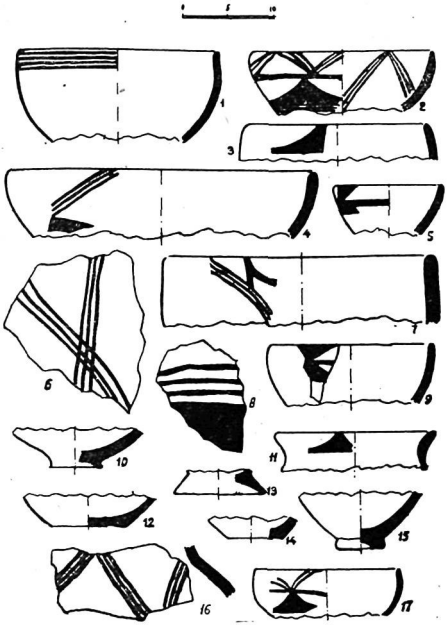


Таблица VI. Керамика культуры НМЗ I с Намазга-депе.

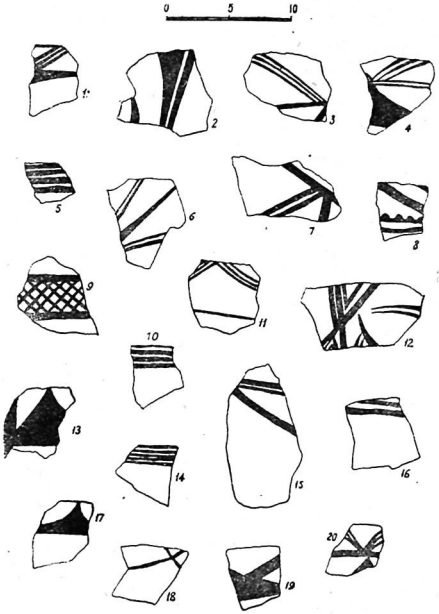


Таблица VII. Керамика культуры НМЗ I с Намазга-депе.

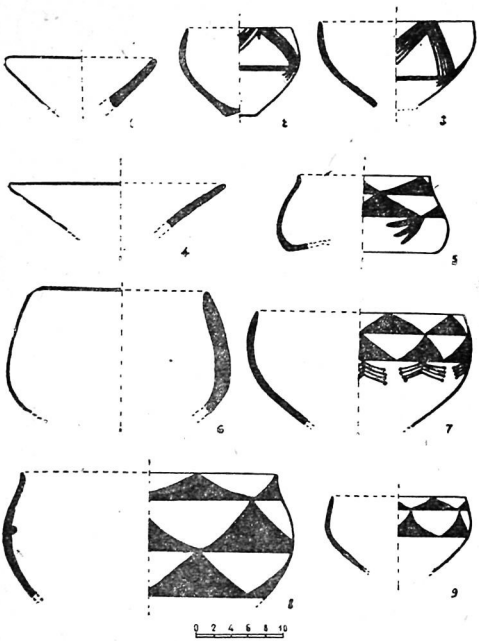


Таблица VIII. Керамика культуры НМЗ I с Яссы-депе.

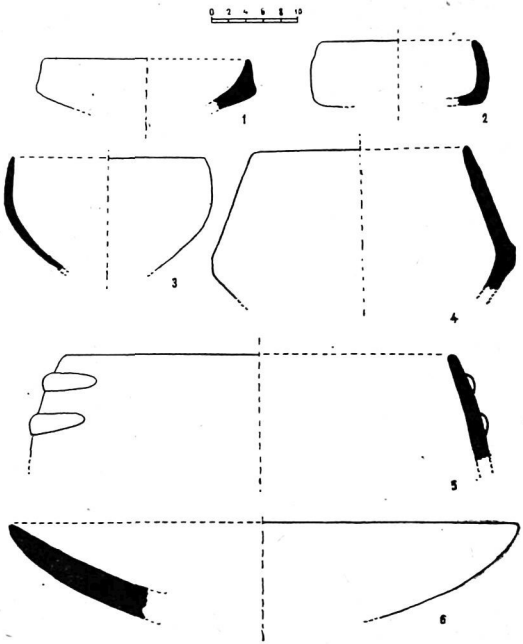


Таблица IX. Керамика культуры НМЗ I с Яссы-депе.

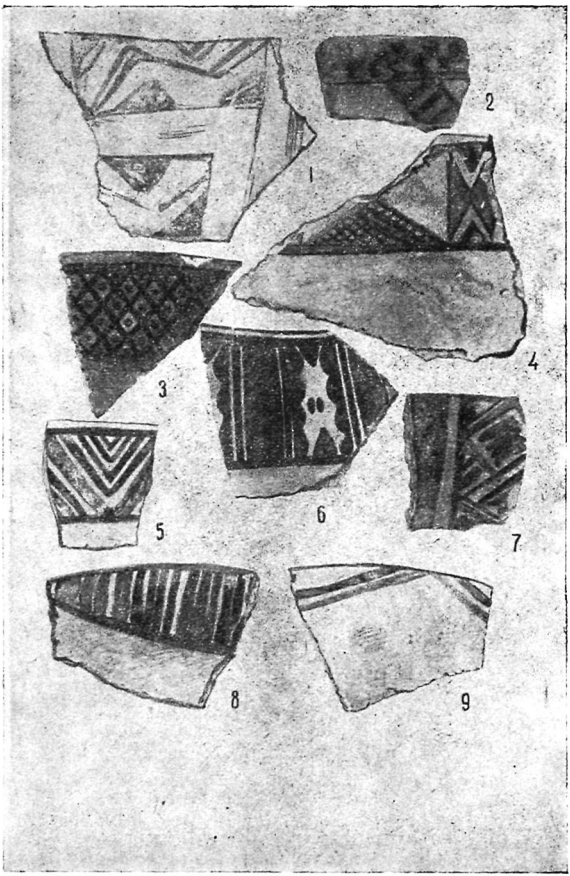


Таблица X. Керамика культуры НМЗ II с Намазга-депе.

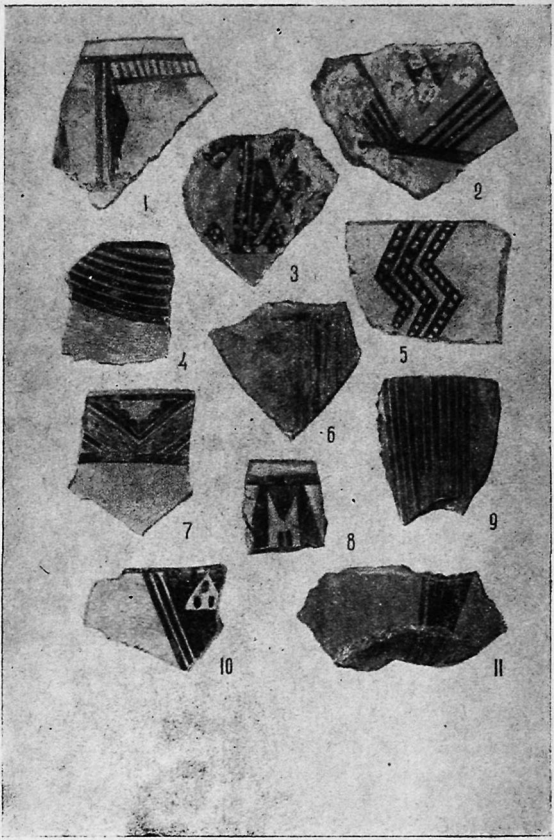


Таблица XI. Керамика культуры НМЗ II с Намазга-депе.

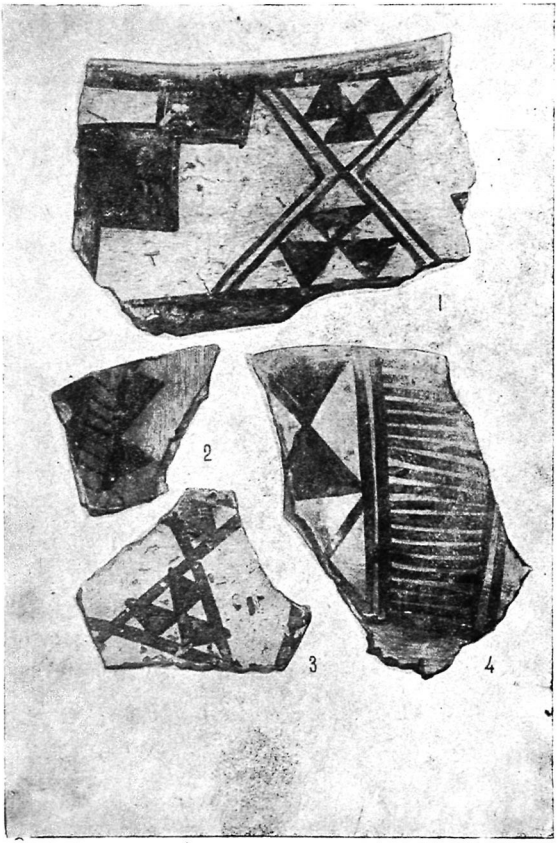


Таблица XII. Керамика культуры НМЗ II с Кара-депе.

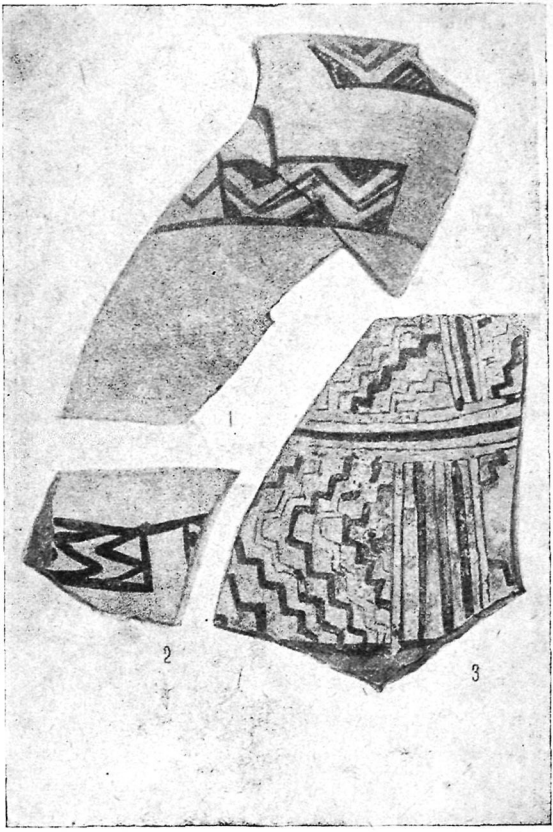


Таблица XIII. Керамика культуры НМЗ II с. Кара-депе.

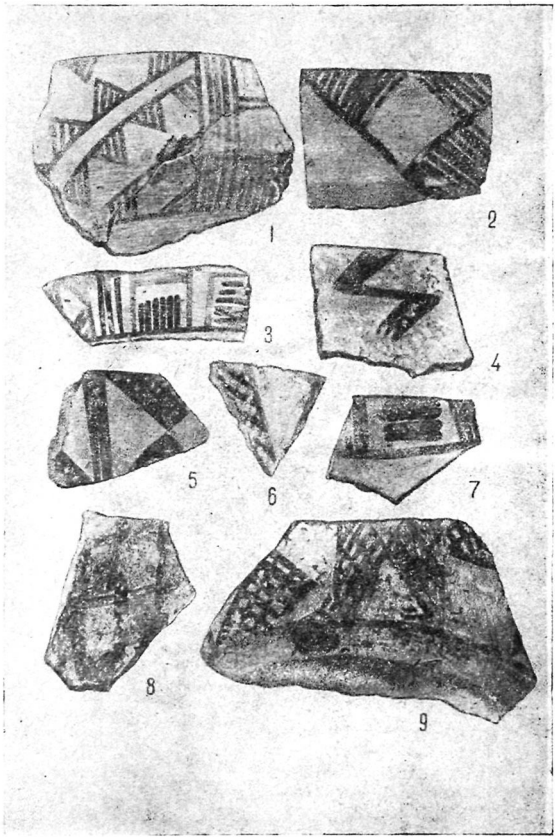


Таблица XIV. Керамика культуры НМЗ II с Кара-депе.

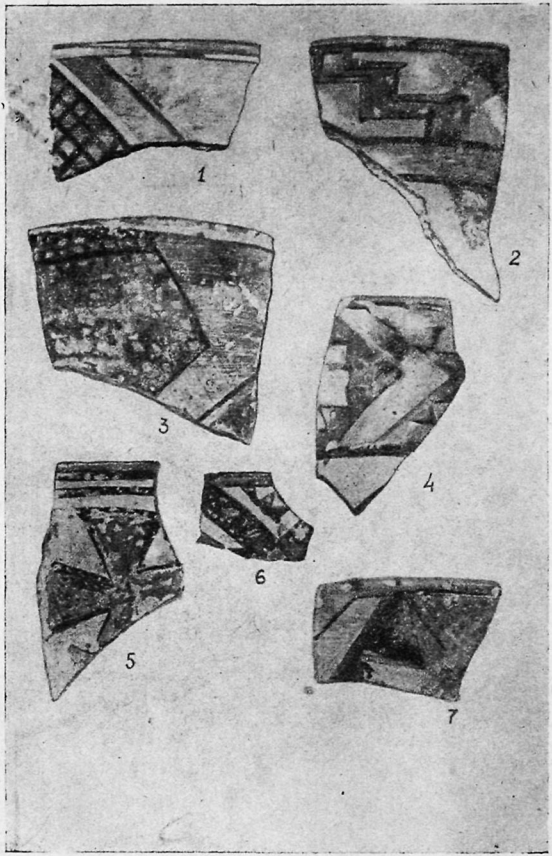


Таблица XV. Керамика культуры НМЗ II из различных мест.

Таблица XVI. Керамика НМЗ II с Ильгынлы-депе.

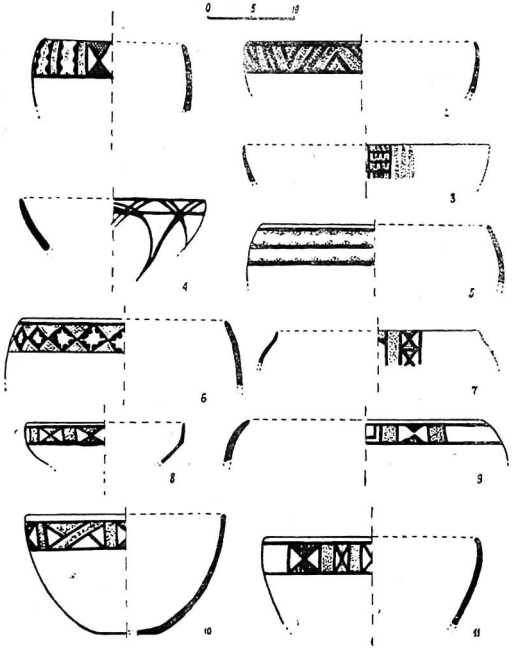


Таблица XVII. Керамика культуры НМЗ II с Намазга-депе.

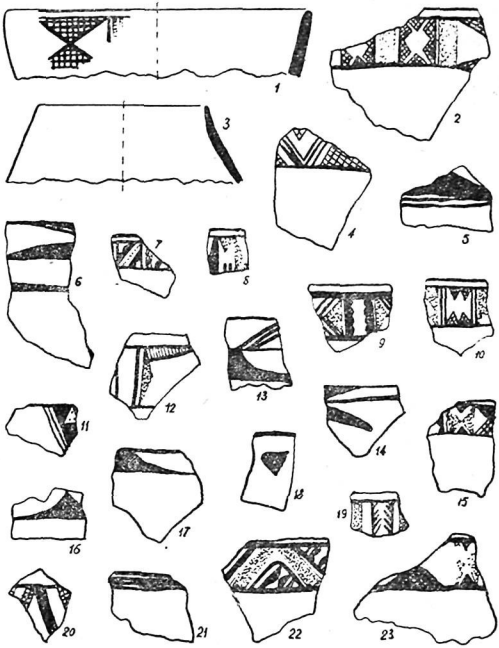


Таблица XVIII. Керамика культуры НМЗ II с Намазга-депе.

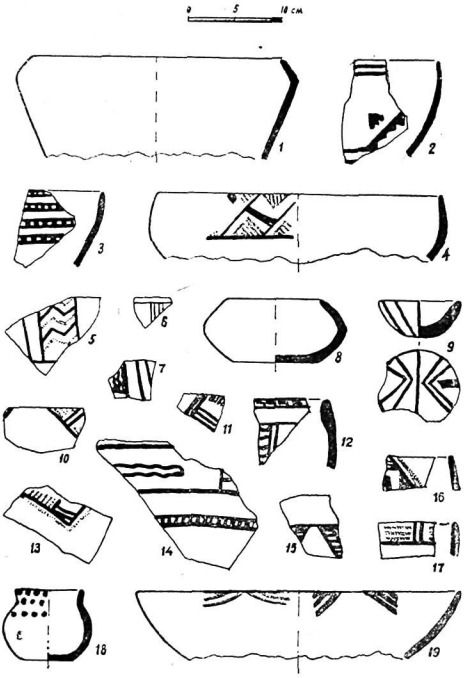


Таблица XIX. Керамика культуры НМЗ II с Кара-депе.

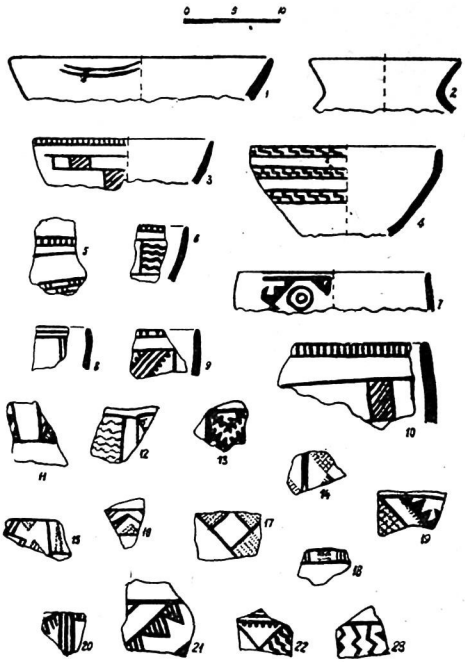


Таблица XX. Керамика культуры НМЗ II с Кара-депе.

1

2

3

4

5

6

Таблица XXI. Керамика НМЗ III с Кара-депе.

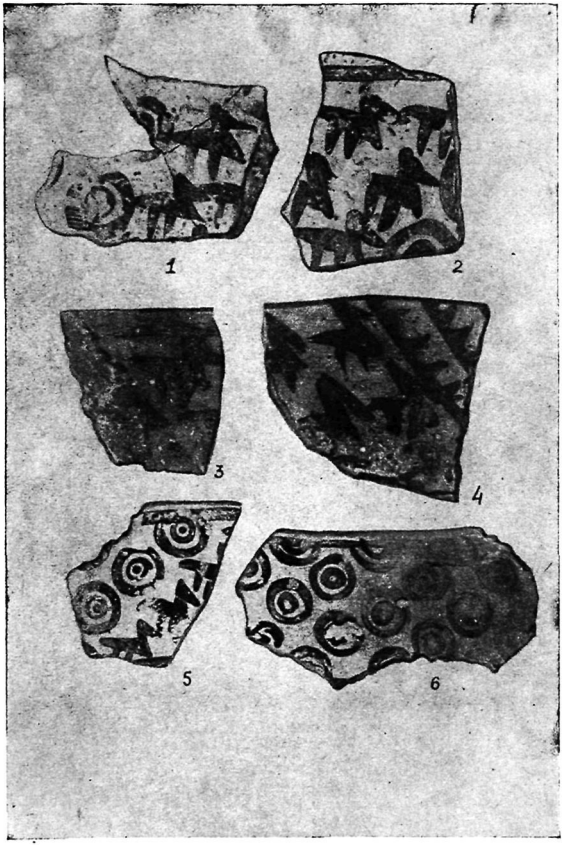


Таблица XXII. Керамика культуры НМЗ III с Кара-депе.

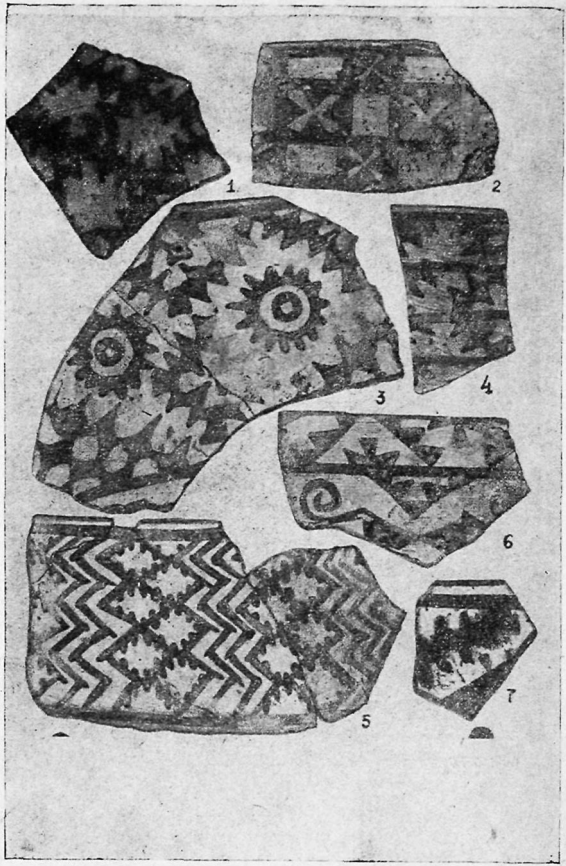


Таблица XXIII. Керамика культуры НМЗ III с Кара-депе.

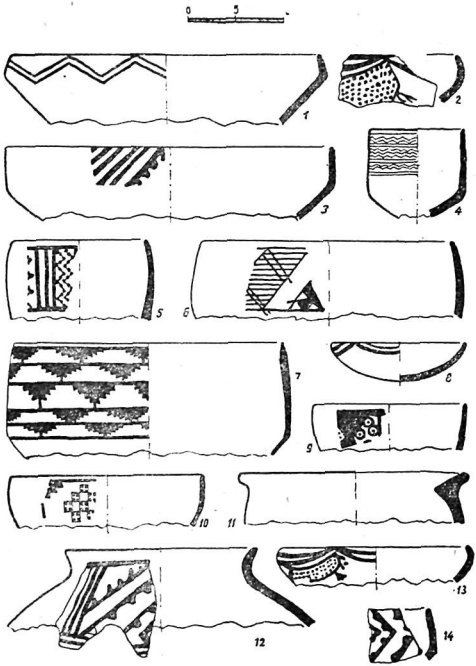


Таблица XXIV. Керамика культуры НМЗ III с Кера-депе.

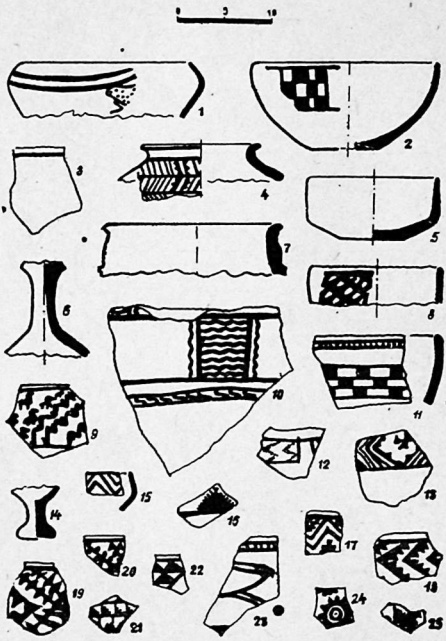


Таблица XXV. Керамика культуры НМЗ III с Кара-депе.

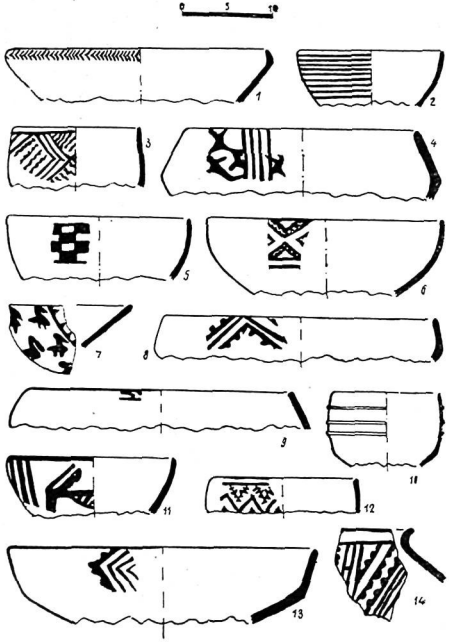


Таблица XXVI. Керамика культуры НМЗ III с Кара-депе.

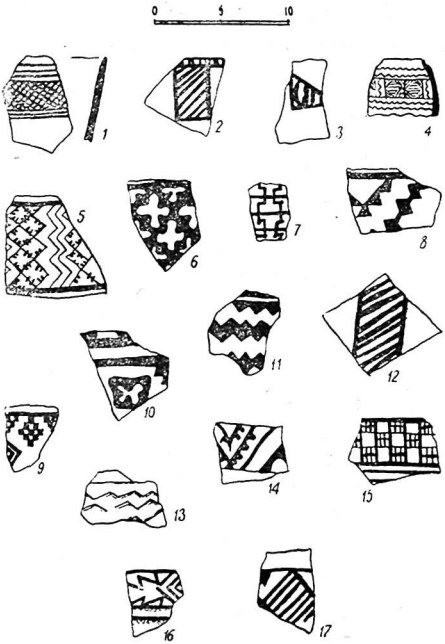


Таблица XXVII. Керамика культуры НМЗ III с Кара-дене.

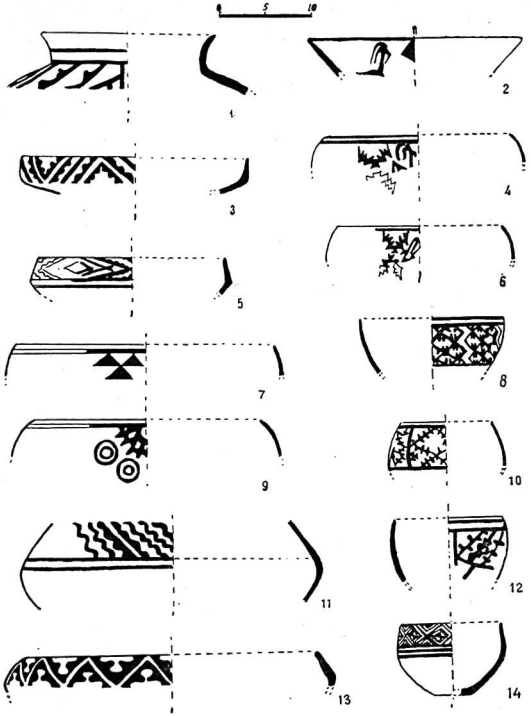


Таблица XXVIII. Керамика культуры НМЗ III с Намазга-депе.

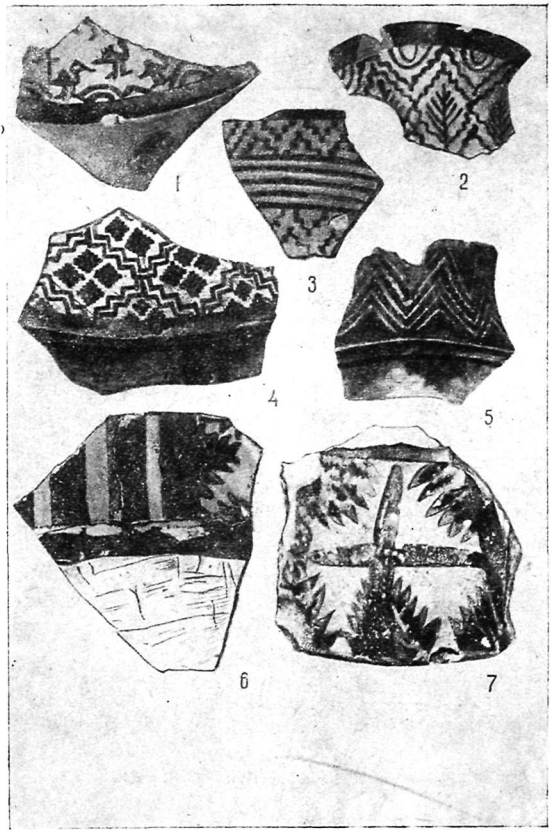


Таблица XXIX. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

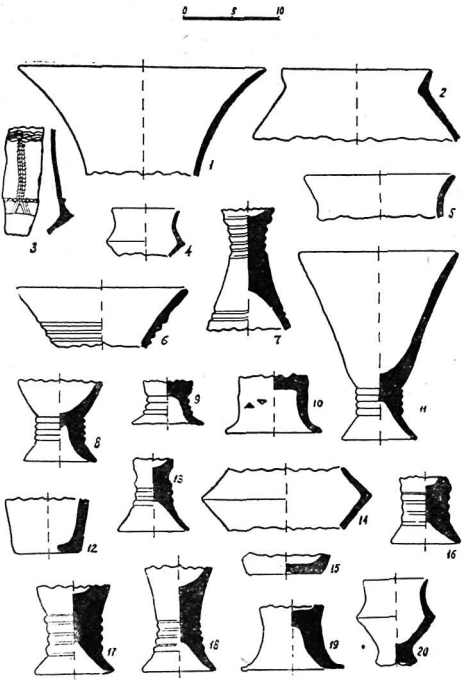


Таблица XXX. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

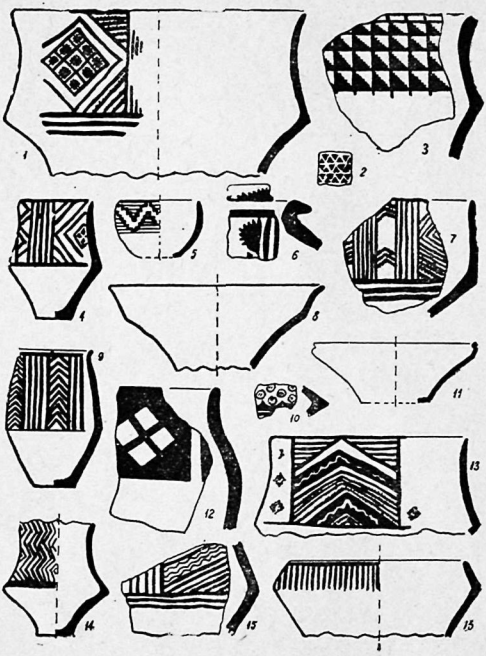


Таблица XXXI. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

Таблица XXXII. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

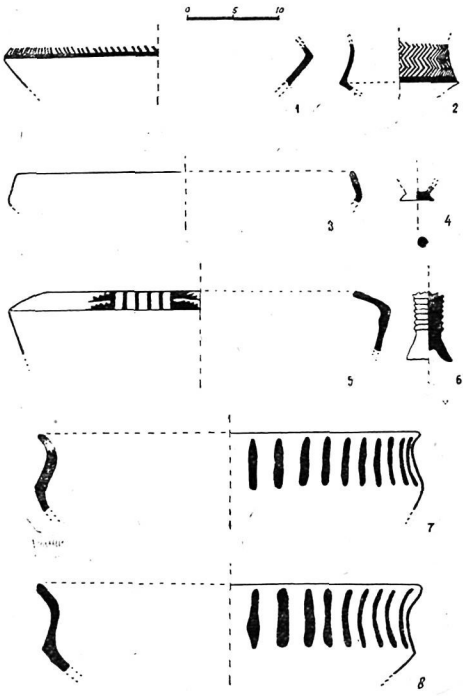


Таблица XXXIII. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

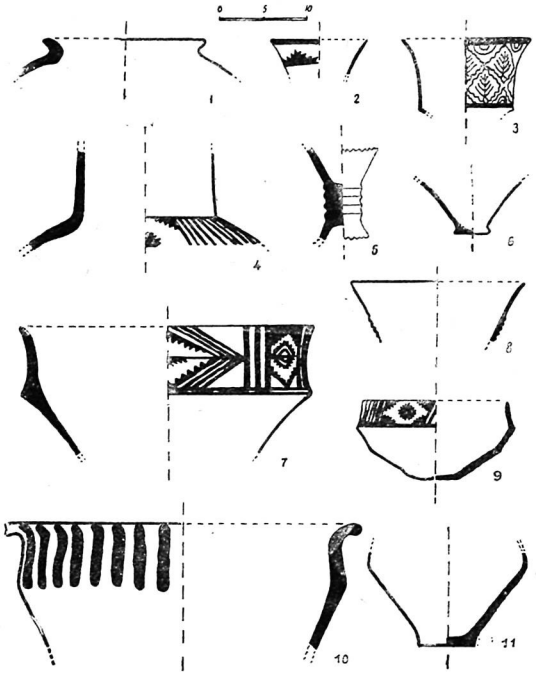


Таблица XXXIV. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

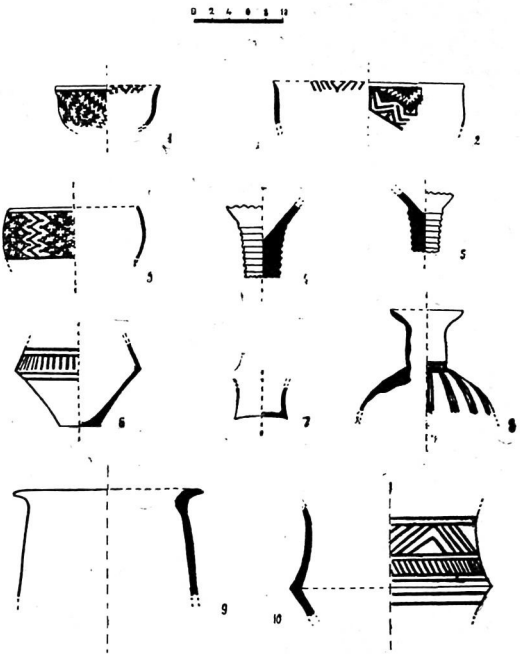


Таблица XXXV. Керамика культуры НМЗ III и IV с Намазга-депе.

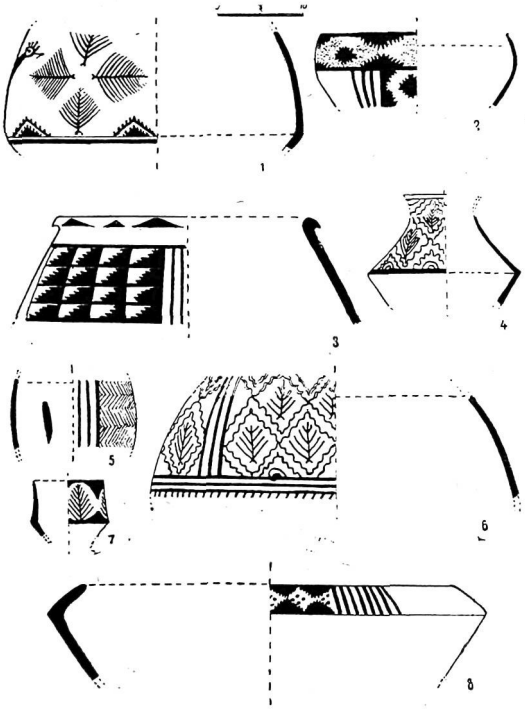


Таблица XXXVI. Керамика культуры НМЗ IV с Намазга-депе.

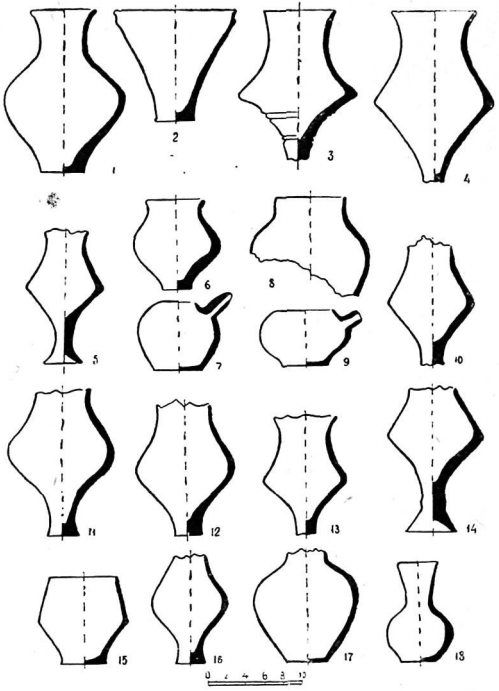


Таблица XXXVII. Керамика культуры НМЗ V с Намазга-депе.

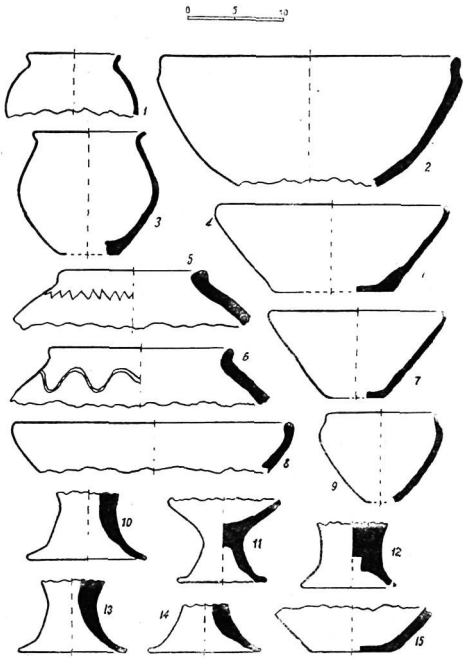


Таблица XXXVIII. Керамика культуры НМЗ VI с Намазга-депе.

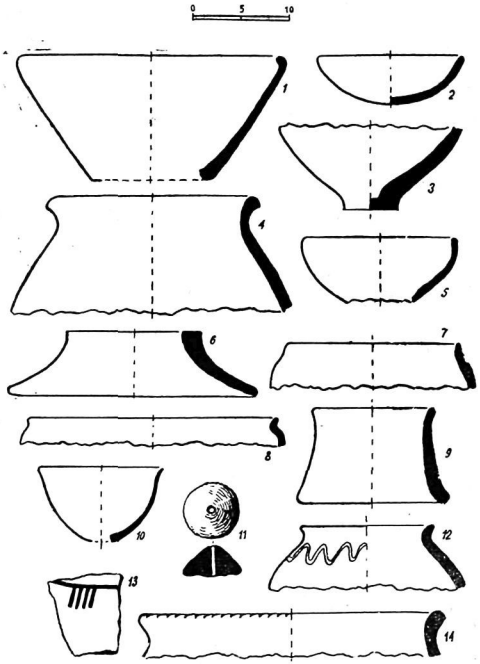


Таблица XXXIX. Керамика культуры НМЗ VI с Намазга-депе

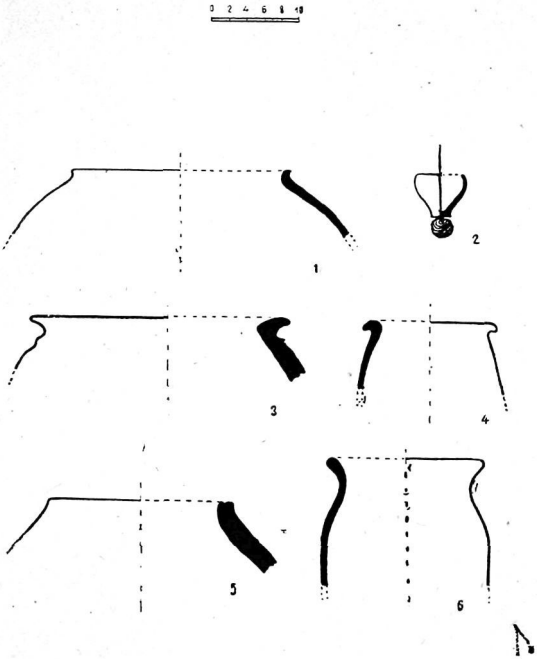


Таблица XL. Керамика культуры НМЗ VI с Намазга-депе.

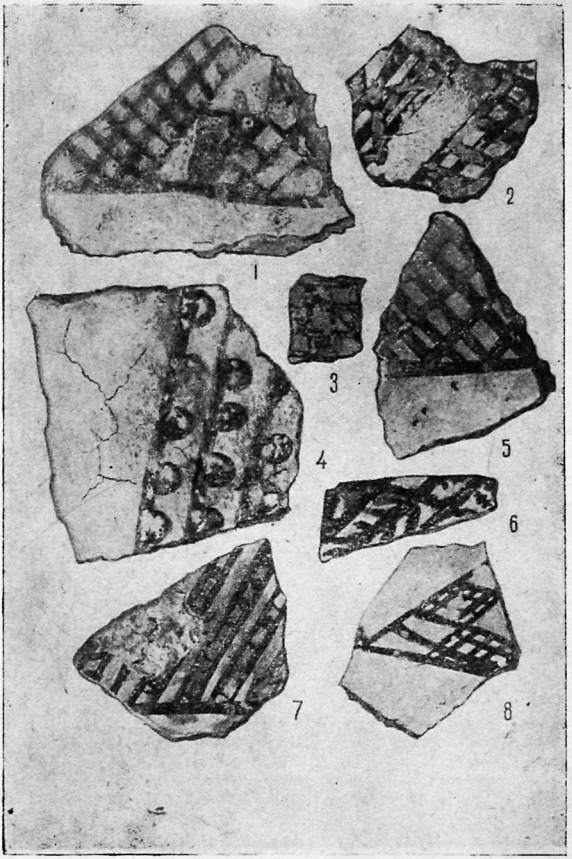


Таблица XLI. Керамика культуры Яз-депе I с Овадан-депе.

ПОЯСНЕНИЕ К ТАБЛИЦАМ

Таблица I. Керамика со стоянки Джейтун. Ручной лепки.
1. Коричневая роспись на желто-кореневатом фоне.
2. Коричневая роспись на кремовом фоне.
3. Красновато-коричневая роспись на кремовом фоне
4. Коричневая роспись на серо-кремовом фоне.
5. Коричневая роспись на кремовом фоне.
6. Темнокоричневая роспись на серо-коричневом фоне.
7. Красновато-коричневая роспись на розовато-желтом фоне.
8. Черная роспись на сером фоне.
9. Красновато-коричневая роспись на желто-кремовом фоне.
10. Темно-красновато-коричневая роспись на желто-коричневом фоне.

Таблица II. Керамика НМЗ I с Яссы депе у Каахка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на оранжево-красном фоне.
2. Бордовая роспись на желтоватом фоне.
3. Темнокоричневая роспись на желтом фоне.
4. Бордовая роспись на черноватом фоне.
5. Черная роспись на желтом фоне.
6. Темнокоричневая роспись на желтом фоне.
7. Темнокоричневая роспись на желтом фоне.

Таблица III. Керамика НМЗ I из шурфа № 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на красном фоне. XVIII ярус.
2. Темнокоричневая роспись на красном фоне. XX ярус.
3. Сероватая роспись на красновато-желтом фоне. XXV ярус.
4. Черная роспись на желтом фоне. XXV ярус.
5. Черная роспись на желтом фоне. XXII ярус.
6. Черная роспись на желтом фоне. XX ярус.

Таблица IV. Керамика из шурфа № 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на оранжевом фоне. XIX ярус.
2. Треугольники — черной краской, полосы — темнокрасной. Фон коричневато-серый. XVIII ярус.
3. Темнокоричневая роспись на темносером фоне. XVIII ярус.
4. Черная роспись на оранжевом фоне. XVIII—XIX ярус.
5. Темносерая (полосы) и темнокрасная (треугольники) роспись на желтовато-разовом фоне XVIII—XIX яруса.
6. Светлокоричневая роспись на кремово-коричневом фоне в просветах и коричневом по краям. XXII ярус.
7. Черная роспись на красном фоне. XIX ярус.
8. Темнокоричневая роспись на серо-черном фоне. XX ярус.

Таблица V. Керамика с изображением козлов. Ручной лепки.
1. Черная роспись на розовом фоне. Кара-депе у Артыка. Шурф. VI ярус.
2. Черная роспись на желтом фоне. Кара-депе у Артыка. Шурф. VIII ярус.
3. Коричневая роспись на светлокоричневом фоне. Холмы у ст. Геоксюр. Подъемный материал.
4. Черная роспись на зеленовато-розовом фоне. Намазга-депе. Шурф № 1, XXIII—XXIV яруса.
5. Черная роспись на красном фоне. Яссы-депе у Душака. Подъемный материал.
6. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Намазга-депе. Подъемный материал.
7. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Намазга-депе. Площадка с горнами.

Таблица VI. Керамика НМЗ I из шурфа № 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.
Роспись темнокоричневым различных оттенков по красному и бело-зеленоватому или желтому фону.
Из XX яруса происходят номера 4, 7, 9, 16, из XXII—XXIII ярусов — № 5, из XXIV—номера 6, 10, 13 и из XXV — 1, 2, 3, 8, 11, 12, 14, 15, 17.

Таблица VII. Керамика НМЗ I из шурфа № 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.
Роспись темнокоричневым различных оттенков по красному и бело-зеленоватому или желтому фону.
Из XX яруса происходит № 1, из XXII—XXIII номера 6, 7, 9, 11, 14, 17, 18, 19, из XXIV яруса, 4, 8, 10, из XXV яруса номера 2, 3, 5, 12, 13, 15, 16, 20.

Таблица VIII. Керамика НМЗ I из раскопок Яссы-депе у Каахка. Ручной лепки. Роспись темнокоричневым по зеленовато-белому фону различных оттенков.

Таблица IX. Керамика НМЗ I из раскопок Яссы-депе у Каахка. Ручной лепки. Поверхность черепка оливкового или кремового цвета, в изломе краснобурого или черного.

Таблица X. Керамика НМЗ II из шурфа 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.

1. На розовато-желтом фоне роспись черным (линии) и темнобордовым (треугольники). XIII — XIV яруса.
2. Тот же фон. Роспись черным (линии) и темнобордовым (зигзаги). XIII — XIV яруса.
3. Коричневый фон. Роспись черным (точки) и темнобордовым (сетка). XVI ярус.
4. Розовато-желтый фон. Роспись грязнокрасным. XVI ярус.
5. Желтоватый фон. Роспись черным и темнобордовым. XVI ярус.
6. Зеленовато-желтый фон. Роспись черным и темнобордовым (полоса в просветах и треугольники). XIII ярус.
7. Красновато-желтый фон. Роспись черным и темнобордовым (заполнение просветов). XIII—XIV ярус.
8. Коричневато-желтый фон. Роспись светлокоричневым и темнобордовым. XIII ярус.
9. Зеленовато-желтый фон. Роспись светлокоричневым и темнобордовым. XIII ярус.

Таблица XI. Керамика НМЗ II из шурфа 5 на Намазга-депе. Ручной лепки.

1. На сером фоне роспись черным и темнобордовым (треугольник). XIX ярус.
2. На кремовом фоне роспись темносерым и темнобордовым. XVIII ярус.
3. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XVIII—XIX ярус.
4. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (два силуэтных треугольника). XVIII—XIX ярус.
5. На зеленовато-желтом фоне роспись черным и темнобордозым. XVIII — XIX ярус.
6. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (треугольники). XVIII—XIX ярус.
7. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (полоса в просвете). XVI ярус.
8. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XVII ярус.
9. На коричневато-желтом фоне роспись темнобордовым. XVI ярус.
10. На розовато-желтом фоне роспись темнобордовым (полосы и черточки в треугольнике) и черным. XVIII—XIX ярус.
11. На коричневато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XVI ярус.

Таблица XII. Керамика НМЗ II с Кара-депе у Артыка. Подъемный материал. Ручной лепки.

1. На розовато-желтом фоне роспись черным и бордовым (в просветах).
2. На красноватом фоне роспись черным.
3. На зеленовато-желтом фоне роспись темнокоричневым.
4. На розовато-желтом фоне роспись черным.

Таблица XIII. Керамика НМЗ II из шурфа на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.

1. На серовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (треугольники). VIII ярус.
2. На зеленовато-желтом фоне роспись черным и темнобордозым (зигзаги). VII ярус.
3. На грязножелтом фоне роспись черным и темнобордовым. I ярус.

Таблица XIV. Керамика НМЗ II из шурфа Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.

1. На серовато-желтом фоне роспись грязносерым и темнобордовым. VIII ярус.
2. На серовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (полосы в треугольниках). X ярус.
3. На серовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. VIII ярус.
4. На розовато-желтом фоне роспись бордовым. IX ярус.
5. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. X ярус.
6. На зеленовато-желтом фоне роспись черным. X ярус.
7. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым (полосы в центре). X ярус.
8. На розовато-желтом фоне роспись черным (просветы в квадратах) и темно бордовым. VI ярус.

9. На коричневато-желтом фоне роспись черным (центральные два треугольника) и темнобордовым. IX ярус.

Таблица XV. Керамика НМЗ II. Ручной лепки.

1. На желтовато-красном фоне роспись темносерым и темнобордовым (сетка с краю черепка). VIII ярус шурфа на Кара-депе.

2. На розовато-желтом фоне роспись черным и заполнение просветов красным. Илгынли. Подъемный материал.

3. На желтовато-красном фоне роспись черным. Илгынли. Подъемный материал.

4. На желтом фоне роспись черносерым с заполнением просветов красным и темнобордовым. Яссы-депе у Душака. Подъемный материал.

5. На желтом фоне черный рисунок контура и бордовое заполнение. Илгынли. Подъемный материал.

6. На зеленовато-желтом фоне серо-черная роспись и темнобордовая полоса в просвете. Илгынли. Подъемный материал.

7. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым заполнением треугольников. Яссы-депе у Душака. Подъемный материал.

Таблица XVI. Керамика НМЗ II. Подъемный материал с Илгынли. Ручной лепки.

1. На розовато-желтом фоне черная роспись с частичным заполнением просветов темнобордовым.

2. На красном фоне черная и темнобордовая роспись.

3. На красновато-желтом фоне черная роспись с серым заполнением центральной фигуры.

4. На красном фоне черная и темнобордовая (сетка) роспись.

5. На красном фоне черная роспись.

6. На коричневато-желтом фоне черная роспись.

7. На желтовато-красном фоне черная роспись с темнобордовым заполнением просветов.

Таблица XVII. Керамика НМЗ II из шурфа № 1 на Намазга-депе. Ручной лепки.

1. На розовато-желтом фоне черная и темнобордовая (заполнение просветов) роспись. XXI ярус.

2. На розовато-желтом фоне роспись черная и темнобордовая (заполнение просветов. XIX ярус.

3. На розовато-желтом фоне черная роспись. XIX ярус.

4. На кремовом фоне роспись серая и темнобордовая. XIX ярус.

5. На кремовом фоне роспись черная и темнобордовая. XXI ярус.

6. На кремовом фоне роспись темносерая и темнобордовая (заполнение треугольников). XXI ярус.

7. На розовато-желтом фоне роспись серая и темнобордовая (заполнение просветов). XIX ярус.

8. На кремовом фоне роспись серая и темнобордовая (заполнение просветов). XIX ярус.

9. На кремовом фоне роспись черная и темнобордовая (заполнение просветов). XIX ярус.

10. На розовато-желтом фоне роспись черная и темнобордовая (заполнение просветов). XXI ярус.

11. На розовато-желтом фоне роспись темнокоричневая и темнобордовая. XIX ярус.

Таблица XVIII. Керамика НМЗ I и НМЗ II из шурфа № 5 на Намазга-депе Ручной лепки.

1. На желтоватом фоне роспись черным и темнобордовым. XV ярус.
2. То же. XV ярус.
3. Краснолощеный сосуд. XVI ярус.
4. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XVIII—XIX ярусы.
5. На желтоватом фоне роспись черным. XVII ярус.
6. То же. XVI ярус.
7. На желтоватом фоне роспись черным и темнобордовым. XV ярус.
8. То же. XVII ярус.
9. На желтоватом фоне роспись черным и темнобурым. XVI ярус.
10. То же. XVII ярус.

11. То же. XVIII—XIX ярусы.
12. То же. XVIII—XIX ярусы.
13. На зеленовато-желтом фоне роспись черным. XVII ярус.
14. То же. XVIII—XIX ярусы.
15. На желтоватом фоне роспись черным и темнобурым. XV ярус.
16. На зеленовато-желтом фоне роспись черным. XVIII—XIX ярусы.
17. То же. XVIII—XIX ярусы.
18 То же. XVII ярус.
19. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XV ярус.
20. То же. XVIII—XIX ярусы.
21. На зеленовато-желтом фоне черная роспись. XVIII—XIX ярусы.
22. На розовато-желтом фоне роспись черным и темнобордовым. XV ярус
23. То же. XVI ярус.

Таблица XIX. Керамика НМЗ II. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Сосуд серой глины с чернолощеной поверхностью. VIII ярус.
2. Темнокоричневая роспись на красном фоне. VIII ярус.
3. Темнокоричневая роспись на розоватом фоне. VIII ярус.
4. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на розовато-желтом фоне. IX ярус.
5. То же. VIII ярус.
6. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. IX ярус.
7. То же. VIII ярус.
8. Краснолощеный сосуд. X ярус.
9. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VIII ярус.
10. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на розовато-желтом фоне. IX ярус.
11. Темнокоричневая роспись на розовато-желтом фоне. IX ярус.
12. То же. VIII ярус.
13. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на розовато-желтом фоне. VIII ярус.
14 Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VIII ярус.
15. То же. VIII ярус.
16. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на розовато-желтом фоне. VIII ярус.
17. То же. VIII ярус.
18. Розовато-желтый фон и темнокрасная роспись. X ярус.
19. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Слева—снаружи сосуда, справа — внутри. VIII ярус.

Таблица XX. Керамика НМЗ II. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на розовато-желтом фоне. IX ярус.
2. Горловина краснолощеного сосуда. X ярус.
3—10. Темнокоричневая роспись на розовато-желтом фоне. VIII ярус.
11—12. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на желтоватом фоне. VIII ярус.
13. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VIII ярус.
14. Темнокоричневая и темнобордовая роспись на желтоватом фоне. X ярус.
15. То же. IX ярус.
16. То же. VIII ярус.
17—18. То же. X ярус.
19. То же. VIII ярус.
20—23. Темнокоричневая роспись на розовато-желтом фоне. VIII ярус.

Таблица XXI. Керамика НМЗ III с Кара-депе у Артыка.
1. Черная роспись на красном фоне. Шурф. I ярус.
2. Темнокоричневая роспись на розовато-желтом фоне. Подъемный материал.
3. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Шурф. I ярус.
4. То же. Шурф. II ярус.
5. То же. Подъемный материал.
6. Темнокоричневая роспись на желтовато-коричневом фоне. Шурф. I ярус.

Таблица XXII. Керамика НМЗ II. Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Подъемный материал.
2. То же.
3. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Шурф. I ярус.

Таблица XXIII. Керамика НМЗ III. Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1—3. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. Подъемный материал
4. То же. Шурф. VIII ярус.

5. То же. Шурф. VII ярус.
6—7. То же. Подъемный материал.

Таблица XXIV. Керамика НМЗ III. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на красном фоне. VII ярус.
2. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
3. Темнобурая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
4. Краснолощеный сосуд. Процарапанный орнамент. I ярус.
5. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. I ярус.
6. То же. II ярус.
7—9. То же. VII ярус.
10. То же. III ярус.
11. Серой глины с наружным лощением. III ярус.
12. Темнокоричневая роспись на красном фоне. I ярус.
13. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. IV ярус.
14. То же. I ярус.

Таблица XXV. Керамика НМЗ III. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки
1. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. I ярус.
2. То же. VII ярус.
3. То же. III ярус.
4. То же. VII ярус.
5. Нерасписной сосуд зеленовато-белого цвета. I ярус.
6. Ножка вазы глины серого цвета с наружным лощением. I ярус.
7. Венчик сосуда серой глины с наружным лощением. I ярус.
8. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
9. То же. I ярус.
10—11. То же. VII ярус.
12. Черная и бурая роспись на светло-желтом фоне. VII ярус.
13. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. I ярус.
14. Ножка небольшого бокала грубой лепки. II ярус.
15. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. II ярус.
16. То же. I ярус.
17. То же. VII ярус.
18. То же. VI ярус.
19. То же. VII ярус.
20—21. То же. I ярус.
22. То же. VI ярус.
23. Черная роспись на розовом фоне. VI ярус.
24. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
25. То же. II ярус.

Таблица XXVI. Керамика НМЗ III. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. I ярус.
2. То же. VI ярус.
3—4. То же. I ярус.
5. То же. VII ярус.
6. Темнокоричневая роспись на красном фоне. I ярус.
7. Роспись с внутренней стороны. Темнокоричневая по зеленовато-белому фону. I ярус.
8. Темнокоричневая роспись на красном фоне. I ярус.
9. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
10. Сосуд серой глины, поверхность залощена. Налепные жгуты. VII ярус.
11. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
12. То же. III ярус.
13—14. То же. I ярус.

Таблица XXVII. Керамика НМЗ III. Шурф на Кара-депе у Артыка. Ручной лепки.
1. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. II ярус.
2—3. То же. VII ярус.
4. Сероглиняный сосуд с нацарапанным орнаментом. VI ярус.
5—6. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VII ярус.
7. То же. I ярус.
8. То же. VI ярус.
9. То же. I ярус.

10. То же. VII ярус.
11—12. То же. VII ярус
13. Фрагмент серой глины. Орнамент нарезной. I ярус.
14—15. Темнокоричневая роспись на красном фоне. I ярус.
16. Темнокоричневая и бурая роспись на зеленовато-белом фоне. II ярус.
17. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. VI ярус.

Таблица XXVIII. Керамика НМЗ III из шурфа № 1 на Намазга-депе. Ручной лепки. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. XIII—XVII ярусы.

Таблица XXIX. Керамика НМЗ IV с площадки с горнами на Намазга-депе. Ручной лепки.

1. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне.
2—3. Черная роспись на зеленовато-белом фоне.
4. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне.
5. Красновато-коричневая роспись на коричневато-белом фоне.
6. Темнокоричневая роспись на желтом (вверху) и зеленовато-белом (внизу) фоне.
7. Коричневая роспись на зеленовато-белом фоне.

Таблица XXX. Керамика НМЗ IV серой глины из раскопа на площадке с горнами на Намазга-депе.

Таблица XXXI. Керамика НМЗ IV из раскопа на площадке с горнами на Намазга-депе. Роспись темнокоричневым на зеленовато-белом фоне. № 16 сделан на гончарном круге.

Таблица XXXII. Керамика НМЗ IV из раскопа на площадке с горнами на Намазга-депе. Роспись темнокоричневым на зеленовато-белом (№ 27 на красном) фоне. №№ 2, 11, 12, 13, 53 изготовлены на гончарном круге. У №№ 18 и 22 слева дана роспись снаружи сосуда, справа — внутри.

Таблица XXXIII. Керамика НМЗ IV. Из шурфа № 1 на Намазга-депе. V—VI яруса. Роспись темнокоричневым по зеленовато-белому фону. № 4 изготовлен на гончарном круге.

Таблица XXXIV. Керамика НМЗ IV из шурфа № 2 на Намазга-депе.

1. Темнокоричневая роспись по зеленовато-белому фону. IX ярус.
2. То же. VI ярус.
3. То же. VII ярус.
4. То же. VIII ярус.
5. Сосуд глины серого цвета. XI ярус.
6. Темнокоричневая роспись по зеленовато-белому фону. IX ярус.
7. То же. XI ярус.
8. Сосуд серой глины. Поверхностное лощение. XI ярус.
9. Темнокоричневая роспись по зеленовато-белому фону. IX ярус. Сделано на гончарном круге.
10. То же. VIII ярус.
11. То же. VII ярус.

Таблица XXXV. Керамика НМЗ IV из шурфа № 2 на Намазга-депе.

1—2. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. XIV ярус.
3—5. То же. XIII ярус.
6. То же. XII ярус.
7. То же. XIII ярус.
8. Сосуд светлосерой глины с черным наружным лощением. Узор образован также лощением.
9—10. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. XIII ярус.

Таблица XXXVI. Керамика НМЗ IV из шурфа № 2 на Намазга-депе. Ручной лепки. Темнокоричневая роспись на зеленовато-белом фоне. На № 2 фон в верхней части — розовый.

Таблица XXXVII. Керамика НМЗ V из раскопа на площадке с горнами на Намазга-депе. Сосуды зеленовато-белого цвета, нерасписные, сделаны на гончарном круге.

Таблица XXXVIII. Керамика НМЗ VI из раскопа на «вышке». Намазга-депе Номера 1, 2, 4, 5, 7, 9, 11, 13—15 сделаны на гончарном круге.

1. Красный черепок и красный ангоб.
2. Серый черепок. Наружная поверхность заглажена.
3. Черепок кремовый.

4. Красный черепок.
5. То же. Орнамент нацарапан
6. Розовый черепок. Орнамент нацарапан.
7. Красный черепок и красный ангоб.
8. Серый черепок. Наружная поверхность залощена.
9. Серый черепок.
10. Красный черепок. Темнокрасный ангоб. Частичное лощение.
11. Красный черепок.
12. Серый черепок.
13. Красный черепок.
14. То же.
15. Серый черепок. Наружная поверхность залощена.

Таблица XXXIX. Керамика НМЗ VI из раскопа на «вышке». Намазга-депе. Номера 1, 3, 5, 10, 12 сделаны на гончарном круге.

1—2. Желтоватый черепок.
3. Красный черепок.
4. В черепке гравий. Снаружи закопчено.
5. Красный черепок. Малиновый ангоб и лощение.
6. Розоватый черепок. Подставка для сосуда.
7. Кремовый черепок. Наружная поверхность залощена.
8. Кремовый черепок. Светлокоричневый ангоб.
9. Красный черепок. Темнокрасный ангоб. Подставка для сосуда.
10. Кремовый черепок.
11. Прялице покрытое темнокрасным ангобом.
12. Зеленовато-белый черепок. Орнамент нацарапан
13. Светложелтый черепок. Орнамент нацарапан.
14. В черепке гравий. Леплено от руки. По венчику косые насечки.

Таблица XL. Керамика НМЗ VI из раскопа на «вышке» Намазга-депе.

1. Черепок кремовый с шамотом.
2. Кремовый черепок.
3. Кремовый черепок.
4. Кремовый черепок.
5. Розовый черепок.
6. Черепок серый с шамотом.

Таблица XLI. Расписная керамика типа Яз-депе I. Озадан-депе. Подъемный материал. Ручной лепки.

1—2. Бурокрасная роспись на розовато-желтом фоне
2. Красновато-коричневая роспись на розовом фоне
4. Коричневая роспись на зеленовато-белом фоне.
5. Красновато-коричневая роспись на зеленовато-белом фоне.
6. Темнокоричневая роспись на светлокоричневом фоне.
7—8. Бурокрасная роспись на розовато-желтом фоне.

А. Ф. ГАНЯЛИН.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛЕНИЯ ЯНГИ-КАЛА

В сезон полевых работ 1951 г. по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции был организован отряд для проведения археологических работ по вскрытию погребений на землях колхоза им. Кагановича у селения Янги-Кала Геок-Тепинского района Ашхабадской области. Основной задачей, поставленной перед отрядом начальником Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции профессором М. Е. Массоном, являлось проведение разведочных археологических раскопок погребений с целью выяснения их типа и культурно-хронологической принадлежности. Наряду с основной задачей, отряду было предложено произвести обследование района предгорья Копет-Дага от русел Сакыз-Яба до Алты-Яба, т. е. до Чулинского ущелья.

Предгорная полоса Геок-Тепинского района неоднократно обследовалась и до нас. В Краеведческом и Историческом музеях Академии наук Туркменской ССР находится керамический материал, собранный А. А. Марущенко и С. А. Ершовым и другими лицами, в 30—40 гг. с целого ряда памятников предгорья. В 1947 г. здесь работал V отряд ЮТАКЭ, обследовавший средневековые памятники[1]).

Начиная с 1948 г., А. А. Росляков организовал целый ряд школьных археологических кружков в районных и сельских местностях, проделал большую работу по выявлению и регистрации археологических памятников. Особенно плодотворной является работа археологического кружка при Ашхабадском Дворце пионеров. Это позволило за последние годы выявить ряд новых археологических памятников самых различных эпох. Некоторые из них имеют большое значение и в дальнейшем при обстоятельном и детальном изучении могут дать весьма ценный материал.

История открытия Янги-Калинских погребений всецело связана с работой одного из таких кружков при Янги-Калинской неполной средней школе. После одного из селей, прошедших весной 1951 г., учениками Янги-Калинской школы было обнаружено в обрыве сая два стоявших сосуда, около которых лежал череп человека, о чем ими было сообщено директору школы тов. Ходжадурдыеву. Имея инструкцию о работе школьных археологических кружков, тов. Ходжадурдыев письмом сообщил об обнаруженном погребении одновременно директору Института истории, археологии и этнографии О. Кулиеву и зав. кафедрой всеобщей истории Туркменского государственного университета А. А. Рослякову. Ими было организована рекогносцировочная поездка с участием А. А. Марущенко. О результатах было сообщено начальнику ЮТАКЭ проф. Массону, который, осмотрев местонахождение могил, тотчас выделил XVII-ый отряд для производства здесь разведочных раскопок автором статьи[2]).

Вскрытые селем погребения находятся в полутора километрах на восток от правления колхоза им. Кагановича, в неглубокой лощине, которую прорезает безымянный сай. Указанный район составляет часть подгорной равнины, изрезанной большим количеством оврагов, промоин и сухих русел и имеет наибольшее количество воды из всего Ахала. К юго-востоку от Янги-Кала берет свое начало довольно крупная река Сакыз-Яб. К востоку находится ручей Алты-Яб. Наличие этих двух источников, несомненно использовавшихся в древности в целях орошения, позволяло надеяться найти здесь следы древних поселений. В результате проведенного археологического обследования района, нами изучен ряд памятников, наиболее крупным из которых ниже дается краткое описание.

В одном километре на ЮЮВ от места погребения находится древнее поселение на большом холме Курумсак-депе. Поселение состоит из центрального холма высотой 15 м, вокруг которого заметны задернованные остатки сооружений, позволяющие, в силу этого, установить былую планировку этого селения. Весь комплекс в целом обнесен валом и в плане дает круглую форму. Судя по керамическому материалу, памятник относится к VI—VIII вв. и вторично обживался в XII в.

В 1,5 км на юг от обнаруженных погребений расположено другое наибольшее поселение, окруженное валом, имеющим форму правильного четырехугольника. От этого укрепления отходит плохо сохранившийся вал идущий на север, и после ряда поворотов и изгибов, теряющийся в освоенных под посевы землях. Длина прослеженного вала равняется 800 м. В настоящее время не представляется возможным определить назначение этого вала. На территории, прилегающей к этому валу, не обнаружено никаких остатков сооружений и очень мало встречено керамики. Вышеописанный памятник у местных жителей носит название Ер-депе. В целом комплекс по керамике может быть датирован IX—XII вв.

Более крупным памятником в окрестностях Янги-Калинских погребений является средневековое городище Ерик-Кала, отождествленное А. А. Росляковым с упоминаемым в письменных источниках городом Шахр-Джурджан. Для нас наибольший интерес представляет поселение, расположенное около Ерик-Калы (Шахр-Джурджана) и называемое местными жителями Экин, что значит пашня, посев. И действительно, в настоящее время окрестности этого поселения засеяны хлопчатником или распаханы под посевы других культур. Следы пашни имеются и на возвышающемся над окружающей местностью основном массиве поселения. В бороздах пашни, на территории около 15—20 га, встречается большое количество фрагментов керамики, каменных поделок и кремневых отщепов. Более или менее сохранившаяся часть селища представляет собою ряд холмов, не превышающих трех метров высоты, беспорядочно разбросанных на площади 12 га. На этот памятник с первого же момента нами было обращено особое внимание, ибо собранный на нем керамический материал, частично оказался близким керамике из вымытого на Янги-Кала погребения. Это селище находится в двух километрах к востоку от Янги-Калинских погребений, которые, повидимому, представляют собой захоронения жителей описываемого поселения. После детального изучения собранного на Экин-депе керамического материала и его классификации удалось уточнить время существования жизни на селище. В основном селище характеризуется керамикой, относящейся к первой и второй

культурам Анау и единичными фрагментами керамики актепинского типа. (Раскопки на Ак-депе под Ашхабадом в 1931 г.).

В совершенно особую группу выделился комплекс керамики с углубленными во внутрь донцами иногда покрытой красным ангобом или лощением. Этот признак являлся характерным также и для сосудов из вскрытого селем Янги-Калинского погребения. Все это заставляет думать о принадлежности Янги-Калинских погребений коллективу вышеописанного поселения.

После археологического обследования подгорной равнины, было приступлено к выполнению основной задачи—вскрытию и изучению Янги-Калинских погребений. Переходя к описанию Янги-Калинских погребений, надо отметить, что в силу необычайной плотности грунта, являющегося сильно уплотнившимся пролювием, ряд принципиально важных фактов остался не установленным. Так, например, не удалось установить типы погребальных ям и даже их размеры. Плотность грунта усложняла изъятие черепов а также находившегося в погребениях инвентаря, что сказалось на их целостности. Трудность определения погребальных ям усложнялась еще и тем, что на глубине 70—80 см залегал культурный слой, состоящий из фрагментов керамики, обожженной глины, угольков и костей животных, прослеживающийся на 70 м вверх по саю.

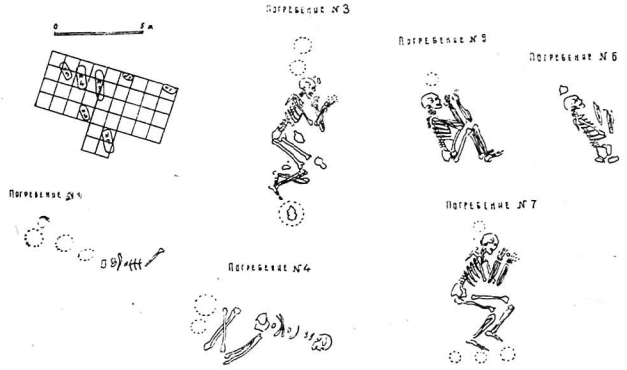


Рис. 1. План раскопок могильника.

Определить время образования этого слоя не представляется возможным вследствие того, что материал был собран в недостаточном количестве и был сильно перемыт селевыми потоками. Всего на вскрытой площади в 40 м² было обнаружено семь погребений, из которых только два были удовлетворительной сохранности и дали два черепа.

Описание погребений дается в порядке их вскрытия по номерам.

Погребение № 1. Это погребение частично было обнажено селем, о нем и было впервые сообщено в Институт истории, археологии и этнографии АН ТССР. Оно находилось в квадрате Ж—7, на глубине 137 см. Могила не прослеживается, костяк неполный и плохой сохранности. Судя по положению оставшихся костей, скелет был ориентирован головой на юго-восток. Череп был смят и взять его не представлялось никакой возможности.

При расчистке черепа, под ним оказалась одна бронзовая круглая проволочная подвеска с незамыкающимися концами. В изголовье скелета находилось два сосуда: один вазообразный красной глины, покрытый красным ангобом и другой бомбовидной формы с туловом, приподнятым над небольшим в диаметре донцем, покрытый серым ангобом. Оба сосуда изготовлены на гончарном круге. В вазообразном сосуде находилась кость животного.

Погребение № 2. Могильная яма не прослежена, большая ее часть, вероятно, смыта. От погребения сохранились отдельные кости. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3. Находилось в квадратах Л—8—9 М—7—8. Глубина захоронения — 98 см. По плотности земли удалось установить длину погребальной ямы, равной 230 см, ширина могилы не выявлена. Костяк взрослого человека, ориентированный головой на север, лежит в скорченном положении, на левом боку лицом на восток. Кости рук поднесены к подбородку, причем левая касается его. Интересен факт наличия на дне могильной ямы, в области головы и грудной клетки, следов небольшого костра и обожженной земли, а также обожженных фрагментов керамики, находившихся непосредственно под черепом, вероятно, специально положенных. Это погребение дало следующий инвентарь. В изголовье этого погребения находилось два сосуда: один банкообразный красного очень хорошего лощения, рядом с которым стоял другой сосуд формы кувшинчика, на ножке подобной вазообразным сосудам. В ногах погребенного стоял вазообразный сосуд, аналогичный подобному же сосуду, находившемуся в погребении № 1. На одном из пальцев правой руки находился бронзовый перстень, сделанный из прямой проволоки, согнутый в два оборота[3]).

Погребение № 4. Находилось в квадратах Н—7—8, на глубине 86 см, тип могилы установить не удалось.

Скелет очень плохой сохранности, ориентирован головой на юг, череп совершенно не сохранился. Костяк лежал на левом боку, в очень сильно скорченном положении. Кости рук поднесены к подбородку. Инвентарь в погребении представлен двумя сосудами, стоявшими в ногах скелета. Формы сосудов повторяют сосуды, полученные из погребения № 3. Сосуды изготовлены на гончарном круге. На дне могильной ямы отмечено наличие угольков, обожженной глины и большого количества фрагментов керамики, главным образом, красного лощения.

Погребение № 5. Находилось в квадратах 0—7—8 и части квадрата П—7. Границы могильной ямы не прослеживаются. Глубина захоронения — 84 см. Судя по костям, скелет принадлежит подростку 13—14 лет. Скелет, ориентированный головой на северо-запад, с лицом повернутым на восток, лежал в скорченном положении на левом боку, руки, как и в предыдущих погребениях, поднесены к подбородку. В из-

головье его стоял небольшой сероглиняный сосуд. Наличие в погребении только одного маленького сосуда объясняется, вероятно, детским возрастом погребенного. Это наше предположение подтверждается еще двумя вымытыми и затем расчищенными нами погребениями, находившимися за пределами раскопа. В них также отмечено наличие только по одному маленькому сосуду, стоявшему в изголовье.

Погребение № 6. Находилось в квадрате М—10. Тип и границы погребальной ямы не установлены. Глубина захоронения—102 см. Судя по костям, скелет также принадлежит подростку, ориентирован головой на северо-запад, лицом повернут на восток, лежит на левом боку, кости рук подняты к подбородку, ноги отсутствуют. Скелет очень плохой сохранности. Череп совершенно разрушен. При погребенном не встречено никакого инвентаря, но очень интересен факт наличия в погребении плоской женской терракотовой статуэтки[4]), лежавшей у черепа. Статуэтка не целая, голова и ноги ниже колен отбиты. Размеры высоты 9,5 см, ширина в плечах 4 см, в бедрах 9 см. В талии статуэтка опоясана рельефно выраженным поясом, конец которого образуя узел ниже живота, спускается до колен. Половые признаки четко выражены.

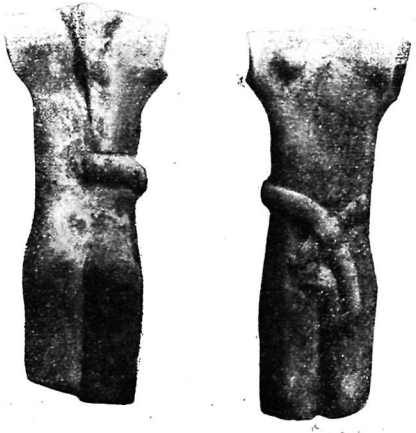


Рис. 2. Статуэтка из погребения 6.

В этом же квадрате, но в культурном слое, на глубине 80 см был найден еще один фрагмент плоской женской статуэтки, изготовленной из глины серого цвета. Нос сделан щипком, глаза трактованы прочерченны-

ми линиями. Этот тип статуэток очень распространен на территории Туркмении и характерен для III культуры Анау.

Погребение № 7. Находилось в квадратах К—11—12 Л—11. Могильная яма не прослежена. Глубина захоронения 104 см. Костяк женский, ориентирован на северо-восток, лежит на левом боку в скорченном положении, руки поднесены к подбородку и лежат одна на другой. На дне могильной ямы были отмечены следы небольших костров, от которых остались угольки и комочки обожженной глины.

Интересен факт, что на двух сосудах остались следы воздействия огня. Это наталкивает на мысль, что в могильной яме, до положения в нее покойника, мог разводиться огонь с целью очищения ее от «злых духов».

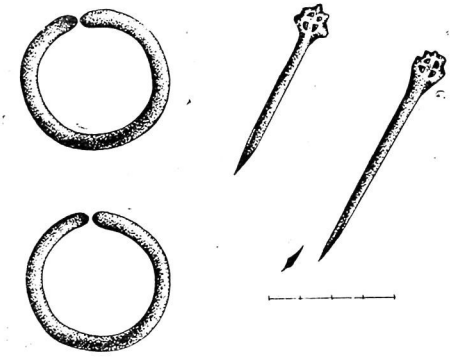


Рис. 3. Бронзовые украшения.

Седьмое погребение дало самый обильный инвентарь. В нем находилось 4 сосуда, из которых 3 в ногах и один в изголовье. В ногах стояло два банкообразных сосуда красного лощения и один вазообразный сосуд. В изголовье находился светлоангобированный сероглиняный сосуд; форма его аналогична сероглиняному сосуду из погребения № 1. Помимо глиняных сосудов найдены: при черепе три круглых проволочных бронзовых подвески, четвертая подвеска того же типа лежала около лопатки, две шпильки, одна из них лежала около подбородка, другая на груди. На левой руке, на одном из пальцев, находился проволочный бронзовый перстень. На плечевой кости было обнаружено 4 бусины белой пасты. Были ли они нанизаны на нитки и одеты как низки бус или нашиты на одежду—сказать трудно. В синхронных нашим погребениям, а именно в погребениях андроновской культуры отмечен факт наличия бронзовых бус на ногах женских скелетов. Чрезвычайно интересен бронзовый обруче-

подобный ободок, находившийся на лбу погребенной. Головные бронзовые обручи в большом количестве встречены в андроновской культуре Южного Зауралья.

Кроме этих, вскрытых нами, представляет некоторый интерес погребение, вымытое селем в 50 м от раскопа вверх по саю. Костяк совершенно разрушен. Из этого погребения интересен сосуд, аналогии которому пока нам неизвестны. Он имеет крынкообразную форму с двумя перехватами тулова. Другие два сосуда повторяют формы, полученные из вскрытых погребений. Кроме этого погребения, в обрывах берега саи нами отмечены еще четыре погребения, из них два детских, сосуды из которых выше упоминались.

Рассмотрим вещественный матéриал, полученный из погребений.

Керамика. Раскопки Янги-Калинских погребений дали интересную и очень важную в историко-культурном отношении керамику. Всего, из вскрытых погребений, получено 17 сосудов. Всю керамику можно подразделить в основном, на следующие виды:

1. Вазообразные сосуды на невысокой внутри полой ножке. Наличие этого типа сосудов отмечено для большинства погребений. являясь как бы обязательным сопутствующим инвентарем покойника. Только в двух детских погребениях они отсутствовали. Сосуды этого вида изготовлены из хорошо отмученной красной глины на гончарном круге. У этих сосудов стенки при переходе к венчику образуют ребро, венчик отогнут наружу.

Размеры: высота 21—22 см, диаметр по венчику 26—27 см, диаметр по дну 10—11 см. Все этого вида сосуды покрыты снаружи и внутри красным ангобом и некоторые имеют следы лощения.

Вторым видом сосудов являются высокие банкообразные сосуды, расширяющиеся в плечиках и затем резко суживающиеся к венчику. Венчик отогнут наружу. Эти сосуды также покрыты ангобом, иногда со следами лощения. Внутри сосуды не ангобированы, хотя у большинства верхняя внутренняя часть по венчику покрыта красным ангобом. Размеры: высота 18—20—23 см, диаметр по венчику 10—11 см, диаметр по дну 7—8 см, толщина стенок не превышает 0,7 см. У некоторых из этих сосудов донца вдавлены во внутрь. Следует отметить, что они покрыты особо ярким красным ангобом.

Следующим видом являются бомбовидные сосуды с туловом довольно высоко поднятым над небольшого диаметра донцом. В погребениях встречено два сосуда этого типа (погребение №№ 1, 2). Они изготовлены из розовой глины, сверху покрыты светлым ангобом. Размеры их довольно большие: высота 23 см, диаметр по венчику 12 см, диаметр донца 7 см, высота поддона 4 см, окружность по тулову 75 см, толщина стенок 0,7—0,8 см.

Кроме этих наиболее распространенных форм, в погребениях, вымытых селем и находившихся вне раскопок, были встречены другие сосуды. Очень интересным является уже отмеченный выше крынкообразный сосуд. Этот сосуд имеет два перехвата у донца и в середине тулова, которое, суживаясь, переходит затем к венчику. Высота его 23,6 см, диаметр по венчику 10 см, диаметр по дну 9 см. Другие два вымытых детских погребения имели по одному маленькому сероглиняному сосудику. К числу их относится один бокалообразный сосуд с плавным сужением в

середине тулова, расширяющийся к венчику с острым перегибом к небольшому поддону. Высота его 7,5 см, диаметр по венчику 9 см, диаметр по дну 5,3 см. В другом детском погребении находилась сероглиняная небольшая чашечка. Высота 6 см, диаметр по венчику 9 см, диаметр по дну 3,6 см. Все вышеописанные сосуды без исключения изготовлены на гончарном круге.

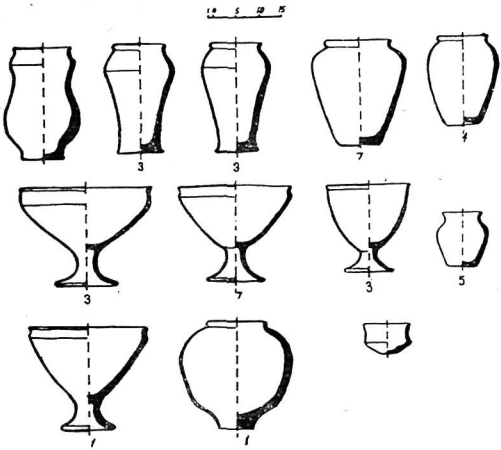


Рис. 4. Керамика из Янги-калинских погребений.

Украшения. Из украшений в первую очередь следует отметить бронзовые круглые проволочные подвески с незамкнутыми концами. Диаметр их равен 4 см. Толщина проволоки 0,3—0,4 см. Судя по их местонахождению, они располагались или над ушами или вплетались в косы. Бронзовые подвески—серьги в большом количестве встречены в женских и детских погребениях андроновской культуры Южного Зауралья срубно-хвалынской культуры на территории Нижнего Поволжья, Сибири и Западного Казахстана[5]).

В четырех погребениях обнаружены бронзовые перстни. Три перстня сделаны из проволоки, согнутой в один оборот. Концы их как и у височных колец не замыкаются. Диаметр не превышает 2 см, толщина проволоки 2,5 мм. Четвертый перстень (погребение № 3) сделан из более

толстой проволоки ,скрученной в два оборота, внутренний диаметр его 2,6 см.

В погребении № 7 были обнаружены две шпильки с плоским круглым навершием с пятью овально-выступающими зубцами. Внутри навершия параллельно друг другу проделаны четыре отверстия, образующие крест. Длина шпилек: одной 6 см, другой 6,8 см при сечении в 3 мм. Может быть, плоское круглое навершие шпильки с крестом внутри символизирует солнце[6]).

В этом же погребении на лбу черепа был обнаружен бронзовый ободок, концы которого находились на висках[7]). Он сделан из тонкой бронзовой пластинки сечением до 1 мм, шириной до 9 мм. Тут же найдены 4 бусины из белой пасты, из которых три цилиндрической формы и одна бочкообразная. Пастовые бусы в большом количестве были найдены в карасукских погребениях Саяно-Алтайских степей, а также в могилах Западной Сибири андроновского времени.

Весьма возможно, что на территории Туркмении и соседнего с ней Ирана украшения из пасты появились значительно раньше, ибо близость их к классическому Востоку способствовала большим культурным и торговым связям с последним.

В заключение обзора вскрытых Янги-Калинских погребений следует отметить их историко-культурное значение, освещающее в какой-то мере, на наш взгляд, один из неясных периодов в древней истории Туркмении.

Полученный материал дает основание судить о религиозных представлениях «Янги-Калинцев». Следы костров в могильных ямах связаны, надо полагать, с почитанием огня. Символы солнечного культа мы усматриваем на бронзовых украшениях, таковы круглые подвески и головки вышеописанных шпилек[8]).

В Янги-Калинских погребениях мы видим заботу о покойниках, в частности, снабжение их пищей, что подтверждается наличием в сосудах костей животных. Этот обычай, несомненно, свидетельствует о вере в существование души и загробной жизни. Как выше уже было отмечено, все непотревоженные погребения лежали на левом боку в скорченном положении, имея руки поднесенными к подбородку[9]). Возможно, что скорченное трупоположение с поднесением кистей рук к подбородку имитирует собой положение плода в утробе матери. Вероятно, такое трупоположение как бы подготавливало умершего к новому рождению, которое должно было совершиться в матери-земле. Заслуживает быть отмеченным антропологический тип погребенных. Изучение черепов, произведенное проф. Л. В. Ошаниным, позволило ему отнести их к закаспийскому варианту европеоидной средиземноморской расы[10]).

Переходя к датировке раскопанных погребений следует отметить, что небольшой материал, полученный из раскопок, и отмеченные выше погребения андроновской культуры позволяют нам датировать Янги-Калинские погребения второй половиной второго тысячелетия до н. э.

Данная датировка основана не только на материале погребения, но и на стратиграфии слоев поселений подгорной полосы Копет-Дага, синхронных Янги-Калинским погребениям.

Янги-Калинские погребения соответствуют определенному этапу в развитии культур Анау, выделенному А. А. Марущенко по подъемному

материалу с холма Теккем-депе у Каахка и Б. А. Куфтиным по раскопкам Намазга-депе, где этот слой получил название Намазга VI.

Теккем-депе является одним из крупных поселений этой культуры, площадью до 1,3 га. Раскопки его, произведенные автором в 1952 г., дали дополнительный материал для характеристики истории Южного Туркменистана того времени.

Добытый здесь раскопками керамический материал дал аналогии большинству сосудов из Янги-Калинских погребений. Таковы:

1. Вазообразные сосуды на невысокой гладкой ножке, покрытые красным ангобом, изготовленные на гончарном круге. Тесто в изломе красное.

2. Банкообразные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком, с расширяющимся в плечиках туловом. Донце, как правило, слегка вогнуто во внутрь. Сосуды покрыты снаружи или красным ангобом или лощением. Тесто в изломе красное. Сосуды этого вида изготовлены на гончарном круге.

3. Шаровидные сосуды с ребром у перехода ко дну, на высоком, но небольшом в диаметре донцем. Этот тип сосудов часто покрыт серым ангобом. Сосуды изготовлены на гончарном круге.

4. Толстостенные сероглиняные банкообразные сосуды с выемкой у донца, которое как бы представляет собой подставку.

Вообще, облик материальной культуры типа Теккема резко отличается от облика культуры, непосредственно хронологически предшествующей.

В результате археологического изучения памятников, культур Анау, расположенных по Алты-Ябу и Сакыз-Ябу и сравнения их с синхронными памятниками Этека и юго-восточной части Ахала, наблюдется некоторое своеобразие в историческом развитии Северо-Западного Ахала. Если памятники земледельческих культур типа Анау в Этеке и юго-восточной части Ахала поражают величиной и мощностью культурных наслоений, то для Северо-Западного Ахала они характеризуются небольшой толщей культурных наслоений, хотя площадь этих поселений довольно большая.

На основании керамического материала, полученного с различных памятников раннеземледельческих культур типа Анау, можно сделать следующий вывод. В начале, в пору I—II культуры Анау, во всей предгорной полосе Копет-Дага мы имеем тип земледельческих поселений, дающих совершенно одинаковый керамический материал, как в формах сосудов, так и орнаменте. В дальнейшем, Северо-Западный Ахал приобретает свою специфику. На его территории мы не находим памятников так называемой III культуры Анау, тогда как для Этека и Юго-Восточного Ахала время ее знаменует собой расцвет местной древнеземледельческой культуры. Причины этого для нас пока не ясны. Но в порядке рабочей гипотезы, мы склонны объяснить это явление вторжением с северо-запада неизвестных нам кочевых племен, происходившим во втором тысячелетии до н. э. Дальнейшее изучение района, чрезвычайно интересного в археологическом отношении, позволит с большей полнотой выяснить древнейшую историю Туркмении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1953.

2) Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 224—225.

3) Согнутые проволочные перстни в несколько оборотов отмечены О. А. Кривцовой-Граковой в Абашевском могильнике. КСИИМК, XVII, М.—Л., 1947.

4) Нам неизвестно ни одного случая обнаружения статуэток в погребениях на территории Средней Азии.

5) Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, 9. М.—Л., 1949, стр. 43.

6) Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья (андроновская культура). МИА СССР, 21. М.—Л., 1951, стр. 102.

7) Вплетение подвесок в косы отмечено Киселевым С. В. «Древняя история Южной Сибири», стр. 76.

8) Сальников К. В. «Бронзовый век Южного Зауралья», стр. 102. Синицин И. В. «Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, изд. СГУ, Саратов. 1947, стр. 10. Грязнов М. П. «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане», сб. «Казаки», Л., 1, 1927 г.

9) Сальников К. В. видит в «орнаменте в виде крестов, ромбов, кругов, а также в бронзовых украшениях, круглых подвесках, ожерельях, круглых бляхах—солярную символику». Бронзовый век Южного Зауралья, 1951, стр. 144.

10) Находки бронзовых головных обручей в погребениях андроновской культуры отмечены Сальниковым К. В., ук. соч., стр. 102.

11) Грязнов М. П. ук. соч., стр. 210; Киселев С. В. ук. соч., стр. 77.

12) Сальников К. В. ук. соч., стр. 101. Киселев С. В. ук. соч., стр. 43 Грязнов М. П. ук. соч., стр. 207.

13) Скорченные погребения на территории Средней Азии обнаружены М. М. Дьяконовым в Таджикистане. Труды Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1. МИА СССР, № 15, М.—Л., 1951 г.

Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении, «Изв. АН КазССР», 1948. № 46, сер. археологическая, вып. 1, стр. 55—56.

14) Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, «Изв. АН ТССР», 1952, № 4, стр. 27,—34.

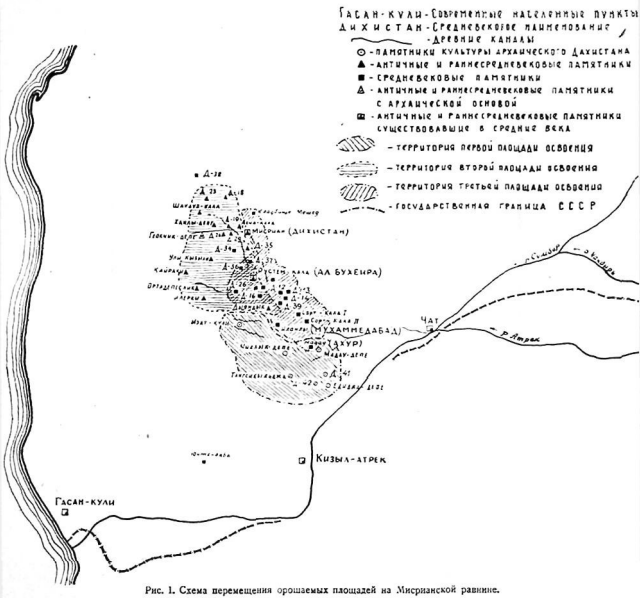


Рис. 1. Схема перемещения орошаемых площадей на Мисрианской равнине.

В. М. МАССОН

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ АРХАИЧЕСКОГО ДАХИСТАНА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Археологическое изучение Средней Азии позволяет освещать ранние периоды истории среднеазиатских народов, для которых отсутствуют по тем или иным причинам сведения письменных источников. На территории Туркменской ССР находятся многочисленные памятники, свидетельствующие о больших традициях высокоразвитой культуры оседлых земледельцев. Однако, если памятники эпохи бронзы подгорной полосы центрального Копет-Дага были исследованы еще в XIX в., то изучение соответствующих памятников в Юго-Западной Туркмении началось сравнительно недавно.

Впервые памятники, относящиеся к интересующей нас культуре, были обнаружены М. Е. Массоном в 1929 г. в долинах Атрека и Сумбара, после чего они были установлены и обследованы Туркменкультом на территории Мисрианской равнины. Эта равнина, расположенная к северу от р. Атрек и ныне занятая лишь малопродуктивными пастбищами, является своеобразным заповедником археологических памятников. В силу особенностей истории ирригации здесь сохранились разновременные группы памятников, не перекрытые более поздними слоями. Наличие таких памятников представляет большие возможности для археологического исследования.

При работах в 1930 г. экспедиции Туркменкульта на Мисрианской равнине было обследовано поселение Мадау-депе, относящееся к культуре, называемой нами культурой архаического Дахистана. В Музее Краеведения ТССР хранится небольшое количество керамики, собранной на Мадау-депе. Однако даже этот незначительный материал остался неопубликованным и о результатах работ экспедиции можно судить лишь по случайным и кратким заметкам. Вероятно к культуре архаического Дахистана относится следующее сообщение о работах экспедиции 1930 г.: «Вдоль Атрека этой же экспедицией были зарегистрированы курганы новой пока еще неопределенной культуры; такие же курганы обнаружены и в Ахале»[1]).

В начале тридцатых годов памятники этой культуры были обследованы в подгорной полосе Копет-Дага. Приведем дословно небольшое сообщение, относящееся к этому обследованию. «В районе Бами обнаруживаются тепе культуры Мадау... Экономический базис культуры—земледелие и скотоводство; высоко развита ирригационная техника; характерный памятник культуры—землевладельческая усадьба—«тепе»; ру-

Рис. 2. Состав X отряда в сезон 1953 г.

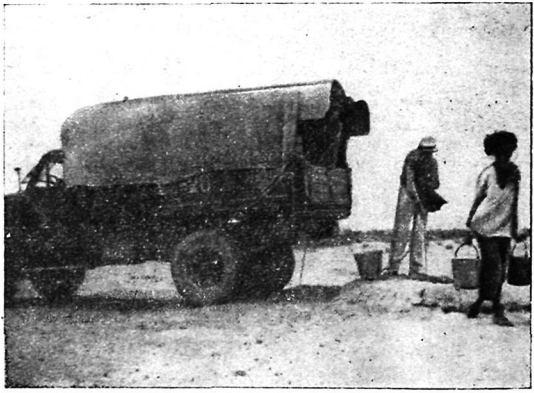


Рис. 3. Машина X отряда у колодца.

ководящая форма материального комплекса—светло или черно-глиняная керамика (чаши), с приостренными стержнями-ручками»[2].

Определение земледельческой усадьбы как характерного памятника культуры, определение, позволяющее делать далеко идущие социально-экономические выводы не соответствует облику крупных поселений этой культуры на Мисрианской равнине. В равной степени, в силу ограниченности фрагментированного подъемного материала, сероглиняные чаши на трех ножках были приняты за чаши с ручками.

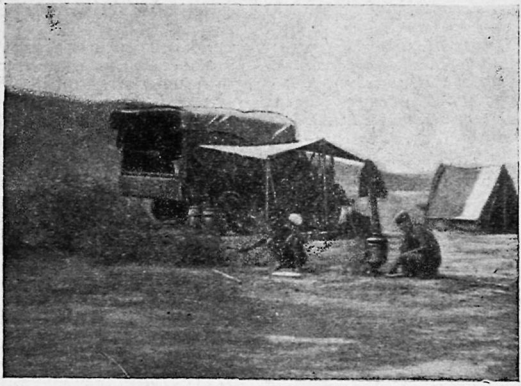


Рис. 4. В лагере X отряда.

В 1939 г. А. А. Марущенко определил дату «культуры Мадау» как конец II—начало 1 тысячелетия до н. э.[3], вероятно основываясь на успехах археологии Ближнего Востока (раскопках Шах-тепе, Тепе-Сиалк и др.), поскольку новых материалов по «культуре Мадау» не было получено.

Особое вниманне памятникам культуры архаического Дахистана уделила Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. В 1947 г. на Мисрианской равнине X отрядом ЮТАКЭ под руководством проф. М. Е. Массона были впервые обследованы такие крупные поселения этой культуры, как Тангсикильджа и Чиалык-депе. Обследовалось также поселение Мадау-депе[4]. Изучение всех этих трех поселений проводилось несколько дней отрядом под руководством Б. А. Литвинского в 1948 г.[5]. Новый интересный материал был получен при работах отряда ЮТАКЭ в 1950 г. под руководством А. А. Рослякова, когда было открыто еще одно крупное поселение этой культуры—Изат-кули[6].

В 1951 —1953 гг. автором настоящей статьи на территории Мисрианской равнины продолжались работы X отряда ЮТАКЭ[7]). Среди различных памятников обследовались также памятники культуры архаического Дахистана. На двух из них (Изат-кули и Мадау-депе) были произведены раскопки[8]). В настоящей статье публикуются результаты этих работ и дается предварительное истолкование материала.

II. ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

Сплошное изучение Мисрианской равнины позволило выделить три разновременные группы памятников, соответствующих трем площадям освоения равнины земледельческой культурой.

Первая площадь освоения, занимаемая памятниками культуры архаического Дахистана, расположена на юге и юго-востоке Мисрианской равнины. В 26 км к северу от г. Кизыл-Атрек находится первое крупное поселение этой культуры — Тангсикыльджа (Д—1), в 6—7 км к северу от этого поселения находится другое—Чиалык-депе (Д—2). В 7—8 км к востоку от Чиалык-депе находится Мадау-депе (Д—7)—также крупное поселение культуры архаического Дахистана, расположенное неподалеку от средневекового городища Мадау и называемое вместе с ним Старым Мадау, в отличие от расположенных к северу современных поселений Мадау. К северо-западу от Чиалык-депе, в 12 км к востоку от рабата Иланлы, раскинулось четвертое крупное поселение этого времени—Изат-кули (Д—31). К югу от Маду-депе расположены отдельные тепе времени архаического Дахистана—поселение Д—41, Д—42 и Едиджа-депе (Д—40). Все эти памятники образуют яркий и характерный комплекс культуры архаического Дахистана. Памятники более позднего времени на первой площади освоения отсутствуют. Лишь на севере в районе Мадау-депе небольшая площадь была вторично освоена в средние века.

Среди памятников архаического Дахистана можно установить памятники двух типов. Первый—это крупные поселения с выделенными центральными укреплениями. Второй тип представлен отдельными небольшими депе. К памятникам первого типа принадлежат Тангсикыльджа, Чиалык-депе, Мадау-депе, Изат-кули. К памятникам второго типа — поселения Д—41, Д—42, Едиджа-депе, вторично обжитый в раннее средневековье холм Геокчик-депе, тепе у Парау, Бами и Беурме.

Поселение Тангсикыльджа[9])

Поселение Тангсикыльджа вытянуто с З на В, достигая в длину почти двух километров и в ширину до 600—650 м. В юго-западной части находится четырехугольное в плане укрепление со сторонами равными 150 и 130 м. В северной части этого укрепления расположен бугор, высотой до 5 м. Южная часть укрепления представляет собой видимо слабо заостренный участок, окруженный валами стен, с въездом в середине южной стены. Уровень поверхности здесь почти не превышает уровня окружающих такыров. Основное поселение состоит из больших по площади, но невысоких бугров—массивов жилых комплексов, располагающихся без регулярной планировки к востоку и к западу от центрального укрепления. Каждый бугор представляет сложное переплетение небольших комнаток, прямоугольных в плане, со стенами толщиной 70—80 см. Нами

были замерены комнаты 4,20×8,80 м² и 4,90×8,80 м². В одном месте, благодаря прошедшему дождю, увлажнившему землю, ярко выступило сопряжение двух строительных комплексов, состоящих каждый из многочисленных прямоугольных комнаток. Основные оси комплексов идут под разными углами; ясно видно, что один большой многокомнатный дом был пристроен к другому такому же дому.

Следует отметить, что центральный бугор поселения Тангсикыльджа не противостоит резко остальной части поселения подобно цитаделям средневековых городищ. По высоте он лишь незначительно превышает остальную часть поселения. По сути дела это тот же составной бугор поселения, но регулярно застроенный и укрепленный, причем настолько, что сохранились видимые укрепления.

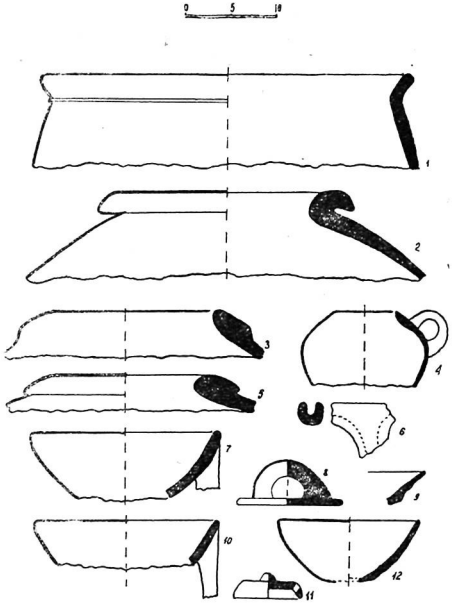


Рис. 5. Керамика с поселения Тангсикыльджа.

Бугры поселения Тангсикыльджа имеют красноватый цвет от многочисленных фрагментов усеивающей их керамики. В основной массе ке-

рамика сработана на гончарном круге. Тесто красного, серого и желтоватого цвета. Характерно еще относительное несовершенство обжига — как правило черепок красноглиняной керамики дает в изломе серочерный спек. Часто встречается сплошное лощение—красного и серочерного цвета. Есть один фрагмент керамики с великолепным черным лощением. Из форм наиболее характерными являются чаши, диаметром около 20 см на трех приостренных ножках. Чаши эти обычно сероглиняные с тщательным заглаживанием. Но встречаются также фрагменты таких чаш красного и желтого цветов теста. Характерно также большое количество различных носиков и сливов иногда во взаимном сочетании. Представляет интерес крышечка с проделанным в ней овальным боковым отверстием (для выхода пара?). Из фрагментов венчиков хумов следует отметить венчики с резким отгибом наружу и, наряду с этим, венчики образованные утолщением стенок, покато сужающихся к устью сосуда.

Кроме того на поселении Тангсикыльджа нами были подняты различные мелкие бронзовые поделки, среди них овальная шляпка бронзового гвоздика (булавки?) д=1,8 см и кольцо белого камня с винтообразной нарезкой внутреннего отверстия.

Поселение Чиалык-депе

На поселении Чиалык-депе также выделяется центральное укрепление подчетырехугольное в плане. В юго-восточном углу этого укрепления расположен бугор высотой 6,4 м. Широкий въезд вел во внутрь укрепления через западный фас. К востоку и к юго-востоку от него расположен основной массив поселения, состоящий из невысоких бугров, довольно отдаленных друг от друга. На отдельном бугре на востоке поселения расположен крупный центр керамического производства. Хотя поселение Чиалык-депе и занимает довольно большую площадь, бугры—остатки жилых массивов—на нем не столь крупны, как на Тангсикыльджа и население его было, вероятно, менее значительно.

Поселение Изат-кули

Поселение Изат-кули вытянуто с запада на восток. Приблизительно в середине находится центральный бугор, высотой 6 м. Этот бугор, пятиугольный в плане, является остатками укрепления. Центральное укрепление Изат-кули ясно делится на две части: основная вышка с примыкающими постройками и к югу от них пониженная часть, возможно, двор. Въезд в центральное укрепление осуществлялся с юга. К западу и к востоку от центрального укрепления тянутся бугры поселения, являющиеся комплексами жилых помещений. Как показала зачистка, произведенная на вышке центрального укрепления, здесь был употреблен сырцовый кирпич 74×49×? см.

В различных местах поселения видны многочисленные выбросы керамического шлака, обозначающие места керамического производства. В двух местах к северо-западу от центрального укрепления и на восточном краю Изат-кули следы керамического производства занимают сплошь большую площадь, во втором случае до 1 га. На центральном укреплении была отмечена прямоугольная в плане топка обжигательной печи размером 2,5×1,3 м².

Для выяснения характера верхнего культурного слоя нами был заложен разведочный раскоп в западной части поселения. Здесь в плане читались две небольшие прямоугольные комнаты, сверху на рыхлой земле валялись многочисленные фрагменты стенок неполивных сосудов. Размеры комнаток были 2×3 м² каждая, с неширбкими проходами в восточной стене, выходившими в большую квадратную комнату. В результате работ было установлено три стратиграфических слоя.

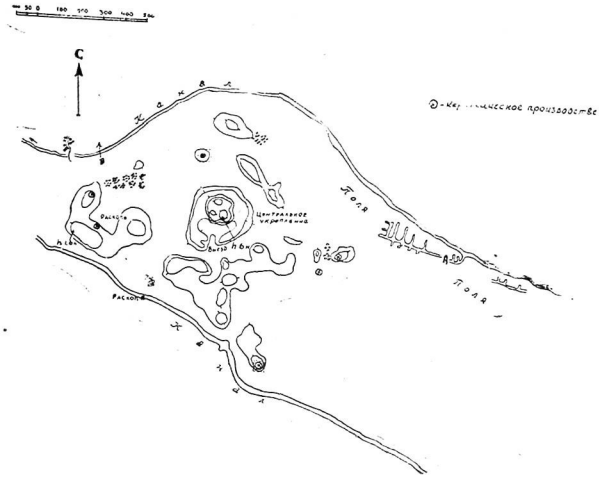


Рис. 6. План Изат-кули.

Первый слой Изат-кули. При начале раскопок почти сразу под дневной поверхностью на глубине около 10 см начались четыре горизонтальные промазки из глины со следами истлевшего самана. Но несколько ниже, на глубине 20—25 см от поверхности начались снова промазки полов, которых было насчитано три. На каждой лежал уплотненный слой каких-то истлевших растительных остатков. Иными словами, в пределах выявленных поверху помещений было два этапа жизни, отмеченных двумя уровнями полов, каждый из нескольких промазок.

Культурный слой был здесь очень насыщен. Земля имела сероватый цвет от большого количества золы, часто попадались угольки, многочисленные кости животных. Найденная в очень большом количестве керамика как правило сильно фрагментирована. В одной из комнат была найдена бронзовая бусина с широким отверстием, аналогичная имеющимся

в подъемном материале, в другой—удлиненная (1,5 см) бронзовая произка.

Незначительный характер происшедших в жизни помещений изменений, при наведении лишь немного выше первых полов нового уровня, заставил нас объединить всю описанную часть в один слой. Состав находок и характер слоя над обоими уровнями полов был идентичен. Из найденных керамических форм следует отметить—сероглиняные и светлоглиняные чаши на трех ножках; кувшины с высоким прямым горлом; котелок с дресвой в тесте с прямым невысоким горлышком и спускающейся с венчика на плечики некрупной петлеобразной ручкой слегка утолщенной в сечении. Судя по отдельным фрагментам, такие котелки имели плоское дно. Плоское донце без поддона вообще характерно для керамики первого слоя. Вся керамика первого слоя высокого технического качества, в большинстве своем сработанная на гончарном круге. Характерно отсутствие сложно профилированных венчиков. Основную группу керамики составляют сосуды красноватого и светложелтого цветов теста, иногда покрытые белым ангобом. Для сероглиняной керамики сохраняется лощение. Найден слив от сосуда, покрытого белым ангобом.

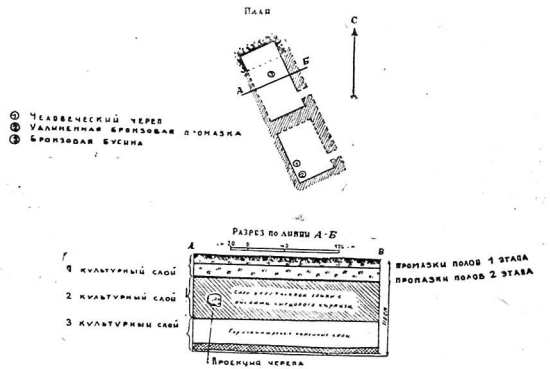


Рис. 7. План и профиль раскопа на Изат-кули.

Второй слой Изат-кули. Второй слой представляет собой очень уплотненную забутовку под полы. В нем встречаются куски сырцового кирпича со следами самана, отдельные угольки, белые известковые включения. В отличие от первого слоя второй слой имеет коричневый цвет. Находки в нем реже, но зато попадаются более целые керамические формы. В комнате А найден вертикально стоящий отдельный человеческий череп, хорошей сохранности, но без нижней челюсти. Часть нижней челюсти лежала у височной кости. Череп женский, мезодолихоцефальный (черепной показатель 76,8).

В слое II, так же как и в слое I найдены многочисленные кости животных (в том числе и в непосредственной близости от человеческого черепа). Как и в предыдущем слое встречена керамика с дресвой в тесте. Из форм были отмечены сероглиняные чаши на трех ножках и бокалообразный сосуд с прямыми стенками и плоским дном также сероглиняного теста. Интересен фрагмент небольшого кувшинчика с великолепным наружным черным лощением. Встречено также некоторое количество фрагментов красно- и желтоглиняной керамики. В большей своей части керамика сделана на гончарном круге. Почти все сосуды великолепно заглажены или залощены.

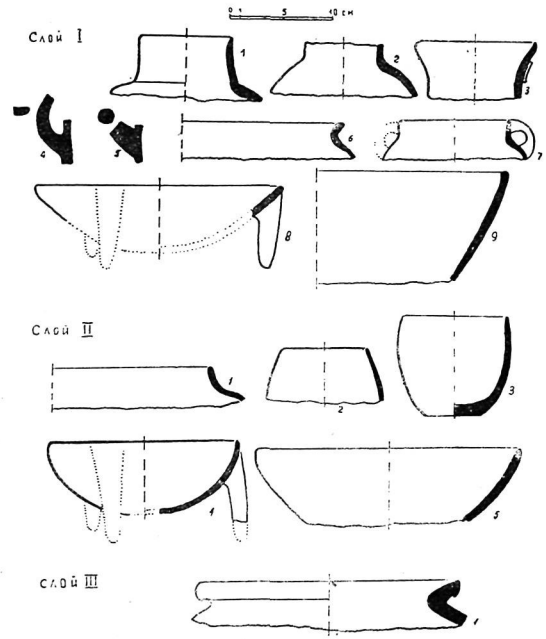


Рис. 8. Керамика из раскопа на Изат-кули.

Дальнейшее углубление производилось лишь в южной части комнаты Б, где был найден третий слой. Всего углубление здесь достигло

110 см от современной дневной поверхности, пройдя несколько ниже уровня окружающих такыров. Третий слой составлен горизонтальными натечными слоями. На некоторых видны следы небольшого кострика. Но трудно сказать—располагались ли кострики непосредственно на данных слоях или откуда-то смыты остатки кострищ. В самом низу встречен слой зеленоватого цвета толщиной 6—8 см—горизонтальный, но изменяющейся толщины. Ниже опять встречены куски сырцового кирпича, земля с известковыми включениями. Весь этот слой очень плотный. Фрагменты керамики крайне редки. Лишь в одном месте найдены в большом количестве фрагменты от толстостенного сосуда типа хума. Венчик хума носит следы изготовления на гончарном круге и имеет профиль отогнутого наружу «крючка», характерный для культуры архаического Дахистана. Встречен также фрагмент овальной в сечении ручки сероглиняного лощеного сосуда.

Вскрытые слои имеют стратиграфическое значение, но принадлежат к единой культуре. Нижний слой вероятно характеризует нахождение данного пункта в лощине, куда стекала вода, отлагая натечные слои, или в районе заполненном паводковыми водами. Не с этим ли связан почти полуметровый слой уплотненной заливки фундамента под полом возведенного здесь здания? Здание было построено из сырцового кирпича, но ввиду плохой его сохранности удалось взять промер только одной из его сторон 46 и 47 см.

Можно предполагать, что это — промер ширины кирпича, имевшего те же размеры, что и кирпич на центральном укреплении Изат-кули и в раскопе на Мадау-депе.

При возведении здания в фундамент, наряду с кусками сырцового кирпича попали обгложданные кости животных и разбитая посуда. Построенный дом обживался довольно значительное время, на что указывают подновленные промазки полов. Некоторое время спустя пол был надсыпан на 10 см и жизнь продолжалась на новом уровне. В стенах впервые возведенного здесь здания произошло и прекращение жизни на поселении. Очень интересен факт сохранности здания на высоту лишь 2—3 кирпичей—яркий показатель усиленных процессов дефляции, когда здание интенсивно разрушалось водами, засолением и выветриванием. Этим обстоятельством объясняется и исключительное обилие подъемного материала на Изат-кули. Ту же картину мы наблюдаем на Чиалык-депе и Тангсикыльджа.

На поселении Изат-кули нами был собран многочисленный и разнообразный подъемный материал. Большую его часть составляет керамика.

1. Характерные для культуры архаического Дахистана чаши на трех ножках. В подавляющем большинстве сероглиняные. Иногда приостренные ножки бывают очень высокие, иногда более низкие, так что дно сосуда очень близко к горизонтальной поверхности, на которой расположен нам сосуд. Чаши делались на гончарном круге и довольно тщательно заглаживались. Некоторые чаши имели одну ручку, горизонтально располагавшуюся у самого венчика. Наряду с чашами — диаметром около 20 см нами был поднят фрагмент венчика с ручкой от такой чаши, давший при измерении д=9 см.

2. Другой формой, также весьма характерной для керамики с поселений архаического Дахистана, являются кувшины с высоким прямым горлом и одной массивной ручкой. Все собранные фрагменты от кувшинов несут следы выделки на гончарном круге.

3. Столь же характерной формой являются сливы, в нашем материале обычно красноглиняные. Благодаря двум крупным фрагментам удалось определить форму сосудов со сливами. Это были довольно крупные полусферические чаши с одним сливом слегка поднимающимся вверх. Сливы из серой глины имеют другую форму в виде вытянутого вперед открытого носика с узким каналом для слива, отличаясь последним обстоятельством от широких и иногда массивных сливов красной и светлой глины.

Осталось неясным наличие на полусферических чашах со сливами ручек. В Шах-тепе на этой форме сосудов ручки отсутствуют. Один крупный фрагмент сосуда со сливом с Изат-кули имеет снаружи темнокоричневый ангоб.

4. Сливы иногда встречаются в сочетании с носиками, которые также довольно часто встречаются среди прочих фрагментов керамики, достигая в диаметр иногда 1,5 см. Интересна следующая форма: поднимающийся вверх слегка изогнутый носик заканчивается прямоугольным в сечении длинным сливом. Аналогичный фрагмент был поднят нами и на поселении Тангсикыльджа.

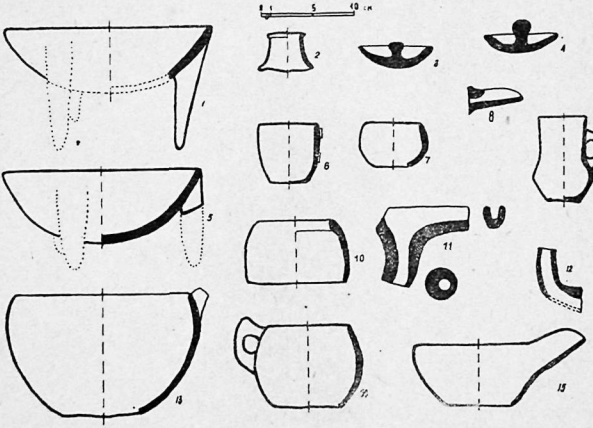


Рис. 9. Керамика с поселения Изат-кули.

5. Некрупные красноглиняные горшочки, сработанные на гончарном круге, снаружи иногда имеют красное или слегка оранжеватое лощение. Ручка одного такого горшочка имеет в верхней части сделанный пальцами защип вытянутый вверх. Отдельные ручки с аналогичным защипом и также овальные в сечении были встречены нами и в подъемном материале, но принадлежат кувшинам с высоким горлом.

6. Далее следует отметить маленькие бокообразные сосуды из серой глины, по форме являющиеся аналогами бокалу из II слоя нашего раскопа на Изат-кули, но в отличие от него имевшие вертикальную ручку. Впрочем не исключена возможность, что на бокале из раскопа ручка находилась как раз на отсутствующей стороне стенок.

7. Хумообразные сосуды имеют профиль венчиков близкий парфянским хумам Нисы, но отличаются от этих хумов меньшим диаметром горла.

8. Сосуды с крупным диаметром горла (типа хумов) на Изат-кули имели и более усложненные профили венчиков, отогнутых наружу, сближаясь в этом отношении с профилями крупных сосудов для хранения с Тангсикыльджа. Обычно это сосуды светложелтой или светлозеленой глины. Один фрагмент серого теста имеет внутри и снаружи черное лощение.

9. Кухонные горшки с примесью в тесте большого количества дресвы имели невысокое горло, образованное прямым венчиком и продолговатые в сечении ручки.

Рис. 10. Серый кувшинчик с Изат-кули.

10. Вероятно специальное назначение имели сосуды с большим количеством сквозных отверстий на дне—своеобразные ситечки. Их полусферическая форма устанавливается находками 1947 г. крупных фрагментов

на Тангсикыльджа. Дырочки протыкались до обжига палочкой снаружи внутрь.

11. Одним из рабочих был поднят почти целый сероглиняный кувшинчик высотой 10 см. Кувшинчик имеет высокое прямое горло с вертикальной ручкой и тулово с перегибом в средней части.

12. В одном месте на Изат-кули были подняты фрагменты почти полностью собирающейся крупной сероглиняной чаши черного лощения с одной горизонтальной ручкой. Диаметр чаши—40 см, высота—11 см, диаметр дна—около 10 см.

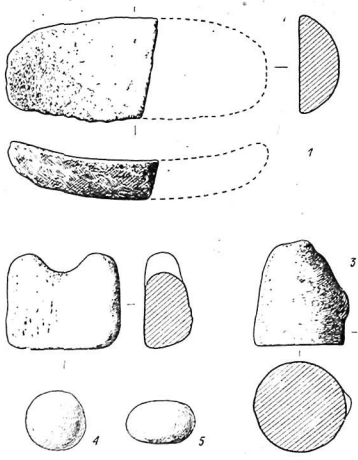


Рис. 11. Каменные изделия с Изат-кули.

Наличие на Изат-кули полусферических чаш типа пиал остается пока неясным. Имеющиеся фрагменты могут принадлежать сосудам со сливами. Найденные на Изат-кули крышки имеют небольшой диаметр (9 см) и представляют собой углубленную тарелочку с выступом—ручкой на ее дне. Все встреченные фрагменты донец дают плоские донца. Из других форм представляет интерес фрагмент горла кувшина, вылепленного от руки с примесью в тесте небольшого количества дресвы. Внутри венчика налеп-выступ для поддержания крышки. Один фрагмент сложной и пока неясной формы возможно является частью двойного сосуда.

Подавляющее большинство керамики с Изат-кули было выполнено на гончарном круге. Горла кувшинов изготовлялись отдельно и затем уже присоединялись к тулову. Среди фрагментов керамики на толстостенном горле кувшина изнутри видна резкая ребристость—следы пальцев, оставшиеся при вращении. Такую же ребристость внутри стенок имеет и вышеописанный маленький кувшинчик. Дно его не срезано ниткой или ножом, а имеет следы какой-то подсыпки. Наряду с этим большое количество фрагментов керамики имеет едва заметные концентрические линии от вращения на круге и гладко срезанное дно.

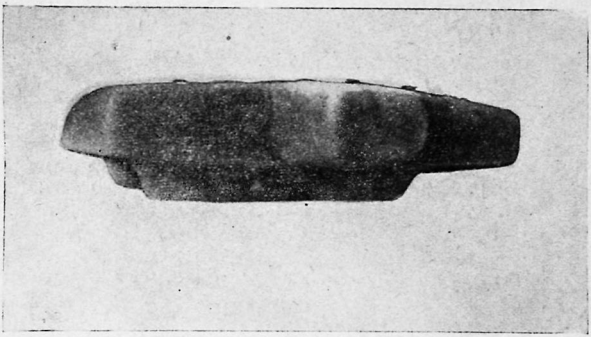


Рис. 12. Каменный столик с Изат-кули. Вид сбоку.

Довольно распространено было лощение красное и реже черное. Отмечен темнокоричневый ангоб. Лишь в одном случае встречен процарапанный орнамент на плечиках небольшого кувшинчика.

Из каменных изделий были встречены продолговатая зернотерка шириной 12 см и толщиной в середине сегментовидного сечения 3,5 см и грибовидный пестик прекрасной полировки с сильно потертым рабочим концом (д=7 см), что указывает на его долгое употребление. Была также найдена терка конусовидной формы с выступом для упора пальца.

Большой интерес представляют овальные камни для пращи иногда шарообразные, иногда приплюснутые сверху и снизу. Диаметр их в среднем около 5 см. Они могли служить для охоты на джейранов, многочисленных и теперь в этих местах. Севернее Изат-кули нам удалось наблюдать целое стадо в 15—20 голов этих изящных животных.

Вероятно жертвенным был каменный столик на четырех ножках с одним сливом размером 31×31 см². Толщина столика 6 см. Овальные в сечении ножки имеют высоту 3 см и 7×7 см² в сечении. Слив шириной в 8,5 см выступает из квадрата столика на 7 см. К сожалению часть столика, противоположная сливу, сильно разрушена выветри-

ванием. На плоскости столика ближе к сливу читается прямоугольное углубление длиной 26 см и шириной 14 см. Пластинки желтого кремня односторонней обработки использовались как вкладыши для серпов, что хорошо видно по блестящей от долгого употребления части рабочего края.

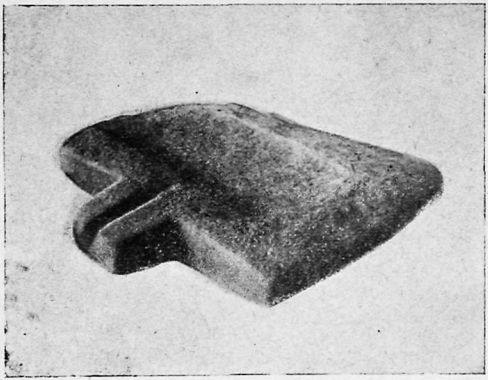


Рис. 13. Каменный столик с Изат-кули.

На поселении Изат-кули в довольно большом количестве встречаются фрагменты бронзовых поделок, большей частью в виде небольших, позеленевших, бесформенных кусочков. Из имеющихся форм отметим наконечники стрел нескольких типов. К первому типу принадлежат трехперые наконечники с черешком, уплощенным на конце для вставления в расщепляемое древко стрелы. Наконечники этой формы заметно варьируют по величине. Второй тип составляют двупервые втульчатые наконечники стрел обычно небольших размеров. Третий тип — наконечники стрел пирамидальной формы с квадратным в сечении черешком. Возможно, что существовал также тип конусовидного, овального в сечении наконечника стрелы. Ввиду плохой сохранности образцов выделить его с достоверностью из числа пирамидальных наконечников стрел пока не удалось. Отметим, наконец, единичную находку лавролистного наконечника стрелы, с овальным в сечении черенком. Встречены также булавки с полусферическими головками. Возможно булавкам принадлежат часто находимые фрагменты овальных в сечении бронзовых палочек. На Изат-кули изготовлялись овальные бронзовые бусины с широким отверстием. В сборах А. А. Рослякова имеется несколько штук таких бус, спаявшихся между собой—брак, указывающий на местное производство. Кроме этого следует отметить согнутые бронзовые стержни—возможно части рыболовных крючков и сделанное из проволоки бронзовое кольцо.

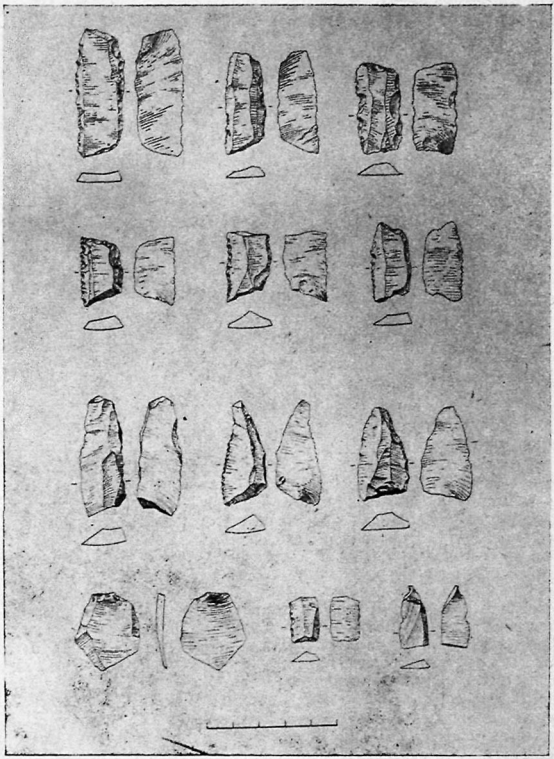


Рис. 14. Кремневые пластины с Изат-кули.

Кроме поделок из бронзы было найдено несколько бесформенных фрагментов окислившегося железа. Из украшений надо отметить продолговатые бусы из сердолика и бадахшанского лазурита. Из последнего была сделана также плоская пластинка в форме трапеции; кроме того, об-

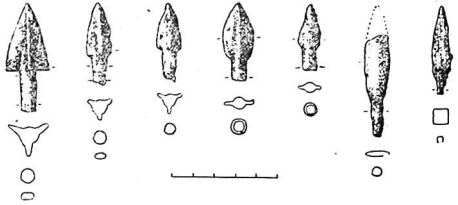


Рис. 15. Бронзовые наконечники стрел с Изат-кули.

наружен был скол от обработки, возможно указывающий на местную обработку материала и, следовательно, доставку бадахшанского лазурита в виде сырья. Маленькая бусина белого камня имеет боченкообразную форму. Овальная бусина с широким отверстием сделана из стеклянной пасты

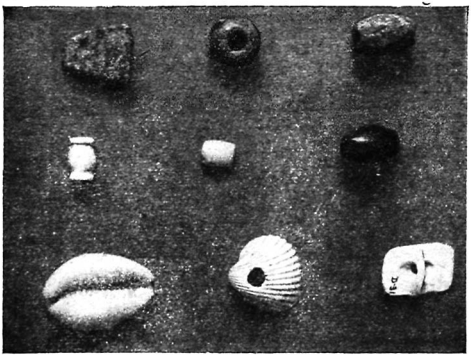


Рис. 16. Бусы с Изат-кули.

желтого цвета и украшена черными косыми штрихами по периметру. Из алебастра сделана прямоугольная пуговица с поперечным выступом с левой стороны и проточенным в нем сверлением с двух сторон отверстием для пришивания. В качестве амулета служила привозная раковина

каури со спиленной спинкой. Местные раковины двух видов употреблялись в качестве бус, на что указывают пробитые в них овальные отверстия.

Особый интерес на поселении Изат-кули представляют остатки, связанные с древним орошением. С севера и с юга от поселения, огибая его, идут валы с востока на запад, достигающие высоты 2 м. Как показали описанные выше раскопки южного вала, он, также как и ряд других валов на Мисрианской равнине, скрывает под собой остатки канала. На северном валу местами совершенно четко прослеживается профиль прогиба, отмечающий заплывшее русло канала. На южном валу этот профиль

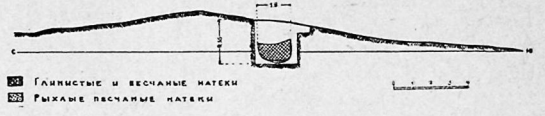


Рис. 17. Разрез вала к югу от Изат-кули.

прогиба проследить не удается. Нам кажется, что характер сохранности южного вала, равно как и наличие здесь над сохранившимся руслом канала метрового культурного слоя с фрагментами керамики, указывает, что южный канал был заброшен еще в период жизни поселения. Это подтверждается наличием к югу от центрального укрепления небольшого обжитого бугра, густо усеянного фрагментами керамики и перехлестывающего вал. Возможно, население Изат-кули использовало остатки канала в более позднее время как вал. В это время продолжал функционировать канал к северу от Изат-кули, что объясняет и его более лучшую сохранность. Этот канал планировочно принадлежит к другой ирригационной системе, чем южный канал. Возможно, что за время существования поселения Изат-кули имела место перепланировка, ирригационной сети, когда был заброшен старый южный канал и проведен с севера новый. Последовательность забросов каналов представляется достаточно ясной. Это факт большого исторического значения, так как очевидно мы имеем на Мисрианской равнине одну из древнейших ирригационных систем Средней Азии.

В непосредственной близости от поселения находились и поля. Их следы ясно видны к востоку от Изат-кули вдоль северного канала. Здесь прослеживается система разделения на прямоугольные участки невысокими валиками. Между этими участками проходил арык. По всей видимости древние изат-кулинцы применяли способ орошения, до последних времен известный по Атреку, когда в огороженный валиками участок поля запускалась и отстаивалась вода из канала, насыщенная плодородным илом.

Поселение Мадау-депе

Мадау-депе расположено в 30 км к югу от аулсовета Мадау. В полутора километрах к востоку от Мадау-депе лежит средневековое городище Мадау.

Высокий главный бугор Мадау-депе с белесыми размытыми склонами, расположенный на севере поселения, виден за много километров (высота бугра 13 м). Он сильно размыт, но можно уловить четырехугольные очертания центрального бугра. Последний окружен шлейфами различной величины, образующими уступчатые террасы и придающими всему бугру неправильные расплывчатые очертания. Центральный бугор прорезан многочисленными промоинами. В обнажившихся разрезах видны зольники, кости животных, фрагменты керамики.

К югу от главного бугра расположен массив основного поселения, площадью около 6 га. Он также имеет в плане неправильные очертания и большой шлейф выдающийся на северо-запад. Основное поселение возвышается на 3—3,5 м над окружающей поверхностью. Посредине массива идет ложбина, начинающаяся на юге, где, судя по рельефу, находился въезд. Может быть эта ложбина соответствует незастроенной площади в последние периоды существования поселения, к западу и к востоку от которой находились два крупных жилых комплекса.

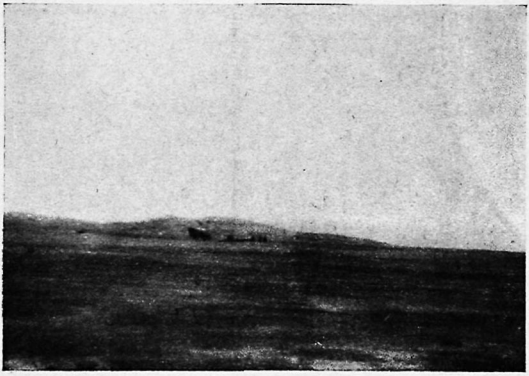


Рис. 18. Мадау-депе. Вид с востока.

К западу и к юго-западу от основного массива поселения тянется полоса мелких всхолмлений, густо насыщенных культурными остатками. Здесь около невысоких бугров можно видеть следы планировки помещений и отметить центры керамического производства. От этих бугров на юго-восток уходит невысокий вал канала, снабжавшего поселение водой.

В 1952 г. нами была сделана попытка заложить разведочный шурф в юго-восточном углу основного массива. Здесь на глубине 60—70 см от современной поверхности был найден слой с перегноем каких-то органических веществ, давших характерный ядовито-зеленый цвет. В этом

слое были найдены кости животных, фрагменты керамики. Особенный интерес представила находка небольшого бронзового меча длиной 54 см. Эта находка могла помочь определению даты слоев и поэтому углубление было продолжено. Однако, ниже на всей площади шурфа пошел сплошной слой сырцового кирпича со следами истлевшего самана, пробить который нам не удалось. Вероятно здесь была искусственная платформа, поверх нее в последний период жизни поселения залегал культурный слой, в который и попал бронзовый меч. Поверх этого культурного слоя в свою очередь отложились остатки строительной деятельности человека, прекрасно зажимая стратиграфически линзу культурного слоя.

Рис. 19. План Мадау-депе.

В 1953 г. на Мадау-депе были начаты стационарные работы. Был заложен стратиграфический шурф в западной части основного массива поселения и дальше к западу, уже вне пределов основного массива, начат раскоп многокомнатного дома.

Первоначально в районе предполагаемого шурфа была разбита большая площадка для раскрытия верхнего культурного слоя. Однако, уже при вскрытии первого яруса[10]) стало ясно, что помещения этого слоя почти полностью уничтожены дефляцией. От этого здания осталась только вымостка — платформа из сырцового кирпича и местами небольшие остатки культурного слоя иногда, видимо, сосредоточенные в ямках от очагов. Углубление для выявления стратиграфии было продолжено лишь на площади в 26 м² в той части раскопа, где отсутствовала вымостка фундамента.

Во II—V ярусах в шурфе шли отложения мусорной ямы с золой, большим количеством костей животных и фрагментов керамики. Прослойки золы, иногда достигавшие значительной толщины, перемежались натечными слоями. V ярус почти целиком был занят плотными натечны-

ми слоями. Наклонное положение слоев золы показывает, что шурф здесь попал именно на слои мусорной ямы, заполнявшейся выбросами мусора, слои которого залегали наклонно вниз от края ямы. Показательно, что здесь вместе с тем не отмечено зеленоватых прослоек, характерных для органических остатков. Мусорная яма в основном заполнена выбросами продуктов горения.

Рис. 20. Бронзовый меч с Мадау-депе.

Ниже в шурфе были отмечены три строительных комплекса, возведенных последовательно один над другим. Вероятно стены нижних зданий заравнивались при возведении над ними новых построек. Все здания были построены из сырцового кирпича крупного формата, уточнить который не удалось. Стены зданий, вскрытых в шурфе, представляли собой уплотненную слежавшуюся толщу напоминающую глинобитные постройки с большим замесом в глине самана и в них лишь с трудом различались отдельные грани слагавшего стены кирпича.

Рис. 21. Разрезы по восточным и южным стенкам шурфа на Мадау-депе.

В VI—VII ярусах был раскрыт угол помещения принадлежавшего 3 строительному комплексу (считая снизу вверх). Стены сохранились в среднем на высоту в 1 м. Над уровнем пола находился рыхлый пепельный

слой и толстая зольная линза, образовавшиеся после заброса помещения. Основные находки керамики были сделаны в этих слоях. Выше наклонно от стены внутри помещения лежал завал кусков сырцового кирпича.

В VII—IX ярусах вскрывалась часть помещения второго строительного комплекса. В пределы шурфа попала лишь одна стена помещения, сохранившаяся на высоту около 1 м. Над уровнем пола лежал слой красноватой перегорелой земли с небольшими зольными прослойками. Выше шел завал кусков сырцового кирпича, покато спускавшийся от стены к центру помещения.

В X—XIV ярусах шло помещение первого строительного комплекса. Вскрывавшаяся в пределах шурфа стена сохранилась на высоту почти в 2 м. Внутри комнат находилось большое количество зольных прослоек, перемежавшихся натечными слоями различной плотности. Довольно толстый слой золы находился и над полом помещения. Здание первого строительного комплекса было расположено прямо на материке. Во второй половине XIV яруса пошли зеленоватые глины аллювиальных отложений, характерных для Мисрианской равнины.

Показательно, что культурные слои основного массива поселения Мадау-депе уходят на глубину 2,5 м ниже современной окружающей поверхности. Это объясняется расположением Мадау-депе в зоне аккумуляции, где накопление отложений, сбегающих с отрогов Копет-Дага временных потоков, значительно подняло уровень окружавшей поверхности по сравнению со временем архаического Дахистана. Такую же картину дали раскопки холмов Анау и поселения Намазга-депе. Накопление отложений там было еще более значительным, поскольку эти памятники расположены в конусе выноса постоянно действующих ручьев.

Следует полагать, что толща, на которую в шурфе приходятся слои мусорной ямы, стратиграфически соответствует в других местах поселения еще одному, четвертому строительному комплексу. Считая остатки здания, отмеченные в 1 ярусе, здесь можно установить за время существования поселения пять строительных периодов.

При раскопках жилого дома в западной части поселения были вскрыты четыре комнаты. Стены комнат возводились из сырцового кирпича крупного формата: 70×42×9 см; 64×45×8 см. Внутренние стены помещений клались с соблюдением вертикальной перевязки и имели толщину 80—90 см. Внешняя стена здания не была захвачена раскопом. Стены, как и пол, были покрыты глиняно-саманной штукатуркой. Сохранились стены помещений на высоту 1,5—1,8 м.

Помещение № 1 (дл. 5,2; шир. 4,1 м) имело в северной стене дверной проем шириной 0,6 м. На западной стене находится выступ, представляющий со стеной единое конструктивное целое. Назначение таких выступов пока остается неясным. Восточная стена помещения местами плохо сохранилась. В комнате было найдено большое количество керамики. Так например, считая целые сосуды и крупные фрагменты ножек, можно предполагать, что в помещении было не менее 20—22 сероглиняных чаш на трех ножках. Были также найдены кости животных, но в относительно небольшом количестве.

Помещение № 2 (дл. 2,4 м; шир. 2,25 м). Дверной проем в этом помещении не был обнаружен. Вероятно, помещение имело какое-то специальное назначение. Возможно, оно использовалось как склад. В отличие от помещения 1, в основном заполненного рыхлыми слоями, внутри помещения 2 находится плотный завал сырцового кирпича, напоминающий искусственную забутовку. На высоте около 1 м от пола восточная и южная стены помещения делали отступ, образуя небольшую полочку. К востоку от помещения 2 на значительной площади прослеживается сплошная кирпичная кладка. Возможно, здесь находится заложенное помещение.

Помещение № 3 (дл. 2,6 м; шир. 1,9 м). По планировке аналогично помещению 2. Также заполнено плотным завалом или искусственной забутовкой. До уровня пола не вскрывалась.

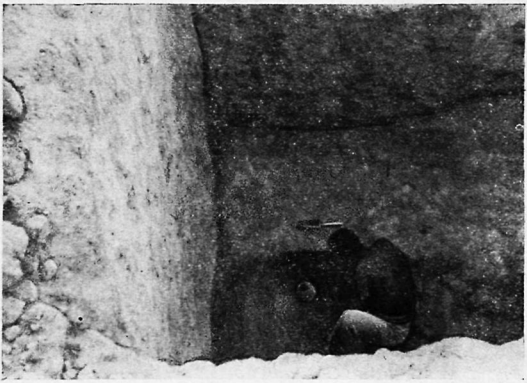


Рис. 22. Шурф на Мадау-депе.

Помещение № 4 (дл. 4,8 м; шир. 3,25 м). Как и помещение 1, вероятно, является жилым. На западной стене сделан выступ аналогичный выступу помещения 1. Дверной проем пока установить не удалось. История этого помещения была сложной. К северной стене примыкала конструктивно с ней связанная стена, позднее срубленная жителями дома. Возможно, первоначально помещение 4 представляло собою не одну, а две комнаты. Среди находок следует отметить, кроме фрагментов керамики (менее многочисленных, чем в помещении № 1), кости животных.

Насколько можно судить по микрорельефу, где в разных местах видна планировка разведываемых помещений, нами раскопана часть дома, имевшего не менее двух-трех десятков комнат. Вне центрального мас-

сива Малау-депе такие дома, видимо, образовывали почти сплошную застройку. Судить о центральном массиве труднее в силу его относительной задернованности.

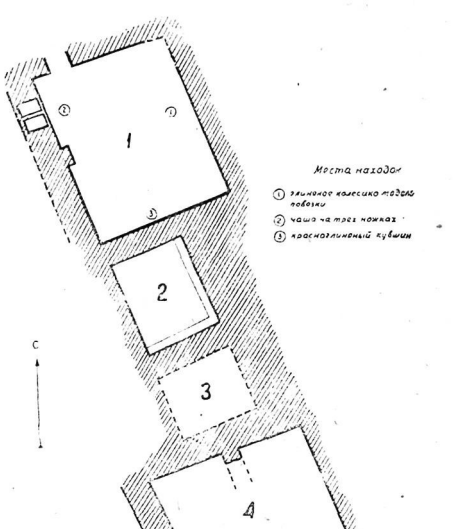


Рис. 23. План раскопа № 1 на Малау-депе.

Помещения 1 и 4 заполнены рыхлым завалом с большим количеством золы и лишь с отдельными кусками сырцового кирпича. Последние в большем количестве встречались по мере приближения к полу. Такое заполнение комнат культурными остатками показывает, что с их забросом жизнь на поселении не прекратилась полностью. Заброшенные помещения стали местом свалки мусора и именно с этим периодом их запустения, а отнюдь не существования, связана основная масса найденной здесь керамики. Наибольшее количество керамики было встречено

именно в верхних слоях и это количество значительно уменьшалось по мере приближения к полу. С этим периодом запустения раскапывавшегося здания связана и находка бронзового лавролистого втульчатого наконечника стрелы к западу от помещения 4, сделанная при выяснении толщины стены помещения. Перекрытие жилых помещений, по всем данным, было плоским, балочным. Против наличия сырцовых перекрытий говорит как отсутствие крупных завалов сырцового кирпича, так и незначительная толщина стен.

Переходим к описанию находок. Основное их количество, как в шурфе, так и в помещениях составляет керамика, образующая яркий и характерный комплекс.

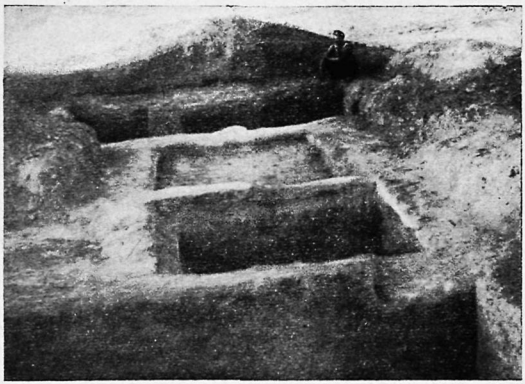


Рис. 24. Раскоп № 1 на Мадау-депе.

Находки керамики в шурфе распределялись по строительным комплексам следующим образом. Во всех комплексах керамика по цвету и составу черепка разделялась на три большие группы.

К первой группе относится керамика серого цвета, часто подвергнутая задымлению, делавшему ее поверхность черной. Ко второй группе относится керамика красного цвета, причем черепок иногда имеет бледно-розовый цвет, иногда интенсивно красный или оранжевый. В первом случае сосуды обычно покрывались беловатым ангобом, во втором сохранялся цвет фактуры. Сосуды этих групп часто варьируют формы, общие для обеих групп. Вместе с тем можно отметить стремление к соединению отдельных характерных форм с определенной фактурой. К третьей группе относятся кухонные котлы и некоторые сосуды специального назначения. Для керамики этой группы характерна примесь в глину большого количества толченого кварца или битой керамики.

Среди керамики 1 яруса, относящейся к почти полностью развеянному зданию пятого строительного комплекса, удельный вес первой и второй групп одинаков. Показательно более низкое качество керамики второй группы: черепок пористый, глина хуже отмучена. Керамика обеих групп изготовлена на гончарном круге. Формы керамики красного

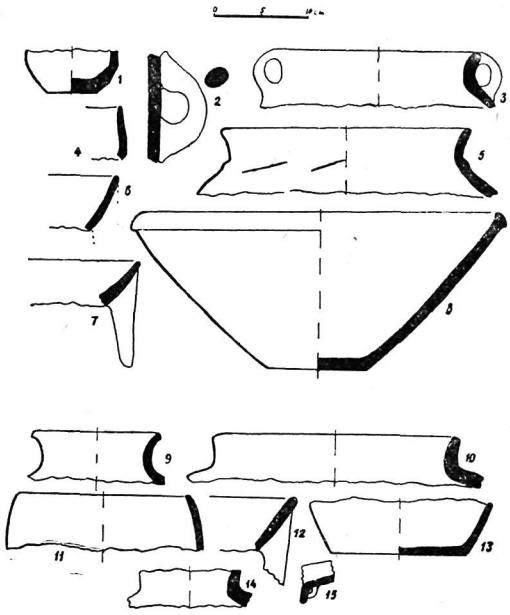


Рис. 25. Мадау-депе. Керамика из 1 яруса (вверху) и первого строительного комплекса (внизу).

цвета глины представлены крупной тагарой с выделенным венчиком подтреугольным в сечении и нижней частью банковидного сосуда со скошенным дном. Интересен фрагмент венчика сосуда со скошенными стенками и покрытого беловатым ангобом. Для серой керамики отмечены фрагменты чаш на трех ножках, ручка крупного кувшина с высоким горлом и фрагмент венчика кубковидного сосуда со стенками чуть сужающими-

ся к венчику. Третья группа представлена небольшим котлом с двумя петлеобразными ручками, толстостенным котлом с отогнутым венчиком и косыми насечками на плечиках, сделанными острым орудием. Кроме того, найдена часть стенки сосуда с массивной петлеобразной ручкой.

Во II—V ярусах около 70% всей керамики составляет керамика первой группы. Ведущими формами являются чаши на трех ножках, кувшины с яйцевидным туловом, прямым высоким горлом и одной ручкой и банкообразные сосуды со стенками чаще всего суживающимися к горлу и с одной боковой ручкой.

Изучение материала показывает, что эти сосуды имели желобчатые сливы. Сами сливы в виде полусферических желобов имеются в нашем материале как крупных размеров, так и более мелкие, иногда с выступом у основания слива, в котором сделана петелька для подвешивания.

Рис. 26. Тагара из 1 яруса шурфа на Мадау-депе.

Есть фрагмент слива, сделанного не от края сосуда, а в его стенке — здесь слив как бы завершает короткий трубообразный носик. Из других форм следует отметить горлышко «графинообразного» сосуда, небольшой кувшинчик с широким прямым горлом и вертикальными налепами — тягами на плечиках и фрагмент плоского «блюдца» крупного диаметра. Изучение материала 1952 г. показало, что подобные фрагменты представляют форму плоских блюд на высокой подставке, известных в специальной литературе как «подставки для фруктов». К сожалению, полная форма таких сосудов для культуры архаического Дахистана пока не установлена.

Керамика второй группы представлена формой высокогорлого кувшина, а также сосудами с широким устьем и отогнутым наружу венчиком, возможно предназначавшимися для хранения. Интересно наличие на одном фрагменте керамики темнокоричневого ангоба. Среди фрагментов керамики яркокрасной глины, покрытой лощением, отметим фрагмент венчика некрупного сосуда со стенками, сужающимися к горлу. Как показали работы 1951 г. на Изат-кули, такие сосуды имели одну вертикальную ручку.

Кухонные котлы, обычно закопченые с наружной стороны, представлены двумя видами, встречавшимися и в 1 ярусе шурфа.

В VI—VII ярусах (третий строительный комплекс) сохраняется преобладание серой керамики. Попрежнему характерны чаши, на трех нож-

ках, цилиндрические сосуды с одной ручкой. Судя по фрагментам, эти сосуды значительной величины. Найден один небольшой сосудик этого типа (Д—10,5 см) с длинным желобчатым изогнутым сливом. В связи с тем, что сосуд сохранился лишь частично, трудно судить имел ли он боковую ручку или на небольших сосудиках она не делалась. Имеется также фрагмент плоского блюдца на высокой подставке.

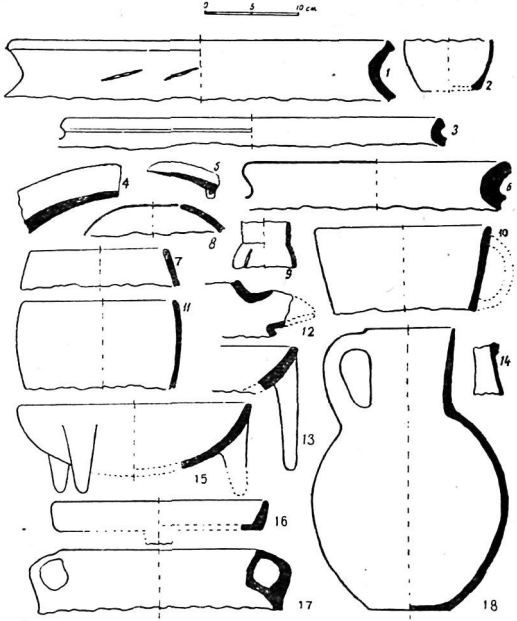


Рис. 27. Мадау-депе. Керамика II—V ярусов шурфа.

Значительный интерес представляет тонкостенный кувшин прекрасного лощения, изготовленный на гончарном круге как и вся керамика первой группы. Кувшин имеет шаровидное приплюснутое тулово, высокое широкое горло и два горизонтальных ушка с петельками для подвешивания. На плечиках даны вертикальные тяги с поперечными насечками.

Из 8 тяг четверо расположены попарно, а четверо — поодиночке. По плечикам сосуда идет линия из штампованных кружков. Посредине каждого отрезка этой линии, расположенного между двумя тягами, от нее отходит вниз отрезок из трех или двух (над ушками) кружков. Горло сосуда изготовлено отдельно и затем присоединено к тулову. Тяги образовывались за счет небольшого утоньшения стенок сосуда около них. Кружковый орнамент нанесен после изготовления тяг.

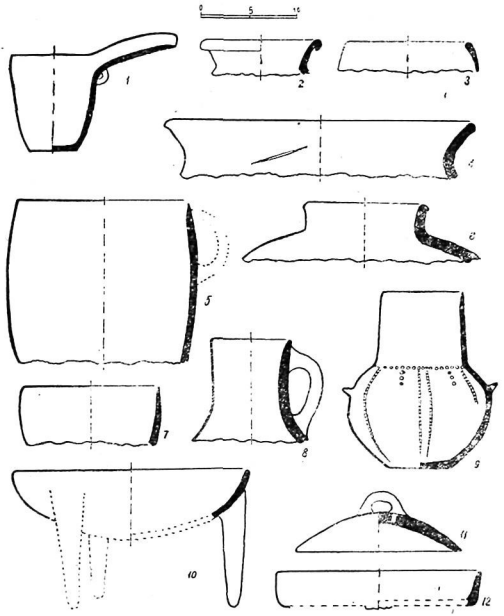


Рис. 28. Мадау-депе. Керамика из III строительного комплекса в шурфе.

Наличием орнамента этот кувшин резко выделяется из прочей керамики культуры архаического Дахистана, для которой совершенно нехарактерна орнаментация. Нам кажется, что по форме, орнаменту и, возможно, фактуре этот кувшин является подражанием металлическим (ско-

рее всего серебряным) сосудам. С другой стороны описанный кувшин является прототипом сероглиняных кувшинчиков с тягами на плечиках, один из которых был найден во II—V ярусах шурфа (рис. 27, 9).

Керамика красного цвета черепка представлена формой высокогорлого кувшина с одной ручкой и краснолощеным кубковидным сосудом со стенками сужающимися к горлу.

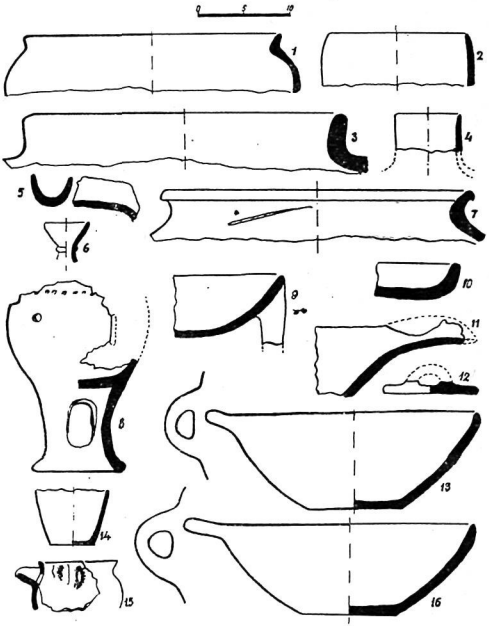


Рис. 29. Мадзу-депе. Керамика из II строительного комплекса в шурфе.

Из керамики третьей группы в VI—VII ярусах найдены фрагменты кухонных котлов второй разновидности и выпуклая крышка с вертикальной ручкой и отверстием для выхода пара.

Преобладает серая керамика и в VIII—IX ярусах (второй строительный комплекс).

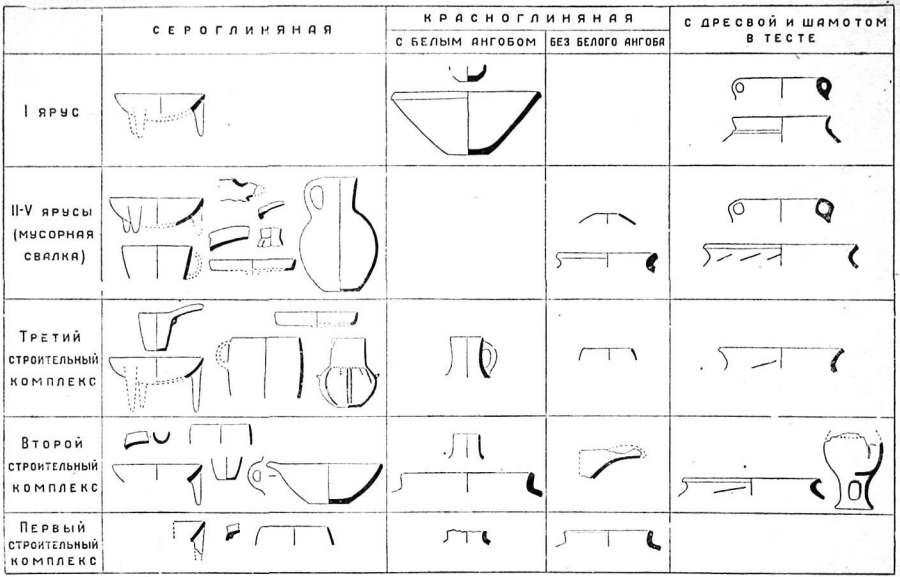


Рис. 30. Стратиграфическое распределение керамики в шурфе на Мадау-депе.

В этой группе остаются характерными формами чаши на трех ножках и цилиндрические сосуды с желобчатыми сливами. Найдены две чаши с плоским дном и одной горизонтальной ручкой. Можно отметить также форму котлообразного сосуда со слегка отогнутым наружу невысоким венчиком. Для керамики второй группы с беловатым ангобом сохраняется форма прямогорлого кувшина, и форма сосуда для хранения с невысоким венчиком. Интересен фрагмент массивной ложки—черпака. Среди керамики красного лощения отмечены формы полусферического сосуда с широким мягко моделированным сливом и раструбообразное горлышко небольшой бутылочки.

В кухонной посуде продолжает бытовать форма толстостенного котла с насечками на плечиках. Наличие небольшой дисковидной крышки с петлеобразной ручкой указывает на то, что были кухонные сосуды небольшого диаметра. Очень интересен фрагмент котлообразного сосудика с небольшим сливом и боковой петлеобразной ручкой. Кроме того, он имеет небольшое ушко для подвешивания. Вероятно за ручку нагибали сосуд висевший над огнем — его наружная поверхность закопчена.

Также интересна культовая курильница с шаровидным туловом на высокой полой ножке. Тесто с примесью толченой керамики. Снаружи курильница покрыта белым ангобом и по нему красной росписью. Ножка имеет две сквозные прорези прямоугольных очертаний. Сквозные прорези сделаны также и в тулове. В средней ее части было сделано три овальных и три щелевидных отверстия. В верхней части тулова дан ряд несквозных ямочек-углублений. Завершение курильницы осталось неясным. Изнутри тулово в нижней части покрыто сильным нагаром.

Количество керамики, найденной в 1 строительном комплексе, сравнительно невелико. Для серой керамики отмечены формы чаши на трех ножках и цилиндрические сосуды с желобчатым сливом. Найден фрагмент кувшина с высоким горлом второй группы керамики. Из других форм керамики второй группы устанавливаются кувшинчик с невысокой шейкой и отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком и венчик сосуда для хранения, формы характерной и для вышележащих слоев.

В раскопе дома на западной окраине Мадау-депе был получен значительный комплекс керамики, относящейся к одному времени; как и в шурфе, основную массу керамики составляет сероглиняная посуда. Керамика второй группы также распадается на посуду покрытую ангобом и посуду, сохранившую цвет фактуры. Удельный вес этих двух подгрупп в общем количестве керамики приблизительно одинаков.

Керамика первой группы широко представлена кувшинами с высоким горлом и одной ручкой. Кувшины варьируют по величине от крупных сосудов до изящных маленьких кувшинчиков. Интересна форма небольшого кувшинчика с одной петелькой для подвешивания. Широко распространены чаши на трех ножках, причем один фрагмент указывает на новую разновидность этой формы: края чаши слегка загибаются внутрь. Отмечена и форма небольшой плоскодонной пиалки. Кубкообразные сосуды с перегибом стенок, в средней части представлены образцами различной величины. Встречена небольшая чашечка с одной петлеобразной ручкой. Часто находятся фрагменты цилиндрических сосудов со сливами и боковой вертикальной ручкой. Стенки некоторых из этих

сосудов сужаются к горлу, у других почти отвесны. Имеется фрагмент сосуда со сливом начинающимся ниже венчика, т. е. слив как бы завершает короткий носик. Кроме того, можно отметить тагару крупного диаметра, чаши — «ситечки» с квадратными отверстиями на дне, сделанными по непросохшей глине снаружи внутрь, плоскую крышку с вертикальной петлеобразной ручкой. Впервые для керамики архаического Дахистана отмечена форма кубка на ножке, представленная фрагментом этой ножки.

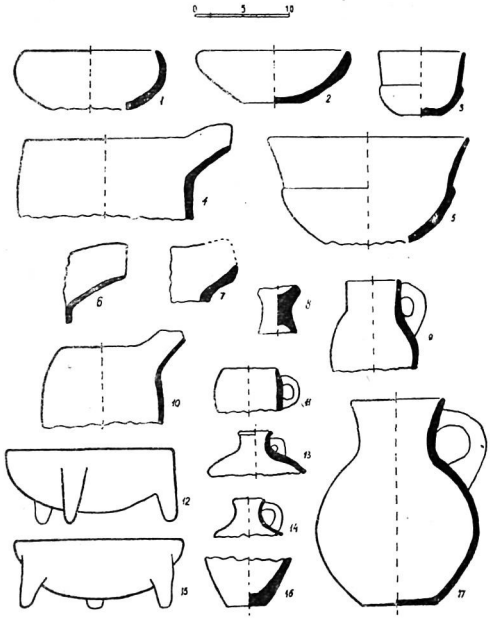


Рис. 31. Мадзу-депе. Серая керамика с раскопа 1.

Для керамики второй группы также характерна форма кувшина с высоким горлом и одной ручкой. Крупные кувшины представлены двумя разновидностями. Одни более приземистые, тулово сплющено шаровидное, горло ниже и немного шире, чем у кувшинов второй разновид-

ности. Эти последние имеют более вытянутое тулово и отличаются более стройными пропорциями. Имеются фрагменты и небольших изящных кувшинчиков. Распространена форма пиалы с плоским дном. Одна такая пиала имела горизонтальную ручку и была покрыта красным ангобом. В комнате 4 найден фрагмент красноглиняной чаши на трех ножках.

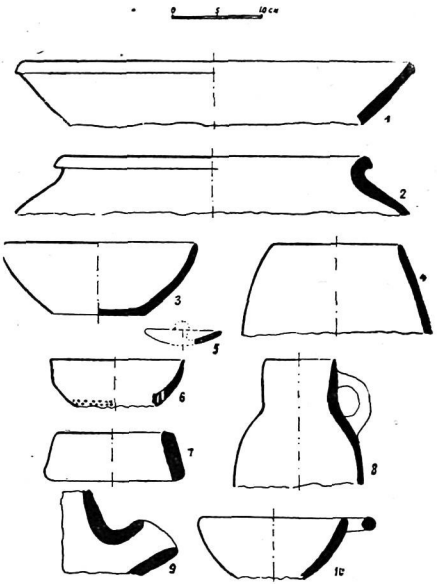


Рис. 32. Мадау-депе. Керамика с беловатым ангобом с раскопа 1.

Для формы тагары характерно, что сосуды этого вида с беловатым ангобом имеют венчик, подчеркнутый выступом наружу, подобно тагаре из 1 яруса шурфа, в то время как тагара красного лощения имеет прямой венчик. Из форм, характерных для сосудов с красным (чаще оранжевым) лощением, следует указать кубковидные сосуды со стенками, суживающимися к горлу, и сосуды с массивным коленчатоизогнутым носиком, заканчивающимся желобчатым сливом. Носик начинается от тулова сосуда на плечиках. Конец слива продолжен до горла и там соединяется с венчиком. В месте перехода слива в соединительный мостик он слегка рас-

ширяется и образует по краям два выступа. Осталось неясным к каким сосудам относятся небольшие желобчатые сливы красного лощения. Чаша-«ситечко», покрытое беловатым ангобом, имеет овальные отверстия и венчик слегка подчеркнутый наружным выступом.

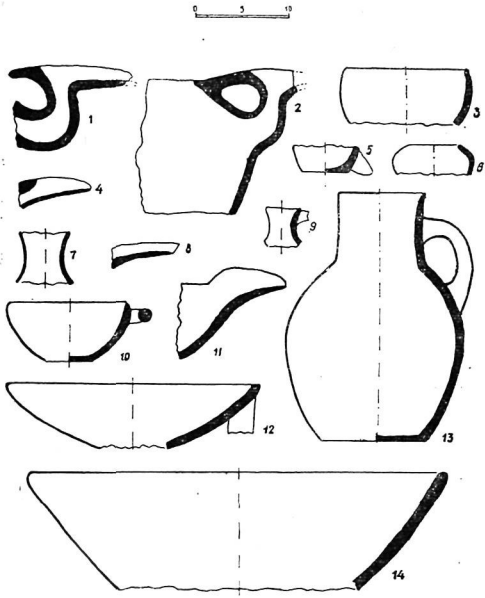


Рис. 33. Мадау-депе. Красноглиняная керамика из раскопа 1.

Известен также сосуд типа «хумча» с отогнутым наружу венчиком, фрагмент грубого слива в виде короткой трубки косо срезанной на конце, блюдечкообразная крышка с ручкой-выступом в центре. Особые формы представляют колесико от модели повозки и керамический обруч, возможно, подставка для какого-либо сосуда. Известный интерес представляет фрагмент плоского донца с двумя выступами, упиравшимися в горизонтальную поверхность, на которой расположен сосуд. Такие выступы известны и на сероглиняной керамике. К сожалению, фрагментарность находок не позволяет установить форму всего сосуда и затрудняет объ-

яснение назначения этих выступов. Может быть они располагались с той стороны сосуда, с которой находился и длинный слив, придававший всему сосуду известную неустойчивость при небольшом диаметре дна.

Керамика третьей группы представлена кухонными котлами двух видов, отмеченных при описании находок, сделанных в шурфе. Один фрагмент котла с двумя петлеобразными ручками имел на плечиках небольшие косые насечки, что вообще для этого вида котлов нехарактерно. Котлы закопчены снаружи и, кроме того, закопчена верхняя часть венчика с внутренней стороны. Линия закопчения в этом последнем случае обозначает горизонт, которого касался край крышки. Некоторые фрагменты ручек имеют шишечки-выступы, но неясно—принадлежали ли эти ручки котлам или нет. Интересна находка в комнате 1 ножки курильницы того типа, который был найден в шурфе. Однако эта курильница была меньшего размера и менее отделанной. В тесто замешана не битая

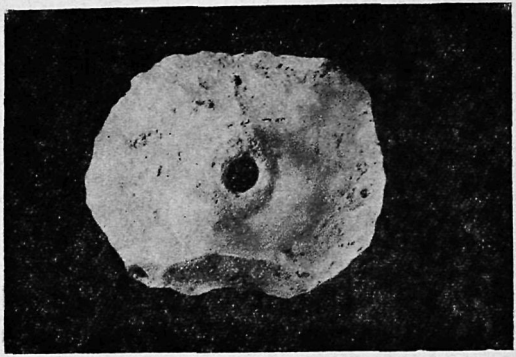


Рис. 34. Колесико от модели повозки.

керамика, а толченый кварц. Наружная поверхность не ангобирована, отсутствуют и прямоугольные вырезы на ножке. Но во всяком случае эта находка указывает на распространение курильниц в быту населения, поскольку находка в шурфе перестает быть единичной.

На Мадау-депе ряд бронзовых наконечников стрел, кроме упомянутой выше находки в раскопе, был собран на поселении. Интересна форма пирамидального наконечника с квадратным в сечении черешком. Также квадратный в сечении черешок имел небольшой лавролистный наконечник. Наконец, был найден относительно крупный лавролистный наконечник стрелы с прожилком в средней части и с утолщением в месте перехода от лопастей к черешку.

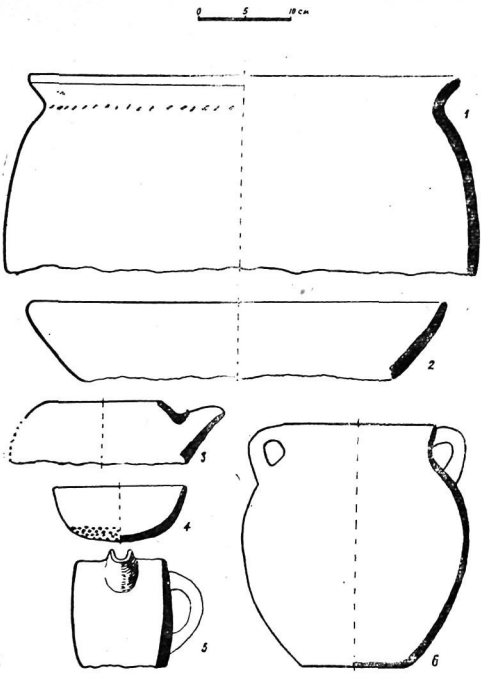


Рис. 35. Мадау-депе. Кухонная (1, 6) и серая (2—5 посуда с раскопа 1.

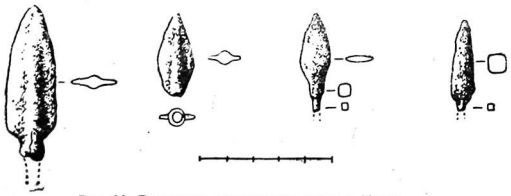


Рис. 36. Бронзовые наконечники стрел с Мадау-депе.

Как упоминалось выше при небольших разведочных раскопках 1952 г. на Мадау-депе был найден некрупный меч с ребром в средней части лезвия. Квадратный в сечении черешок для прикрепления рукоятки, найденной в виде фрагментов, не имел навершия. По условиям находки меч соответствует слоям II—V ярусов шурфа 1953 г. В шурфе в слоях мусорной ямы II—V ярусов были найдены продолговатые зернотерки и небольшой пирамидальный оселок с выточкой для подвешивания.

Небольшие тепе

Геокчик-депе (Д—21) расположено в 7 км к югу от Шаудуз-калы, к востоку от дороги Бугдайли-Чикишляр. Тепе в плане близко к овалу. В северо-западном углу небольшое четырехугольное возвышение. Въезд, вероятно, был в середине юго-западного фаса, где чувствуется промоина. Тепе имеет по верхней площадке размеры 30×30 м² и высоту до 12 м.

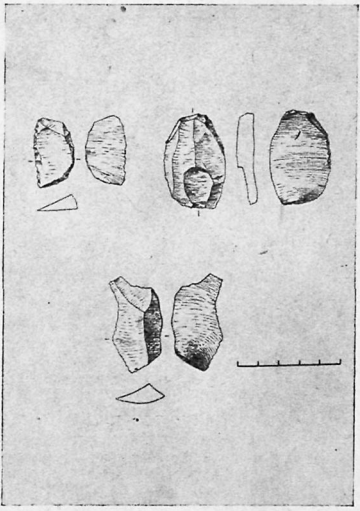


Рис. 37. Кремневые пластины с Мадау-депе.

Около тепе расположена крепость более позднего времени. Материал синхронный времени крепости встречается и на тепе, наряду с характерной керамикой культуры архаического Дахистана. Можно считать, что

в основе Геокчик-депе находится некрупное поселение времени архаического Дахистана, вторично обжитое в более позднее время.

Едиджа-депе (Д—40) расположено в 10 км к югу от Мадау-депе. Представляет собой небольшое овальное в плане тепе размером поверху около 50×50 м², высотой до 5 м. На север от тепе уходит вал канала. Тепе сильно заросло растительностью и лишь в размывах по склонам дает подъемный материал. Едиджа-депе является небольшим поселением, может быть состоявшим из одного многокомнатного дома.

Поселение Д—41 расположено в 7 км к югу от Мадау-депе. Представляет собой небольшой, сильно оплывший бугор, овальный в плане с размером север-юг 35 м и высотой 1—1,5 м. Характерная керамика определяет время памятника. Можно считать, что поселение Д—41 также представляет собой отдельно стоящий многокомнатный дом.

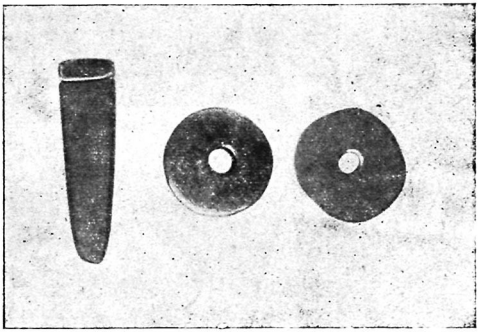


Рис. 38. Мадау-депе. Каменный оселок и керамические пряслица.

Вероятно того же типа было и поселение Д—42, расположенное в 2—2,5 км к западу от поселения Д—40. Здесь был обжит естественный бугор, северный в цепочке всхолмлений, вытянувшихся с севера на юг.

Наличие этих трех поселений указывает, что в период архаического Дахистана была освоена площадь к югу от Мадау-депе почти вплоть до берега Атрека.

Тепе около селения Парау расположено в полукилометре к югу от железной дороги. Тепе неправильно-овальной формы с размером С-Ю 36 м и З-В 29 м. Высота тепе около 2 м. На тепе имеется большое количество рваного камня, вероятно, употреблявшегося в древних постройках. На расположенном непадалеку городище — развалинах средневековой Феравы — также можно установить широкое употребление для строительства рваного камня. Подъемный материал тепе сравнительно многочисленен. Здесь найдены фрагменты серых чаш на трех ножках и дру-

гая керамика архаического Дахистана. Вместе с тем здесь имеется керамика серого цвета, выполненная от руки с горизонтальным рифленым орнаментом. Известный интерес представляют находки лепной керамики с примесью гравия в тесте с резным геометрическим орнаментом.

Тепе к западу от селения Бами было обследовано еще в 1947 г. Б. А. Литвинским и автором. Представляет собой высокий бугор, дающий в подъемном материале керамику архаического Дахистана. К востоку от него расположено средневековое городище.

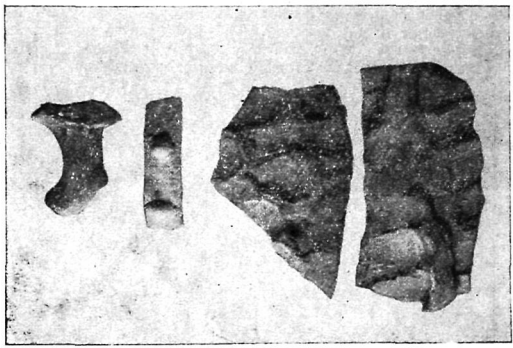


Рис. 39. Мадау-депе. Фрагменты керамики.

Тепе около селения Беурме также является отдельным холмом, заключающим, судя по подъемному материалу, слои различных эпох . На склонах холма часто встречается керамика с растительной примесью в тесте, с черной росписью по красному фону типа Анау I. Отмечена роспись смыкающихся полос треугольников. Вероятно в районе тепе было расположено поселение земледельцев эпохи энеолита. Встречаются также фрагменты керамики архаического Дахистана. Тепе было обжито и в средние века. Вероятно ко времени позднего средневековья относится глинобитная стена, возведенная по краю тепе и вторая стена, окружающая ближайшие окрестности тепе. Эта вторая стена сохранилась сейчас на высоту до 4 м..

III. АНАЛОГИИ И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Наиболее широко и разнообразно из предметов материальной культуры представлена керамика архаического Дахистана. Имеющийся материал составляет четкий и совершенно определенный керамический комплекс, характерный для архаического Дахистана. Поэтому обратимся

к сравнительному рассмотрению этого комплекса и керамических комплексов близких по территории памятников Туркмении и Ирана.

Керамика архаического Дахистана отличается высоким качеством выделки и большим разнообразием форм, указывающим на значительную специализацию посуды. Основная масса керамики изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, скорее всего приводившимся в движение ногой. Однако этот вопрос требует еще дальнейшего исследования. Для обжига применялись специальные печи, топки которых, судя по полуразвеянным остаткам, имели прямоугольную форму. Характерной особенностью культуры архаического Дахистана является сероглиняная посуда, часто окрашенная в черный цвет с внутренней и с внешней поверхности. Процесс окраски в черный цвет можно восстановить, пользуясь данными технологических исследований, проведенных для черно- и серолощеных сосудов Самтавро конца II — первой половины I тысячелетия до н. э.[11]). Для изготовления нашей керамики использовалась глина зеленовато-серого цвета, часто встречающаяся в северо-западном Копет-Даге. Именно из этой глины производилось большинство керамики архаического Дахистана. Характерная серая прослойка красного цвета в середине некоторых черепков указывает, по консультации А. И. Августиника, что эта же серая глина применялась и для изготовления красноглиняной керамики только в иных условиях обжига. Большинство серой керамики после обжига подвергалось зачернению посредством дыма. Для этого несколько охлаждали печь и закрывали дымовую трубу. Сосуды, расположенные по краям печи, подвергались неравномерному почернению, что можно видеть на ряде образцов керамики архаического Дахистана. В Самтавро сосуды после зачернения покрывались воском и подвергались дополнительному лощению. Осев-

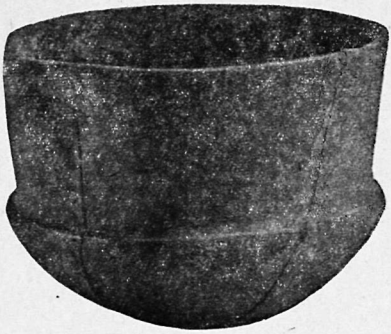


Рис. 40. Мадау-депе. Кубкообразный сосуд.

ший на поверхности посуды слой графита в нашем материале иногда сошел, в результате употребления посуды в быту. Особенно характерно это для донной части чаш на трех ножках, иногда имеющей цвет фактуры, в то время, как вышележащие стенки имеют интенсивный черный цвет. Вероятно, этот факт указывает также на употребление ложек, сцарапавших графит со дна чашки.

Следует отметить, что именно четкость и законченность формы определяли внешний эффект керамики архаического Дахистана, тогда как редко встречающаяся орнаментация играла второстепенную роль.

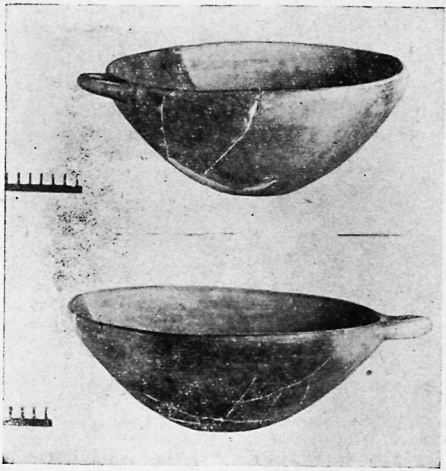


Рис. 41. Мэдау-депе. Серые чаши с горизонтальной ручкой.

При обращении к имеющимся параллелям показательно отличие керамики архаического Дахистана от керамики прикопетдагских земледельческих культур[12]), прежде частично известной по тепе у селения Анау, а сейчас по раскопкам ЮТАКЭ других памятников, и в первую очередь, Намазга-депе[13]).

Из числа аналогий с керамикой архаического Дахистана можно указать лишь на невысокие кубки, сероглиняные на Мисрианской равнине и светлоглиняные в Анау III[14]). В Анау III имеются также сосуды с носиком, заканчивающимся желобчатым сливом, так называемые соусники или чайники. Однако, как форма слива, так и носика отлична от аналогичных по типу сосудов архаического Дахистана[15]).

Желобчатые сливы имеются и на Намазга-депе[16]). Этим, собственно, и ограничиваются аналогии. Как можно видеть, основные формы керамики культуры архаического Дахистана не находят здесь себе параллелей. Столь же явственны отличия и от керамики Анау IV. В Анау IV, например, распространена форма высокогорлого кувшина с ручкой, отсутствующая в более ранних слоях анауских тепе. Но эта форма имеет существенное отличие от кувшинов архаического Дахистана. Последние имеют прямой венчик, а в Анау IV он отогнут наружу, выступая над стенками горла[17]). Сравнение керамики архаического Дахистана и керамики прикопетдагских земледельческих культур показывает, что эти культуры, имея возможные синхронные соответствия, характеризуют две совершенно различные культурно-исторические области.

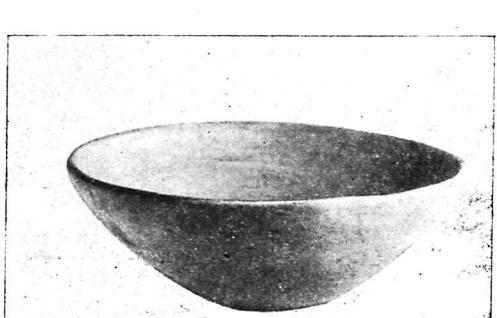


Рис. 42. Чаша с Мадау-депе.

Как уже приходилось отмечать, близкие аналогии культура архаического Дахистана имеет в материале астрабадского бронзового века (Шах-тепе и Тюренг-тепе[18]). По Тюренг-тепе существует лишь предварительная публикация[19]), а о раскопках на Шах-тепе после первого сообщения последовало обстоятельное издание материала[20]). Следует вообще сказать, что раскопки на Тюренг-тепе, поставленные под влиянием повторного издания замечательного клада, найденного здесь еще в XIX в., вообще имели не строго научный характер. Забив на вершине холма узкие шурфы и сбоку холма длинную галлерею-подбой по направлению к центру, и не найдя ни там ни здесь ничего столь же эффектного, как золотые предметы Тюренг-тепинского клада, Вулсин прекратил на этом работы.

Планировка Тюренг-тепе принципиально очень близка планировке крупных поселений архаического Дахистана. Поселение Тюренг-тепе состоит из группы холмов от 11 до 17 м высоты. Вся группа имеет в поперечнике около 700 м. Главный курган, где и был найден замечательный клад, имел около 34 м. По сути дела разница с поселениями архаического Дахистана лишь в меньшей высоте холмов, составляющих последние. Это может быть объяснено, во-первых, сильным разрушением поселений архаического Дахистана дефляционными процессами и, во-вторых, как это показывает материал, более богатым, можно было бы сказать «столичным» характером Тюренг-тепе. Интересно, что на Тюренг-тепе употреблялся сырцовый кирпич «необыкновенного», как назвал его Вулсин, формата: 68×38×15 см[13], т. е. формата, находящего прямые аналогии в сырцовом кирпиче Изат-кули и Мадау-депе и, с другой стороны, более крупного, чем кирпич Анау или Намазга-депе.

Шах-тепе, наоборот, представляет собою некрупный бугор овальный в плане (165×135 м), высотой около 8 м и может быть сопоставлено со вторым типом памятников архаического Дахистана—Геокчик-депе или Едиджа-депе. Дома на Шах-тепе возводились только из пахсы. Арне пишет, что Шах-тепе по существу представляло собой незначительное поселение, лежавшее в стороне от оживленных торговых путей[21]).

Основную массу керамики Шах-тепе и Тюренг-тепе составляет сероглиняная керамика высокого качества. Древнейшим на Шах-тепе является слой III. Затем следует слои II б и II а. Последовавшее в окончательной публикации подразделение на слои II $а^1$ и II $а^2$ вызывает некоторые сомнения. В слое II б находят аналогии невысокие кубки архаического Дахистана[22]). Здесь же впервые появляются овальные кувшины с носиком, заканчивающимся сливом — т. н. «чайники» или соусники[23]). Обе формы можно отметить и в Тюренг-тепе[24]). Арне сам указывает, что слой II $а^1$ не всегда отличим от слоя II $а^2$. В керамике продолжаются старые традиции. Но для нас большой интерес представляют формы, выделяемые Арне как новые. Это — полусферические чаши с коротким или длинным широким сливом, грубая кухонная посуда с дресвой в тесте и (с поселения) овальная фляга с двумя ручками. Исключая флягу, эти формы характерны для архаического Дахистана. Сосуды со сливами крайне близки нашей форме 1 четвертой группы[25]), а фргаменты грубой кухонной посуды с ручками почти неотличимы от наших образцов[26]). Как уже отмечалось выше, вполне вероятно, что во время архаического Дахистана существовали грубые котелки с одной ручкой. Очень показателен инвентарь могилы CII[2], относимой Арне к слою II $а^1$. Здесь мы имеем полусферический сосуд с широким длинным сливом, грубый кухонный горшок с одной ручкой, два кувшина без ручек и один кувшин с толстой ручкой[27]). Первые два сосуда, как отмечалось выше, могут быть помещены среди керамики архаического Дахистана. Показательно также появление кувшина с ручкой, который отличается от кувшинов архаического Дахистана лишь большей приземистостью[28]).

Таким образом, в верхних слоях Шах-тепе эпохи бронзового века появляются формы керамики, находящие прямые параллели среди материала архаического Дахистана. Эти параллели значительно увеличи-

ваются, если привлечь также материал собственно с поселения Шах-тепе (свою стратиграфию Арне основывал на материале из могил). Здесь следует отметить небольшой кувшинчик с овальной в сечении ручкой[29]), второй и третий тип крышек сосудов Шах-тепе (т. н. сковородообразные крышки с ручкой-выступом и вогнутые блюдечкообразные крышки с ручкой-выступом[30]). Очень близок находке на Мадау-депе фрагмент кубка на невысокой ножке I а. Были найдены также фрагменты т. н. жаровень, служивших, по мнению исследователей, для переноски углей. Арне опубликованы только фрагменты трех типов жаровень. Из них первый тип, чаши с округлым дном и большим количеством маленьких отверстий, почти идентичен ситечкам архаического Дахистана[31]). Ни один из встреченных нами фрагментов или целых сосудов этой формы с поселений архаического Дахистана не имел следов золы или копоти, которая обычно сохраняется на кухонных котлах. Нам кажется, что

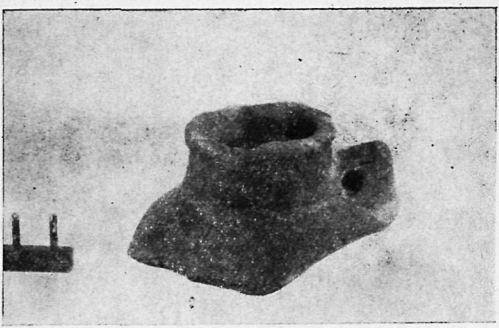


Рис. 43. Горло сосуда с Мадау-депе.

чаши-ситечки архаического Дахистана служили именно для процеживания и, возможно, такое же назначение имели некоторые из сосудов Шах-тепе. Хотя вполне вероятно, что в культуре астрабадского бронзового века существовала также форма курильницы для переноски углей[32]), фрагменты которой могли быть почти не отличимы от фрагментов ситечек. Все эти формы принадлежат ко второму слою Шах-тепе, но не подразделяются Арне более точно. Наконец, на Шах-тепе, найдено около 280 фрагментов сливов самых разнообразных форм. Впервые сливы появляются в слое II б. Новые типы приходят со слоем II а[2], в том числе уже отмеченный полусферический сосуд. Кроме сливов от этих сосудов отметим слив, который начинается несколько ниже устья сосуда; желобчатый слив с выступом у его основания, в котором проделана петелька для подвешивания сосуда[33]), длинные желобчатые сливы на трубообразном носике, отличающиеся от нашего материала

отсутствием соединительного мостика[34]). Вместе с тем на Шах-тепе—Тюренг-тепе отсутствует ряд форм керамики архаического Дахистана.

Очень близка наша керамика керамике Шах-тепе—Тюренг-тепе и по фактуре. Прекрасная сероглиняная керамика, покрытая черным лощением, преобладающая в керамике архаического Дахистана, отличается

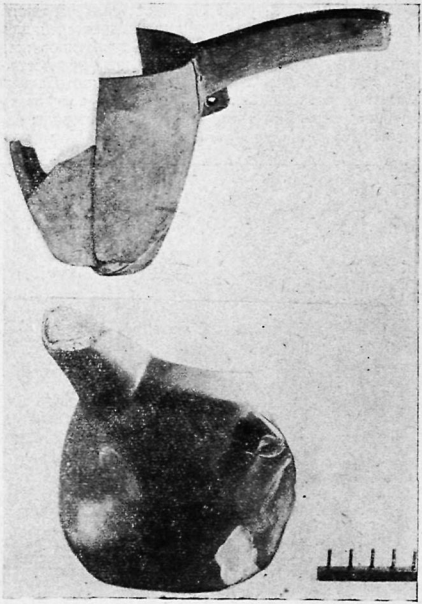


Рис. 44. Мадау-депе. Серые сосуды со сливами.

от керамики названных памятников лишь отсутствием штрихового лощения. Однако, новую, по сравнению с Шах-тепе и Тюренг-тепе, черту составляет появление в архаическом Дахистане лощеной красноглиняной керамики. В равной степени красноглиняная керамика со светлым ангобом, появляющаяся, например, в верхних слоях шурфа на Мадау-депе, по фактуре близка керамике Анау IV, Афрасиаб I и Кабадиан I, а отнюдь не керамике астрабадского бронзового века.

Проделанное сравнение керамики Шах-тепе—Тюренг-тепе и керамики архаического Дахистана приводит к выводу, что здесь связи носят генетический характер. В последние этапы существования культуры астрабадского бронзового века появился ряд керамических форм, характерных для архаического Дахистана.

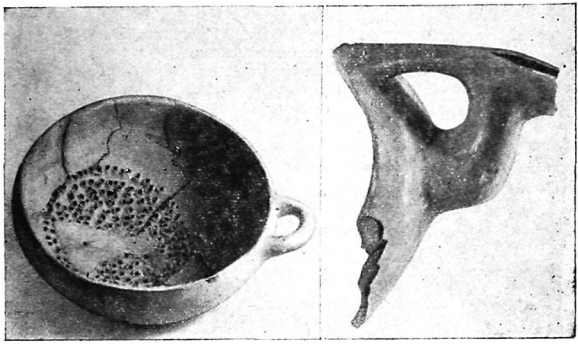


Рис. 45. Ситечко и фрагмент сосуда со сливом с Мадау-депе.

Некоторые аналогии керамике архаического Дахистана, но уже более отдаленного характера, можно указать в культуре Тепе-Гисар в районе Дамгана. Здесь, в культуре Гисар III, господствует серая лощеная керамика, постепенно вытеснившая в течение Гисара II более старые типы расписной керамики. Раскопки Тепе-Гисар рисуют линию развития керамики на одном месте в течение продолжительного времени. Возможно, разнообразие форм ограничено происхождением предметов из материалов, сопровождающих захоронения, особенно для ранних периодов. Однако, изменения и смена форм, происходящие здесь, достаточно характерны. Формы керамики архаического Дахистана не находят никаких аналогий ни в Гисаре I, ни в Гисаре II. Столь характерные для архаического Дахистана сливы появляются только в Гисаре III B и широко распространены в Гисаре III C[35]). Здесь сосуды со сливами представлены как в керамике, так и в камне и металле. Отметим форму полусферической чаши со сливом[36]). Кувшины с носиком, заканчивающимся длинным желобчатым сливом[37]), отличаются от сходной формы керамики архаического Дахистана как фактурой, так и отсутствием соединительного мостика между венчиком и концом слива. Кроме того, носик не имеет в Гисаре коленчатого изгиба. В Гисаре III B находим также кубок, идентичный по форме и размерам кубкам архаического Дахистана[38]). В Гисаре III C эта форма становится несколько вычурной. Одной из новых форм Гисара III является т. н. «жаровни», найденные

во всех трех фазах этого периода. Они имеют шарообразное или цилиндрическое тулово на высокой ножке. Сделаны от руки. В их стенках имеется большое количество мелких овальных отверстий, а иногда и крупные прямоугольные. Нельзя не видеть типологической близости этой формы нашей культовой курильнице с Мадау-депе. Один сосуд из Гисара со слегка отогнутым наружу венчиком[39]) особенно близок мадауской находке. Вместе с тем следует отметить и черты различия, и прежде всего, регулярность расположения отверстий на курильнице из Мадау-депе и наличие здесь полой ножки, в то время как на Тепе-Гисар ножка сплошная. Следует остановиться на определении этого типа керамики, как «жаровни» для переноски горящих углей. Если

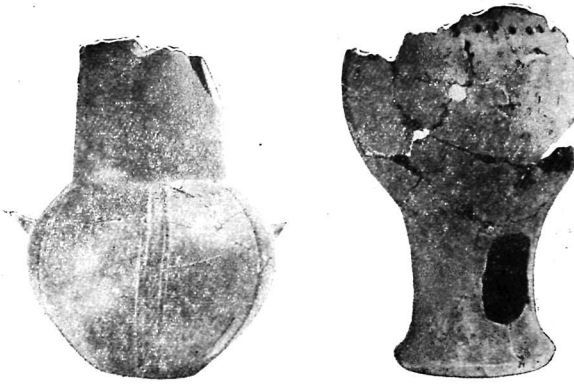


Рис. 46. Мадау-депе. Курильница и серый кувшин из шурфа.

для сосуда с Тюренг-тепе такое определение вполне вероятно, то в отношении Тепе-Гисарского материала оно вызывает некоторые сомнения. В сосуде с Тюренг-тепе отверстия начинаются прямо с донной части сосуда и, вероятно, были предназначены для удаления пепла. На Тепе-Гисаре такие отверстия на донной части отсутствуют, а сделаны в боковых стенках и иногда на довольно значительной высоте от дна, чем они отличаются от «жаровни» с Тюренг-тепе. Шмидт сам отмечает, что ни одна из «жаровен», найденных в кладе, относящемся к Гисару III С, не имеет следов огня. Возможно, пишет он далее, они использовались для каких-то культовых целей, на что может быть намекает и их находка вместе о фигурками из бронзы[40]). Таким образом, назначение т. н. «жаровен» с Тепе-Гисара остается еще неясным. Относительно определения же сосуда с Мадау как курильницы, нам кажется не может быть особых сомнений. Об этом говорят следы горения в нижней части

сосуда, необычный характер строго симметричных прорезей и специальная раскраска сосуда. Вполне вероятно, что на Тепе-Гисаре мы имеем генетический прототип мадауской фауны и, что Шмидт был на правильном пути, предполагая культовое назначение этих сосудов и на Тепе-Гисаре.

Очень показательно слабое распространение петлеобразных ручек вообще в Гисаре III и в связи с этим отсутствие здесь формы высокогорлого кувшина с ручкой—одной из ведущих форм культуры архаического Дахистана. Лишь в Гисаре III С появляется форма, из которой могли развиться подобные кувшины[41]). Сравнение керамики Тепе-Гисара и архаического Дахистана показывает, с одной стороны, близость некоторых форм, особенно Гисара III В и III С, т. е. самых поздних фаз Гисара; с другой стороны, целый ряд новых элементов говорит о более позднем времени культуры архаического Дахистана.

Вопрос о дате астрабадского бронзового века, также как и о дате поздних стадий Тепе-Гисара, не является еще окончательно решенным. Арне, несколько переоценив длительность существования Шах-тепе, предполагал следующие даты:

Период III —3200—2900 (2800)
Период II в —2900 (2800)—2300
Период II a^2 —2300—2000
Период II a^1 — 2000—1800 (или несколько позднее)[42]).

Ранние датировки сразу же вызвали сомнение, но значительный параллелизм с культурой Тепе-Гисара позволял установить уточненные соответствия[43]). Проведенное сравнение, по мнению Мак Кауна, показало определенную синхронность Шах-тепе III и Гисар II, Шах-тепе IIв с Тепе-Гисар III В и А, Шах-тепе IIа с Гисаром III С[44]). Арне считал, что Тюренг-тепе кончило существование несколько раньше Шах-тепе. Однако, ввиду фрагментарности публикации материала с Тюренг-тепе судить об этом трудно и вполне возможно, что здесь верхние слои будут синхронны Тепе-Гисар III С, как предполагает Мак Каун, относящий вслед за Шмидтом и другими исследователями к этой фазе Тепе-Гисара знаменитый астрабадский клад[45]). Однако и сама датировка Тепе-Гисара III не является твердо установленной. Непосредственно импортные вещи, могущие связать слои этого хорасанского памятника с разработанной хронологией Месопотамии или Сирии отсутствуют. Заключения строятся на совпадении формы и фактуры различных серий предметов, что, как писал Чайльд про Шах-тепе, говорит еще только о параллелизме, но не о полном синхронизме. Первоначально Гисар III считали возможным относить к II тыс. до н. э.[46]) и чуть ли не доводить до 1000 г. до н. э., видя в нем поселение, разрушенное арийским нашествием. Затем эта датировка была резко пересмотрена. Мак Каун отнес Гисар III ко времени т. н. ранних династий и аккадскому периоду Месопотамии. К 2300—2000 гг. до н. э. отнес Гисар III и Шефер в своей сводной работе[47]). Не отрицая значительности выдвинутых этими авторами аргументов, некоторые исследователи указали все же на необходимость объяснения и более поздних аналогий Гисара III, считая вопрос о его датироке не решенным еще окончательно[48]). Учитывая все обстоятельства на данной стадии изучения вопроса, можно считать, что все-таки Шах-

тепе, Тюренг-тепе и Тепе-Гисар прекращают свое существование очень рано, возможно в первых веках II тыс. до н. э.[49]). После этого времени в стратиграфии Северо-Восточного Ирана следует значительный перерыв до довольно позднего времени.

Поскольку проведенное сравнение показывает, что культура архаического Дахистана позднее выше рассмотренных культур, следует обратиться к памятникам в других частях Ирана, дающим более полную стратиграфическую шкалу. Такими памятниками являются Тепе-Сиалк около Кашана и еще более западное Тепе-Гиян около Нихавенда.

Перекликаясь во многом с Тепе-Сиалк, Тепе-Гиян рисует картину развития культур, отличную от той, которую дают памятники Северо-Восточного Ирана. В частности широко распространенная в Тепе-Гисар и Шах-тепе чернолощенная керамика не играет здесь такой роли. Вместе с тем здесь довольно поздно сохраняется расписная керамика. Для слоя Гиян III (по Контено 2500—1800; по Шеферу 2100—1700) характерны сосуды с цилиндрическим туловом на трех ножках, имеющие поразительные параллели в китайском материале. Эти сосуды ничего общего (кроме трех ножек) не имеют с характернейшей формой культуры архаического Дахистана. Более близки чашеобразные сосуды на трех ножках из того же слоя[50]). Из материала слоя Гиян I близкие параллели нашему материалу дают красноглиняные кубки с одной ручкой, имеющей сверху защип[51]). Довольно близки архаическому Дахистану и широко распространенные в этом слое высокогорлые кувшины с одной ручкой. В слое Гиян I уже появляется железо, и Контено относил его к 1400—1100 гг. до н. э. Шефер, объединив этот слой со слоем Гиян II, относит их вместе к периоду 1550—1200 гг. до н. э.[52]), что вероятно несколько заглублено.

В Тепе-Сиалк после ранних слоев Сиалк I—Сиалк IV следует большой перерыв. К позднему времени относятся могильники Сиалка—некрополь А (Сиалк V) и некрополь В (Сиалк VI). Культура, представляемая этими некрополями, не является генетически связанной с предыдущими слоями Тепе-Сиалк. Производитель раскопок Гиршман полагал, что новые керамические формы и характерная фактура чернолощеной керамики указывает на связь с культурами Тепе-Гисар—Шах-тепе и возможно вызваны продвижением на Иранское плато иранских племен[53]). Херцфельд, наоборот, писал, что керамика некрополей Сиалка может быть не более, чем продолжением Нихавендо-Луристанских традиций, последней фазой крашеной керамики в Иране[54]). Такая формулировка на наш взгляд страдает излишней категоричностью. Наряду с явным продолжением традиций (например, в формах керамики из Тепе-Гиян III—II) здесь существуют несомненно новые, очень показательные элементы, находящие наиболее точные параллели в более ранних культурах Северо-Восточного Ирана[55]). Некоторые связи, намечающиеся в керамике некрополей Сиалка и архаического Дахистана, производят впечатление именно не прямых связей, а опосредствованных. Как и в позднем Гияне, в некрополе В Тепе-Сиалк имеются красноглиняные кубки-чаши с одной ручкой, имеющей сверху вытянутый защип[56]). В некрополе В также найдена небольшая цедилочка или ситечко с одной вертикальной ручкой, отличающееся от ситечек архаического Дахистана выделением

валика венчика[57]. Правда, в материале с Мадау-депе имеется фрагмент чаши-ситечка с чуть выделенным венчиком.

Широко распространены в некрополях Тепе-Сиалк сосуды со сливами, представленные как в расписной керамике, так и в нерасписной черноглиняной и красноглиняной. Однако, среди различных форм сосудов со сливами в сиалковских некрополях, сближающихся с керамикой архаического Дахистана лишь формой сливов, но не сосудов, особенно интересны для нас знаменитые кувшины с эффектной росписью, имеющие сложный носик-слив. Среди них сосуды с коленчато-изогнутым носиком, длинным желобчатым сливом, соединительным мостиком между концом слива и венчиком дают наиболее полную аналогию нашему материалу[58]. Форма сосуда с носиком-сливом, широко распространенная в Иране и на Ближнем Востоке, не раз обращала на себя внимание исследователей.

Рис. 47. Мадау-депе. Фрагменты крышки и носика со сливом.

Появление ее в Малой Азии (например, Алишар II) и в Иране служило одним из аргументов в пользу движения анатолийских форм на восток[59] или, наоборот, вторжения в Малую Азию племен из Северо-Восточного Ирана[60]. Сосуды такого типа распространены и на Кавказе, например, в керамике Кизыл-Ванка[61]. Однако, имеющийся материал еще ни в коей мере не позволяет делать таких далеко идущих заключений. Отнюдь не во всех случаях имеет место близкое к тождеству подобие формы и фактуры. Сосуды со сливами, вырванные из реальных керамических комплексов по одному формальному признаку, сравниваются как некие абстрактные предметы. Между тем для убедительных сопоставлений необходимы серии предметов и признаков, исключающие элементы случайности. Именно рассмотрение керамических комплексов в первую очередь подчеркивает значительное своеобразие типов посуды в отдель-

ных районах, а вполне вероятные заимствования или взаимовлияния соседних областей должны изучаться с особой тщательностью и осторожностью, избегая эффектных далеких аналогий[62]). Нам кажется, что по крайней мере сейчас еще преждевременно говорить об этом для т. н. чернолощеной керамики все равно, имея ли в виду анатолийские связи в керамике Тепе-Гисар и Анау или, наоборот, влияние этих культур на Малую Азию и Сирию. Это, разумеется, не исключает того, что получение нового материала и его дальнейшее изучение могут установить такие связи и взаимоотношения.

Имеются в некрополях Сиалка и чаши на трех ножках. Красноглиняные триподы некрополя А продолжают форму известную из Гиян-тепе и, также как эти последние, отличны от наших чаш на трех ножках. В некрополе В, наряду с этой формой, появляется и новая— полусферическая чаша на трех высоких, чуть изогнутых приостренных *ножках, заметно приближающаяся по форме к керамике архаического* Дахистана[63]). Гиршман пишет об этих чашах, что форма триподов неизвестна в Северо-Восточном Иране, а воообще в Иране впервые появляется в Гияне III, где возникает под влиянием Малой Азии и Эгеи[64]). Однако, едва ли возможно объединять различные формы сосудов опять-таки по формальному признаку наличия трех ножек. Действительно, например, лампы на трех ножках из тех же некрополей Сиалка очень близки аналогичным сосудам Сирии и Малой Азии. Цилиндрические сосуды на трех ножках из Тепе-Гиян и по форме и, вероятно, функционально ничего общего не имеют с керамикой архаического Дахистана. Принцип постановки на три ножки применялся в различных местах к различным по форме сосудам, имевшим разное назначение и его происхождение в каждом случае могло иметь свою историю[65]). Функционально и по форме примыкает к нашему материалу лишь вышеотмеченная чаша из некрополя В и в данном случае это обстоятельство может быть является не случайным.

Гиршман относил некрополь А к 1200—1000 гг. до н. э., а некрополь В к 1000—800 гг. до н. э. Распространение в могилах некрополей (особенно некрополя В) железных предметов говорит против стремления Шефера излишне застарить эту датировку[66]). Из сравнения с керамикой некрополей Тепе-Сиалк наиболее важным нам представляется близость сосудов со сложным носиком-сливом из материала некрополя В. Эта близость значительно большая по сравнению с отмечавшимися выше аналогиями этой форме керамики архаического Дахистана в ранних культурах Шах-тепе и Тепе-Гисар. При этом следует также учитывать выборочный характер материала из Сиалка, поскольку он происходил только из могильника.

Очень интересен материал из первого яруса нашего шурфа на Мадау-депе, описанный выше. Здесь появляются новые формы, например, сосуды с подкошенным дном. Весьма показательна крупная тагара с проработанным выступом венчика, в то время как в тагарах более нижнего слоя такая проработка отсутствует. Эти формы принадлежат к группе керамики красноватого цвета теста со светлым ангобом. Эти новые черты в керамике I яруса ведут нас в комплексы характерной керамики середины первого тысячелетия до н. э., устанавливаемой сей-

час для Маргианы, Согда и Бактрии[67]). Найденная на Мадау-депе тагара очень близка аналогичному сосуду из слоя Кобадиан 1 в северной Бактрии, относимому к VI—IV вв. до н. э. Тагара Кобадиана 1 отличается от нашей лишь более широким дном и общей приземистостью[68]). Аналогии сосуду со скошенным дном дает материал мервской Гяур-калы второй четверти 1 тыс. до н. э.[69]) и Елькен-депе, керамика которого представляет собой ряд вариантов форм Анау IV[70]). Хронологически и типологически в этот круг входит также и керамика древнего Самарканда, выделенная А. И. Тереножкиным в стадию Афрасиаб 1[71]). Однако надо отметить, что древнейшая керамика Афрасиаба ближе к материалу северной Бактрии, чем к материалу Южного Туркменистана. Выпуклые донья крупных сосудов с перегибом стенок в нижней части, отмеченные для Кобадиана 1 и Афрасиаба 1, нехарактерны для Анау или Гуяр-калы. Вероятно, здесь нашли свое отражение тесные культурные связи Согда и Бактрии, отмечаемые для несколько более позднего времени по другим материалам, в том числе и по письменным источникам.

Обратимся к рассмотрению наконечников стрел. Здесь прежде всего выделяется группа лавролистных втульчатых наконечников, один из которых был найден в раскопе дома на Мадау-депе. При первом взгляде их хочется сопоставить с известным типом т. н. «раннескифских» наконечников стрел VII—V вв. до н. э., распространенных на широкой территории от причерноморских степей до урартской крепости Кармир-Блур и Монголии. Однако, уже сейчас появляется материал, показывающий, что этот тип наконечников стрел начинает вырабатываться еще в начале 1 тыс. д н. э.[72]). Накапливающийся новый материал позволяет расширить представления о принадлежности этих наконечников стрел различным народам, вопрос уже ставившийся в литературе[73]). В европейской части СССР такие наконечники стрел использовались скифскими племенами. В других местах они использовались почти в одно и то же время различными народами. Вероятно они были в быту и оседлого населения Средней Азии (Кобадиан 1, Мадау-депе), где датируются тоже в пределах второй четверти 1 тыс. до н. э. (в многочисленных сериях наконечников стрел из некрополей Сиалка этой формы еще нет). Видимо синхронную, характерно казахстано-монгольскую форму представляют наконечники стрел с уплощенным на конце черешком[74]). М. П. Грязнов указывает, что она могла появиться и в более ранний период[75]). Трехперые черешковые наконечники стрел начинают появляться в IV слое Алишара, где существуют наряду с пирамидальными черешковыми наконечниками в виде пробойников[76]) (1400—1200 гг. до н. э. по Шмидту). Лавролистные втульчатые наконечники стрел появляются в Алишаре в V слое, но неясность их стратиграфического положения и обобщенность датировки этого слоя (фригийско-мидо-ахеменидское время) не позволяют еще судить об их появлении в раннее время[77]).

В некрополе В Тепе-Сиалк находят аналогии наши трехперые и пирамидальные черешковые бронзовые наконечники стрел. Здесь же имеются крупные лавролистные черешковые наконечники с прожилком, но не имеющие утолщения у основания черенка, как наконечники с Мадау-депе. Почти идентичен этому нашему наконечнику наконечник из

дольменов Ага-Авлара в Талыше, где он относится к эпохе поздней бронзы[78]). Имеют утолщение у черенка и миндалевидные железные наконечники стрел из Кармир-Блура, определяемые Б. Б. Пиотровским как характерный урартский тип[79]).

Наконец, лавролистный наконечник без прожилка имеет параллели в очень интересном памятнике в Афганистане—тепе Сухр-даг около Нади-Али[80]). Он относится здесь ко второму слою, где, кстати, найден также фрагмент носика с длинным желобчатым сливом. В этом же слое найдены и трехперые втульчатые бронзовые наконечники стрел, так что мнение Гиршмана, об отнесении этого слоя к ахеменидской эпохе весьма вероятно[81]).

Значительный интерес представляет найденный на Мадау-депе небольшой черешковый меч. Наиболее близки ему бронзовые мечи из талышских погребений поздней бронзы и возможно раннего железа, правда, с черешком отличной формы[82]). Показательно, что в одной могиле найден близкий по форме, но изготовленный уже из железа меч. А. А. Иессен отмечает, что Талыш выделяется по бронзовым изделиям в особую область Закавказья, возможно, связанную с Северным Ираном[83]). Вполне возможно, что наш меч, найденный на противоположном берегу Каспийского моря, не случайно похож на мечи талышских дольменов.

Квадратный каменный столик с Изат-Кули принадлежит к типу, распространенному на Ближнем Востоке. Вместе с тем этот столик типологически можно сопоставлять с каменными блюдами на трех ножках, но овальной формы из Проховских курганов (III—II вв. до н. э.)[84]). На строительстве Большого Чуйского канала был найден каменный столик овальный в плане, отнесенный А. Н. Бернштамом к сако-усуньскому периоду (V—III вв. до н. э.)[85]).

Проведенное рассмотрение позволяет наметить хронологическое определение культуры архаического Дахистана. Керамический материал этой культуры вырисовывается как более поздний по сравнению с культурами Шах-тепе и Тепе-Гисар. Можно сказать, что некоторые керамические формы складываются уже в верхних слоях Шах-тепе, хотя ряд характерных форм архаического Дахистана там еще отсутствует. Совпадающие керамические формы находим, с другой стороны, в Тепе-Гиян I (вторая половина II тыс. до н. э.) и особенно в некрополе В Сиалка (начало I тыс. до н. э.). Наличие ряда характерных типов в сериях бронзовых наконечников стрел архаического Дахистана предостерегает от чрезмерного заглубления датировки. Поэтому нам представляется возможным относить культуру архаического Дахистана к первой трети первого тысячелетия до н. э. с заглублением во вторую половину II тысячелетия до н. э. Археологически это—культура раннего железа и поздней бронзы.

Не противоречит этой датировке и архаический по облику кремневый инвентарь с Изат-кули и Мадау-депе[86]). Бронзовый серп был найден в слоях Анау III, а из слоев Анау IV известны два фрагмента, вероятно, от железного серпа. Однако, кремневые орудия довольно часты в Анау III и встречаются даже в Анау IV, хотя в последнем случае они возможно перемещены из нижних слоев. Одна из «односторонних пилок» Анау III имеет характерную залощенность рабочего края, указывающую,

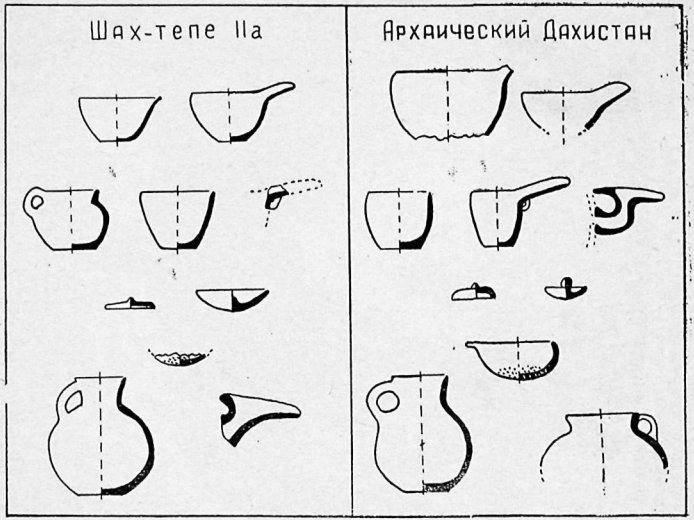


Рис. 48. Керамика Шах-депе и архаического Дахистана.

что эта «пилка» является кремневым вкладышем серпа[87]). Следовательно в период Анау III кремневый серп бытовал наряду с бронзовым, что впрочем характерно и для стран Древнего Востока, например, Египта. В Закавказье в Бешташенских могилах (конец II—нач. I тыс. до н. э.) Б. А. Куфтиным найдены серпы с кремневыми вкладышами, наряду с бронзовыми серпами[88]), что, как полагает Б. Б. Пиотровский, возможно указывает на различную специализацию двух видов серповидных орудий[89]).

Рис. 49. Мадау-депе. Чаши на трех ножках.

Предлагаемая датировка культуры архаического Дахистана находит свое подтверждение и в стратиграфическом материале. Бронзовый втульчатый наконечник стрелы, несомненно относящийся к наиболее поздно датируемой части нашего материала, происходит из слоя заполнившего помещения жилого дома на Мадау-депе после заброса здания. Самый верхний или пятый строительный комплекс шурфа на Мадау-депе сопровождается керамикой, в которой появляются формы, характерные

для середины 1 тысячелетия. С другой стороны, ряд форм культуры архаического Дахистана, в том числе чаши на трех ножках еще сохраняются. Материал этого слоя является подтверждением предложенной выше датировки Мадау-депе. Показательно, что этот слой отсутствует в раскопе многокомнатного дома в западной части поселения. Керамический материал, полученный при раскопках этого дома, позволяет его синхронизировать со слоями мусорной ямы II—V ярусов стратиграфического шурфа. Вероятно, это указывает на постепенность замирания жизни на поселении. Сначала была заброшена его западная часть, и жизнь в основном сконцентрировалась на центральном массиве поселения. При этом, поскольку основные находки из раскопа дома связаны уже со временем запустения помещений, время возведения его следует синхронизировать с третьим строительным комплексом стратиграфического шурфа.

Рис. 50. Мадау-депе. Кувшины.

Кроме того, сравнение керамического материала по слоям шурфа показывает, что вся свита культурных слоев принадлежит здесь к одной культуре. Основные керамические формы — чаша на трех ножках, цилиндрический сосуд со сливом, высокогорлый кувшин повторяются во всех слоях. Вероятно получение количественно более значительного материала позволит наметить постепенные этапы развития культуры Мадау-депе, но пока он лишь свидетельствует о значительной устойчивости и повторяемости форм. Семиметровая толща культурных слоев указывает на длительность существования поселения в течение нескольких столетий.

IV. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Изучение памятников культуры архаического Дахистана на территории Мисрианской равнины имеет важное значение для выяснения истории всего Юго-Запада Туркмении в рассматриваемое время. Только здесь были произведены археологические раскопки, а для остальных районов приходится пока ограничиваться лишь подъемным материалом.

Как показывает этот материал прикопетдагская полоса была освоена оседлыми земледельцами, начиная с культуры Анау I. Вероятно в это время существовали небольшие поселения в районе Кизыл-Арвата и Беурме. Видимо несколько позднее такие поселения возникают и в горных районах[90]. Таким образом в эпоху энеолита этот район представлял собой единую культурно-историческую область с подгорными оазисами центрального Копет-Дага (Анау, Намазга-депе, Яссы-депе у Каахха и ряд других памятников).

История Юго-Западной Туркмении в период развитого бронзового века остается не вполне ясной, прежде всего, в силу отсутствия раскопанных памятников. Насколько можно судить по подъемному материалу с тепе у Парау, в подгорной полосе северо-западного Копет-Дага распространяется сероглиняная керамика типа, найденного на Ак-тепе под Ашхабадом[91]. Получение нового материала в этом направлении представляет значительный интерес в связи с вопросом о распространении в Юго-Западной Туркмении культуры астрабадского бронзового века, к чему мы вернемся несколько ниже. Некоторые фрагменты серой керамики с горизонтальной гофрировкой, найденные на этом тепе, близки материалу Шах-тепе.

В конце бронзового и в начале железного века на территории к западу от линии Беурме-Дешт[92]) распространяется культура архаического Дахистана. Наиболее хорошо памятники этой культуры изучены на территории Мисрианской равнины. Главным занятием населения Мисрианской равнины в это время было земледелие. Именно для искусственного орошения полей была создана развитая система каналов. Эти поля располагались в непосредственной близости от поселений. На Изат-кули, например, поля начинались сразу же у стен жилых домов поселения. О занятии земледелием говорит и большое число зернотерок, находимых на поселениях. Пока нет данных судить, что именно возделывали древние земледельцы Мисрианской равнины. Вероятно, первое место занимали, как и позднее в средние века, зерновые культуры — пшеница и ячмень. Известную роль играло и скотоводство. Кости животных часто встречаются на поселениях архаического Дахистана. По определению проф. В. И. Цалкина среди костей животных, найденных в раскопе помещений на Изат-кули, преобладали кости мелкого рогатого скота (коза и овца). Кроме того найдены кости свиньи и осла. Последнее представляет интерес в связи с вопросом о распространении этого животного в Средней Азии[93]). Большое количество костей как крупного, так и мелкого рогатого скота было найдено при раскопках 1953 г. на Мадау-депе. В шурфе и на раскопе Мадау-депе встречены кости свиньи и верблюда. Вероятно, домашние животные использовались как тягловая сила. Это можно заключить по находке на Мадау-депе керамического колесика от модели повозки.

Значительного развития достигло за время архаического Дахистана ремесло. На поселениях изготовлялись различные металлические предметы, обрабатывался привозной бадахшанский лазурит. Несомненно на крупных поселениях уже выделился специальный слой профессиональных ремесленников. Имеющиеся материалы позволяют говорить о существовании на поселениях особых центров медно-бронзового и особенно гончарного производства. Последнее, используя ножной гончарный круг и специальные обжигательные печи, достигло высокого технического уровня.

Трудоемким занятием было поддержание регулярной работы каналов и особенно их ежегодная очистка. Последняя в условиях сильной взмученности сумбаро-атрекской воды должна была доставлять большие затруднения. Постепенно по берегам каналов вырастали два параллельных вала земли, выброшенной при очистке. Возможно именно с заилением старой сети была связана перепланировка каналов, отмечаемая исследованиями в районе Изат-кули.

Пока трудно судить о религиозных представлениях древних земледельцев Мисрианской равнины. Каменные столики служили, вероятно, для заклания жертвенных животных. Столики подобной формы распространены на древнем Востоке. Равным образом курильницы могли использоваться при самых различных культах. И курильницы и жертвенные столики были распространены относительно широко.

Население жило в домах, построенных из продолговатого сырцового кирпича крупного формата. Стены клались с соблюдением вертикальной перевязки. Раскопанные помещения имели плоское перекрытие. Характерно широкое распространение сосудов с ушками для подвешивания сосудов со сливами. Последнее, вероятно, указывает на употребление жидкостей, требовавших цеживания. Внутри жилища многие сосуды находились в подвешенном состоянии. Нам кажется, что именно для подвешивания служили горизонтальные ручки чашевидных сосудов (чаш на трех ножках, чаш—«ситечек» и т. п.). Вероятно отсутствием хорошей ровной поверхности пола вызвано и появление формы чаши на трех ножках.

Как упоминалось выше, дом на Мадау-депе, раскопки которого начались в 1953 г., судя по микрорельефу, состоял из двух-трех десятков комнат. Следует полагать, что небольшие поселения архаического Дахистана, сейчас сохранившиеся в виде тепе, состояли из одного или двух подобных домов.

Интересен вопрос о типе крупных поселений архаического Дахистана, состоявших из нескольких многокомнатных домов (на Изат-кули, как нам кажется, их было около полутора десятков), соединенных в единую сплошную застройку. Эти поселения еще нельзя назвать городскими поселениями в собственном смысле слова[94]). Основную массу их населения составляли земледельцы, поля непосредственно подходили к стенам жилищ. Вместе с тем в этих поселениях сосредоточено специализированное ремесло, выделены центральные укрепления. Вероятно, эти поселения отражают переходный период, когда начинали складываться внутри поселений крупных общин характерные черты города как социального организма.

На основании археологических работ в Хорезме С. П. Толстов наметил своеобразную историю развития древних поселений этого района. Установленные данные имеют определенное значение и для других районов Средней Азии. С. П. Толстов отмечает два типа поселений — крупное городское поселение и отдельно стоящий общинный дом для последней четверти I тыс. до н. э.[95]). Правда, городские поселения не имеют еще цитаделей, которые, судя по материалам Хорезмской экспедиции, появляются в Хорезме позднее, чем в более развитых областях Средней Азии. Намечаемое С. П. Толстовым выделение двух типов поселений принципиально соответствует двум типам поселений, характерных для культуры архаического Дахистана. Новейшие исследования позволяют наметить облик материальной культуры Согда и Бактрии середины I тысячелетия до н. э. Однако на материале Афрасиаба и даже на материале городища Кала-и-мир пока трудно судить об общем характере поселений этого времени. Археологические работы на юге Туркменской ССР устанавливают большую древность высокоразвитых культур оседлых земледельцев. Находящиеся здесь древние памятники, не перекрытые более поздними слоями, позволяют в общих чертах охарактеризовать тип крупных поселений, существовавших здесь задолго до каких-либо чужеземных завоеваний. Изат-кули, Мадау-депе, синхронное им Елькендепе у Каушута, представляют тип крупного поселения, предшествовавшего сложению древнего города Средней Азии.

На крупных поселениях архаического Дахистана мы, правда, не находим иных укреплений, кроме центрального бугра. Однако проведенные раскопки еще незначительны по масштабу, чтобы судить об этом. Возможно, что укрепленную линию составляли сомкнутые наружные стены жилых массивов. Или, наоборот, для поселений и не имелись в виду оборонительные постройки, кроме центрального укрепления. Это можно будет доказать лишь после проведения более широких раскопок. Во всяком случае, Изат-кули, Мадау-депе, Тангсикыльджа, так же как и Намазга-депе — крупнейшее поселение бронзового века в Южном Туркменистане — не имеют в планировке той регулярности, которая позднее составляла отличительную черту древнего города Средней Азии, во всяком случае во внешней конфигурации.

О строе общества в период архаического Дахистана можно судить пока лишь по косвенным данным, доставляемым археологией. Эти данные свидетельствуют прежде всего о высоком уровне развития производительных сил. Ремесло архаического Дахистана достигло значительной степени специализации. Устойчивые формы керамики, повторяющиеся на самых различных поселениях, свидетельствуют о том, что изготовление глиняной посуды перестало быть лишь предметом домашней деятельности, а стало гончарным производством. На позднеэнеолитическом поселении Тали-Бакун около Персеполя печи для обжига посуды были разбросаны по поселению. На Изат-кули также в различных местах можно встретить следы небольших развеянных обжигательных печей. Но наряду с этим здесь уже образовались два особых крупных керамических центра каждый почти в гектар площадью. Имеющиеся данные говорят о том, что происходит второе крупное общественное разделение труда — ремесло отделяется от земледелия. Последнее, вероятно, уже знало плуг, поскольку имело место использование домашних животных

как тягловой силы. Второе разделение труда является важным моментом в истории производства. На его основе возникает производство непосредственно для обмена, т. е. товарное производство. Разделение труда между скотоводством, земледелием и ремеслом характерно уже для рабовладельческого общества. Однако в силу того, что новые производительные силы возникают еще в недрах старого общества, по одному *уровню развития производительных сил трудно судить, имеем ли мы* в данном случае дело с последним этапом первобытно-общинного строя или с началом уже классового, рабовладельческого общества.

Наличие на крупных поселениях центральных укреплений, вероятно, свидетельствует о выделении знати, противостоящей массе общинников. Кроме того важен факт наличия крупных каналов. Создание и поддержание сложных оросительных систем на древнем Востоке играло важнейшую роль в истории общества. Необходимость организации орошения вызывала объединение под одной властью значительных территорий, появление функции организации общественных работ, что способствовало обособлению общественной власти, противополагающейся большинству общества. Первоначально крупные каналы, вероятно, возводились еще союзами общин. Изучение остатков каналов в районе Изат-кули показывает, что за время архаического Дахистана имела уже место перепланировка (трудно судить частичная или полная) оросительной сети. Это говорит о длительности существования каналов на первой площади освоения.

Совершенно несомненно, что первобытно-общинный строй в период архаического Дахистана переживал последние стадии разложения. Но имеющиеся косвенные данные не позволяют пока судить — в какой мере произошел качественный переход к новой классовой общественной формации, вероятно, типа раннерабовладельческих обществ[96]).

Работы советских исследователей поставили во всей широте проблему древности классового общества на территории Средней Азии. Советскими археологами показана вероятность сложения рабовладельческих отношений в отдельных областях Средней Азии еще до присоединения ее к ахеменидской Персии. Археологические работы последних десятилетий в Туркмении и Хорасане устанавливают здесь высокоразвитые культуры III—II тысячелетий до н. э. Значительный интерес представляет вопрос об уровне общественного развития этих культур. Однако поспешность в решении этого ответственного и важного вопроса может скорее запутать его, чем разрешить.

А. В. Арциховский высоко расценивал уровень культурного развития Анау III, указывая, что он напоминает древневосточные города[97]). Позднее А. В. Арциховский даже допускал возможность существования в это время классового общества[98]).

Выше мы уже отмечали, что культура астрабадского бронзового века знает почти такие же два типа поселений, что и культура архаического Дахистана. Особенно интересно крупное поселение Тюренг-тепе с центральным укреплением и богатой материальной культурой, отличающееся от небольшого поселения Шах-тепе, культура которого имеет черты определенного провинциализма[99]).

О высоком уровне общественного развития свидетельствует и облик культуры Тепе-Гисар III. Здесь, например, очень показательно наличие

могил с богатым инвентарем, вероятно отражающее социальную дифференциацию общества. О высоком уровне говорят и результаты изучения верхнего слоя Намазга-депе, представляющего собой крупное поселение эпохи бронзы, достигающее площади в несколько десятков гектаров. Интересно, что и здесь, в прикопетдагских оазисах, опять-таки намечается два типа поселений. С одной стороны это некрупные тепе вроде южного холма Анау или Ашхабадского Ак-тепе, с другой — поселения вроде Намазга-депе, имеющего черты, сближающие его с Изаткули или Мадау-депе[100]). Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе-Гисар, Намазга-депе и Анау являются памятниками двух крупных областей эпохи бронзы, характеризуемые каждая определенными культурными особенностями. Исследованные памятники этих областей прекращают свое существование или приходят в запустение приблизительно в одно и то же время (неуточненно — в пределах первой половины II тысячелетия до н. э.[101]). Вопрос, какого уровня в своем развитии достигло оставившее их общество, сложилось ли там уже классовое общество раннерабовладельческого типа или нет, при имеющемся материале скорее всего следует решать отрицательно.

Как отмечалось выше памятники культуры архаического Дахистана занимают наиболее западные из прикопетдагских оазисов. Начиная во всяком случае с Геок-депе (могильник у Янги-кала), здесь распространена дальше на восток культура типа, представленного южным холмом Анау.

В верхних слоях Анау III, еще при раскопках Пампелли, были найдены фрагменты толстостенной керамики с нарезным орнаментом, резко выделяющиеся из всего комплекса высококачественной посуды, характерной для этого периода. Эти фрагменты керамики очень показательны и входят в круг андроновской культуры. Аналогичная керамика встречается и в других местах прикопетдагских оазисов[102]), представляя собой культуру степняков-скотоводов, резко отличную от культуры местных оседлых землевладельцев, Очевидно здесь речь может идти не о связях со степными районами Средней Азии[103]), а о прямом проникновении в Южный Туркменистан племен иной культуры и скорее всего иного этноса. Получение нового материала в этом направлении может иметь важное значение для изучения древнейших стадий этногенеза[104]).

Шмидт, ведший раскопки на холмах Анау, выделяет слой промежуточный между Анау III и Анау IV. Для этого слоя характерно огрубление керамики. Формы посуды примитивны. Очень показательна грубая роспись красноватым цветом по грязножелтому фону. Роспись носит геометрический характер и в этом отношении как бы возрождает очень ранние традиции. Как отмечалось выше, слои, объединяемые Шмидтом в слой Анау III, должны, несомненно, получить более дробное членение. Раскопки на Намазга-депе показали наличие стадии широкого распространения некрашенной керамики, когда расписная посуда почти полностью исчезает. Отмеченный промежуточный слой южного холма Анау является как бы новым возрождением расписной керамики, но в огрубленных формах. По гамме, а возможно и хронологически, как нам кажется, эту керамику следует сближать с расписной керамикой второго некрополя Тепе-Сиалк, учитывая, что в Сиалке мы имеем инвентарь бога-

тых погребений, а бугор Анау представляет собой в это время небольшое поселение, давшее бедный материал[105]). После этого периода несомненного керамического огрубения начинаются слои Анау IV с высоким уровнем керамического производства, подводящие нас уже ко времени господства Ахеменидов.

Значительный интерес представляет поселение Елькен-депе около Каушута, обследованное в 1947 г. XI отрядом ЮТАКЭ[106]). Вокруг высокого центрального бугра здесь расположено поселение, охваченное валами стен. Керамика с этого поселения представляет ряд вариантов форм, характерных для Анау IV. Аналогии с керамикой архаического Дахистана отмечались выше. Типологически и, вероятно, хронологически поселение Елькен-депе (его, пожалуй, можно назвать даже городищем) очень близко, например, Изат-кули и Мадау-депе, хотя и меньше этих памятников по площади. Оно важно как тип памятника, указывающего на возникновение в прикопетдагских оазисах укрепленных поселений, вероятно, еще до ахеменидского завоевания страны. Таковы памятники центральной части прикопетдагских оазисов, синхронные культуре архаического Дахистана.

В Хорезме в это время тазабагъябскую культуру, являвшуюся местным вариантом культур андроновского типа, сменяет или частично с ней сосуществует суярганская культура (конец II тыс. до н. э. по С. П. Толстову), в керамике которой отмечаются черты влияния высокоразвитого гончарного производства прикопетдагских общин[107]). С. П. Толстов подчеркивает примитивный уровень развития хорезмского общества в этот период[108]). В частности каналы для орошения еще не применялись. Лишь последние исследования позволяют предполагать, что в это время в Хорезме зарождаются примитивные формы поливного земледелия.

К северу от Мисрианской равнины к этому времени, вероятно, приходит к концу также слаборазвитая культура охотников-собирателей Джебелской пещеры, исследованная А. П. Окладниковым. Начиная со слоя 5—4, здесь появляются фрагменты керамики, сделанной на круге, явно являющиеся импортными предметами из соседних областей оседлых земледельческих культур. В слоях 2—3 встречены фрагменты сероглиняной лощеной керамики (в том числе один — с желобчатым орнаментом) несомненно восходящие к кругу культуры астрабадского бронзового века. Сосуществование культуры земледельцев бронзового века и культуры охотников-скотоводов с сильными неолитическими традициями отмечено и находками сероглиняной керамики типа Гисар II (или Шахтепе II) в верхних слоях пещеры Гари-Камарбанд около Бехшахра в Мазандеране[109]).

В Центральном Иране раскопки могильников у Тепе-Сиалк намечают новую культурно-историческую область, где уровень общественного развития напоминает общественный строй в Юго-Западной Туркмении в период архаического Дахистана. Не случайно наш материал находит близкие аналогии в инвентаре погребений некрополя В. На холме Тепе-Сиалк в это время возвышается окруженная стенами цитадель[110]).

Таким образом на основании имеющегося еще крайне ограниченного материала можно охарактеризовать общий фон времени культуры архаического Дахистана.

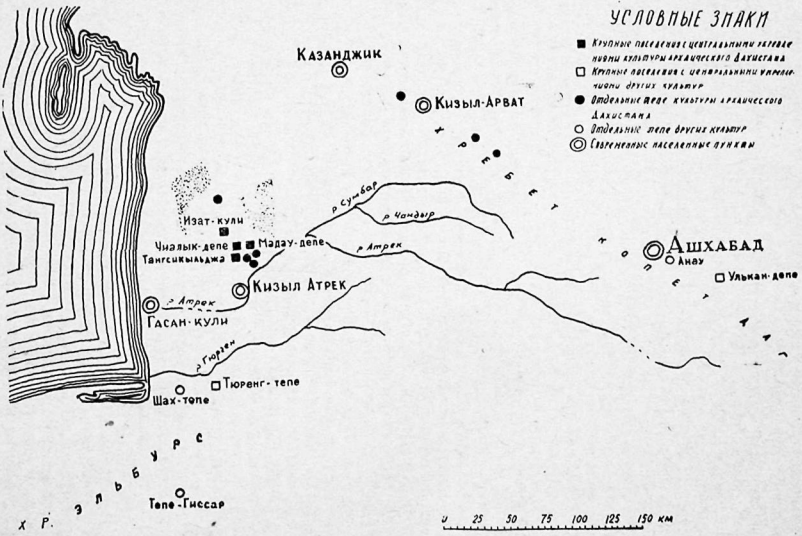


Рис. 51. Распространение памятников культуры археического Дахистана

Остается лишь странным белым пятном область к югу от Мисриан-ской равнины. Однако с территории Северного Ирана известны отдельные находки, например, такой характерной формы как сероглиняная чаша на трех ножках[111]). Шмидт упоминает, что в окрестностях Рея им был раскопан курган Муртезакерт, давший мощный слой сероглиняной керамики, датируемой началом железного века. Чаши на трех ножках, совершенно неизвестные на Тепе-Гисаре, являются ведущими формами этих поздних слоев сероглиняной керамики[112]). Можно считать даже на основании этого краткого описания, что перед нами культура того же типа, что и культура архаического Дахистана. Вероятно культура архаического Дахистана распространена и к югу от р. Атрек. В этом отношении раскопки Мадау-депе дополняют стратиграфическую шкалу хорасанских памятников, где, как отмечает Мак Каун, после верхних слоев Тепе-Гисар и Шах-тепе следует длительный пробел до весьма позднего времени[113]).

Не вполне ясным остается генезис культуры архаического Дахистана. Стратиграфический шурф на Мадау-депе показал, что здесь отсутствует сколько-нибудь значительное поселение более раннего времени, чем рассматриваемый период. Как отмечалось выше, сравнительное исследование керамики выделенных пяти строительных комплексов Мадау-депе показывает, что перед нами линия развития одной культуры с устойчиво повторяющимися ведущими формами. Отсутствует материал более раннего времени и в наших подъемных сборах, которые в силу природных условий Мисриансной равнины дают довольно богатые и достаточно полные коллекции. Это явление, на наш взгляд, связано с тем обстоятельством, что широкое освоение земледельцами Мисриан-ской равнины было возможно только при проведении значительных ирригационных работ. Такие работы были не под силу отдельным первобытным общинам. Это освоение наступает с ростом производительных сил, с усложнением общественной организации, когда прогрессивный рост населения вызывал необходимость освоения новых пространств. Люди пришли на Мисрианскую равнину уже с высоко развитой культурой. Возможно это был союз общин, внутри которого началось становление государственности.

Исследование керамических комплексов позволило высказать предположение, что генетическим предшественником культуры архаического Дахистана была культура бронзового века по долинам Атрека и Сумбара, являвшаяся локальным вариантом культуры Шах-тепе — Тюренг-тепе[114]). Первоначально это предположение могло опираться лишь на очень незначительный материал из Джебельской пещеры и наших сборов с тепе в районе Парау, материал, убедительное толкование которого было крайне затруднено именно в силу этой незначительности. Сейчас А. Ф. Ганялиным опубликованы находки из аула Дайна, расположенного у верховий Сумбара[115]). Возможно, находки принадлежат потревоженному погребению. Два крупных сосуда очень близко повторяют формы керамики Шах-тепе II, но отличаются от них светлокоричневым цветом черепка снаружи, в то время как керамика Шах-тепе II серая или серо-черная. Трудно пока судить, является ли это особенностью локальных и хронологических отличий или связано с неполноценным обжигом сосудов,

найденных в Дайна. Зато нижняя часть темносерого сосуда с тремя парными вертикальными налепами по характеру штрихового лощения несомненно восходит к кругу керамики астрабадского бронзового века. С другой стороны прием орнаментации сероглиняных сосудов спаренными налепами отмечался нами выше для керамики архаического Дахистана. Нам кажется, что находки в ауле Дайна дают первый материал для изучения культуры бронзового века Юго-Западной Туркмении, генетически предшествовавшей культуре архаического Дахистана. Бронзовый тесло-топорик из Дайна придналежит к числу форм, широко распространенных на древнем Востоке II—IiI тысячелетий от Рас-Шамры до Хараппы и едва ли может служить основанием для уточненной датировки находок из Дайна, хотя синхронность их Шах-тепе II совершенно очевидна.

Возможно, что на Мисрианской равнине существовали небольшие поселения этого времени, остатки которых были перекрыты мощными слоями культуры архаического Дахистана. Эти поселения могли использовать силевые воды.

Однако, протягивая вполне ощутимые линии связи между культурой архаического Дахистана и культурой Шах-тепе — Тюренг-тепе, мы не можем наметить здесь непрерывной линии развития. Где-то в середине II тысячелетия существует разрыв, занимающий не менее нескольких столетий. За это время культура архаического Дахистана приобрела свои специфические черты и прежде всего такую характерную форму, как чаша на трех ножках, с выведением которой из района Малой Азии мы никак не можем согласиться. Что произошло за этот период, какими событиями и процессами ознаменовался он, чем вызвана гибель Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе-Гисара, резкое сокращение обжитой площади на Намазга-депе — остается ясным. А между тем освещение этого периода представило бы значительный интерес в связи с вопросом об этнической принадлежности носителей культуры архаического Дахистана.

Найденный на Изат-кули долихоцефальный череп европеоидного типа[116]) принадлежит к антропологическому пласту, имеющему значительную древность в Туркмении и Хорасане[117]). Это обстоятельство также, как и единичность находки, позволяет ее рассматривать лишь как вклад в материал по палеоантропологии Туркменистана, материал, который по мере своего накопления, несомненно, явится важным источником при изучении вопросов этногенеза. Пока приходится обращаться лишь к историко-лингвистическим данным, свидетельствующим о появлении во II тысячелетии до н. э. на древнем Востоке индоиранских племен. К XV в. до н. э. относятся упоминания среди миттанийских божеств богов с несомненно индо-иранскими именами (Индра, Варуна, Митра). В Сирии в числе мелких правителей появляются лица с индо-иранскими личными именами. Вероятно миттанийские племена в какой-то своей части вступили в контакт с индоиранцами или может быть даже включили в свой состав определенный индо-иранский этнический элемент[118]).

Почти в это же время на другом конце древне-восточной ойкумены, в Индии, появляются индоязычные племена, называемые в древних памятниках индийской литературы «ариями». К XIV в. до н. э. восходит датировка Ригведы и в последнее время английские археологи все более склонны связывать гибель цивилизации Хараппы-Мохенджодаро с завоевательным движением этих племен[119]), что начинает находить и хроноло-

гические подтверждения[120]), хотя и не может еще считаться окончательно доказанным.

Первые несомненные свидетельства существования иранских племен на территории иранского плато, собственно в его западной части, относятся уже к середине IX в. до н. э., когда в анналах Салманасара III упоминаются мидийцы и в исторических источниках появляются иранские собственные имена. После этого времени начинается история мидийского, а затем и персидского государств, намечающаяся то по краткким, то по более обстоятельным свидетельствам письменных источников. Можно предполагать, что и мидяне и персы появились в районах, занимаемых ими к середине I тысячелетия до н. э., не в IX в., а значительно раньше. Тем более это должно относиться к Хорасану и Средней Азии, где широкую картину расселения ираноязычных племен и народностей рисует такой памятник, как Авеста. Вероятно, Средняя Азия и Хорасан не остались в стороне и от событий, связанных с продвижением индоязычных племен в район Пенджаба. Все это приводит к выводу, что во всяком случае во II тысячелетии до н. э. на территории Средней Азии были распространены ираноязычные племена[121]).

Весьма знаменательно, на наш взгляд, следующее обстоятельство: культура архаического Дахистана, с одной стороны, простирается почти до Тегерана, с другой — резко отличается от синхронных культур Ахала и Атека. Здесь перед нами становление самостоятельных культурно-исторических провинций, в которых нетрудно угадать Парфию и Гирканию середины I тысячелетия до н. э. Вспомним, что и в средние века район Дахистана причислялся то к Хорасану, то к Мазандерану. Вопрос о народах Средней Азии и Хорасана в древнее время слабо разработан. Имеющиеся археологические данные позволяют говорить, что культурная обособленность областей, составивших впоследствии Парфию и Гирканию, намечается со второй половины II тысячелетия до н. э., а может быть и несколько раньше.

Имеющийся материал позволяет, как кажется, рассматривать культуру архаического Дахистана, как принадлежащую ираноязычным племенам, входящим в круг становящейся общности, которую представляется возможным именовать древнегирканской. В ходе последующих сложных этногенетических процессов, характеризовавшихся, применяя выражение Л. В. Ошанина, тюркизацией по языку и монголизацией по типу, древние носители культуры архаического Дахистана приняли участие в становлении туркменской народности.

Если верны предлагаемые датировки, культуры архаического Дахистана подходят вплотную к периоду, с которого начинается сейчас письменная история Средней Азии. С середины первого тысячелетия до н. э. среднеазиатские области упоминаются в официальных документах ахеменидской Персии и в сочинениях греческих писателей. Однако это, именно, не более как отдельные упоминания или смутные отзвуки каких-то событий иногда подернутых дымкой героических легенд.

Едва ли какую-либо историческую ценность имеют упоминания о гирканцах и об их подчинении Ассирии в дидактическом романе Ксенофонта (ΚΥΡΟΥΠΑΙΔΕΙΑ 1,V.2; особенно IV.II.1 и далее)[122]). Возможно, что Гиркания находилась в сфере влияния мидийской державы[123]). Интерес-

ное сообщение сохранилось у Ктесия. Согласно этому автору, при мидийском правителе Астибарне[124]) парфяне отпали от мидян и передали свою страну и город (τὴν τε χώραν καὶ τὴν πόλιν) во власть сакам, после чего последовала сакомидийская война (Diod. Sicul. II. XXXIV). Трудно судить в какой мере это сообщение является отзвуком каких-либо реальных политических событий на северо-востоке мидийской державы. Интересно в данном случае применение к владениям парфян термина πόλις имевшего, как известно, широкое значение и могущего обозначать и город-государство. Не является ли это намеком на развитие парфянской государственности в VII в. до н. э., намеком, случайно дошедшим через многочисленные сокращения, искажения и передачи через третьи руки? Разумеется само по себе сообщение Ктесия в данном случае является не вполне надежным источником. Однако данные археологического изучения Туркменистана делают такое предположение весьма вероятным.

События, связанные с ахеменидским завоеванием территории Туркмении и особенно народное движение в Маргиане, были предметом специального исследования В. В. Струве[125]). При описании событий конца VI в. до н. э. в Парфии в Бехистунской надписи упоминаются парфянские селения (др.—перс. vardana) Вишпаузатиш и Патиграбана, где соответственно 8 марта и 12 июня 521 г. до н. э. произошли сражения персов с восставшими парфянами (Bh. II § 35 и 36). Херцфельд предполагал, что Вишпаузатишу соответствует Гекатомпил античных авторов, а Патиграбану он искал в районе позднейшей Нисы[126]). Оба сопоставления (особенно второе) несомненно требуют дальнейшего исследования. Древне-персидский термин vardana (так же как и соответствующий ему в параллельном тексте ассирийский a:lu) имеет широкое значение и может одинаково обозначать и город и просто поселение. Вместе с тем изучение таких памятников как Изат-кули, Мадау-депе и особенно Елькен-депе (по всем данным существовавшее во время описываемых в Бехистунской надписи событий) позволяет предполагать, что поселения, у которых произошли столкновения парфян с персами и которые, вероятно, являлись важными центрами страны, были поселениями, близкими к городскому типу.

Отдельные общины культуры архаического Дахистана занимают оазисы в северо-западной части Копет-Дага. Трудно судить о политических связях этих общин с населением Мисрианской равнины. Как рассматривалось выше, последнее в это время, вероятно, было объединено в союз общин, возглавляемый какими-то общими органами, на которых в первую очередь лежало управление ирригационной системой. Возможно, политическое влияние союза распространялось и на его соплеменников, поселившихся к северу от Копет-Дага. Не исключено, что в VIII—VII вв. до н. э. на этот союз распространялось влияние Мидии. Однако до обнаружения соответствующих письменных документов все это остается в области предположений большей или меньшей степени вероятности.

Как показало изучение материала верхнего слоя Мадау-депе, на последних этапах развития культуры архаического Дахистана в ней стали появляться элементы, характерные для культуры Южного Туркменистана середины I тысячелетия до н. э. Однако этот слой распространен

лишь на центральном массиве поселения Мадау-депе. Большая часть Мадау-депе к тому времени уже пришла в запустение. Трудно пока судить, с чем связано это запустение так же как и окончательная гибель поселений культуры архаического Дахистана на Мисрианской равнине. Возможно, что здесь, как и впоследствии в истории ирригации Дахистана, сыграли решающую роль политические катастрофы, в данном случае ахеменидское завоевание и связанные с ним события. В известной антидэвовской надписи Ксеркса, датируемой около 486—480 гг. до н. э., среди народов и стран, подчинявшихся ахеменидской Персии приведено название daha, сопоставлявшееся большинством исследователей с даями Страбона[128]); толкование этого места затруднительно в связи с неясностью вопроса о расселении дахских племен в середине первого тысячелетия до н. э., вопроса уводящего нас за хронологические пределы рассматриваемого материала. Олмстед считает, что упоминание дахов в надписи Ксеркса свидетельствует о расширении владений ахеменидов и образовании новой дахской сатрапии[129]). Можно поставить вопрос—не связано ли это упоминание с походом персов в район Юго-Западной Туркмении, явившийся позднее одним из центров дахской конфедерации?

Изучение памятников культуры архаического Дахистана еще только началось и поэтому многие вопросы могут быть только поставлены, но не решены. К числу их принадлежит, в частности, вопрос о последующей судьбе населения, оставившего на Мисрианской равнине памятники вроде Изат-кули или Мадау-депе. Стратиграфические колонки различных памятников Мисрианской равнины не дают единой линии развития. В 1953 г. в нижних слоях городища Ортадепеслик на Мисрианской равнине был найден комплекс керамики в основном лепленой от руки, связываемый нами с полуоседлыми дахскими племенами парфянского времени. Какое-либо продолжение традиций культуры архаического Дахистана здесь отсутствует. Скорее всего культура нижних слоев Ортадепеслик это культура осевших кочевников, испытавших влияние городского ремесла. В этой связи представляется вероятным предположение о переходе части населения архаического Дахистана на новый способ хозяйства. Именно кочевые дахские племена называют в этом районе античные источники второй половины I тыс. до н. э. Это предположение было выдвинуто еще на самых первых этапах изучения культуры архаического Дахистана[130]), но пока оно все еще остается лишь гипотезой, не могущей быть иллюстрированной конкретными археологическими фактами.

Следует надеяться, что дальнейшие археологические работы помогут более полно осветить историю Юго-Западной Туркмении в период поздней бронзы и раннего железа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С. А. Ершов. Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55.
2. А. А. Марущенко. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия ТГНИИ, 1935, № 1.
3. А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В. кн. Архитектурные памятники Туркмении. М. — Ашхабад, 1939, стр. 101.
4. В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Изв. АН СССР, СИФ, т. VII, № 2 ,1960, стр. 188—189. М. Е. Массон. Южно-Турк-

менистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953 (1951), стр. 20—22.

5. См. М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 198.

6. Там же, стр. 210.

7. В работах X отряда в 1951—1953 гг. принимали участие начальник отряда археолог В. М. Массон, археолог В. И. Сарианиди, аспирант К. Адыков, шоферы О. Мухаммедов, К. Аскеров, В. Гриднев и рабочие из числа жителей аула Багир

8. О работах X отряда ЮТАКЭ в 1951—1953 гг. см. статьи в «Изв. АН Туркм ССР»: «Изучение древней культуры Дахистана в 1951 г.» (1953, № 1); «Мисрианская равнина в период поздней бронзы и раннего железа» (1954, № 2), заметки в «Туркменской искре» за 1952 г. от 13/VII и 22/VIII, а также в хронике работ ЮТАКЭ (Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 224, 236—237).

9. По объяснению пастухов-номудов «Тангеи» означает черепок и, следовательно, все поселение было метко названо: «Место, усеянное черепками».

10. Как и при всех других раскопочных работах на Мисрианской равнине, здесь был принят ярус, равный 50 см.

11. З. П. Майсурадзе. Технология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений в Самтавро. Сообщения АН Груз. ССР, т. XIII. № 4, 1952.

12. См. статьи Б. А. Куфтина и В. М. Массона в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ».

13. См. сравнительную таблицу керамики, энеолита, бронзы и раннего железа в настоящем томе.

14. H. Schmidt. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, vol. I; Washington, 1908, Pl. II, fig. I; p. 138, Тип E.

15. H. Schmidt. Цит. соч., Pl. 12, fig. I, p. 139, Тип H, fig. 176 на стр. 140.

16. Б. А. Литвинский. Намазга-тепе. Советская этнография, 1952, № 4, стр. 40.

17. H. Schmidt. Цит. соч. fig. 277 на стр. 147, Тип F. См. также, видимо, синхронную керамику с Елькен-депе. Труды ЮТАКЭ, т. II, рис. 22, на стр. 27.

18. В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. «Изв. АН Туркм. ССР», 1953, № 1, стр. 56.

19. F. R. Wulsin. Excavation at Turang Tepe. Suppl. to Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology, v. 2. March, 1932. Почти никаких добавлений. F. R. Wulsin. The Early Cultures of Astrabad. SPA, vol. I, 1938, pp. 163—167.

20. J. Arne. The Swedish Archaeological Expedition to Iran. Acta Archaeologica, v. VI, 1935. J. Arne. La steppe turkomane et ses antiquités. Geografiska Annaler, 1935. J. Arne. Excavations at Shah-Tepe. The Sino-Swedish Expedition. 27.VII. Archaeology, V. Stockholm, 1945.

21. J. Arne. Excavations... op. cit., p. 324.

22. Arne. Цит. соч. pp. 186—187.

23. Arne. Цит. соч., p. 196, fig. 386.

24. Wulsin. Excavation... op. cit., Pl. XI, fig. 1, 2; Pl. X, 1—3.

25. Arne. Цит. соч., p. 203, fig. 406.

26. Arne. Цит. соч., Pl. LV, fig. 131.

27. Arne. Цит. соч., Pl. XXX, fig. 213.

28. Довольно редкие в более нижних слоях кувшины с ручками имели биконическую форму и ручка у них начиналась от края венчика.

29. Arne. Цит. соч., Pl. LIV, fig. 426.

30. Arne. Цит. соч., Pl. LVII, fig. 454.

31. Arne. Цит. соч., p. 218—219, fig. 465 и 466 б.

32. См. жаровню на ножке у Wulsin'a, цит. соч., Pl. XIII, fig. 5. Сравни фрагменты у Арне, Pl. LV, fig. 435—437.

33. Arne. Цит. соч., Pl. LIX, fig. 473.

34. Arne. Цит. соч., Pl. LIX, fig. 474 б, 475 и особенно 474 а.

35. E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelfia, 1937, pp. 307—308.

36. Schmidt. Цит. соч. В глине Pl. XXXVII, H 3956, в серебре Pl. XLII—H 3270, в бронзе LVII—H H 4883, алебастровые Pl. LIX—H 4187. Аналогичная форма в Гисаре III С отличается от керамики Гисара III В некоторой проработкой венчика Pl. XLI, H 3315.

37. Schmidt. Цит. соч., например. Pl. XLI. H 3511—Гисар III С.

38. Schmidt. Цит. соч., Pl. XXXVIII, H. 4032.

39. Schmidt. Цит. соч., Pl. XXXVI, H 5215.
40. Schmidt. Цит. соч., p. 184.
41. Schmidt. Цит. соч., Pl. XIL I, H 2871. См. также стр. 182.
42. Arne. Excavations... p. 323.
43. См. рецензию Чайльда на полный отчет о раскопках на Шах-тепе. Antiquaries, Journal, v. XXVI, 1946, № 3—4, pp. 195—197.
44. Mc. Cown. Comparative Stratigraphie of Early Iran. Chicago, 1942, стр. 54—55.
45. Mc. Cown. Цит. соч., стр. 56—57.
46. См. например, M. R. Warren. The Early Cultures of Damghan (Tepe Hisar). SPA, v. I.
47. C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. L., 1948, p. 451.
48. V. G. Childe. Ceramic Art in Early Iran. Antiquity, Dec. 1942 (рецензия на работу Мак-Кауна); G. M. Hanfman. The Bronze Age in the Near East. II. AJA, 1952, vol. 56, № 1—2, p. 31, Piggott (Prehistoric India, 1952, p. 63, note) выразил сомнение в дате Гисара III у Шефера, хотя в своей таблице почти не отошел от нее.
49. См. например, таблицу у Чайльда. New Light on the Most Ancient East. L., 1952, pp. 232—233.
50. G. Contenau et R. Ghirshman. Fouilles du Tepe-Ghyan. 1935. Pl. 25, могила 83; pl. 27, могила 92.
51. Цит. соч. pl. 69.
52. Цит. соч., p. 80. Schaefer. Цит. соч., p. 460.
53. R. Ghirchman. Fouilles de Sialk, v. II. Musée du Louvre. Serie archéologique, t. V. Paris, 1939, p. 13. Контено справедливо пишет, что эта интересная гипотеза еще требует своего обоснования (Manuel d'archéologie orientale. IV. Paris, 1947, p. 1731).
54. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New-York, 1941, p. 110.
55. Пиготт (цит. соч. p. 240) называет поздние культуры Гияна и Сиалка «полуварварскими».
56. Ghirshman. Цит. соч. Pl. LXVII, s. 704.
57. Chirshman. Pl. LX. s. 65; см. также p. 235.
58. Chirshman. Op cit., Pl. LX. Здесь соединительный мостик имеет выступы, как и в архаическом Дахистане.
59. H. Frankfort. Archaeology and the Sumerian Problem. Chicago, 1932, p. 31—38.
60. E. Herzfeld. Iran... p. 103, с. Сравни M. Wolker. Painted Pottery of Near East in the Second Millenium B. C. Transaction of the American Philosophical Society. New series, v. 32, p. 2. Philadelphia, 1948.
61. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети 1. Тбилиси. 1941, стр. 78 Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 49.
62. Например, Чайльд (Antiquity, 1942, p. 356) отмечал, что аналогии отдельно взятым типам ранней расписной керамики можно найти у африканских племен и американских майя.
63. Ghirshman. Цит. соч., LII.
64. Ghirshman. Цит. соч., p. 13.
65. Форма чаш на трех ножках эпизодично появляется в позднем материале Средней Азии (Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 8 и рис. 39; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 342, рис. 11, 2; стр. 350) и Северного Кавказа (Н. В. Анфимов. Место — сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА СССР, № 23. М.—Л., 1951, стр. 194—197, рис. 17, №№ 5—6), где опять-таки отлична от нашей керамики. Очень интересными поздними реминисценциями ранних форм является керамика культуры Ялойлу-тапа (IV—I вв. до н. э. по А. А. Иессену, а в свете новых данных и более позднего времени). Здесь чаши на трех ножках имеют одну вертикальную ручку и усложненную профилировку тулова. Кувшинчики со сливом имеют боковую ручку. Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-тапа. Материалы Азгосмузея, в. I, Баку, 1927; Т. Пассек и Б. Латынин. К вопросу о керамике из Ялойлу-тапа. Изв. Об-ва обслед. изуч. Азербайджана. 1927, № 4; А. А. Иессен. Культура Ялойлу-тапа в Закавказье. Сборник аспирантов ГАИМК. Л., 1929.
66. Шефер (цит. соч., стр. 477) датирует некрополь А 1400—1200 гг. до н. э.; некрополь В 1250—1100 гг. до н. э.

67. М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА XIX М.—Л., 1954 г.

68. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении Кафирнигана (Кабадиан). МИА. СССР № 37. М—Л., 1953.

69. Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949, стр. 40.

70. М. Е. Массон. ЮТАКЭ 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 26.

71. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК XXXIII, М.—Л., 1950.

72. О. А. Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, в XVII, М., 1948, стр. 108, рис. 33. Последние раскопки в восточном Казахстане С. С. Черникова.

73. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941. стр. 43.

74. Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК. XXXII, 1950, стр. 132, рис. 42. С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, сер. ист. и филл., т. IV, № 4, 1947, стр. 364, рис. 3.

75. М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в центральном Казахстане. СА, XVI, 1952.

76. E. F. Schmidt *Anatolia throughout the Ages, p. 118.* E. F. Shmidt. The Alishar Hüyük. Season of 1928 and 1929, p. 270, fig. 359.

77. E. Schmidt. Anatolia... p. 138—139. Ср. Б. А. Куфтин, Цит. соч, стр. 43.

78. J. de Morgan. Recherches au Talyche Persan en 1901. Délégation en Perse. Mémoires, t. VIII, Paris. 1905, p. 318.

79. Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I, Ереван, 1950, стр. 40, рис. 42. Здесь найдены также характерные для Закавказья бронзовые наконечники стрел с опущенными вниз выступами. Эта форма появляется еще в раннехеттском (по Остену) слое Алишара. Она довольно редка в дольменах Талыша, раскопанных Ж. де Морганом. В некрополе А Сиалка также имеется один такой наконечник, но он теряется среди других форм, вероятно, рисующих местные типы наконечников стрел.

80. R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, t. XIII, № I. Paris, 1939, Pl. V, 44, 52, 72, 78.

81. Сырцовый кирпич этого второго периода того же формата, что и сырцовый кирпич построек в Кафирнигане, где, как показали работы М. М. Дьяконова, квадратный формат ок. 34×34×9 см³ существовал, начиная с древнебактрийского периода (VI—IV вв. до н. э.). Никакой материал из Нади-Али совершенно невозможно отнести к середине II тыс. до н. э. (S. Piggott. A New Prehistoric Ceramic from Beluchistan. Ancient India, № 3, Jan. 1947, p. 133). Тип хума Анау III, на который указывает Пиготт как на аналогию, существовал и в Анау IV. Кроме того, если правилен масштаб, приведенный у Гиршмана, то та форма из Нади-Али, которую имеет в виду Пиготт, является не хумом, а довольно небольшим сосудом высотой в 20—25 см. Едва ли даже первый слой Нади-Али (кстати очень слабо представленный), где также найдены трехперые втульчатые наконечники стрел, можно относить ко времени более раннему, чем вторая четверть I тыс. до н. э.

82. J. de Morgan. Missibn scientifique en Perse, т. IV, ч. I, Paris, 1896, стр. 63, рис. 56; Schaffer. Цит. соч. Pl. IX; fig. 222.

83. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, в. 120, стр. 150.

84. М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, Птг. 1918, стр. 68—69.

85. А. Н. Бернштам. Опыт классификации археологических находок. МИА СССР, М.—Л., 1950, № 14. стр, 107, табл. X, рис. 6.

86. Например, наши вкладыши очень близки трипольским: Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда поселения у с. Владимировка. КСИИМК, X. М. 1951.

87. H. Schmidt. The Archaeological Excavations... Pl. 44, fig. 12.

88. Б. А .Куфтин. Цит. соч., стр. 72, рис. 77.

89. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 71.

90. А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. «Изв. АН Туркм. ССР», 1953, № 5.

91. См. описание материала из раскопок Ак-тепе, производившихся в 1930—31 гг., у Б. Б. Пиотровского в Истории СССР. Макет, ч. 1—11, М.—Л., 1939, стр. 156

92. Керамика культуры архаического Дахистана была найдена в ауле Дешт А. Ф. Ганялиным. Возможно, что памятники этой культуры будут найдены и несколько восточнее указываемой границы.

93. В. Громова. К вопросу о первом появлении домашнего осла в Средней Азии. ДАН СССР. 1947, т. VI, № 2.

94. И. М. Дьяконов отмечает, что поселения древнего Шумера нельзя еще называть городами. Население в них было преимущественно земледельческое (Государственный строй древнейшего Шумера. ВДИ, 1952, № 2, стр. 151).

95. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М. 1948, стр. 102.

96. Наша первоначальная формулировка о сложении в этот период на Мисрианской равнине раннеклассового общества (ИАН Туркм. ССР, 1954, № 2) излишне категорична.

97. А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 69.

98. А. В. Арциховский. Рец. на Древний Хорезм С. П. Толстова. Советская книга, 1949, № 3, стр. 75—76. А. В. Арциховский пишет: «Были ли тогда в Хорасане города, мы пока не знаем. В Анау раскопано только маленькое селение, но с явными признаками классового общества и цивилизации, возникшей там повидимому лет на тысячу раньше, чем в Хорезме».

99. М. И. Ростовцев, исследуя астрабадский клад, отмечал, что он рисует новый мир. «Предметы из Астрабада, — писал М. И. Ростовцев, — открывают нам развитие культуры Туркестана в новом аспекте по сравнению с Анау. Мы имеем здесь не маленькое поселение, как в Анау, где сохранились лишь черепки и немногие металлические поделки, а культуру и общественную организацию очевидно также высоко развитую как в Телло, Сузах и протодинастическом Египте; мы, правда, не имеем письменных текстов, но я нисколько не сомневаюсь, что систематическое изучение погибших поселений Туркестана даст нам богатые коллекции письменных документов, возможно, клинописного характера». M. Rostovtzeff. The Sumerian Treasure of Astrabad. Journal of Egyptian Archaeology, 1919, p. 26.

100. Однако на Намазга-депе отсутствует центральное укрепление. Как показали раскопки Б. А. Куфтина, наиболее высокий бугор в северной части поселения содержит поздние слои, отсутствующие на остальной территории Намазга-депе. Вопрос о наличии здесь в более раннее время цитадели весьма проблематичен.

101. Видимо, верхний слой Намазга-депе, имеющийся на всей площади поселения, синхронен Гисару III или несколько позднее его. С этого времени жизнь на Намазга-депе продолжалась лишь на бугре в северной части поселения.

102. Исходя из этого С. В. Киселев выделил на карте между Ашхабадом и Кизыл-Арватом район «стоянок с керамикой андроновского типа» (Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 69).

103. М. А. Итина. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии, М. 1951, стр. 10.

104. Ср. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 80.

105. Нам кажется, что именно в свете таких сопоставлений следует рассматривать расписную керамику эпизодически встречающуюся в Нади-Али. Роспись красная или черная (sic!) на желтом, розовом или светлом фоне.

106. М. Е. Массон. ЮТАКЭ, 1947 г., стр. 25—26.

107. С. П. Толстов. По следам... стр. 78. Опубликованный материал еще очень незначителен. Не вполне ясно действительно ли мы имеем здесь дело с проникновением с юга новых этнических групп или перед нами просто культурно-техническое влияние соседних культур.

108. С. П. Толстов. По следам.... стр. 90.

109. C. S. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951.

110. R. Ghirchman. Fouilles... p. 106 cл. R. Ghirchman, L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, pp. 62—63.

111. Например, E. Herzfeld. Iran... op. cit., Pl. XXIII.

112. E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar...p. 308. Также p. 319, п. 2 Материал Муртеза-керт остался неопубликованным.

113. Арне даже предполагал, что в долине Гюргена перерыв продолжался чуть ли не до IX в. н. э. Несомненно, что памятники, заполняющие этот пробел, находятся в числе нанесенных на карту шведской экспедиции, но не опознанных, видимо, в связи с плохим изучением подъемного материала.

114. В. М. Массон. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. «Изв. АН Туркм. ССР», 1954, № 2.

115. А. Ф. Ганялия. Цит. соч., стр. 15—17.

116. Описание его см. Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. «Изв. АН ТССР», 1952, № 4, стр. 52.

117. W. M. Krogman. The Peoples of Early Iran and their Ethnic Affiliations Am. Journ. Phis. Antr., 1940, v. XXVI. G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, IV, p. 1765. В. Я. Зезенкова. Л. В. Ошанин. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

118. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 138 sqq. V. G. Childe. The Aryans. A. Study of Indo-European Origins. L., 1926, p. 16. E. Herzfeld. Iran... op cit., p. 190 sqq. R. Ghirshman. L'Iran des origines... p. 54 sqq.

119. R. E. M. Wheeler. Harappa 1946. The Defences and Cemetry R. 37. Ancient India, 1947, № 3, p. 82. R. E. Wheeler. Iran and India in Pre-Islamic Times Ancient India, 1947—1948, № 4, p. 92 sqq. и уже цитировавшаяся книга Пиготта о древней Индии. Широкие и часто очень соблазнительные картины, рисуемые Пиготтом, однако, возвращают к мысли о том, насколько еще недостаточны и соответствующий археологический материал и его систематизация как в Иране и Туркменистане, так и в самой Индии. Ср. так же критические замечания Мак Кауна в его рецензии на книгу Пиготта; JNES, 1953, № 1.

120. Например, J. F. Stone. A Second Fixed Point in the Chronology of Harappa Culture. Antiquity, 1949, Dec., t. XXIII, № 92.

121. См. осторожное заключение А. А. Фреймана: «Совокупность этих данных позволяет сказать, что мы ничего не знаем о языке населения, создавшего культуру Анау (I—III—В. М.). Около начала II тысячелетия до нашей эры в Средней Азии начинают говорить на древнеиранских мало отличавшихся друг от друга говорах» (Хорезмийский язык. I. М.—Л., 1951, стр. 7).

122. Ср. также R. C. Thompson. The New Babylonian Empire. CAH, v. III. Cambridge, 1925.

123. G. Cameron. Цит. соч., p. 217—218.

124. По Камерону (цит. соч., p. 218) Астибари соответствует Киаксару (685—625 гг. до н. э.).

125. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, в. 1. Ашхабад, 1949.

126. См. текст F. H. Weissbach, W. Bang. Die altpersischen Keilinschriften. Leipzig, 1908.

127. E. Herzfeld. Medisch und Parthisch. Archaeological Mitteilungen aus Iran. III, 1934.

128. R. G. Kent. The Daiva—Inscription of Xerxes. Language. v. XIII, № 4, 1937, p. 298. Л. Ельницкий. Новая надпись Ксеркса, ВДИ, 1940. № 2 В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Иранские языки. I. М.—Л., 1945, стр. 135. Ср. С. П. Толстов. Огузы, печенеги и море Даукара. СЭ. 1950, № 4, стр. 52.

129. A. T. Olmstead. History of Persian Empire, Chicago, 1948, p. 234.

130. М. Е. Массон. ЮТАКЭ 1947, цит. соч., стр. 22.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предварительные результаты
определения костей из раскопок Мадау-депе, произведенных в 1954 г.
Исследовано 446 костей. Из них определены 252 кости.

Шурф 3

Ярус 1—2

Мелкий рог. скот	— 5	костей	от 2	особей
Свинья?	— 1	„		
Птица	— 1	„		

Ярус 3

Лошадь, кулан?	— 1	„		
Свинья	— 3	кости	от 1	особи
Мелкий рог. скот	— 2	„	1	„

Ярус 4

Мелкий рог. скот	— 57	„	10	„
Свинья	— 10	„	2	„
Крупный рог. скот	— 5	„	1	„
Джейран	— 2	„	1	„

Ярус 5

Мелкий рог. скот	— 19	„	3	„
Свинья	— 10	„	3	„
Крупный рог. скот	— 4	„	1	„

Ярус 6

Крупный рог. скот	— 2	„	1	„
Свинья, кабан?	— 2	„	1	„

Ярус 7

Мелкий рог. скот	— 11	„	2	„
Крупный рог. скот	— 7	„	1	„
Свинья	— 5	„	1	„
Кабан	— 1	„	1	„

Ярус 8

Мелкий рог. скот	— 4	кости	от 1	особи
Крупный рог. скот	— 2	„	1	„
Свинья	— 3	„	1	„

Ярус 9

Мелкий рог. скот	—10	„	2	„
Крупный рог. скот	— 2	„	1	„

Ярус 10

Мелкий рог. скот	— 1	„	1	„
Крупный рог. скот	— 7	„	1	„
Свинья	— 2	„	1	„

Ярус 11

Верблюд	— 1	„
Крупный рог. скот	— 1	„

Ярус 14

Мелкий рог. скот	—10	„	3	„
Крупный рог. скот	— 1	„		
Свинья, кабан?	— 2	„	2	„

Раскоп 1

	Комната 4	Комната 1.
Верблюд	4/1	—
Крупный рог. скот	1/1	10/1
Мелкий рог. скот	9/2	13/3
Свинья	7/1	1/1
Кабан	1/1	—
Лисица? Корсак?	—	4/1

Камеральная лаборатория ИИМК АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

А. П. Окладников — Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении 11

В. И. Цалкин — Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым . . 220

А. Н. Августиник, В. И. Баранова—Технологическая характеристика черепков Джебела 222

В. Г. Иванова, А. З. Григорьева — Описание следов сработанности, обнаруженных под микроскопом на кремневых орудиях из пещеры Джебел . 228

В. М. Массон — Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) 233

Б. А. Куфтин — Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. 260

В. М. Массон — Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина 291

А. Ф. Ганялин — Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала . . 374

В. М. Массон — Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении 385

В. И. Цалкин — Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадау-депе, произведенных в 1953 г. 458

ТРУДЫ
Южно-Туркменистанской археологической
комплексной экспедиции
под редакцией начальника ЮТАКЭ
профессора М. Е. МАССОНА

Том VII

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Туркменской ССР

Редактор Издательства *О. А. Абдулова*
Тех. редактор *Л. Т. Каспарьянц*

Сдано в набор 20/IV-1956 г. Подписано к печати 17/XI-56 г. Изд. № 11. физич. печ. л. 28,75. Усл. печ. лист. 47,15. Уч.-изд. лист. 36,63. Цена в пер. № 7 28 р. 60 к. Зак. 932. Тир. 1000. И—07587.

Ашхабад, ул. Энгельса, 90. Типография Академии наук ТССР.